

ЮЛИЯ
РИМОН

ПОСПЕШНАЯ

МОНОХРОМНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

В городе происходит уже второе убийство. Убийца имеет явную фанатичную склонность к двум цветам. Чёрному и белому. Именно в этих двух цветах он представляет кошмарные сцены убийства. Тем больше ужаса и отвращения вызывают его преступления, которым он придает художественный и уродливый философский смысл.

Понять извращенные пристрастия и причину ужасающих фантазий убийцы суждено следователю УГРО, подполковнику Станиславу Корнилову. И волей-неволей помогать ему всё так же придется юной, синеглазой Веронике Лазовской. Она с самого детства была наделена необъяснимой, пугающей способностью видеть и проживать воспоминания других людей. В тексте есть: триллер и мистика, сверхъестественное, маньяки и убийства.

Эпизод первый «4: черно-белая комната». Часть первая.
ДОМРАБОТНИЦА

Четверг, 6 августа.

Предрассветные сумерки медленно бледнели над городом.

Серовато-синие оттенки ночи слабели и словно неторопливо выцветали на предрассветном небосводе. Блекло-серый рассвет неспешно, грузно и вяло надвигался с востока, постепенно отбирая у темноты очертания домов, дворов и улиц. Утро пришло вместе с мелким, монотонным дождём. Его торопливые капли шуршали по листьям деревьев и цокали по асфальту. Капли воды усеивали окна тихих домов и ленивыми струйками сползали по стёклам.

Улицы ещё спали, и утренняя унылая хмарь с морозящим дождём как нельзя лучше способствовала этому.

Уличные дороги, тянувшиеся вдоль зелёных лужаек и заборов, оставались тихими и пустыми до тех пор, пока вдали не появился свет автомобильных фар. Машина с нарастающим шумом приближалась. С шумными всплесками она разбрызгивала мелкие лужи на асфальте. Жёлтый автомобиль с черными квадратиками и колпаком такси, остановился перед одним из домов.

Из автомобиля, раскрыв зонтик, вышла женщина в желтой рубашке, узких джинсах и в темных оксфордах.

— Я не знаю, как ты собираешься одновременно работать в двух кафе и ещё при этом успевать учиться, Клара, — раздраженно проговорила женщина, прижимая смартфон плечом к уху.

Она захлопнула дверцу такси и взяла телефон в руку.

— Что значит «может, ты мне скинешь немного»? — сердито спросила женщина, шагая по направлению к дому с темным, деревянным сайдингом. — Я тебе в прошлом месяцев пятнадцать тысяч положила на карту! Куда ты всё подевала?! А-а... А вот знаешь, что, милая моя, я тебе не банкомат на ножках! Привыкла она! Ничего себе! Там потратила на гулянки с подружками, тут она себе кофточку прикупила, а потом: «Роза, одолжи мне немного денег!»! Фигу тебе с маслом растительным и вчерашним майонезом! Всё, Клара! Хватит плакаться мне и капать на мозг, больше я тебе ни копейки на счёт не переведу!

Женщина, раздражаясь всё больше, открыла дверцу ограды и поднялась по узким ступенькам пологой цементной лесенки.

— Клара, если хочешь получать больше, подумай о другой работе! Почему я должна решать твои проблемы?! — женщина встала под козырёк входной двери и сложила зонтик. Она отряхнула его и вздохнула, слушая свою собеседницу в телефоне.

— И что, что тебе не хватает на телефон? Походи пока со старым... Ну не доставай при однокурсниках, если тебе стыдно! — женщина вынула позвякивающие ключи. — Всё, мне надо работать, в отличие от тебя, у меня нет старшей сестры, которую можно доить, как молочную корову, и радоваться жизни! Все, мне надо работать! Пока, Клара! — женщина убрала смартфон от лица, коснулась красной иконки с белой трубкой и спрятала телефон в сумку.

Она открыла дверь, тихо вошла в дом. Так же тихо разулась. Обвела взглядом просторную прихожую и гостиную.

Помещение дома утопало в расплывающемся полумраке. Через закрытые жалюзи окон слабо сочился тусклый свет пасмурного утра.

Женщина вдела ноги в домашние тапки, поставила влажный зонт в металлическую зонтицу и прошла внутрь. Она остановилась, посмотрела в обе стороны.

— Эй, Ларри! — негромко позвала она в полумрак гостиной. — Ты где там?

Обычно, когда она приходила, её встречал только один член семьи — белоснежный и дружелюбный самоед Ларри. Но сейчас пса нигде не было видно. Роза решила, что, наверное, он спит с Полиной, старшей дочерью её нанIMATEЛЕЙ. Ларри любил её больше всех и частенько спал в её постели.

Роза направилась на кухню. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ещё спящих хозяев, женщина вымыла руки, включила свет и приступила к готовке завтрака. На часах было почти пять утра.

Роза перемыла оставшуюся с вечера посуду. Вздохнула, взяв в руки глубокую тарелку, с размазанными по ней хлопьям.

— Игорь, — вздохнула она и устало улыбнулась.

Только маленький шестилетний сын её нанIMATEЛЕЙ оставлял после себя такую грязную посуду. Она взялась отмывать кофейник, когда услышала приглушенный собачий скулеж. Роза быстро выключила воду и тут же прислушалась. Снимая перчатки, она вышла из кухни.

Тишину в доме нарушал только непрерывный стук дождевых капель по окнам. Но вдруг опять жалобно и тихо заскулила собака. Она была где-то здесь в доме на первом этаже. Звук доносился со стороны ванной и туалета.

Роза осторожно прошла туда. Только сейчас, медленно, почти крадучись двигаясь на звук собачьего голоса, она почувствовала странную, нервную зябкость. Казалось, что откуда-то в дом проникает промозглый, влажный воздух и вскользь касается её кожи.

Роза почувствовала, как её захлёстывает необъяснимое волнение и тревога.

Сердцебиение участилось, мышцы живота налились тяжелым напряжением. Что-то было не так. Роза не знала, что именно, и подсознательно убеждала себя, что всё в порядке. Но как ни старалась, не могла избавиться от навязчивого чувства гнетущей тревожности.

— Ларри! — позвала она.

Тишина. Только дождь всё такими же монотонными перестуками капель осыпал окна дома.

Роза добралась до ванной. Ей потребовалось сделать над собой усилие, чтобы открыть дверь. Она сама не могла объяснить, что именно сейчас пугало её. Домработница взялась за ручку, потянула дверь на себя — из ванной повеяло теплой влагой и запахом мыла. Роза

дрожащей рукой включила свет. Собаки здесь не было.

— Ларри! — голос Розы дрогнул, она нервно сглотнула.

Женщина почувствовала, как страх влажным теплом облепил её лицо, пополз по телу, проник внутрь, завладел разумом и мыслями.

Пульс в крови стучал так, словно вены женщины были тугими струнами, и чья-то фантомная рука настойчиво и быстро «играла» на них, пощипывая невидимыми пальцами. Ритм и удары пульса становились жестче, тяжелее, точно в груди у Розы стучали копыта бегущих лошадей.

Самоеда не было и в туалете.

— Ларри! — Роза услышала неосознанную мольбу в своем голосе.

Робкое повизгивание донеслось из глубины дома.

Роза опрометью бросилась на звук. Домработница уже не заботилась о том, чтобы сохранять тишину. Звук голоса пса доносился из кладовой.

Роза успела удивиться: «Какого же лешего его могли там оставить?!» Кладовка в этом доме мрачная, неприятная и душная. Она завалена всяким хламом, вроде сломанных игрушек, инструментов, старых одеял, полотенец, запчастей от автомобиля и прочими подобными вещами.

Но хозяева Ларри обожают свою белоснежную прелесть. Это Роза знала наверняка. Они никогда так не обходились со своим питомцем. Услышав звук шагов Розы, пёс заскулил ещё громче.

Женщина поспешила открыть дверь, но ключ не желал поворачиваться в замке. Пёс выл и царапался внутри кладовой.

— Сейчас, сейчас, хороший мой. — Роза с беспокойством пыталась открыть дверной замок. Два быстрых поворота ключа — замок открыт. Она нажала ручку двери. Из кладовой на неё уставилась темнота.

Роза застыла на пороге, вглядываясь во мрак. Она просунула руку внутрь кладовой, чуть наклонилась и повела ладонью по внутренней стене в поисках выключателя.

Нечто вырвалось наружу из черноты кладовой, сбивая её с ног. Роза вскрикнула, отшатнулась и упала на бок, больно ударившись бедром, коленом и плечом. Пёс, стуча лапами по полу, промчался мимо. Роза, морщась от разливающейся в местах удара тупой боли, поднялась с пола. Держась рукой за стену, прихрамывая, женщина двинулась следом за убежавшим псом.

— Ларри! — снова осторожно позвала она.

Собаку она обнаружила в гостиной. К удивлению Розы, пёс забился под плетёное кресло и глядел оттуда вытаращенными, поблёскивающими глазами.

— Ларри, малыш, — женщина приблизилась к креслу. — Ты чего?.. Что с тобой такое?

Домработница опустила взгляд. Она увидела следы от лап пса на ковре. Они были темными, смазанными, влажными. Дыхание Розы сбилось, затрепетало. По телу женщины скатывающимися волнами прошла нервная дрожь. Она присела возле кресла. Осторожно наклонилась к псу.

— Ларри, — позвала она.

Пёс неуверенно зарычал. Роза на пару мгновений застыла.

— Ну, ты чего... хороший мой, что с тобой? — проворковала Роза.

Голос её подрагивал, руки тоже чуть дрожали.

— Иди ко мне, — прошептала она. — Давай же...

Пёс в ответ жалобно заскулил. Он всё-таки выполз на свет, когда она его позвала. Роза, стоя на коленях, в ужасе прижала руки ко рту.

Некогда снежной белый самоед был перемазан тёмной кровью и чем-то грязно-чёрным, напоминающим чернила или разведённую краску.

— Что с тобой произошло?

Ларри жался к её коленям, смотрел в глаза, жалобно скулил и пугливо прижимал уши. Роза достаточно давно работала в этом доме и знала повадки этого питомца. И сейчас белый, но выпачканный кровью и чернилами пёс был до безумия чем-то напуган. Чем-то, чего ему видеть раньше никогда не приходилось. Чем-то, что повергло его в ужас и заставило в испуге бежать и прятаться. Чем-то, что вынудило его спасти свою жизнь.

Взгляд Розы медленно поднялся к потолку. Со второго этажа не доносилось ни звука. И это после того шума, который сейчас устроила Роза. Оставив пса, домработница подошла к лестнице на второй этаж. Чуть наклонившись, женщина заглянула в притаившийся там густой сумрак. В коридоре второго этажа было только одно окно в торце, и то оно чаще всего было закрыто. Поэтому сейчас там было куда темнее, чем в любой другой части дома.

Роза уже хотела подняться по лестнице, когда странное, предостерегающее предчувствие вынудило её вернуться на кухню и взять столовый нож. Женщина не знала, что ждёт её там наверху. Но была уверена, что нож ей может пригодиться. Она поставила ногу на первую ступеньку. Затем шагнула дальше. Освещая себе путь фонариком телефона, Роза поднялась на второй этаж.

Полумрак и тишина властвовали здесь безраздельно.

Вокруг света от телефона клубились и ворочались бесформенные тени. Луч света выхватил из темноты семейные фотографии на стенах и несколько картин. Роза знала, что эти картины пишет Полина. Она была гордостью родителей и очень талантливой художницей.

Домработница двинулась дальше. Её шаги по мягкому ковру были почти не слышны, они почти не нарушали заполняющую сумрак тишину.

Роза заметила, что двери комнат детей приоткрыты. Она подошла к каждой из них, заглянула внутрь. Постели были пусты, одеяла откинuty. В комнате Полины был сдернут ковёр и на полу валялась подушка. Роза обвела взглядом комнату девушки. Она словно надеялась, что та прячется где-то в тени, и что все это, включая перепуганного пса внизу и противоестественную тишину, завладевшую этим домом, просто дурацкая шутка.

Роза направилась дальше. Шаги давались ей с трудом. По телу от плеч до колен разливалась тягостная слабость. Буйными толчками пульсировали вены на висках. Роза крепче сжала рукоять ножа и подошла к двери спальни хозяев дома. Тут она застыла в недоумении и растерянности.

Между косяками перед закрытой светлой дверью была натянута бумажная гирлянда из чёрно-белых человечков.

Розе показалось, что они едва-едва зашевелились при её приближении. Что это? Кто это сюда повесил? И почему... Почему от взгляда на этих бумажных черно-белых фигурок ей становится так жутко?!

Роза протянула руку и хотела постучать в комнату. Но едва она поднесла руку к двери, как тут же отдернула её, как будто обожглась.

Женщина откуда-то знала, что не нужно стучать. Не нужно нарушать тишину здесь. Совсем не стоит...

Она несколько раз судорожно вздохнула и положила руку на ручку двери. Женщина на мгновение зажмурила глаза, закусил губу и повернула блестящую бронзовую ручку. Дверь легко открылась. Роза сорвала с двери бумажную гирлянду и с неожиданным отвращением отбросила её в сторону. Она ещё раз вздохнула и вошла внутрь.

Здесь было ещё темнее, чем в коридоре. Очертания мебели, зеркал, шкафа, журнального столика, кресла и кровати с трудом угадывались в зыбкой темноте.

Почему здесь так темно? Ведь хоть какой-то свет должен пробиваться через окна? Роза ступила в комнату. И тут же сморщила нос. Комната была пропитана влажным, омерзительно-приторным и тошнотворным запахом. Розу тут же замутило, завтрак в животе всколыхнулся, подскочил. Домработница, морщась, направилась к окну.

Она обо что-то споткнулась, тихо чертыхнулась. Бросив взгляд на пол, Роза увидела, что пол светлый, почти белый. От стены до стены! Женщина хорошо знала этот дом и прекрасно помнила, как выглядит спальня хозяев. Пол здесь был раньше другим — деревянным и темно-коричневым! И куда подевался ковёр? Роза подошла к окнам, убрала жалюзи. Поток утреннего света ворвался в комнату. Стало немного светлее. Темнота уступила место сумеркам. Домработница с недоумением, скривившись, коснулась поверхности окна. Оно было щедро и густо замазано краской — густой, липкой, угольно-чёрной! Роза растерянно потёрла пальцами закрашенную поверхность окна. Под ладонью чувствовались засохшие комочки краски.

Женщина убрала руку, немного отступила назад. Растерянно моргая, она пару секунд в совершенном смятении созерцала зачернённое стекло окна. Затем огляделась. И тут же её тело охватил стылый, влажный холод. Накативший внезапный страх оплёл, опутал её тело, отнял способность двигаться и говорить.

На белом полу стояли черный столик, черное кресло, такой же угольно-чёрный гигантский шкаф и большое зеркало, также сплошь закрашенное чёрным. Следы краски черными, звездчатыми пятнами застыли на белом деревянном полу. Только кровать вместе с постельным бельём была такой же противоестественно белоснежной. Внезапно преобразившийся интерьер комнаты внушал необъяснимый ужас своей повсеместной навязчивой двухцветностью.

Что-то вкрадчиво скрипнуло над головой. Роза вздрогнула, слёзно всхлипнула. Она задрожала всем телом. Скрип повторился. Это был влажный, тягучий, закручивающийся звук. Роза несмело подняла взгляд. В следующий миг она резко подалась назад, упала на пол и неуклюже торопливо отползла к углу комнаты. Её лицо исказилось от открывшегося кошмарного зрелища. Крик страха рвался из груди, но Роза не могла издать ни звука. Накатывающий ужас душил её, беспощадно сжимал в своих объятиях, сдавливал грудь и горло.

Они были здесь. Все четверо. Их бледные, обнажённые серо-белые тела висели под потолком на растянутых белых тросах. Их чёрные волосы свисали вниз с опущенных голов.

Роза прижала дрожащие руки ко рту, оглядывая тела родителей и обоих детей. Тело матери, некогда светловолосой и голубоглазой Эдиты Вербиной, чуть покачивалось, и удерживающие бледное тело тросы слегка поскрипывали.

Роза замерла, глядя в лицо мёртвой женщины. Она рассмотрела её приоткрытый, словно от удивления, рот и заполненные чернотой глаза. Секунду Роза смотрела в застывший мрак в остекленевших глазах мёртвой женщины. И в следующий миг она дико, с силой, надрываясь заорала.

Её крик взорвался в комнате, вырвался на лестницу, слетел вниз в гостиную и ударился в закрытые окна. Домработница кричала так, что на её шее проступили тонкие вены, а лицо свело тугой судорогой.

Наконец сознание милосердно покинуло Розу, она закрыла глаза и упала без чувств, оставшись неподвижно лежать в неподвижно и нерушимо тихой чёрно-белой комнате.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, шестое августа.

Эта неделя выдалась трудной и изматывающей. Всё из-за того, что один из офицеров УГРО по глупости попался на взятке. А это повлекло за собой грандиозный скандал освещение в СМИ и многочисленные дотошные проверки со стороны соответствующих органов.

Тот же ГУСБ и, в частности близнецы Датские, смогли взять своеобразный реванш за то, что не удалось связать Стаса с пропажей чужого имущества и представить дело как хищение.

В тот раз вышло так, что виновником оказался печально известный серийный убийца.

Стасу тогда, конечно, все равно пришлось объяснять, почему это он не смог задержать преступника живым.

Но это была скорее формальность, и Корнилов отделался лишь устным порицанием.

Но начальнику особой опергруппы УГРО казалось, что за вот эти пять дней из него выпили добрую пару литров крови и вытянули все нервы, до которых смогли дотянуться. К концу дня в среду Стас чувствовал себя так, как будто он несколько раз подряд сдал экзамен на Краповый берет. Который, кстати, он в своё время во время службы по контракту позорно провалил, только в первый раз, конечно.

Словом, когда Корнилов в среду поздно вечером переступил порог дома, он возблагодарил Бога, что у него есть хотя бы одно место в этом суетливом мире, где он хотя бы отчасти может скрыться от мучительной рутины.

Но утро четверга началось для него совсем не так, как он рассчитывал. Едва только Стас встал, умылся и отправился делать себе кофе, на кухню к нему влетела взволнованная Алина.

— Сегодня четверг! Шестое! — с восторгом воскликнула она.

У неё горели глаза, от радостного предвкушения. Она вся была охвачена нетерпеливым порывом бурного, неудержимого счастья.

Стас застыл с чашкой в одной руке и шоколадным печеньем в другой.

На его лице выражалось настороженное недоумение.

— Сегодня Четверг! Четверг! Четверг! — Алинка прыгала возле него и хлопала ладони. — Ты помнишь, помнишь? Мы договаривались! Ты обещал! Обещал! Обещал!

Алинка была взбудоражена и преисполнена неподдельной восторженной эйфории. А для Стаса ещё оставалось загадкой, что послужило причиной такого невероятного подъёма настроения его дочери, и что он такое, собственно, обещал. Корнилов проглотил откушенный кусок печенья, запил его кофе и кивнул Алине.

— Оленёнок, ну раз обещал, значит... — он пожал плечами, подыскивая правильное слово наугад, — поедем.

— Да!!! — торжествующе вскричала дочка и вприпрыжку умчалась в свою комнату.

Стас услышал, как она крикнула в коридоре:

— Доброе утро, мамочка!

— Доброе, Алина. Ты постель заправила?

— Да! Да! Да!

— Хорошо, переодевайся, сейчас будем завтракать.

Рита вошла на кухню, на ходу завязывая волосы в хвост.

Она улыбнулась Стасу, подошла к нему, поцеловала и, отломив маленький кусочек от печенья в его руке, с улыбкой сунула себе в рот.

Стас снова отпил кофе. Рита включила плиту, поставила разогреваться еду.

— Сегодня четверг... — проговорил Стас.

— Да, — пропела Рита, переставляя кастрюли.

Она, с хитрой улыбкой, обернулась к Стасу.

— Что, Корнилов? Ты забыл?.. Да? Я ведь правильно поняла твоё выражение лица.

— Я? — Стас качнул головой и вскинул брови. — Что ты... Вовсе нет.

— Ага, — ухмыльнулась Рита. — То есть, ты помнишь, что неделю назад обещал Алине, что сегодня вы поедете за собакой?

Стас еле справился с приступом лёгкого шока.

— Да... хм... Раз обещал... Да, я помню.

— Ага, — хмыкнула Рита. — И кого именно ты обещал ей купить? — В каком смысле кого? — не понял Стас. — Собаку... А, ну либо парня, либо девчонку. Третьего-то не дано.

— Стас, не придуривайся, пожалуйста, — Рита чуть сузила глаза. — Я про породу. И ты прекрасно меня понял.

Да, Стас понял. Он просто тянул время, чтобы вспомнить.

— Я помню.

— И? — требовательно протянула Рита.

Стас пожал плечами.

— Спаниель.

— Мимо, — Рита вздохнула и сложила руки на груди. — Дам тебе ещё две попытки.

Корнилов быстро прокрутил в голове их последние с Алиной разговоры, потом вспомнил тетрадки Алины, её брелок на школьном рюкзаке и заставку на ноутбуке дочери.

Он победно щёлкнул пальцами.

— Бигль!

— Bravo, — с насмешкой протянула Рита. — За то, что угадал со второй попытки, получишь соответствующую награду.

Она отвернулась к плите.

Стас подошел к ней, обнял за талию, коснулся губами шеи, нежно поцеловал.

— И что это за награда? — проворковал он.

Рита ехидно улыбнулась.

— За подарком для моей мамы на день астронома я поеду одна, — торжественно произнесла она.

Стас тихо застонал. Рита в ответ засмеялась, потом быстро обернулась и прильнула губами к его губам. Это утро Стас предпочёл бы провести в постели с Ритой часиков... до обеда, а потом, возможно, попозже после девяти, вместе с женой прогуляться по вечерней Москве, заглянуть в один из многочисленных баров и дальше, по обстоятельствам... Но ему пришлось собираться и ехать с Алиной за собакой.

И дело не в том, что Стас не желал сдерживать обещание или не хотел порадовать дочку, просто он хотел сегодня отдохнуть. Отдохнуть, как говорится, весь и абсолютно! И вместе с тем понимал и точно знал, что одной покупкой дело не ограничится.

Майор не может отделаться от дочки, просто всучив ей долгожданную собаку. Как минимум он обязан будет вместе с Алиной подумать над именем для пса, поиграть с ним, купить вместе с Алиной игрушки, миски, поводок, поспешно отыскать в интернете все, что только получится узнать о биглях и, конечно же, пофотографировать Алинку на её телефон с щенком объятиях. Чтобы дочка могла выложить новые фотографии в свой Инстаграм.

Последнее было Стасу искренне не понятно, и вообще он считал сегодняшнюю ситуацию с соцсетями и прочими инстаграмами своеобразным массовым помешательством. Особенно после того, как Алинка показала ему нескольких «инстаблогеров».

От неё Стас узнал, что если парень нацепил на голову платок и писклявым голосом копирует девушек, или какая-то девушка кривляется на камеру в разных образах, это не «какая-то дикая хрень», а «клёвые вайны»!

Ближе к обеду они с дочкой приехали по адресу заводчика, который указала Стасу Алина. Это оказался утопающий в саду большой двухэтажный дом с темно-бордовым планкеном на облицовке и высоким, металлическим забором.

На воротах висело несколько агрессивных, предупреждающих табличек, вроде: «Злые собаки», «ОСТОРОЖНО!!!», «Хозяин вооружен!».

Алинка первой вылезла из машины Стаса и, подойдя к воротам, позвонила. Вышедший из дома хозяин, оказавшийся пузатым мужиком со смешным лицом и кучерявыми рыжеватыми волосами, проводил их на задний двор за своим жилищем.

Когда они вошли сюда, Стас почувствовал неприятный, сухой, немного затхлый запах с сыровато-горьким привкусом. Примерно такой же запах чувствовался во многих зоомагазинах.

Собаки в клетках оживленно заметались, начали тявкать, скулить, становиться на задние лапы. Многие активно виляли хвостиками и игриво заглядывали в глаза. Некоторые, правда, встретили незваных гостей куда менее дружелюбно недовольным рычанием и настороженным, внимательным взглядом.

— Ну вот, — кучерявый заводчик обвёл широкой ладонью своё «богатство». — Собственно... можете выбирать.

Он ухмыльнулся.

— Псы все здоровы, проверены и привиты. Возраст от двух месяцев до полугода. Мальчики и девочки.

— Ясно. — кивнул Стас, которому всё это было, мягко говоря, не интересно.

Корнилов вообще больше любил котов. Спокойные, уравновешенные, неторопливые животные, с независимым нравом и человеческим характером. И потом, у Стаса не было абсолютно никаких сомнений в том, кто в итоге будет выгуливать собаку по утру.

Алинка прошлась мимо клеток с биглями. Вислоухие щенки счастливо повизгивали, тявкали и тянули к ней любопытные, дружелюбные мордочки. Алина присела возле одной из клеток. Стас тепло улыбнулся, глядя, как на лице дочки расплывается восхищенная улыбка. И тут, словно насмешка судьбы, у него зазвонил мобильник. Стас закрыл глаза, мысленно выругался. Хотя телефон стоял на бесшумном режиме, и по рингтону он не мог узнать, кто звонит, нетрудно было догадаться.

Кто ещё может звонить ему в самый неподходящий момент в середине выходного,

первого настоящего выходного дня за последние несколько недель?!

Телефон перестал звонить и вибрировать в кармане его джинсов. Но тут же снова начал неутомно подрагивать. Звонивший отличался упорной настырностью.

— Ну, ясно... — проворчал Стас с раздражением.

— Пап, смотри! — Алинка указала на одного из щенков. — Как тебе вот этот?!

Стас кивнул.

— Нормальный... Посмотри, какие ещё там есть.

Алинка на миг растерялась, затем пожалала плечами, кивнула и пошла дальше.

Стоявший рядом владелец шумной псарни одобрительно улыбнулся, глядя на дочь подполковника Корнилова.

— В какой класс уже ходит? — спросил он.

— В девятый, — рассеянно ответил Стас, доставая настойчиво вибрирующий телефон.

— А у меня вот младшая скоро в школу пойдёт, — мечтательно проговорил заводчик. — Она у вас отличница, небось?

— Да, — рассеянно кивнул Стас, глядя на дисплей смартфона.

Конечно же звонил Аспирин, генерал Антон Спиридонович Савельев, начальник УГРС Москвы и непосредственный начальник Стаса. Ничего хорошего от звонка генерала Стас не ожидал.

Он подождал, пока телефон смолкнет. Бросил взгляд на Алину, дочка улыбалась одному из щенков, который был громче и активнее других.

Телефон зазвонил в третий раз. Корнилов поджал губы, скривился.

Похоже, сбылись его самые страшные опасения. Стас обреченно вздохнул и принял вызов.

— Добрый день, товарищ генерал.

— Где ты? — без предисловий спросил Аспирин.

Голос генерала был сух и строг. В словах чувствовалась знакомая хмурая сосредоточенность. Что-то случилось, что-то произошло. Что-то веское. По пустякам ни Стаса, ни его оперов никто дёргать не станет. В первую очередь сам Аспирин. Их оперативная группа на особенном счету и привлекают к расследованию их тоже лишь в особенных случаях.

— С дочкой, — вздохнул Стас. — Выбираем ей собаку.

— Прости, — без тени сожаления произнёс генерал. — У нас ситуация, Стас.

— Что произошло?

— Пап! — позвала Алина. — А как тебе вот этот? Она отошла в сторону и с довольной улыбкой указала на одного из щенков.

— Не очень, — бросил Стас. — Посмотри другого.

Дочка на мгновение погрузилась, но снова сосредоточилась на разглядывании щенков.

Те залиvisto гавкали тонкими, писклявыми голосами.

— Ты помнишь, восемь месяцев назад, ещё зимой произошло странное убийство в Чертаново?

— Да, — кивнул Стас, чуть нахмурившись.

Это случилось в начале декабря. Убийство супругов Гудковых.

Стас раньше ничего подобного не видел, хотя был уверен, что навидался всякого.

Тело Ольги Гудковой располагалось в ванной. Оно лежало в абсолютной чернильно-чёрной, будто жидкая тьма, воде. Чёрными были зеркало, дверь в ванную и потолок. Все

остальное в интерьере ванной оставалось опустошающе блекло-белым.

Тело женщины было тоже мертвенно белым, а волосы, губы и ногти убийца выкрасил в тускло поблёскивающий чёрный цвет. Какими-то органическими чернилами убийца залил глаза гражданки Гудковой.

Корнилов надолго запомнил лицо Ольги Гудковой: безжизненное, выбеленное, замершее с приоткрытым черным ртом и вытаращенными пустыми глазами, в которых, казалось, слабо шевелилась убившая её тьма.

Примерное в таком же виде убийца оставил её мужа, Евгения Гудкова. Только его тело было найдено в спальне, в чёрно-белой спальне. Он лежал на чёрной постели, его руки были сложены на груди. Тот же заполненный мертвой тьмой взгляд чёрных глаз был устремлён вверх в чёрный потолок. Белыми в спальне остались пол, стены и почти вся мебель, кроме одного кресла.

Корнилову это убийство потом снилось около недели. Нет, он не просыпался в холодном поту с паническими криками. Нет. Это он уже проходил ещё на заре своей карьеры в правоохранительных органах. Но это убийство его впечатлило. Впечатлило и заинтересовало.

— С тех пор не было ничего похожего, — сказал Стас и осёкся, заметив, что заводчик биглей наострил уши.

— Простите, — Стас отвлекся от разговора с Аспирином.

— Да? — спросил владелец собак с угодливой вежливостью.

— Вы не поможете моей дочери с выбором? Кажется, ей сложно определиться.

— А-а, — мужчина рассеянно кивнул, пожал плечами. — Хорошо... Как скажете.

— Спасибо. — Стас проследил, как хозяин собак отошел к Алине.

— С тех пор не было новых убийств, — закончил Стас в трубку.

— До сегодняшнего дня, — угрюмо проговорил Аспирин.

Стас с досадой качнул головой. Только этого ему сегодня не хватало!

Он ошибался, когда думал, что сегодняшний выходной получается не таким, каким он его представлял. Сегодняшний день вообще перестал быть выходным.

— Стас, — в голосе генерала прозвучали требовательные интонации. — Твоё присутствие необходимо. Яша уже там, работает.

— Я понял, — кивнул Стас, глядя на Алину, которая вместе с хозяином биглей доставала из клетки щенков.

Алина обернулась и подняла на руках одного из щенков. Она показала пёсика Стасу. На её лице засияла открытая, ясная и счастливая улыбка. Корнилов заставил себя улыбнуться ей в ответ.

— Какой адрес? — тихо спросил он в трубку.

Корнилов остановился в паре сотен метров от скопления полицейских автомобилей. Он увидел, как некоторые полицейские, стоящие поблизости, приветливо машут ему рукой. Корнилов тоже поднял ладонь, вымученно улыбнувшись. Затем оглянулся назад. Алина сидела притихшая и напуганная. Прижимая к груди сорок минут назад купленного щенка, она с опаской, обеспокоенно смотрела на скопление людей впереди.

— Олененок, — ласково позвал Стас и помахал рукой. — Эй, милая...

Она перевела тревожный взгляд на него.

— Всё хорошо, — проговорил Стас и, протянув руку, коснулся колена дочери. —

Слышишь?.. Алина, давай вот как сделаем. Я сейчас отойду совсем ненадолго, а ты пообещаешь мне две вещи. Первое: не выходить из машины. И второе... Он с добротой улыбнулся. Ты должна придумать, как минимум пять имён для своего, нет — для нашего нового друга.

Стас перевел взгляд на щенка. Алинка тоже посмотрела на свое «приобретение». Маленький, ушастый бигль задрал морду кверху, лизнул Алину в нос. Девочка засмеялась. Стас мысленно порадовался. Он сумел переключить внимание и мысли Алины.

— А когда я вернусь, — продолжил Корнилов, — ты озвучишь мне эти имена. Я, в свою очередь, тоже придумаю пять имён. А потом... потом мы напишем их на бумаге и вытянем какое-то одно. Так и назовём! Что скажешь, Олененок?

— Хорошо, пап, — пожала плечами Алина.

— Договорились?

— Да.

— Точно? Посмотри на меня.

— Да, пап.

— Хорошо. И если останется время, то подумай, что нужно твоему питомцу в ближайшее время. Ну там игрушки, ошейник с именем, медальки всякие, может быть, одежда... Понимаешь?

— Хорошо, папа, — Алинка дернула плечами. — Я подумаю.

— Вот и отлично.

— Пап...

Стас, уже собравшись выбраться из машины, обернулся.

— Что?

— Если ты хотел, чтобы я не видела мертвых тел и не подходила к месту преступления, — Алина стрельнула опасливым взглядом в сторону дома, с сайдингом из темного дерева, — можно было просто так и сказать.

Стас хмыкнул и заулыбался.

— Я всё время забываю, какая ты у меня уже взрослая.

— Я знаю, — кивнула Алина и грустно улыбнулась. — Я, правильно понимаю, что маме обо всём этом лучше не знать?

Она добродушно усмехнулась. Стас кивнул с молчаливой благодарностью, в глазах его дочери промелькнуло понимание.

— Сказать по правде, я был бы тебе очень благодарен, если наш приезд сюда остался бы между нами.

С точки зрения качества воспитания ребёнка, такие «заговоры» были неправильны, но Корнилов не мог отменить свою работу, а Рита слишком часто обвиняла его в не правильной расстановке приоритетов.

— Хорошо, — кивнула Алина. — Значит, сейчас мы поехали в зоомагазин за мисками, игрушками и ошейником с медальками.

— Хорошая легенда, — похвалил Стас.

Алина просияла.

Выйдя из машины, Стас застегнул куртку. Дождь на улице не прекратился, но стал совсем мелким и редким. Порывы ветра бросали в лицо студёный, влажный воздух. Стас прошел мимо окруживших дом полицейских, вошел внутрь дома, поднялся на второй этаж. Тут топтались трое полицейских и о чем-то спорили с Яковом Щербаковым.

— Вы что господа, в детстве болели часто, сильно и безнадежно? Или что? — язвительно спрашивал Ящер. — Почему ваши мозги не желают обрабатывать поступающую информацию? Я вам в пятый раз говорю, нельзя туда входить, пока следователь из УГРО всё не осмотрит.

— Так надо же улики собрать, — взволнованно протестовал розовощекий полицейский, с оттопыренными ушами. — Мало ли чего...

— Без вас соберут, нашлись тут собиратели первобытные, — бросил Ящер. — Давайте, лучше, транспортируйте свои безвольные тела с неподвластной вам территории.

— Да как вы с нами разговариваете? — возмущенно произнесла девушка полицейский.

— Как вы того заслуживаете, — тут же заявил судмедэксперт.

Он был в одном из своих любимых полосатых свитеров, в чёрных джинсах и синих, латексных перчатках.

Возле его ног стоял знакомый объемистый, стального цвета, прямоугольный кейс с необходимыми приборами и оборудованием.

— Что за шум? — спросил Стас, подходя к Ящеру.

Яша оглянулся и кивнул на троих полицейских.

— Да, так... Затянувшийся диалог о правах и обязанностях, а также, как я понимаю, о рангах и положении.

— М-м, — в тон Ящеру протянул Стас и криво усмехнулся. — Какая актуальная проблематика.

Стас обвел взглядом троицу полицейских.

— И не говори, — хмыкнул Щербаков.

Корнилов показал полицейским удостоверение, представился.

— Господа, — Стас обвел троицу взглядом и кивнул на девушку, — и дамы, ваши дела здесь окончены.

Троица переглянулась.

— Мы первые приехали на вызов и...

— Если вы и дальше будете препятствовать следствию, — ледяным тоном проговорил Стас, — вас как минимум ожидает неприятный разговор с начальством. И некоторые из вас могут установить антирекорд по количеству проработанных в полиции дней.

Угроза подействовала моментально. Все трое тут же сочли за лучшее ретироваться.

Ящер по-хозяйски, уперев руки в бока, и с сарказмом и долей сожаления на лице покачал головой.

— Где их только таких неумных набирают?

— Перестань, — Стас взял у Ящера такие же синие перчатки, — ребята недавно служат, и...

— И хотят выслужиться, — мрачно закончил Ящер.

— Не без этого. — Стас надел перчатки и осторожно открыл дверь.

Они вдвоем застыли на пороге ненадолго, на пару мгновений. Затем молча вошли внутрь. Стас обвел цепким взглядом висевшие под потолком мертвые, черноволосые тела. Они чуть покачивались и поворачивались на тросах. Застывшие в нелепых позах, они как будто летали над черно-белой комнатой.

Стас заглянул в лицо мёртвой женщине. Он увидел уже знакомую ему пугающую пустотой бездонную черноту в глазах. Он задержал взгляд на её черных губах и темном отверстии рта. Корнилов отступил в сторону. Посмотрел в лица других покойников. Затем

забрался на кровать, встал двумя ногами. Теперь его голова была в десяти сантиметрах от лица мёртвого мужчины.

Рядом с ним на тросах «летала» черноволосая девочка. Стас протянул руку, потрогал их волосы, провел пальцами по щекам и губам. Коснулся их тел. Затем провел пальцами по телам и лицам мальчика и женщины.

— Он выкачал у них часть крови, — проговорил Стас.

— Зачем? — Ящер чуть нахмурил брови и тут же ответил сам. — Уменьшить вес?

Корнилов молча кивнул.

— Убийство он готовил заранее. Очень даже заранее. Может быть, за месяц или два.

— С чего ты взял?

— Длину тросов видишь?

Ящер осмотрел белесые тугие тросы под потолком.

— Длина разная.

— Длина тщательно рассчитана от точки до точки. — Стас указал рукой в разных направлениях. — Он рассчитал, кто и где, как и каким образом будет находиться. Где мать, где отец, где сын и дочь.

Стас вздохнул.

— Это продуманная... композиция.

Ящер выругался.

— Нам опять попался «художник»? Ненавижу их... Больше, чем «идейных философов» и «борцов за справедливость».

Стас в ответ усмехнулся.

— Ну, последние нередко питают слабость к всевозможным взрывоопасным веществам и механизмам. А это, как правило, влечет куда больше жертв.

— Зато поймать их легче, — ответил Ящер, ставя свой кейс на пол.

— Согласен, аргумент, — вздохнул Стас, оглядывая тела.

Он осмотрел волосы женщины, мальчика и девочки.

— Он их стриг.

— Что?! — скривился Ящер.

— Он подстриг им волосы перед тем, как покрасить.

— Что... Зачем? — Щербаков достал фотоаппарат, начал выставлять нужные параметры.

Стас слез с кровати, осмотрел комнату и спросил.

— С чем у тебя ассоциируются чёрно-белые цвета?

— С далматинцами, — хмыкнул в ответ судмедэксперт.

— Яша. Не смешно.

— Ладно, ладно... подожди, — Ящер скривил рот, углубился в раздумья. — Это... Как знак Инь-Янь.

Он недоуменно скривил лицо, взглянул на Стаса.

— Гармония?

— Гармония, — устало кивнул Стас. — Он, скорее всего, до ужаса педантичен, наверняка у него присутствует неуклонная и неудержимая, патологическая склонность к порядку.

Стас ещё раз обвел взглядом комнату.

— Он хочет быть идеальным, — проговорил Корнилов, подошел к платяному шкафу и

открыл его.

— А причем тут чёрный и белый цвета? — спросил Ящер, нацеливая объектив на мертвые тела, «парящие» под потолком.

— При том, что в них нет ничего лишнего, — ответил Корнилов, оглядывая абсолютно пустой шкаф.

— Лишнего? — переспросил Ящер.

— Здесь ничего не трогали?

— Нет. Вроде бы, нет. А что в его понимании «лишнее»?

Стас закрыл дверцы шкафа, обернулся на Ящера.

— Цвета.

— Цвета?

— Все иные цвета, кроме черного и белого. Все те лишние и ненужные оттенки и цвета, что нарушают гармонию, порядок и идеал в его понимании.

Щербаков хмыкнул.

— Думаешь, это тот же тип, что и восемь месяцев назад?

— Да, — уверенно ответил Стас. — И если кое-какие мои подозрения верны, будет ещё убийство.

— Не сомневаюсь, что ты прав, — мрачно ответил Ящер.

Обычно прогнозы Стаса всегда сбывались. И по своему обыкновению — именно самые неприятные и зловещие.

Ящер встал под телом убитой женщины, навел фотоаппарат, сделал несколько снимков. Посмотрел на дисплей цифровой камеры и с сожалением покачал головой.

— Она была красивой, — сказал он с внезапной грустью.

Стас встал рядом с ним, заглянул через плечо.

Ящер рассматривал лицо покойницы на снимке.

— Да, — согласился Корнилов. — И, скорее всего, была очень хорошей женой и матерью.

Яша медленно оглянулся с хмурым беспокойством взглянул на Стаса.

— Наш истовый поклонник гармонии стремится к идеалу, — напомнил Стас. — Думаю, и отец семейства был идеальным семьянином, да и дети в этой семье, наверняка, были соответствующие.

На лице Яши дрогнули отдельные мышцы, его выражение чуть изменилось. Мелькнуло злое отвращение, но он тут же снова легко и быстро взял себя в руки.

— Чёртов ублюдок...

— Не напрягайся, — Стас тронул его за плечо. — Это отвлекает.

Яша молча сердито кивнул.

Стас вышел из спальни, оставив Яшу одного, зашел по очереди в комнаты детей: дочери и сына. Почти всё оставалось нетронутым, кроме развороченной постели и разбросанных тапок. Стас открыл шкафы с одеждой в каждой комнате. Везде они были возмутительно пусты и их пустота была своеобразной иллюстрацией к тому опустошению, которое ощущалось отныне в стенах этого дома.

Корнилов критичным взглядом оглядел каждый шкаф.

Потом взял по тапку из каждой комнаты и пошел к кинологу.

Это был уже седой мужчина намного старше Стаса, с солидной бородой и одетый довольно небрежно: ношенная рубашка, тертые джинсы и затасканные кроссовки. На

поводке он удерживал горделиво сидевшего темного лабрадора.

Корнилов вручил тапки бородатому кинологу.

— Это вещи убитых детей, — сообщил он. — Нужно найти остальные. Скорее всего, они где-то недалеко.

Седобородый кинолог молча кивнул, взял протянутые тапки и показал псу.

— Давай, Людвиг... У тебя есть работёнка, зверюга. Выручай.

Стас смотрел, как лабрадор спешно принюхивается к вещам детей.

Корнилов успел подумать, что, возможно, ещё позавчера мальчик и девочка ходили в этих тапках чистить зубы перед сном, и надевали их, когда куда-нибудь нужно было встать посреди ночи.

А теперь их вещи — объекты следствия и зловещие фрагменты кошмарного преступления.

Долго ждать не пришлось. Лабрадор Людвиг быстро взял след и повёл кинолога прочь от дома. Стас поспешил следом. Лабрадор тянул поводок, рвался вперёд. Собаковод трусцой бежал рядом.

Стас скорым шагом шёл чуть поодаль, не теряя кинолога из виду.

Пёс повёл своего хозяина в сторону неприглядного пустыря, что располагался далеко за домами, возле старых, давно заброшенных строений ещё советских времён. Корнилов следовал за кинологом по заросшим диким кустарником развалинам. Под ногами хрустели палки, битое стекло, скрипела каменная крошка. Стас не отставал.

Лабрадор, прорываясь через молодые деревца, шурша высокой травой, забежал внутрь одного из полуразрушенных зданий.

Здесь пёс остановился возле глубокой ямы, упал на живот и заскулил.

— Хорошо, хорошо, — кинолог потрепал пса по холке. — Молодец... Красавец.

Он оглянулся.

— Товарищ подполковник, что-то есть.

Кинолог отвернулся и снова заглянул внутрь ямы. Несколько камешков, задетых его ботинками, с шуршанием осыпались вниз.

Стас подошел к яме, пригляделся. Внутри чернело огромное пепелище. В прохладном воздухе ещё можно было различить слабеющий запах гари. Стас осторожно спустился вниз. Взяв палку, он осторожно разгреб горелые ошметки в пепле. Корнилов поддел палкой что-то красное. Поднял на конце палки.

— Что это? — спросил сверху кинолог.

— Женская футболка, — ответил Стас. — Красная женская футболка.

На месте большого костра были обнаружены обгоревшие фрагменты других тканей, определить назначение которых было слишком трудно. Но в том, что это была сожженная одежда убитой семьи, сомневаться не приходилось. Среди груды пепла Стас выудил опаленные, покрытые слоем сажи и прожженными черными пятнами, синие джинсы. В заднем кармане джинсов была обнаружена смятая фотография.

И хотя убийца изменил внешность убитых в угоду собственным извращенным предпочтениям, его жертв можно было узнать на снимке. Они стояли на каком-то пляже. Одеты в странные, нелепые наряды туземцев из каких-то тропиков. Все четверо довольно и счастливо улыбались. На обороте снимка Стас нашел надпись фломастером: «Санто-Доминго, Доминикана две тысячи двенадцатый».

Корнилов скривил губы, глядя на счастливые лица людей. И тут же вспомнил висевшие

в спальне трупы под потолком. Их черные как смоль волосы, губы, черные, словно выжженные, глаза. Глядя на этот снимок, трудно провести какую-то параллель между счастливыми людьми на этой фотографии и давно остывшими, холодными, бледными телами в черно-белой комнате.

Найденные в пепелище вещи, Стас приказал собрать полицейским и сгрузить в автомобиль СМЭ, чтобы Щербаков мог их изучить. Когда Стас вернулся, полицейские под присмотром Яши аккуратно снимали трупы с потолка.

Сейчас, когда они бледные лежали на полу и частично сливались с ним, их угольно-черные волосы, глаза, губы и ногти резко, контрастно выделялись на белом полу. От этого картина убийства ещё больше поражала своей пугающей сюрреалистичностью. Складывалось стойкое впечатление, что убийца, отнявший жизнь целой семьи, словно старался быть гуманным и аккуратным. Он как бы избегал грубости и чрезмерной жестокости. Как будто ему вздумалось проявить якобы бережную заботу о них.

Стас присел возле трупов. Внимательно осмотрел ноги.

У всех членов семьи они были аккуратно подстрижены, убраны кутикулы, края ногтей с щепетильной дотошностью подпилены и обработаны. В том числе у отца и сына.

Стас задержал взгляд на мёртвом мальчике. Ребенок среди больших тел взрослых смотрелся особенно жалостливо и печально. Ему было не больше шести-семи лет. На детском личике застыло робкое, испуганное выражение. Из-за приоткрытого рта с чёрными губами казалось, мальчик не то чем-то удивлен, не то кричит без звука, но живые уже не в состоянии услышать его голос.

Корнилов вздохнул, выпрямился. Сунув руки в карманы куртки, ещё раз осмотрел тела. У неискушенного сыщика могло бы сложиться впечатление, что убийца проявил чрезмерное почтение к убитым им людям. Однако на деле он всего лишь отдавал дань своей болезненной склонности к перфекционизму. А эти люди — всего лишь инструменты или материал для его творения, для выражения его мысли, его идеи. И именно то, как убийца хладнокровно, с присущей практичностью, без тени сожаления уподобил живых людей бездушному материалу для своей работы, выдавало его истинное отношение к жертвам. И вот это действительно по-настоящему вселяло в душу тугой, угрожающий, пульсирующий клубок страха. Клубок переплетенных кошмарных представлений, навязчивых мыслей, панических суждений и нервных опасений.

А ещё, глядя на четыре выбеленных тела с чёрными волосами, Стас внезапно чётко уяснил: совершивший это обожает то, что делает. Он пребывает в настоящем эстетическом экстазе, когда совершает это, когда убивает, когда творит...

Представив себе большую экзальтацию убийцы во время совершаемого им жуткого действия, Стас почувствовал морозную оторопь, пробежавшую по коже. Можно не сомневаться, что вскоре он это повторит. И совсем не через восемь месяцев, как сейчас. Раньше. Намного раньше.

Роза Хейфец, домработница и няня, что работала в этом доме, выглядела ужасно: испуганная, заплаканная, с покрасневшим лицом и остатками туши под левым нижним веком. У неё дрожали губы, в глазах блестели слёзы. Вокруг глаз кожа покраснела и опухла от слёз и попыток стереть растекшуюся тушь.

Женщина сидела в машине скорой помощи и пила травяной чай, когда Стас забрался к ней и сел напротив.

— Подполковник Корнилов, — представился Стас. — Вы не против, если я задам вам

несколько вопросов?

— Конечно задавайте, — кивнула она и чуть вжала голову в плечи.

На вид ей было около тридцати. Темноволосая, с тусклыми серыми глазами и немного растрепанными волосами.

Стас обратил внимание, что чашка в её руке подрагивает и жидкость чуть-чуть плещется.

— Вы обнаружили тела? — спросил Стас.

— Да.

— Как долго вы здесь работаете?

— Четыре года, — сглотнув, ответила Роза.

— Всегда приезжаете в одно и то же время?

— Почти. Иногда я оставалась на ночь.

— В последнее время такое было?

— Да...

— Как давно?

— М-м, — она задумчиво сдвинула брови, снова нервно сглотнула. — Т-точно не знаю... Наверное, месяц тому назад...

— Любите смотреть в окна?

— Что, простите? — она чуть склонила голову набок. — В каком смысле? — В прямом, — кивнул Стас. — Вы смотрите в окна на улицу, на прохожих?

— Ну д-да, — она недоуменно пожала плечами. — Да, конечно... На кухне, когда готовлю, и... потом...

— Не замечали одних и тех же людей поблизости? Или одну и ту же машину больше чем два раза где-то рядом?

Роза задумалась. Стас ждал.

— Я не видела... — задумчиво проговорила она. — Но... Это, конечно, просто болтовня, я понимаю...

— Говорите, — потребовал Стас.

— Хорошо... Я... Хм, ну, я, когда в магазин выходила... Вот на позапрошлой неделе, кажется, это было... Мне тогда в местном магазине, в сырной лавке помощница владельца сообщила, что видела, как возле пустыря, там дальше, возле старых построек... Она видела там человека... Она говорила, что где-то раза четыре точно... И каждый раз он держал в руках фотоаппарат...

— Что за человек? Эта женщина говорила, как он выглядит?

— Это молодая девушка...

— Да без разницы, — перебил её Стас. — Она говорила, как он выглядел?

— Ну-у... Я точно не помню, — растерянно проговорила Роза.

Довольно скоро стало очевидно, что никакой полезной информации сверх того, что уже известно, от госпожи Хейфец не получить.

— Если что-то вспомните, перезвоните мне лично. — Стас оставил ей свой номер и тронул за плечо. Роза подняла на него горестный взгляд.

— Мне очень жаль, — сказал он с сочувствием. — Держитесь.

— Спасибо, — всхлипнув, тихо прошептала она.

Стас кивнул и вышел из автомобиля. На самом деле он старался оставаться безучастным к страданиям, слезам и истерикам свидетелей или жертв. Подполковник видел многое,

слышал тоже предостаточно. Его сочувствие и взаимность никому не помогут, близких не вернут и время вспять тоже не обратят. И уж, конечно, никак не помогут привлечь к ответственности того, кто отнял жизни, сломал судьбы, оставил глубокий, рваный, кровоточащий след в чужой душе. И потом, утешать убитых горем родных и близких — забота специальных психотерапевтов. А он и его группа предназначены исключительно для охоты на коварного и жестокого монстра.

Кто-то из коллег Стаса когда-то назвал серийного убийцу «хищником». Но Стас тогда заметил, что хищник-то как раз убивает ради пропитания. А скрывающийся под ликом обычного человека жестокий монстр убивает, потому что такова его природа.

Потому что он хочет, жаждет, мечтает убивать. Он так живет. Он существует ради этого. Он этим питается. Да, он почти что хищник, и чужие боль, страхи, страдания-его добыча. Донельзя мрачная и печальная аллегория.

К месту преступления приехал капитан Домбровский, а чуть погода добрался и старший лейтенант Арцеулов, его оперуполномоченные.

Оба явно были раздосадованы и несколько раздражены тем, что им в очередной раз пришлось выбрать службу в ущерб личной жизни.

Стас начал без предисловий.

— У нас четыре трупа. Помните убийство в декабре? В черно-белых тонах? Ну вот кажется, мы дождались продолжения. Стас подождал, пока Домбровский и Арцеулов перевалят услышанное и как положено отреагируют на новые обстоятельства. Коля недовольно поджал губы, неопределенно вскинул ладонь и бессильно уронил, выразительно качая головой при этом. Сеня опустил взгляд, пробормотал пару ругательств.

— Отлично, — кивнул Стас, оценив совершенно обычную реакцию своих подчинённых. — Коля, опроси местных жителей. Есть информация, что помощница владельца из сырной лавки видела странного мужчину с камерой около пустыря. Сеня, собери в доме все устройства, способные содержать хоть какую-то информацию, телефоны, ноутбуки, планшеты и так далее. Исследуй на предмет сообщений, звонков, угроз, требований и всего, что сочтешь подозрительным и опасным. Задача ясна?

— Так точно.

Опера ответили почти хором.

— За дело.

Они тут же разошлись выполнять указания.

Сам Стас оглядел дом, затем посмотрел в сторону пустыря и двинулся прочь от дома. Он шел и постоянно оглядывался. Стас искал место, откуда убийца мог наблюдать за домом, следить за его обитателями, изучать их. Не было сомнений, что он хорошо изучил их, а значит, должен был очень долго наблюдать, должен был очень долго следить и изучать. И его могли видеть соседи убитых. Вполне вероятно, что он мог вооружиться фотокамерой. Современные аппараты обладают прекрасным зумом и вполне могут заменить бинокль.

Кстати, вполне возможно, что убийца может увлекаться фотографией Ч/Б. Это было бы ожидаемо.

Стас вернулся в дом, подошел к Ящеру.

— Можешь мне сказать, кто из них был убит первым?

Яша кивнул на тело девочки-подростка.

— Полина Вербина, шестнадцать лет. А что?

— Следов взлома в доме нет, — ответил Стас, и, насколько я знаю, ключи у них не

пропадали. Плюс, в доме установлена великолепная, современная охранная система. Чтобы сюда пробраться без шума, нужно быть очень толковым мастером. А я сомневаюсь, что наш убийца тратил на это время.

— Почему нет? — Ящер отвлекся от изучения тел мертвецов. — Я бы так и сделал.

— Да? — усмехнулся Стас. — А почему бы не заставить кого-нибудь живущего внутри открыть тебе дверь?

— Каким образом? — не скрывая скептицизма, спросил Ящер. — Гипноз что ли? Или шантаж?

Стас перевёл снисходительный, грустный взгляд на тело Полины Вербиной.

— Помнишь себя молодым? Чего ты хотел в шестнадцать больше всего?

— Своих одноклассниц, — хмыкнул Ящер.

— А как ты думаешь, чего хотели они? — с намеком спросил Стас.

Яша кивнул.

— Любви и романтики?

— В точку.

Щербаков покачал головой.

— Думаешь... — Ящер кивнул на тело девушки, — она и... и он?!

Стас многозначительно пожал плечами.

— Не знаю, Стас... Эта версия ничем не подкреплена. — судмедэксперт явно не хотел верить в реальность высказанной Корниловым теории.

— Это не версия, а предположение, — поправил его Стас.

— Ой, — поморщился Яша. — А то я не знаю, что твои предположения чаще всего оказываются очень близки к истине!

Стас лишь невесело усмехнулся.

— Я бы предпочёл применять подобное умение в каких-нибудь других областях, — вздохнул он.

— Например, в розыгрышах лотерейных билетов? — предложил Яша и насмешливо улыбнулся.

— Как вариант, — кивнул Стас.

Когда Стас вернулся в свою машину и сел за руль, Алина осторожно спросила.

— Ну как там?

Стас встретился с ней взглядом в зеркале.

— Да всё нормально. Обычная рутина.

— Страшное убийство, да? — спросила Алинка, тяжело вздохнув.

— Алина, — голос Стаса посерьёзnel. — Ты знаешь правило. Мы не обсуждаем мою работу.

— Да... прости, пап, — Алинка опустила взор.

Стас почувствовал, как его кольнула совесть. Не стоит так резко одергивать дочь, даже если она забывается.

Нужно было как-то быстро разрядить ситуацию.

— Ты придумала варианты имён для щенка?

Алина посмотрела на Стаса, грустно улыбнулась.

— Его будут звать Четверг.

— Че... Четверг? — недоуменно переспросил Стас. — Милая, ты уверена, что это подходящее имя для собаки?

Стас сдал назад, развернулся и они поехали прочь от места убийства.

— Да, — ответила Алинка, — у Робинзона был друг Пятница. У меня теперь тоже есть друг — Четверг. А ещё, помнишь, мы с мамой фильм смотрели про то, где у одного отца было семь дочерей, и он каждую назвал в соответствии с днями недели.

— Олененок, — возразил Стас. — Но там ведь беда была в том, что по сюжету в мире будущего нельзя было иметь больше одного ребенка...

— Па-ап.

— Что?

— Это имя ему очень идёт.

Дочка сказала это так искренне и убежденно, что Корнилов не мог спорить.

Стас в ответ усмехнулся. Алинка тоже улыбнулась, хихикнула.

— Ладно, — протянул Стас и покачал головой. — Четверг так Четверг.

Он посмотрел в небо. Над городом снова угрожающе нависали серо-стальные стучи. Скоро опять будет дождь.

Эпизод первый «4: черно-белая комната». Часть вторая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 6-е августа.

Мы приземлились после синхронного прыжка. Оттолкнулись и полетели по льду вперед на скорости с восторженным рвением.

Мы с Сашкой, моим партнером по фигурному катанию, выполнили ряд фигур, двигаясь быстро и в то же время плавно. Фигуры перетекали одна в другую.

Миг — и я в его объятиях. Саша выполняет поддержку. В движении на льду на скорости мы на мгновение расстались. И вот мы несемся вперед по кругу бело-голубой арены льда. По кругу, мимо пустых трибун. Мгновение — и наши руки соприкасаются, мы выполняем тодес. Затем два быстрых акселя и плавный бауэр.

Когда мы закончили, и смолкла музыка, стоявшая возле ограды Мег похлопала в ладоши. Нарочито громко и показательно.

— Отвратительно! — объявила она. — Сначала!

Мы с Сашей переглянулись и поехали на исходную точку.

— Кажется, мы налажали с прыжками после поддержки, — тихо проворчал мой партнёр.

— Мне показалось, что у нас был слишком медленный тодес, — робко ответила я.

Сердце билось в груди после быстрой череды фигур. Оно билось, как будто танцевало или отбивало резвый бит: с душой, с восторгом, с чувством! Мое сердцебиение звучало в такт с моим настроением.

Мне хотелось парить! Лететь! Мчаться и перевоплощаться из одной фигуры в другую! Мне хотелось движения! Я жаждала безостановочного, стремительного движения, граничащего с безграничным полётом!

— Готова? — спросил меня Саша.

Я кивнула.

— Да.

— Начали! — объявила Мег.

Снова заиграла музыка.

Мы ринулись с места. Мы танцевали на льду отдельно и в то же время оставались едины. Быстро и ритмично, но плавно и изящно. Мы летели, мы парили, мы жили в коротких, но длинных секундах танца на льду.

— Уже лучше, — проговорила Мег, когда мы закончили.

Но взгляд и выражение лица у нее были не очень довольными. Чуть сторбившись, держа руки на груди, она прошлась вдоль ограды.

— Отдых десять минут, и за работу!

Мы с Сашей подъехали к ограде, остановились, перевели дух.

Я выдохнула. Я была переполнена энергией будоражащего восторга! Я физически ощущала, как у меня от счастья поёт душа, и в теле разливается приятный жар.

— Почему ты улыбаешься? — Сашка отпил воды из спортивной фляги совсем чуть-чуть, только чтобы минимально восполнить потерю жидкости в организме.

— Я соскучилась по льду, — призналась я, — и по спорту, и по этому драйву!

Я откинула голову и обрадованно взвыла. Мне было хорошо, хотя я уже чувствовала постепенно накатывающую усталость. Но это была приятная усталость. Не та, что утомляла, а та, что всего лишь обозначала правильную работу мышц, дыхания и всего моего организма.

— Как твои контрольные по географии? — спросил Сашка и усмехнулся.

— О-ох... — простонала я. — Ты долго думал, как испортить мне настроение?

Я сделала вид, что обижаюсь. Он ухмыльнулся. Я видела, что его лоб чуть поблескивает от пота. Мой, наверное, блестит так же.

— Я просто беспокоюсь о тебе. Всё-таки впереди важный конкурс...

— У нас все конкурсы важные, — напомнила я. — И потом, можешь не беспокоиться.

— Да? — он вскинул брови. — Значит всё в порядке?

— Да-а, — пропела я. — Я благополучно завалила почти все контрольные, и в начале этого года у меня наверняка состоится серьёзный разговор с директором школы. Хорошо, если не позовут дядю Сигизмунда.

— И что ты намерена делать? — спросил Сашка.

Я взглянула на него выразительным взглядом, но поняла, что он не отстанет.

— Что-нибудь придумаю, — уклончиво ответила я.

Позади нас раздался громкий взрыв смеха. Раскатистым эхом он облетел трибуны. Мы с Сашей обернулись. Повыше, на предпоследнем ряду трибун сидело пятеро парней.

Четверых из них я знала — наши хоккеисты «Городские соколы» — гордость юношеского хоккея Москвы. Некоторые прочат им звездное будущее в КХЛ.

Но меня больше заинтересовал пятый парень. Я видела его не в первый раз. По-моему, он появляется здесь уже где-то раз восьмой или около того, и каждый раз именно во время наших с Сашкой занятий. Он был довольно симпатичным — подтянутый, среднего роста, с широкими плечами и уверенной осанкой. У него было приятное, улыбчивое лицо и чувственный, задумчивый взгляд.

Сегодня он был в джинсах, полосатой футболке и черно-желтой куртке-американке. Он смеялся над тем, что ему рассказывал капитан «Городских соколов» Кирилл Ветров. У него была красивая улыбка. Открытая, но скромная, сдержанная. Я невольно засмотрелась на его улыбку, на его лицо.

Тут внезапно незнакомый парень опустил взгляд и посмотрел прямо на меня! Я полсекунды глядела на него, а потом быстро отвернулась и замерла, забыв дышать. Ритм

сердца изменился. Стал тяжелым, гулким и частым. Лицо обжег жар.

— Ты чего? — удивился Сашка. — Что с тобой, Ника?

— Всё... Всё в порядке, — пролепетала я.

— Не в порядке, — хмыкнул Сашка. — Забыла? Ты, когда волнуешься, сразу начинаешь пшекать.

Он хохотнул. Я недовольно искоса взглянула на него.

— Я не пшекаю.... Почти.

— Кроме тех случаев, когда волнуешься... и врешь, — усмехнулся он.

Тут вернулась Елена Геннадьевна (она же Мег).

— Ну что, отдохнули?

— Десять минут ещё не прошло, — заметил Саша.

Мег кивнула.

— Значит, будем считать, что вы сегодня существуете в другом измерении, где время течет быстрее. На позицию!

Тренировка сегодня вышла долгой, трудной и изнурительной.

Ко всему прочему, моя голова просто дрожала от бесчисленного количества воспоминаний, которые то и дело угрожали перерасти в видения!

Особенно трудно пришлось в душевой. Я мылась вместе с девчонками из группы по художественной гимнастике. Их воспоминания просто замучили меня, пока я стояла под тёплыми, приятными струйками душа. В итоге, помыться столько, сколько я хотела, не получилось. К воспоминаниям гимнасток начали «подключаться» и другие. Других людей, что побывали здесь сегодня или раньше, до меня. Голоса крепчали, становились громче. Их гомон сливался в неразборчивое, раздражающее жужжание.

Голова наливалась тяжестью и внезапно резко закружилась. Я упёрлась рукой в кафельную стену душевой и быстро переключила воду на более холодную. Иногда это помогает избежать таких приступов.

— Перестаньте, перестаньте, умоляю, — процедила я сквозь сомкнутые зубы, зажмурив глаза. — Пожалуйста... Боже... Хватит...

Перед глазами замелькали цветастые отрывки, смазанные силуэты, крики, смех, кто-то запел, голоса начали искажаться, вибрировать. Звуки нарастали, становились мощнее. Я почувствовала, что проваливаюсь в воспоминание. Я уже слышала шум взлетающего самолёта, потом кто-то заорал, я услышала русскую брань, затем раздалась гулкая стрельба, и мужской голос что-то заорал по-арабски. Ревел ребенок, рыдали женщины, и кто-то слабо стонал. Силуэты были нечеткие. Снова стрекотала быстрая стрельба. Поднялся хор панического крика перепуганных людей. На моих глазах пули изрешетили нескольких человек, сидевших в салоне самолёта.

— Эй! Эй! Ты чего! Слышишь! Как тебя там? Лазовская... Успокойся...

Видение сникло, я сидела на полу душевой кабинки, забившись в угол и обхватив колени. Струя из душа била по плечам и макушке.

Возле меня, заглядывая в кабинку, стояли три девушки гимнастки.

— С тобой всё хорошо? — одна из них, темноволосая с челкой и волосами до плеч, присела возле меня. — Ты как?.. А? Ты кричала...

— Всё хорошо, — я попыталась ответить спокойно, но мой голос дрожал так, словно я только что выкупалась в ледяной проруби.

Я с трудом сглотнула, судорожно вздохнула и повторила.

— Всё в порядке... спасибо.

— Точно? — с сомнением спросила темноволосая гимнастка с челкой. — Может быть, тебя проводить к врачу?

— Да нет, — я слабо улыбнулась. — Всё нормально.

Я встала и вздохнула.

— Мне лучше. Спасибо, что... обратили внимание.

— Да без проблем, — протянула стоящая сзади девушка с прямыми русыми волосами.

— Ну смотри, — обеспокоенно произнесла гимнастка с челкой. — Если что, мы тут недалеко.

— Спасибо, — повторила я и усмехнулась. — Буду знать.

Они ушли, а я отвернулась к стене душевой кабинки и с силой зажмурила глаза. Господи, какой стыд! Нашла время биться в припадках! Да ещё на глазах у незнакомых людей! Впечатление от глупой, неловкой, неудобной ситуации жгло и душило изнутри.

Хотелось яростно и громко взвыть от досады и злости. Я уткнулась разгоряченным лбом в холодную стену и вздохнула. Потом тихо заплакала. Я больше не могла так. Я не хочу так. Почему, почему я всё это вижу и слышу?! Что я такого кому сделала?! За что мне всё это дерьмо?! Ну за что, чёрт возьми! Я сжала правый кулак и ударила в стену. И тут же застонала, рука отозвалась звенящей болью. Я потеряла ребро ладони. Оно наливалось болезненной тяжестью. Дождавшись, когда гимнастки помогут и уйдут, я решила выйти сама. В коридоре я посмотрела в обе стороны. Широкий, просторный коридор, с красными дверями и серо-желтыми стенами напоминал помещение какого-то ТРЦ. Но на деле таким был интерьер спортивного дворца «Княжеский», в котором мы с Сашей занимались фигурным катанием.

Помимо этого, люди здесь также занимались разными другими видами спорта. От бокса до бобслея. Верите? Даже секция по кёрлингу есть! И туда тоже ходят люди, правда не так много, как скажем на айкидо или теннис, но тоже хватает.

Когда я направилась к выходу из комплекса, настроение у меня было угнетенное и подавленное. В голове ещё звенели отголоски воспоминаний. Я достала наушники, включила музыку и

вздохнула, когда в ушах заиграл вступительный мотивчик одной из песен Макса Коржа. Я сбежала вниз по ступеням, подошла к выходу и с разочарованием остановилась. На улице хлестал дождь. И не просто морозящий, мелкий дождик, нет — там шумел неистовый, мощный ливень. Пришлось ждать, когда он закончится.

Но стоило мне выйти и едва дойти до автобусной остановки, как дождь зарядил снова. Я поставила рюкзак на сиденье остановки, села рядом, бросила взгляд на электронное табло с температурой воздуха. Если верить этому прибору, то на улице сейчас целых двадцать четыре градуса! Вот только свирепый ливень сводит на нет прелесть тёплого летнего воздуха. Плотная дождевая завеса затмила город, размыла очертания улиц, дорог и домов. Я видела, как прохожие поспешно шлепая по лужам, бегут в укрытия от неистового ливня.

В наушниках у меня звучал приятный голос Монатика:

— И мы в любовь упали, когда бит ударил!

Упали в любовь и ударились в танцы!

Упали в любовь и ударились в танцы!

Да, проблемы — суки, нам жали руки,
Запрещали быть честными.
Так хотели, чтоб тесно, но мы
В любовь упали, когда бит ударил.
Вы дарили столько мне сил,
Уносило вдаль...

Я закрыла глаза, голоса воспоминаний ослабели и стихли. Сейчас для меня существовала только музыка в наушниках и окружающий меня со всех сторон плотный ливень, захвативший столицу.

До меня долетали прохладные, влажные дуновения холодного ветра. К остановке подошли люди. Они прождали минут семь, пока не приехал автобус, и уехали на нем, а я осталась сидеть на остановке. Одна. Среди дождя и опустевших улиц города. Мне хотелось побыть одной. Мне было это необходимо. Я была не готова сейчас сесть в общественный транспорт и снова почувствовать нарастающее давление чужих воспоминаний.

Мне нужно было отдохнуть, прийти в себя. Побыть одной. Подольше...

Я закрыла глаза, вслушиваясь в куплеты, звучавшие из наушников.

Музыка действовала благотворно. Музыка спасала меня от чужих воспоминаний, что беспокойной, крикливой стаей ворон атаковали мой разум. Я не увидела и не услышала, но скорее всего почувствовала, как кто-то сел рядом. Я открыла глаза и удивленно посмотрела на севшего рядом парня. И тут же быстро отвела взгляд.

Снова шумно забило сердце и сбилось дыхание.

Это был он! Тот самый парень в черно-желтой куртке.

В руках у него по-прежнему был баскетбольный мяч. Чуть склонившись вперед, он поигрывал им, крутил в руках на пальцах.

Боковым зрением я заметила, что он взглянул на меня украдкой.

Я активно делала вид, что этого не замечаю, и изо всех сил старалась вести себя максимально обыкновенно.

Так мы просидели пару минут. Он то и дело пытался взглянуть на меня, поймать мой взгляд, а я старательно прятала глаза, чувствуя, как биение сердца мешает мне дышать. Я ощущала, как в моем теле в области груди и живота собирается жесткий комок мучительного волнения. Он ворочался, крутился, вращался, вынуждая меня переживать, заставляя меня терзаться разными мыслями и чего-то ожидать. Чего-то, что вот-вот должно случиться, но... не факт, что случится. Но вот оно совсем рядом. Подступает робко, неуверенно и пугливо. Стук сердца отдается в ушах. Мечущиеся в голове мысли путались друг в друге, перемешивались, слипались.

У меня все время было такое чувство, словно я ненадолго задерживаю дыхание, а потом часто и жадно пытаюсь вдохнуть. Пытаюсь и не могу. Я чувствовала, как пылает кожа на лице, чувствовала прикосновение влажного ветра с капельками дождя.

Волнующее чувство неистово, нетерпеливо извивалось внутри.

Вместе с ним росло странное опасение. Я не знала, как точно и правильно себя вести. Я одновременно боялась и хотела, но...

никак не могла определиться. Я посмотрела в другую сторону. И решила, что если сейчас приедет мой автобус, я встану и уеду.

Во что бы то ни стало!

Я заметила, что парень с мячом смотрит в другую сторону.

Я незаметно, исподтишка, украдкой, взглянула на него. Теперь, когда он сидел так близко, я могла получше его разглядеть. У него были густые, чуть волнистые, зачесанные назад светло-каштановые волосы с золотинкой. Выразительные, но аккуратные брови и серо-зеленые глаза, с неуловимым перламутровым оттенком. Под рукавами куртки-американки угадывались крепкие мускулы. У него были сильные, мужские руки. На кистях возле пальцев проступали вены. Он нервно притопывал ногой в ботинке, потом вдруг резко встал. Я быстро отвела взгляд, сжалась, выпрямилась, застыла, задержала дыхание, нервно сглотнула. Удары сердца звучали в ушах тревожным, нагнетающим ритмом. Кровь жгла вены, испепеляла кожу изнутри. Невыносимое волнение просто раздирало меня. А где-то глубже робко трепетала хрупкая, пугливая, как одинокий котенок надежда...

Он подошел ко мне. Я подчеркнуто на него не смотрела. Я сделала вид, что ничего, кроме играющей в наушниках музыки меня сейчас не интересует. Но он помахал рукой, привлекая мое внимание.

Я подняла на него взгляд. На миг дыхание застряло у меня горле. Что-то стиснуло грудь изнутри, чуть сдавило легкие.

Я вынула наушники, взглянула на него. Вопросительно, осторожно, настороженно.

За его спиной падали капли, переливалась туманная пелена дождя. Он улыбнулся своей волшебной, очаровательной улыбкой. Его сияющие глаза смотрели на меня. Я не могла отвести взор и не могла шевельнуться.

— Привет, — произнес он.

Голос у него был задорный, текучий, басовитый.

— Как дела? — спросил он.

— П-привет... — отчаянно заикаясь, с трудом произнесла я.

Нет, так не пойдёт! Нужно взять себя в руки! А то он решит, что я какая-то больная! Или вообще — неврастеничка...

— В-всё нормально, — тихо ответила я, глядя на его улыбающееся лицо.

Его глаза смотрели в мои.

— А как... у тебя? — робко, едва слышно спросила я.

Он подкинул в руках мяч, улыбнулся. Чуть пожал плечами.

— До встречи с тобой было намного хуже.

До встречи со мной? Он это серьёзно? Правда? Точно? А если...

Пока я думала, что на это ответить, он подошел ко мне ближе.

Моё сердце стремительно взлетело вверх, подпрыгнуло до горла.

Пульс вибрировал в венах, изнутри росла дерганная дрожь.

— Слушай, не поддержишь мой мяч? — спросил он и протянул мне его.

Я посмотрела на него, затем опустила растерянный взгляд на мяч в его руках.

— Эм... к-конечно, — пробормотала я. — Хорошо...

Я неуверенно взяла мяч из его рук. Он чуть наклонился ко мне.

— Поддержи его недолго. Хорошо? — он улыбнулся и едва коснулся своими большими ладонями моих рук.

От его прикосновения, там, где он коснулся моей кожи, образовалось пульсирующее тепло, словно проникший под кожу магический импульс. Этот импульс пробежал по моим предплечьям до локтей и добрался до груди. Он поселился там и превратился в слабый, трепещущий, но ярко горящий волшебный огонёк.

— Я сейчас, — он подмигнул мне, поднял ладонь. — Пару сек... Ладно?

— Хорошо, — послушно кивнула я.

И тут к моему ужасу он выскочил под ливень, натянув на голову куртку. Я ахнула, глядя, как он бежит в дождь, в стене струящейся с неба воды. Чуть наклонившись, пытаюсь уследить за его размытой дождем фигурой, я видела его черно-желтую куртку. Он перебежал дорогу и, оказавшись на другой стороне, скрылся за углом.

Я опустила взгляд на его мяч, положила его себе на колени — он был нелегким. Я чувствовала себя странно, неловко, с чужой вещью в руках и не знала, что делать. Чего он от меня ждёт? Что я должна говорить? Как вести? Как вести себя так, чтобы не оттолкнуть его, не отбить желание общаться со мной? Как... Что... Блин!

Я пожалела, что сейчас рядом со мной нет моей подруги Лерки. Она бы могла мне подсказать, что и как. Мелькнула дурацкая мысль позвонить ей, но я тут же отмела её. Представила, как Лерка начнет стебаться надо мной и отпускать сальные, грубые шутки. Нет. Сейчас это будет невыносимо для меня! Тут я увидела, как Он возвращается, бежит ко мне.

Как-то странно наклонившись, прижимая руки к груди, он забежал под крышу остановки. Он был весь мокрый! Наверное, до нитки! Вода пропитала его куртку, джинсы. Поблескивали от воды его намокшие ботинки.

— Вот, — он довольно улыбаясь вынул из под куртки мягкую игрушку.

— Что это? — спросила я чуть боязливо.

— Это? — он покрутил в руках купленную игрушку. — Ну, наверное, лось, как мне кажется...

Да, это был игрушечный лось. Он был белый в синем свитере с красным носом и очень милой мордашкой.

— Это тебе, — сказал парень, протягивая игрушку мне.

— Мне? — удивленно спросила я и уставилась на умильную мордочку лося. — А за что? Зачем?

Я смущенно, осторожно улыбнулась.

— И почему именно лось? — проговорила я и подняла несмелый взгляд на парня.

Он усмехнулся, дернул плечами.

— Ну... кроме него там были только всякие котятки и зайчики... Я подумал, для тебя это слишком банально и обычно. А ты...

Он сглотнул, глядя на меня, и другим, изменившимся голосом тихо проговорил.

— Ты... ты ведь необычная.

— Неужели? — мягко проговорила я, чуть улыбнувшись.

— Конечно, — уверенно произнёс он, его пристальный, нежный взгляд был устремлен на меня.

— Ладно... — я вздохнула, усмехнулась. — Хорошо...

Мы неловко обменялись. Я вернула ему мяч, а он вручил мне игрушечного лосёнка. Я положила его себе на колени, погладила по мягким рогам. Улыбнулась. Он был клёвый нравился мне.

Я подняла взгляд на парня.

— Очень классный. Спасибо.

Парень с легкой горделивостью кивнул, ухмыльнулся.

— У него есть ещё один неоспоримый плюс.

— Какой же? — с толикой лукавosti спросила я.

— Мы с ним тѣзки. Он тоже, как и я, Мирон.

— Мирон? — с улыбкой повторила я.

Это было не самое частое имя, которое я слышала. Но акцентировать на этом внимание я не стала, это было не слишком красиво.

— А я... Я Ника, — представилась я смущенно.

Когда я назвала свое имя, мне показалось, что где-то в глубине моего сознания открылась тонкая, золотая дверка, похожая на дверку птичьей клетки, и оттуда что-то плавно выскользнуло, упорхнуло. То, что очень давно просилось на волю, то, что очень давно хотело летать.

— Я знаю, как тебя зовут, — внезапно объявил он. — Ты Вероника Лазовская. О тебе многие говорят.

— Да? — только и смогла спросить я. — Я... я не знала.

Это правда было неожиданностью для меня. Кто обо мне говорит? Где? Что?.. Я не знала, что ему отвечать, что говорить. И вообще, я себя чувствовала немножко идиоткой. Меня разбирала паника. Пауза в нашем диалоге затягивалась. Я не знала, что делать. Все мысли в голове в голос орали: А-а-а-а!!!

Тут к остановке неожиданно подъехал автобус. Это был мой автобус!

Я ухватилась за этот шанс, как за возможность избежать мучительной, трудной, неловкой ситуации.

— Слушай... — я подхватила и взяла свою сумку. — Мне пора... Это мой автобус... э-э... Спасибо... Я неуверенно улыбнулась ему.

— Спасибо за... Мирона, — я неловко подняла в руке подаренную мне игрушку. — Спасибо... Мне пора... Э... Всё... П-п... Пока.

Мгновение я смотрела в его глаза. Он недоуменно нахмурился.

Блин! Я всё испортила! Дура!

Я не могла больше этого выдерживать! Я стремглав заскочила в автобус, торопливо приложила проездной к валидатору, забежала подальше в салон, села у окна и с интересом уставилась на улицу за окном, словно ничего интереснее для меня в эти секунды и не было.

Автобус стоял. Двери не закрывались.

Да поехали уже! Я чуть было не закричала это в слух!

Водитель что издевается надо мной?! Кого он ждёт?! Чтобы Мирон залез следом за мной?! Ну езжай, ну пожалуйста, ну... ну... чтоб тебя!..

Автобус нехотя закрыл двери и лениво поехал вперед.

Я с облегчением вздохнула. Из меня словно выпустили воздух.

Я посмотрела в окно. Вспомнила лицо Мирона, когда я убежала.

Господи, ну почему я такая идиотка?! Ведь можно было поговорить... Он же нормально со мной общался, он же такой... классный...

Что со мной не так, а?!

Беспокойные, навязчивые мысли со злым торжеством кружили в моей голове. Я не могла от них избавиться. Они, как назойливая стая гиен, набрасывались на меня, вызвали сонм тревожных и мучительных представлений.

А-а-а... Фак. Ну вот зачем я убежала?! Повела себя, как... как какая-то первоклассница, которой впервые в жизни цветочек подарили!

Пи... Ужас какой-то!

Я закрыла глаза. Раздраженно вздохнула. Теперь я была не на шутку зла на себя. Автобус остановился. На остановке зашло несколько людей. В салоне стало шумно. Я опять надела наушники.

В голову полезли воспоминания...

Кто-то вчера получил нагоняй от жены. Кто-то потерял свою кредитку, в чьих-то воспоминаниях вообще был какой-то фильм, а у кого-то были проблемы с сыном, который собрался жениться не на той девушке. Господи, отвалите все от меня, вместе со своими дебильными воспоминаниями!

Мне отчаянно хотелось где-нибудь закрыться от них от всех, не общаться с ними, не чувствовать, не слышать и не видеть их воспоминаний! И не отбиваться от постоянных obsessions видений!

Я сосредоточилась на музыке. Дождь за окном автобуса ослабел. Он уже не так свирепствовал, и с города спала размытая, водяная пелена.

Я с унылым видом разглядывала мокрый асфальт за окном, залитые дождем стены домов, блестящие от воды ступеньки магазинов, аптек и кафешек. Автобус снова остановился. Зашли новые люди. Я перевела взгляд на лосёнка, что лежал на моих коленях, грустно улыбнулась игрушке, погладила его.

Тут кто-то внезапно сел прямо передо мной. Я подняла взгляд и во все глаза уставилась на Мирона. Он сидел напротив меня с мокрыми волосами, улыбающийся и довольный. На его щеках, на лбу, на шее ещё блестели капли дождевой воды. Я буквально оторопела, глядя на него во все глаза. Все мысли испарились, я забыла, как говорить. Я могла только удивленно таращиться на него.

Он был вспотевший, запыхавшийся. Он явно только что быстро и долго бежал.

— Ты так шустро попрощалась, — тяжело дыша, проговорил он, — что я не успел оставить тебе самое главное.

С этими словами он достал черный перманентный маркер и быстро написал что-то на своем мяче.

— Вот. Держи. — Он положил мяч мне на колени. — Позвони, когда решишь, что я не так уж плох для тебя.

Он подмигнул мне. Встал, быстро наклонился.

И прежде, чем я успела что-то сделать, поцеловал меня в щёку, затем быстро выскочил на остановку. Автобус тут же, словно ждал этого момента, закрыл двери и тронулся. Я совершенно шокированная и ошарашенная оглянулась вслед Мирону.

Его мяч чуть не упал у меня с колен, но я бережно удержала его, прижала к себе. Посмотрела на то, что написал Мирон.

Там были цифры. И его имя. Телефон! Он написал мне свой телефон! Меня сковало небольшое потрясение. Внутри заметалось беспокойство, стало не по себе. И в тоже время, чувствовалось такое неуловимое, приятное, сладостное чувство с легким привкусом вермута.

Всё оставшееся время до дома я думала о Мироне, о том, что из всего этого может получиться, что будет дальше, что мне делать и что предпринять. Пока я доехала домой, я несколько раз успела решиться позвонить ему и примерно столько же раз категорически отказаться от этой мысли.

Однако, когда я вышла из автобуса и направилась к дядиной автомастерской, где жила, я вдруг поняла, насколько нелепо и подозрительно выгляжу с баскетбольным мячом (который, кстати был нелегким) и игрушечным лосем Миронем (надо будет подумать,

оставить ли игрушке это имя).

У дяди Сигизмунда точно возникнет немало вопросов относительно того, откуда у меня столько «сувениров».

Пришлось спешно думать, куда спрятать мяч и игрушку.

Ну Лося-Мирона я засунула в свою спортивную сумку, а вот с мячом было сложнее.

Даже не знаю... Мелькнула мысль, сфоткать номер Мирона на телефон, а мяч просто оставить на ближайшей спортивной площадке. Но, потом я подумала, что это всё-таки не моя вещь.

Поэтому я купила пакет в ближайшем супермаркете и спрятала мяч в него. А сверху для конспирации бросила туда свою кофту.

Всё нормально. Надеюсь, в пакет дядюшка заглядывать не будет. Очень надеюсь. Вот прямо очень.

Придав себе максимально обычный, непринужденный вид как ни в чем не бывало я направилась к автомастерской.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Пятница, 7 августа

— ...Как передают синоптики, сегодня по всей Московской области будут наблюдаться сильные дожди, грозы и ураганы. Температура снизится до плюс девятнадцати, и местами до плюс шестнадцати градусов.

Мужчина, сидящий за рулем кроссовера бронзового цвета, переключил волну на приёмнике.

— ... Мы расскажем вам, как лучше вести себя на....

Водитель снова сменил волну.

— Оставайтесь с нами на Авторадио! — прозвучал знакомый голос.

И тут же зазвучали вступительные ноты композиции War of Hearts певицы Ruelle.

Водитель удовлетворенно кивнул сам себе и прибавил скорости. Он торопился. Он должен был встретиться с человеком, с которым безуспешно пытался поговорить уже почти месяц. Ему просто необходимо было уговорить известного на всю страну мастера жанровой фотосъемки передать ему фотографии весьма пикантного содержания.

И не было никакой уверенности, что в этот раз у владельца бронзового автомобиля это получится!

Тому было несколько причин.

Во-первых, по натуре фотограф слыл личностью капризной и своенравной. Во-вторых, он крайне неохотно соглашался на сторонние предложения о покупке или продаже своих снимков.

В-третьих, фотографии, которые нужны были водителю кроссовера, относились к разряду тех, что производят эффект информационной бомбы, если становятся достоянием общественности. А именно это и хотел сделать обладатель бронзового автомобиля,

потому что он был одним из самых известных журналистов страны, звездой российской журналистики в целом, и журнала «Философский проспект» в частности. Мало кто в журналисткой среде не слышал звучного и запоминающегося имени Касьянс фамилией Каменев. Он часто так и подписывался — К&К. И все знали, чья эта подпись.

Но не так давно Касьян Каменев анонсировал разоблачительную статью о женах и любовницах нескольких влиятельных оппозиционных депутатов и деятелей культуры. Это

должен был быть невероятно сенсационный по своему размаху журналистский материал!

Но пока планы оставались амбициями, а амбиции — грёзами.

Касьян, слегка нахмурившись, поправил ворот рубашки и чуть ослабил галстук.

Журналист нервничал. Импульсивная нервозность одолевала его с тех пор, как он выехал на встречу с фотографом.

Каменев был уверен в себе, потому как знал, что обладает феноменальной способностью разговорить кого угодно и вывести на частную беседу даже самых замкнутых знаменитостей, привыкших к жизни отшельников и предпочитающих интровертное одиночество шумной жизни мегаполиса.

За это феноменальное личностное умение многие из окружения Касьяна тихо, с лицемерной улыбкой на лице, ненавидели его.

В небе под непроницаемым слоем темных, антрацитовых туч пророкотал гром. Затем снова недовольно, басовито прозвучали ворчливые раскаты. На лобовом стекле кроссовера появились первые точки дождевых капель.

Их становилось все больше, они стремительно покрывали лобовое стекло автомобиля. Касьян включил дворники, вздохнул, вновь погружаясь в волнительные раздумья. Он надеялся, что сегодня не будет дождя. Каменев ненавидел дождь, как и пасмурную погоду в целом. Очень скоро журналист оказался за пределами города.

Окраины Москвы остались за спиной, а впереди и по обе стороны трассы все больше попадались заросли леса, лесополосы и бесчисленные дикие поля. Иногда мелькали солидные деревни с аккуратными коттеджами, парковками и собственными маленькими супермаркетами, приютившимися неподалёку.

Но, когда Касьян свернул возле указателя, дорога, широкое с несколькими полосами шоссе, быстро сузилась, превратившись в обычную, двухполосную магистраль.

Заметно уменьшилось количество автомобилей. Местность вокруг стала более тихой и дикой. Кроны деревьев склонялись над дорогой, создавая зловещую тень.

Касьян даже включил фары, так как из-за дождя над окрестностями образовался туман, а при таких густых тенях от деревьев видимость на дороге снизилась совсем.

Желто-белый ближний свет пронизывал завешенный липким туманом прохладный воздух. В темнеющем небе по-прежнему грохотал гром. Блеск молний вспышками освещал салон кроссовера.

Касьян увидел впереди очередной знак поворота, бросил взгляд на навигатор, затем буркнул ругательство и снова повернул.

Тени стали гуще, а небо ещё мрачнее. Между деревьями, что сжимали между собой узкую серую полосу мокрого асфальта, темнел густой полумрак. Дождь усилился. Послышались очередные залпы грома.

Каменеву стало не по себе. Обстановка вызывала нервозность и назойливую, необъяснимую боязнь. Нарастало неприятное, напряженное чувство ожидания. Касьяну казалось, что вот-вот должно случиться нечто страшное, пугающее и кошмарное.

Сверкнула вспышка молнии. Небо словно расколосось от удара и пошло ярко-белыми кривыми трещинами. Мощный порыв ветра сорвал листву с придорожных деревьев, швырнул на асфальт.

Часть листьев попала на капот, часть приклеилась к лобовому стеклу, и дворники не смогли их снять. Касьян сбросил скорость и остановил машину. Не заглушая мотор, мужчина выбрался наружу и пожегся от холодного ветра с дождем. Дождь стучал ему по голове,

холодные капли упали на лицо, поползли по шее за воротник. Втянув голову в плечи, придерживая лацканы пиджака, Касьян подбежал к лобовому стеклу. Сняв один из листьев, журналист отбросил его в сторону и отряхнул руки. Потом потянулся за вторым листочком на лобовом стекле его машины, но тут в унисон с ударом грома в небе над ним вспыхнула молния.

На глазах у Касьяна угловатый, извивающийся луч сверкающего света с искрами ударил в основание стоящего рядом раскидистого дерева. Мощный, высокий дуб вздрогнул. Послышался звук, похожий на чей-то угрюмый, басовитый вой. Затем раздался ленивый, сухой и раскатистый треск.

Касьян остолбенел от ужаса, глядя, как огромное, ветвистое дерево загорается и медленно заваливается набок. Он бросился к машине, прыгнул за руль, не закрыв дверцу, быстро сдал назад. Дуб падал на дорогу. Кроссовер задом-наперёд пытался убраться от него как можно дальше. Когда дерево тяжело и мощно ударилось об асфальт, Касьян почувствовал, как вздрогнул автомобиль. Каменев остановил машину и закрыл болтающуюся дверцу. Часто дыша, мужчина смотрел на поваленное дерево, от распростёртых ветвей которого в пасмурное небо уходили тонкие сизые струйки дыма.

Под аккомпанемент грома в мрачных дождливых небесах мелькнули ещё две молнии, а упавшее дерево погибало в объятиях танцующего, разрастающегося огня. Дождь совсем не мешал огню. Напротив, сильный ветер нарастающей бури только раздувал пламя.

Дрожащие отсветы огня танцевали на мокром лобовом стекле автомобиля Каменева и сверкали в каплях усиливающегося дождя. Касьян почувствовал в произошедшем плохой, жуткий, угрожающий знак. Упавшее на дорогу, перекрывшее путь, массивное, горящее дерево выглядело мрачным предзнаменованием.

Касьян смотрел, как огонь пожирает древесную кору поверженного дуба, как обламывает его ветки, и те, сгорая, падают в лужи, поднимая снопы тающих искр. Несколько мгновений журналист рассуждал, но его решимость осуществить задуманное только окрепла. Другого шанса поговорить с Платоном Плансоном, одним из самых престижных фотографов Европы, у него не будет.

На следующей неделе эта звезда фотосъемки сваливает в турне по Юго-Восточной Азии, и ему будет совсем не до интервью с каким-то журналистом для какого-то там журнала. Тем более, фотографу будет безразлично интервью, которое даже не было согласовано.

Каменев упрямо качнул головой. Черты его лица отвердели, он сделал выбор. Назад он не повернёт. Пусть хоть все силы природы против него ополчатся! Журналист надавил на газ, автомобиль взревел, свирепо замычал и устремился вперёд. Каменев объехал горящее дерево и переключил скорость.

Дождь мгновенно превратился в ливень. Непроницаемая, переливающаяся бликами стена из струй дождя обрушилась на дорогу. Как будто внезапно расшвырявший дождь лупил по крыше автомобиля так, словно норовил пробить её и добраться до непослушного водителя.

Через полчаса езды под проливным яростным ливнем впереди показались щербатые кривые руины древних строений прошлого века. Здесь торчали устремлённые в серое небо проржавевшие трубы, повсюду темнели грязные стены полуразрушенных строений.

Когда Касьян подъехал ближе, он увидел груды металлолома и несколько остовов автомобильных кузовов. Чуть дальше, на заросшей взлётно-посадочной полосе, стояли два

огромных вертолѐта. Их покрытые рыжими пятнами ржавчины лопасти опустились вниз. Разбитые стекла кабин облепили пыль, грязь и птичий помёт. За ржавеющими винтокрылыми машинами высилась ещё одна груда битого, поломанного, покорѐженного металла.

Касьян остановил автомобиль неподалѐку, но не спешил выбираться из него. Чуть наклонившись вперѐд и пригнув голову, он внимательно осматривал крайне неживописную местность.

Здесь чувствовалась витающая между руинами гнетущая тоска — грустная, мрачная и давящая.

Руины. Свалка. Металлолом. И стихающее эхо ушедшей эпохи. Эпохи, которую новые поколения теперь учат ненавидеть или даже презирать.

Внезапно Касьян почувствовал резкий прилив напряжения. Он вжался в сиденье, в ужасе глядя на силуэт, медленно бредущий между руинами разрушенных зданий. Чѐрный, поблескивающий, изящный силуэт.

Он, а точнее она, фигура явно была женской, не спеша, слишком активно виляя бѐдрами, ступала по песчаной, рыхлой почве.

Девушка на ходу коснулась рукой щербатой, покрытой ямками выбоин, разбитой стены дома, ласково провела по ней пальцами. Потом запрокинула голову, остановилась и развернулась к старой стене лицом. Широко расставив руки и ноги, девушкаплавно двигаясь, явно перед кем-то рисуясь, эротично наклонилась вперѐд.

Касьян облегченно вздохнул. После кошмарного убийства, которое сейчас обсуждают все СМИ Москвы, он не мог избавиться от пугающих фантазий, связанных со всем черно-белым.

Впрочем, у него на работе несколько коллег оказались так потрясены случившейся историей убийства семьи Вербиных, что даже взяли небольшой больничный и записались на курсы к психотерапевтам.

Город не так давно пережил, так называемый, «Кошмар роз», а тут, буквально через месяц, грянуло на всю страну шокирующее известие о новом убийстве. И мало того, что была убита целая семья, что само по себе внушает одновременно ужас и отвращение, так ещё, если верить просочившимся в сеть фотографиям, убийство было обставлено «со вкусом». Да, именно «со вкусом», как бы до омерзения цинично это ни звучало. Именно такое определение позволил себе один из новостных порталов страны. За что, кстати, уже получил взыскание от правоохранительных органов, и вызвал бурю негодования среди пользователей соцсетей.

Но, так или иначе, те фотографии, которые увидел Касьян, произвели на него неизгладимое впечатление. Каменев понуро вздохнул и посмотрел на девушку, всё ещё позирующую у стены.

Журналист достал зонт и вышел из автомобиля. Дождь стучал по ткани зонта, дождевые капли месили грязь под ногами. Но девушке в чѐрном, похоже, непогода была нипочѐм. Она вдохновенно вертелась перед стеной, принимая самые разные позы. От страстных и откровенно вызывающих до обычных, прохладных и чуточку угрожающих.

Касьян неспеша шел вдоль свалки ржавеющей военной техники. И через несколько секунд увидел его. Одетый в чѐрную кофту-худи с капюшоном, в чѐрные джинсы и ботинки, молодой мужчина сосредоточенно смотрел в свою фотокамеру. Его фотоаппарат был установлен на треноге. Массивный объектив вытянулся вперѐд. Фотограф чуть щурился,

глядя в камеру, и нажимал кнопки возле дисплея камеры. У Плансона была аккуратная чёрная борода, переходящая в усы, и длинные, густые, чёрные волосы, завязанные в пучок на макушке.

Как и девушка-модель, фотограф никакого внимания не обращал ни на дождь, ни на ветер, целиком погрузившись в искусство. Однако он заметил подходящего к нему Касьяна и отвлёкся от съёмки.

— Добрый день! — под грохот грома с натянутой улыбкой произнёс Касьян.

Платон Плансон выпрямился, надел очки и изучающе взглянул на приближающегося Касьяна. Фотограф чуть нахмурился, его взгляд был надменным и недружелюбным.

— Чему обязан? — холодно, грубовато спросил Платон.

Касьян застыл в паре шагов от него. Он не впервые слышит откровенно неприязненную речь в свой адрес.

Однако в голосе Платона проскользнуло что-то ещё помимо привычной агрессии.

Что-то такое, что озадачило и слегка обескуражило Касьяна Каменева. Журналист на мгновение растерялся, но тут же быстро собрался и, прокашлявшись, произнёс.

— Меня зовут...

— Я знаю, кто вы, — перебил его Платон. — Я спрашиваю: «Что вам нужно?»

Касьян пару мгновений покачался с носков на пятки. Затем шагнул к фотографу ещё ближе.

— Что ж, давайте прямо к делу.

— Уж извольте, — ледяным голосом произнёс Платон.

Каменев пару мгновений помешкал, затем пожал плечами и произнёс:

— Думаю, не ошибусь, если предположу, что вы иногда осуществляете специальные, эксклюзивные фотосессии, господин Плансон.

Платон едва заметно шевельнул бровями, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Это вы о чём сейчас?

Касьян изобразил дружескую улыбку и заговорщицким тоном шепнул, чуть наклонившись вперёд.

— Бросьте. Я знаю, что вы иногда исполняете маленькие прихоти состоятельных людей.

Лицо Платона немного изменилось. Он полностью, всем корпусом, развернулся к Касьяну и шагнул к нему, чуть задрал подбородок. Каменев инстинктивно отступил назад и насторожился.

Платон выглядел агрессивно, и окружающая мрачная сумеречная обстановка, с нависающими над землёй рычащими тучами, способствовала растущей напряженности.

— Я... — произнес Платон, сверкнув глазами и сжав кулаки, — понятия не имею, господин Каменев, о чём вы сейчас толкуете!

— Платон, я понимаю...

— Я думаю, вам лучше уехать, — выразительно подняв брови проговорил фотограф.

— Но, послушайте...

— Прямо сейчас! — прикрикнул на него Платон.

Ветер подхватил его слова и разнёс над руинами, разбрасывая повсюду, куда мог дотянуться. От этого слова Плансона прозвучали с максимально вложенным в них негодованием.

— Ладно, — пробормотал Касьян.

Он опустил взор, развернулся, сделал вид, что собирается уйти. Журналист сделал два шага, одновременно про себя считая до пяти. Затем остановился с видом, будто его осенило, и вернулся к Плансону.

Тот раздраженно вздохнул.

— Каменев, не испытывайте моего терпения. Вы ничего от меня не получите!

— А как насчет продажи? — спросил Касьян и чуть прищурил глаза. — Сколько вы хотите? А? Сколько хотите за интимные снимки любовниц и жен наших оппозиционных деятелей? М-м? Сколько же? Господин Плансон, я уверяю вас...

— Слушай, журналистишка! — прорычал Платон. — Ты что, уши жвачкой залепил? Я тебе ещё раз повторяю — проваливай! Пошёл вон! Свали отсюда! У меня нет и никогда не было никаких интимных снимков ничьих жен и любовниц... Я не представляю, где ты услышал подобную ересь, но это чушь, которой постыдилась бы даже бульварная беллетристика!

Касьян выслушал эту гневную тираду совершенно спокойно.

— То есть, вы отказываетесь? — миролюбиво спросил он.

Плансон раздраженно фыркнул.

— Я уже всё сказал!

Каменев едко усмехнулся.

— Неужели Вы так боитесь поспорить с ними? Бросьте... Вы знаете, сколько «Философский проспект» готов выложить за эти снимки? Думаете, речь идёт о десятках тысяч? Ошибаетесь, о сотнях. И отнюдь не рублей.

Платон чуть сузил глаза. Его изумрудные глаза прожигали Касьяна ядовитым, презрительным взглядом. Какое-то время они молча стояли друг напротив друга.

Платон смотрел на Касьяна. Тот, не отводя взор, внимательно глядел в ответ. Он был чуть ниже Платона, но не испытывал комплексов по этому поводу. Каменев всегда считал, что ситуация под контролем до тех пор, пока люди взаимодействуют друг с другом без помощи рук.

Плансон снял очки, вздохнул и недовольно сдвинул брови.

— Послушайте, — проговорил он уже спокойнее, — господин Каменев, вы — один из известнейших журналистов, уважаемый и почтенный, а ваш журнал — престижнейшее издание. Какого чёрта вам понадобилось разыскивать несуществующие фотографии каких-то там жен и любовниц всяких оппозиционеров... Да ещё и у меня?! Я похож на ничтожного папарацци, который занимается подобной бульварной дешёвкой?

Плансон с осуждением покачал головой.

— Неужели у вас нет других тем, которым вы бы могли посвятить свои статьи?

Он насмешливо хмыкнул.

— Если так, то мне вас искренне жаль, потому что вы зря потратили время и бензин, добираясь сюда.

Он надел очки и снова склонился к своему фотоаппарату.

— Всего доброго, — буркнул он Касьяну и крикнул девушке-модели. — Хорошо, Инга, теперь попробуем по-другому...

— Господин Плансон, какая у вас машина? — спросил вдруг Касьян, который вовсе не собирался сдаваться.

Платон, не отвлекаясь от фотоаппарата, неприязненно ответил:

— S63-й.

— Неплохая тачка. А как насчёт возможности в будущем приобрести себе Порше девятьсот одиннадцатый? Что скажете? Разве этот автомобиль не более достоин вашей персоны?

— Меня вполне устраивает мой, — не оглядываясь на Касьяна, ответил фотограф.

Ветер играл его волосами и подкидывал капюшон его черной худи.

— Так! Инга! Встань вон там... Нет, вон туда... Да... Теперь присядь... — прокричал Плансон.

Ему приходилось надрываться, чтобы перекрикивать заунывный, возрастающий вой ветра.

Касьян перехватил зонтик двумя руками и чуть наклонил его — ветер норовил вырвать зонт из рук или выломать спицы.

— Но ведь куда приятнее рассекать на дорогом спорткаре, чем на среднестатистическом седане.

— Во-первых, Mercedes S-63 отнюдь не среднестатистический автомобиль, — ответил фотограф. — А во-вторых, у меня кабриолет.

— Тем более! — с фальшивым восторгом воскликнул Касьян. — Значит, у вас есть желание приобрести себе более стоящий кабриолет! А за те деньги, что предлагает мое издание, вы сможете позволить себе более чем респектабельную машину! Или... Или вы сможете даже купить себе яхту...

— У меня есть.

— Ну, тогда дом...

— У меня две квартиры в Москве, — вздохнул Платон. — Одна из них в «Moscow-city», а жить в частном доме я никогда не мечтал и не понимаю тех, кто в них живёт.

Касьян качнул головой.

— Слушайте, господин Плансон, подумайте, ведь сумма в триста...

Тут Платон резко развернулся и подскочил к Касьяну, тот не успел среагировать. Плансон с решительным, свирепым лицом, схватил журналиста за ворот пиджака, встряхнул и притянул к себе.

Касьян замер, глядя в испепеляющие зеленые глаза Платона.

— Слушай ты, падальщик червивый! — процедил он, — Садись в свою тележку, взятую в кредит, и ***дуй на хрен отсюда, пока цел! Понял?!

Он с силой оттолкнул Касьяна от себя.

Каменев позорно вскрикнул, нелепо замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Зонт выпал из его рук, и сам Каменев тоже почти плашмя рухнул на мокрую, размытую дождём почву.

Сидя в грязи, он с ужасом оглядел свой перепачканный костюм, затем с перекошенным от омерзения и страха лицом негодуяюще уставился на Платона.

Плансон нависал над распластавшимся в грязи Каменевым.

Кровь не желала останавливаться. Нос распух и наливался болезненной тяжестью.

Каменев убрал пакет со льдом, посмотрел на себя в зеркало и выразительно выругался. Его кровоточащий нос раза в два увеличился в размерах и покраснел.

— Психопат конченный! — с негодованием воскликнул журналист. — Чуть что — сразу кулаки в ход пускать! Дикарь с камерой! Бездарность с раздутым самомнением и повадками питекантропа!

Его автомобиль стоял на окраине Москвы возле первой приличной аптеки, которая попалась Касьяну.

Каменев вздохнул, отпил купленной газировки, посмотрел в окно. Ему уже нужно было возвращаться в офис, где его ждут с обещанными фотографиями.

Каменев проклинал свою самоуверенность, болтливость и заносчивость. Зачем он всем похвалялся, что скоро напишет разоблачительную статью с убийственным материалом и фотографиями? Зачем? Столько разговоров было! Теперь все с нетерпением ждут... Причем, как друзья, так и враги. Первые, возможно, чтобы порадоваться, вторые, чтобы поскорее обгадить и раскритиковать.

Каменев представил, каким посмешищем он предстанет, когда выяснится, что никаких снимков у него нет и, скорее всего, не будет.

А всё из-за того, что он счёл получение информации о наличии такого рода снимков половиной успеха. Он действительно проделал огромную работу, чтобы узнать о существовании этих фотоснимков. И судя по тому, как внезапно быстро разозлился Платон Плансон, фотки всё-таки реально существуют. Теперь уж Касьян в этом не сомневался.

Но беда в том, что подкупить Плансона явно не удастся. И вот этого Касьян никак предусмотреть не мог! Шутка ли! Он взял у редакторов и спонсоров журнала триста тысяч евро именно на то, чтобы заплатить Плансону и получить эти треклятые снимки! А ведь они необходимы, без них никак! Благодаря болтовне Каменева его статьёй заинтересовались ещё и политические обозреватели, блогеры, депутаты и даже несколько тв-шоу.

— Твою же ж, мать, — устало и разочарованно протянул Каменев.

Он чувствовал себя так, словно стоит на краю невероятно высокого обрыва, на дне которого зловеще белеют кости и черепа. Ещё немного, и его толкнут с этого обрыва, потому что по своей глупости он сам подошел к самому краю и сейчас может за это крепко поплатиться.

Касьян непроизвольно и с досадой накрыл ладонью лицо и тут же убрал руку, выгнувшись на сидении от боли и выкрикивая ругательства.

Когда двери лифта открылись, Касьян не сразу решил выйти. Он просто стоял перед открытыми дверями в лифтовой кабине и смотрел на закрытые или распахнутые двери офисных кабинетов, на суетливо бегающих между столами или усердно работающих за компьютерами людей.

Касьян задержал свой взгляд на двух девушках, которые о чем-то беседовали около кофейного автомата. Увидел мужчину, который очень громко и сердито с кем-то общался по телефону.

В офисе вообще постоянно слышались звонки стационарных и мобильных телефонов, разговоры, обрывки фраз и слов.

Все звучащие в стенах офиса голоса сливались в единый, беспорядочный и неразборчивый хор. Среди этого хора иногда слышался смех, как правило, звонкий и очень фальшивый. Часто хлопали двери и слышался топот ног спешивших куда-то людей. Всё это беспрестанно сопровождалось щелканьем компьютерной клавиатуры.

Касьян измученно, устало вздохнул, перебросил за плечо свой пиджак и неспешной походкой направился к своему кабинету.

Он попытался пройти незамеченным мимо кабинета главного редактора Лукьяна Курбатова. И у него почти получилось, он уже было облегченно вздохнул, когда внезапно

дверь кабинета главного редактор резко распахнулась, да так сильно, что на окне двери закачались жалюзи.

— А, вот и наша звезда! — с издевательским торжеством провозгласил голос Лукьяна Курбатова.

Касьян остановился, возвел взгляд в потолок и неприязненно зажмурился. Люди в коридорах остановились, оглянулись, многие выглянули из своих кабинетов, и все смотрели на Касьяна. Каменев медленно обернулся к Курбатову.

Перед ним стоял мужчина в элегантном костюме цвета берлинской лазури, между лацканами расстегнутого пиджака виднелась такого же цвета жилетка, из-под которой светлела белая рубашка. Все это великолепие дополнял галстук баклажанного цвета, а из нагрудного кармана пиджака выглядывал треугольник платка этого же оттенка. На жилетке у Лукьяна поблескивала цепочка ручных часов «Брегет», которые Курбатов получил в награду за феноменальный успех журнала в предыдущем году.

У Лукьяна были тёмно-русые волосы, зачесанные в пышную причёску и щедро умащенные гелем. Главный редактор обладал заостренным к подбородку лицом и высоким лбом, а из-под его бровей пронзительно смотрели темные глаза. Лицо Курбатова обрамляла тонкая бородка, а над губой красовались небольшие усики.

Некоторые девушки в редакции находили Лукьяна невероятно привлекательным, но Касьян, напротив, всегда считал его мерзким уродом с отвратительным, склочным и едким характером.

Курбатов неспеша, пряча руки в карманах брюк, подошел к Касьяну.

— Ну что? — обманчиво игривым тоном спросил он. — Как дела, Касьяша?

За спиной Касьян услышал несколько одобрительных, злорадных смешков. Он знал, что в редакции «Философского проспекта» у него хватало злопыхателей, которые страстно жаждали, чтобы он как следует опозорился. Похоже, они своего дождались.

— Ты получил фотографии, за которыми ездил? — спросил Лукьян и ухмыльнулся, глядя на Касьяна.

— Ещё нет, — процедил Каменев.

— Что-что-что? — Лукьян изобразил, что не расслышал ответ Каменева. — Ты погромче, погромче скажи, а то я что-то не расслышал. Давай-ка... Итак. Ты достал фотографии, Касьян?

Каменев почувствовал заливающий лицо жар. Он увидел, как стоящий вдалеке за спиной Курбатова полноватый мужчина с бакенбардами закрыл лицо руками. Это был Марк Лунин, лучший друг Касьяна.

Каменев перевел взгляд на Лукьяна, тот замер со слащавой ухмылкой на лице.

— Ну? — вскинув брови, спросил Касьян. — Ты достал фотографии? А? Касьян?

За спиной снова зазвучали злорадные смешки.

Касьян вздохнул, глядя в глаза Курбатова.

— Я их достану, — уверенно, с нажимом произнёс он. — Можешь не сомневаться.

Курбатов улыбнулся шире, Касьян развернулся к нему спиной и пошел к своему кабинету, игнорируя взгляды окружающих людей.

Никто, кроме Касьяна, не отваживался так себя вести с главным редактором журнала.

— Очень надеюсь, что ты их достанешь! — крикнул вслед Лукьян. — Не хочется из-за тебя извиняться, сам знаешь, перед кем!

Да, Касьян знал. Знал, что его статью ждут. Ждут и боятся. А другие наоборот страстно желают увидеть те самые снимки, которые он собирался обнародовать вместе с разоблачительной статьёй.

Его анонсированная статья гарантированно разрушит карьеру нескольким видным антиправительственным депутатам.

И по мере того, как об этом говорили, интерес к нему и к его статье всё больше подогревался. Касьян знал и осознавал, в какую безнадежную ловушку загнал себя из-за собственного же хвастовства.

Каменев дошел до своего кабинета, здесь кроме него обычно работали ещё четыре человека, одним из которых был Марк Лунин. Но сейчас кабинет пустовал, потому что Маша, Женя и София уехали обозревать несколько важных европейских саммитов, которые должны произойти в ближайшее время во Франции и в Германии.

Касьян сейчас, как никогда, был рад их отсутствию. Меньше всего на свете он сейчас хотел бы отвечать на вопросы этих трёх милых, старательных, но очень болтливых журналисток.

Он подошел к своему столу, бросил пиджак на кресло, затем шагнул к окну и открыл стеклопакет. В лицо сразу же повеяло приятной дождливой прохладой. Перед ним раскинулись безграничные просторы Москвы с её новостройками и широкими, многополосными дорогами.

Город наполняли звуки автомобильных моторов и сигналов. Где-то далеко играла музыка, внизу перед серым зданием редакции журнала передвигались толпы прохожих.

Касьян вздохнул, присел на подоконник, ослабил галстук.

Дверь без стука распахнулась, и Каменев лениво обернулся. На пороге замер Марк Лунин — его лучший и, скорее всего, единственный друг.

— Оу... — протянул он, увидев Касьяна, сидевшего на окне. — Я помешал твоему суициду? Извини... Хочешь, я уйду?

— Да пошёл ты, — беззлобно бросил Касьян и улыбнулся.

Марк вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и приблизился к Каменеву. Тот отвернулся, глядя на город.

— Ну что? Рассказывай, — потребовал Лунин, — ты же не собираешься печатать статью без фотографий?

Помолчав, друг Касьяна осторожно добавил:

— Я её читал, и без фотографий, уж прости, она и половины ценности не имеет.

— Знаю, — отозвался Каменев, — именно поэтому я собираюсь вынудить Плансона отдать мне эти ср**ые фотографии.

— Так-так-так, — оживленно проговорил Лунин. — Я слышу изменившуюся риторику. Вместо «купить» или «выкупить» ты употребил словно «вынудить». Скажи, я правильно тебя понял?

Он хитровато улыбнулся, глядя на Каменева. Касьян тоже довольно улыбнулся в ответ.

— Скажи, ты сейчас занят? — спросил Касьян.

— Для лучшего друга, благодаря которому я тут работаю, у меня всегда найдется время, — объявил Лунин.

— Перестань паясничать. Пошли. Есть разговор.

— Интриги, — Лунин с предвкушением потёр ладони, — обожаю!.. Пошли.

В баре было мало посетителей, но в то же время достаточно, чтобы их с Марком разговор не выделялся слишком сильно. К тому же из динамиков звучала музыка, а чуть дальше несколько человек шумно играли в бильярд.

— Ну и что ты задумал? — спросил Марк, отпив из своего бокала пиво.

— Всё просто, — пожал плечами Касьян.

Марк покачал головой и нахмурился.

— Когда ты так говоришь, это настораживает.

— Почему? — усмехнулся Касьян.

— Да потому что это означает, что ты опять готов на какие-то радикальные действия.

Лунин вновь припал губами к высокому бокалу, но, взглянув на лицо Касьяна, поперхнулся, подавился и шумно закашлялся. Касьян чуть перегнулся через стол и похлопал его по спине.

— Так, — перестав кашлять, с покрасневшим лицом проговорил Лунин. — Похоже, я не ошибся...

Он обреченно вздохнул.

— На сколько это будет незаконно в этот раз?

Касьян пожал плечами.

— Если всё пройдет, как надо, ничего незаконного не будет.

— Понятно, — протянул Лунин, глядя в сторону. Потом, пристально взглянув на друга, добавил, — значит... шантаж?

Касьян вместо ответа лукаво улыбнулся и своим бокалом звонко коснулся бокала Лунина. Отпив немного, Каменев сладостно и тихо произнёс:

— Шантаж.

Сумерки стремительно превращались в ночь. Столица украсилась миллионами огней. Привыкшая развлекаться по ночам публика заполнила клубы, бары и рестораны города. Пик ночного веселья пришелся на полночь и час ночи. Но к тому времени, когда Платон Плансон покинул свою квартиру в высоком небоскребе, было уже без десяти два. Город ещё шумел, люди всё ещё гуляли. Однако многие уже спешили домой.

Сегодня, конечно, пятница, но большое количество людей все-таки предпочитали встретить рассвет не в клубе или в пабе, а в уютной постели, дома. Поэтому столичные хитросплетения бесчисленных дорог стали куда свободнее.

Когда Платон сел в свой темно-синий Mercedes S63 и поехал прочь, Марк Лунин без труда последовал за ним на своём Ford Explorer.

— Хорошо, а куда он едет, ты знаешь? — спросил Марк сидящего рядом Касьяна.

— Догадываюсь, — туманно ответил он.

Лунин кивнул.

— Думаешь, у него опять какая-то запрещенная фотосессия? Почему ты в этом так уверен?

— Потому что перед тем, как ехать к нему, я его изучил, — ответил Касьян. — Ты думаешь, я бы стал хвастаться, что получу фотки, не зная ничего о человеке, у которого они есть?

— Но тем не менее...

— Я ошибся, — на мгновение закрыв глаза, вынужденно произнёс Касьян, — знаю, я просчитался... Я не думал, что он так сильно опасается своих клиентов.

Мерседес Плансона свернул возле барбершопа.

— Проезжай, — велел Каменев.

— Но он же...

— Мы перехватим его через один квартал.

— Ладно.

Лунин послушно проехал поворот.

— Если он хотя бы на мгновение заподозрит слежку, — Каменев покачал головой, — то скроется, и мы останемся без фотографий.

— Не мы, а ты, — шутливо заметил Лунин.

— Я возьму тебя в соавторы статьи, — лениво ответил Касьян. Марк с удивлением уставился на него.

— Касьян, да не надо... Я и так тебе помогу...

— Я знаю, — кивнул Каменев, — именно поэтому я чувствую, что обязан тебе, а я не люблю оставаться в долгу. Ты же знаешь.

— Да уж, это точно, — вздохнул Лунин.

Они действительно смогли снова сесть на хвост Плансону через квартал и, судя по всему, тот не заметил слежки.

Лунин заметно нервничал. Касьян тоже чувствовал пульсирующую нервозность и растущее беспокойство. Но он куда лучше владел собой.

Будучи журналистом, Каменев уже не раз следил за объектами своих интервью или же просто за людьми, которые могли снабдить его той или иной информацией. На что только не пойдёшь ради сенсации! «Как много горькой иронии в этом выражении» — подумал Касьян, невесело усмехнувшись.

Мерседес Плансона сворачивал ещё несколько раз.

На форде Лунина, Марк и Касьян миновали несколько районов. Местность за окном изменилась, стала более зеленой. Привычные высотки уступили место коттеджам и особнякам в разных стилях, от Замкового и Необарокко до Модерна и Райтовского.

Все эти дорогие, фешенебельные дома красовались среди сочных, зеленых лужаек, широких серо-стальных озёр и лесных полос, с определенными сортами деревьев.

— Аристократическое гнездо, мать их, — пробурчал Лунин, глядя на всю эту чрезмерную роскошь с откровенным неодобрением.

— Да, и одна из главных их жизненных целей состоит в постоянной конкуренции роскоши, которую они могут себе позволить.

Лунин пару секунд молчал.

Они держались на солидном расстоянии от Мерседеса Платона.

— Налог на роскошь здешних небожителей точно не пугает, — угрюмо проворчал Марк.

— Наверняка, — тихо засмеялся Касьян.

У едущего впереди мерседеса неожиданно загорелись задние красные фары.

Кабриолет Плансона начал останавливаться.

— Проезжай дальше, — быстро бросил Касьян, — и не сбавляй скорость.

Они обогнали тёмно-синий кабриолет, промчались мимо огромного особняка, построенного в соответствии со стилем американского архитектора Френка Ллойда Райта, из-за чего стиль и получил название «Райтовский». Подобные строения изобиловали простыми ровными линиями и прямоугольными или квадратными элементами. Архитектуру особняка отличали террасированные крыши, отделанный светлым камнем и деревом фасад,

а также окна с зеркальной поверхностью в человеческий рост. Особняк окружали переплетающиеся мощные дорожки, между которыми зеленели островки газона с небольшими клумбами и кустарниками.

Именно перед воротами этого особняка и остановился Платон Плансон.

Лунин проехал вперёд мимо следующих особняков, пока Касьян не сказал:

— Всё, здесь останови.

— Что ты собрался делать? — спросил Лунин.

— Ничего такого, о чём тебе стоило бы беспокоиться, — подмигнул ему Касьян.

— Я уже беспокоюсь, потому что ты очень странно сегодня оделся, — заметил он.

Касьян и вправду облачился в черную облегающую одежду военизированного типа и высокие ботинки на шнуровке.

— Я всё сделаю сам, Марк. Не трясись.

Касьян с уверенным, боевитым видом выбрался из автомобиля и открыл багажник. Из него журналист достал позвякивающий чёрный рюкзак и смотанную веревку.

Марк тоже вышел из машины и подошел к Касьяну.

— А что у тебя в рюкзаке? — с плохо скрываемой тревогой спросил Лунин.

— Альпинистское снаряжение и ещё кое-что, — не глядя на друга, ответил Каменев.

Он закрыл багажник и хлопнул Марка по плечу.

— Увидимся, — Касьян улыбнулся, легонько ткнул друга кулаком, — не скучай.

— Ага... — только и проговорил ему вслед озадаченный Марк.

Касьян свернул в густую лесополосу. Воздух здесь был напоен сочными, влажными ароматами зелени, особенно выделялся горьковатый запах трав.

Каменев пешком, скрываясь в густом мраке деревьев: раскидистых секвой и грабов, вернулся к тому самому особняку, в ворота которого въехал автомобиль Платона Плансона.

Здесь Касьян остановился ненадолго. Отдохнул пару минут, а затем достал снаряжение. Вьюности он увлекался альпинизмом и даже какое-то время подрабатывал инструктором. С помощью снаряжения Касьян забрался на самую верхушку дерева и посмотрел вниз. Высота его не пугала, а скорее захватывала. Касьян с наслаждением вдохнул насыщенный, ароматный ночной воздух и вдохновенно оглядел захватывающие просторы окрестностей.

Элитный посёлок с коттеджами и особняками изобилует яркой иллюминацией: уличные фонари, разноцветная подсветка для ландшафтного дизайна, огни домов — всё это придавало окружающему пейзажу потрясающее мистическое величие.

Касьян достал фотокамеру, включил, посмотрел в объектив и остался доволен: у него была отличная позиция и точка обзора.

Журналист посмотрел на циферблат наручных часов. Оставалось меньше минуты. Сердце Касьяна оживленно, с волнением, забило. Он не удержался и нервно сглотнул, затем снова посмотрел в камеру, навел объектив на окна. Сейчас они были плотно закрыты роллетами.

Каменев бросил взгляд на часы. Пять секунд... четыре... три... две... одна... Он припал к фотокамере и уставился на окна местного дворца. Мгновение ничего не происходило. И тут роллеты стремительно начали раздвигаться, обнажая окна и открывая взору то, что происходило внутри.

А там в апартаментах дорогого особняка в просторной гостиной происходила настоящая секс-вечеринка в легком стиле BDSM.

Полуголые мужчины и женщины были в высоких чёрных сапогах, с цепями,

наручниками и плетками. Все участники закрытой секс-вечеринки скрывали лица под белыми полумасками, хотя скрывать-то стоило совсем другое.

Единственным, кто был без маски и более-менее одетым, оказался Платон Плансон, который фотографировал участников вечеринки.

Касьян начал торопливо снимать происходящее. Он сделал несколько снимков, прежде чем голозадая «блистательная» публика внутри особняка заметила открывшиеся окна.

Давясь от смеха, Касьян проворно и ловко спустился с дерева, собрал всё снаряжение и так же быстро припустил к стоящему неподалеку форду Лунина.

— Заводи тачку! — крикнул он, выбегая из леса.

Марк бросил сигарету на землю и, коротко выругавшись, прыгнул за руль.

Касьян, хихикая, тоже запрыгнул в автомобиль.

— Что ты натворил?! — вскричал перепуганный Марк.

— Да гони ты уже! — смеясь крикнул ему счастливый Касьян.

Глаза у него горели азартом.

Марк завёл автомобиль и дал по газам. Автомобиль устремился прочь. Они мчались мимо озаренных огнями грандиозных особняков и их дворов с изысканным дизайном. Когда Марк и Касьян выехали с территории элитного посёлка, Лунин проехал ещё несколько километров и остановился в оговоренной точке.

— Может, покажешь, что ты там наснимал? — спросил он Касьяна.

— Держи, — Каменев со смешком протянул другу фотокамеру, — я такого давно не видел.

Марк явно заинтригованный взял у него фотоаппарат и включил. Он тоже заухмылялся, увидев снимки, но вдруг его лицо изменилось, а улыбка исчезла.

— Господи... — выдохнул он.

— Ты чего? — Касьян приблизился к нему.

Лунин секунду смотрел на дисплей камеры, а затем повернул его к Касьяну.

— Ты видишь?

Каменев пожал плечами.

— Голая женщина в маске льет шампанское в открытый рот голого мужчины, — Касьян пожал плечами, — что тебя здесь так испугало?!

— Посмотри на интерьер, — с трудом, явно чем-то напуганный, проговорил Лунин.

— А что с ним не так? — Касьян... Он же... Чёрно-белый...

Каменев поднял взгляд на испуганное лицо своего друга.

— Ты рехнулся? — спросил он с усмешкой. — Что ты хочешь сказать? Что они как-то причастны к убийству семьи, о котором вчера все каналы тряндели?

— Не они... — Марк снова посмотрел на дисплей камеры, — что если... Если это Плансон? Что если он и есть этот убийца? Вспомни, Касьян, он ведь увлекается чёрно-белой съемкой. Большинство его фотографий именно чёрно-белые... А помнишь его жутковатую коллекцию снимков, где повсюду разрушенные корабли, а вдалеке стоят одетые в белое девушки?..

— Ты это зря, — вздохнул Каменев, — эти фотографии высоко оценили на выставках в Европе. Один Берлинский миллиардер купил все снимки до единого.

— Так или иначе, — не сдавался Лунин, — это всё странно... И вкусы у этого Платона странные... Какие-то inferнальные и чересчур футуристические!

Касьян только небрежно пожал плечами.

— Публика любит эпатаж и загадочность. Нам ли с тобой этого не знать?

— Всё равно... — покачал головой Лунин, — мне кажется, на это нужно обратить внимание.

— Ладно, — кивнул Касьян, забирая у него камеру, — посмотрим, подумаем...

Он спрятал фотоаппарат в сумку и внимательно посмотрел на Марка.

— Не забудь попросить своего знакомого перевести деньги моему человеку. Ему очень сильно влетит за внезапно открывшиеся окна. Может быть ему придётся даже навсегда уехать из Москвы. Было бы неплохо, если бы он получил обещанную компенсацию.

— Всё будет, — кивнул Лунин, с беспокойством сжимая руль, — Касьян... Подумай пожалуйста о моих словах про пристрастия Плансона, ведь...

— Обязательно, — заверил друга Каменев и открыл дверцу автомобиля.

Пройдя пешком пару кварталов, Каменев сел в свой автомобиль, припаркованный заранее в нужном месте, и завел двигатель. По пути домой, Касьян забежал в один из супермаркетов, купил кофе, фруктовый сок и мороженое. Настроение у него было приподнятое и с каждой секундой становилось всё лучше. Теперь уж заносчивый Плансон не отвертится! После такого-то компромата!

Касьян улыбался собственным мыслям. Бросив пакет с покупками на сиденье рядом, он снова завёл машину и направился домой. Время уже было около четырёх утра. Скоро рассвет.

Касьян ехал домой. Он представлял и прокручивал в голове, как завтра, вернее уже сегодня, преподнесёт неожиданный «сюрприз» Платону Плансону. Он прибавил скорости. Дороги столицы были свободны. Город, пусть и не весь, уже давно спал.

Во многих его районах властвовала безлюдная тишина.

Касьян вынул из пакета бутылку с соком и открыл её.

Он въехал в тоннель, и теперь его автомобиль мчался параллельно шеренгам тускло-оранжевых круглых огней. Через несколько секунд он выехал из-под округлого свода тоннеля под сень ночного неба и свет уличных фонарей.

В зеркале заднего вида что-то мелькнуло. Испуг, будто холодным потоком, охватил Касьяна. Он выронил бутылку с соком, и та упала вниз, заливая содержимым его брюки, сиденье и пол салона автомобиля.

Замерев от ужаса, Каменев смотрел в зеркало заднего вида, а оттуда ему иронично усмехался человек в изысканном старомодном чёрном сюртуке. У него был старинный белый галстук и бледное, почти белое, лицо. Он улыбался чёрными, блестящими губами. В его глазах чернел плотный, мраморный мрак. Такими же чёрными были его пышные, зачесанные назад волосы. Он ничего не говорил, только улыбался.

Касьян порывисто обернулся назад, встретился с Ним взглядом. Чёрные, поблескивающие губы расползлись в ещё более открытой, зловещей улыбке.

Салон автомобиля стремительно заполнил свет. Касьян испуганно обернулся вперед, на дорогу. Яркий свет ослепил Каменева, он запоздало понял, что вылетел на встречную полосу.

Нарастающий автомобильный сигнал стал предвестником мощного, сотрясающего мир, уничтожающего удара. Разрушительное столкновение двух скоростных противоположных стремлений поглотило свет, разбило мир на миллиарды сверкающих частиц и выбросило Каменева в бесконечный, бездонный мрак.

Он больше ничего не чувствовал и не видел. Он завис где-то на границе между бездной и реальностью.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 8 августа

Я вздохнула и позвонила в дверь ещё раз.

Наконец музыка в квартире за дверью стала тише. Я услышала приближающиеся поспешные шаги, а через мгновение входная дверь квартиры открылась, и на пороге передо мной предстала Лерка. Она была в длинной белой майке с графическим черепом в окружении надписей, листочков и молний. Логинова была ещё босая, но зато уже накрашенная.

— Привет! — воскликнула я.

— Приветтики, Роджеровна! — обрадованно воскликнула моя подруга.

Я зашла внутрь, она закрыла дверь, мы обнялись.

— Ты в курсе, что у тебя одна стрелка немного кривенькая? — спросила я, со смешком, взглянув на Леркино лицо.

— Знаю, знаю! — нетерпеливо замахала она руками. — Просто я собираюсь, а кое-кто мне активно мешает.

Прежде, чем я спросила, кто этот «кое-кто», из-за угла коридора выглянула русоволосая девочка лет пяти. Малышка была одета в полосатую кофточку и короткую льняную юбочку салатного цвета.

— Ника! — радостно закричала она и бросилась ко мне.

— Привет, зайка! — я присела на колени, раскинув руки.

Лерка посторонилась. Её сестричка подбежала ко мне, повисла у меня на шее.

— Что у тебя новенького? — спросила я Ладу.

— У меня выпал зуб! Шмотри! — она приоткрыла рот, хвастаясь зияющим промежутком в молочных зубах.

— Вау! — воскликнула я, — ты спрятала зубик под подушку?

— Ага! Только вместо феи, шоколадку мне принесла Лерка, — она закрыла личико ладошками и хихикнула, — она думала, что я спала. А я притворялась!

— Ну, надо же... — я бросила взгляд на Лерку. Логинова с осуждением покачала головой.

Пока Лера спешно собиралась, её младшая сестрёнка показывала мне свои недавние приобретения. Мы изучили её новых кукол из коллекции Barbie Fashionistas, обсудили кому и что лучше идёт из одежды, и кто из них самая красивая.

Потом Лерка провела мне краткий экскурс по распорядку дня Лады.

— Короче, в одиннадцать даешь ей кашу. Только смотри не перевари, иначе она жра... есть не будет, — тараторила Логинова, — в кашу покрошишь немного яблока и банан. Потом дашь этой засранке чай, но только некрепкий. Потом нужно будет сходить... сама знаешь куда. Потом где-то часа полтора погулять. Можешь не заморачиваться. Отведи на площадку, пусть копается в песочнице... Потом, собственно, приведешь её домой. Дашь яблоко с морковкой и уложишь спать...

Лерка перечислила ещё несколько пунктов из обычного дня Лады, а затем крепко

обняла меня, чмокнула свою сестренку в щечку и бросилась к двери.

— Лера! — позвала я.

Она обернулась на ходу, замерев с поднятой ногой.

— Чего? — быстро спросила она.

Она была в зелёной шапочке, рубашке поверх белой майки, и чёрных джинсах с прорезями.

— Ты ничего не забыла? — усмехнулась я, — ты куда собралась?

— На концерт... Ай, блин! — она ругнулась и бросилась в свою комнату.

Через мгновение выбежала оттуда со своей гитарой.

— Всё, девки. Пожелайте мне удачи, я еду позориться перед толпой народа.

— Всё будет хорошо, Лер! Ты справишься! — заверила я свою подругу, которая заметно нервничала.

— К чёрту! — отмахнулась Лерка. — Все, пока!

— Пока! — одновременно с Ладой крикнули мы.

Дверь за Леркой захлопнулась, и мы с Ладой остались одни.

Перед кашей мы немного поиграли в куклы, построили им подиум из книжек и устроили показ «модных трендов», попутно обсуждая, какая из кукол больше подошла бы в невесты Егору Криду.

После того, как определились, пошли есть пресловутую кашу. Мне потребовалось какое-то время, чтобы разобраться в долбанной мультиварке, которая ну никак не хотела идти на контакт!

Лера мне показала, как пользоваться этой хитроумной техникой, но я давно стала подозревать, что любая электронная техника, выходящая за рамки автомобильной тематики, поддавалась мне с трудом. Особенно часто я мучилась с компьютерами. Чтобы вы понимали уровень моей деградации, сменить значок у папки-вершина моих возможностей!

С коварной мультиваркой я в конце концов всё-таки совладала. Через десять минут каша была готова. Я покрошила туда яблоко с бананом и подала Ладе.

Но сестрёнка Леры оказалась едоком ещё тем. Кормить девчушку пришлось, потчuya её рассказами о Гарри Поттере и о том, почему единороги, собственно, живут на радуге.

Накормив Ладу, я одела её, и мы пошли гулять. На детской площадке Лада встретила своих подружек. И они тут же с увлечением отдались захватывающей игре в готовку блюд из песка.

Детей на площадке было много. Над местом игрищ карапузов стоял постоянный, задорный и визгливый гвалт и шум. Дети носились по площадке, катались на качелях.

Мальчишки стреляли друг в друга из мигающих «бластеров». Один мальчик притащил на площадку робота, который сам ходил, «стрелял» и мигал десятками огней. Робот, кстати, был немаленький, но это не помешало детям его уронить. В итоге его владелец зарыдал, а две мамы сцепились в нештучной словесной баталии.

Пока я за всем этим наблюдала, девочки из ресторана детской песочницы чуть не накормили своими «шедеврами» двоих мальчишек, которым было годика по четыре. Их матери тем временем сидели на скамейке неподалёку, уткнувшись в телефоны.

Я возвела взгляд к небу.

Воистину, люди, которые шагу не могут ступить без смартфона и сидят постоянно, уткнувшись в телефон, меня порядком бесили. Фаббинг становится бичом современного мира. И я всё чаще убеждаюсь, что Эйнштейн был прав, когда сказал про «поколение

идиотов». Уж простите, но это правда! Люди, как с ума посходили!

Я сама пользуюсь и соцсетями, и мессенджерами, но я там не живу! Вообще такое впечатление, что из-за развития технологий, ёлки-палки, люди всё больше теряют интерес к окружающей их действительности и к жизни в целом! И вот, пожалуйста, получите продукты современного мира! Две мамочки лет по двадцать с лишним, которые чихать хотели на своих детей! Инстаграм же важнее!

Я сердилась на такое поведение! Это же дети! Фигли ты сидишь в телефоне, когда должна жить ради своего карапуза, хотя бы первые лет десять, чёрт возьми! А если не способна, зачем тогда вообще было... Ай, ладно.

Нет у меня права никого судить! Но... Безответственность этих двух новых мам меня шокировала. В общем, вместо одной Лады, мне пришлось смотреть ещё за целой оравой детей.

Но всё было более-менее хорошо, пока я не услышала звук, который с недавних пор боялась слышать среди шума города и разговоров людей. Это был вкрадчивый, неторопливый стук копыт.

Услышав его, я на пару мгновений затаила дыхание. Ритм моего сердца изменился. Казалось, что по спине потекла струйка обжигающе-ледяной воды и шустро сползла вниз, прямо по позвонкам.

Мир вокруг меня замер, изменился. Я почувствовала движение слева и осторожно перевела взгляд. Невидимый для других людей, прямо возле детской площадки стоял огромный конь мышастой масти. Его тело покрывала темно-серая шерсть, а хвост и нижняя часть ног были темными, почти черными. Такой же темно-серой была его грива и падающая на глаза своеобразная чёлка.

Вестник... Я называю их Вестниками. Их всего четверо. Они приходят в виде коней: Чубарый, Альбинос, Вороной и вот этот... Темно-Мышастый. С недавних пор появление Вестника предзнаменовало для меня столкновение с новыми навязчивыми чужими воспоминаниями. И Если Чубарый и Альбинос предвещали видения относительно нестрашные, возможно, даже обыденные, то Мышастый и Вороной всегда приходили с плохими вестями.

Вестники... Они начали посещать меня не так давно. Но время шло, и визиты их становились всё чаще.

Я взглянула на морду коня, который существовал в неизвестной мне реальности за пределами восприятия всех остальных людей вокруг меня. Таинственное животное всхрапнуло, шаркнуло ногой. Ветер шевельнул его темную гриву, конь снова всхрапнул и встряхнул головой.

Мир вокруг меня стал стремительно изменяться. Менялись краски, тона и оттенки. Они таяли, меркли и бледнели, пока всё вокруг — небо, деревья, дома и улицы, дети, их матери и все остальные люди — не окрасилось в чёрно-белые цвета. С трудом вдыхая ставший горьким сухой воздух, я оглянулась. Реальная обыденность вокруг меня полностью предстала в серо-бело-чёрной гризайли*(вид живописи, выполняемой тоновыми градациями одного цвета, чаще всего сепии или оттенками серого).

Изменились и запахи окружающего мира. Они стали какими-то пресными, лишенными вкуса. И ветер... Он больше не был ни прохладным, ни теплым. Он превратился в стылые, слабые, пустые и невыразительные дуновения. Ветер стал ненастоящим. Весь мир стал каким-то поддельным, как будто картонным. Привычная реальность заменилась какой-то

уродливой формой искусственной действительности.

И тем больше страха внушало это изменение, чем больше оно в своих черно-белых тонах стремилось показаться настоящим миром.

Я посмотрела на бегающих по площадке детей. Они все так же носились с весёлыми криками, хихикая и визжа от счастья. Но теперь они выглядели, как ожившие старые фотографии — черно-белые, ненастоящие, неживые, псевдореальные. Все с серо-белыми лицами и серо-чёрными волосами.

И среди них я увидела одного, который был не таким, как все. Маленький мальчик лет пяти-шести, в белой рубашечке и темно-серых брючках. Он крутил в руках какую-то белую коробку и смотрел прямо мне в глаза. Он смотрел пристально, с каким-то грустным равнодушием. Ветер слабо шевелил его угольно-чёрные волосы. Я не могла и шевельнуться, глядя на него. Я, не отрываясь, смотрела в наполненные клубящейся чернотой глаза неизвестного ребёнка.

Меня внезапно поразила просачивающийся в самую суть сознания, порабошающий и парализующий ужас догадки.

Его не было. Этого малыша уже не было среди живых. Он... Его уже нет в этом мире. От него осталось лишь вот это, оформленное в человеческом облике, воспоминание. Его воспоминание, в котором сохранились его чувства, эмоции и его сущность. Единственное, что остаётся, после того, как они уходят, это воспоминания, витающие, парящие над миром, подобно неприкаянным ветрам. Беспокойные, никому не принадлежащие, хранящие никому не интересные тайны — чужие воспоминания чужих всему миру людей. Они приходят ко мне, потому что больше им не к кому идти.

Я вздохнула и направилась к этому мальчику. Он не двигался. Я ступала осторожно, неспеша и неторопливо. А он стоял, не двигаясь, и только крутил в руках свою коробочку.

Внезапно начало темнеть небо. Я подняла взор. Бледно-серое небо стремительно чернело на глазах, как будто кто-то взял и пролил на него банку чернил. Я неторопливо огляделась. Станный, чёрный туман стремительно заволакивал всё вокруг. Он чуть мерцал, подрагивал, словно был живой. Застыв на месте, ощущая, как ускоряется стук сердца, я увидела, как чёрный туман с жадностью поглощает все светлые оттенки окружающего мира. Он затягивает собою улицы, дома, деревья. Он поглощает все, что хоть немного светлее него. Возможно, мне кажется, но я все время замечаю в его непроницаемой матовой глубине высокий и неестественно вытянутый вверх человеческий силуэт.

Чёрный туман превратил разгар дня в глухую ночь: без звуков, без запахов, без ветра. Серая кожа, окружающих меня детей и взрослых, внезапно стала очень яркой. Они все одновременно вспыхнули, засияли и тут же померкли, разом исчезнув.

Судорожно глотая прелый воздух, я стояла на пустой площадке, напротив мальчика в белой рубашке и серых брюках. Он по-прежнему смотрел на меня. Внезапно мальчишка шагнул ко мне. Он передвигался странными рывками, как будто не шагал, а всё время переносился из одного места в другое. За пару долей секунд он возник прямо передо мной — протяни руку и коснёшься. Он стоял возле меня, бесстрастно смотрел снизу вверх своими чернильно-чёрными глазами. На его бледном личике было всё то же печальное и равнодушное, немного снисходительное выражение.

Я стояла с шальным пульсом во всём теле, чувствуя паталогическую слабость и неприятное чувство, словно моя температура все время резко меняется. Я смотрела на воплощённое воспоминание неизвестного мне ребёнка, не смея сказать и слова.

А вокруг нас стремительно собирался и сгущался чёрный, как прогоревшая сажа, беспросветный туман. Я в панике огляделась. Он был повсюду! Он заполнил собою всё, до чего смог дотянуться, изгоняя свет и прочие цвета окружающей нас действительности!

И меня вдруг посетила ужасающая уверенность, что если он поглотит и меня — я исчезну! Я перестану существовать! Потому что... Потому что внутри этого тумана нет существования! Нет света, нет звуков, запахов и цветов! Там нет ничего! Только бездна! Только чёрная пустота...

Мальчик возле меня вдруг протянул ко мне свою маленькую худую ручку. Я абсолютно инстинктивно протянула руку в ответ. За мгновение до того, как кончики наших пальцев должны были соприкоснуться, между ними вспыхнул дрожащий мерцающий огонёк ясно-белого тёплого света.

Из черного тумана, что лавинами накатывал со всех сторон, раздался утробный, низкий и гневный вой. По моему телу волной прошел влажный холод, но меня согрели серебристо-белые лучи стремительно разгорающегося белого огонька. Он быстро и интенсивно мерцал между нашими пальцами. Затем вдруг вспыхнул и поглотил меня вместе с мальчиком.

...Я как будто просто моргнула. И всё вокруг стало, как прежде. Я растерянно огляделась.

Светит солнце. Вокруг счастливо по-прежнему играют дети. Их матери шумно о чём-то судачат на скамейках. Некоторые из женщин всё ещё сидят в своих смартфонах. Я нашла взглядом Ладу. Она поучительным тоном рассказывала трём девочкам, сидящим на бортике песочницы, как нужно готовить пирожные.

У меня вырвался расслабленный вздох облегчения. Сердце всё ещё пинало грудь требовательными толчками. Плечи и спину охватывала мелкая дрожь. Я чувствовала, что вспотела. Неприятный жар распространялся по телу. Дуновение прохладного ветерка с привкусом дождя приятно гладило разгоряченную кожу. Я нервно, тяжело сглотнула.

Что это было?! Что я только что видела?! Почему всё вдруг стало чёрно-белым? Почему... Что это был за мальчик? Что это был за чёрный туман?! Это было не просто явление, это было чье-то олицетворение! Кого-то очень злого, опасного и жестокого.

Меня наполняло беспомощное беспокойство, перерастающее в смятение и панику.

Кто был этот ребенок? Почему его воспоминание явилось ко мне?!

Что вообще происходит?.. Или что уже произошло?! Господи... Как кружится голова. Стоило мне закрыть глаза, как я снова увидела отрывки только что случившегося, пугающего сюрреалистичного видения!

— Ника! Ника!

Я вскинула голову. Ко мне подбежала Лада.

— Дай пожалуйста динозавриков, которых мы взяли! А то мальчишки мне не верят, что у меня есть.

Она смотрела на меня своими красивыми, светло-зелёными глазками и протягивала тонкие ручки. Я мгновение непонимающе взирала на неё, а затем, спохватившись, достала из сумки пакетик с пластиковыми динозаврами.

— Держи, зайка, — я отдала ей игрушки.

Лада взяла пакет и радостная помчалась к своим приятельницам и приятелям.

Я отстраненно наблюдала за ней, думая о своём видении. А затем вспоминала лицо того мальчика. Он смотрел на меня так, будто просил помощи.

А этот черный дым или туман, или что это было... Такое впечатление, что оно и

вправду было живое! И оно явно явилось за этим мальчишкой.

Я продолжала сосредоточенно размышлять о видении. Поскольку без серьёзной причины такие видения ко мне не приходят, как и сами Вестники, стоит поискать что-то в сети и в новостях.

Возможно, потребуется расспросить Стаса и рассказать ему об увиденном. Хотя, если честно, очень не хочется его грузить лишними проблемами. С другой стороны, если этот мальчик стал жертвой чей-то агрессивной и злобной воли, дело о его убийстве вполне уже могло оказаться на столе у начальника особой оперативно-следственной группы московского УГРО.

После случившегося видения меня не покидало явное ощущение чьего-то присутствия рядом со мной. С каждой минутой крепла пугающая уверенность, что рядом со мной что-то есть. Оно смотрит на меня, следит за мной, ждёт чего-то. Это гадкое чувство было сродни притаившейся в высокой траве змее. Ты её не видишь, не замечаешь, и её как будто нет. Но то и дело до тебя доносится её тихое, угрожающее шипение. Пугающие мысли, подобно яду, извивающимся, скользким дымком просачивались под кожу и пленили разум, навевали нервную тревогу. Что-то случилось. Что-то отвратительное, мерзкое и ужасное. Что-то, что не должно происходить с обычными ни в чем не виновными людьми. Витающая в мыслях бесформенная неизвестность насылала мрачные раздумья.

— Стой, не ешь!

Предупреждающий крик Лады вырвал меня из напряженных, тягостных раздумий. Я перевела взгляд на детишек в песочнице и не сдержала улыбки.

— Ты же сказала, что готово... — пробубнил один из мальчишек, сидевших возле песочницы.

— Ты что, дебил?! — воскликнула Лада. — Я же не сказала, что можно кушать!

— Лада, — позвала я.

Сестрёнка Лерки обернулась.

— Можешь подойти ко мне на секундочку? — попросила я.

Лада переступила через бортик песочницы и подбежала ко мне. Остановилась передо мной, заинтересованно глядя в глаза.

Я наклонилась к ней.

— Лада, — тихо сказала я, — как ты назвала того мальчика?

— Дебиллом.

— Тише, — попросила я, — а ты знаешь, что это значит?

— Ну-у... — протянула Лада, — это глупый человек.

— Лада, на самом деле, это очень плохая, тяжелая болезнь.

Глаза девочки расширились.

— И она неизлечима, — сказала я.

— А Лера так учителя по географии называет, — неуверенно проговорила она, — и иногда папу...

Я вздохнула. Уровень воспитания моей подруги балансировал где-то между шпаной из подворотни и современным stend-up комиком. То есть она могла в лицо сказать любому всё, что она про него думает, во всех красках и оборотах.

— Лера... она... — я поискала нужное выражение, — она иногда... заблуждается.

— Как это? — не поняла Лада и чуть нахмурила бровки.

— Ну-у...

Передо мной была дилемма. Сказать, что Лера не права, и тем самым пошатнуть её авторитет в глазах младшей сестры, или же оправдать, и тем самым сформировать у Лады неправильное представление об использовании этого слова.

— Короче, до пятнадцати лет нельзя говорить такие слова. Потому что...

Теперь нужно было быстро придумать, почему, собственно, нельзя. Потому что ребёнок обязательно должен знать, почему именно ему что-то запрещается. Иначе он всё равно будет делать это, только тайком.

— Потому что у тех, кто говорит это до пятнадцати лет, начинают болеть зубки, и их водят к стоматологу, к зубному доктору.

У Лады стали большие глаза. Мне было совестно её пугать, но это было первое, что пришло мне в голову. И пусть современные стоматологи уже не так страшны, как те, о которых иногда говорят взрослые, для детей возраста Лады эти доктора ещё долго будут образцами ужаса и кошмара.

— Больше не говори никому таких плохих слов, — попросила я и аккуратно убрала прядь волос с личика девочки, — хорошо?

— Хорошо, — грустно ответила Лада и тут же, повеселев, спросила, — а в пятнадцать будет можно?

Я закрыла глаза, вздохнула.

— Да, — пришлось ответить мне, — до тех пор терпи.

— Ладно. Она снова убежала в песочницу.

Я опять осталась наедине со своими тревожными раздумьями. Незаметно для меня пропало солнце. Мир вокруг померк, посерел. На мгновение меня пронзила парализующая и кошмарная мысль, что я опять погрузилась в видение. Но это всего лишь оказались темные тучи, надвигающиеся с запада и похожие на клубы дыма от пожара. Они известили о своём приближении несколькими гулкими, как выстрелы, мощными громовыми раскатами. Это было похоже на то, как кто-то ногой яростно бил в расшатанную металлическую дверь. На Москву надвигалась очередная гроза.

Я немедленно позвала Ладу, она попрощалась с детьми, с которыми играла, и мы поспешили домой. Вокруг стало ещё темнее. словно вечер наступил намного раньше обычного. Поднялся и окреп ветер, воздух быстро остыл. С асфальта поднялись вихри пыли. Мамы на площадках заторопились забрать своих детей.

Мы с Ладой подбежали к подъезду. Я ненароком бросила опасливый взгляд на небо и ощутила, как моё лицо словно обдало горячим паром. А от позвонков шеи до самых пяток по костям пробежала морозная дрожь. В моей груди что-то затрепетало с липким, влажным холодком.

В недрах переваливающихся туч и в свете вспышек молний я увидела вытянутый, длинный человеческий силуэт. Он словно раздвигал в стороны непропорционально длинные руки с такими же неестественно удлиненными пальцами.

— Ника, ты чего? — окликнула меня Лада.

Я обернулась.

— Всё в порядке, — бросила я чуть растерянно.

Мы забежали в подъезд. Когда мы поднялись на лифте и зашли в квартиру, то на улице уже бушевала буря с грозой, ливнем и мелким градом!

— Вау! — восторженно и испуганно воскликнула Лада, запрыгнув на подоконник на кухне, — Ника! Смотри, что там!

Я разулась и зашла на кухню.

— Лада, давай помоем ручки сначала. Хорошо?

Но Лада меня не послушала.

— Вау! — снова воскликнула она, чуть вжав голову в плечи.

Я вздохнула. Вымыла руки сама и приблизилась к окну.

Да, на улице творилось нечто. Под темным, дымчато-серым небом извивались столбы гигантских, свирепых вихрей. Ветер гнул деревья вниз, рвал их ветки и сдирал листву. Вместе с буйным, рассвирепевшим ветром на городские улицы обрушился шквал ливня. По окнам ударило крупной белесого льда.

Внизу сквозь вой ветра и шум дождя заорали автомобильные сигнализации.

Это был просто Армагеддон! За пеленой дождя таяли очертания города, вдали расплывались силуэты столичных высоток.

Я присмотрелась к угрожающе сверкающим тучам. Больше я не видела в их глубине человеческого силуэта. Надеюсь, что и в первый раз мне это привиделось.

— Всё, — сказала я. — Лада, пойдём всё же помоем ручки и будем кушать.

Когда Лада пообедала (это было нелегко, так как она все время отвлекалась на грозу за окном), я уложила её спать. Перед этим прочла ей главу из детской книжки про зверей-следопытов.

В главных ролях этой увлекательной детской истории были волк Шерлокович и его маленькая помощница — белая кошка Ват-Сонька. М-да. Кого-то эта парочка мне напоминает.

Лада, к счастью, довольно скоро уснула, не дослушав пару строк до конца главы. Я отложила книжку, поправила на спящей малышке одеяльце и аккуратно пристроила рядом с ней её любимую игрушку жирафа Максима.

Буря за окном чуть ослабла, но небо над городом всё так же оставалось угнетающе мрачным, тяжелым, давящим. Шумный ливень превратился в монотонный дождь с крупными каплями. Изредка поблескивала молния и раздавался рокот грома.

Я достала из своего мини-рюкзака блокнот в кожаной обложке с тиснёными на ней листьями клена. Расположившись в Леркиной комнате, я включила настольную лампу, открыла блокнот и вынула из него шариковую ручку.

У меня вырвался тихий испуганный и удивленный вздох, когда с раскрывшихся страниц блокнота внезапно бесшумно сорвались несколько чёрных мотыльков и вспорхнули к потолку. Откуда они тут взялись?!

Я замерла на стуле и неотрывно, со смесью опасения и пытливого любопытства, следила за мотыльками. Крылатые насекомые несколько секунд беспокойно кружили по комнате. Затем начали виться вокруг света настольной лампы. Отмахиваясь от них, я приоткрыла окно, и чернокрылые мотыльки тут же выпорхнули на улицу. На моих глазах они растворились в серости дождливых сумерек. Я, ошарашенная, несколько секунд смотрела им вслед.

Я ничего не понимала в причине того, что сейчас увидела. В сознании стремительно зрело тревожное смятение. Происходящее сбивало с толку и отказывалось укладываться в рамки хоть какого-то логического объяснения. Но к этому, похоже, мне стоит уже привыкнуть.

Я вновь взяла блокнот, перевернула последнюю страницу. Мне нужно было зарисовать мальчика из моего видения, чтобы лучше зафиксировать его образ и детальнее разобрать это

видение.

Но когда я закончила рисовать увиденного мною ребенка в рубашке и детских брючках, линии рисунка вдруг начали медленно растекаться на бумаге, словно расплавляясь под воздействием высокой температуры.

— Что за чёрт?! — прошептала я и мгновенно отложила блокнот на стол.

Рисунок продолжал таять. Он стремительно обращался в бесформенное черное пятно.

Чувствуя в груди тяжелый галоп пульса, я во все глаза, затаив дыхание, таращилась на страницы своего дневника. Но страница с рисунком внезапно с шелестом, похожим на чьё-то резкое дыхание, перевернулась. Затем перевернулась следующая, затем ещё одна, ещё и ещё. С возрастающей скоростью страницы моего блокнота перелистывались одна за другой, а по листам блокнота, так же стремительно и неумолимо, растекались чёрные кляксы.

Я замороженно смотрела на происходящее. Оно действовало на меня каким-то гипнотическим эффектом. Я буквально не могла отвести взор.

Внезапно что-то коснулось моего плеча. Я обернулась и едва не заорала от ужаса. Тот самый мальчик из моего видения стоял позади меня. Его бледное лицо было совсем близко от моего. Его тонкая белая рука с чёрными ногтями лежала на моем плече.

— Верни ему цвета... верни, — шепнул он дрогнувшим голосом и обошел меня, пройдя мимо. Я оглянулась ему вслед и застыла, сидя на высоком стуле. Я оказалась за накрытым столом в неизвестной мне квартире на просторной кухне. И вместе со мной сидели ещё четверо человек. Мужчина с темно-русскими волосами, светловолосая женщина и двое их детей: девочка лет пятнадцати-шестнадцати и этот самый мальчишка с печальным взглядом.

— Полина, передай мне, пожалуйста, сахар, — степенно произнёс русоволосый мужчина.

Девушка кивнула и с готовностью передал отцу сахарницу.

Из приемника на кухне лилась мирная музыка, слегка позвякивали вилки и ножи в руках членов семьи. Они ели овощное рагу и бифштекс. Маленький мальчик то и дело отвлекался на планшет.

— Так! Игорь! — строго сказала мать. — За столом у нас только кушают и общаются. Никаких планшетов и телефонов!

Сын женщины вздохнул, послушно отложил свою игрушку и взялся за чашку с чаем.

— Игорь, ты не доел, — заметила мать, разрезая мясо в своей тарелке.

— Ну ма-ам... — протянул мальчишка, — я больше не хочу.

— Да ладно, не заставляй его, — проговорил отец, — есть через силу вредно для организма.

— Быть худым тоже не показатель здоровья, — возразила женщина.

Но настаивать не стала, вместо этого она переключила своё внимание на дочку, которая, воспользовавшись тем, что родители сосредоточили внимание на её брате, быстро писала сообщение в телефоне.

— Полина! — сердито сказала мама, — ты обещала! Никаких общений в телефоне за столом!

— Извини, мам, это важно! — быстро ответила девушка и отложила телефон.

Но она то и дело бросала нетерпеливые взгляды на смартфон. Дочь была похожа на мать, такие же черты лица, цвет глаз и волос.

Телефон девушки завибрировал и тихо тоненько звякнул. Полина тут же впилась в него взглядом. Её глаза горели желанием прочитать ответ в мессенджере.

— Даже не думай! — чуть повысила голос мать.

Свет на кухне несколько раз мигнул. Все за столом подняли взгляд к люстре.

— Что это такое? — спросила женщина.

— Не знаю, — мужчина пару мгновений смотрел на люстру, но потом снова опустил взгляд в тарелку, — может быть какие-то перебои с электричеством... Ничего страшного, у нас это уже случалось.

Но свет моргнул ещё несколько раз. Я почувствовала мощный толчок беспокойства, у меня ошалело заколотилось сердце.

Какое-то странное наитие заставило меня обернуться и посмотреть в окно кухни. При взгляде туда у меня в венах застыла кровь, похолодело сердце и замерло дыхание. За окном всё было серо-бело-черное. И дело было не в тучах.

Мир за окном потерял цвета, окрасившись в уже знакомую мне, унылую и гнетущую гризайль. Среди множества её монохромных оттенков искристо вспыхивали электрические разряды молний и темнели на фоне угрюмо-серого неба костлявые черные силуэты деревьев. А между ними я увидела силуэт. Уже знакомый мне — пугающий, высокий, чёрный силуэт. Он спокойно шел, направляясь прямо сюда, в этот дом, к столу этой семьи. Я откуда-то знала, что он идёт именно сюда, в этот дом, к этим людям. Я не могла объяснить это, но у меня была абсолютная уверенность в намерениях этого кошмарного, длинного, безликого силуэта.

Через несколько мгновений этот странный, чёрный человек, лишенный привычного обличия, будет здесь. Совсем скоро. И тогда... Тогда у меня на глазах вновь случится то, что уже произошло с этими людьми, с этой семьёй. И мне сейчас придётся всё это увидеть.

Я отвернулась от окна и взглянула на семью за столом. Они продолжали спокойно ужинать, беспечно переговариваясь, смеясь и мило беседуя о своём. Они ещё даже не подозревали о том, что их ждёт. В этом иллюзорном воплощении своего прошлого они всё ещё жили и любили эту жизнь... Я всхлипнула от бессилия перед накатывающей, мощной волной ужаса. Меня охватили паника и смятение, на глаза навернулись слёзы. Я задрожала в нервном ознобе.

В комнате снова моргнул свет, и вместо отца семейства остался только пустой стул. Мой взгляд пару секунд был прикован к этому стулу. Снова моргнул свет, и смолкла мать, потому что и её за столом уже не было. Остался только её пустующий стул.

Я в панике смотрела то на девочку, то на мальчишку.

— Бегите... — шепнула я, поддавшись внутреннему наитию сделать хоть что-то для их спасения. — Пожалуйста, умоляю вас... Просто убегайте...

Почему?! Почему они ничего не делают?! Что происходит?! Неужели они...

Свет мигнул в третий раз. В третий раз кухня на несколько коротких мгновений погрузилась в мутную, вязкую тьму. Когда свет снова зажегся, опустел стул девушки, от которой остался лишь телефон с померкшим экраном. Теперь остались только я и мальчишка. Он внезапно оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на меня.

— Верни ему цвета, — прошептал он громко.

И его голос, похожий на шорох листвы, прозвучал в моей голове.

— Верни ему его цвета, — повторил он молящим шепотом.

Его глаза налились темнотой, будто кто-то прямо в его глазные яблоки залил жидкую тьму. Его взгляд был поглощён злой и чёрной, поработившей его душу темнотой. Она выступила за пределы глаз, неряшливыми кривыми струйками растеклась по векам. Застыв

на своем месте, боясь дышать и думать, я смотрела на мальчишку и тихо рыдала от ужаса. Сгустившийся мрак продолжал вытекать из его глаз густыми чернилами. Упругая и жидкая тьма стекала по лицу ребёнка на его щёки и шею. Извивающимися, похожими на быстро растущие щупальца, струйками она вытекала через краешки губ его рта. Вязкая, чёрная и блестящая, похожая на нефть, как будто оживая, тьма вытекала из его рта, обильно капая на одежду, стол и на пол.

— Верни ему его цвета... — снова прошипел влажно захлёбывающийся голос в моей голове. И вот тут я истошно и истерично, надрываясь изо всех сил, заорала от невыносимого кошмара, происходящего в видении. Я хотела сорваться с места и броситься бежать прочь отсюда.

Свет уже мигал не прекращая, короткими частыми вспышками озаряя кухню на долю мгновения. Я сидела на кухне и бессильно наблюдала, как все вокруг стремительно и неумолимо окрашивается в пугающие серо-черно-белые тона.

Все вокруг сереет, меркнет и бледнеет, а затем переполняется тьмой. Живой, чёрной и агрессивно пульсирующей тьмой.

Резко, со стуком распахнулись окна. В кухню ворвался холодящий ураганный ветер с ледяными каплями дождя и грохочущим похоронным маршем громом. Он взметнул скатерть на столе, разбросал салфетки и отшвырнул прочь полотенце. Безжизненный, безвкусный, резкий ветер подхватил и разметал мои волосы. Наконец свет померк. На этот раз окончательно.

Я, всхлипывая и дрожа, сидела в полной темноте. Я не смела пошевелиться и беспомощно оглядывалась по сторонам, с мольбой в мыслях ждала, когда вновь зажжется свет. Свет вернулся яркой продолжительной и ослепительной вспышкой. Я судорожно вздохнула, и глоток кислорода застрял в моем горле.

За столом напротив меня, мирно сложив руки, сидел Он — обладатель неестественно худого и длинного силуэта из тьмы.

Он был облачен в старомодный чёрный сюртук со странным узором. На руках у него темнели перчатки без двух пальцев. И я увидела, что ногти у него чёрные. Такими же черными, буквально чернее ночи, были и его напомаженные пышные волосы, глаза и блестящие губы, которые складывались в злорадную ухмылку.

Гость из тьмы смотрел мне в глаза. Затем с какой-то издевательской игривостью чуть наклонил голову набок. И внезапно резко протянул к моему лицу руку с длинными пальцами.

Я порывисто отшатнулась от него, вновь дико закричав... И упала на пол, больно ударившись головой о бортик кровати. Сотрясаясь от воистину панического ужаса, я ошарашенно глядела по сторонам, безумно тараща глаза. Пульс гремел в ушах, мне казалось, что у меня кипит кровь в венах. Нервный жар поглощал моё тело изнутри. Мне было тяжело дышать.

Я медленно и осторожно встала. Увидела свой раскрытый блокнот.

Он спокойно лежал на столе и не был залит никакими чернилами. Но на одной из его страниц остался рисунок четырёх чёрных мотыльков.

Я с усилием сглотнула застывший в горле нервный комок. Тут у меня зазвонил телефон. Я сдавленно вскрикнула, выругалась по-польски и достала мобильник. Звонила мама Леры и Лады.

— Добрый день, Беатриса Константиновна, — стараясь, чтобы мой голос звучал

приветливо, произнесла я в трубку.

— Ника, привет. Как там Лада?

Я вздохнула.

— Она спит.

— Ой, какая ты молодец... А она хорошо покушала?

— Да, очень даже, — слабо усмехнулась я.

— Всё хорошо у вас там?

— Просто прекрасно, Беатриса Константиновна. Не беспокойтесь, пожалуйста.

— Ну хорошо. А то я переживаю за вас, как вы там.

— Не стоит, — мягко ответила я. — Уверяю вас, всё в полном порядке.

— Ладно, — усмехнулась в трубку Беатриса Константиновна, — давай, держись. Я, возможно, буду сегодня пораньше.

— Хорошо, буду ждать вас.

— Пока.

— До свидания.

Я отложила телефон, села на кровать Леры и спрятала лицо в ладонях.

Кровь толчками билась в висках. Пережитый только что кошмар оставил меня без сил и мыслей. Хотелось просто упасть, заснуть и проснуться солнечным, цветущим утром.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть первая.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресенье, 9 августа

— Он душил их по очереди, — будничным тоном рассказывал Ящер. — Вот видишь? Вот странгуляционная полоса.

Стас наклонился над телом мёртвой Эдиты Вербиной.

— Такой тонкий след... — чуть прищурившись проговорил он и поднял взгляд на Яшу. — Шнурок?

— Возможно, — не стал отрицать тот. — На коже обнаружены микроскопические следы войлока. Есть следы ссадин на пальцах правой руки. На указательном, кстати, есть крохотный, незначительный порез...

— Следы борьбы? — предположил Стас.

— Похоже, — согласился Ящер.

Стас смотрел на застывшее лицо мёртвой женщины, на её заполненные засохшей тьмой остекленевшие глаза.

Корнилов задержал взгляд за холодных, сопревших чёрных губах.

Какими были её последние слова? Что она кричала перед смертью?

— Стас? — осторожно позвал Яша.

— Да? — Корнилов отвёл взгляд от лица женщины.

— Я сказал, что на пальцах Эдиты, на коже рук, под ногтями не обнаружено ни частиц чужой кожи, ни фрагментов одежды, ни волос... Ничего.

— Не удивительно, — вздохнул Стас.

Яша вопросительно взглянул на него. Корнилов пожал плечами.

— Он не для того готовился столько времени, чтобы допустить такие дурацкие ошибки.

— Большинство их допускает несмотря на всю осторожность.

— Большинство не относятся к убийству так трепетно и осторожно, как...

— Как к искусству? — подсказал Щербаков.

Он ухмыльнулся. На его прямоугольных очках блеснул яркий блик света.

Стас ещё раз взглянул на безвольное, казалось бы, безмятежное лицо Эдиты Вербиной.

— Нет, — промолвил он с толикой горечи, — скорее, как к некому сакральному действию.

Щербаков прокашлялся.

— Ещё скажи, что для него то, что он делает, это...

— Своеобразное поклонение, — невесело усмехнулся Стас. — Здесь может присутствовать определённый религиозный подтекст.

Яша чуть нахмурившись, опасливо взглянул на Стаса.

— И кому... Кому же он поклоняется? Какому богу?

Корнилов чуть заметно пожал плечами.

— Самому себе.

Ящер застыл с выражением недоумения на лице.

— О-о... — протянул он и снова склонился над телом Эдиты Вербиной. — Значит, ярко выраженный нарциссизм?

— Скорее, обожествление самого себя, — покачал головой Стас.

— Это гораздо хуже, — вздохнул Яша.

— Намного, — кивнул Стас. — Ты выяснил примерное время смерти всех членов семьи?

— Да. — Щербаков указательным пальцем в голубой перчатке отодвинул нижнюю губу Эдиты. — Но мне интересно, угадаешь ли ты очередность?

— Яша, — Стас покачал головой. — Тебе не кажется циничным забавляться таким образом?

— О, так это вовсе не цинизм.

— Да ну? А что же?

— Здоровый дух азартности.

— Считаешь, он тут уместен?

— Когда на одной стороне ты, на другой убийца, который всегда идёт впереди? — Яша выпрямился и посмотрел на Стаса. — Да. Думаю, это лишний раз подстёгивает следствие, как бы цинично это ни звучало...

— Интересное у тебя суждение, но допустим, — скупно ухмыльнулся Стас и, опустив взгляд, оглядел все четыре тела на прозекторских столах просторной лаборатории бюро СМЭ. — Ла-адно... Я уже говорил, что дверь убийце скорее всего открыла Полина Вербина. Так что она была первой.

— Да-а, — одобрительно улыбаясь, с хрипотцой протянул Яша. — Верно.

Стас мельком искоса взглянул на него.

— Затем был её отец. Тихон Вербин, — продолжал Стас.

Он неторопливо прошёлся вдоль неподвижных тел.

Внимательно глядел на них, вспоминая интерьер их дома, расположение комнат, лестницы, гостиной, кухни. Подполковник живо прокручивал в голове вероятный сценарий развития событий в те последние минуты жизни семьи Вербиных.

— Он услышал лай собаки, — произнёс Стас. — Собака лаяла, запертая в кладовке.

Тихон спустился вниз, сонный, шаркая ногами в тапках направился к кладовой, недоумевая, что происходит... Скорее всего, он даже не дошёл до неё. Убийца напал сзади, повалил, начал душить. Отец был вторым.

Стас обернулся, взглянул на Эдиту.

— Потом мать. Она звала мужа. Не услышав ответа, жена Тихона спустилась вниз, позвала супруга ещё раз, — Стас присмотрелся к телу женщины, обратил внимание на её колени.

— У неё есть ссадины на коленях? — спросил Стас. — Должны быть...

— Есть, Стас, есть, — удовлетворенно кивнул Ящер. — Она заметила его и попыталась убежать.

— Потом упала прямо на лестнице, и он настиг её, — вздохнул Стас. — Затем...

Корнилов повернул голову, взглянул на мальчишку.

— Мальчик был последним.

— Да, всё верно, — Яша опустил взгляд, на его лице застыла злая, досадливая, кривая ухмылка.

Стас заметил выражение его лица.

За свою долгую практику Ящер успел привыкнуть к виду мёртвых, часто изувеченных тел. Но к тому, что среди них бывают и дети, привыкнуть гораздо сложнее.

— Они все были задушены одним и тем же способом и орудием? — спросил Стас.

— Да, скорее всего, — пожал плечами Яша. — Не хочешь спросить, чем он покрасил их кожу?

— Хочу. Чем?

— Оксид цинка.

— Минеральные красители, значит, — вздохнул Стас. — Ну да... Обычная краска это слишком тривиально. А волосы, глаза, ногти? Яш?

— Раствор из нефтяных масел. — Ящер вздохнул и стянул свои нитриловые перчатки. — Собственно, всё то же самое, что он использовал в первый раз восемь месяцев назад.

Стас, сдвинув брови и задумчиво кивнул. Его худшие опасения полностью подтверждались. Ко всем его прочим заботам прибавился самопровозглашенный «бог» с маниакальной жадой донести до мира собственное величие.

У него зазвонил мобильник. Стас вздрогнул. Недавно Алинка поменяла ему мелодию звонка. Вместо привычного и милого Стасу блюза у него теперь звучал какой-то противный, заносчивый голос.

— В моём сердце дырка! Мне нужна таблетка! Хотя бы половина, мари-о-нет-ка!..

Ящер скрипуче засмеялся.

— Это ещё что такое, Стас?

— ЛСП, — вздохнул Стас доставая телефон. — Алина говорит, что это называет ЛСП...

— Хорошо, хоть не ЛСД, — вздохнул Яша.

Стас не ответил, приняв вызов, он поднёс трубку к уху.

— Да, Сень. Нашёл что-то?

— На планшете у Полины Вербиной осталась переписка и несколько любовных стихотворений.

Он помолчал.

— Ты бы знал, какие там слова, Стас.

— Откровенные и любовные? — предположил Корнилов.

— Пошлые и глупые, — проворочал Сеня.

— Ты просто уже немолод, Сень, — поддел его Корнилов и спросил. — В переписке или стихах упоминается что-то важное?

— Думаю, тебе лучше самому на это взглянуть.

— Хорошо. Сейчас подъеду. Коля тебе не звонил?

— Нет. Я ему звонил. Он там шибко занят, вроде нашел каких-то свидетелей, но это неточно.

— Было бы очень кстати. Всё, давай. Я сейчас подъеду, посмотрю, что ты нашёл.

— Хорошо, жду.

Стас прервал связь, спрятал телефон. Обернулся к Яше.

— Ты можешь определить более подробный состав красителей на волосах и коже?

— Постараюсь, — кивнул Яша.

— Постарайся, — с едва заметным нажимом ответил Стас. — Возможно, это быстрее выведет нас на след убийцы.

— У меня всё в порядке с мотивацией, Стас, — грустно усмехнулся Яша. — Я сделаю всё, что смогу, по максимуму.

— Я не сомневаюсь. Бывай.

— До встречи.

Стас вышел из лаборатории и направился к выходу. Пока он шёл к своему автомобилю, сосредоточенно обдумывал всю полученную информацию и пытался приложить её к своим предположениям.

— Ты очень красивая на тех фотографиях. 😊😊😊😊😊

— На каких именно?

— Там, где ты в белой майке с мишкой.

— Мама сказала, что эта фотка слишком вульгарная.

— Не слишком. Как раз настолько, насколько нужно.

— Рада, что тебе понравилось ♥♥♥

— Не хочешь прислать мне что-то ещё вульгарнее?

— Например? 😊

— Ну, более... смелую фотку, если ты понимаешь, о чем я;))

— Хочешь увидеть меня без одежды?

— Мечтаю. 🙃🙃🙃

— Тогда приходи ко мне.

— ??? ТЫ СЕРЬЁЗНО?!!!))

— Да-а))) А что?.. 😊♥

— Хулиганка. 😊😊😊♥♥♥

-

Дальше переписка покойной Полины с неким Equilibrium содержала лишь непристойности и пошлые, неумелые фантазии.

Стас отложил планшет Полины Вербиной и уставился в окно.

Там сияло августовское солнце, и город жил своей повседневной, обыденной жизнью.

Открылась дверь их кабинета. Вошёл Арцеулов. Перехватив взгляд Стаса, он молча

показал ему желтую папку с делом восьмимесячной давности.

— В Архиве не хотели отдавать.

— Каким образом это дело вообще там оказалось? — развел руками Стас. — Мы его не сдавали.

— Они сами взяли, — дёрнул плечами Сеня. — Сказали, что оно у нас тут, видите ли, завалилось.

— Надо будет переговорить с Аспирином, — сказал Стас, вставая из-за стола.

Он взял из рук Сени папку по делу об убийстве в декабре прошлого года. Сеня взял планшет, открыл переписку, которую просматривал Стас.

— Оценил? — спросил Арцеулов, щелкнув пальцами по дисплею планшета.

— Да. Похоже, она действительно пригласила его к себе.

— Да-а, — протянул Сеня, водя пальцем по экрану планшета. — И он не замедлил явиться.

Стас кивнул.

— Возможно, если бы она с этим не спешила, её семья получила бы несколько лишних дней жизни, — с мрачным сочувствием произнёс Сеня.

— Да, но он всё равно бы их убил, Сень, — листая папку ответил Стас.

Арцеулов уставился на него.

— Почему ты в этом так уверен?

— Потому что он давно собирался это сделать и вряд ли бы отказался от задуманного.

Сеня отвёл взор, пару секунд подумал, затем хмыкнул и спросил.

— Хочешь сказать, они были обречены в любом случае?

Стас, с хмурым видом рассматривая фотоснимки в папке, ответил.

— Если один человек замыслил убийство другого, Сеня, он скорее всего осуществит задуманное. И никто, даже мы, не в состоянии ему в этом помешать.

Стас отвлекся, взглянул на Сеню. Русобородый великан выглядел смятенным и сердитым. Её захлёстывало негодование, он не мог принять такую истину.

— Но, Стас... Ведь... Не всем же удаётся...

— Да, — согласился Корнилов, — просто, потому что большинство людей не способны на хладнокровное, хорошо спланированное убийство. Ещё реже вмешивается случай, но это тоже лишь своего рода отсрочка неизбежного.

Арцеулов опустил взгляд на планшет, тяжело, с сердитым разочарованием вздохнул. Корнилов чуть усмехнулся, снисходительно глядя на Арцеулова. Сеня иногда слишком близко к сердцу принимал дела, которые они расследуют. Но, если подумать, это рождало у него то рвение и стремление, которое так ценил в нём Стас.

— Мы не волшебники, Сень. И лучше всего не стать жертвой убийцы любому человеку может помочь лишь он сам. А мы... Наша задача не допустить новых.

Сеня поднял на него тяжелый, угрюмый взгляд.

— Какой-то жутко паршивый расклад, Стас. Получается, любой может взять кухонный нож, пойти прирезать соседа, а мы...

Он покачал головой, не находя слов.

Стас понимающе кивнул, невесело усмехнулся.

— Работа нашей группы да и всего УГРО, Сеня, противоречит простой логической истине, — чуть склонив голову к плечу, ответил Корнилов. — Вместо того, чтобы бороться с причиной изначально, мы можем противостоять лишь тяжелым последствиям и

предотвращать новые, постепенно подбираясь к виновнику или виновникам преступлений. Понимаешь?

— Да, — отводя взгляд, глухим каменным голосом ответил Арсений. — Мы, как бригада уборщиков, не даём всякой грязи расползаться, а предотвратить само появление, с самого начала, никак не можем.

— Не самая приятная аллегория, — вздохнул Стас, — но довольно точная. Хватит философствовать, посмотри сюда.

Корнилов бросил папку на стол.

— Вот. Видишь?

Арцеулов подошёл к нему, взглянул на указанную фотографию.

— Кострище похоже, тоже цветные вещи.

— А теперь вот сюда. Вот, — Стас показал другую фотографию.

— Изрезанные, цветные снимки и... что это? Похоже на детские книжки с картинками.

— Да, — кивнул Стас, — похоже.

Арцеулов в полнейшем недоумении уставился на Стаса.

— А книжки то ему чем не угодили?

Стас чуть прищурил глаза и, глядя на снимок, медленно ответил.

— Они были цветные.

Сеня тоже опустил взор на снимок. Оба полицейских почувствовали внезапно, будто в кабинете стало на пару градусов холоднее.

— Давай-ка смотаемся, переговорим со свидетелями по тому делу.

— А мы знаем, где они живут?

— Да, знаем, — Стас перелистал папку с делом. — В одной из психиатрических больниц принудительного лечения. Только не они, а она...

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Воскресение, 9 августа

Женщина с собакой что-то прокричала мне вслед. Ей вторил её эрдельтерьер, захлебывающийся возмущенным лаем.

Я свернула возле светофора, пробежала мимо пиццерии, а затем направилась в небольшой парк. В моих наушниках жизнерадостно звучала Тейлор Свифт со своей «The story of us». Я пробежала мимо пары пожилых людей. Они шли и держались за руки, мило улыбаясь друг другу. Пробежав мимо них я «поймала» их воспоминания.

Школа, последний звонок, бал, их самый долгий и чувственный поцелуй, институт, свадьба, дети, внуки... долгая совместная жизнь.

Я улыбнулась на бегу. На душе заметно потеплело. И солнце внезапно стало теплее, ярче, ласковее.

Я бежала по парку, в такт незатейливому ритму песен одной из своих любимых певиц. Подобные, действительно хорошие, переполненные взаимными, искренними светлыми чувствами и общим счастьем воспоминания являются для меня своего рода «антидотами» против тех воспоминаний, что становятся моими кошмарами.

Я пробежала мимо передвижного киоска с мороженым. Там выстроилась очередь из пяти человек. Впереди людей было поменьше. Я побежала по извилистой мощеной дорожке. Навстречу мне пробежали двое парней. Оба одарили меня одобрительными улыбками. Я

демонстративно смотрела мимо них.

Кажется, я скоро начну с собой носить паспорт на всякий случай. Потому что в последнее время всё чаще и чаще начинаю наблюдать нездоровое внимание со стороны старших парней или вообще совсем взрослых мужиков! Нет, наверное, кому-то кажется, что для меня четырнадцатилетней «соплячки» такое внимание должно быть как-то особенно лестно! Но это категорически не так! Меня это больше пугает... Ну ненормально это, когда мужик, которому хорошо за двадцать пять, начинает тебя вот так глазами облизывать!

Ладно б ещё симпатичные попадались, а то всё больше всякие фрики лезут...

Я добежала до спортивной площадки с сине-оранжевыми спортивными тренажёрами. Здесь я по-быстрому порастягивалась и приступила к упражнениям.

Людей вокруг было немного. Поэтому из соображений осторожности я достала один наушник, просто чтобы быть не полностью глухой, пока слушаю музыку. Мало ли... Однажды это может спасти жизнь.

Пока я занималась, в голову просачивались вязкие, липкие и пугающие воспоминания о том, что я видела в квартире Леры.

Я вспомнила того мальчика на площадке и то видение, которое настигло меня в квартире Леры. В который раз мне вспомнился жуткий, неизвестный, странный человек в старом, чёрном сюртуке. Я вспомнила, как он протянул ко мне руку, словно ничего не жаждал так же сильно, как просто коснуться меня. Я вновь ощутила этот плавно и вкрадчиво подступающий нервный трепет.

Эти заметные, боязливые, но навязчивые колебания пробежали по коже плеч, спустились вдоль позвонков, просочились между рёбер и растеклись в моём теле.

Внезапный порыв ветра взметнул тонкую прядь моих волос за правым ухом. Словно кто-то стоящий за спиной резко дунул на мои волосы.

Это было сродни жесту легкого похлопывания по плечу: «Эй! Обернись!».

Я медленно дрогнувшей рукой вынула второй наушник. Голос Тейлор Свифт удалился от меня. Странное дуновение ветра повторилось. Меня звали. Меня просили обернуться, просили увидеть, посмотреть... помочь... Я обернулась. Весь мир затих вокруг меня. И вновь посерело небо, обесцветились краски улиц и природы. Смолк ветер. Я смотрела в чащу парковых зарослей возле спортивной площадки и вглядывалась в непроницаемую сине-зеленую листву.

Нервно сжимая кулаки, чуть хмуря брови, опасливо поджимая губы, я с испугом ждала, когда они появятся. И они появились.

Тихо. Безмолвно. Бесшумно. Как, всегда. Их было несколько... Шестеро. Шесть человек. Шесть людей с чёрными волосами в чёрно-белой одежде с белой, бледной кожей и чернильно-чёрными глазами стояли в один ряд между деревьями. Они словно выплыли из густых теней парковых рощ, вынырнули из другой сумеречной реальности, где обитают наполненные ужасом последних мгновений тяжкие, призрачные воспоминания. Воспоминания о боли, панике и истерическом ужасе. Последние воспоминания... Безмолвные тени умерших людей, погибших душ. Воспоминания, которые являются ко мне в виде бессловесных, призрачных ликов.

На их лицах замерло печальное равнодушие. Они смотрели на меня так, словно чего-то ждали.

Я узнала семью из четырех человек. Они были в моем последнем видении. А двоих других, мужчину и женщину, я видела впервые.

Я плавно, осторожно выдохнула.

Напряжение сдавливало, сжимало рёбра, затягивало грудь петлёй.

Моё дыхание становилось затрудненным, судорожным. Неприятная тянущая тяжесть скапливалась в левом боку.

— Да что же с вами такое произошло?! — прошептала я, глядя на их мертвенно-бледные, серо-белые лица.

Это был вопрос без ответа. Я знала это. Они никогда не отвечают. Они могут только показывать. И именно этого я ждала. Я не смела шевелиться. Я опасалась дышать. И мне казалось, что моё сердце слишком громко стучит в груди. Меня охватывала дрожь. Лихорадка овладевающего мною страха подчиняла тело. Я напряженно ждала. Терпеливо, стойко сопротивляясь чувству крепнущего кошмара. Со страхом и опаской я ждала, что будет. Я ждала их... Я показывала, что согласна узнать... увидеть то, что они тщатся показать мне.

Они шевельнулись. Я вздрогнула, но осталась стоять, где стояла.

Лики воспоминаний вдруг зачем-то повернулись друг к другу и снова замерли, тремя парами глядя в глаза стоящего напротив.

Они просто стояли, повернувшись один к другому. Стояли и взирали со все тем же окаменевшим на их лицах печальным равнодушием.

— Что? — всхлипнула я испуганно. — Я... я не понимаю... Что... Что это значит... Что?

— Девушка! — вскрикнул кто-то рядом.

Я аж подпрыгнула на месте, вздрогнула всем телом и порывисто оглянулась. У меня подскочил пульс. Сердце бешено стучало в груди. Я ошалевшим, диким взглядом уставилась на подошедшего мужчину в красной, растянутой футболке и камуфляжных шортах.

— Эй! Ты чего? — он поднял свои широкие ладони. — Извини, я просто трубку свою дома забыл. Хотел время спросить. Можешь сказать?

До меня не сразу дошел смысл его просьбы.

— Д-да, — заикаясь ответила и полезла за телефоном в спортивный чехол на поясе.

Украдкой я взглянула на парковую рощу. Там среди ветвей бегали две собаки и какой-то мальчишка в полосатой футболке. Он поднял желтую тарелку для фрисби и метнул в сторону.

Я опустила взгляд на смартфон.

— Сейчас без десяти восемь, — ответила я.

— О-о, — удивился мужчина в красной футболке. — Бли-ин... Ладно, спасибо, выручила... Ё-моё... вот же...

Он торопливо зашагал прочь, явно чем-то взволнованный. Я закрыла глаза. Перевела дух. Моё дыхание ещё подрагивало вместе с пульсирующим трепетом в мышцах живота и спины. Надсадная, дергающая тревога бурно фонтанировала внутри. Всё моё сознание подскакивало пружинистыми толчками. Я покачала головой.

Повеяло теплым, чуть влажным ветром. Его шепот и касание были похожи на успокаивающее утешение и дружеский жест.

Когда я вернулась домой, то застала дядю Сигизмунда и Федю в дядином кабинете. Я увидела стоящие на столе бокалы, несколько бутылок с бурбоном, виски, коньяком, пепельницы, сигары, закуску.

Федя с унылым видом раскладывал на столе разноцветные фишки и карты. Сам дядя Сигизмунд раздраженно фыркая, пытался запустить какой-то фильм на своём компьютере.

— Чертовщина какая-то, мать её! — ворчал он. — Почему на всех торентах «Однажды на диком западе» только с таким дурацким переводом?! Тут он услышал мои шаги.

— О, ягодка, иди-ка сюда.

Я послушно зашла в его кабинет.

— Как побегала, красавица? — кивнул он мне и, не дожидаясь ответа, спросил. — Скажи мне, ягодка, ты не знаешь сайты, где можно посмотреть или скачать вестерны в нормальном, человеческом переводе?

— Нет, дядя Сигизмунд, — я пожалала плечами, глядя на кадры жутко старого фильма. — Понятия не имею...

— Жаль. Смотрела этот фильм?

Я покачала головой.

— Не имела удовольствия, — вздохнув, со скромной улыбкой ответила.

— Зря, — дядя качнул головой. — Классика!.. Он уважительно помахал указательным пальцем. Я ещё раз взглянула на экран и пожалала плечами. Староватая классика, сказать по правде. Хотя... Если честно, в последнее время я всё чаще убеждаюсь, что как раз до моего рождения и до моего десятилетия, примерно, снимали о-очень крутые фильмы. А вот потом что-то пошло не так, судя по тому трещу, которым сегодня в большинстве своём заваливают наши кинотеатры. Зато сериальчики есть действительно крутецкие.

Я зашла в свою комнату, прихватила одежду, полотенце и направилась в душ. Судя по тому, что я увидела в кабинете дяди, сегодня намечается очередная игра. Это когда дядя Сигизмунд и его похожие на одичалых, престарелых викингов бородатые друзья собираются в его кабинете и несколько часов подряд (иногда суток) режутся в покер. Причем в процессе они на восьмерых выпивают несколько бутылок крепкого алкоголя, съедают почти всё, что есть в обоих наших холодильниках, и непрестанно смотрят вестерны. Преимущественно старые, которые уже знают наизусть.

М-да. Мне здесь сегодня делать явно нечего. Потому как тут скоро весь дом будет содрогаться от криков, хохота, ударов по столу и громогласных обсуждений покера. Всё это, конечно же, будет сопровождаться просто отборнейшим пошлым матом и грязными, мерзкими шутками. А по коридору на втором этаже начнёт расплзаться горький, вонючий табачный дым. Вскоре он проникнет повсюду, где сможет распространиться, и повиснет плотной, туманной завесой.

А мне, между тем, нужно сегодня обязательно посмотреть информацию о том, не произошло ли в последнее время убийство тех людей, чьи воспоминания начали преследовать меня.

И если да, то, скорее всего, мне придётся обратиться к Стасу. Потому что даже если в УГРО ещё не знают о случившемся, они должны узнать. Эти люди... Они были не просто умерщвлены. Их подвергли какому-то извращенному, насильственному перевоплощению.

Они явно стали инструментами в реализации чьей-то злой, маниакальной, неукротимой и ошеломляюще страшной фантазии.

Кто-то преисполненный навязчивыми, болезненными идеями воплотил возникающие в голове кошмарные, психопатические сцены, превратив этих несчастных людей в подобие реквизита!

Господи... Откуда берутся эти чудовища. Где они живут?.. Откуда приходят?..

После душа я по-быстрому перекусила йогуртом. Затем подобрала необходимый гардероб. Особо выпендриваться смысла не было, но выглядеть в любом случае нужно достойно. Я предпочитаю больше практичную одежду. Стильную, но практичную и удобную в первую очередь.

Я выбрала шорты из денима с высокой посадкой, практичные и легкие слипоны бледно-лилового цвета с блестящими носами и одну из любимых футболок такого же цвета. С собой в сумку я сложила легкий, серо-голубой бомбер, косметичку, влажные салфетки и свой голубенький лэптоп. Спустя примерно час с небольшим я была готова. Попрощавшись с дядей Сигизмундом и Федей, которому сегодня, видимо, придется прислуживать тусовке стареющих дебоширов, я вышла на улицу.

Фух! Ну всё! Теперь, главное, пережить метро...

Для меня это почти всегда, как долгий нырок на глубину.

Ещё через час я уже зашла в одно из столичных кафе. Оно располагалось в уютном трёхэтажном лофте. Здесь царила миролюбивая, уютная, тёплая атмосфера. Здесь всегда приглушенно играет приятный рок шестидесятых, за столиками шумно ровно настолько, чтобы любой не чувствовал себя, как в каком-нибудь Мак-Дональдсе, возле метро после шести вечера.

Я приземлилась на один из салатových диванчиков с подушками.

Заказала себе зелёный чай с имбирем и банановый сплит. Не чтобы у меня было настроение наслаждаться прекрасным видом из окна лофта, попивая чай с десертками, но это помогало не удручаться пугающими мыслями.

Я поставил лэптоп на стол, зашла в интернет, открыла браузер.

В поисковике вбила: убийство, семья, Россия, ужас. Чуть помедлив, нажала Enter. Мгновение, и у меня появилось несколько результатов последних событий. Я с сосредоточенным видом просмотрела их.

И уже собиралась перейти по одной из ссылок, когда ко мне за стол неожиданно села женщина в тёмном деловом костюме. У неё были светло-русые волосы до плеч, холодные фисташковые глаза и такие губы, как будто она собиралась их обиженно поджать, но передумала.

Рядом со мной быстро сел мужчина, одетый так же, как и женщина, и очень сильно похожий на неё, словно они были близнецами. Губы у него тоже были странные. Нижняя была больше и чуть выпячена вперёд. Волосы зачесаны набок. Глаза смотрели с ледяной безжалостностью.

— Привет, — поздоровалась женщина, одарив меня прохладной улыбкой.

— Чем занимаешься? — спросил мужчина и протянул руку к моему лэптопу.

Я быстро захлопнула ноутбук, придвинула к себе.

Сердце мое забило быстрее, я почувствовала беспокойство. Я переводила настороженный, непонимающий взгляд с лица сестры на лицо брата.

— Простите, но к-кто вы вообще т-такие? — чуть заикаясь, всё же возмущенно спросила я.

Молодой мужчина надменно фыркнул и достал удостоверение.

— Капитан Максим Датский, Главное управление собственной безопасности МВД.

Женщина тоже показала своё удостоверение.

— Капитан Ольга Датская, — ехидно и торжественно проговорила она. — А ты Вероника Лазовская.

— Юная фигуристка, — продолжил Максим Датский, таким же противным елейным голосом, как у сестры, — не слишком прилежная ученица, и частая спутница майора... О, точнее уже подполковника Станислава Корнилова.

Беспокойство мое мгновенно преобразовалось в давящее тревожное чувство.

Я в смятении смотрела то на женщину, то на мужчину и пыталась сообразить, что мне делать и что отвечать.

— Так тебе нечего сказать? — Максим Датский бесцеремонно отбросив мои руки, вырвал у меня мой лэптоп и открыл его.

— О-о... — протянул он восхищенно, — Вы посмотрите... Он развернул лэптоп дисплеем к своей сестре-близнецу.

Я с пугливой растерянностью наблюдала за их действиями, по-прежнему не представляя, что мне делать.

Ясно, что мне нужно как-то от них избавиться. А вот как?

— Интересно, — проворковала Ольга Датская. — И какое дело может быть обычной девятикласснице до серийных убийств?

— С-серийный убийств? — переспросила я, глядя в её цепкие, изучающие глаза. — Я просто смотрела новости...

Ну почему? Ну почему я начинаю заикаться, когда нужно соврать? Почему у меня дрожит голос? Ну почему? Ну какого чёрта?!

— Неужто обыкновенное любопытство? — язвительно спросила Ольга.

— Да, — нервно сглотнув, ответила я, и чуть вскинув подбородок, вызывающе спросила. — А что? Разве это стало незаконным?

— Слушай, егоза, — Максим Датский наклонился ко мне.

Я инстинктивно подалась назад, вжимаясь в угол дивана и боязливо глядя на него.

— Не надо здесь цирк устраивать, — процедил он с нескрываемой гадостной агрессией в голосе.

Он говорил так, будто я виновна в каких-то его личных бедах. Слово я нарочно подставила его или причинила ещё какой-то умышленный вред.

— Я н-ничего не вам устраиваю, я вообще-то здесь просто... — отчаянно стараясь возмутиться, пролепетала я. — Я здесь просто...

Датский вдруг вцепился в мою правую руку. Его жесткие пальцы больно сдавили мою запястье. Он резко выкрутил мне руку.

Я тонко взвизгнула от боли. На глазах выступили слёзы.

Немногочисленные посетители за столиками обернулись, но вмешиваться никто не стал.

Я понимала, вокруг нет никого, кто мог бы мне помочь. А даже если бы и мог... Мало, кто рискнул бы связываться с ГУСБ. Кому охота вообще вступать в противоречия с правоохранительными органами?

К нашему столику однако подошел официант, который обслуживал меня.

— Простите, — с холодной почтительностью проговорил он. — У вас всё в порядке?

Я отчаянно пыталась поймать его взгляд. Но он на меня даже не посмотрел.

Близнецы показали ему свои удостоверения.

— Беседа с трудным подростком из секты самоубийц, — ответила Ольга Датская с фальшивой грустной улыбкой. — Вам не о чем беспокоиться.

Трудный подросток из секты самоубийц?! Вы серьёзно?!

«Куда ты уходишь официант?»- подумала я встревоженно и сердито, посмотри, разве я похожа на трудного подростка?!

— Думаю, — проговорил Максим Датский, взглянув на сестру, — будет лучше продолжить нашу беседу в более приватной обстановке.

— М-да. — глядя на меня с победным ехидством, проговорила Ольга Датская. — Определенно.

Я встревоженно посмотрела на них обоих. Я чувствовала, как во мне росла пугающая уверенность появления грядущих опасных неприятностей.

— Поехали, кроха. — Максим отодвинул мой лэптоп к своей сестре и взял меня за руку.

— Я н-никуда с в-вами поеду!.. — быстро покачала головой я. — Вы не имеете права...

Вместо ответа Максим Датский быстро отвесил мне хлесткую пощечину. Я вскрикнула, отшатнулась. По коже на щеке распространилось жгущее ощущение, как от болезненного раздражения. Ольга Датская резко наклонилась ко мне, заставив меня инстинктивно испуганно закрыться руками.

— Слушай, коза белобрысая! — прошипела Датская, схватив меня за руку. — Только дай мне повод! И я всё сделаю, чтобы твоего дядю-уголовника упекли куда-нибудь в Кресты или Матросскую Тишину! А сама ты поедешь обратно в свою вонючую Польшу к бабке с дедом и твоим бесчисленным дядьям, тёткам и прочим родственникам. Я слышала они о-очень любят и тебя, и твоего папашу, и неизвестно где пропадающую мать!

Она наклонилась ко мне ещё ближе, свирепо глядя мне в глаза.

— Хочешь?! — выразительно вскинув брови, ядовито прошипела она. — И глазом моргнуть не успеешь!

Я скривившись, сжавшись, в смятении смотрела на неё. Её угрозы вселили в меня пугающие сомнения. Передо мной мгновенно предстали реалистичные образы ареста дяди Сигизмунда. И я не знала, врёт она или говорит правду. Я не знала, что они могут. Но я знала, что прошлое дяди Сигизмунда крепко связано с криминалом и незаконными перевозками. У него в доме храниться оружие! И не какие-то травматические пистолеты или охотничьи ружья!

А ещё я... я отлично помнила свой год жизни без родителей, среди «любимых» родственников.

Мои тётушки и дядюшки, особенно тётка Барбара и дядя Анджей, очень быстро разрушили мои иллюзии относительно их отношения ко мне. Очень быстро они свели моё положение к безвольной, бесправной, покорной... даже не рабыни, а домашнего животного!

Я помнила, что со мной делали. Я помнила, с каким фанатичным остервенением меня избивала тётка Барбара, выкрикивая мерзости про моих родителей. Я отлично помнила и вряд ли забуду, как дядя Анджей прилюдно грозился... изнасиловать меня палкой от старой швабры. Он бы с удовольствием привел в действие свои угрозы, если бы не вмешательство остальных родственников, посчитавших это «недостойным» для носителя нашей фамилии.

Ещё я помнила, как их дети — мои троюродные (и ещё чёрт знает, какие) кузены, пытались заставить меня есть из собачьей миски.

Меня всё время пытались унижить, уязвить, сломать... Они пытались продемонстрировать мне, что я здесь никто и ничто. Что я здесь даже не человек... Они бы, наверное, и убили бы меня, если бы могли.

Но это было невозможно. Всё дело оказалось в порядке наследования общего семейного капитала. Бабушка и дедушка отписали свои доли наследства моему отцу. А мой отец в

данный момент пребывает за решеткой. И таким образом, пока что я наследница довольно внушительной суммы и процентов семейного капитала. И отказаться (разумеется исключительно «добровольно») от наследства я смогу лишь после своего двадцать первого дня рождения. Таковы правила наследования в нашей семье.

Так что угрозы Ольги Датской были более чем реальны для меня.

Мне пришлось позволить увести себя из кафе и добровольно сесть в их машину, белый Lincoln Navigator.

С той секунды, как я забралась внутрь обитого кожей серо-бежевого салона, меня не покидало мрачное чувство, что я отправилась на своеобразное жертвенное заклинание.

И, боюсь, их кабинет или комната, где меня будут допрашивать, может стать аллегорическим эшафотом для меня или для Стаса.

Или для нас обоих.

Когда мы добрались до места, меня завели в маленькую комнату с единственным столиком и серыми стенами, напоминающими собой фрагменты мокрого асфальта. На стенах было звукоизоляционное покрытие. Этот факт серьезно настораживал.

Ольга Датская велела мне сесть на один из голубых пластиковых стульев. Я послушно уселась. Сама Ольга села напротив меня, рядом положила какую-то толстую папку.

Максим Датский остался стоять, скрестив руки на груди, и угрожающе нависая надо мной. На меня давил его взгляд, серые стены, потолок и вся обстановка. И сами близнецы Датские старательно усугубляли угнетающее впечатление.

— Так, — начала Датская, открыв папку и листая содержимое. — Давай сразу договоримся. Я задаю вопросы, ты отвечаешь, потом Максим отвезёт тебя туда, где мы тебя взяли, и ты можешь проваливать, куда тебе вздумается. А будешь упираться...

Она испытующе посмотрела на меня, словно желала удавить одним только взглядом.

— Потом будешь с болью и сожалением вспоминать об этом. — сверкнув глазами прошептала она. — Поняла?

Я вздохнула. Опустила взор на стол. Равнодушно, с обреченным видом пожала плечами.

— Вы можете задавать любые вопросы, — тихо ответила я. — Вот только мои ответы вряд ли вас обрадуют.

Ольга пару секунд смотрела на меня колючим, испытующим взглядом. Ненависть лихорадочными бликами дрожала в её фисташковых глазах.

— Лучше тебе отвечать правдиво, синеглазая ты моя. А то ведь пожалеть придется не только себя, но и дядюшку...

Для меня оставалось загадкой, почему они обращаются со мной так, словно осуществляют какую-то кровную месть! Разумеется, я знаю об их отношениях со Стасом, и, понятное дело, что это не могло не коснуться меня. Но, если подумать... Ведь ни Корнилов, ни я ничего плохого им никогда не делали, ни косвенно, ни специально, ни ненароком, ни предумышленно! Чего, кстати, о них не скажешь...

— Итак, что от тебя нужно Корнилову? — прямо спросила Ольга Датская. — Что у вас за дела? Для чего вы встречаетесь? Почему тебя не раз видели с ним на местах преступления? А?!

Тут она с прищуром оглядела меня и, чуть склонив голову к плечу, спросила:

— Между вами что-то было? Вы вступали в интимную связь?

— ЧТО?! — ахнула я, вскинувшись, и обескураженно взглянула на Датскую

Она вообще в своём уме?! Что она такое несёт?! Как ей вообще такая мысль могла в голову забрести?!!

— Смотри, как залилась краской, — осклабился Максим Датский, насмешливо глядя на меня. — Нет, Оль... Мимо. Она бы может и не прочь была бы... Но у Корнилова слава принципиального мужика с жестким моральным кодексом, железной волей и стойкой силой духа. Не стал бы он с малолеткой... К тому же у него дочка её возраста... Да и я слышал, он любит свою жену. Даже не изменял вроде никогда.

— Ты как будто им восхищаешься! — с обвинением в голосе воскликнула Ольга.

— Я никогда не говорил, что презираю его, — спокойно ответил Максим. — Он зазнавшаяся, тщеславная и честолюбивая сволочь, которую давно уже пора поставить на место. Но это не отменяет всех его прочих достоинств.

Услышав то, что он сказал про Корнилова, я почувствовала прилив праведного, справедливого раздражения, но сочла за лучшее промолчать.

— Так, не важно, — отмахнулась Ольга Датская и снова взглянула на меня. — Зачем ты всё время встречаешься с Корниловым? Ну?

— Твое молчание также будет иметь все негативные последствия, о которых тебя предупредили, — зловеще предостерёг меня Максим Датский.

— Хорошо, — я пожала плечами. — Я напросилась к Корнилову, чтобы изучать... криминальную психологию, поведенческий анализ и составление психологического профиля убийцы.

— Да ну! — с издёвкой хмыкнул Максим. — Долго думала, курица?

— Ты что издеваешься над нами, дрянь?! — зло воскликнула Ольга Датская. — Я с тобой, кажется, сейчас по-хорошему пытаюсь говорить, и то только делая скидку на твой нежный возраст! — Кстати, о возрасте, — сообщил Максим Датский. — Не забывай, что ты уже обременена уголовной ответственностью.

— Вот, вот, — поддакнула Ольга. — Хочешь, не в Польшу вернёшься, а в колонию поедешь? Лет на пять-шесть? Знаешь, кем ты оттуда выйдешь?

— А там, между прочим, жуткие вещи иногда творят с такими хорошенькими, нежными дворяночками из чрезмерно богатых семей, — ощерившись, с мрачным предвкушением проговорил Максим. — Уверен, тамошние охранники быстро найдут с тобой общий язык.

Они с сестрой переглянулись и обменялись одобрительными смешками.

Я не сомневалась, что свою угрозу они могут привести в действие.

Но я также знала, что рассказывать им правду я точно не буду! Пусть хоть режут! Просто тяжесть последствий от моей правды буквально зашкаливает во всех смыслах! Как для меня, так и для Стаса.

Корнилов неминуемо будет уволен с позором. Все его заслуги буду приписаны «девочке с необыкновенным даром».

А сама «девочка с даром» неотвратимо станет собственностью спецслужб (в лучшем случае), рабочим инструментом, ручным зверьком, да кем угодно, только уже не той, кем она была раньше!

Ей, то есть мне, уже никогда не дадут жить хотя бы отчасти нормальной жизнью! Всё моё существование будет подчинено исполнению высшей воли и высших интересов кого-то там, кому всегда «виднее» и «лучше знать». И если на льду я готова хоть лоб в кровь разбить, но заполучить золотую медаль, то за пределами спорта я хочу жить нормальной жизнью! Как все!

Хоть чуть-чуть... Хоть иногда, отчасти, понемногу...

— Так и будешь молчать? — язвительный вопрос Ольги Датской отвлек меня от тягостных раздумий.

— Я уже ответила на ваш первый вопрос, — устало произнесла я.

— Этот бред ты будешь в колонии сокамерникам травить! Поняла меня?!

Я поморщилась от её крика.

Можете смеяться (и даже крутить пальцем у виска), но мысль о том, что мне теперь угрожают отправкой в колонию для несовершеннолетних, вселяла некоторый оптимизм. По крайней мере это лучше, чем возвращение в Польшу к моим горячо «любимым» родственникам. Вряд ли в колонии легкая и сладкая жизнь, но дома, я точно знаю, меня вообще ждёт кромешный ад.

— Что вас связывает с Корниловым?! Зачем ты ему нужна?! — продолжала допрос Ольга. — Ну? Чего ты глазки свои красивые опустила? Отвечай!

Я нахмурившись, пыталась сосредоточиться, чтобы определиться, что говорить. Потому как отвечать всё равно нужно, но так, чтобы они ничего не получили!

— Ты оглохла, что ли?! — прикрикнул на меня Максим Датский. — Чего заткнулась?

— Зачем ты нужна Корнилову?! — тоже повысила голос Ольга. — Отвечай!

— Что у вас с ним за дела?! Давно ты его знаешь?! — прогавкал Максим.

— Отвечай! — яростно требовала Ольга. — Что ты делаешь на местах преступления?! — Зачем тебя туда привозят?! — Максим Датский приблизился ко мне.

Я почувствовал запах его пота и сладковатый привкус его парфюма.

Он нависал надо мной, заставляя меня в испуге прижиматься левым плечом к стене.

— Что ты вытаращила на меня?! — прорычал Максим Датский.

— Отвечай! — в который раз прикрикнула на меня Ольга.

Они с усилием, со злостью давили на моё сознание, с удивительным злым азартом пытались надломить мою волю. И столь же лихорадочно жаждали растоптать во мне любые мысли о непокорности их требованиям. Им во что бы то ни стало нужно было получить желаемое. Нужно было моё признание. Они жаждали опозорить, опорочить и унижить Стаса. Они истово, лихорадочно желали его полнейшего провала и уничижительного изгнания из рядов офицеров УГРО.

— Нас с Корниловым ничего не связывает... — ослабевшим от их нападков голосом, проговорила я. — Станислав Корнилов мной не интересуется, и я ему совсем не нужна. Это он мне н-нужен... И поэтому я сама приезжаю, когда...

— Твою мать, ну всё! — Максим хватанул кулаком по столу.

Я вздрогнула, замерла и в ужасе, уставилась на него, быстро моргая глазами. Я не успела ничего сказать.

Максим Датский схватил меня за волосы, дёрнул вниз. Я испуганно вскрикнула. Он склонил меня к столу, заставил прижаться грудью к столешнице. Его рука больно нажимала на мою голову, заставляя мою левую щеку и скулу вдавливаясь в жесткую поверхность стола.

— Я последний раз тебя по-хорошему спрашиваю, дрянь охамевшая, Что... у тебя... за дела... с-с Кор-рниловым?! — громогласно прорычал Датский.

При каждом слове он с неудержимой злостью давил на моё лицо.

Я опешила от сильных толчков его широкой ладони на моей скуле и щеке. Мне казалось он сейчас просто продавит челюсть, скулу и в труху сотрёт моё лицо! Внутри проникла

ошеломляющая, кошмарная мысль, что никто даже не сможет остановить его!

— Отвечай! — вскричал Максим Датский. — Живо! Зачем... ты... нужна... Корнилову?!!

Снова толчки, снова с каждым словом он с неистовой психопатической яростью вжимает мое лицо в стол тяжелой ладонью. Я молча, тихо скривилась. Я испуганно поджала губы и крепко зажмурилась, так отчаянно, словно пытаюсь отыскать в этом спасение. Но тщетно... Я почувствовала, как на глазах выступили тёплые слёзы, они увлажнили мои ресницы. Меня сотрясали тихие рыдания от ворвавшегося в душу страха и разрастающейся боли, которую я не в силах остановить. Я вдруг осознала, что мне ведь действительно никто не поможет! Я здесь одна! Я беспомощна и беззащитна!

Я не знала, что мне делать, что говорить... Я знала, что не могу, не должна рассказывать им правду... Нельзя... Этого нельзя делать... Я не могу! Я не должна! Я же не должна... Я...Я не буду... Не буду... Не буду...

Я тихо рыдала, беспомощно, в страхе, мучимая болью.

— Говори, тварь! Сейчас же! Я не буду долго ждать!.. Ну! Чего ревёшь?! Говори, курица безмозглая! Быстро! Быстро, я сказал! — проорал надо мной Максим Датский.

Я не отвечала на его слова, я просто тихо давилась рыданиями в раболепном, подавленном, забитом смятении.

Страх овладел мною, страх перед сиюминутной расправой рывком вырвал все мои внутренние силы, словно взбешенный дикий зверь.

Я ощущала себя в полной власти злобной прихоти обезумевшего Максима Датского.

Моя голова была прижата к столу. Мне было тяжело дышать. Слёзы скатывались по щекам на стол под мою голову.

— Лучше ответь уже, — ехидно вставила Ольга Датская, как ни в чем не бывало наблюдавшая за тем, что творил её брат.

Максим вдруг отпустил меня.

Я взлохмаченная, растрёпанная и заплаканная медленно поднялась.

Он тут же хватил меня за волосы снова. Резко дёрнул вверх, я инстинктивно подняла руки, пытаюсь нащупать его руку.

Он с силой хлестнул меня ладонью по лицу. Я закричала, закрылась дрожащими руками.

— Не надо! — проскулила я, отчаянно рыдая. — Не надо! Не надо!.. Пожалуйста! Не надо! Хватит...

Максим ударил снова. Я вскрикнула, сдавленно всхлипнула. Он небрежно оттолкнул меня. Я не удержалась улетела на пол, ударилась бедром. Кожа под волосами болезненное горела и саднила. Задыхаясь в нервных, спазматических рыданиях, я прижала трясущуюся ладонь к щеке. Кожа на щеке горела, как будто я ободрала её об асфальт. Даже легкие прикосновения моих дрожащих рук вызывали пульсацию жгучей боли. Я не могла ничего различить перед собой. Ресницы слипались от слёз, слёзы туманили взор, размывали всё вокруг. В голове скапливалась болезненная тяжесть, а тело охватила топкая, вязкая слабость. Я как будто медленно тонула в чем-то липком и жидком. Голова пошла кругом, и я куда-то упала, как будто меня сморил неожиданно нахлынувший сон....

Я сидела на полу и дрожащими руками пыталась осторожно протереть глаза. Когда снова их открыла, вместо интерьера комнаты, где меня допрашивали, меня окружили плавно извивающиеся чернильно-чёрные облака. Ничего не понимая, едва осмеливаясь дышать, я

осторожно оглядела. Они клубились и вились вокруг меня. Это было похоже на странный водоворот из дымчатых, гибких волокон. Или на дивный смерч, в центре которого я находилась.

Я слышала голоса. Их было много, подобно шумному шороху бумаги они доносились из завывающих вокруг меня чёрных завихрений.

Где я? Что это такое? Что за место? Я опустила взор и увидела, что поверхность подо мной светится лучистым яично-желтым светом.

Словно кто-то или что-то подсвечивает пол подо мной.

— Скорее! — вдруг отчетливо раздалось из непрерывного круговорота чёрного дыма. — Скорее! Макс! Поторопись ты! Отец опять будет кричать!..

— Да он только и делает, что орёт... На нас, на мать... И пьёт постоянно! — мальчишеский голос отвечал со злой обидой. — Ненавижу его!

— Тише, — шепнул испуганный голос девочки.

Тучи чернильного дыма начали резко рассеиваться отдельными, рваными кусками. Казалось, кто-то усердно и торопливо стирает его словно ластиком. Под слоем дыма я увидела зеленые стены, обшарпанные ступени и поцарапанные перила лестницы. Это был какой-то подъезд. Я увидела девочку со светло-русой косой.

Она была одета в лёгкое летнее платье нефритового цвета, с бледно-желтыми птичками.

— Быстрее, Макс! — стоя возле перил, крикнула она вниз.

Следом за ней по лестнице взбежал худощавый мальчишка в джинсах и зелёной рубашке. У него были такие же густые, светло-русые волосы как у его сестры. Вдвоём они поспешно, торопливо взбежали по лестнице. Помешкав, я поспешила следом за ними.

Мне не составило труда догадаться, в чём я воспоминании.

Мальчик и девочка были близнецами. Близнецами Датскими.

Подстёгиваемая волнующим любопытством, я устремилась следом за ними.

Они были младше, чем я сейчас. Наверное, не старше двенадцати лет. Они добежали до этажа с цифрой шесть, и мальчик позвонил в дверь. Я тоже встала рядом с ними.

Ожидая, пока им откроют дверь, Максим и Ольга, заметно нервничая обменивались робкими, виноватыми взглядами.

Я чувствовала исходящую от них навязчивую, стремительно усиливающуюся паническую боязнь. Поглощающий их страх был почти осязаем. Он опутывал, пленял, подчинял их, заставлял бояться. Бояться наказания... бояться расправы за непослушание.

За входной дверью послышались глухие, тяжелые шаги.

От топота ног за дверью, казалось, вибрировал воздух.

Кто-то в квартире грузно, тяжело и гневно шагал к входной двери.

Он приближался. И возрастающее кошмарное чувство надвигалось вместе с ним.

Близнецы Датские дружно всхлипнули. Ольга не выдержала, крепко прижала ладони к лицу. Её брат сжал кулаки, протянул руку к сестре, осторожно, но уверенно коснулся её.

Оля опустила свою дрожащую руку. Их ладони сомкнулись. А затем перед ними распахнулась входная дверь.

— Явились?! — рявкнул возникший на пороге огромный, толстый мужик в белой майке и растянутых спортивных штанах.

Он выглядел дико и ужасно. Рослый, толстый, с блестящей лысиной на голове и растущими вокруг волосами. Под мясистым носом у него лохматились густые усы. На щетинистых щеках поблескивал пот. Из широких ноздрей торчали волосы. Белки безумно

выпученных глаз перече́ркнуты сеткой лопнувших сосудов.

Близнецы замерли перед дверью, не смея шевельнуться или произнести слово.

— Явились, наконец-то, шелудявки гуляющие?! — оскалив желтоватые зубы, прорычал мужчина в белой майке. — А ну живо в дом!

Не смея взглянуть на отца, близнецы торопливо и послушно юркнули в квартиру.

Я ринулась было следом, но видение внезапно заволокло уже знакомыми извивающимися угольно-чёрными, дымчатыми тучами.

Они снова закружились вокруг меня.

Я стояла на островке света, растерянно ждала, что будет дальше.

Закручивающийся вокруг меня вихрь облаков антрацитового цвета вдруг брызнул в разные стороны и просто растворился. Я стояла в каком-то тумане. Точнее... нет, это мир вокруг меня выглядел так, словно я смотрела на него через сильно запотевшее стекло!

Но при этом я отлично видела свои руки, ноги в светло-лиловых слипонах, одежду.

Сначала сквозь туманную пелену прорвались искаженные голоса.

Я не сразу различила слова. Они дрожали, вибрировали и меняли тональность. Но затем резко вскричал озлобленный, ревуший мужской голос.

— Иди сюда, паскуда! Я тебе сейчас покажу, как хамить отцу! На! Вот! Вот так!!! Вот Пас-скуда! Я слышала короткие, частые, быстрые свисты воздуха. Они заканчивались мягкими, глухими ударами. Я вздрогнула после первого. После второго. Приоткрыв рот с дрожащими губами, я обескураженно пыталась рассмотреть, что происходит за туманной пеленой. Там было какое-то движение.

Я слышала гулкий стук и короткий скрип. Похоже на резко распахнувшуюся дверь в комнату.

— Папа не надо!!! — с истеричной мольбой в голосе, задыхаясь прокричала маленькая Ольга. — Перестань! Перестань!!! Не бей его не надо! Не надо! Стой!!! Пожалуйста!. Папочка!.. Ну, пожалуйста!!!

Она надрывалась в бессильной, рыдающей мольбе.

— А ну пошла вон отсюда! — безжалостно рявкнул мужчина.

Ватная, мутная, пелена тумана вокруг меня истаяла.

И меня сковало электризующее оцепенение от увиденной сцены.

В маленькой комнате на кровати под стеной, заклеенной постерами, лежал тот самый мальчишка в джинсах и зеленой рубашке. Это был Максим Датский. Поджав ноги, обхватив руками живот, он лежал на цветном одеяле, почти не двигаясь. У мальчишки было разбито и залито кровью лицо. Кровь из носа и рта растекалась по смятой под ним постели, пропитывала ткань одеяла расплывающимися пятнами. На его руках я заметила кровавые росчерки многочисленных ссадин. Мальчик закашлялся, выплюнул кровь. Слабым движением приподнялся на кровати.

Угрюмым, злым взглядом из-под свисающих на лицо волос посмотрел на отца. Я приросла к полу увидев в его взгляде неподдельный зверский гнев. Я обернулась на их отца.

А тот уже всей своей тяжелой тушей нависал над маленькой Ольгой Датской. Девочка прижимаясь спиной к стене, точно затравленный зверёк, всхлипывая, закрываясь руками, плача, робким шепотом заклинала:

— Папочка... пожалуйста... не надо... не надо...

Он надвигался на неё. Его толстая рука с волосатыми пальцами сжимала в руках длинную, гладкую палку с отслаивающимися мелкими щепками. На палке были заметны

смазанные, алые пятна.

Кровь его сына.

Понимание этого подобно мёрзлой воде прорвалось в моё сознание, заполняя разум устрашающим холодом.

— Папочка... — тонко всхлипнула Ольга, прикрываясь дрожащими руками.

Усатый громила в майке с низким, сипящим свистом выдыхая через широкие ноздри, смотрел на неё. Затем поднес руку к волосам девочки. Бессердечно, небрежно взял её за чёлку, дёрнул вверх.

Девочка ойкнула, скривилась от боли. Через прищуренные от боли глаза посмотрела на отца. Её покрасневшие щеки были мокрыми от слёз.

— Тебе его жалко? — шевельнув косматыми бровями, с тихой злостью поинтересовался отец. — Да?..

Губы Ольги скривились, задрожали. С дрожащим всхлипыванием она втянула в себя воздух.

— Он... мой... б-брат... м-мой брат... братик... Она зажмурилась, заплакала.

Усатый мужчина насмешливо фыркнул. Вдруг его лицо исказила гримаса ненавистной злобы. Он замахнулся и палкой ударил дочь по ногам. Она упала, вскрикнула, зарыдала громче, задыхаясь в плачущем кашле. Подтянула, поджала ноги.

Он, оскалившись, замахнулся снова.

Я истошно закричала вместе с Максимом Датским.

— Не-е-ет!!!

Воспоминание скрылось за пеленой чадящего антрацитового дыма.

Я бросилась вперёд.

— Нет! Нет! Нет! — потеряв самообладание я комкала руками зыбкий, бестелесный дым.

Я как будто надеялась рассеять его, прорваться через него, добраться до них... помочь... Остановить этого здорового, жирного, пьяного подонка!

Но я быстро пришла в себя. Закрыла глаза. Несколько раз вздохнула.

— Воспоминание, — прошептала я. — Это просто воспоминание... Я видела их уже сотни тысяч раз. Хватит так реагировать, хватит...

Я судорожно втянула носом воздух, запрокидывая голову назад.

— Возьми ты, чёрт возьми, себя в руки! — сердито прошептала я сама себе.

И уже тише, устало добавила:

— Ей богу... сколько уже можно...

Когда я открыла глаза в третий раз, кружащие вокруг меня, подобно клубку дымчатых питонов, угольно-чёрные облака растаяли. Новый эпизод видения явил мне всю ту же комнату с постерами на стене. Близнецы сидели на кровати, прижимаясь друг другу. Оля плакала в плечо брата. У Максима тоже было красное, заплаканное лицо. Но он смотрел на дверь своей комнаты, заклеенную пёстрыми наклейками.

Из квартиры, в дверь доносились истошные, воюющие крики какой-то женщины. Её крики прерывались руганью уже знакомого мужского голоса и звуком глухих ударов. Я взглянула на близнецов с горьким сочувствием. Несчастные, забитые, запуганные, они держались за руки, ища спасения друг и в друге. Держались за руки и делили на двоих общий страх перед отцом.

Мне было их очень жаль. Жаль их детство, жаль, что им приходилось жить в

постоянном страхе. Я хорошо их понимала.

Кем же нужно быть, чтобы бить своих детей так, чтобы они содрогались от страха, чтобы боялись идти домой, боялись послушаться, боялись вызвать неудовольствие родителя?..

Кем вообще нужно быть, чтобы поднять руку на своего ребёнка?!

Крики женщины сменились единым, надрывающимся, дребезжащим воплем невыносимого мучения.

Меня словно окунули лицом в ледяную воду. От затылка по шее и вниз по спине извивающейся змеей сползло мерзкое, ужасающее чувство пронизывающего страха.

Да что он там с ней делает?! Что вытворяет этот больной изувер?!!

Максим Датский внезапно подхватился с кровати, бросился к двери.

— Макс, стой... — крикнула Оля слезая следом за ним. — Стой... не надо!

Но мальчишка выбежал в коридор. Я ринулась следом.

В коридоре переполненные страданием крики их матери стали громче. Максим твёрдой походкой, вбежал в одну из комнат.

Здесь между посудными шкафами, прямо над диваном висело ружье. Большое, двуствольное ружье. Максим залез на диван, снял ружье со стены, ринулся к массивному, письменному столу. Открыл дверцу слева, достал картонную коробку с патронами. На его лице затвердела ледяная решительность.

— Максим ты... — Оля вбежала в комнату и, увидев, как брат заряжает ружье, ахнула, прижала ладони к лицу.

Её брат накинул на плечи ремень ружья и подошел к сестре.

Она подняла взгляд от ружья на него, заглянула в его глаза.

Он пару мгновений смотрел на неё. В такие же, как у него фисташковые глаза.

— Хватит, — жестко, твёрдо и угрюмо произнес он. — С нас... хватит.

Оля нервно сглотнула, глядя в его глаза и в ответ вдруг согласно прошептала:

— Да... Хватит.

Он вышел в коридор. Она, чуть помешкав, ринулась следом.

Они шли на звук голоса их воющей матери и выкрики их отца.

— Тварь! Дрянь! Шлюха! Ты забыла, откуда я тебя вытащил?! Ты благодаря мне в Москве живешь! Мне, понимаешь?! Ты мне всем обязана!!! Ты ещё будешь мне указывать, что мне покупать?! На мои деньги?! Тварь!

Послышался глухой, хлесткий звук удара.

Я шла следом за близнецами. Я шла за детьми, которые с холодной решимостью шли убивать... Убивать своего родного отца.

Они встали перед дверью, из-за которой звучали крики и удары.

Максим открыл её пинком ноги.

Я успела увидеть лежащую на полу, избитую женщину в крови и порванном платье. А он стоял над ней с уже знакомой палкой. На этот раз его палка вся от вершины до рукояти была щедро измазана кровью. Кровь стекала по поверхности палки, капала на пол.

Кровь его жены и матери близнецов влажными пятнами блестела на его майке.

Он обернулся на звук, и его вытаращенные в неистовой злобе глаза уставились на близнецов. Он увидел ружье в руке Максима.

Его чудовищно выпученные глаза, ослепшие от оголтелого злобного бешенства, уставились на детей.

— Ах вы выр-родки... — прорычал он толстыми губами, скаля желтые, похожие на

семена кукурузы, грязные зубы.

Он развернулся. Его объемистое пузо встряхнулось. Сжимая в руках окровавленную палку, он двинулся на них.

— Не-ет... — тихо, слабо прохрипела избитая женщина на полу.

Я, застыв за спинами близнецов, наблюдала за происходящим.

Пульс в крови звучал тревожными тактами.

Ударил гулкий, мощный выстрел. Повеяло горечью пороховых газов.

Их отец вздрогнул всем телом. Он поперхнулся, быстро заморгал глазами, неловко отступил назад. Опустил взгляд вниз.

Прямо на его животе стремительно, быстро расплзлось темно-алое пятно.

— Чё... — выдавил он.

Раздался гулкий щелчок. Это Максим Датский надломил ружье.

Ольга, глядя на отца, дрожащей рукой подала брату два патрона.

Максим с отрешенным, отвердевшим лицом зарядил патроны, с цокающим звуком сложил ружье.

Раненый отец, пошатываясь снова двинулся к ним.

— М-мелкие выр-родки... — на его толстых губах вздувались кровавые пузыри.

Максим Датский поднял ружье и выстрелил во второй раз.

Я увидела вырвавшийся из груди и спины их отца всплеск крови.

Он запрокинул голову, выронил палку. Она со стуком упала на пол, покатилась к стене. Отец Датских рухнул на колени.

Близнецы зарядили ружье в третий раз. Подошли к отцу ближе.

Он, стоя на коленях, с присвистом тяжело дыша, опустив руки в пол, с посеревшим лицом глядел на них. В его взгляде появилось удивление и... страх. Страх вернулся к нему, поселился в нём, овладел им. Страх и уверенность, понимание неотвратимости собственной гибели.

Здесь. Сегодня. Сейчас. От рук своих же детей.

Максим Датский направил ружье в лицо отца.

— Хватит, — произнёс он холодно и жестоко.

Его сестра вдруг тронула его за плечо. Он оглянулся, их взгляды встретились. Девочка протянула руку, взялась за ствол ружья.

Он понял её. Максим отдал ей ружье, забрал коробку с патронами, сам встал рядом, чуть позади.

Их отец, пошатываясь, странно икнул, подавился, закашлялся.

Из его рта хлынула кровь.

— Д-доченька... — прошептал он жалобно.

Ольга вскинула ружье и со злыми слезами на глазах спустила курок.

Выстрел взорвался в комнате, вспыхнул облаком рыжего света.

Их отец упал на спину с согнутыми коленями.

Они стояли над ним. Оля опустила ружье, заплакала. Максим обнял её, затем подошел к матери.

Я увидела их отца... Он лежал на полу, раскинув руки, в растекающейся луже крови. Лица у него больше не было. И примерно половины черепа тоже

В коридоре их квартиры послышался звук открываемой двери.

Затем кто-то пробежал по коридору и забежал в эту комнату.

Я увидела застывшего на пороге мужчину. Он был отчасти похож на отца близнецов. Вероятно, потому что он был его братом.

Это был майор Датский. Стас говорил, что обычно его зовут «Датчанином». Тот самый майор, который так не любит Корнилова.

— Дядя Родион! — всхлипнула Оля. — Мы... Мы не хотели... Но он...

Родион Датский глядя на своего брата, закрыл глаза. Затем взглянул на близнецов, пересёк комнату.

Он сорвал с спинки стула висевшее там полотенце, взял чашку с недопитым чаем. Он облил чаем полотенце, как следует промочил его. Подошел к Оле.

— Дай, — сказал он ей, протягивая руку.

Девочка, помедлив, отдала ему ружье.

Майор Датский, взяв ружье полотенцем, быстро обтёр его.

Затем отшвырнул полотенце.

— Патроны, — мрачно сказал Датчанин Максиму.

Мальчик отдал ему патроны.

Датчанин зарядил ружье. Подошёл к телу своего брата.

Пару секунд смотрел на него. Затем навёл ружье на уже мёртвое тело и выстрелил. Перезарядил ружье и выстрелил снова.

Комнату заволокло горьким, сизым облаком. Стоял прочный, слезоточивый запах пороховой гари.

Я, не смея шевельнуться, наблюдала за происходящим.

Датский немного постоял над телом брата, затем взглянул на близнецов. Те плакали возле своей лежащей без сознания матери.

Датчанин подошел к ним, присел на корточки. Посмотрел на обоих по очереди.

— Вашего отца убил я. Когда он избил вашу мать и бросился на вас. Это ясно? Я прострелил ему живот, грудь и голову.

Говоря это, он по очереди смотрел на близнецов.

— Вы меня поняли? — спросил он.

Они молча кивнули.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь нужно помочь вашей матери. Я вызову скорую и полицию...

Он вздохнул.

— Идите сюда...

К моему удивлению он вдруг тепло, искренне, с любовью обнял их, прижал к себе.

— Ничего... — прошептал он им. — Ничего, мои родные...

— Прости, нас дядя Родион, — плача проговорил Ольга.

Родион не сразу ответил.

— Это вы меня простите, — прогудел он. — Я не верил... Я закрывал глаза на сущность моего брата... Я не хотел верить в то, что говорили соседи, и я не хотел видеть ваши синяки и следы издевательств на лице вашей матери... Простите меня...

Я стояла возле них в той комнате с мёртвым телом отца близнецов и смотрела на их объятия. В эти секунды я проникалась неким уважением к майору Датскому. А ещё я поняла, почему его племянники так не любят Стаса. Они полагают, что Корнилов украл славу у их любимого дяди, когда забирал его дела себе.

Меня они ненавидят, потому что я ему помогала.

Вот она причина и история странной злости, зависти и ненависти.

Нам всегда стоит помнить, что у всех всегда есть свои мотивы, свои причины для злости, для любви, ненависти, доброты, сочувствия, и ярости и даже для зависти.

Видение воспоминания вокруг меня вздрогнуло и выбросило меня в реальность. Я поморгала глазами, приподнялась. Я лежала на застеленной кровати в какой-то больничной палате. Я была в своей одежде. На противоположной кровати лежала моя сумка.

Я села, пальцами левой руки коснулась своей щеки в месте удара.

Я поморщилась, скривилась. Щека сильно опухла и по-прежнему болела.

Чёрт... Наверняка теперь синяк будет на поллица.

Ещё у меня болела скула и челюсть, в том месте где Максим Датский давил своей ладонью.

Чтоб тебя...выругалась я. Хорошо, хоть не сломал ничего... Придурок больной...

Это трудно объяснить, но узнав, какое у них обоих было детство, я не могла на них злиться. Не знаю... Просто было трудно.

Меня скорее просто разбирала саднящая досада из-за тупой боли в щеке и неудобств, связанных будущим синяком на лице.

Я встала с кровати. Взяла свои вещи с соседней койки. Я была обута. Я вышла из больничной палаты.

В больничном коридоре было шумно. Повсюду бродили врачи, медсёстры и обычные люди без халатов.

В больнице кипела обыденная будничная работа.

Зачем близнецы привезли меня сюда?.. А... Ну, да... Видимо испугались, когда я потеряла сознание. Не знали, что со мной делать. Поэтому, по-быстрому забросили, небось, в ближайшую больницу и свалили. Что ж, главное, что меня оставили в покое.

Ай... Да чтоб тебя!..

Я снова скривилась, касаясь своей левой скулы. Почему люди так редко прибегают к словам и так часто стремятся объясниться при помощи рук, кулаков, ударов? Как будто это имеет больший вес, чем убедительные, правильные и честные аргументы. Я покинула здание больницы.

На улице теплел август. Продолжалось лето. Оно всё ещё было с нами здесь и сейчас. Властвовало в Москве и купало столицу в сияющих лучах солнца.

Я взяла телефон, написала Лерке. Она ответила почти сразу.

Я облегченно вздохнула, блаженно улыбнулась. Как хорошо, когда есть родная подруга, к которой всегда можно свалить, когда не хочется появляться дома и выслушивать ненужные, лишние вопросы. А появляться дома с синяком на лице, зная, какой нрав у моего дяди, да ещё учитывая, что сегодня он наверняка будет пьян и не один он... Можно только догадываться, что их бородатая банда может вообще учинить в приступе праведного гнева.

А закончится все печально. Дядю упекут (в лучшем случае) за решетку, а я... а я поеду или в детский дом или назад в «родное» семейное поместье, близ Кракова.

Нет уж... *dziękuję bardzo!* Лучше у Лерки пережду пару дней.

Дяде Сигизмунду всё равно в ближайшие дни будет не до меня. Сегодня они весь день и ночь будут резаться в покер. А затем ещё день или два отходить. Как раз за пару дней синяк чуть сойдёт, и при помощи консилера можно будет его успешно скрывать оставшееся время, пока он уже не исчезнет совсем.

Бли-ин... Кожа вокруг глаз конечно пересохнет от такого частого использования. Кожа

мне досталась хорошая, нежная, но капризная и очень прихотливая! Ладно... Это мы всё как-нибудь переживём.

Радуюсь своему внезапному избавлению от общества близнецов, я направилась к ближайшей автобусной остановке.

Нужно будет позвонить Стасу.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресение, 9 августа.

Здание областной психиатрической больницы медленно появлялось из-за лохматой, темно-зелёной лесополосы на горизонте.

— Это оно? — Сеня кивнул на угловатое, светло-желтое здание с сине-зелеными полосами окон.

— Да, — кивнул Стас. — Нас интересует отделение усиленного наблюдения.

Арцеулов удивленно вскинул брови.

— Кто эта женщина?

— Эта молодая девушка, девчонка совсем, — ответил Стас.

— И что, она такая буйная, что нуждается в вооруженной охране?

— Сень, она пережила зверское, совершенное с жестоким и кошмарным извращением убийство своих родителей, — ответил Стас. — К тому же она была первой, кто их обнаружил в таком виде, в котором Он их оставил.

Корнилов с хмурым сожалением дёрнул головой.

— Кто знает, на что способен человек переживший такое потрясение?

Сеня не ответил. Несколько секунд они ехали в молчании.

— Сколько ей лет? — спросил вдруг Арсений.

Стас взглянул на него.

— Девятнадцать.

Арцеулов раздраженно цокнул языком.

— Ребёнок ещё совсем...

Стас согласно кивнул.

— Ей повезло, что она в тот день отсутствовала дома.

Арцеулов внимательно посмотрел на него. Стас взглянул на него в ответ. Он увидел мрачную, удрученную тяжесть в его глазах. В этот миг, казалось, лицо Арцеулова даже немного осунулось.

— Ты уверен? — спросил он глухо.

Стас ничего не ответил. Он не был уверен.

Корнилов отвернулся, уставился на пролегающую меж деревьев длинную дорогу с желтой разделительной полосой. В таких случаях тяжело провести условную линию, разграничивающую понятие «хорошо» и «плохо». Действительно, что хуже? Смерть или безумие? Ведь и то, и другое, как правило, необратимо. В первом случае человек прекращает существование, во-втором существует... но, не живёт. Что из этого может быть хуже?..

Через минут двадцать они свернули возле указателя, заехали на парковку больницы. Сеня первым выбрался из машины. Щурясь от порывов ветра, взглянул на здание больницы. Оно было выстроено в виде зигзага, и трёх параллелепипедов. Центральная часть больницы

имела куда больше окон, нежели две остальные.

Сеня и Стас миновали растущие перед входом в больницу клумбы, садовые деревья и вошли внутрь. Ещё через семь минут поднялись на лифте на пятый этаж больницы.

Здесь их прямо у дверей лифта встретил худосочный, среднего роста мужчина в расстёгнутом халате поверх чёрных брюк и травянисто-зеленой рубашки танчжуан с китайскими мотивами.

На вид ему было лет пятьдесят. Волосы темные, седеющие. У мужчины были темные, добрые глаза и густые брови. Возле пересохших, тонких губ пролегали глубокие морщины.

Волосы доктор завязывал в короткий пучок на голове на китайский манер.

— Добрый день, — произнёс он, протянув руку по очереди Стасу и Сене. — Доктор Шамов, заведующий отделением усиленного наблюдения.

Корнилов обратил внимание на странные браслеты на правом запястье доктора.

Стас и Сеня тоже представились.

— Подполковник Корнилов.

— Старший лейтенант Арцеулов.

Доктор сосредоточил свой вопрошающий взгляд на Корнилове.

— Чему обязаны вниманием со стороны МУРа?

Корнилов протянул ему желтую папку, которую до этого держал в руках.

— Нас интересует одна из ваших пациенток.

Шамов явно заинтригованный взял папку из рук Стаса, раскрыл.

Стас и Сеня подождали, пока он просмотрит содержимое.

— А могу ли я поинтересоваться по какому поводу вы решили побеседовать с Ксенией Гудковой?

— По поводу обстоятельств гибели её родителей.

Густые брови Шамова выразительно подскочили вверх.

— Простите, подполковник, Ксения проходит здесь лечение уже девятый месяц подряд.

Её дела едва-едва пошли на поправку.

Он замолчал, с нервным беспокойством глядя на Стаса.

Шамов коротко вздохнул. Стас и Сеня ждали. Всем своим видом они показывали, что слова доктора Шамова ни капли их не впечатлили.

— Послушайте, — доктор Шамов вернул папку Стасу и спрятал руки в карманах халата, — если вы расследуете это дело, вы должны хотя бы отчасти представлять себе, что пережила эта девушка...

Его взгляд несколько раз метнулся между их лицами.

— Ксения обнаружила своих родителей... — он замолчал, не находя слов. — Господи! Она обнаружила свою мать в ванной, выкрашенную, мёртвую, в кошмарном виде!.. Лежащую в холодной, чёрной воде!.. И своего отца...

— Доктор Шамов, — Стас сделала шаг вперёд, — не утруждайтесь бесполезными убеждениями. Уверю вас, мы отлично ознакомлены с деталями дела и в состоянии представить, что пережила дочь Гудковых, когда обнаружила своих родителей. Но вы уже наверняка знаете, что произошло новое убийство. Целая семья. Почерк тот же. И мы здесь с моим коллегой для того, чтобы вам как минимум не пришлось лечить других пациентов, переживших то же самое, что и Гудкова.

— А сейчас будьте добры, проводите нас в палату Гудковой, — с настойчивой мягкостью произнёс Корнилов, глядя на доктора сверху вниз своими серо-стальными

глазами.

Шамов несколько раз неопределенно шевельнул губами. Метнул быстрый взгляд на Арцеулова и явно вынужденно, нехотя кивнул.

— Ладно, — проговорил он. — Но я требую, чтобы вы подписали, что все негативные последствия в случае...

— Я беру на себя всю ответственность за возможное ухудшение состояния Ксений Гудковой, после разговора с нами, — внушительно произнёс Стас. — А теперь не будем терять времени.

Доктор Шамов не стал больше спорить.

Когда Стас действительно подписал соответствующую бумагу, он, сдавшись, повёл Стаса и Сеню по коридорам психиатрической больницы. Здесь был тёмный, слегка гнетущий и чуть интимный, уютный интерьер. Обстановка располагала и даже призывала к тишине, спокойствию, покорности. Вдоль коридора по стенам тянулась облицовка из узких досок кофейного цвета. Под ногами был тёмный, мраморный пол. С потолка слабо сияло приглушенное освещение. И тишина... Почти нерушимая тишина стояла в коридорах психиатрической больницы. Её нарушали только шорох шагов персонала больницы и звук работающих кондиционеров.

Они вошли в крыло, где была охрана. Здесь в самом начале отделения было организовано что-то вроде полицейской дежурного поста. Но внутри сидели не полицейские, а одетые в коричневые брюки и серо-зеленые рубашки охранники, с шокерами и телескопическими дубинками. У некоторых Стас заметил перцовые баллончики и пневматические пистолеты.

Охранников Стас насчитал всего восемь человек. Сразу за постом охраны начинались палаты содержания пациентов. Первое, на что обратил внимание Стас, это отсутствие стен, отделяющих пациентов больницы от коридора. Вместо привычных стен тускло поблескивали панели из сверхпрочного, многослойного силикатного стекла. В каждой из них находились двери из такого же прозрачного материала. Палаты внутри были покрыты мягким, матерчатым, клетчатым покрытием со всех четырёх сторон.

Стас бросил взгляд на первого из пациентов.

Мужчина в ярко-оранжевой робе сидел в углу и что-то говорил в сложенные ковшиком руки. Когда он обернулся на них, Корнилов увидел, что у него зашит рот, а глаза обведены чёрным.

Стас взглянул на доктора.

— Пётр Горский, восемьдесят второго года рождения, — монотонным голосом ответил Шамов. — Глубокое расстройство психики с последующим изменением личности. Был осужден за издевательство над собственными детьми, которым он зашил рот и глаза.

Они шли дальше. Стас обратил внимание на электронные, кодовые замки на каждой палате и стоящие в пластиковых карманах на стенах таблицы с главными показателями пациента.

Шагая по коридорам этого отделения, Корнилов почувствовал сгущающееся здесь осязаемое чувство мрачного уныния. Это больничное отделение внушало тягостные мысли о тщетности любых надежд. Оно внушало мучительную уверенность, что здешние обитатели обречены на безвременное существование далеко за пределами человеческого общества. Стас мысленно сравнил здешних пациентов с пассажирами на конечной остановке где-то в глуши, на краю провинциального города.

Они всё ждут, когда придёт их автобус и отвезёт их обратно в их дома, к родным, к тем, кто их искренне любит. Они ждут и не ведают, что в их сторону автобусы больше не ходят.

Они подошли к следующей палате. Здесь за прозрачной стеной с угрюмым видом метался от стены к стене полуголый мужчина.

У него была пышная, густая и длинная грива темных волос.

Его смуглое тело было сплошь покрыто густым, темным волосяным покровом. Волосы на теле отчетливо напоминали шерсть.

У мужчины также была длинная, темная, спутанная борода и густые, сросшиеся вместе брови. Его непрерывные метания из стороны в сторону напоминали повадки запертого в клетке зверя.

— Эдуард Лидов, — все тем же равнодушным, монотонным голосом оповестил офицеров доктор Шамов. — Клиническая ликантропия. Склонен к буйству, агрессивен. Осужден за массовое убийство двенадцати человек. Приговорен к пожизненному заключению. Решением суда заключение заменили на принудительное лечение с усиленным наблюдением.

Стас почувствовал взгляд Сени. Посмотрел на подчиненного.

Тот выглядел шокированным. Они прошли дальше. Впечатление Стаса усугублялись. Это место давило, вбирало любого человека, стараясь поглотить его вместе с разумом и душой. Они подошли к третьей палате. Здесь за прозрачной стеной чернела темнота. Свет внутри камеры был погашен. На стекли замерли отражения бликов света и стен коридора.

Сеня отстал от Шамова и Стаса. Остановился, чуть выгнув шею вперед, непонимающе сдвинул брови. Глядя на своё отражение в стекле перед густеющей темнотой, неуверенно приблизился. Всматриваясь во мрак, чуть нагнулся. Корнилов тоже обернулся. Увидел, как Сеня пытается увидеть пациента за туманящимся мраком.

Шамов тоже оглянулся.

— О, простите офицер...

Сеня обернулся на него.

— Я бы этого не делал... — усмехнулся доктор Шамов. Сеня в ответ нахмурил брови.

И в тот же миг из мрака что-то резко выпрыгнуло, ударилось в стекло. Сеня отшатнулся. Выкрикнул ругательство. С ошалевшим видом он смотрел на нечто по ту сторону стекла.

Это было устрашающего вида человекоподобное существо. Бледная, землистого цвета, сморщенная кожа на лице. Потемневшие губы растянуты в жуткой гримасе, являя миру желтые зубы с металлическими накладками брекетов. Темные волосы сальными патлами свисают на лицо.

Горящие агрессивным, жадным безумием, ввалившиеся глаза с болезненными тёмными синяками вокруг. Жуткое создание таранилось сквозь стекло и безумным взглядом жадно пожирало Арсения.

Арцеулов нервно дыша, приоткрыв рот, сдвинув брови с опасением и отвращением глядел на существо за стеклом.

— Жанна Павлова, восемьдесят пятого года рождения, — прокомментировал доктор Шамов. — Обостренный синдром Котара. Плюс, боязнь света. Очень опасна. До того, как её задержали, успела умертвить нескольких бездомных. Она употребляла в пищу... некоторые части их тел. Очень неприятная особа. Идёмте.

— Что такое синдром Котара? — прошептал Сеня, догнав Стаса.

— Человек думает, что давно умер, — ответил Стас.

— Мать их!.. — прошептал в ответ пораженный Арцеулов.

Далее они прошли мимо ещё одной женщины, которая мило баюкала кукол и укладывала спать. Стас заметил на полу её камеры несколько оторванных голов кукол с проколотыми глазами.

Шамов сообщил, что эта женщина работала воспитательницей в детском саду. Корнилов не стал спрашивать, скольких детей она успела убить. Он не хотел этого знать.

— Доктор Шамов, — подал голос Арцеулов, — а почему Ксению Гудкову поместили в эту больницу? Вместе с этими...

Но ответил ему Стас.

— В деле этого нет, но... После того, что случилось с её родителями, Ксения стала опасна... Она...

Корнилов прокашлялся.

— Она стала подражательницей, — не оборачиваясь ответил Шамов.

Сеня выразительно взглянул на Стаса.

— Она... Она кого-то убила?.. Стас?

— Скорее довела до самоубийства, путем устрашения и шантажа, — ответил Шамов. — Четверых человек уговорила свести счёты с жизнью, прежде, чем её успели поймать.

Арцеулов помрачнел, снова недовольно взглянул на Стаса.

— Я собирался тебе сказать, но чуть позже, — ответил Корнилов.

— Почему сразу не сказал?

— Ты бы не поехал.

— Тебе было важно, чтобы я поехал? Зачем?

Стас внимательно взглянул на него.

— Сень тебе сколько лет?

— Тридцать два, — слегка растерянно ответил Арцеулов.

С его светло-русой, чуть рыжеватой бородой ему можно было дать и все сорок. Во всяком случае выглядел он куда старше и Стаса, и Николая.

— До сороковника будешь в старлеях ходить?

Арцеулов заткнулся. Остаться капитаном и получить майора впоследствии он мог уже четыре раза. Четыре.

Арсений кивнул, признавая правоту Стаса.

Они дошли до камеры, возле которой Шамов остановился и молча указал рукой на прозрачную стену. Стас заглянул внутрь первым, и замер. Взгляд его помрачнел, губы недовольно, досадливо сжались.

Сеня встал рядом с ним, и его лицо вытянулось.

— Чтоб вас!.. — выдохнул он впечатленный.

Они стояли перед палатой, которая разительно отличалась от остальных. Во-первых, стены здесь не были обиты мягким покрытием. Вместо этого здесь был вполне себе заурядный интерьер с одним эффектным и пугающим исключением.

Он весь от пола до потолка представлял собой чёрно-белую композицию.

Интерьер этой палаты, наверное, вполне можно было бы принять за выставочную работу в музее современного искусства.

Комната оставляла стойкий эффект некоего inferнального и даже пугающего эпатажа. Причем детали обстановки комнаты только усугубляли это негативное, психоделическое впечатление.

Белый, выложенный узкими досками пол. Чёрные стены. На них белыми квадратами белеют прямоугольные рамки. В них черно-белые снимки или рисунки с невнятными, часто сливающимися изображениями. В комнате стоит чёрно-белое кресло. Белая кровать, застеленная чёрной постелью. На полу возле кровати Стас увидел несколько мягких игрушек. Все чёрно-белые.

У торцевой стены стоит письменный стол с белыми ножками и черной, поблескивающей столешницей. За столом сидит сутулая фигура в бесформенной кофте-худи с капюшоном. Кофта и мешковатые штаны покрыты черными и белыми широкими горизонтальными полосами.

Стас оглянулся на Шамова. Тот стоял рядом, спрятав руки в карманах халата и чуть вскинув подбородок. Выражение его лица было добродушно-скептическое. Он показательно не возражал против беседы офицеров с Ксенией Гудковой, но сильно сомневался, что у Стаса и Сени получится что-то получить от этого разговора.

— Мы войдём? — спросил Стас.

Шамов стрельнул глазами в сторону Арцеулова.

— Последние семь месяцев её гостями были я и моя младшая коллега, — задумчиво, с опаской проговорил он. — Я всерьёз опасаясь, что появление сразу двоих незнакомых ей мужчин в её жизни, в непосредственной близости может вызвать непредвиденные последствия и неизвестную реакцию.

Говоря последние слова, доктор внушительно шевельнул бровями, глядя на Стаса. Корнилов понял намёк.

— Вся ответственность на мне, — сухо вато напомнил он. — Откройте дверь.

Шамов явно нехотя подошел к двери, провел своим пропуском по магнитному замку. С коротким, звонким писком на замке зажегся зеленый огонёк.

Корнилов кивнул доктору, обернулся на Ацеулова. Сеня явно не горел желанием общаться с Гудковой, после того, что услышал и увидел. Но перечить Стасу не смел. Стас открыл прозрачную дверь, они вошли внутрь. Корнилов почувствовал легкую прохладу в сухом воздухе комнаты. Они с Сеней осторожно, тихо прошли внутрь комнаты.

Стас увидел, что девушка, сидя за столом, что-то рисует или пишет.

Она сидела в соответствующей позе и её правая рука, согнутая в локте то и дело подрагивала. Слышно было, как она со скрипучим шорохом водит ручкой или фломастером по бумаге.

— Ксения, — вежливо и осторожно позвал Стас.

Шуршание ручки на бумаге не прекратилось. Ксения Гудкова игнорировала их появление.

Они подошли ближе. Двигались с двух сторон. Стас знаком велел Сене не спешить.

— Ксения, меня зовут Стас, мы с моим коллегой — офицеры Уголовного розыска...

Интенсивный шорох не прекращался. Ксения, склонив голову вниз, продолжала что-то увлеченно рисовать.

Стасу показалось, что шорох стал громче, движения резче.

Она их слышала. И это была реакция. Они ей не нравились.

Стас чувствовал это и видел. Они подошли ближе.

Корнилов увидел на столе перед девушкой круглый, старинный будильник черного цвета. С короткими, черными ножками и двумя чёрными плоскими колокольчиками. На снежно-белом циферблате стрелки застыли, указывая время. Девять часов, сорок минут.

Время, когда она явилась домой и обнаружила своих родителей мёртвыми.

Рядом с часами на столе же сидел жуткого вида длинноносый клоун в черно-белой шляпе-цилиндре, из-под которого торчали чёрные кудри. Комбинезон клоуна также был чёрным, как и башмаки. Чёрным на белом лице были обведены губы и глаза.

Клоун устрашал своей обманчивой, психоделической веселостью.

Да и вся комната, если присмотреться, напоминала комнату в кукольном доме. Все какое-то, словно мультяшное, ненастоящее, шутливое... Фальшивая веселость и карикатурность комнаты ощутимо угнетала и давила.

Корнилов оглядел фотографии и рисунки на стенах.

Изображения, нарисованные чёрной ручкой и фломастерами представляли футуристическими черными силуэтами и тенями.

Стас различил там неясные, искаженные человеческие фигуры. А также силуэты зверей... Олени, птицы, собаки (или волки) деревья и нечто ещё, неподвластное определению.

На фотографиях в основном были родители Ксении — Ольга и Евгений Гудковы. Корнилов задержал взгляд на нескольких фотографиях, где Гудковы находились в горах, с рюкзаками, с ледорубами и прочим альпинистским оборудованием. Особое внимание привлекла фотография, где её родители с дюжиной других людей стоят на фоне массивной, заснеженной пирамидальной формы горы.

Стас обратил внимание на лица людей. Он почему-то почти не удивился заметив среди них помимо родителей Ксении их знакомых.

Ксения как ни в чем не бывало продолжала рисовать. Возле неё на столе лежала россыпь чёрных фломастеров, карандашей и маркеров.

Стас подошел уже достаточно близко, чтобы увидеть, что она рисовала. Силуэт человека за столом. И два высоких человеческих силуэта по обе стороны от него.

Корнилов почувствовал ползущую по позвонкам въедливый, покалывающий холод. Он вкрадчиво просачивался меж позвонков вселяя зыбкое, пульсирующее напряжение в мышцах тела и восприятии.

На рисунке Ксении была она и они с Сеней, подходящие к ней сзади. Внезапно девушка перестала рисовать. Стас, хотевший подойти ближе, застыл. Сеня последовал его примеру.

Несколько секунд они вдвоем смотрели на неё. Корнилов внимательно следил за головой под черно-белым, полосатым капюшоном.

Голова Ксении странно дернулась и медленно обернулась в их сторону. Стас увидел её лицо. Сеня тоже. Стас умел сдерживать любые эмоции. Сеня не умел, и потому не сдержал нервного, судорожного выдоха.

Лицо Ксении было разделено на две половины чёрной и белой краской. На одной стороне лица с чёрной кожей, половинка губ была белой, на другой, где была белая кожа, губы были чёрными. Бровь слева была идеально белой, а бровь справа чернела надломанной чертой. Только глаза, радужки её голубых глаз оставались нетронутыми контрастом черно-белых цветов.

Голубые глаза холодно сияли из-под капюшона на раскрашенном, черно-белом лице девушки. И этими двумя тусклыми льдинками девушка угрюмо, недружелюбно и сердито осматривала Стаса и Сеню.

— Вы... вы нарушаете баланс, — яростно и громко прошептала она. — Вы предаёте гармонию!

От её голоса у Корнилова по коже шеи распространилось ощущение, неприятной, робкой щекотки. Словно кто-то несмело, едва-едва касаясь, водил тонкими волосками по его коже.

Неприятное, мерзкое, неудобное чувство. Чувство подступающего кошмара. Но Корнилов не выдавал ни чувств, не эмоций. Его серебряные глаза лучились уверенным и мягким спокойствием.

Он подошел ближе. Девушка не двигалась и не сводила с него глаз.

— Прости, мы... мы не хотели, — он оглядел свои синие джинсы и пастельно-аквамаринового цвета рубашку в клетку. — Я понимаю...

Он бросил взгляд на Сеню. Тот тоже был в джинсах, ярких кроссовках-джорданах, и лимонного цвета футболке с черным, имперским орлом.

— Я понимаю, — с сочувствием повторил Стас, снова взглянул на девушку. — Дело в нашей одежде? Да? Прости... Нам стоило бы одеться более сбалансированно. Ты согласна?

Она чуть заметно кивнула. Стас одобрительно усмехнулся.

— Я бы хотел поговорить с тобой о том, что случилось с твоими родителями, Ксения.

Девушка чуть склонив голову продолжала взирать на него с холодным, угрюмым равнодушием.

— Скажи, твои родители, кем они были?

Ксения ответила не сразу, с заметной неохотой.

— Мама работала фармацевтом... Папа был кризис-менеджером. Они работали в одной фармацевтической компании.

— Вот оно, что, — проговорил Стас. — Твоя мама в детстве наверняка частенько угощала тебя разными витаминками?

— Да, — кротко уронила Ксения. — Бывало... А вас?

— Меня, к сожалению, нечасто, — усмехнулся Стас.

Контакт установлен.

— Скажи, а где вы отдыхали по выходным? Ну, когда хотели провести время семьёй?

Ксения опустила взгляд. Стас прочел грусть в её глазах. Он увидел, как девушка сделала жесткий, трудный глоток. Ему не хотелось причинять ей боль, заставляя обращаться к счастливым воспоминаниям об убитых родителях. Но он был вынужден. Это поможет ей оттаять, отстраниться от своего нынешнего состояния. Может быть, было бы даже неплохо, чтобы она поплакала. Немного.

— Мы... — Ксения ещё раз сглотнула. Она явно собиралась с силами. — Мы ездили в парк... в парк Горького... Мы ходили в планетарий... Бывали в большом аквариуме на Чистых прудах...

— М-м, — кивнул Стас и улыбнулся. — Я знаю это место. Моя дочь любит ездить туда.

Гудкова не ответила, она продолжила отстраненным, замогильным голосом.

— Ещё мы ходили в кино...

Стас мягко кивал с сочувственным видом.

— У вас был свой семейный любимый фильм?

— Да, — подумав, тонким голосом пролепетала девушка. — Нам очень нравились «Пятьдесят первых поцелуев»...

— О, — вскинул брови Стас. — Я знаю этот фильм. Там играет Адам Сендлер. Верно?

— Да, — всё ещё глядя вниз, проговорила Ксения. — Родители его обожали...

— Да, — проговорил Стас с доброй улыбкой. — Есть за что.

Девушка снова кивнула.

— Но вы ведь пришли не за этим? Верно? — спросила она с долей обвинения в голосе.

— Нет, — глядя в льдинки её глаз, ответил Стас. — Нет, меня интересует, что ты видела в тот день... Кроме убийства своих родителей? Ты обратила внимание на что-то ещё?

Девушка смотрела на него слегка бессмысленным, пустым взглядом.

Она молчала довольно долго. Около минуты они со Стасом просто смотрели на друга. У Корнилова начало пощипывать глаза. Но Стас понимал, что моргать нельзя. Нельзя прерывать сиюминутный зрительный контакт. Эта, казалось бы, мелочь может поставить крест на их дальнейшем диалоге.

— Я заметила... — проговорила Гудкова, и глаза её чуть сузились. — Я заметила, что он... он убрал из дома всё лишнее.

— Лишнее? — повторил Стас и плавно кивнул. — Он уничтожил твои детские книжки...

— Потому что они нарушали гармонию! — вдруг громко и запальчиво воскликнула Ксения.

— Ты восхищаешься им? — спросил Стас. — Он ведь убил твоих родителей.

— Они были неправы! — немедленно отозвалась Ксения, и её губы расплылись в жутковатой, но счастливой улыбке.

— Неправы? — мягко переспросил Стас, и качнул головой. — В чём же?

Он знал, в чём, но хотел услышать это от неё.

Она перестала улыбаться и чуть наклонилась вперёд.

— Они существовали вне баланса! — с лихорадочным, злым торжеством прошептала она. — И я это поняла! Я это почувствовала! И я... я поняла, что... что... он... он...

Она откинула свой капюшон. Её волосы так же были окрашены в черный и белый цвета.

— Он сделал им подарок! Он ведь вам не какой-то несчастный, кровожадный убийца... Он не просто убивает... — шептала она с восторгом. — Он... Он... Он заполняет их собой. Он делает нас частью себя! Частью баланса! Частицей... гармонии! Делает нас всех частью себя! Себя!.. Он дарит... Неужели вы не понимаете?! Он дарит нам её! Гармонию!.. Это.. это не убийство! Это... благодать! Его благодать! Он... Он единственный способен дать это! Способен подарить нам понимание... чувство... осознание... и вечную жизнь в гармонии...

Она перевела дух, нервно сглотнула.

Стас не отводил от неё чуть нахмуренного, изучающего взгляда.

Сеня, стоявший поодаль, наблюдал за девушкой с откровенной опаской.

— Понимаете? — наконец выдохнула Ксения.

Глаза её поблескивали оживленным, диким и безумным счастьем.

— Понимаю, — тихо, мягко и грустно ответил Стас. — Понимаю, Ксения.

Он вздохнул и обернулся к стене.

— Это ведь твои родители вон на той фотографии? Верно? Если я не ошибаюсь это Чогори? Гора в Пакистане.

Ксения недоуменно нахмурилась и оскалилась, глядя на него. Затем перевела взгляд на фотографию.

— О... — уронила она небрежно и пренебрежительно. — Да... Кажется, да... Они любили заниматься этой ерундой... Кажется, даже состояли в каком-то клубе альпинистов или что-то в этом роде...

— Как занимательно, — проговорил Корнилов. — А можно мне на время

позаимствовать эту фотографию?

— Зачем это?

— Кажется, я узнал на ней одного своего старого друга. Думаю, ему было бы приятно, если бы он смог сделать себе копию этой фотографии. Ксения ещё раз взглянула на снимок и пожала плечами.

— Забирайте... Они всё равно не является частью баланса... Как и все вокруг...

Девушка снова отвернулась к столу и занялась своим рисунком.

Корнилов заметил, что одному из двух шагающих силуэтов на рисунке она пририсовала несколько знаков вопроса и прямоугольник. Вопросы и фотография. То, с чем у неё ассоциировался Стас.

Корнилов осторожно снял фотографию со стены, подержал в руках.

Рамка была тяжеловата. Стас ещё раз посмотрел на улыбающихся альпинистов, запечатленных на черно-белом снимке.

— Ксения, — он подошел к ней. — А у того, кто подарил тебе баланс и гармонию... У него есть имя?

— Да, — подумав, не оборачиваясь, ответила она.

— Какое же?

— Бог... — немедленно ответила девочка. — Бог гармонии и баланса.

Она несколько раз кивнула.

— Он бог, дарящий гармонию и баланс...

Назад они возвращались в молчании. Они молчали, пока спускались в лифте, и когда выходили на улицу.

Вместо августовского солнца, небо снова накрыли унылые, блекло-серые с желтоватым оттенком тучи.

— А зачем тебе эта фотография? — спросил Сеня, когда они сели в Дефендер Стаса.

Вместо ответа Корнилов протянул ему снимок.

— Посмотри внимательно на людей, которых ты там видишь, и скажи, не узнаешь ли ты кого.

Арцеулов, заинтригованный, взял рамку из рук Стаса, поднёс к лицу.

Стас завел автомобиль, они выехали с парковки больницы и устремились вперёд по шоссе. Они ехали навстречу поднимающимся из-за вершущек деревьев монолитным высоткам столицы.

— Я никого не узнаю, — проговорил Арцеулов, сосредоточенно рассматривая фотографию.

— Да неужели? — хмыкнул Стас.

Тут Сеня скривился, несколько раз моргнул.

— Подожди-ка... — проговорил он недоуменно. — Так это же...

Он посмотрел на Стаса, затем опять на фотографию. — Это же Вербины... Вот тут рядом с каким-то седым мужиком Эдита и Тихон Вербины. Это ведь они, Стас?

— Да-а... — протянул Корнилов. — Молодец.

— Они были знакомы! — выпалил Сеня. — Вербины и Гудковы были знакомы!

— Да, — вздохнул Стас. — Как минимум они состояли в одном альпинистском клубе.

— Дело принимает любопытный оборот, — пробурчал Сеня.

Корнилов хотел ответить, но тут у него зазвонил мобильник.

— Да, Коль? — спросил Стас. — Ты что-то нашёл? О-о... Это прекрасно. Мы сейчас с

Сеней подъедем. Да, давай... Хорошо, встретимся там. Ага... Добро. Давай...

Стас прервал связь и положил смартфон между сиденьями.

— Что у него?

— Коля нашел нескольких свидетелей, давших одинаковое описание примет того типа, которого видели возле дома Вербиных незадолго до их убийства. Корнилов прибавил скорости. Сеня пристегнул ремень безопасности.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть вторая.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Понедельник, 10 августа

Он с трудом уловил момент, когда окружающие его глухие непонятные звуки и яркие, размытые пятна сливающихся, расплывчатых изображений небытия уступили место внезапно навалившейся реальности. Реальность вобрала его в себя, грубо, резко выдирая из бредовых сновидений, в которых он пребывал.

Касьян подхватился на больничной койке, ошалело приподнялся на локтях. Стоящие рядом приборы жизнеобеспечения взволнованно запикали. Тяжело и часто дыша, хватая ртом сухой и прохладный воздух, он обвёл помещение ошалевшим взглядом.

Светло-бежевые стены, белый потолок. Серо-голубое покрытие на полу. Напротив него в дальнем углу темнеет прямоугольник плазменного телевизора. Возле кровати стоят капельница и пара мониторов медицинского оборудования.

Затем он заметил, что не может шевелить левой рукой. Опустив взгляд, увидел, что его левая рука от пальцев до локтя заключена в плотный, пластиковый гипс. Он в больнице. Осознание этого заставило его мозг напряженно вспоминать, что произошло.

Широкая больничная дверь с прямоугольником мутного стекла резко распахнулась. Каменев вздрогнул, увидев вбегающую к нему медсестру.

— Здравствуйте, господин Каменев! — воскликнула коротко стриженная медсестра, подбегая к медицинской аппаратуре возле кровати Касьяна.

Не успел Каменев произнести и слова, как следом за медсестрой в палату вошёл высокий, худощавый мужчина с короткими усами под носом и холодным, колючим взглядом.

— Добрый день, — произнёс он вполне себе вежливо, но сдержанно. — Меня зовут доктор Прохоров. Как вы себя чувствуете? Голова кружится? Тошнит? Какие-то другие жалобы?

Врач наклонился к Касьяну, бесцеремонно чуть раздвинул пальцами его веки на левом глазу и посветил туда фонариком.

— Пульс в норме, — ответила медсестра, на секунду отвернувшись от мониторов.

— Мозговая активность?

— Немного отстаёт от нормы.

— Это из-за пониженного кровяного давления, — врач посветил фонариком в другой глаз Каменева. — Рад, что вы снова с нами, господин Каменев. Скажите, вы помните, что с вами произошло?

Касьян глубоко, тяжело дыша, опустил взгляд.

Голова была тяжелой. Мысли в ней вязли, сливались, путались.

Соображать и вспоминать было трудно. Приходилось прикладывать нешуточные усилия. Он посмотрел на свою левую руку в гипсе. Попробовал шевельнуть пальцами.

— Я... — Касьян поморщился, виски ломило тупой болью.

Он помассировал их. Сосредоточился на воспоминаниях. Память возвращалась к нему нехотя, неторопливо, словно опасаясь чего-то.

Но тут же поток воспоминаний хлынул в его голову, заставив Касьяна резко вздрогнуть.

— Тише, тише, — доктор Прохоров заботливо придержал Каменева за рукава его больничной пижамы. — Вы вспомнили?

— Да... Да... — Касьян несколько раз кивнул. — Да... Я... Кажется, я попал в аварию.

Воспоминание случившегося вдруг с чудовищной ясностью заполнило его сознание. Он вспомнил яркий свет фар, пронзительный, басовитый автомобильный сигнал и ошеломляющий, переворачивающий мир, колоссальной мощи жесткий удар. А ещё он вспомнил бледное лицо, которое увидел в зеркале заднего вида. Он вспомнил взгляд ехидных, насмешливых глаз, наполненных убийственной, пугающей чернотой. И он вспомнил снисходительную, злорадную улыбку чёрных губ.

— Я попал в аварию, — проговорил Касьян, чувствуя леденящее прикосновение внезапно нахлынувшего страха. — Моя машина столкнулась с грузовиком.

— Да, — хмыкнул доктор Прохоров и переглянулся с медсестрой. — С восемнадцати колёсным International Lonestar, который вез титановые плиты.

Доктор достал ручку, открыл свой блокнот.

— Вам о-очень крупно повезло, господин Каменев.

Касьянвзглянул на него исподлобья. Сам он не был в этом так сильно уверен.

Доктор Прохоров задал ему десятка три вопросов о его самочувствии. После того, как Касьян ответил на все заданные вопросы, его подвергли многочисленным, разнообразным обследованиям. Ему сделали энцефалограмму головного мозга, взяли анализ крови, сделали УЗИ всей плевральной полости.

Выяснилось, что у него есть немногочисленные внутренние повреждения. По словам врачей, они несерьёзные, но ему категорически запрещались любые физические нагрузки в ближайшие несколько месяцев.

Однако, в черепе у него обнаружили несколько серьёзных трещин. Особенно взволновала врачей трещина возле сосцевидного отростка височной кости. Ему сказали, что есть опасность развития эпидуральной гематомы с кровоизлиянием, что в свою очередь вызовет сдавливание самого головного мозга.

С рукой дело обстояло более-менее неплохо. Во всяком случае, осматривавший его травматолог сообщил, что перелом несложный, неопасный и, скорее всего, меньше чем через два месяца его рука будет в полном порядке.

После всех утомительных процедур Касьяна, наконец, оставили в покое. Коротко стриженная медсестра проследила, чтобы он лёг в постель.

— Включить вам телевизор? — спросила она угодливо. — Можете что-то посмотреть.

— Нет... благодарю, — уставшим голосом ответил Касьян.

— Хорошо... Как пожелаете. Может быть вам что-то принести?

— Нет... Просто оставьте меня одного, — Касьян со вздохом посмотрел в потолок.

— Что ж, — неуверенно ответила медсестра. — Ладно, как скажете.

Она вышла из палаты, оставив его одного.

Касьян закрыл глаза. Голова гудела, наливалась болезненной тяжестью. Боль

скапливалась у висков и в затылке. Сквозь боль он слышал отзвуки последних воспоминаний, голосов, прожитых эпизодов. И всё каждый раз заканчивалось ярким светом фар несущегося на него громадного грузовика Lonestar.

Во всё́м этом монотонном круговороте одинаковых воспоминаний внезапно молнией сверкнула пробившаяся из глубины сознания мысль.

Фотоаппарат! Его фотоаппарат! Снимки! Чёрт возьми! Те самые снимки, которые нужны ему, чтобы вынудить Платона Плансона отдать другие фотографии... Те, которые жизненно необходимы ему!

Эта мысль взбудоражила его, лишила покоя.

Он протянул руку к стоявшей возле кровати тумбочки, взял мобильник, включил. На дисплее проиграла вступительная заставка.

Касьян нетерпеливо зашел в журнал вызовов, нашел номер Марка.

Тот ответил после второго гудка.

— Касьян?! — заорал он так, что Каменев поморщившись чуть отвел трубку от уха. — Касьян это ты?! Как ты, дружище?! Ты живой?! Ты реально живой?! Ты наконец-то пришёл в себя?!

— Да, да... — чуть улыбнувшись ответил Касьян. — Со мной всё в порядке.

Тут он поймал собственное отражение в зеркале шкафа-купе.

У него была перебинтована голова, и в бандаже лежала загипсованная рука.

— Более-менее, — добавил он.

— Слушай, я сейчас приеду! — решил Марк. — Слышишь?! К тебе уже можно?! Врачи пускают посетителей?! — Не знаю, Марк... Подожди. Послушай, я здесь уже два дня валяюсь... Даже больше, наверное... Помнишь, что мы в субботу делали?

— Конечно, помню, — помешкав, ответил Марк. — А что? Ты думаешь...

— Фотоаппарат. Моя фотокамера. Где она? Ты знаешь?

— А-а... — голос Лунина погрузнел. — Слушай, Касьян... Тут такое дело... Фотокамера твоя того...

Касьян сокрушенно закрыл глаза.

— Понятно. А карта?

— Карта памяти? Так её там вообще пополам сломало.

Каменев прошептал несколько ругательств.

— Так я приеду? — помолчав спросил Лунин.

— Буду только рад, — вздохнул Каменев.

— Прекрасно. Сейчас буду!

— Марк...

— Да?

— Можешь... — Касьян подумал, и чуть понизив голос сказал. — Можешь прихватить что ни будь для расслабления... Понимаешь?

— Понимаю, — хмыкнул Лунин. — А тебе разве уже можно пить?

— Да похрен, — качнул головой Касьян. — Мне надо выпить. Просто жизненно необходимо.

— А если ты...

— Марк, ты можешь просто привезти? — раздраженно спросил Касьян.

— Добро. Но только пиво.

— Ладно... Тёмное.

— Хорошо.

— Давай, жду.

Касьян отложил смартфон на тумбочку. Откинулся на подушку, шумно, выразительно выдохнул и закрыл глаза. Каменев представил воображаемую петлю из пеньки, которая медленно, неотвратно затягивается вокруг его шеи.

Его статья с таким громким анонсом на пороге позорнейшего краха. А он... Он рискует стать одним из самых презираемых журналистов.

Нет, конечно, даже в случае провала ему удастся получить свою порцию пресловутого хайпа. Но это будет недолго, и даженаверняка будет сопровождаться повсеместной травлей.

Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей Касьян решил включить телевизор.

Он пощелкал несколько каналов, остановил свой выбор на том, где шёл какой-то фильм с перестрелками. Пульт от телевизора Касьян сунул между бортиком медицинской койки и подушками.

И в этот момент почувствовал, что его рука коснулась чего-то похожего на бумагу или картон. Каменев настороженно замер. Сам не зная почему, но он вдруг явно ощутил, как по коже правой руки побежали мурашки.

Нащупав странный предмет, Каменев вынул его из-под подушки и поднёс к лицу. Это оказалась картонная фигурка человечка чёрного цвета. Нет, это две сложенные вместе фигурки. Два человечка. Чёрная и белая фигурка, которые складываются, как книжка.

Касьян почувствовал, как от ступней ног вверх по телу его стремительно поднимается крошечный ужас. Он читал новости. Он знал описанные в газетах и новостных порталах подробности страшного убийства целой семьи. И он помнил, что женщина, обнаружившая тела, упоминала человечков. Чёрно-белых, картонных, безликих человечков.

На обратной стороне белого человечка было что-то написано красивым, каллиграфическим почерком.

Касьян поднёс жуткую открытку к лицу и прочитал написанное.

«Истинная гармония мира заключена в нерушимом дуализме двух цветов».

Он перечитал странное послание ещё раз. Что это?.. Что это значит?

В такт стремительно нарастающему чувству всепоглощающего страха на висках Касьяна забились тугие венки крови.

Касьян вспомнил то бледное лицо в зеркале заднего вида своего автомобиля. Те переполненные бездонной тьмой глаза и скривившиеся в злой насмешке блестящие чёрные губы. Кто этот странный черно-белый человек? Откуда он взялся там? И... И самое главное, куда он потом исчез? Что с ним?..

Касьян заметил, что его правая рука начала дрожать. Он судорожно втянул носом воздух, выпустил его через рот, тяжело сглотнул. Открытка из чёрного и белого человека подрагивала в его трясущейся руке. Чудовищный страх подступил к нему, просочился под кожу, отравил кровь, пропитал мозг и затуманил сознание.

Каменев лежал в постели, вжимаясь в кровать, словно желая провалиться сквозь неё. Нахлынувший приступ внезапного ужаса вселял неистовое желание подхватиться и убежать подальше отсюда. Скрыться. Спрятаться. Спастись...

Каменев откуда-то наверняка знал, что этот неизвестный черно-белый человек ещё придёт за ним. Ведь это именно он прислал ему эту жуткую открытку с непонятным, странным посланием.

А значит, он рядом. Где-то совсем рядом и в то же время достаточно далеко, чтобы

Касьян не смог заметить его.

Каменев закрыл глаза, чувствуя, как горит лицо от выступившей на коже испарины. Кажется, он сходит с ума.

У него зазвонил телефон. Касьян вскрикнул от неожиданности. Затем быстро взял трубку. Звонил Марк.

— Да? — приняв вызов, спросил Каменев.

— Я тут в супермаркете. Тебе какое взять: «Клинское», «Балтику б», или «Юзберг»?

Касьян вместо ответа несколько раз нервно выдохнул.

— Возьми мне два «Юзберга», — ответил он.

— Два? — удивленно спросил Марк. — Касьян, а как же...

— Два! — отрезал Каменев. — И поторопись, пожалуйста! Я серьёзно!

— Ладно, ладно... — растерянно и виновато ответил Марк.

Каменев дал отбой. Какое-то время он наблюдал то, что происходило на экране телевизора. Затем снова взял в руки присланную открытку из двух человечков. Ещё раз прочитал содержимое. С со злым возмущением покачал головой.

— Большой убудок, а! — прорычал он. — Я тебе покажу... Я тебе устрою!.. Подожди...

Он взял телефон и набрал номер, который к сожалению, набирал не так часто, как стоило бы. После нескольких гудков он услышал родной, знакомый голос. Голос похожий на его.

— Здорово, братишка, — как всегда бодрим, полным жизнерадостности голосом отозвался его старший брат Ким.

— Здравствуй, — улыбнулся Касьян. — Как ты там? Как Даша и дети?

— Норма-ально, — протянул Ким.

Он явно сейчас блаженно улыбался.

— Даша повезла парней выбирать им форму. Егор идёт в третий класс, Пашка в первый. Но волнуются оба. Вчера выбирал им рюкзаки. Представляешь, присмотрел им два классных рюкзака с Дартом Вейдером и Йодой, а они мне: «Папа мы хотели Тора и Спайдермена!». Господи... Они предпочли Звёздным Войнам картонных недотёп из долбанных Марвелл! Скажи мне, куда катиться этот хренов мир?! Что с нами со всеми будет?

— Мне кажется, ты утрируешь, — засмеялся Касьян. — Тор и Человек-паук держат марку.

— Да ну, брось, — сейчас Ким наверняка игриво поморщился.

Касьян снова засмеялся. Они с братом с детства обожали Джорджа Лукаса и его вселенную. И всегда искренне недоумевали, как другие предпочитали каких-то там супергероев...

— У тебя какой-то грустноватый голос, — заметил Ким. — Всё нормально?

— Э-э... — протянул Касьян.

Он ещё не придумал, как и что сказать брату.

— Касьян? — в голосе Кима зазвучало настороженное беспокойство. — У тебя всё нормально?

— Нет, — выдохнул Касьян.

Пауза.

— Рассказывай.

Касьян рассказал, начиная с того, как анонсировал статью, и заканчивая аварией.

— Ясно, — протянул в трубке Ким. — Понятно... хорошо... И ты думаешь, что аварию мог подстроить этот фотограф?

— Я не знаю, — покачал головой Касьян. — Вроде бы, у него не было ни времени, ни возможности, но... Слушай, есть ещё кое-какие вещи, кое-какие детали... Я не могу тебе говорить о них по телефону.

— Какие проблемы? — тут же ответил Ким. — От Питера до Москвы четыре часа на скоростном поезде. Сегодня вечером буду у тебя.

— Спасибо! — горячо поблагодарил Касьян. — Надеюсь, Даша на меня не обидится?

— Она меня убьёт, если узнает, что я не приехал к брату, попавшему в аварию, — ответил Ким. — Ладно, братишь, держись. Я ща по-быстрому завершу дела и мигом на вокзал.

— Спасибо! — повторил Касьян, не зная, что ещё сказать.

А что тут говорить? В этот миг, как и во многие другие подобные этому, он был несказанно рад, что у него есть такой старший брат.

Ким никогда не бросал его в беде. И всегда, даже, когда Касьян был неправ, всегда оставался на его стороне.

Через минут двадцать к нему в палату улыбающийся и запыхавшийся заглянул Марк Лунин.

— Здорово, жертва нетрезвого вождения! — воскликнул он насмешливо.

— Очень смешно, Марк. Спасибо, — фыркнув, тихо хохотнул Каменев.

— Да ладно!.. — Лунин вошел в палату и раскинул руки. — Я же по-доброму. Ёлки-палки, Касьян, ну у тебя и вид! Голова сильно болит?

— Гудит немного, — пожал плечами Каменев. — И шатает меня слегка. Болит больше рука, как будто кто-то мне там кости передвигает.

— Да-а, выглядит не ахти как, — покивал головой Лунин.

Он подтянул к кровати Каменева стул, уселся на него и улыбнулся.

— Ладно... Могло быть и хуже.

Он поставил пакет из супермаркет между ног. Достал из него две бутылки с пивом, откупорил.

Касьян с жадностью сглотнул и тут же подавился, закашлялся.

Его горло сдавило, он пытался вдохнуть воздух, но кашель душил его.

— Ах ты чёр-рт! — прорычал Лунин.

Подхватившись со стула он начал быстро хлопать друга по спине.

Пока тот не поднял здоровую руку.

— Спасибо, — просипел Каменев. — Я в порядке...

Он сглотнул, выдохнул. На его глазах выступили слёзы.

— Точно в порядке? — спросил перепуганный Лунин.

— Да, просто... глотательный рефлекс... нарушен... немного... О-ох...

— Ты уверен, что хочешь выпить?

Вместо ответа Касьян поднял указательный палец и достал лежащую возле подушки «открытку» из двух человечков. Протянул Лунину.

Марк взял у него открытку, развернул прочитал.

Касьян тем временем осторожно отпил пива. Подержал во рту, проглотил. Он посмотрел на Лунина. У того было странное выражение лица. Примерно, как если бы ему сказали, что с завтрашнего дня вводится налог на каждый вдох кислорода.

На лице друга Касьяна отражались шок и недоумение.

— Какая-то хрень, если честно, — он скривился и пожал плечами.

Посмотрел на Касьяна.

— А ты. Ты что думаешь? Это ну прям от него?

Последнее слово Лунин произнёс почти шепотом.

За окном потемневшее от угрюмых туч небо снова поливало улицы Москвы дождём. Капли воды монотонно забарабанили по стеклу окна палаты.

— Ты думаешь, это послание от того самого, того самого убийцы? — с опасением спросил Марк.

— Женщина, которая нашла тела убитых, упоминала в газетах о чёрно-белых человечках, — чуть нахмурившись, ответил Каменев. — Так что сами человечки меня не пугают. Догадаться их прислать, мог кто угодно. Но вот текст внутри... Марк, у меня такое чувство, что его писал человек, искренне одержимый какой-то бредовой фанатичной идеей о балансе, гармонии и равновесии....

Касьян коротко вздохнул, покачал головой.

— Если даже это и какой-то дурацкий розыгрыш или издёвка, то уж больно похожая на правдивое послание.

Лунин снова опустил взгляд на открытку.

— Значит, — медленно проговорил он, — это действительно может быть посланием от убийцы? Ты это хочешь сказать?

Но Каменев скривился.

— Да нет, если честно... Я скорее полагаю, кое-кто всё-таки решил меня попугать.

— А-а... — протянул Лунин и понимающе кивнул. — Плансон, да? Ты о нём думаешь?

Касьян пожал плечами.

— Он вполне мог догадаться, кто стоит за внезапно открывшимися жалюзи в ту ночь.

Лунин цокнул языком, отвел взгляд.

— Слушай, а наш фотограф... А не может ли он...

Он уставился на Касьяна. Тот, чуть склонив голову к плечу, с небрежной задумчивостью глядел на него.

— Я уже думал об этом, — признался Каменев. — И пока что в это верится с трудом. Пока... Знаешь, я больше склонен верить, что это похоже на месть, глупую и злую месть...

— Ну да, — подумав, торопливо ответил Лунин. — Зачем ты сдался этому убийце? Тем более, ещё письма тебе писать...

— Да... — протянул Касьян, глядя на окно палаты, покрытое сползающими головастиками капель дождя. — Я тоже так думаю.

Он вспомнил лицо, которое видел в зеркале заднего вида за секунду до аварии. Он вспомнил, как посмотрел в те глаза. Оттуда на него глядел крошечный, безжалостный мрак. Было стойкое ощущение, что он столкнулся с настоящим, неподдельным, безжалостным, истинным человекоподобным олицетворением сосредоточения зла.

И он сам не вполне понимал, почему угаивает это от Лунина.

Хотя, нет, понимал. Марк, хоть и его друг, всё-таки не склонен верить в такого рода фантастику. Если бы даже убийца и правда сидел там с ним в машине, куда бы он потом делся? Не мог же он желать погибнуть вместе с Касьяном или вместе с ним попасть в больницу!

А может... Каменев вдруг подумал о том, что в машине было темно, было поздно... Он

был впечатлён, тем более на слуху у всех было это кошмарное убийство целой семьи... Кто знает... А вдруг ему вообще всё это приснилось? Вдруг он элементарно и банально заснул за рулём?

Это объяснило бы, почему он так поздно заметил несущийся на него грузовик.

— Касьян! — Марк наклонился и тронул друга за здоровую руку.

— А? — рассеянно с хмурым задумчивым видом отозвался тот. — Что?

Он уставился на Лунина.

— Да говорю, компания, ну владельцы груза и грузовика, в который ты врезался, они это... Ну, собираются на тебя в суд подавать. Ты в курсе?

— Нет, — ответил Каменев, всё ещё занятый напряженными раздумьями об увиденном в машине. — Они хотят со мной судиться?

— Да, — нехотя продолжил Марк. — Ну, понимаешь, сказать по правде, дружище, это же ты вылетел на встречную полосу. А они из-за разбитой машины потерпели убытки. И кажется, ещё обвиняют тебя, что ты сорвал им своевременную доставку груза. Они типа логистическая ко...

— Марк, это всё подождёт, — покачав головой, перебил его Касьян. — Важно другое.

— Что же? — искоса глядя на друга, настороженно спросил Лунин.

— Фотографии. Мне по-прежнему нужны фотографии. Нам нужны фотографии. Для нашей с тобой статьи.

Лунин вздохнул, опустил взгляд.

— Касьян, я...

— Подожди, выслушай, — попросил Каменев. — Я знаю, я понимаю, что прошу слишком много. Но, во-первых, ты бы реально смог спасти меня, если бы эта статья вышла. А во-вторых, теперь у нас есть ещё более веский стимул умыть Плансона.

— Касьян, но мы ведь не знаем, кто в действительности мог прислать тебе вот это.

Он положил на кровать Каменева открытку из человечков.

— Согласись, что недоброжелателей у тебя более, чем достаточно.

Он вздохнул, развел руками.

— Это мог быть даже Курбатов, это, кстати, вполне в его духе.

Да. Он рассуждал довольно здраво. Но Каменеву важно было, чтобы Марк согласился ему помочь. Он должен был его мотивировать.

Суд, странные послания, неподтвержденная месть Плансона — это всё подождёт. У него на носу громкая статья, для которой нужны эти гребаные фотографии! С которыми ему прямо-таки фатально не везёт! И прежде всего ему нужно решить именно эту проблему.

Потому что с ней никакие суды и никакие пугающие послания убийц не сравнятся!

Да и потом, если это действительно фокусы Платона Плансона, будет очень полезно проучить его! И пусть потом разгребает последствия! О том, что послание могло быть от убийцы, Каменев сейчас уже старался не думать. Это бред, уверенно полагал он.

А то, что он видел в машине тогда, если подумать, он не так уж уверен, что видел это вообще.

— Касьян! — опять громко позвал его Марк.

— А? — отозвался тот.

— Слушай, ты всё время где-то витаешь, — пожаловался Марк. — Если тебе нужно отдохнуть, то я уйду.

— Всё, что мне нужно, это чтобы ты достал снимки, — вздохнул Касьян. — Вместе с

моим братом.

Марк несколько раз удивленно моргнул глазами.

— С твоим братом? — переспросил он. — А что, Ким в Москве?

— Будет сегодня вечером.

— И ты думаешь, он согласится?

— Конечно. Он же мой брат, — Касьян уверенно пожал плечами и вздохнул. — Самое главное, чтобы ты согласился.

Марк поджав губы, отвёл взгляд, покачал головой.

— Знаешь, меня из-за тебя точно или посадят, или пристрелят рано или поздно.

— Лучше второе, — ухмыльнулся Касьян.

Марк с обиженным удивлением уставился на друга.

— А что? — шутливо ответил тот. — Станешь звездой. Все только и будут тебя обсуждать. Уж я постараюсь.

— Не сомневаюсь, — мрачновато ответил Марк. — Нет уж... Я бы не хотел фигурировать ни в каких криминальных сводках.

— Да я тоже, — признался Касьян. — Так что? Поможешь? Обещаю, если в этот раз не выгорит, я буду уже выкарабкиваться сам как-нибудь...

— Ой, только давай не прибедряйся, — поморщился Марк. — Сам он...

Лунин ещё раз вздохнул.

— Чего надо сделать то? — спросил он обреченным голосом.

Каменев с благодарностью улыбнулся.

— Будет лучше, если я расскажу это вам обоим. Тебе и Киму.

— Ладно, — кивнул Марк. — Касьян, только... Ты абсолютно уверен, что твой план и на этот раз сработает?

— Нет, конечно. Но вероятность высокая.

— Замечательный ответ. Как раз в твоём духе, — всплеснул руками Марк.

Было заметно, что он нервничает. Второй раз испытывать судьбу ему не хотелось. Особенно глядя на своего друга, лежащего на больничной койке с перевязанной головой.

— Ладно, я... — начал он.

Дверь в палату распахнулась и внутрь почти забежала женщина с развевающимися песочного цвета волосами. Она была в черных узких джинсах-скини, леопардовых слипонах и джинсовой куртке. За руки женщина держала двоих детей. Мальчика и девочку.

— Касьян... — выдохнула женщина.

Каменев увидел, что у неё заплаканные глаза.

— Господи! — выдохнула она и ринулась к нему.

— Майя, — слегка удивленно произнёс Касьян и приподнялся на подушке. — Ты...

Он бросил взгляд на Марка.

— Я ей не говорил, — Лунин быстро поднял ладони, и отрицательно покачал головой.

— С тобой я об этом позже поговорю! — угрожающе посулила ему Майя, подлетая к постели Касьяна.

Она села на край, наклонилась к нему. С нежностью провела рукой по его заросшей густой щетиной щеке.

— Как... — она нервно всхлипнула. — Как же тебя так угораздило то... Куда ты опять вляпался?! Боже... Что говорят врачи? Какой у тебя диагноз?

У неё дрожали губы, тряслись плечи. Взгляд серых глаз тревожно метался по лицу

Касьяна, словно надеясь увидеть там ответы на свои вопросы.

— Майя, — Каменев блаженно, ласково улыбнулся, коснулся её руки. — Всё хорошо. Не переживай за меня. Это всё не смертельно.

— Не смертельно... — чуть охрипнув, покачав головой повторила женщина. — А если бы было? А если бы ты?...

Она не выдержала тихо зарыдала, страдальчески зажмурив глаза.

Было очень заметно, что по пути сюда она пережила страшные муки терзающей неизвестности и панического страха.

Её дети робко подошли к кровати Каменева.

Женщина обернулась к ним.

— Обнимите отца... Он же чуть не погиб!

Мальчик первым приблизился к отцу, взял его за здоровую руку.

— Эй... С твоим стариком всё нормально, — улыбнулся Каменев. — Не бойся.

Мальчишка яростно кивнул, но его глаза блестели от сдерживаемых слёз. Девочка, она была помладше, скинула обувь, забралась к отцу в кровать и положила голову ему на грудь.

— Ты ж моя лапочка... — посмеиваясь проворковал Касьян.

Он с любовью погладил дочь по тёмно-каштановым, таким же как у него, чуть вьющимся, мягким волосам.

— Всё хорошо, милая, — проговорил Касьян. — Всё в порядке...

— Ладно, — Марк прокашлявшись, направился к двери. — Я, пожалуй, поеду, Касьян. Созвонимся. Лады?

— Да, давай, — ответил Касьян.

Марк ушёл. Каменев остался наедине со своей женой и детьми.

Он не жил с ними уже несколько лет. Его бывшая жена давно живёт с другим мужчиной. Они видятся лишь по выходным и по большим праздникам. Иногда. Но между Касьяном и Майей до сих оставалась честная, искренняя, если не любовь, то близкая к ней дружба, и очень тёплые, наполненные приятными воспоминаниями отношения. Чего к сожалению, нельзя сказать об их детях.

Старшему, Гоше, было всего два годика, когда они развелись. А Дианке вообще только четыре месяца. Они почти не помнят его. Тем более, что первые годы после развода он не приезжал к ним. Не мог вынести мысли, что его жена, которую он так любил и любит до сих пор, досталась другому.

Он скрипел зубами при мысли о том, как по ночам её прижимает к сердцу другой, как в порывах жаркой страсти она стонет от наслаждения в объятиях другого. Другого любит, другого собирает на работу, другому улыбается, когда он возвращается вечером с работы. Другому... Она принадлежит другому.

Его Майя, его сероглазая красавица Майя, теперь связала жизнь с другим.

Касьяну понадобилось четыре года, чтобы пережить это и начать приезжать к ним, хотя бы по праздникам. Но оказалось поздно. Его дети, его родные сын и дочь, не узнавали его, не знали его совсем. Отцом для них давно стал другой.

И сейчас, как бы дико это ни звучало, Касьян благодарил Всевышнего за эту аварию. Потому что он был в кругу семьи с женой, с детьми. Он был со своей семьей. С теми, кому так невыносимо скучал, сидя поздними вечерами в своей большой, дорогой квартире на Таганке и глядя на огни вечно бодрствующего мегаполиса.

Они провели вместе несколько часов, почти до самого вечера, почти до темноты, до тех

пор, пока в дверь палаты после робкого стука не вошёл высокий, плечистый мужчина в джинсах, футболке «Спартак» и с дорожной сумкой за плечами.

У него были коротко стриженные волосы такого же цвета, как у Касьяна, борода. Отпущенная по последней моде, ухоженная борода темно-каштанового цвета. На правом локте татуировка — меч, вонзенный в камень, и средневековые знамёна.

Он приветливо улыбнулся Касьяну и обернувшейся на него Майе.

— Ну, здорово братишка, — пророкотал Ким. — Что с тобой приключилось на этот раз?

— Касьян, твой новый план ещё более незаконный, чем предыдущий, — сложив руки на груди, покачал головой Лунин.

Касьян только что закончил им рассказывать свою новую идею.

Он изложил им простой и незатейливый план похищения фотографий из машины Платона. Точнее, украсть нужно было его портативный жесткий диск.

Ким, задумчиво почёсывая подбородок, взглянул на Марка.

— Братиш... — проговорил неуверенно. — План и правда так себе... Я уж молчу, что и предыдущие твои действия были незаконными, но то, что ты предлагаешь сейчас... Это, вообще-то, сразу две статьи — сто шестьдесят шесть и шестьдесят один. Грабёж и угон.

У Лунина лицо изменило цвет. Он посмотрел на Касьяна.

Тот заволновался, чуть приподнялся.

— Слушай, — проговорил он, — я знаю, что прошу вас слишком о большом риске. Особенно тебя, Ким.

— Почему это особенно его? — скривился Лунин.

Ким чуть самодовольно усмехнувшись, взглянул на Марка.

— Я служу в полиции.

Лунин приоткрыл рот, взглянул на Касьяна, затем на Кима и опять на Касьяна.

— То есть, — выдохнул он взволнованно, — мы сейчас обсуждаем нарушение сразу двух статей уголовного кодекса вместе с офицером полиции?

— Да, но вам повезло, — засмеялся Ким. — Я старший брат этого засранца, а значит, в любом случае сделаю ради него всё, что угодно.

Марк вздохнул и тоже взглянул Касьяна. Тот смотрел с выжидающим волнением.

— Мне, видимо, как лучшему другу, тоже придется сделать ради этого засранца если не все, что угодно, то, по крайней мере, многое...

— Спасибо, мужики, — облегченно улыбнулся Касьян.

— Касьян, — Ким перестал улыбаться, — но чтобы это было в последний раз. Я не стану больше ни в чем подобном участвовать. Да и в этот раз делаю тебе одолжение только потому, что ты говоришь, что, вероятно, попал в аварию из-за этого фотографа.

Он сделал паузу, выразительно глядя на своего младшего брата.

Тот не отвёл взгляда, глядя в золотисто-карие глаза брата, такие же, как у него.

Каменев кивнул.

— Я понимаю, Ким... Я ценю это. И больше никогда ни о чем подобном не попрошу.

— И сам тоже участвовать не будешь, — чуть склонив голову, изогнув брови сказал Ким.

Касьяну пришлось вздохнуть и с притворной грустью ответить.

— Да... конечно.

— Хорошо, — Ким был удовлетворён. — Давай ещё раз твой план и поподробнее.

— Да в общем-то всё просто, — начал Каменев. — У Плансона есть особый портативный диск. Он никогда не оставляет его дома, возит с собой. Ему так спокойнее. У меня есть знакомый, тебе он не понравится Ким, но он прекрасно разбирается в автомобильных сигнализациях и...

— Он угонщик? — с сухой неприязнью в голосе спросил Ким. — Да?

— Ну... в общем, да, — кивнул Касьян. — Он поможет вскрыть машину этого говномеса и отключить систему спутникового слежения. А ваша задача угнать саму тачку.

— Угнать? — нахмурился Лунин. — А почему нельзя просто сам диск умыкнуть и всё?

— Потому что диск интегрирован в систему бортового компьютера его Эскалейда. Там специальная электронная начинка, сделанная под заказ. Он хренову тучу бабла вложил в свою тачку. И устроена она так, что если кто-то без пароля отсоединит диск от компьютерной системы автомобиля, все данные автоматически будут загружены на резервный, временный файлообменник, с которого мы их никогда не достанем. Сам диск будет сию же минуту отформатирован. К тому же сам Платон немедленно будет уведомлен о происходящем и без разбирательств вызовет туда полицию. Поэтому...

Касьян вздохнул.

— Нам... Точнее, вам придется угнать машину. Вести её нужно не далеко. Четыре квартала до определенного места. Там другой мой приятель взломает диск, и мы получим доступ к необходимым фотографиям.

— Знаешь, братишка, — хмыкнув, проговорил Ким, — меня начинают серьёзно напрягать твои связи с разными сомнительными и криминальными личностями.

— Я журналист, Ким, — серьёзно и чутьчку с холодком ответил Касьян. — Иногда, чтобы получить эксклюзив, приходится сотрудничать и с более серьезными преступными элементами.

Он с насмешкой развёл руками.

— Издержки профессии, брат.

Ким, чуть сузив глаза, недружелюбно усмехнулся.

— Порочные издержки, брат.

Они оба замолчали, изучающе, пристально глядя друг на друга.

Марк Лунин, переводя взгляд с одного Каменева на другого, с легкой тревогой поднял руку.

— У меня вопрос. Можно?

— Да, Марк, — Касьян отвел взгляд от глаз брата. — Спрашивай.

— Почему мы сразу не могли угнать его тачку? Зачем нужно было так изворачиваться?

— Во-первых, — вздохнул Касьян, — угнать тачку не так уж и просто. Во-вторых, Марк, я очень хотел обойтись без криминала.

Лунин обескураженно вскинул брови.

— Без криминала? Касьян, а шантаж это что? Не криминал?

У Кима отвердело лицо. Он с осуждением взглянул на брата.

— Так ты ещё и шантажом промышляешь, брат?

— Ким... — Касьян раздраженно «с выражением» посмотрел на Лунина, — Там всё не так просто, по-другому никак. Понимаешь?

— Нет, — честно ответил Ким, — Не понимаю. Откровенно не понимаю, Касьян. Другие журналисты как-то обходятся и без шантажа, и без угона!

— Те, которые перебиваются посредственными статейками в дешевых

журналистах! — повысил голос Касьян. — А твой брат, между прочим, звезда российской журналистики.

Ким несколько секунд смотрел на него с выражением сердитого презрения.

— Мой брат сейчас больше напоминает криминального авторитета. Шантаж, угон, грабёж... Что дальше, братишка? На «мокрое» пойдешь?

Касьян часто, тяжело дыша, свирепо глядел на брата. Тот не понимал его. Не желал понять всей сложности его ситуации. Ему куда важнее было соблюдение его обожаемого и никому ненужного закона!

Он опустил взгляд.

— Если закон для тебя важнее благополучия твоего брата...

— Давай только без мрачных драм. Ладно? — скривился Ким. — Я же уже сказал: я с тобой. Я помогу тебе, братиш. Но в последний раз. Больше я в такие дела лезть не буду никогда.

— А если на кон будет поставлена моя жизнь? — с толикой ядовитой елейности спросил Касьян. — Тоже будешь чистоплюйничать?

— Отправлю тебя в Аргентину, — прорычал Ким. — У меня там друг с армейки начальником охраны в сети супермаркетов работает.

Противостояние взглядов между ними длилось всего пару секунд.

Затем Касьян улыбнулся, хохотнул и, кивнув, произнёс:

— Что ж... В Аргентине я тоже смогу развернуться.

— Даже не сомневаюсь, — протянул Ким, тоже обнажив зубы в улыбке.

Далее Касьян с подробностями описал, где и когда они будут приводить его план в действие. Он рассказал им об элитном клубе, который посещает Платон Плансон, и про паркинг, где тот оставляет свою машину. Он описал им всю нехитрую и, как ему казалось, вполне эффективную стратегию того, как угнать автомобиль Платона.

Выслушав Касьяна, Ким внёс свои замечания. Они были учтены. Марк, подумав, тоже изложил свои соображения. Но Касьян их отмёл, как несостоятельные.

Они обсуждали предстоящее дело вплоть до полуночи, когда Кима и Марка пришел выдворять уже главный врач больницы.

Тогда Касьян попрощался с лучшим другом и старшим братом.

Когда они ушли, он поужинал и завалился спать. У него конечно же не сразу получилось заснуть. Сперва его мучили бесконечные, беспокойные мысли о Платоне, о фотографиях, о том преступлении, на которое он толкает двух самых близких для себя людей.

Что будет, если они угонят автомобиль, вскрыют диск, а искомым снимков там не окажется? А что будет, если кого-то подстрелят в процессе угона автомобиля? А если это окажется его брат? А если...

Касьян долго не мог уснуть. Мысли гудящим хороводом назойливых пчёл двигались в голове по кругу, раздражая и пугая устрашающими последствиями. Он не помнил, как провалился в сон. И он не помнил, как его вполне незвинный сон о работе, о друзьях превратился в кошмар.

Просто всё вокруг изменилось. Он вдруг оказался один в каком-то странном помещении. Оно выглядело заброшенным. Ободранные стены, перевёрнутые столы, стулья, разбитая мебель и посуда. На грязном полу валяются порванные, грязные, смятые плакаты, картины, фотографии.

Он шёл, и хлам скрипел у него под ногами битым стеклом. Он, чувствуя подступающую, крепнущую тревогу, двигался по очень длинному коридору. Коридор казался бесконечным.

И пока он шел, свет и все цвета вокруг него теряли насыщенность, серели и блекли. Цвета вокруг словно умирали. И вместе с ними умирали остатки самой жизни. Это место больше не было наполненное жизнью. И здесь уже не было места простым счастливым чувствам, связанным с жизнью. Ни радости, ни счастья, ни даже горя. А только тягостное уныние и удушающий, стылый ужас, проникающий в мысли, сердце и разум.

Касьян начал дрожать. Он ничего не мог с этим поделать. Хотя воздух в помещении оставался сухим и довольно тёплым, его буквально пожирала дрожь накатывающего страха.

Откуда-то из глубины здания донеслась музыка. Очень знакомая и старая песня. Он слышал её раньше... Давно.

Очень давно. Когда это было? Когда-то... Когда-то... И, возможно, уже не с ним. Он знал эту песню... Когда-то он обожал её.

Eagles... Hotel california...

Почему? Почему эта песня так знакома ему? Потому что она крепко связана с какими-то воспоминаниями. Он помнил, знал это. Но не мог вспомнить, что это было... Да и было ли это вообще.

Потерянный, в смятении, обхватив себя руками, он несмело ступал вперед вдоль серых, потрескавшихся стен.

Со стен рваными лохмотьями свисали остатки истлевших обоев. В некоторых местах осыпалось само покрытие стены, и была видна каменная кладка.

Что это за место? Почему оно так давит? Почему вселяет такое гнетущее ощущение?

Он прошел мимо комнаты, из открытых дверей которой струился слабый, бледно-серый свет. Он услышал голоса... Смех! Смеялась женщина! Затем послышался хор восторженных голосов.

— За наш вечный клуб «Горный путь»! У-у-у-у-хуу!!

Голоса неизвестных людей были полны счастливого торжества.

Они дрожат, искажаются. Откуда-то звучит кошмарный, зловещий вой. Он крепнет, становится громче. Что-то страшное надвигается, грядёт, летит из ночи, усиливается жуткий, пронзительный вой.

Слабый, сереющий свет, заполняющий комнату, исчезает, гаснет, растворяется.

И Касьян оказывается в густом, зловещем полумраке.

В нём угадываются очертания старой мебели. На полу кучи бесформенного, смятого хлама. В ярко-белом, неестественном свете луны, смотрящей в окно, он видит на полу отсвечивающие серебром осколки посуды. Он видит ночь в разбитых окнах. И слышит низкий, утробный, ужасающий вой.

Что-то надвигается прямо из ночи!

Касьян медленно пятится от комнаты, прижимает ладони к ушам.

Вой усиливается. Воздух холодеет, становится тяжело дышать.

Он чувствует пугающие, мощные вибрации. Дрожит пол.

В окнах разом вздрагивают голые ветки деревьев.

Короткий миг, и окна в просторной комнате взрываются россыпью блестящих осколков. Ворвавшийся в комнату и коридор вой сбивает его с ног.

Касьян падает буквально навзничь. Он чувствует невероятный, обжигающий мороз. Он ощущает, как его кровь общается в лёд, и иней ползёт по коже.

Продолжает звучать музыка. Он с трудом, сотрясаясь от ужаса и холода, поднимается и застывает на месте. Парализующая мысль колет его сознание. Он вздрагивает, замирает и сотрясается в беззвучном страдальческом плаче.

Он чувствует кого-то за спиной. Кто-то стоит так близко, что может коснуться его, дотронуться, вцепиться...

Касьян медленно оборачивается и орёт, надрываясь от переполняющего его безумного кошмара. А ему в лицо улыбается оно — другое лицо с угольно-чёрными глазами. Его поблескивающие черные губы растягиваются в плотоядной улыбке.

Он... Оно внезапно возвышается, вытягивается вверх над Касьяном.

Его тело непропорционально высокое, худощавое, вытянутое вверх.

Оно облачено в нечто, похожее на старый, чёрный сюртук с узорами.

Его длиннопалые руки в черных перчатках без двух пальцев. Оно продолжает торжествующе, злорадно улыбаться, глядя на Касьяна сверху вниз глазами тьмы и ночи.

Каменев пятится. Из его груди рвется судорожное, сжатое, сдавленное дыхание. Это страх душит его с остервенелой жадностью. Страх высасывает силы, душу, и, кажется, даже кровь.

Каменев разворачивается и бежит прочь. Спотыкается, падает на четвереньки на пол, режет руки об осколки стекла, поднимается и снова мчится вперёд.

И тут слышит, как звучит нечто, похожее на звон набата. Тяжело вибрирующий, низкий гул колокола разносится по дому и взламывает его череп, внушая ужас и боль. Касьян на слабеющих ногах бежит вперёд. Но икры ног сковывает внезапная слабость, он едва не падает. Он оборачивается со слезами страха на глазах.

То существо ещё стоит и смотрит на него, по-прежнему улыбаясь.

Победно, снисходительно, зловеще...

Внезапно Он... Оно... Он берется руками за полы своего сюртука и распахивает его. И на глазах Касьяна оттуда вылетают воющие тени, сотканые из дымчатого мрака. Они летят за ним в полумраке старого коридора и протяжно воют. Хищно, заунывно, озлобленно.

Липкий, влажный холод накрывает Касьяна. Он снова надрываясь орёт от ужаса, пятится и разворачиваясь, бросается бежать. И он бежит, бежит из последних сил. Бежит и слышит настигающий его вой.

Кровь гремит в ушах и пульсирует в его венах. Воющие тени несутся за ним, летят вслед, стараются настигнуть его. Норовят вцепиться, схватить, поглотить...

Касьян бежит вперед. Он жаждет вдохнуть, но лёгкие отказывают ему, что-то сдавливают рёбра, тяжелеет в животе. Силы оставляют его. Он видит впереди в конце коридора дверь. Дверь его надежды на спасение. Но он чувствует, что не успеет. Он стонет от заполнившего разум ужаса и боли в уставших ногах.

Мышцы ног скручивает болезненная судорога. Он должен добраться до двери, должен успеть. Ещё немного... Черные тени, как куски самого мрака, настигают его. Ещё мгновение, и они достанут его.

Он плачет от бессилия, он рвётся вперёд. И вот дверь уже перед ним... Он хватается за ручку и с силой распахивает её...

И в следующий миг он застывает над ночным городом. Внизу горят огни, шумят автомобили. Перед ним в ночи высятся озаренные светом небоскрёбы и жилые многоэтажки. В лицо ему веет стылый ветер, переполненный горько-сухими запахами огромного мегаполиса.

Касьян смотрит вниз, лишаясь возможности дышать. А снизу из глубины на него взирает пустота. Он едва различает фигурки автомобилей с горящими точками фар и редких пешеходов внизу.

Улицы внизу ярко сияют пёстрыми огнями вывесок, светофоров, и витрин. Ветер лохматит его волосы, обдувает, треплет больничную одежду на его теле. Он стоит на краю крыши больницы босиком, и холод карниза обжигает ноги.

Ветер ночи вьется вокруг него. Перед глазами сияют сотни тысяч городских огней, которыми пылает столица после заката.

Снизу донёлся пронзительный автомобильный сигнал.

Касьян нервно сглотнул, глядя вниз на огни раскинувшихся улиц.

— Каменев!!!

Он обернулся. Вокруг него на крыше собралось восемь работников больницы. Три доктора и пять санитаров.

— Чёрт возьми! Вызовите психиатра! — крикнул какой-то полный мужчина с желтым галстуком. — Он не успеет приехать! — отозвалась низкорослая женщина среднего возраста.

— Каменев! — к нему приблизился доктор Прохоров. — Всё в порядке. Слышите? Всё в порядке... Всё хорошо... Дышите... Слушайте мой голос... Вам не нужно этого делать... Понимаете? Не нужно!..

Касьян нервно икнул. И вдруг, сам того не ожидая зарыдал.

Он был здесь. В реальности. Он был далек от того странного существа... того ужасающего чёрно-белого человека... И от тех воющих теней... Они догнали его, и он чуть было не выскочил через дверь... Они специально гнали его...

— Каменев! — снова, осторожно позвал Прохоров. — Вы слышите меня? Слушайте мой голос... Любую проблему всегда можно решить, кроме той, когда вы уже летите вниз. Понимаете?

Касьян плача спустился с карниза, обессиленный упал на четвереньки и тихо завыл, сотрясаясь в горьких рыданиях.

Его быстро окружили санитары больницы. Он не сопротивлялся.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 11 августа.

Я стояла перед зеркалом, закутавшись в полотенце, и с хмурым недовольством рассматривала темнеющий на левой щеке, налитый синевой сочный синяк.

— *Badziwny!* — прошептала я сердито и недовольно. — Прекрасно, чёрт возьми! Просто отлично!

В дверь ванной постучали.

— Роджеровна, ты там долго ещё?! Хватит любоваться собой! Вылезай уже!

— Сейчас, — я скинула полотенце, вытерлась.

Надела одну из Леркиных длинных, чёрных футболок. На ней был изображен скалящийся череп в цилиндре и два скрещенных револьвера с розами. Сверху на куске пергамента было написано готическим шрифтом: *Guns'n Roses*. Я бы вообще надела что-то менее мрачное. Но у Лерки половина гардероба состоит из таких вот маек и футболок с жутковатыми мотивчиками.

Натянув джинсовые шорты, так же одолженные Лерой, я вышла из ванной. Из кухни тянуло подгоревшим мясом. Я ринулась туда, открыла дверь. Навстречу мне повалил густой дым с горелым привкусом.

— Лера, ты всё сожгла! — пропищала из-за стола Лада.

— Сама вижу! — огрызнулась моя подруга.

Лерка торопливо сняла сковородку с плиты, поставила рядом. Поморщившись, помахала рукой, разгоняя клубящийся над сковородой дым.

— Вот же гребаный бегемот! — воскликнула Логинова, наклоняясь к сковороде.

— Лерка сожгла стейки! Лерка сожгла стейки! — хлопая в ладоши веселилась за столом Лада.

Стейки, как и мясо в целом, она не любила. Куда милее ребенку были хлопья с молоком, сладкие запеканки, кашки с орешками или омлет (одно из её любимых блюд).

— Тихо там, мелкая! — рыкнула на сестрѐнку Лерка. — А то сейчас будешь вчерашний суп глотать! С вонючей рыбой!

— Бе-е-е! — скривилась Лада. — Я не буду!

— Вот и замолчи! — отрезала Лерка.

На кухне витал стойкий, сухой запах гари.

— Не кричи, Лер, — улыбнулась я, приоткрыв окно. — Что у тебя случилось?

— Да вот... — подруга расстроено и сердито показала мне сковороду.

На ней темнели обожженные, съезжившиеся потемневшими корками кусочки стейков. Часть кусочков действительно буквально обратилась в зачерствевшие головешки.

Лерка, Лерка... Ох... Ладно, ничего. Я погладила подругу по плечу.

— Ничего страшного, — шепнула я.

— Да это триндец! — выдохнула Лерка. — Блин, это ж был наш завтрак! Мяса то больше нет в холодильнике. Ой, фа-ак...

— Лера сказала плохое слово! — захлопала в ладошки Лада.

— Лада, хватит! — прикрикнула на неё Лерка, обернувшись назад.

— Зато у вас в холодильнике, по-прежнему есть овощи и яйца, — ответила я.

— И что? — уныло спросила Лерка. — Хочешь омлет из всего этого сделать?

— Лучше, — хитро улыбнулась я. — Присаживайся, я всё устрою.

— Да брось, Роджеровна, — хмуро возразила Лерка. — Ты же это... типа в гостях...

— Я у тебя в гостях почти каждый месяц, — напомнила я.

— Маму это только радует, — хохотнула Лерка. — Она считает меня безответственной и ленивой. И, когда ты рядом, ей спокойнее.

— И я люблю, когда Ника приезжает. — улыбнулась маленькая Лада. — Ника со мной рисует и смотрит мультики.

— Просто мне они тоже нравятся, — сказала я, завязывая за спиной фартук.

— Так нравятся, — хмыкнула Лерка, — что вы «Рапунцель», «Мулан», «Братец медвежонок» и «Холодное сердце» уже до дыр затѐрли.

— А мне нравится «Холодное сердце»! — заулыбалась Лада. — Ника очень похожа на Эльзу.

Она засмеялась.

Лерка окинула меня оценивающим взглядом.

— Да... — ухмыльнулась она. — Сходство более чем заметное. Слышь, Роджеровна, тебе осталось только колдовать научиться.

— Ага, — хмыкнула я доставая овощи из холодильника. — Мне ещё в жизни только не хватало уметь снеговиков наколдовывать.

— А че сразу снеговиков? — с шутливой мечтательностью ответила Лерка. — Можно вон свой Дисней-Ленд изо льда намутить, ну, точнее, наморозить...

— Пока что мне доступна только кулинарная магия, и то немного, — скромно ответила я, кладя на стол две досочки для резки.

— Не знаю, не знаю, — ехидно заметила Лерка, взяв печенье со стола. — Но то, что ты на льду вытворяешь, тоже мало у кого получится.

— Я вообще-то на льду не одна, а с партнёром, — напомнила я.

— Да, — откусив кусок печенья кивнула Лера. — Но смотрят все равно только на тебя.

— Хватит, Лер, — зажмурилась я. — Сашка — отличный фигурист и партнёр. Наш успех всегда совместный.

— Подруга, он тебя уронил на позапрошлом конкурсе, — со смешком напомнила Лерка.

Я вздохнула. Сейчас Лерка начнёт свою любимую тему о том, что «она на моём месте давно ушла бы из парного фигурного катания в одиночное и была бы как Медведева, Сотникова или Загитова».

Можно подумать они не падают. Я очень ценила её беспокойство обо мне и моей спортивной судьбе, но иногда она была слишком назойлива и настойчива.

— Да, — вздохнула я, вспоминая тот неприятный, позорный и болезненный во всех смыслах казус. — У всех случаются падения...

Я нарезала перец, цукини, лук и помидорки черри. Взяла другую сковороду с тефлоновым покрытием. Достала бутылочку с оливковым маслом. Капнула на сковороду, дала растечься и поставила на плиту. Включила температуру почти на максимум.

Через несколько секунд масло весело зашкворчало на сковородке.

Я аккуратно ножиком спихнула туда нарезанные кубиками овощи.

Пока Лерка и Лада спорили по поводу того, кто из них просыпал печенье на ковёр в комнате Леры, я обжарила овощи до аппетитного золотистого цвета. Потом добавила к овощам мелко-мелко нарезанные кусочки не до конца сожженных Леркой стейков. Некоторые из них были съедобные, а благодаря корочке даже приобрели пикантный вкус.

Шикарно. Теперь мешаем яйца с молоком. И выливаем всё это на сковородку. Я помешала всю эту красоту. Добавила перца, соли. Подождала немного. К тому времени запах сгоревшего мяса выветрился и уступил место яично-овощному аромату свежей фриттаты.

Я сняла сковородку с огня. Разложила блюдо в тарелочки, украсила зеленью и подала на стол.

— Вау! — протянула Лерка, потирая ладони. — Выглядит аппетитно.

— Похоже на омлетик, — Лада облизала губы.

Я положила им столовые приборы и сама села рядом.

— Всем приятного аппетита! — объявила я.

— Спасибо, взаимно, — ответила Лерка, сосредоточенно отковыривая вилкой кусок фриттаты.

Лерка всегда (кроме общественных мест) кушает только ложкой или только вилкой. А вот Лада, сидевшая напротив, пыталась, как я, есть при помощи обоих столовых приборов. У крохи явно не получалась, и она вызывала у меня просто море умиления, когда хмурила личико пытаясь справиться с вилкой и ножом. Я отложила свои приборы, села рядом с ней.

— Смотри, зайчонок, — аккуратно взяла её приборы и показала. — Вот так... раз... и

отрезала. И кушаешь. Давай ещё раз. Оп...

Лада прожевала кусочек фриттаты, и её личико озарилось выразительным восторгом.

— Клёво! — восхищенно воскликнула малышка.

Я закрыла глаза, усмехнулась, покачала головой. «Клёво». Ладно, могло быть и хуже, учитывая иные выражения из обихода Лерки.

В этот миг мой телефон, который я опрометчиво оставила на столе, пикнул и завибрировал.

Не успела я и слова сказать, как Лерка подхватил со стола мой Xiaomi и поднесла к своим глазам.

— Ва-ау... — протянула она с лукавым ехидством.

— Лер, дай пожалуйста, — я протянула руку.

Но Логинова отстранилась, не отрывая взгляда от дисплея. Я видела, как её зрачки быстро-быстро бегали из стороны в сторону, пока она читала.

— Лерка, ну ёлки-палки! — возмутилась я. — Отдай мой телефон! Ты не можешь читать мои сообщения...

— Ещё как могу! — нагло бросила в ответ Логинова. — Я твоя лучшая подруга, а значит имею право быть в курсе всех подробностей твоей личной жизни!

— Да нет у меня там ни какой личной жизни, — смущенно ответила я.

Я обошла стол, села рядом с ней.

— Кто бы это ни был, он опытный развратник, — похихикала Лерка, возвращая мне телефон.

Я с осуждением поглядела на неё, затем опустила взгляд на телефон.

Эта коза открыла мой телеграмм и прочитала сообщение от...

Хм, а кто это вообще?

— А кто такой развратник? — спросила Лада.

— Тот, кого лучше обходить стороной до определенного возраста, — глумливо похихикала Лерка с набитым ртом.

Я не ответила, так как была полностью поглощена сообщением.

— «Привет. Прости, что не дождался, когда ты напишешь мне сама, но это было реально выше моих сил!

Не буду спрашивать, как твои дела, уверен у тебя и без меня всё в порядке.

Я пишу затем, чтобы нарушить твой порядок, и привычную обыденность твоей жизни. Уверяю, у меня это получится.)) Как с твоим согласием, так и без него. И я не вижу причин откладывать колоссальные перемены в твоей жизни)) Давай начнём прямо сегодня. Может часа в четыре у причала Лужники-Северные?

Тёзка твоего нового друга.

P.s.

Откажешься, и спустя несколько лет будет сожалеть, что у тебя не хватило решимости, принцесса.»

Я дочитала сообщение до конца, и у меня застучало сердце, зашумело в голове, и какая-то неестественная, бойкая легкость образовалась в груди. Я хотела было произнести слово, но так и замерла с приоткрытым ртом.

Меня стремительно наполняло пульсирующее волнение. Оно проникало глубоко, оупутывало мысли, растворялось в крови, растекалось по телу и вселяло в меня странное,

мечущееся беспокойство.

Я посмотрела на Лерку. Логинова насмешливо кривила губы. Я, растерянно моргая, снова уставилась на телефон.

— Что-то я не понимаю, — пробормотала я, и снова взглянула на Лерку. — Он что... Он зовёт меня на свидание?

— Да, похоже на то, — посмеиваясь, ответила Лерка. — А от кого это? Ты догадалась?

— Да-а... — слабым голосом ответила. — От Мирона..

— М-м, — заинтригованно протянула Лерка и хитро усмехнулась. — А кто этот Мирон?

Лада прикрыв рот ладошками, засмеялась.

— Ты чего? — фыркнула со смешком Лерка. — Чего ты смеёшься, мелкая?

— Имя смешное, — улыбаясь, ответила девочка.

Логинова пожала плечами и взглянула на меня.

— Зато интриговать и уговаривать он умеет. Опытный искуситель и самоуверенный нахал. Тебе стоит быть осторожнее.

— Значит, лучше отказаться? — чуть нахмурившись, спросила я.

Лера чуть не подавилась.

— Рехнулась что ли? Соглашайся конечно! — она посмотрела на меня так, словно я сморозила какую-то дикую глупость.

Ну, возможно, так и было.

— Лер, — я с пугливым выражением лица покачала головой и прошептала выразительно, — я его почти не знаю!

— И что?! — пожала плечами Логинова. — Ты собираешься с ним полгода чатиться прежде, чем пойти с ним на первое свидание?

— О-ой. — протянула я, — С чего ты вообще взяла, что я хочу идти с ним на свидание.

— Ты бы свои глаза видела, Роджеровна, — доедая фриттату ответила Лерка.

Я быстро посмотрела на неё. Затем опять на телефон.

Во мне кипели переживания, горячая смесь противоречивых чувств взрывалась и искрилась во мне. Я не знала, что мне делать. Опять не знала, что предпринять.

— Ладно, — решила я. — Хорошо...

Я нервно облизнула губы.

— Что... Что мне ему ответить тогда? М-м?

— Дай-ка, — Лерка по-хозяйски забрала у меня телефон и начала что-то быстро писать.

На лице у неё появилось озороное предвкушение. Глаза моей подруги сверкали искорками веселого ехидства.

— Что ты ему пишешь? — я попробовала наклониться, чтобы посмотреть.

Но Лерка отстранилась.

— Пишу, что ты дико жаждешь встречи с ним, — пропела она. — Что тебя аж в пот бросило...

— ЧТО?! Отдай телефон! Лера не смей!!! — я попыталась забрать у неё телефон.

— Да отвали ты, я пошутила, — Лерка встала из-за стола, подняла мой смартфон над головой.

Она была существенно выше меня, и я не могла просто так забрать у неё свой смартфон.

Лерка тем временем быстро что-то писала.

— Да ну Лера... Ну, что ты пишешь там? — хныкала я, пытаюсь вернуть свой телефон.

Но эта засранка постоянно уворачивалась и продолжала что-то быстро набирать. Зная

прав Лерки, я очень боялась, чтобы она не поставила меня в неудобное положение! А она могла... Это же Лерка, в конце концов! И этим всё сказано...

— Всё! — с чувством выполненного долга и довольной улыбкой Лерка вернула мне телефон.

Я лихорадочно открыла мессенджер и заглянула в переписку между мной и Мироном, в которой я не участвовала. Пока я читала, Лерка погладила меня по голове и проворковала.

— Поздравляю, принцесса, сегодня у тебя свидание. Первое в твоей жизни!

— С-свидание?.. — я, заикаясь, взглянула на неё.

Меня обуял дикий страх, невыносимое напряжение заполнило тело, сжало живот и горло.

— Лер, — я беспомощно взглянула на неё. — Но... А как же я... Вот с этим...

Я всхлипнула и показала на своё лицо с темным пятном синяка на левой щеке.

— Нормас, — с беспечным видом отмахнулась Лерка. — Я сейчас позвоню одной девахе. Она придет и так тебя обработает, что ты сверкать будешь.

— И синяка видно не будет?

— Нет, успокойся, — отмахнулась Лерка набивая сообщение уже со своего телефона. — Я к ней обращалась, когда мне на одной тусе пластиковой бутылкой в лицо швырнули. У меня не только фингал был, у меня ещё и щека так опухла, что я была похожа на внебрачного ребенка Шрека и Фреди Крюгера.

— А кто такой Фредди Крюгер? — спросила Лада.

— Не важно, — быстро ответила Лера. — Забудь.

А мне она беспечно и уверенно заявила:

— Расслабь ягодичные мышцы, Роджеровна. Эта красотка знает своё дело. К тому же она мне кое чем обязана. Я у неё на днюхе исполняла кавера на все её любимые группы. Так что всё Ок. Не парься... Порешаем.

Но я не могла вот так вот взять и успокоиться.

— Ле-ер... — жалобно простонала я. — Но ведь я... Я же даже не знаю... что... и... вообще... ну... как...

Я вообще-то пыталась сказать, что я не знаю, как себя вести на свидании, кроме того, что нужно соблюдать приличия. Как реагировать? Что можно себе позволить, а что лучше не стоит.

— А для этого у тебя есть я, — уверенно и жизнерадостно заявила Лерка. — Устроим тебе небольшой ликбез, этакий экспресс-курс, отретушируем твою мордашку, принарядим, как положено, и пойдёшь себе... получать ценный жизненный опыт.

— К-какой ц-ценный жизненный опыт? — пролепетала я.

— Увидишь, — многозначительно вскинув брови, ответила Лерка.

Я не могла сейчас соображать. Я не могла сосредоточиться на своих мыслях и собраться. То, что во мне сейчас происходило, по шкале буйности, хаоса и беспорядочности могло сравниться с карнавалом в Бразилии и Чёрной пятницей скидок во всех столичных бутиках одновременно! Стремительной волной нарастающее беспокойство вертелось, ворочалось и извивалось во мне, заставляя меня сходить с ума. От волнения у меня на глазах выступили слёзы, я не знала, что с этим делать.

Лерке пришлось даже капнуть мне успокоительного. Иначе никакого свидания у меня бы просто не было. Через час с лишним действительно приехала подруга Лерки «Надька». Она чем-то похожа на Лерку по своему образу и поведению. И даже рост у них был почти

одинаковый. Только Надя была чуть полнее, ниже и с ярко-бирюзовыми волосами. На левой руке и ключице я заметила татуировки с бабочками и птичками.

Она подрабатывала косметологом в нескольких салонах и даже гримёром на рок-концертах. Так что я (очень хотелось в это верить) попала в руки знающего профессионала.

В процессе моей подготовке участвовали обе сестры.

Одна сыпала мудрыми наставлениями и помогала выбрать наряд, другая, младшая, с умным видом рассуждала о том, будут ли у нас с Мироном дети, и что из этого может получиться.

Кажется, в семье Логиновых растёт будущий семейный психотерапевт.

В одежде у меня был довольно широкий выбор, так как я фактически жила у Леры в июле, когда её родители и Лада отправились отдыхать на целых десять дней в Грецию, а потом оттуда же на неделю в Италию. Так что здесь, у Леры всё ещё оставалось мое летнее платье из стрейтч коттона. Оно было короткое, тонкое, тёмно-синего цвета, почти черное, с узором в мелкий, белый горошек.

К платью я выбрала круглую плетеную сумку и золотисто-бежевого цвета босоножки на среднем каблуке.

Волосы я оставила в виде своей традиционной, французской косы.

Коллегия судей в лице Лерки, Нади и Лады выбор образа одобрила.

Мне тоже нравилось. Получилось легко, стильно и изящно.

До четырёх часов времени было не так уж много.

Собирали меня в спешке. Лерка продолжала диктовать мне ценные указания.

— Не позволяй ему себя лапать. Держись вежливо, хихикай когда он пошутит, мило улыбайся, но в то же время сохраняй хладнокровие и сдержанность, — усердно поучала меня Лерка. — В глаза ему особо долго и пристально не смотри, это выглядит вызывающе и может подтолкнуть его к необдуманным действиям, если ты понимаешь, о чем я. Не рассказывай ему о себе слишком много, он и так уже знает о тебе немало, если сумел раздобыть твой номер. Не самовольничай, позволь ему играть главную партию, не умничай, и не спорь с ним, даже если знаешь, что он неправ. Всё это ты успеешь, если ваши отношения разовьются во что-то большее.

— Если?.. — только и спросила я.

Лерка говорила легко и быстро, и запомнить всё, что она сейчас тараторила, было сложновато.

— Ну, понимаешь, — пожала плечами Лерка. — Если я что-то понимаю в парнях, то этот твой Мирон — уверенный в себе нахальный красавчик с замашками ловеласа, в будущем, наверняка, умелый соблазнитель. Но ветреный, вкрай несерьёзный и не слишком обременен моральными принципами.

Я отвернулась от зеркала и внимательно на неё посмотрела.

— И ты толкаешь меня на свидание с ним?

— М-м, — Лерка снова жевала взятое на кухне яблоко. — Роджеровна, тебе в любом случае будет полезен опыт общения с такими, как Мирон. Поверь, лучше сейчас понять, что это за вид парней, и зачем они нужны.

— И зачем же они нужны? — спросила я вопросительно изогнув брови. — Если они, как ты сказала, ветреные и несерьёзные.

— Чтобы временно скрасить твоё одиночество, приятно провести время, — рассуждая и помахивая надкушенным яблоком, пожала плечами Лерка. — ну и в будущем, когда ты

будешь постарше, возможно... совершить небольшое приключение.

После последних этих слов они с Надей многозначительно переглянулись и обменялись ехидными смешками.

Угу, подумала я, сейчас! Ещё чего! Обойдётся он без всяких... приключений! Да и мне они сейчас вообще, совсем, абсолютно, во всех смыслах не нужны. Нет уж, спасибо!

Я была готова к трём часа дня. Внешне. Но не морально и не духовно.

— Слушайте, давайте я ему напишу, и мы все отменим, — в который раз заныла я.

— Ещё чего! — вскинулась Надя и упёрла руки в бока. — Ты знаешь, каких мне стоило усилий замаскировать на твоей щеке результат неудавшейся беседы?

— Кстати, Роджеровна, — с набитым ртом проговорила Лерка, жуя яблоко. — Ты не хочешь все-таки сказать, кто это тебя так угостил? А то толком ты так ничего и не объяснила.

— Лер... — я покачала головой, — мне просто не повезло... Я нарвалась на не очень хороших людей, мягко говоря...

— «Не очень хороших»?! — выразительно скривилась Лера. — Роджеровна, я молчу, что девочек, как бы вообще-то трогать нельзя. И нормальные парни все это знают. А уж тебя то... Они с Надей снова переглянулись, опять ухмыльнулись.

— Даже девочкам тебя трогать нельзя, ибо не за что. Ты слишком правильная, честная и добрая. Реально. И я ума не приложу, какой гов**к посмел к тебе вообще прикоснуться.

Я взглянула на неё и серьёзно, с толикой грусти сказала.

— Лер, возможно, я тебе расскажу. Правда. Ты всё узнаешь. Но чуть позже.

Логинова после моих слов замерла с настороженным видом. Я отвела взор, посмотрела в зеркало. Про себя я подумала, что Лерке действительно стоит, наверное, всё рассказать. Верить ей можно. Она не будет болтать. Да и потом... она же не дурочка. Не могу же я ей постоянно лапшу на уши вешать. Да и совестно мне.

У меня здесь и вообще вокруг меня совсем мало людей, которым я не задумываясь могу довериться. И не стоит обижать их своим недоверием. Это неправильно и нечестно.

Исключение составляет, наверное, только дядя Сигизмунд.

Ему я вряд ли что-то когда-то буду рассказывать. Уж больно крутой у него нрав, и неизвестно, что он вытворит, когда всё узнает...

Хотя нет... Думаю, как раз это известно.

Примерно через полчаса меня уговорами, комплиментами и угрозами вытолкали из дома. Лерка сказала, что пересечется со мной в ТРЦ «Ривьера».

А я между тем села в такси и поехала к Лужникам-Северным.

Мне повезло, и водитель доставил меня к месту, почти не застревая в автомобильных пробках.

Правда, к самим Лужникам-Северным мне пришлось идти пешком, так как дорога была перекрыта из-за ремонта. А заставлять водителя искать объезды не было ни желания, ни смысла. Я расплатилась кредиткой и вышла на улицу. Надо мной вздымались небоскребы города. С неба сияло радостное солнце, его лучи грели лицо и плечи.

Я направилась в сторону поблескивающей впереди реки.

Широкая, сине-зеленая Москва-река мерцала и сияла золотом в лучах августовского солнца. На лицах вокруг царила оживленная суматоха и почти курортная атмосфера. Над головой с криками носились белокрылые чайки. Повсюду в тени деревьев и под солнцем вдоль реки гуляли парочки и шумные компании.

Пестрели вывески ларьков с мороженым, на специальной площадке, вокруг бронзовой статуи известного мореплавателя, был организован прокат электрокаров для детей.

Над головами людей я увидела стаи плывущих по воздуху огромных мыльных пузырей. Они переливались перламутровыми бликами и, подрагивая, неторопливо порхали вдоль парковых аллей.

На территории парка возле реки работало огромное количество кафе и баров. Повсюду располагались какие-нибудь аттракционы, от обычного тира до всякой весёлой ерунды, вроде «шариков и дротиков».

Возле входа в детский ресторанчик стояли двое человек в жутковатых костюмах «Смешариков» и зазывали всех людей с детьми в свое заведение.

Хм. Как по мне, они больше пугали детей, чем увлекали их.

Особенно страшной выглядела огромная, круглая голова голубого зайца, что передвигалась на массивных лапах и обладала гигантскими болтающимися из стороны в сторону ушами.

Я подошла к причалу. Здесь мое внимание привлек шикарный круизный лайнер с синекрасным корпусом и белыми надстройками. Он был великолепен и грандиозен! Величественно возвышаясь над речным причалом, он принимал на борт блистательную, но очень шумную публику. Я бы тоже не отказалась прокатиться на этом корабле. Смущало только, что по виду он всё-таки сильно смахивал на «Титаник». Айсбергов в Москве-реке, конечно, нет, но от всяких неадекватных ситуаций никто в этом мире не застрахован.

У меня зазвонил мобильник. Я спохватилась, достала трубку, приняла вызов от Мирона (Лерка поставила мне на его контактфотку, которую нашла у него в инсте).

— Да? — взволнованно спросила я. — Привет...

Мое сердце подпрыгнуло до горла.

— Привет, — приятным, обворожительным голосом произнес он, — ты далеко?

— Э... нет, я на месте, — я покрутила головой из стороны в сторону.

Набережная Северных-Лужников вытянулась в обе стороны бесконечными причалами и пирсами.

— Только я не знаю, куда мне идти.

— Видишь, напротив деревянного красного такого здания длинные причалы с яхтами?

— Длинные причалы с яхтами? — растерянно переспросила я, ища глазами красное здание.

— Да-да. Это вправо от корабля похожего на «Титаник». Ты должна была его видеть.

— Да, я возле него...

— Ну всё. Тогда поворачивай направо и просто иди прямо, — судя по голосу, Мирон улыбался.

Я направилась вправо от корабля, ступая по мощеной дорожке, вдоль живописных лавочек и красивых уличных фонарей. По мере того, как я шагала вперёд, обходя идущих навстречу людей, во мне шквалом нарастала буря переживаний. В сознании гирями повисали удручающие и пугающие мысли. Я страшно, до жути и внутренней дрожи боялась допустить какую-нибудь ошибку. Состояние было такое, что хотелось запрыгнуть на кровать и прыгать до тех пор, пока из меня не испарится всё мучительное и терзающее волнение!

Мне стоило огромных усилий держаться достойно. Я подошла к причалам с яхтами.

Белоснежные красавицы и уступавшие им в размерах катера выстроились вдоль дощатых пирсов. Здесь прохаживались с важным видом мужчины в летних рубашках и

шортах. На некоторых яхтах я заметила хохочущие компании и стайки девушек, заполонивших самые большие и дорогие суда. Я увидела фигуру в темных брюках и бордовой футболке. Даже издали я без труда узнала Мирона.

Он активно махал мне рукой. Я помахала в ответ, направилась к нему.

Живот перетянуло тугим, вибрирующим узлом. Сердце в груди забилося так, словно вознамерилось вышибить мне рёбра и броситься навстречу Мирону своим ходом. В ногах дрожала слабость, в голове водили хоровод сбивчивые, пугающие мысли.

Я увидела, как Мирон спрыгнул с яхты на пирс и пошел ко мне, находу снимая солнечные очки. Господи, он идёт ко мне!

Так... фу-ух... Дышим... Мы умеем дышать, говорить и двигаться. И в присутствии Мирона тоже.

О-ох... Dobrze... wszystko będzie dobrze!*(Хорошо... Все будет хорошо!)

Я шла ему навстречу. Повеявший от реки ветер шевельнул и чуть подкинул подол моего платья. Я опасливо придержала платье рукой и увидела на лице Мирона восхищенную улыбку. От этого у меня всё затрепетало в груди, странное наитие заставило меня чуть выгнуться вперед, сдвигая лопатки за спиной, ещё больше выпрямляя мою осанку.

Неожиданно стало как-то легко и тепло, словно меня наполнил летний воздух ласкового августа. В ногах ещё оставалась предательская слабость, и больше всего сейчас, ступая ему навстречу, я опасалась споткнуться. Боже, нет!.. Я этого не переживу!

Мы встретились. Я хотела сказать «привет», но вместо этого застыла с дурацкой улыбкой. А слова где-то потерялись на пути к устам, и голос увяз в голосовых связках. Резко пересохло в горле.

— Привет, — проговорил он, и его улыбка стала шире, обольстительнее, откровеннее.

— П-привет... — я сдавленно прокашлялась и проговорила снова. — Прости... Привет.

— Да... — кивнул он. — Шикарно выглядишь.

— Спасибо, — ответила я.

Господи, ну что это за дурацкое кокетство! Зачем я опустила глаза?!!

Я тут же поднял на него взор, и едва встретилась с его серо-зелеными глазами, как сразу посмотрела в сторону.

Я ждала, что он скажет дальше. Хм... А может это мне нужно говорить? Что там прс это говорила Лера?

Мои хаотичные мысли сейчас напоминали участников какого-то скандального ток-шоу, которые норовили переорать друг друга и забрызгать слюной насмерть всех несогласных.

— Сегодня оче...

— А почему ты... — я опомнилась, только когда, поняла, что он тоже начал говорить.

Я мгновенно заткнулась. Опустила взгляд. Лицо пекло от дурацкого неловкого момента. Мучительное чувство стыда вытесняло все мысли, тяжело пульсировало где-то в левом боку.

Мы постояли так секунду. Ну не молчи пожалуйста, подумала я. Ну, пожалуйста. Ну, скажи что-нибудь!

— Ты, наверное, хочешь спро... — начал он.

— Нет я, просто... — торопливо начала отвечать я.

Да чтоб тебя!.. Я закрыла глаза, глупо улыбнулась и снова опустила взор.

Ну зачем, зачем я опять открыла рот раньше времени? Я почти слышала голос Леры, свирепо орущий в моей голове:

«Заткнись! Заткнись и слушай его. Заткнись и ничего не говори, пока он не закончит

или не спросит тебя! НЕ ПЕРЕБИВАЙ ЕГО!!!»

Мы снова замолчали.

За моей спиной кто-то шумно говорил по телефону. Слышался хор хохочущих девушек на одной из шикарных яхт возле пирсов.

Мирон молчал. Кровь стучала на висках, кипела в голове. В животе собиралась каменеющая тяжесть. Ещё мгновение, и я рвану прочь отсюда настолько быстро, насколько смогу на каблуках. Я не могу больше этого выносить! Это самое дебильное начало первого свидания!

И тут он взял меня за руку.

Я несмело подняла на него удивленный, пугливый взор.

— Ника, — тихо, приятным низким баритоном произнес он, глядя мне в глаза. — Не волнуйся, пожалуйста...

— Это так заметно? — пролепетала я.

— Да, — он улыбнулся, и пожал плечами. — Но ничего страшного... Тебе это даже идёт.

— Ты серьёзно? — опасливо спросила я.

— О, да, — усмехнулся он и, повернувшись, увлёк меня за собой. — Идём.

Я позволила себя увести. Он держал меня за руку. Мы шли по пирсу мимо пришвартованных яхт. Он подвёл меня к катеру сине-белого цвета.

Катер напоминал собой голову какой-то хищной птицы. У его корпуса были острые, зализанные и агрессивные формы. Собственно, это, наверное, даже был не катер, а такая маленькая-маленькая яхта. Наверное. Я не знаю, я в них не разбираюсь. На борту катера заметила серебрящуюся под солнцем надпись "GRIZZLY".

— Прошу, — Мирон помог мне перейти по трапу на катер, зашел следом.

Я огляделась. Бросила взгляд внутрь кабины. Мы что поедем на катере? А где его водитель?

Мирон убрал трап. Обернулся ко мне с улыбкой.

— Проходи в кабину, — предложил он.

— У нас будет свидание на катере? — спросила я осторожно.

Зачем я сказала это слово? «Свидание».

Блин. Оно пахнет какой-то дурацкой условностью. «Свидание»...

— Я подумал, что прогулка на катере теплым августовским вечером — неплохая идея.

Я кивнула, оглядела катер.

— Да... — ответила я. — Идея супер. Я не ожидала...

Мог бы и сказать, между прочим. Я бы не стала платье с босоножками надевать. Надела бы что-то другое, более удобное для такой поездки.

— А кто поведет наше судно? — спросила я и чуть улыбнулась.

— Я, конечно, — ответил Мирон, слегка красуясь. — Но если хочешь, тебе дам порулить потом.

— Подожди, — я чуть нахмурилась. — А это... это твой катер?

— Ну, не совсем, — он пожал плечами. — Но на сегодняшний вечер да. Проходи.

Мы прошли в кабину. Судно чуть покачивалось на волнах реки.

Через окна внутрь проникали рассеянные лучи света. Мирон сел возле чёрного руля и пульта управления.

— А ты умеешь водить катер? — с уважением спросила я.

— А что там уметь? — пожал плечами Мирон. — Я их с детства вижу... У моего отца бизнес, связанный с ремонтом катеров и яхт.

— А... — только и сказала я. — Круто... Необычно.

Что? «Необычно», чёрт возьми?! И это всё, что ты можешь сказать?!

— Спасибо, — заулыбался Мирон.

Он щелкнул несколькими переключателями слева от руля. Дернул рычаг, напоминающий рычаг КПП в автомобиле.

Катер рыкнул, зафырчал и стал плавно, понемногу отходить от пирса.

Во мне дрожало и прыгало жгущее нервы беспокойство. И, вроде бы, все было хорошо, даже очень! Свидание обещало быть приятным, романтичным и... оригинальным.

Хотя я готовилась к тому, что меня банально пригласят погулять в парке с мороженым, и потом, в лучшем случае, угостят в каком-нибудь более-менее приличном кафе. Может быть, даже сводят в кино. Но я, видимо, не знала, с кем связалась...

Мы развернулись. Наш катер не спеша, грациозно поплыл меж рядов других судов. Я оглянулась назад. За нами светил ясный день, плескалась вода и пенился белый кильватерный след.

— Ну что? — сказал Мирон.

Я оглянулась на него.

— Я предлагаю погонять немного вдоль берегов, а потом перекусим, — он взглянул на меня. — Идёт?

Его серо-зелёные глаза блеснули задорным лукавством. Он усмехнулся, глядя на меня. Луч солнечного света озарила его лицо.

Блеск его усмешки вызвал у меня легкую оторопь.

И пусть эта его усмешка явственно отдавала нахальным самодовольством, я в данный момент готова была смотреть на неё так долго, сколько это было возможно.

— Так что ты думаешь? — спросил он своим чарующим, обольстительным голосом. — Едем?

— Д-да... Да, конечно, — ответила я, чувствуя поразительную, безмятежную и дурманящую легкость в голове.

Он кивнул, дёрнул рычаг справа от руля. Я почувствовала, как катер устремился вперёд. Меня чуть повело назад, прижимая к спинке сиденья. Я охнула от неожиданности. В груди возбужденно встряхнулось сердце и оживленно затрепетало.

— Держись! — с восторгом бросил мне Мирон.

Я кивнула, кротко улыбнулась ему. Скорость нарастала. Мягко крепло давление на мое тело. Я почувствовала, как во мне по венам, вибрируя, стремительно растекается крепнущее чувство подсакивающего адреналина.

Мирон прибавил скорости. Меня снова чуть качнуло назад, прижало к сиденью. Мы летели вперед, агрессивно рассекая волны. Мощно ревел мотор катера. За окном сияло солнце, голубело летнее бездонное небо и неслись городские высоты.

Весь остальной город был где-то далеко. А мы были одни. Мы были свободны! Мы были во власти яростной и дикой стихии движения!

В груди поселилось прочное и счастливое чувство невообразимой, бурной, бесконечной, безграничной свободы. Свободы нашего полета! Свободы выбора! Упоительной свободы скорости... Это чувство кружило голову и опьяняло. Это чувство было даже сродни наркотику. Оно проникало в душу, и заставляло её пламенеть от неудержимой, свирепой

любви к этому стремительному движению вперед!

Я давно не испытывала ничего подобного! Я готова была счастливо и безумно орать, одержимая бурным восторгом! И я не удержалась. Закричала. Громко, крепко, пронзительно, сильно, выпуская наружу переполненную восторженными чувствами душу.

Мирон не удержался, закричал тоже. Мы летели вперед по волнам, мимо города, мимо городской суеты, вдали от неё. Вдали от всех.

Вместе. Одни. Счастливые и свободные!

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть третья.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Вторник, 11 августа. Примерно то же время, что и события выше.

Длинный, широкий поворот закручивался вокруг скалистой горы, заросшей сухим кустарником, мелкой травой и редкими деревцами.

Из-за поворота внезапно вынырнул стоящий посреди проезжей части желто-зеленый фургон Toyota Hiace.

Сеня увидел стоящих возле автомобиля людей. Двое мужчин и две женщины. У желто-зеленого фургона мигали красным светом задние фары. Сеня увидел, что люди машут ему руками. У Арцеулова не было времени помогать им, но просто проехать мимо людей, у которых случились явные проблемы с автомобилем, он не мог.

Он остановил полицейский Ниссан Патруль перед фургоном возле обочины, за которой простирался густой лес. Вышел из автомобиля.

К нему подошел светловолосый мужчина в светло-зеленой футболке и джинсах.

— Добрый день, — произнес он. — Спасибо, что остановились... Понимаете, мы тут заглохли, и хоть ты тресни... Не знаю, что делать! Главное, почти новую тачку взял вот буквально на днях!.. Поехали отдыхать и такое!..

— Ясно, — Сеня обошел свой Ниссан, подошел к фургону.

Остановился перед открытым капотом.

Люди собрались вокруг него. Женщины смотрели на Сеню с надеждой. Мужчины выглядели растерянными и озабоченными.

Арцеулов заметил смотрящих в окна детей.

— Вот, что, — сказал он. — У меня, к сожалению, нет времени вам помогать, но я могу дотащить вас до городка «Туманный бор».

— «Туманный бор»? — переспросил мужчина в зеленой футболке. — Это не город. Там живет всего пара-тройка тысяч людей. Скорее, это посёлок.

— Да, — кивнул его стоящий рядом темноволосый приятель в белой рубашке. — Народ там промышляет фермерством и охотой. Люди там немного странные. Живут обособленно, хоть не так уж далеко от Москвы. Чужаков, я слышал, не жалуют, но мотели у них вполне уютные и персонал гостеприимный.

— Вы там были? — спросил Сеня. — Можете показать?

— Да без проблем, — пожал плечами мужчина в белой рубашке.

Сеня достал из багажника своего Ниссана трос, прикрепил его к сломавшейся Тойоте. Другой конец прицепил к кузову Ниссана.

Затем сел за руль. Мужчина в белой рубашке сел рядом с Сеней.

Когда он пристегнулся, его взгляд метнулся к зеркалу заднего вида, он помахал рукой своим. И тут заметил лежавшее на заднем сиденье помповое ружье Сени, его угрожающего вида, массивный Mossberg 590.

Попутчик Сени, нервно моргая, уставился на него.

— Спокойно, — Арцеулов достал из кармана джинсов свое удостоверение.

— Старший лейтенант Арцеулов, — представился Сеня.

— Понятно, — дрогнувшим голосом ответил обладатель белой рубашки. — А это... — он качнул головой назад, — у вас такое табельное оружие?

— Нет, ну что ты, — ухмыльнулся в бороду Арцеулов. — Это подарок.

С этими словами он завёл двигатель, переключил скорость и надавил на газ. Автомобиль устремился вперёд. Сеня гнал на максимально допустимой скорости. Он и так потерял время. А время работало на не них со Стасом.

Бревенчатые и дощатые дома «Туманного бора» показались из-за пухлых, заросших островками деревьев и мхом, покатых холмов у подножья гор и густого, дремучего леса.

Они проехали стоящую на въезде в поселение деревянную табличку, ярко раскрашенную пёстрыми цветами. На ней большими трафаретными буквами значилось: «ДОБРС ПОЖАЛОВАТЬ В ТУМАННЫЙ БОР!»

Сразу за приветствующей табличкой выстроились городские дома.

Большинство из них были двухэтажными. Некоторые имели только один. На улицах было совсем немного народу. А автомобилей ещё меньше. Здесь властвовала какая-то неприветливая, мрачноватая и даже тоскливая атмосфера. А лица редких прохожих, которых они встретили на пути, темнели от хмурой удрученности.

Всеобщая подавленность охватывала этот тихий, малолюдный городок, прочно опутав паутиной унылой безысходности.

И серая пасмурная погода, с висящими в небе дождливыми облаками усугубляла этот эффект.

Сеня смотрел в окно на старые, ветшающие здания. Они выглядели довольно опрятно, хозяева следили за своими жилищами. Но увы время брало своё. Покосились заборы, стены обрастали мхом и дикими вьюнами. Дворики вокруг домов зарастали армиями сорняков. У многих домов были выбиты окна. У некоторых были видны чернеющие следы опалин. У других были побиты ступени крылечек.

Дороги здесь тоже были не ахти, с ямами и выбоинами.

Сеня оставил владельцев Toyota Hiace возле ближайшей автомастерской. Благодарные люди хотели расплатиться с ним парой тысячных купюр, но Сеня отказался.

Во-первых, он не считал, что сделал что-то выдающееся. А во-вторых, ему никогда не нужны были чужие деньги. Своих вполне хватало.

Сеня припарковал автомобиль возле одного из баров, показавшегося ему более-мене приличным. Это было длинное двухэтажное здание с громадной двускатной крышей, под центром которой громоздилась массивная вывеска.

«Пыльное колесо» было написано размашистыми, прописными буквами темно-вишневого цвета.

Фасад здания бара был отделан сайдингом из темно-бурых досок.

Перед входом в бар стояло чуть больше десятка грузовиков, пара внедорожников и пять штук мотоциклов.

Сеня вышел из автомобиля, включил сигнализацию. Подходя к бару, он окинул стоящие рядом байки оценивающим взглядом.

Презрительно хмыкнул. С его элитным кастом-байком эти говновозки даже рядом не валялись. Толкнув шаткую дверь бара, Сеня вошел внутрь.

В просторном, но темном помещении обильно воняло табаком и бензином. Из динамиков радио звучала группа «Алиса» со своим категоричным «Вот так». За столиками сидело несколько небольших, но шумных компаний. Когда вошел Сеня, многие обернулись на него, окинули изучающими взглядами. Большинство, оценив рост и габариты Арцеулова, сочли за лучшее отвернуться и уткнуться в стол.

С бородатым здоровяком, выглядевшим, как старший брат Тора, никто связываться не желал.

Сеня прошел сразу к бармену. Это был сурового вида крупный мужчина. Он носил длинные, темные, но седеющие волосы. У него было широкое лицо, крупный нос и мелкие, глубоко посаженные глаза. Его рот с сухими губами скривился при виде Арцеулова. Бармен опустил взгляд на стойку, начал неспешно её протирать.

Арсений понимал и чувствовал, что ему здесь не рады.

Собственно, ему на это было откровенно начхать, если не сказать грубее.

Подойдя к барной стойке, он постучал по ней пальцами, привлекая внимания бармена. Тот с неохотой взглянул на него.

Сеня заносчиво кивнул ему.

— Как жизнь? — спросил он.

— А тебе то что? — проворчал бармен.

— А че ты такой неприветливый?

— А я ментов не люблю, — губы бармена скривились ещё больше.

— А ты с чего взял...

— Да на роже твоей бородатой крупным шрифтом написано, — пробурчал бармен.

Арцеулов хмыкнул, ухмыльнулся.

Обычно ему приходилось доказывать, что он не просто из полиции, а из Уголовного розыска. Особенно всяким седым пенсионерам. Ведь в их глазах он сам типичнейший уголовник.

— Ладно, — нехорошо усмехнулся Сеня. — Засунь свою вежливость поглубже. Меня это всё равно не волнует. Где находится клуб «Горный путь»?

Последние слова явно оказались какими-то магическими.

Первое, бармен перестал протирать бокал и просто замер, испепеляя Арцеулова недобрым взглядом. Второе, в помещении неожиданно смолкла музыка. И третье, несколько самоуверенного и отчаянного вида громил с уголовным прошлым на лицах, встали из-за стола и направились к стойке. Они окружали Арцеулова узким полукругом.

Сеня это видел. И он приготовился.

— Слушай, бородач, — один из окружавших его мужчин, крупный с сальными, жидкими волосами и топорщившимися под носом усами встал рядом. Он облокотился на стойку с агрессивной претензией глядя на Сеню.

— Ты чего сюда припёрся, легавый? Чего ты здесь забыл?!

Сеня отвел взгляд от бармена, взглянул на говорившего усача.

Тот был одет в изношенную красно-зеленую, клетчатую рубашку, из-под которой выглядывала не первой свежести майка.

На ногах он носил потертые, старые джинсы и битые, обтесанные о камни ботинки с засохшими кусочками грязи.

— А тебя кто уполномочивал мне вопросы задавать? — смерив его взглядом, спросил Сеня.

— Слышь, мамонт бородатый, ты че не врубаешься?!.. — к нему, выпучив глаза приблизился один из мужчин, одетый в растянутую, измятую футболку с пятнами.

— Закрой капот! — рявкнул Арцеулов, чуть обернувшись назад.

Любитель носить несвежие футболки пугливо попятился, бросая взгляды на приятелей.

— Слушай, полицейский, — прорычал усатый, — у нас тут всё тихо. Мирно себе существуем. Лес валим, охотимся и овощи выращиваем. Нечего у нас тут ошиваться. Лучше проваливай по-хорошему.

— С удовольствием, — в тон ему прорычал Арцеулов. — Только в клуб «Горный путь» загляну и сразу свалю.

— А неча туда заглядывать! — глядя на Сеню исподлобья, прогудел усач. — Сгорел он давно, и дело с концом!

Стоящие вокруг Сени мужики сердито загомонили, кивая головами.

— Я уеду, — сказал Арцеулов, когда они все замолчали, — когда осмотрю место пожара. И чем быстрее я узнаю, где это место, тем быстрее я покину ваш занюханый городишко.

Усач зло оскалился, обнажив желтые зубы и язву на нижней губе.

— А может тебе помочь, собака ментовская?

Арцеулов, чувствуя, как гнев внутри трясет прутья клетки благоразумия, ощерился в ответ.

— А ты не надорвешься, лесоруб?! — ухмыльнулся Сеня, чувствуя подступающий воинственный азарт.

— И не такие дубы вместе валили! — прорычал в ответ усатый.

Как он и ожидал, его сначала атаквали сзади.

Пузатый, лопухий мужик с висячими, как у бульдога щеками, занес руку для удара. Сеня не глядя выбросил назад ногу.

Мощный удар отбросил «бульдога» назад, он врезался в стол, сшиб его и развалился в обломках, тихо постанывая. Усач выхватил нож, полоснул воздух. Сеня увернулся. Перехватил следующий удар, вывернул руку усача, надломил, услышал хруст. Усач заорал. Арцеулов, взяв его за шиворот перебросил через стойку к опешившему бармену. Кто-то закричал. Послышалась грязная брань.

Пару человек выскочили из заведения, хлопнув дверью.

На Сеню ринулись новые противники. Арцеулова это не смутило. Уж что-что, а драться старший лейтенант Арцеулов умел отлично! А уж при его-то физической силе легко мог справиться с кучкой охамевших работяг.

Обладатель мятой футболки замахнулся на Арцеулова молотком.

Сеня увернулся, изловчился, ударил хозяина молотка локтем в грудь и сразу кулаком в челюсть. Любитель махать молотком рухнул на пол, не шевелясь. Патлатый мужик с топором в руке, хрипло крича, прыгнул со стола на спину Арцеулова.

Сеня схватив табурет, «отбил» летящего на него противника.

Тот отлетел к стойке, врезался в неё, сбил на пол посуду. По полу со звоном разлетелись осколки бокалов и шотов. Арцеулов увидел, что один из мужчин, в широких спортивных

шпанах и тельняшке выхватывает массивную монтировку. Сеня ухмыльнулся.

Его бойцовский инстинкт подстёгивал, распял его. Ему хотелось этой драки, хотелось почесать кулаки о чьи-нибудь ребра. Теперь он мог себе в этом признаться.

Увернувшись от двух ударов монтировкой, Сеня перехватил руку нападавшего и быстрым броском опрокинул его на пол.

Монтировку он забрал себе. Ударил ею по ноге следующего противника, тот упал, завыл, держась за ногу. Следующий было выхватил нож, но затем бросил на пол и поднял вверх дрожащие ладони с растопыренными пальцами.

— Не надо! Я сдаюсь! — вскричал он. — Пожалуйста!.

Сеня подошел к нему. Мужик в страхе попятился. Его красные от частых запоев глаза, выпучившись, таращились на Сеню.

Арцеулов упер конец монтировки ему под бороду и прорычал:

— Где мне найти клуб «Горный путь»?

— Так он сгорел... — чуть не плача, проговорил несчастный, перепуганный мужик.

— Где мне найти то, что от него осталось?

— Сразу за городом... на горе... рядом со лесопилкой...

— Спасибо, — Сеня похлопал перепуганного фермера по щеке. — Видишь? Совсем нетрудно быть отзывчивым и милым.

Он вернулся к бармену. Тот пытался поднять с пола стонущего усача.

Увидев приближающегося Сеню, бармен отпустил обладателя неряшливых усов и выпрямился, уставившись на Арцеулова настороженным взглядом.

Сеня встал перед стойкой. Посмотрел в глаза бармену. Тот с опасением ждал. Арцеулов почесал монтировкой бритый затылок и кивнул на шкафчик с алкоголем.

— Плесни-ка мне пятьдесят грамм бренди, — сказал он.

Бармен кивнул, торопливо исполнил сказанное, поставил перед Арцеуловым широкий бокал с бренди.

Сеня осушил его залпом, и кивнул.

— Сколько?

Бармен затряс головой.

— За счет заведения... господин полицейский.

— Правда?

— К-конечно, — заикаясь кивнул бармен. — Добро пожаловать в «Туманный бор».

— У вас тут мило, — с издевкой ухмыльнулся Сеня.

Он развернулся, неспешным шагом направился к двери.

Один из поверженных противников, до этого пытавшийся тихо уползти на четвереньках, тут же плюхнулся на живот, и закрыл глаза.

— Лучше лежи, пока я не уеду, — мрачно посулил Сеня.

Он вышел из бара. Возле заведения толпилась небольшая кучка местных мужиков. У некоторых Сеня увидел в руках вилы, палки, кувалды, ножи. Арцеулов остановился. Обвёл толпу фермеров суровым, изучающим взглядом.

Стояла тишина. Его окружали злые, но заметно испуганные лица. В глаза Сене никто смотреть не решался. Но никто и не убегал. Стояли толпой человек в пятнадцать, жались друг к другу.

Сеня направился к своему внедорожнику. Фермеры, чуть погода ринулись за ним.

Арцеулов слышал их. Он дошел до машины. Бросил монтировку на землю. Открыл

дверцу, с заднего сиденья достал ружье, обернулся и красноречиво показательно передёрнул затвор.

Фермеры, пригнув головы, поспешили разойтись.

— Мудро, — кивнул Сеня.

Искомую лесопилку он нашёл быстро. Как и высившуюся за ней гору.

Проезд на гору был закрыт, но Арцеулов просто снёс машиной деревянное, самодельное заграждение. Он ехал по безлюдной, дикой, заросшей кустарником, травой и деревцами ухабистой дороге. Его автомобиль слегка потряхивало. Сеня не спешил. Вёл аккуратно, осторожно. В нём ещё бурлил злой азарт пережитой драки. С его губ ещё срывалось лихорадочное, хищническое дыхание.

Арцеулов знал, что когда распаляется, ему бывает трудно остановиться. Он это знал и научился контролировать эмоции, в большинстве случаев.

По мере того, как он взбирался вверх по горной давно заброшенной дороге, вокруг него собирался и густел расплывчатый туман. Туманные, сырые, бесформенные облака наползали с вершин горного хребта, вдоль которого двигался автомобиль Сени. Местность вокруг стремительно дичала, вскоре его Ниссану пришлось буквально продирааться через сухорукие ветви разросшихся здесь кустарников.

Автомобиль с треском довольно легко ломал ветки растений, давил их колесами, вдавливая в каменистую почву.

Сеня вглядывался вперёд. С прищуром, кривясь, всматривался в водянисто-серые слипающиеся клочья вязкого тумана.

Туман охватил его автомобиль, лип к окнам, заволакивал обзор.

Арцеулов включил фары. Мощный ближний свет яркими лучами пронзил плотную, неподвижную массу тумана. Ехать стало немного удобнее. Дорога стала виднее.

Тающие в тумане лучи яркого света фар выхватывали отдельные обрывки окружающей местности.

Арцеулов выругался. Завеса тумана начинала раздражать его. И в то же время она вселяла колкое беспокойство. У Сени даже на некоторое время появилось навязчивое чувство, что из тумана за ним кто-то пристально следит. Или что-то. По коже мускулистой шеи Арцеулова маршем побежали щекотные мурашки. Неприятные, въедливые мысли царапали сознание, вселяя нервозность.

Арцеулов вздохнул. Беспокойство разбухало в груди, а теперь ещё и наполняло напряженной тяжестью мышцы живота.

Туман неохотно, лениво расступался перед медленно едущим полицейским внедорожником.

— Как же они тут взбирались то! — проворчал Сеня, думая о членах клуба «Горный путь».

В Воскресение они со Стасом выяснили, что предыдущие жертвы черно-белого убийцы, мнящего себя божеством баланса и равновесия, состояли в этом самом альпинистском клубе. И пока Стас и Коля сегодня работали со свидетелями, Арсению было поручено найти здание клуба и осмотреть. По возможности поговорить с кем-то о том, что там случилось. Потому как к удивлению того же Корнилова никакой вразумительной информации по этому клубу почти нет. А та, что есть, относится ещё к советским временам, и из неё они узнали только, что здание клуба находится в одной из подмосковных, тихих глубинок.

Из тумана выплыл старый, металлический указатель с буро-рыжими пятнами

ржавчины.

«Альпинистский клуб Горный путь 400 м».

— Да вы рехнулись... — проворчал Сеня. — Вашу мать... ещё почти полкилометра ползти в этом вареве кисельном...

Но выбора не было. На улиточьей скорости Сеня продолжал осторожно вести внедорожник по горной дороге. Через некоторое время он начал чувствовать нарастающее изменение давления.

Похоже, он уже довольно высоко взобрался. У Арцеулова начало понемногу закладывать уши. Что-то быстро прошуршало вниз по склону горы.

Сеня пригнув голову к окну, с опаской взглянул вверх. Но гора сверху так же была почти вся плотно скрыта под многослойным туманом.

Арцеулов ехал дальше. Под капотом размеренно шумел двигатель, а под колёсами внедорожника шуршали ломающиеся сухие ветки и мелкие камешки.

Сверху опять послышался шумный шорох. Арцеулов в окно увидел несколько скатившихся вниз камешков и бульжников побольше.

Сеня снова внимательно и настороженно поднял взгляд вверх.

Мгновение изматывающего, тревожного ожидания. Что-то с силой ударило по капоту, застучало по крыше. Несколько камней ударили по лобовому стеклу, оставив паутины трещин.

Сеня выругался, дал по газам. Над ним сверху послышался раскатистый надламывающийся треск и гулкий грохот. Рокочущее эхо разнеслось над горой, сотрясая туман. Арцеулов рыча свирепые ругательства, прибавил скорости. Автомобиль вздрагивал, сиденье под ним казалось усиленно пульсировало. Дрожали стекла окон!

Руки Сени чувствовали мощную вибрацию руля! Дорога сотрясалась от титанических ударов! Казалось, дрожал даже воздух вокруг и небеса вверху!

Сеня боялся давить на газ. Туман по-прежнему заслонял видимость, дороги он не видел и боялся сверзиться вниз.

Но альтернативой было погибнуть под горным оползнем. Удары исполинских бульжников о землю напоминали залпы артиллерии.

В зеркале заднего вида Арцеулов видел, как позади него на дорогу шквалом сыплются гигантские камни.

Они падали так стремительно, вырастая насыпями каменных куч, словно ничего не желали так сильно, как размозжить полицейский Ниссан.

Арцеулова трясло и болтало, на него буквально рушилась стена скалы, осыпая дорогу громадными обломками. Серо-желтая пыль смешивалась с туманом. Грязь залепила окна, Сеня включил дворники. Видимость была отвратительная.

Несколько раз камни падали так близко, что царапали корпус внедорожника. Сцепив зубы, напряженно глядя вперед, Сеня гнал автомобиль вперед, понимая, что скорость даст хоть какие-то шансы. Если он будет медлить, его засыплет и раздавит!

Он успел заметить крутой поворот. Пришлось чуть сбросить скорость. Тут же последовала расплата. Крыша автомобиля просела от нескольких мощных ударов. Арцеулов выкрикнул ругательство, помянув мать тех, кто построил здание клуба в горах.

Обвал продолжал сотрясать мир и туман вокруг него.

Стекла автомобиля, точно вены, расчертили кривые трещины.

Левая фара погасла. В корпус автомобиля слева пришелся мощный удар. Автомобиль

качнуло вправо. Заднее правое колесо вдруг просело. Сеня бросил взгляд в зеркало.

В разрывах тумана он с ужасом увидел край обрыва, за которым была лишь крошечная пустота.

Ниссан подпрыгнул на чем-то прямо на ходу, ударился об землю. У Сени клацнули зубы и сиденье скрипнуло под ним.

— Чтоб тебя!.. — выкрикнул он. — Мать... же... вашу...

Плоский кусок скалы врезался в землю перед капотом автомобиля.

Сеня едва успел свернуть.

Гора низким басом рокотала над ним. Это было похоже на разрывы грома в грозových тучах.

Сеня прибавил скорости. Внедорожник, подсакивая, летел вперёд. Камни с громopodobным грохотом били по дороге. На глазах у Сени часть дороги впереди, просто рухнула под тяжестью упавших камней. Он быстро свернул. Автомобиль занесло. Он успел проскочить между обрывом и стеной горы, по узкой уцелевшей части дороги. В зеркале он увидел, как и этот узкий участок осыпался вниз безжизненными обломками.

Он давил на газ. Смерть спешила за ним шквалом мощных ударов гигантских камней. Камни доставали автомобиль. Со скрежетом царапали двери, кузов, крышу. Несколько раз Ниссан едва не соскальзывал вниз с края обрыва. Несколько раз кровь прилиwała к лицу Сени, несколько раз удары сердца гонгом звучали в голове.

Пульс вибрировал в крови, напряжение сдавливало череп и ребра.

Сеня рвался вперёд, он стремился спастись.

Туман впереди вяло растекся и растаял.

Арцеулов поздно заметил острый край обрыва впереди. Он затормозил, выворачивая руль влево. Машину занесло, развернуло на девяносто градусов. Покрышки завизжали по каменистой почве, вверх над внедорожником поднялось облако серой пыли.

Каменная крошка застучала по стеклу, по корпусу автомобиля.

Не успел Сеня ничего предпринять, как сверху на Ниссан рухнул объемистый булыжник.

Автомобиль содрогнулся от мощного, как апперкот, удара.

Корпус развернуло, качнуло вправо, правые колеса внедорожника повисли над пустотой. Ниссан накренился вниз.

Сеня увидел парящие над бездонной пропастью прозрачные облака пыли и тумана. Новый удар в корпус. Ниссан встряхнуло.

Сеня быстро отстегнул ремни безопасности. Схватил ружье, накинул ремень на плечи. Автомобиль качнуло вниз, перевернуло. Арцеулов вжался в сиденье, держась за ручку сверху, на крыше.

Ниссан рухнул вниз, ударился о выступ скалы внизу.

Раздался мощный скрежет, грохот, скрип и лязг.

Сеню остервенело несколько раз встряхнуло. Осколки окон засыпали салон, оцарапали лицо Арцеулова. Правая часть кузова смялась, съезжилась.

Сердце Арцеулова требовательно било в грудь. Дыхание ломилось через рёбра, стискивало грудь. Ещё удар, ещё. И снова. Автомобиль по торчащим из скалы островкам плоских выступов падал вниз.

Его несколько раз перевернуло. Смялась крыша. Гармошкой сложился капот. Сиденье под Сеней надломилось, его качнуло назад. На него посыпались фрагменты салона, обломок

«торпеды» ударил по лбу.

Арцеулов, сцепив зубы, терпел неистовые удары падения.

Автомобиль в последний раз перевернулся и остановился, со скрипом покачиваясь.

Сеня, часто дыша через нос, смотрел перед собой.

Он чувствовал кровь на лице, на висках, на лбу. В крови были его руки. Сильно саднило левое плечо. Жаркая нервная испарина пропитала его тело. Сердце гремело в груди, колкими тычками бился пульс в венах.

Автомобиль больше никуда не падал. Кузов лишь лениво покачивался с протяжным, слабым скрипом, похожим на стон.

Арцеулов пошевелил ногами, пальцами рук, двинул плечами, повернув голову. Тело болело, но все суставы и кости вроде были целы. Сеня осторожно выбрался из автомобиля.

На четвереньках выполз через разбитое окно. Это было нелегко, учитывая крупные габариты его мускулистого тела. Он поднялся, морщась от боли в ушибленных местах. Отряхнул ладони, обернулся на свой автомобиль. Ниссан был уничтожен.

Крыша вогнута вниз, окон нет, Передняя часть кузова разломана, выпотрошена. Цилиндры турбо-дизельного двигателя торчат наружу, на проводах повис карбюратор и почти вывалился аккумулятор. Остальное обратилось в хлам.

Колес у внедорожника больше не было, как и самих осей тоже.

Кузов помят, избит, искалечен до кошмарного состояния. Арцеулов закрыв глаза, вздохнул, отвернулся. Начал осматриваться.

Он стоял на плоском скалистом выступе. За краями выступа плавал полупрозрачный туман, а за ним далеко внизу темнел лес и земля.

Сеня с хмурым видом посмотрел вверх. Делать нечего, придется лезть. Спуститься вниз он здесь всё равно может только одним способом, и он ему категорически не подходит. Из машины Сеня осторожно достал тот самый трос, с помощью которого буксировал людей на желто-зеленой Тойоте. Трос можно было использовать, если придумать, куда и как его забросить. Сеня придумал. Благо выступов, угловатых наростов и торчащих из скалы толстых корней горных деревьев было немало.

Он намотал на конец троса одну из отломанных деталей кузова уничтоженного Ниссана. Эта деталь стала заменой крюка-кошки.

Подумав, Сеня оборвал с сидений автомобиля торчащие лоскуты кожаной обшивки. Он туго обмотал ими ладони. Это поможет ему на ободрать ладони до мяса. Арсений, определив место, закинул трос на ветви деревьев и горных кустарников. Дернул для убедительности, потянул вниз. Держится. Арцеулов обмотал другой конец троса вокруг поясицы и начал взбираться вверх. Взбираться по отвесной скале его научили в армии. Больших проблем с этим у него не было. Гораздо больше беспокойства добавляли то и дело сыплющиеся с высоты камни. Он слышал, как остатки оползня все ещё валяются вниз с басовитыми, мощными и гулкими ударами.

Звуки ударов камней дрожали в тумане, взлетали в высоту.

Рядом с взбирающимся Сеней по отвесной стене скалы то и дело с шорохом скатывались мелкие камешки и булыжники размером с детскую голову.

В воздухе пахло горечью горной пыли, чувствовался влажный привкус сырого тумана. Налетающие порывы горного ветра охладили кожу лица, обдували саднящие раны на теле.

Сеня упорно взбирался наверх. Осторожно переставляя ноги, внимательно нащупывая руками все трещины и выступы, за которые можно ухватиться, он поднимался обратно вверх.

Над ним и вокруг него все так же густел туман. Сеня физически чувствовал пугающую, бестелесную, стылую пустоту. Острое ощущение опасной высоты стелилось по спине, обволакивало тело. Опасения мешали сосредоточиться, мешали правильно выбрать путь вверх.

Помповое ружье болталось за спиной.

Арцеулов уже почти добрался до засыпанной камнями горной дороги, по которой он ехал, когда услышал голоса. Резкие, короткие обрывки разговора.

— Где он? — судя по эху человек, который это крикнул, был далеко наверху.

— Не знаю, — этот голос прозвучал тише.

— Вроде его тачка рухнула вниз?

— А че не взорвалась тогда?

И правда, подумал Сеня, странно. Больше он их не слышал. Но Арцеулову этого было достаточно. Ему не требовалось долго думать, чтобы понять, кто эти люди, и что стало причиной внезапного горного оползня. Жители «Туманного бора» оказались куда более злопамятными, раз попёрлись за ним так высоко и далеко.

Ну ничего. Патронов у него достаточно...

Арсений подавил разгорающуюся внутри волну гнева.

Свою ярость он на них непременно обрушит. Но позже, при случае.

Сеня огляделся. Горная дорога почти полностью была засыпана камнями и обломками скалы. Были нетронутые участки у края дороги, но идти по краю, явно не вариант.

Сене пришлось с великой осторожностью перебираться вперёд прямо по высоким кучам камней.

Он был наготове. Прислушивался ко всем подозрительным звукам.

Но их в горном тумане было не так уж и много. Казалось, плотная, вязкая, серо-белесая масса тумана поглощала все звуки гор.

Разве только ветер с воем вился вокруг скал и трепал стебли горных растений.

Сеня взобрался на очередную гору камней. Здесь у него из-под ноги резко выскочил скользкий камень. Арцеулов потерял равновесие и чуть не скатился кубарем вниз. Но он успел удержаться. Сеня грязно, смачно выругался. И тут же отругал себя за несдержанность. Его могли услышать.

Через минут сорок продвижения по горной дороге он наткнулся на ещё один старый, проржавевший указатель.

«Клуб «Горный путь» 100 м».

— Отличная новость, — проворчал Сеня, вытирая пот с лица.

Дальше дорога была свободной, в том смысле, что её не завалило грудями скальных пород. Но никто не отменял заросли кустарника, который разросся на горной дороге к зданию клуба.

Ветки царапали, рвали одежду, цеплялись за обувь.

— Хоть бы с**и дорогу канатную построили! — проворчал Сеня, думая, о том, что альпинисты этого клуба явно имели определенную склонность к мазохизму.

Ступая по каменистой почве, ломая ногами ветки низких кустарников, Сеня дошел до подвесного моста. Прежде, чем ступить на него, он несколько раз тронул покачивающиеся над пропастью доски. Вздохнул и осторожно двинулся вперед. Он настороженно ступал по толстым доскам довольно примитивного моста.

Мост качался от каждого шага Сени. Каждый его шаг отзывался протяжным, скрипучим

стоном толстых канатов моста.

Сеня старался не думать о пропасти внизу под мостом, что пряталась за завесой облачного тумана. Туман скрывающий ужас высоты, лишь усугублял пагубное и пугающее впечатление.

По лицу Сени скатилось несколько капелек пота. Доски под ногами выглядели трухлявыми и ветхими. Приходилось тщательно взвешивать каждый шаг и стараться правильно распределять свой вес. Это был тот случай, когда его немалая масса могла оказаться для него фатальной.

Шаг, ещё шаг. Мост покачивается. Веет стылый, влажный ветер. Канаты моста поскрипывают в туманной тишине гор. Сеня с опаской, осторожно движется вперёд. Чувство высоты и осознание собственной уязвимости внушает беспощадный ужас.

Сеня умел держать страх в узде, а вот эмоции не всегда.

И пока добрался до другого конца моста, использовал много разных слов из своего лексикона.

— Поразвешивают всякую х**** по горам! — ворчал он сквозь зубы. — Идёшь, ***ть, не знаешь каким богам молиться, чтобы не нае*****ся!.. Не могли ***ть нормальный мост что ли сделать! Ленивые уроды! Мазохисты-самоучки, мать их!

Сеня перебрался на другую сторону пропасти и, обойдя закручивающийся широким полукругом поворот, наткнулся на темный, вздымающийся над дорогой силуэт здания — высокий, прямоугольный, широкий. Он плавно, неторопливо проступал сквозь невесомую завесу слоев тумана.

Арцеулов снял ружье с плеча. Напряженно вслушиваясь в безмолвие, расстилающееся вокруг, Сеня ступил дальше. С его губ срывалось чуть прерывистое, горячее дыхание. Арцеулов старался дышать размеренно, осторожно, тихо. Тишина кружила вокруг него, замирала в бесформенных, размытых образах тумана. Он слушал тишину, вслушивался в туманное безмолвие. Старший лейтенант слушал басы своего сердцебиения и шорох каменной крошки под ботинками. Указательный палец правой руки Сени лежал на спусковом крючке помпового ружья. Меж лопаток, на спине залегло тянущее напряжение. Оперуполномоченный двигался к силуэту здания.

Туман расступался, и через него просачивались отдельные фрагменты дома. Они были ещё расплывчатыми, размытыми, но уже можно было различить старую каменную кладку, очертания высоких, старинных окон и темные полосы металлической ограды вокруг. Высокие, заостренные сверху металлические прутья ограждения выплыли навстречу Арцеулову. В центре ограждения были ворота, по виду когда-то очень давно. Сейчас здесь одна створка ворот лежала на земле, а вторая обросла какими-то дикими горными растениями и повисла на одной петле.

Сеня вошел в ворота. Туман вокруг него растворялся, исчезал, медленно, уступчиво испарялся. Туман нехотя выпускал из себя фрагменты окружающего мира: темный грунт земли, голые деревья с крючковатыми ветками, старые статуи, покрытые вьюном и лишайником.

Здесь витал странный запах. Горький. Едкий. Кислый. Раздражающий... Здесь в тумане висела вонь чего-то горелого. Вонь пожарища. Гигантского, масштабного пожарища.

Странный силуэт проступил в тумане на фоне образа дома.

Сеня подошел ближе. Силуэт темнел. Похоже, это было дерево. Такое же, как и многие другие вокруг. Только на его ветвях как будто повисло что-то. Не то мешок, не то какие-то

вещи.

Сеня подошел ближе и остановился. Его рот, дрогнув, приоткрылся.

Это действительно было дерево. Но его ветках висел не мешок и не вещи. Это было тело человека. Обгорелое, истлевшее, давно сгнившее тело мертвеца. Оно было нанизано на одну из ветвей.

Конец ветки выглядывал прямо между ребер мертвеца. Костлявые руки неестественно свисали вниз. Ноги отсутствовали до колен. Кости ступней и голеней лежали здесь же, между корнями старого дерева с серой безжизненной корой. Оно было мёртвым, как и тело на его ветвях.

Арцеулов поднял голову. Дерево стояло аккуратно под окнами третьего этажа здания.

Мог ли человек оттуда прыгнуть вниз и упасть на дерево? В принципе, да.

Сеня перекрестился и пошёл дальше. Через несколько шагов он увидел ещё одно тело. Мертвец распластался на разбитой брусчатке, раскинув конечности в разные стороны. Нижняя челюсть отвалилась, съехала набок, образовав подобие дурашливой, пугающей улыбки у скелета в истлевшей одежде. На его костях ещё виднелись зачерствевшие и задубевшие остатки разложившихся тканей.

Арцеулов снова перекрестился, с досадой покачал головой. Что, чёрт возьми, здесь произошло? Сеня был довольно смелым, отчаянным и храбрым человеком. Но даже ему это укутанное коварным туманом и обвитое застывшей тишиной место со следами мучительной гибели людей внушало мрачное и удручающее уныние.

За его спиной что-то тихо прошелестело. Сеня порывисто обернулся, вскинул ружье, затаил дыхание. Сердце в груди застучало тревожнее. Кожа на лице и шее пропиталась пульсирующим, нервным теплом. Напряжение сковало мышцы в конечностях, затвердело в позвонках.

Ему показалось, что он увидел какой-то силуэт во тьме.

У Сени сбилось дыхание. Но присмотревшись, он понял, что это всего лишь странное изогнутое дерево. Сплюнув себе под ноги, он снова развернулся к дому. Подошел к самому крыльцу.

Здесь облака тумана уже не скрывали старый дом.

Судя по уцелевшим фрагментам и архитектурным элементам это было старинное поместье. Оставленное, забытое, давно погибшее в зареве пожара.

Сеня оглядел его фасад. От него не так уж и много осталось.

Левая часть осыпалась унылой грудой камней, досок и черепицы.

Обломки стен были покрыты черными пятнами сажки. Похожая на следы прикосновения сверхъестественной тьмы сажка вылезала наружу через провалы пустых окон. Пятна копоти покрывали торчащие в высоких рамах запыленные осколки стекол. За ними Сеня видел обвалившиеся стены дома, разломанные доски, обломки мебели, обрывки пожелтевших бумаг, поблескивающие осколки стекла и ошметки ковров.

Он поднялся по разбитым ступеням. Вошел в парадный вход. Двери лежали на полу — треснувшие в нескольких местах, полусгоревшие, почерневшие и разошедшиеся. Прогорклый, саднящий, солоновато-кислый стойкий запах гари обитал в здешних руинах.

Сеня остановился, стоя внутри здания. Похоже, клуб «Горный путь» действительно располагался в старинном поместье. Его взору предстала пугающая и будоражащая картина. Он стоял в самом центре здания и медленно осматривал его ошарашенным взглядом.

Он смотрел на обгоревшие изнутри стены огромного дома.

На них ещё оставались съезжившиеся обрывки обоев. Под обоями проглядывала почерневшая каменная кладка. Сажа жирным слоем покрывала ее поверхность.

Арцеулов смотрел на обломки перекрытий обвалившихся этажей.

Он увидел на окне второго этажа обгоревшие, повисшие почерневшей тряпкой старые шторы. По стенам вниз мёртвыми змеями свисали спутанные провода. На одной из уцелевших плит пола второго этажа остались лежать несколько битых, покрытых всё той же чёрной сажой компьютерных мониторов. С проломленного пола третьего этажа черными тряпками свисали обрывки ковровых покрытий.

Он подошел к широкой центральной лестнице. Она более-менее сохранилась, только была сплошь засыпана полусгоревшими, обугленными останками мебели и обломками с верхних этажей.

Сеня осторожно начал подниматься по ней вверх. Он оказался в пролете между первым и вторым этажами. Здесь он увидел лежащие на полу рамки для фотографий. Самих фотографий не было. Вместо них сгоревшие горсти пепла возле почерневших рамок.

Туман расступался, светлел. Арцеулов поднялся выше, ступил на покосившийся пол второго этажа. Половицы под его ботинками протяжно закрипели. Он осторожно шел вдоль разрушенной, сгоревшей стены комнаты. Здесь в пол вонзилась и, пробив его, застряла исполинская люстра, сделанная под старину. Почерневшие, закоптившиеся осколки её ламп засыпали пол со следами опалин.

Здесь не было целых окон. Вместо них остались пустые рамы с острыми почерневшими осколками. То, что когда-то было диваном, превратилось в сожженный хлам.

Сеня, аккуратно ступая по полу, прошел в следующую комнату.

Удивительно, но её дверь, хоть и обгорела, осталась на месте. Он открыл её и застыл на пороге, не в силах больше ступить ни шагу.

Он смотрел перед собой и на несколько мгновений забыл дышать, а его сердце забыло биться.

Наверное, раньше это был зал. Большой, просторный, шикарный зал, занимавший всю половину второго этажа. Зал для торжеств и празднеств. Зал для собраний. И они все были здесь.

Пол уцелел большею частью. И они лежали на полу. В ряд друг с другом, иногда друг на друге. Обгоревшие, обглоданные огнём до костей, покрытые пеплом и сажой, изуродованные человеческие тела. Они застыли на полу в разных позах. На боку, на животе, с согнутыми коленями. У многих обугленные черепа остались с кусками съезжившейся кожи, застыли в немом крике разинутые рты.

Некоторые лежали у стен. Кто-то дополз до окон и там остался.

Кто-то встретил гибель прямо возле обломков пожарного щита.

Некоторые полулежа сидели вдоль противоположной стены, свесив головы на грудь.

Прежде, чем Сеня обрел способность дышать и мыслить, прежде, чем его замершее сердце, истово забилося в груди, он заметил одну общую деталь. У них у всех до единого были связаны за спиной руки. У всех. У некоторых были заметны обгоревшие путы и на ногах.

С пульсирующей кровью в висках в голову Сени проникало страшное, потрясающее кошмаром осознание случившегося.

Это было убийство! Массовое убийство нескольких десятков людей!

Им связали руки. Их сложили на пол. Их сожгли живьем.

Их черепа до сих пор кричат от ужаса и боли. Их тела застыли в разных позах, в навеки запечатленных последних попытках спастись.

Они сгорали здесь, крича и воя от боли, плача от ужаса, прощаясь с любимыми, моля о спасении. Они сгорали здесь одни, без помощи, без надежды... Связанные и обреченные на мучительную гибель. Обреченные чувствовать и наблюдать, как огонь пожирает их одного за другим. Их обрекли смотреть на ужасающую смерть друзей и ждать, когда пламя доберется до них.

В углу зала, Сеня увидел ещё одно доказательство очевидности произошедшего. Две погнутые, покрытые пятнами сажи и ржавчины металлические канистры.

— Да что ж... — выдавил Сеня дрогнувшим голосом. — Да что ж за... за выр-родки... такое... могли... сотворить?

Он видел многое, работая со Стасом в особой оперативно-следственной группе УГРО. Он успел насмотреться на жутчайшие кошмарные и кровавые убийства, сотворенные человеческими руками. Но подобного он ещё не встречал! Настолько жесткого, хладнокровного, безжалостного массового убийства.

Эта жестокость потрясла своей кошмарной уродливостью!

Арцеулов ощутил, как в животе резко сжались внутренности.

Рвотный позыв заставил его согнуться и исторгнуть наружу содержимое желудка.

Теперь он знал, что случилось с клубом «Горный путь». Пора возвращаться. Здесь ему делать больше нечего.

Он спустился вниз на первый этаж, засыпанный высокими кучами полусгоревших обломков. Его сотрясала дрожь, как при ознобе.

Сеня не мог смириться с увиденным. Не мог принять факта, что кто-то способен на такое изуверское убийство! Трудно было поверить, что на это способно существо, принадлежащее к роду людей!

Он достал мобильник и набрал номер Стаса.

— Да, Сень? — услышал он в трубке. — Нашел что-то? Как там?...

— Стас я... — начал Сеня.

Пол вдруг странно вздрогнул под его ногами. Арцеулов пошатнулся, пол просел, ушел вниз. Сердце Сени вместе с криком рванулось вверх. Он рухнул вниз, во тьму.

Короткий миг стремительного падения.

И что-то с силой врезалось в его спину, вышибая из груди воздух и сознание.

Тело Арцеулова застыло на камнях, под сгоревшим зданием. Мобильник выпал из его ослабевших пальцев, соскочил по камням и, ударившись, разлетелся на части.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 11 августа. Примерно за полчаса до последнего звонка Арцеулова.

Женщина выглядела так, словно попала на подделке банковских векселей, и теперь ей грозит неминуемый расстрел.

Сомкнув колени, подчеркнуто выпрямившись, она широко открытыми глазами, почти не мигая взидала на Стаса.

— Значит, вы видели, как он ходил недалеко от вашего дома? — спросил Корнилов.

— Д-да... — голос пугливой свидетельницы с визгливыми нотками дрогнул.

Она глубоко, часто дышала. Так усиленно, будто её вот-вот хватит удар или начнется приступ астмы.

Стас счел за лучшее предложить даме воды.

Он налил её в высокий бокал, поставил перед свидетельницей.

Женщина поблагодарила.

— Спасибо.

— Не за что, — Корнилов посмотрел на записи в блокноте. — Продолжим?

Женщина кивнула, глотая воду.

Она была одета в желтую легкую кофточку с небольшим вырезом и широкие вельветовые брюки белого цвета. Она была пухлой, дородной, крупной. С крашенными рыжеватыми волосами и короткой шеей.

— Скажите, — Стас легонько постучал концом ручки по листу блокнота, — человек, которого вы видели, во что он был одет?

— Ну-у... — женщина быстро заморгала глазами. — Я сейчас так детально не вспомню...

— Хоть что-то, — глядя на неё, произнес Стас. — Рубашка, футболка, куртка?

— Очки! — женщина чуть наклонилась вперёд и подняла вверх правую руку с вытянутыми указательным пальцем. — У него были очки!

— У меня здесь тоже очки!

Стас оглянулся на Колю. Домбровский с улыбкой показал ему свои записи. Сидевшая перед ним молодая женщина в сиреновом платье неуверенно оглянулась.

— Уже четыре раза, — похвастался Николай.

— И у меня два раза, — кивнул Стас и снова взглянул на пухлую свидетельницу. — Хорошо... Цвет волос? Короткие или длинные волосы? Борода?

— Вроде бы... — женщина задумчиво наморщила лоб. — Вроде бы у него на голове был... ну как бы пучок волос...

— То есть волосы длинные? — кивнул Стас.

— Ну-у... да, — женщина пожала плечами. — И вы знаете, борода вроде тоже есть...

— Вроде? — переспросил Стас. — Это важно.

— Была. Только небольшая такая, — кивнула свидетельница.

— Угу. Хорошо, — Стас сделал пометки в блокноте. — И всё-таки как насчёт одежды?

Женщина вздохнула. Снова нахмурилась, опустила взгляд, глядя влево, и поджала губы.

— Он был в темное одет... Но я не помню точно серый или чёрный. Может темно-синий или темно-зеленый...

— Хорошо, — Стас вздохнул. — Что-то ещё? Что он делал?

— Да говорю же, ходил себе между домов, высматривал что-то, — женщина вздохнула и тут, вдруг вспомнив, добавила. — А у него, знаете, сумка через плечо была. Маленькая такая... небольшая совсем.

— Угу, — проговорил Стас. — Можете описать, он был высокого роста, среднего?

— Скорее, среднего, — опять глядя в сторону, ответила женщина. — Но точно я не знаю.

— Понятно, — Стас кивнул. — Хорошо, Тамара, вы свободны. Спасибо, что оказали помощь следствию.

— А вы его теперь поймаете? — округлив глаза, спросила свидетельница.

— Непременно, — качнув головой, заверил её Стас. — Всего доброго.

— До свидания, — женщина встала со стула и вышла из кабинета особой оперативно-следственной группы.

Стас пару секунд посидел над блокнотом с записями. Затем встал, подошел к Коле. Домбровский тоже заканчивал опрашивать свою свидетельницу. Когда она ушла, он протянул Стасу свой блокнот.

— Сверим показания? — усмехнулся он.

Корнилов молча взял у него блокнот. Сел за свой стол, положил оба блокнота рядом. Взяв ярко-зеленый маркер Стас подчеркнул те показания очевидцев, которые совпадали у большинства опрошенных. Это были несколько пунктов. Очки. Борода. Чёрные волосы. Темная одежда.

Корнилов вздохнул. Это было даже не «негусто», а откровенно жидко, мало. То есть, полное отсутствие даже намёка на конкретику.

— Знаешь, — Коля встал рядом со Стасом, глядя на их блокноты. — У меня сложилось такое впечатление, что все, кого мы сегодня опрашивали, как будто боятся назвать слишком много примет...

Стас поднял на него взгляд. Лучистые серебряные глаза Стаса встретились с нефритовыми глазами Домбровского. На лице Николая замерло выражение беспокойной задумчивости.

— Вполне вероятно, что тебе не показалось, — вздохнул Стас. — Но кое-что все таки у нас есть...

— Очки, борода, длинные волосы темного цвета, — с иронией перечислил Коля. — И то, и другое, и третье нетрудно снять, а четвертое поменять.

Стас кивнул.

— Да, это не те приметы, за которые можно зацепиться.

Оставалось надеяться, что Арцеулов сумеет что-нибудь выяснить.

Он давно не звонил. И Стас начинал беспокоиться. Он уже несколько раз пожалел, что не отправился с Сеней. Коля вполне мог бы и сам опросить свидетелей. Но нет. Стас боялся, что Домбровский, который, бывает, строит глазки хорошеньким свидетельницам, упустит какие-то важные детали. А тут оказалось, упускать-то нечего.

Все свидетели, которых им удалось найти, сообщили плюс-минус одно и то же, и все эти приметы легко изменить.

У Стаса зазвонил телефон. Снова заиграла дурацкая мелодия и блатной припевчик с противным голосом. Коля ухмыльнулся, фыркнул со смешком. Стас подумал, что звонок нужно будет поменять. Только так, чтобы его на этом не подловила дочь.

— Да, Сень? — спросил Стас. — Нашел что-то? Как там?..

— Стас, я... — начал было Арцеулов.

Затем что-то загрохотало, раздался треск, гулкие, частые удары.

Стас услышал, как вскрикнул Сеня, затем свист и шипение в трубке, и связь прервалась.

Корнилов встал из-за стола. Коля мгновенно заметил тревогу на лице Корнилова.

— Что с ним? — быстро спросил он.

— Не знаю, — Стас попробовал набрать Арцеулова снова.

Но телефон старшего лейтенанта теперь был вне зоны. Корнилов выругался. Тревога резко взвилась внутри него. Подобно хлесткому, гибкому хлысту разрастающееся беспокойство рассекло спокойную невозмутимость Стаса. Он попробовал набрать Арцеулова ещё раз. Затем ещё раз. Телефон Сени больше не отвечал.

Коля стоял рядом. Лицо у него было участливое, хмурое, сосредоточенное.

Стас сказал ему:

— Свяжись с технарями, пусть попробуют отследить мобильник Сени. А я к Аспирину.

— Хочешь попросить спецназ?

— Хочу попросить вертолёт и врача, — отрезал Стас.

Коля кивнул и стремительным шагом вышел из кабинета.

Корнилов остался в тишине наедине с болезненными укусами совести.

Это его вина. Это он отправил Арцеулова одного. Нельзя было этого делать!

Категорически нельзя! Ядовитые пугающие опасения и мысли крикливой стаей летучих мышей заполнили сознание Стаса.

Корнилов прекрасно владел собой и собственными эмоциями, но сейчас, в эти мгновения он ощущал изматывающую и болезненную тяжесть собственной ответственности за возможную гибель Арцеулова.

Стас коротко вздохнул через нос, на мгновение закрыл глаза, запрокинул голову и тоже вышел из кабинета.

Спустя пятнадцать минут они с Колей летели над Москвой в салоне полицейского вертолёта.

Телефон Сени удалось отследить по IMEI коду. Оставалось следовать полученным координатам и надеяться, что сам Сеня находится там же, где и его мобильник.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 11 августа. Позже описанных выше событий.

— Осторожно, — голос Мирона теплым прикосновением скользнул по моей шее.

По телу внезапно разошлось мощное электризующее, искрящееся чувство. Пульсирующей теплотой оно оседало где-то в животе слева, под сердцем.

Я вела катер под его руководством. В первый раз в своей жизни, пусть и не самостоятельно, я вела катер! И от этого, сама не знаю почему, у меня на лице сама собой расплывалась счастливая идиотская улыбка.

Мирон сидел рядом, управление он, конечно, держал под собственными контролем. Он не упускал не единой возможности коснуться моих рук.

Мне нравились его прикосновения. Но я всё же старалась не позволять ему слишком долго и явно касаться меня. Мне не хотелось, чтобы у него сложилось впечатление, будто это так просто, будто это сможет каждый.

Пару раз Мирон сидя слева, позади меня, низко наклонялся вперёд. Якобы, чтобы показать мне, что нажимать или поворачивать. Но я подозревала, что он хотел поцеловать меня в шею. Вот этого я категорически позволить не могла! Это было бы слишком! Хотя, не буду скрывать, представлять, как он касается губами моей шеи... Нет, нет, нет

Хватит. Забудь, перестань!.. Думать о катере. Думать о скорости. О погоде, о солнце, о том, что тебе нужно держать дистанцию.

Я не строю из себя недотрогу, или какую-то неприкосновенную особу, просто... В школе я успела стать свидетельницей предостаточного количества случаев и примеров, когда какая-нибудь девушка вела себя откровенно недостойно и слишком развязно. И мне совсем не хотелось даже на самую малость им уподобляться!

Да, знаю. Лерка, моя лучшая подруга, далека от идеала приличной девочки. Да, да... Лерка и курит, и пьёт, и ругается матом, и одевается порой более, чем просто нескромно. Да и откровенно зажиматься с парнями для неё абсолютно привычное дело.

Только у Логиновой есть то, чего у других никогда не было, нет и вряд ли будет. А именно ряд положительных, высокоморальных качеств, проявить которые очень мало кто способен.

А Мирон между тем снова наклонился вперёд.

— Теперь вот этот рычаг поверни, — попросил он.

Я плавно отклонилась вправо, чуть отстраняясь от него, и послушно повернула рычаг, на который он указал.

Катер начал замедлять ход. Через некоторое время мы остановились.

— Ну а теперь, — Мирон встал и потёр руки, — предлагаю перекусить. Как ты?

— О-о... — уронила я. — Это было бы здорово.

Зачем я сказала «здорово»? Теперь он ещё подумает, что я — любительница поесть.

Мирон вышел из кабины катера. За ней на корме находился небольшой синий столик и обшитые белой кожей сиденья.

Он повозился там несколько минут, что-то расставляя на столике.

Я терпеливо ждала. Это было единственное, что мне оставалось.

— Прощу, принцесса, — с некой шутливой галантностью произнес Мирон, жестом приглашая меня за стол.

— Почему ты зовёшь меня принцессой? — спросила я с робкой улыбкой.

— А тебе идёт, — без стеснения и уверток ответил Мирон и, оглянувшись на меня, окинул многозначительным взглядом.

Мне в этот миг вдруг стало одновременно неудобно, и как-то неуютно, некомфортно, но отчего то даже вроде приятно.

Мы сели за столик. На нём стояли две красивые чайные чашечки, и изящный чайничек рядом. Справа вазочка с пирожными «Макарон».

От чайничка ощутимо тянуло душистым ароматом зеленого чая.

Да, подумала я, глядя на всё это, он явно подготовился. Вокруг нас уже стремительно вечерело. Время перевалило уже за семь.

Предзакатное солнце цвета расплавленного золота лениво скатываясь к далекой линии горизонта, щедро ласкало Москву пологими лучами. Город ещё наслаждался солнечным теплом. Москва-река ещё была золотой, а не зеленовато-серой или тускло-голубой, как обычно. Но с востока уже неуклонно ползли сумерки.

Мы часа три, наверное, катались на катере по реке. Мы промчались через всю Москву и потом в обратную сторону. Я давно не испытывала такого восторженного ажиотажа и яркого всплеска мощных, позитивных эмоций! И была благодарна Мирону за это неподражаемое чувство.

Но наше свидание ещё продолжалось.

Мирон заботливо разлил чай по чашкам.

— Тебе понравилось кататься? — спросил он, сев напротив меня.

— Да! — не скрывая восторженного счастья, улыбнулась я. — Очень! Это было... Восхитительно! Спасибо...

— Не благодари, это я должен благодарить тебя за то, что ты позволяешь себя восхищать.

От этих слов и проникновенного взгляда его серо-зеленых глаз у меня в груди сердце затрепетало так, словно оно внезапно отрастило крылья и вознамерилось упорхнуть куда-то. Я не могла найти, что сказать в ответ. И поэтому просто опустила глаза и, взяв чашку, осторожно отпила.

Чай был горячий. Он чуть обжигал язык. Но обладал чрезвычайно нежным ароматом и приятным вкусом.

— Я знал, что ты любишь скорость, — сказал вдруг Мирон.

Я подняла на него взгляд.

— Знал? Откуда?.. Подожди... — я усмехнулась. — Ты, что же собирал обо мне сведения?

— Сведения, слухи, рассказы, истории, — он покачал головой, с улыбкой перечисляя всё. — Да. Пришлось. Мне же хотелось устроить такое свидание, которое ты запомнишь.

— Чтобы понравиться мне?

— Чтобы ты согласилась на второе.

— А будет второе? — осторожно спросила я, не удержавшись от глупого кокетства.

— Пока не смею надеяться, — проговорил Мирон чуть томным голосом.

Я опустила взор, с кроткой, счастливой, чуточку насмешливой улыбкой я отпила чай. Он тоже опил из чашки. Мы взяли по пирожному. Внезапно послышался мощный нарастающий шум мотора и плеск воды.

Мирон обернулся. За его левым плечом я увидела стремительно приближающуюся белоснежную яхту. Она была ощутимо больше нашего катера раза так в четыре. Огромная, с вытянутым корпусом и каплевидными, похожими на плавники окнами на бортах.

Она приближалась к нам с низко гудящим, басовитым шумом и холодным бризом. За яхтой тянулся широкий след взбитой пенистой воды и разбегающихся в стороны волн.

С яхты донесся хор голосов. Мужских и женских.

Мирон одобритительно усмехнулся.

— А мы тут не одни любители пого...

Он замолчал.

Яхта вдруг изменила направление и ринулась прямо на нас. Я вжалась в сиденье, испуганно глядя на яхту. Восхищение движением яхты сменилось растерянным страхом.

Что они делают?! Зачем летят прямо на нас?! Острое тревожное чувство плескалось во мне.

— Они что, нас не видят? — обеспокоенно пролепетала я.

— Видят, — Мирон обернулся и ринулся ко мне. — Пригнись!..

— А что? — начала было я.

Он утянул меня за руки вниз. Я успела увидеть, как огромная яхта проносится мимо нас и круто, резко, через силу разворачивается.

В следующий миг наш катер накрыла тень вздымающейся воды.

Шквал холодной воды обрушился на наш катер. Влажный холод тягучей массой навалился на мою спину.

Я вскрикнула, вмиг промокнув до нитки. Вода залила мое лицо, волосы, платье. Вода пропитала тонкое платье и нижнее бельё.

Влажный холод студеными объятиями охватил мое тело, стиснул насквозь мокрой тканью вымокшего платья.

Я чувствовала, как холодные капли воды, щекоча кожу, стекают по лицу, по спине и

шее. Рядом выпрямился Мирон. Я зажмурилась, чувствуя, как вода стекает по лицу.

С колотящимся сердцем, я отвернулась и, нащупав сумочку, достала упаковку с ватными дисками.

— Ты как? — Мирон присел возле меня.

— Всё в порядке, — проямлила я сдавленно и быстро отвернулась.

На самом деле ничего не было в порядке! Я была вся с головы до ног мокрая! У меня потекла и расплылась тушь!.. И я боялась, что убирая её, я сниму слой косметики, который скрывает мой синячище на левой щеке!

Кривясь, я достала диски, аккуратно, быстро промокнула глаза.

Вода с противным, щекотным чувством скатывалась по спине, ягодицам, по ногам, плечам и по груди. Мои волосы теперь повисли мокрой тряпкой! Всё на мне промокло до нитки! Платье противно липло к телу. Гадство какое-то! Фа-ак...

Меня разбирала досада, и душила горькая обида. Хотелось расплакаться! Всё шло так замечательно!.. Почему, ну почему, нужно было взять и так по-скотски облить нас!!! Что за люди?! Я держалась из последних сил!.. Ну зачем было так делать?!! Все было так прекрасно!.. Что за люди такие?!

— Ника? — Мирон тронул меня за плечо. — Посмотри на меня.

— Нет... прости... я... я не могу, — я упрямо отвернулась, не давая ему возможности взглянуть на меня.

Не хватало ещё, чтобы он увидел меня с размазанной вокруг глаз тушью! И хорошо ещё, если реально синяк не видно!

А ещё мне было холодно. Мое мокрое, холодное платье плотно липло к телу, стискивая меня в ледяных, тесных объятиях.

Мирон достал откуда-то полосатый плед и укутал меня им.

— Так лучше? — спросил он заботливо. — Тебе нужно переодеться!

У меня мгновенно вспыхнуло лицо.

Он что это серьёзно?!!

— Т-ты что... — дрожащим голосом пролепетала я. — Я... Я н-не могу...

— Можешь, — твёрдо ответил Мирон. — Зайди в кабину и закройся. Идём, покажу, как. Он показал. И показал, где лежит запасная одежда. Это оказалась просторная футболка и шорты. Затем вышел, а я закрылась в кабине.

Я слышала, как Мирон чертыхаясь, выливает оставшуюся на палубе катера воду.

Огромная футболка доходила мне до середины бёдер. А вот шорты явно были слишком большими. Зато в них был ремень.

И я нашла в каюте полотенце и обмоталась им, как юбкой. И на поясе закрепила ремнем, вытащенным из шортов. Вот так вот. Лайфхак, чёрт возьми. Не бог весть что, конечно, но всяко лучше, чем дрожать от холода в насквозь сыром платье.

Бли-ин... Платье жалко. Оно теперь на тряпку похоже!

Переодевшись и убедившись, что полотенце с ремнем точно не упадёт в самый неподходящий момент, я занялась своим лицом.

Я аккуратно, кропотливо смыла тушь вокруг глаз. Она, кстати, не так уж сильно размазалась, как я боялась. Выглядело, конечно, всё равно ужасно, но это можно было относительно быстро подкорректировать.

Гораздо хуже дело обстояло с остальной частью лица. В частности, с левой стороны, пока я убирала следы туши, всё-таки начало проступать темное пятно синяка. Нет, не

сильно, возможно Мирон его и не заметит, тем более, что на улице уже темнеет. Но все-таки я сочла за лучшее нанести не много ВВ крема на это место. Осторожно. Чуть-чуть. Теперь главное, чтобы с оттенком не вышло никакой фигни. В общем, мне повезло. После того, как меня окатили волной холодной речной воды, последствия могли быть и хуже. Хорошо, что обошлось.

Мирон постучался в дверь кабины.

— Держи, — он подал мне чашку с блюдцем.

Его взгляд скользнул по мне, затем он взглянул на аккуратно сложенное, сырое платье.

— Слушай... — он опустил глаза, затем досадливо взглянул на меня. — Прости, что так вышло... Я... ёлки-палки, я так хотел сделать всё идеально... Я должен был это предусмотреть...

— Мирон, — я взяла у него чашку и покачала головой. — Всё в порядке. Ты не мог предусмотреть неадекватных идиотов.

— Да. Но должен был, — недобрый взгляд Мирона был устремлен вперёд.

Затем он снова взглянул на меня, оглядел мой новый прикид.

— Тебе очень идёт.

— Спасибо... — кивнула я, отпив чай. — Красивая футболка. Она твоя?

— Да, — кивнул он и блаженно улыбнулся. — И не буду скрывать, мне до дрожи приятно видеть тебя в ней.

И что-то такое он вложил в эту фразу, от чего в глубине меня ощутимо звякнули особые, чувствительные, звонкие струнки.

Когда я допила чай, он сел за штурвал катера и с решительным видом завёл мотор.

— Мы возвращаемся на причал? — осторожно спросила я.

— Нет... не сейчас, — он качнул головой и направил катер вперёд.

Мы понеслись по водной глади в ту же сторону, что и безмозглые владельцы той яхты. Мы промчались мимо набережных и причалов, мимо города, шоссе, улиц.

Я увидела ту самую яхту. Она стояла неподалеку от небольших островков, возвышающихся на середине реки, вдали от городской жизни и шума.

Когда мы приблизились, я увидела веселящихся под музыку людей на пляже. Они танцевали возле пылающего костра.

Я с опаской взглянула на Мирона. У того на лице застыла мрачная, угрожающая урюмость. Нетрудно было догадаться, что он задумал.

Он внезапно посмотрел на меня, увидел мой обеспокоенный взгляд и задорно подмигнул мне.

Мирон направил катер к берегу. Танцующие на берегу люди даже не успели понять, что случилось, когда Мирон, промчавшись у самого берега, обдал их мощной, плотной, тяжелой волной речной воды.

Я слышала крики. Визжали девушки, ругались парни. Музыка смолкла, перевернулся столик с едой, все вкусности оказались в песке, больше не пылал костёр. Огромный надувной матрас, покачиваясь на волнах, уплывал прочь.

Мирон торжествующе захохотал, оглянулся назад. Затем посмотрел на меня.

— Видела?! — воскликнул он. — Получили сполна! Коз-злы!

Не могу сказать, что я одобряла месть и такое хулиганское поведение в целом. Но в данном случае, считала его ответные меры вполне логичными и обоснованными. В конце концов не мы это начали.

А Мирон между тем пребывал на седьмом небе от счастья!

Его глаза просто сверкали от восторга, и злорадная, довольная, широкая улыбка озаряла его лицо. Я тоже усмехнулась, хихикнула.

Но тут мы услышали уже знакомый нам шум мотора.

— Кажется, за нами погоня... — с обманчивым спокойствием заметила я, глядя на разгоняющуюся вслед нам яхту.

Мирон оглянулся. Презрительно хмыкнул.

— Куда им!.. Пусть попробуют догнать на своем корыте!.. Дер-ржись крепче!

Я послушно схватилась за сидение. Катер мгновенно набрал скорость, мы на полной мощности устремились вперед. Однако яхта, хоть и отставала, не терялась из виду. Ветер сквозь шум моторов и плеск воды доносил до нас обрывки угроз и ругательств.

Я увидела, как стоящий на палубе парень в одних шортах и капитанской фуражке, с солнечными очками на лице, показывает нам неприличные жесты.

Мирон заложил крутой вираж. Мы на скорости обогнули большой остров в реке. Яхта с тяжелым гулом мотора следовала за нами.

Я смотрела на Мирона, и видела, что ему нравится происходящее.

Он весь в азарте. Глаза горят, на лице счастливая улыбка, он закладывает лихие виражи на реке.

Впереди показался массивный, здоровый пароход.

При нашем приближении он издал предупреждающий гул.

— Мирон... — тонким голосом испуганно протянула я.

Мирон круто повернул штурвал катера. Нас чуть занесло, но мы увернулись от громадного судна, и помчались дальше.

Наши преследователи тоже попытались обойти пароход.

Гигантское речное судно ещё раз издало угрожающий гул. Яхта свернула влево. Они явно хотели проскочить между пароходом и стеной набережной. Но яхта была слишком большая.

У меня вырвался непроизвольный крик. Мирон тихо ругнулся.

И в следующий миг на наших глазах белая яхта врезалась бортом в каменную стену набережной. Раздался мощный, скользящий удар. Брызнули искры, что-то оглушительно взорвалось. Раздался душераздирающий визгливый скрежет металла. Люди на набережной дружно вскрикнули, бросились к металлической ограде.

Шикарная дорогая яхта перевернулась от скользящего удара.

Её киль выглянул из воды. Судно просто обернулось вокруг горизонтальной оси и упало на правый борт, подняв гигантскую волну и забрызгав людей на набережной.

Яхта начала быстро тонуть. Я увидела людей в воде, возле неё.

Оглянулась на Мирона. Тот посмотрел на меня.

— Чего ты стоишь?! — закричала я. — Им надо помочь!

— Ника они...

— Они сейчас утонут там все! — истерично закричала я перепуганная.

Мирон кивнул, рывком штурвала резко развернул катер. Меня слегка приложило головой об окно. Мирон направил наше судно к перевернувшейся яхте.

А на набережной с обеих сторон мгновенно столпились оживленные толпы людей. Все кричали, бубнили, орали, спорили. Очень многие достали мобильные телефоны, я увидела вспышки фотокамер.

— У нас есть спасательные круги?! — крикнула я Мирону.

Тот сухо кивнул.

— На корме в ящике... Жилеты и круги.

Я ринулась на корму катера. Открыла ящик. Мы плавно подошли к перевернутой яхте. В воде, рыдая, барахталась какая-то девушка.

— Помогите! — взвизгнула она.

— Держитесь! — я бросила ей спасательный круг.

Затем достала второй, бросила другим выплывшим из-под яхты людям. Их было немало. Человек десять... нет, двенадцать.

Вроде никто не остался внутри перевернувшегося судна.

А яхта между тем стремительно погружалась в воду.

Я побросала в воду ещё три круга. Оставшиеся два бросил Мирон. Он же помог людям взобраться на наш катер.

Вскоре все, кто был на яхте, оказались на нашем катере.

От такого количества народу судно слегка просело в осадке.

Спасенные с отпечатками пережитого ужаса на лицах, содрогаясь от холода, жались друг к другу, сидя на корме нашего катера.

Я угощала их горячим чаем. Когда я поднесла чай одному из спасенных, кучерявому парню с неприятным взглядом насмешливых водянисто-голубых глаз, он вдруг виновато произнес:

— Извини... что мы... что я вас водой обдал... Я ж не знал...

— Всё нормально, — вздохнула я. — В конце концов мы квиты.

— Это точно, — ухмыльнулся парень и отпил из чашки.

Мирон на тихом ходу подвел свой катер к ближайшему причалу и там пришвартовался.

Потом мы все вместе с жертвами внезапного кораблекрушения давали показания приехавшей полиции. У нас у всех зачем-то сняли отпечатки пальцев. Всех без исключения осмотрели приехавшие к месту врачи скорой помощи. Когда нас отпустили, было уже совсем темно.

На Москву спустился теплый вечер. Над столичной рекой засияли огни, а вода мерцала переливающимися отражениями и бликами ночных огней города. Веял чуть прохладный, приятный ветерок.

Мы с Мироном сидели на корме катера. Момент был приятный, спокойный и уютный.

— Жаль, что всё так вышло, — промолвил Мирон, глядя на вечернюю, шумную Москву.

— Да ладно, — чуть усмехнулась я. — Всё было прекрасно... А то, что произошло... Знаешь, наверное, могло бы быть и хуже. А раз так, то всё не так уж плохо.

Я посмотрела на него. Он взглянул на меня, неожиданно усмехнулся.

— Ты меня удивила сегодня...

— Я? — я вскинула брови и тихо спросила. — Чем же?

— Тем, что настояла на спасении этих козлов, — он кивнул в сторону парней и девушек, которые садились в машины скорой помощи.

У них у многих обнаружили ссадины, ушибы, у двоих даже были переломы рёбер, кажется.

— Но они же перевернулись... — неуверенно проговорила я и пожала плечами. — Что, мы уехать должны были?

— Нет... — он быстро покачал головой. — Нет, конечно... Просто... Ты за них так

испугалась после того, что они сделали...

— Ну знаешь, — тихо фыркнула я. — Одно дело водой облить, и другое, когда люди погибнуть могут, это несоразмерные вещи...

— Да-а, — ухмыльнувшись, протянул он. — Ты права, принцесса.

— Опять это слово.

— Принцесса? — улыбнулся он.

— Да, — вздохнула я.

— Я же сказал: тебе идёт, — он подмигнул мне и вдруг наклонился ко мне, странно наклонив голову набок.

Я испуганно отшатнулась, быстро моргая, непонимающе глядя на него, чуть приоткрыв рот. Он был так близко. Я видела свое отражение в его удивленных глазах. Мы сидели так пару мгновений, глупо и удивленно глядя друг на друга. У меня в лёгких застыл воздух. Судорожно сжалось все в животе, голову заполнила жаркая, вязкая пустота. Беспokoйно, часто, гулко, как в истерике, билось в груди сердце. Язык не слушался. Я не могла отвести взгляда от глаз Мирона. Я только сидела и взидала на него. Молча. Глупо. Растерянно. Испуганно.

Мирон отстранился. Вздохнул, взглянул на далекий горизонт, куда уходила река. Там ещё виднелась чуть подсвеченная полоска темно-вишневого цвета.

— Ты что, никогда не целовалась? — вдруг спросил он с добрым смешком.

— Н-нет... — промямлила я. — П-почему... С чего ты взял?!

Он внимательно посмотрел на меня. Я не смогла выдержать этот взгляд. Отвела взор, пробубнила смущенно:

— Нет... не целовалась.

Я вздохнула. Украдкой посмотрела на Мирона. Он то, небось, уже давно и целовался, и... блин, у него может даже и секс был.

От этой мысли в голове мгновенным вихрем закружилось суматошное беспокойство. Потому что я не знала, что мне делать, если наши отношения, по его мнению, дойдут до такого периода.

Но мысленно я тут же решила, что если и дойдут, то годика через три-четыре... Не раньше! Так, хватит обо всем этом. Что-то я себя накручиваю.

— Но, когда-то же тебе всё равно предстоит начать, — вдруг произнес Мирон.

Я подняла взгляд, задумчиво, с волнением посмотрела на него.

Он тепло улыбнулся.

— А я... — он пожал плечами, — вполне мог бы... тебя поучить.

Он снова гипнотически глядя мне в глаза, начал наклоняться ко мне.

— Я мог бы... научить тебя... многому... Предоставить тебе... ценный жизненный опыт.

И тут я не удержалась, вспомнив Лерку. Я откровенно, громко расхохоталась. Мой смех разносился далеко над рекой и ночными улицами. На нас оборачивались прохожие.

— Ты чего?! — у Мирона обескураженно вытянулось лицо. — Чего ты... Чего ты хохочешь?!

— П-прости, — выдавила я сквозь смех. — Прости, Мирон... просто... я...

Я перевела дух, опять рассмеялась, вздохнула и взглянула на него.

Он выглядел растерянным, потрясенным. Чуть нахмутив брови он силился понять, что меня рассмешило.

— Я подумаю над твоими словами, — сказала я. — Правда. Но пока... повернись, пожалуйста.

— Э-э... — он непонимающе моргнул. — Что... Куда?

— Просто поверни лицо прямо, — попросила я тихо.

Он помешкав, послушался.

Тогда я, выждав секунду, несмело наклонилась к нему, ещё не зная, правильно ли я делаю, и быстро, легко коснулась губами его тёплой чуть шершавой щеки и тут же отстранилась. Встала, не глядя на него.

Сумеречная Москва-река с отражениями подрагивающих огней города потрясала своей мистической красотой.

— Мне пора, — объявила я направляясь к трапу катера. — Пока. И не беспокойся на счёт случившегося. Свидание было просто супер! И уж точно незабываемое!

Он неловко поднял руку, качнул ладонью.

— Увидимся. Хорошо? Пока. — произнесла я.

— Пока... — глуповато улыбаясь, ответил он блаженным голосом.

Я ещё раз тихо хихикнула и двинулась прочь. Настроение было прекрасное. Хотелось петь в голос! Громко, истошно, от души!

Пока я шла по озаренной уличными фонарями улице, на меня начали коситься прохожие. Я спохватилась, когда вспомнила, что всё ещё одета в футболку Мирона и вокруг талии у меня обмотано обычное полотенце. Поверх которого застегнут ремень. Го-осподи...

Я взяла такси до ТРЦ «Ривьера». Таксист тоже был слегка в шоке от моего внешнего вида.

Добравшись до этого молла, я выбралась на улицу и набрала Лерку.

— Ты где?

— Я тебя вижу, иди прямо, — ответила Лерка. — Видишь, тачка фарами мигает?.. Это я...

— Лера! — воскликнула я. — Ты что опять взяла машину твоей мамы?

— Ну да, — ничуть не смущаясь ответила Лерка. — А что? Не пешком же мне тащиться.

У неё был странный голос. Развязный, ленивый. Как будто она выпила. Я мысленно взмолилась, чтобы это было не так.

Я увидела мигающий фарами Фольксваген Пассат. Лерка ещё высунула руку в окно. В её пальцах светился смартфон. На экране смартфона крупным ярко-зеленым шрифтом сверкала фраза: «КО МНЕ!».

Я зашагала быстрее. Лерка точно нетрезвая. Я обошла внедорожник, из приоткрытой двери которого звучала какая-то восточная музыка с диким, беспорядочно-быстрым мотивом. Вроде бы кто-то меня окликнул, но я сделала вид, что не услышала, и заспешила к синему Фольксвагену.

Лера переползла на сидение рядом с водительским, я села за руль и откинула с лица прядь волос.

— Привет, — протянула Лерка и на моих глазах отпила из банки с пивом.

— Привет, — кивнула я, выразительно глядя на банку с пивом.

— Привет, Ника, — звонким голоском пискнула с заднего сидения Лада.

Я порывисто обернулась, затем снова уставилась на Леру.

— Лер, ты в своем уме?!

— Да. А что мне её дома одну оставить нужно было? — пожала плечами Логинова.

— Нет, но... Можно было хотя бы не пить, раз уж ты самовольно взяла машину и ещё везёшь на заднем сиденье ребёнка!

— Ой, да ладно тебе... — поморщилась Лерка. — Я пить только сейчас начала, пока мы тут тебя ждали. Что я — больная что ли нетрезвой за руль садиться!

— Зачем ты вообще взяла машину? — проворчала я.

— Чтобы ты отвезла нас домой, — ухмыльнулась Лерка. — А по пути рассказала, как всё прошло и... что, чёрт возьми, на тебе такое сейчас надето?

Я посмотрела на неё. Затем опустила взгляд на свою одежду. И опять взглянула на Леру.

— Это... Мы катались на катере.

— Ва-ау, — чуть склонив голову к плечу, слегка кривляясь протянула с улыбкой Лерка. — Он снял катер для вас? Недурно...

— Он сам им управлял.

Логинова, собиравшаяся отпить из бутылки с пивом застыла, её темные брови удивленно изогнулись дугами.

— Вот это поворот... — хмыкнула и смачно икнула.

Сидевшая на заднем сидении Лада наклонилась вперёд и с любопытством спросила:

— Ника, а вы с ним целовались?

Я обернулась на младшую сестренку Леры и с улыбкой покачала головой.

— Нет, зайчонок. Не целовались...

— А почему? — сделав большие глаза, спросил девочка.

— Да, действительно, — кивнула Лерка. — Почему это, собственно, нет?

Я отвела взгляд, вздохнула, посмотрела вперед.

— Я подумала, что пока ещё не время, — произнесла я.

— О Х-хоспади... — простонала Лера, закатив глаза. — Ты так говоришь, как будто мы про секс!

— Лера! — вскинулась я, и выразительным взглядом показала на Ладку. Девочка покрутила головой из стороны в сторону, непонимающе глядя на нас.

— А что такое...

— Так, мелкая, я тебе игрушки на телефон поставила? — строгим голосом перебила её Лерка. — Вот и занимайся.

Лада насупилась и откинулась на заднее сидение. Включила смартфон Леры, но свои маленькие ушки держала остро.

— Ладно, — я повернула ключ в замке зажигания.

Если честно, мы с Лерой уже далеко не в первый раз катаемся на машине её матери. И мне тяжело думать, какой стыд я буду испытывать, если Беатриса Константиновна когда-нибудь всё узнает!

Но это всё-таки куда менее страшно, чем случай, когда мы с Леркой взяли Land Cruiser дяди Сигизмунда и попались на горячем.

Лерку дядя Сигизмунд отпустил. А вот я потом... Ладно, я не хочу вспоминать этот эпизод моей жизни.

Я заставила всех пристегнуться и плавно вырулила со стоянки.

Водить я не боялась и умела довольно неплохо. Я бы даже сказала, хорошо. Судя по тому, что я периодически вижу на дорогах Москвы, я управляюсь с машиной, как минимум не хуже большинства людей.

Тем более с обычным седаном. Это вам всё-таки не громадный японский Крузак или

Тундра, на которых иной раз припарковаться бывает очень даже затруднительно.

По дороге Лера расспрашивала меня о свидании.

— Ну, ты можешь подробнее рассказать? — с сияющими глазами спросила она наконец. — Ну что вы пили, что ели? О чем говорили? Говорил ли он тебе комплименты? Пробовал ли поцеловать? Распускал ли руки? Как у него с манерами?

— Лера, — вздохнув, мягко проговорила я. — Мирон он... С ним всё в порядке. Он очень хороший, милый, внимательный... и благородный...

Я начала умиленно, блаженно улыбаться, но тут же спохватившись, перестала. Бросила опасливый взгляд на Лерку. Логинова пару секунд смотрела на меня. Затем отвернулась, со странным обреченным видом отпила из банки с пивом и после шумного глотка проговорила:

— Всё понятно... Тебе стоит быть поосторожнее, Роджеровна.

— Я и так осторожна, — я чуть пожала плечами.

— Я не об этом, — покачала головой Лерка, и вдруг громко икнула. — Ой... простите.

Лада сзади захихикала.

— Бывает, — улыбнулась я Лерке. — Так о чём ты?

— Ну, понимаешь... — проговорила Логинова, — когда парень вот так вот прямо с первого свидания пытается буквально поразить, сразить, потрясти и покорить девушку... Это может быть тревожным сигналом.

— Почему? — откровенно не понимая, проговорила я.

Мы встали на светофоре. Перед нами остановился красный infiniti q50.

— Что плохого в том, что парень пытается удивить девушку, сделать свидание незабываемым? Чтобы девушка была восхищена и...

— Безнадёжно втрескалась, как ты... — со скучающим видом, глядя в окно проговорила Лерка.

— Я в него не втрескалась! — подняв указательный палец правой руки, ответила я.

Зажегся зеленый. Я переключила скорость, надавила на газ.

— Только потому, что у него не получилось закончить вечер так, как он планировал, — все тем же монотонным всезнающим голосом ответила Логинова и повернулась ко мне. — Знаешь, почему меня это настораживает? Так я тебе объясню. Парни все условно делятся на два типа: тех, кто не встречался с девушками, или встречался, но неудачно, и тех, у кого с этим всё зашибись! Если бы твой Мирон, был из первой категории, ничего бы подозрительного в таком свидании не было... Спросишь почему, Роджеровна? Да потому что любой мало-мальски опытный в таких делах парнишка отлично понимает, что так или иначе все свидания должны постепенно становиться лучше. Но постепенно, понимаешь? Это важно. В течении первых двух-трёх недель все последующие свидания должны быть лучше предыдущих. Каждое новое свидание должно оставлять у девушки более сильные положительные впечатления, постепенно доводя её до нужных кондиций.

Лерка сделала ещё глоток пива и продолжила.

— И, понятное дело, если сразу показать ей романтическую сказку, если сразу организовать вечер, который вскружит красотке голову, остальные, будь они хоть немного хуже, справедливо покажутся ей куда более скучными и пресными. И таким образом неопытные парнишки, чрезмерно стремясь произвести сногшибательное впечатление на свою девчонку, фатально загоняют себя в угол. Потому что потом они не смогут превзойти самого себя на первом свидании. Иногда всё упирается в скудную фантазию, но гораздо,

гораздо чаще причина их краха — банальная нехватка финансовых средств, чтобы превзойти самого себя!

Я внимательно слушала её, глядя на дорогу. Мы проехали перекрёсток, свернули возле магазина детских игрушек, поехали вдоль небоскрёбов столицы.

— Но твой Мирон парень опытный, — продолжала рассуждать Лера. — От него не стоит ждать такой досадной оплошности. Скорее всего, он прекрасно знает, что делает.

— И что же он такого делает? — вздохнула я, не скрывая усталого скептицизма в голосе.

Что Лерке не нравится? Сама, главное, вытолкала меня на свидание, а теперь говорит, что с Мироном что-то не так.

Но в одном она была права. Отчасти. Мирон и правда сильно мне понравился. Если честно, я даже сейчас продолжаю вспоминать и его, и сегодняшнее наше свидание.

— Он торопится, — подумав, ответила Лерка. — Как будто спешит.

— Спешит? — я непонимающе покачала головой. — Куда спешит?

— Понравиться тебе. Заставить тебя потерять голову. Влюбиться. Втрескаться. Заставить тебя обожать его!

— По-моему, нормальное стремление для любого мальчика. Нет?

— Да, девочка, — передразнивая меня, ответила Лерка с издёвкой. — Но ты забываешь конечную цель любого мальчика относительно любой девочки.

Я устало застонала.

— Ле-ера... Ну, почему... почему ты всё время всё пытаешься опошлить?

— Да я не пытаюсь, — ухмыльнулась Лерка. — Всё и так опошлено до максимума. Просто все мы ходим с ними на свидания и усердно делаем вид, что не понимаем, что на самом деле им нужно.

— То есть ты считаешь, что чувств к девушке у парней быть не может? Только банальное желание получить... то, что он хочет? — спросила я.

— Ой, Роджеровна... — вздохнула Лерка. — Даже самые влюбленные парни прежде всего жаждут обладать объектом своих воздыханий. А то, что будет дальше, крепко зависит от того, что они смогут вообще девушке предложить!

Я хотела возразить, но если честно, не смогла сразу сформулировать свои контраргументы. Поэтому я спросила:

— Хорошо, допустим, ты права... допустим. Что тогда не так с Мироном?

— А то, что похоже этот красавчик, образно говоря, решил сократить дистанцию.

— Ч-чего? — заикаясь спросила я. — В смысле?

— В том смысле, — цокнув языком ответила Лерка, — что он жаждет наискорейшим образом довести тебя до того состояния, когда ты просто не сможешь сказать ему «нет». Если ты понимаешь, о чем я.

Я искоса, хмуро взглянула на неё.

— И с чего вдруг ему ради моей персоны так стараться?

— Не знаю, — пожалала плечами Лерка. — Может, он так сильно хочет, что не в силах долго ждать. Может, для него это спорт, может, ему приятно соблазнить девчонку, которую большинство в кино не осмеливается пригласить. Может, поспорил с кем. Может быть, даже без памяти влюблен в тебя и хочет, чтобы ты как можно быстрее полюбила его в ответ. Может, даже...

Договорить Лерка не успела, впереди неожиданно показался полицейский с полосатой

палочкой. Короткий, командный взмах его палки не оставлял сомнений в том, что нам необходимо остановиться.

— Вот же блин... — Лерка быстро залила остатки пива в рот и начала лихорадочно прятать банку под сиденье.

Я приросла к своему сиденью. Меня сковало тяжелое, тугое, жесткое напряжение. По телу разлилось нервное пульсирующее тепло. Мысли размякли в голове вязкой кашей. Мозг, казалось, начал пульсировать в унисон с участившимся пульсом.

Я аккуратно остановила машину. Посмотрела в боковое зеркало.

Полицейский в ярком жилете не спеша, вольготной походкой шел к нашему автомобилю. У меня внутри всё подобралось. Как будто мне сейчас предстоит выйти к доске отвечать совершенно не готовой.

Полицейский ДПС, остановившись возле нас, по-хозяйски легонько постучал кончиком палочки по стеклу моего окна.

Я опустила стекло. В машину ворвался прохладный вечерний воздух с запахами города.

— Старший лейтенант Лаптев, — представился он властным голосом. — Ваши документы?

— Добрый вечер, офицер, — поздоровалась я.

У полицейского поползли вверх брови.

Я с притворной грустью вздохнула.

— Простите, кажется... я забыла документы дома. Мы... мы очень... торопились...

— Понятно, — кивнул полицейский. — Из машины можете выйти?

Я пару секунд смотрела на него. Затем обернулась на Леру.

Логинова вжимаясь в сидение, отчаянно затрясла головой. Мне нужно было принимать решение. Первое, согласиться выйти, и, скорее всего, нас задержат, наложат штраф, и очень вероятно, заберут машину.

Второе... Второе то, что может повлечь за собой куда более тяжкие последствия. Если конечно, нас поймают.

Я кивнула офицеру.

— Сейчас...

Я отстегнула ремень. Полицейский отвернулся, отвлекшись на мгновение. Я резко дала по газам. Взвизгнули покрышки. Меня и Леру качнуло назад. Мы выпорхнули на дорогу.

— Сто-ой! — гневно заорал нам вслед полицейский Лаптев.

В зеркало я увидела, как он бежит к своей машине. У меня в груди галопировало сердце, гремел пульс, и в голове метался хаос мыслей.

— Все живы? — спросила я.

— Да-а... — слабо пискнула сзади перепуганная Лада.

— Ага... — выдавила Лера. Мы неслись по трассе, обгоняя другие автомобили. Я то и дело бросала взгляд в зеркало заднего вида. Сначала я решила, что полицейские не стали за нами гнаться. Но тут же увидела, как из-за кузова грузовика позади нас, сверкая мигалкой выезжает полицейская лада. Сразу же зазвучала сирена.

Чёрт возьми, подумала я. Меня лихорадило и трясло. Все тело бросило в нервный жар.

Полицейские не могли до нас добраться из-за плотного движения.

Я сосредоточенно соображала, что нам делать. Как только мы выедем на более просторную местность, нас живо остановят. В этом даже сомневаться не приходилось. Я увидела решение. Плавно перестроилась в соседний ряд. Лера шептала ругательства. Лада,

замерев на заднем, кажется даже не дышала.

Я злилась. На себя. На ситуацию, на своё решение.

Теперь, если нас поймают, машину заберут точно, а меня чего доброго, упекут ещё куда-нибудь. Ещё и дядя Сигизмунд всё точно узнает... И... это вообще будет полный апофеоз!

Однако я улучила момент и сумела незаметно выскочить из плотных тисков тянущегося движения. Мы въехали в узкий переулок. Здесь я осторожно свернула. Под колесами зашуршал гравий или какая-то щебенка. Мы проехали мимо невысоких офисных зданий и оказались на соседней дороге. Здесь движение было полегче. По эстакаде мы перебрались на другую сторону улицы и скрылись во дворах.

Полиция отстала. Погоня закончилась, не успев начаться.

Лерка то и дело тревожно оборачивалась назад. Я смотрела перед собой. Руки и плечи заметно подрагивали. С моих губ рвалось частое, быстрое, жадное дыхание. Судорогой сводило колени и икры ног. Пульс искрился в венах, распалая кровь и разгоняя сердце.

Несколько минут мы ехали в молчании. Я остановила автомобиль в одном из дворов. Мне нужно было отдохнуть, пережить то, что сделала.

— Ну ты даёшь... Роджеровна! — выдохнула Лера. — Ну у тебя и... Как тебе духу хватило?!

— Сама не знаю, — спрятав лицо в ладонях, заплакав, проговорила я.

Электризующее, вибрирующее истеричное чувство вырвалось наружу. Я судорожно всхлипнула.

Лерка вздохнула, наклонилась ко мне, притянула меня к себе.

— Всё хорошо... — проговорила она, жалея меня. — Ты молодец... Если бы ты согласилась выйти, у нас бы машину забрали. Сто процентов...

Я кивнула. Снова всхлипнула.

— Знаю, — кивнула я. — Знаю... просто... Господи, если бы нас поймали... Это был бы... адский... капец. О-о-о...

Я протяжно, глухо простонала.

— Так малая, — Лерка взглянула на сестрѐнку. — Этот эпизод ты вычеркнешь из своей памяти. Поняла?

Лада ответила не сразу.

— Тогда я кое-что хочу... — объявила она.

Я отстранилась от Лерки. Посмотрела на Ладу. Та сидела с хитроватой улыбочкой. Но взгляд у неё был слегка испуганный.

— И чего же ты хочешь, Лада? — свирепо глядя на младшую сестру, звенящим голосом спросила Лера.

Спустя несколько минут мы с Лерой зашли в один из торговых центров города и ещё через минут десять стояли на кассе магазина игрушек с большой куклой Рапунцель в коробке.

— Вымогательница малолетняя! — злилась Лерка, стоя в очереди и считая деньги. — Это почти все мои сбережения!

— Ладно, тебе... — вздохнула я. — Лада всё-таки пережила стресс...

— Я тоже пережила! — фыркнул Лерка. — А уж ты вообще!..

Она осеклась, не находя слов. Но красноречивое выражение её лица говорило о многом, чего Логинова не могла сказать вслух.

— Да, — мягко сказала я. — Но нам всё-таки не по пять лет.

— Мне в пять лет таких кукол не покупали, — мрачно проворчала Лера.

Я вздохнула, улыбнулась. Мне покупали. И даже очень много. До того, как я осталась без родителей, я жила, как в сказке. Буквально.

У меня была своя огромная комната. И игрушек было... все, что только я захочу. Мама ещё ругалась на папу за то, что он мне вместо кукол и зверюшек покупал машинки. Машинки мне, кстати, тогда не очень нравились, а вот от игрушек трансформеров я была в восторге!

Я усмехнулась своим детским воспоминаниям. Потом мне купили маленький электрокар. И мама не переставая злилась на отца. Потому что, как только я освоилась, как на нём ездить, я гоняла по немалой территории поместья на максимально доступной скорости.

Господи, это было одно из самых счастливых времен моего детства!

Я почувствовала знакомый, внутренний толчок. Некое прикосновение. Щекотное, робкое, вкрадчивое. Я застыла, закрыла глаза. Открыла, медленно обернулась.

Люди, звуки, интерьер магазина, всё это поникло, посерело, смолкло. Я увидела его. Вестник. Высокий, здоровенный чубарый конь. Вестник воспоминаний. Вестник видений.

Я успела подумать, что Чубарый вестник приходит с не такими уж плохими воспоминаниями. Не то, что серый, мрачный Мышастый или, упаси Боже, Вороной.

Я последовала за Чубарым. Конь шел не оборачиваясь. Перестук его копыт прыгающим эхом звучал в стенах внезапно обезлюдевшего торгового центра. Не было никого. Все исчезли. Остались только я и Вестник. А потом я увидела его.

Тот самый мальчик. Он стоял вдалеке, игриво выглядывая из-за входа в какой-то магазин. Он улыбался своими чёрными губами. В улыбке чуть шурились его чёрные глаза. Несмотря на его жуткий вид, я чувствовала, что улыбается он счастливо. Радостно. Весело.

Здесь осталось его воспоминание. Одно из счастливых. Одно из самых приятных, добрых, светлых.

Он был одет так же, как и при первой нашей встрече. В белую рубашечку и серые брючки. Глядя на него, я успела поразиться.

Как можно было отнять его жизнь? Он же... Он же ещё такой маленький. Совсем ребёнок. Может, даже в школу не ходил! Как... Как можно было... Сколько я ни пыталась вникнуть в сознание чудовищ, по ошибке названных людьми, я не могла до конца уяснить их уродливую страсть и чёрную ненависть ко всему доброму, наивному, прекрасному, хрупкому и светлому. Почему... Ну почему они находят такое наслаждение в причинении боли, ужаса, кошмара нам всем?! Почему?!

Когда я приблизилась к магазину, мальчишка хохотнул и скрылся внутри. Его короткий смешок ветреным эхом пронёсся по коридору ТРЦ. Я почувствовала морозную щекотку на коже шеи и спины и

вошла в магазин. Здесь было пусто, тихо. Властвовал серый сумрак.

Мальчика я увидела снова чуть дальше. Он стоял ко мне спиной: одинокий, маленький...слабо мерцающий в клубящихся сгустках теневого сумеречного мрака.

Я подошла к нему. Он не оборачивался. Молча стоял и смотрел перед собой. Я встала рядом. Это было странное чувство. Осознание того, что я стою рядом с воспоминанием, рядом с тем, кого уже нет, просачивалось в душу с чувством качающейся невесомости. Сейчас я не чувствовала страха, потрясения, ужаса.

Не чувствовала тех тяжелых, мрачных эмоций, которыми по обыкновению были

наполнены мои видения.

Мы стояли рядом. Я проследила за взглядом мальчика. Он смотрел на альпинистское снаряжение, лежавшее на полках магазина.

Я чуть нахмурилась. Приблизилась. На желтых, зеленых и оранжевых касках темнел черный логотип — «ГОРНЫЙ ПУТЬ».

Что это? Что за «Горный путь»? Что хочет этот мальчик, чтобы я тут увидела?

— Игорь... — я вспомнила имя ребенка из своего последнего видения. — Что я...

Я обернулась и в первое мгновение ужаснулась. Воет ветер, кружит метель. Я стою в снегу в окружении снега и льдов. С пасмурного, блеклого неба бесшумно падает снег. Я вижу силуэты идущих людей. Темные, чуть мерцающие, подрагивающие. Я слышу их голоса.

Налетевший порыв пронизывающего, холодного ветра обжег кожу, проник под одежду, пробрался в тело, коснулся сердца. Я поёжилась. Обхватила себя за локти, чуть сжалась, чуть втянула голову в плечи. Было холодно. Холод мертвенной, тугой хваткой стягивал, сжимал меня в ледяных объятиях. Я начала дрожать. У меня дрожали губы, спина, плечи, колени. Холод владел мной, обладал моим телом, пытался завладеть моей душой.

Я смотрела на подрагивающие темные силуэты людей.

— Далеко ещё? — раздался женский голос.

— Нет, Эдита, — отозвался бодрым голосом шедший впереди мужчина. — Вон там, за скалой сделаем небольшой привал.

— Олег мёрзнет, — озабоченно ответила Эдита.

— Хрен ли вообще он с нами попёрся! — агрессивно произнёс какой-то мужчина. — Сидел бы в лагере, если ещё не выздоровел! Там горячий чай, шоколад, пирожные...

— Можно подумать, ты бы променял восхождение на Чогори, даже будь у тебя температура сорок, Касьян, — насмешливо произнёс шедший впереди мужчина.

— Да, — не стал отрицать Касьян. — Я слишком долго ждал, когда мы, наконец, все решимся покорить Чогори. А ещё месяц ждал, пока мне откроют визу в этот ср**ый Пакистан.

— Каменев, тебя не пускали, потому что у тебя слишком много фоток в сети, где ты то в клубешнике с девчонками, то кальян куришь, то алкоголем заливаешься, — ответил всё тот же мужчина, идущий впереди. — Надо было следить за своим Инстаграмом и Фейсбуком.

— Ой, Вербин... За собой смотри! — раздраженно отозвался Касьян.

Они прошли мимо меня. Я последовала было за ними, но с удивлением обнаружила, что не могу идти. Просто... Просто топчусь на месте. Я вынуждена была бессильно наблюдать, как вереница темных мерцающих силуэтов альпинистов бредёт в сторону заснеженного горного пика. На моих глазах небо за горой вдруг начало менять цвет. И с блеклого вдруг стало темно-багровым, как кровь.

На меня налетел яростно завывающий порыв ветра, меня окружил вихрь снега. Я сжалась вся, присела содрогаясь от сдавливающего меня в тисках противоестественного холода. И вдруг снег пропал. Прекратил выть ветер. Воздух стал сухим и теплым, жарким... горячим! Слабый ветер пах тошнотворной, кисло-горькой гарью.

Я встала. Осторожно, настороженно обернулась. Теперь я стояла посреди пылающих руин, и горячий воздух лизал моё лицо.

От яркого пламени слепило глаза. Горький, едкий, ядовитый дым лез в горло, нос, пробирался под одежду.

Что-то с треском надломилось на втором этаже и тяжело рухнуло вниз, подняв вверх

сноп мерцающих искр.

От удара пол под моими ногами вздрогнул, как от землетрясения.

Я боязливо попятилась. И тут же рядом со мной упал и развалился горящий рояль. Он распался на пылающие куски. Искры брызнули мне в лицо.

Я вскрикнула, отшатнулась. Запнулась обо что-то ногой, чуть не упала. Подняв голову, я огляделась. Огонь пылал, плясал и ревел вокруг меня. Извивающиеся змееподобные языки огня злорадно, с ожесточением пожирали дом, разъедали его, уничтожали всё, до чего могли дотянуться.

Я находилась внутри горящего дома, в самом центре, на первом этаже. Я стояла прямо возле широкой, плавно закручивающейся лестницы с алебастровой балюстрадой.

Сейчас на ступенях плескалось пламя и тлели, догорали безжизненные остатки ковров. Поместье вокруг меня дышало стариной прошлого. Это чувствовалось. Когда-то оно даже было грандиозным и величественным. Оно чем-то было похоже на родное поместье моей семьи. Только наше напоминало небольшой Версаль и было раз в десять-пятнадцать больше.

Огромный, старинный дом был абсолютно весь полностью во власти пламени. Полностью был охвачен и покорён диким, свирепым огнём. Огонь брал всё. Всё, что хотел. Все, чего касался. Всё, что мог уничтожить, он уничтожал с удивительным яростным неистовством.

Бесформенной рухлядью на первом и других этажах горела мебель. Тряпьем сгорали одежды, ковры, портьеры и обрывки старых гобеленов. Огонь не пощадил и технику. Он плавил телевизоры, компьютеры, провода и ещё какое-то оборудование.

От искорёженной огнем техники поднимался знакомый ядовито-кислый запах. Огонь был везде и брал всё...

Сцена всевластия бурного пламени пугала своей масштабной, уничтожающей и мрачной inferнальностью. Огонь, как кожу, сдирал со стен обои, обшивку и жевал их. Комкал, сминая обугливая до черноты. В огне с гулким грохотом и стуком осыпались вниз фрагменты этажей. Рушились стены, пол, потолки. В кучу пылающего мусора всё валилось на пол первого этажа, погребая под собой просторный холл. То и дело что-то с грохотом обваливалось, врезалось в пылающий пол первого этажа, заставляя дом вздрагивать.

Я, съезжившись от страха, не смея шевелиться, взирала на фантастический кошмар пожара! Вокруг меня падали и разбивались сгорающие вещи, доски, обломки, компьютеры, мебель, провода, книги. Над моей головой выше беспорядочно порхали горящие листы бумаг. словно качаясь из стороны в сторону, они, сгорая, тлея плавно оседали вниз.

Я не двигалась. Я не смела шевелиться. Я боялась ступить шаг и лишний раз вздрогнуть. Я только наблюдала медленную и неотвратимую гибель старинного, безымянного здания в зареве хищного огня.

И тут я услышала их. Я слышала голоса. Искаженные, рвущиеся, хрипящие. Я оглянулась на лестницу, затем наверх, на верхние этажи. Голоса звучали оттуда. Из-за дыма и огня. Они звали на помощь. Молили о помощи.

Я слышала, как они рыдали от боли и паники. Я недолго думала, я ринулась вперед по лестнице и вдруг остановилась. Огонь... Огонь возле меня пугливо расползлся, расступался, и словно пригибался к земле.

В этот миг, с холодящим чувством внезапного озарения, я почувствовала страх... Чужой страх! Страх пламени! Страх огня!

Он... он боялся... Эта все уничтожающая стихия сейчас боялась меня и не скрывала

этого!.. Как это возможно?..

Нет времени рассуждать! Я снова услышал крик. Я бросилась наверх. Огонь в ужасе гас передо мной. Я мчалась наверх. По тлеющим ступеням и сгоревшим коврам. Я бежала на звук умоляющих голосов. Я рвалась вперёд, я жаждала оказаться с ними, я хотела... очень хотела помочь. И я... я бежала. Я ворвалась в просторный зал и застыла на пороге от увиденного ужаса.

Они горели. Горели десятками. Несколько десятков тел, неистово крича, воя, ворочаясь, сгорали охваченные пламенем. Связанные, беспомощные, брошенные они просто сгорали живьем одни в огне! Без надежды! Без шанса на спасение! Одни... Брошенные... Приговоренные... Казненные...

Я ринулась было вперёд, но вот навстречу мне из пламени вынырнула темная высокая фигура и с диким криком унеслась прочь по широкой лестнице. Я, сама не знаю, зачем, бросилась за ним.

Вслед за кричащим человеком я слетела вниз по лестнице.

Я не знала, зачем бегу за ним. Я просто знала, что должна следовать за ним. Эта мысль прочно тяжелела в голове.

Беспорядочно размахивая руками, горящий мужчина буквально вышиб догорающие створки дверей.

С взрывом искр он вырвался наружу, в ночь и тут он вдруг «погас».

Огонь больше не вилял вокруг его тела. Вместо огня на моих глазах, его тело обвил густой, чернильный мрак.

И тут он медленно обернулся. Я вскрикнула. Это был он! Тот самый человек! Тот странный, пугающего вида черно-белый человек в чёрном старом сюртуке! То же лицо с чёрными провалами вместо глаз, и уже знакомая зловещая ухмылка чёрных губ на неестественно бледном лице! Это был он... Убийца той семьи. Чудовище во плоти человека... Человека ли?..

Его фигура непропорционально вытянулась вверх. Он стал ростом метра в два с лишним или больше.

У него оставались узкие плечи и длинные руки с длинными, гибкими, худыми и бледными пальцами. Он улыбнулся шире.

Чувство ледящей стужи вскарабкалось по моим коленям, на живот и добралось горла. Оно задушило крик моего ужаса, облепило лицо плотной, стягивающей массой.

Я несколько секунд смотрела в глаза бессердечного, жестокого, злого мрака. А потом... внезапно всё исчезло, испарилось, распалось...

— Роджеровна!

Я вздрогнула, обернулась. Лерка с коробкой в руках стояла возле меня. Я растерянно огляделась.

Мы находились в магазине спортивного снаряжения. В том числе и альпинистского. Яркое горело свет, мимо стеллажей с товарами, палаток, рюкзаков и прочего инвентаря с задумчивым видом прохаживались многочисленные посетители.

— Ты чего тут зависла? — спросила Лерка.

— Да так... — тихо ответила я. — Просто... заинтересовалась.

— В горы что ли собралась? — хмыкнул Логинова.

Я поглядела на неё, затем обернулась, посмотрела разноцветные альпинистские каски. Я задержала взгляд на логотипе «ГОРНЫЙ ПУТЬ».

— Возможно, — промолвила я.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть четвёртая.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Вторник, 11 августа. За несколько часов до предыдущих событий.

Первым, что он почувствовал был холод. А затем боль. Тянущая, вязкая, тяжелая боль во всем теле. Боль таилась в затылке, разламывала череп и кромсала спину.

Сеня с хриплым стоном перевернулся на бок. Оскалившись, глухо зарычал и яростно выругался. Его рычание дребезжащим гулким эхом сотряслось вокруг и разбежалось в стороны. Арцеулов, кряхтя, скалясь от боли поднялся. Первым делом нащупал ружье. Взял его в руки. С оружием он всегда чувствовал себя лучше. А без него всё равно, что голым.

Арсений включил тактический фонарик под стволом помпового ружья. Яркий, белый луч фонаря разорвал глухую полутьму.

Сеня увидел щербатые, угловатые каменные стены и старые крепкие, толстые, длинные доски. Они удерживались округлыми металлически каркасами арочного вида.

В обе стороны от него тянулся широкий в виде плоского полукруга, арочный ход с металлическими переборками и деревянными брусками. На стенах и потолке извивались какие-то провода.

Вдалеке Сеня увидел тусклые огни желтого электрического света.

Он шагнул было вперёд и тут же споткнулся обо что-то. Чертыхнувшись, Арцеулов посветил себе под ноги. Русо-рыжие брови Сени дрогнули, выгнулись вверх. Между его ботинок, засыпанные щебнем и глинистым, сыпучим грунтом протянулись толстые рельсы. Четыре уходящих далеко вперёд металлических рельса. Они тускло поблёскивали в свете фонаря.

Между рельсами пролегли бревенчатые шпалы, валялись мелкие камешки и солидные булыжники. Слабый, прохладный сквозняк доносил смесь затхлых, земляных запахов.

Сеня чуть поморщился. В пыльном воздухе чувствовалась терпкая, маслянистая горечь.

Арцеулову не нравился этот запах. Запах подземелья. Запах пещер. Да и сами шахты и всякие пещеры он тоже никогда не любил. А он сейчас явно пребывал в какой-то шахте. Впереди послышались голоса. Сеня вскинул ружье. Быстро оглянулся в поисках укрытия.

Прислушался снова. Говоривших было двое.

— Ты точно слышал? — донеслось до Сени.

— Да... — слегка растерянно ответил другой, с хриплым голосом пропойцы. — Вроде, как ругался кто-то... или стонал...

— Стонал? — переспросил со смешком первый. — Наверное опять кто-то из дровосеков накалдырился водяры самогонной и забрёл в наш схрон...

— Возможно, — не стал спорить его собеседник.

Они приближались. Сеня увидел скачущие по стенам косые лучи света фонарей, а чуть позже длинные, вытянутые тени приближающихся людей. Судя по силуэтам теней на скалистых выщербленных стенах, оба человека были вооружены автоматами.

Арцеулов мысленно выругался. Начал медленно отходить.

Левая нога отозвалась тянущей, выкручивающей болью в колене.

Боль когтями скомкала спину у поясницы. Сеня тихо выругался, скрипнув стиснутыми

зубами. Он поспешно, тихо начал отходить в тень шахты. Добравшись до неожиданной развилки рельс, он притаился за поворотом. Здесь он снова прислушался.

Вооруженные люди приближались. Сеня сжал ствол ружья. Прикинул свои действия, затем возможные последствия.

Он аккуратно снял ружьё с плеча, положил на каменистую почву рядом с ботинками. На поясе, слева в ножнах у него покоился широкий кукри нож. Сеня любил этот нож за его прекрасные рассекающие характеристики и эффект метательного удара.

В умелых руках нож непальских гуркхов был смертоносным оружием.

Сеня слышал приближающиеся голоса. Слышал шорох их обуви по мелким камням пещерной почвы. Они приближались. Арцеулов ждал. Он заставил свое дыхание выровняться, успокоиться. Сеня приготовился.

— Слушай, — проговорил один из двоих идущих мужчин, — да ну его на... Пошли обратно. Нет тут никого.

— Ещё чего! — ответил второй. — Помнишь, как в прошлый раз мы не придали значения странным звукам в нижних ярусах шахты... А потом выяснилось, что там какие-то бродяги жили. Оно нам надо?

Мы ж тут не игрушки елочные прячем!

— Да уж. — хохотнул первый. — Елочные игрушки не стоят по сотню баксов за упаковку!

— Не ори, — ответил его собеседник.

Они как ни в чем не бывало прошли мимо скрывающегося в тени Сени. Арцеулов выждал момент. Удар сердца. Мгновение — и он резко ринулся вперед. Быстро, агрессивно, проворно. Они услышали, обернулись. Но недостаточно быстро. Сеня взмахом ножа вспорол горло первого.

Смуглый мужчина с длинными волосами упал на колени, с выпученными глазами держась за окровавленное горло.

Арцеулов подскочил к другому, левой рукой отвел ствол автомата.

Второй, шатен с татуировками на лице, оказался более опытным противником.

Он выпустил автомат из рук, отшатнулся, выхватил нож.

— Ну давай, падла! — с лихорадочным блеском в глазах прорычал он.

Сеня с угрюмым видом ринулся на него. Они закружились в бою.

Взмах. Ответный выпад. Сверкают тусклые блики на лезвиях обоих ножей. Взмах. Свист рассекаемого воздуха. Взмах. Блеск лезвия.

Сеня увернулся. Левая нога предательски прострелила болью.

Противник Сени сделал резкий выпад. Широкое лезвие с зубчатым фореитором сверкнуло у самого лица Арцеулова.

Сеня пригнулся и крепким лбом с силой боднул противника в грудь.

Тот охнул, выронил нож. Клинок со звоном ударился об рельсы.

Враг Сени упал на колени, с сиплым свистом хватая ртом воздух.

В следующий миг он завалился на бок, затрясся в конвульсиях, дёргая ногами.

Арцеулов присел рядом, разорвал ворот его рубашки, перевернул на спину. Сеня качнул головой. Не то, чтобы ему было жаль убитого, но он не ожидал, что его удар головой способен проломить грудную клетку взрослому мужчине.

Сеня встал, оглянулся, прислушался. Тихо. Только где-то далеко, совсем далеко, в глубине шахты раздаются какие-то приглушенные, невнятные звуки. Сеня быстро обыскал

убитых. Нашёл у одного мобильник. Посмотрел на дисплей. Покрытие было слабым. Всего одна палочка на индикаторе.

Сеня, держа телефон чуть выше головы, набрал номер Стаса. Приложил телефон к уху. Раздался гудок дозвона.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 11 августа. Сразу после происходящих выше событий.

Под ними в нескольких сотнях метров быстро проползал местный ландшафт. Они летели невысоко. На верхушках самых высоких елей, сосен и дубов можно было различить отдельные листья и ветки.

Стас внимательно всматривался в местность внизу.

Коля, который не любил летать, а если честно, то и побаивался сидел подальше от бортов вертолётки и с угрюмым видом смотрел строго перед собой в перегородку между пилотами и пассажирским отделением.

Корнилов к высоте был равнодушен. Его срочная и контрактная служба совпали в боевыми действиями на Северном Кавказе. В те времена ему не раз, не пять, не десять и даже не двадцать приходилось десантироваться с вертолётки и транспортных самолётки.

У Стаса завибрировал телефон. Корнилов чуть удивленный, вынул телефон, взглянул на дисплей. Номер был незнакомый.

Стас дал отбой. В шуме вертолётки говорить по телефону занятие бессмысленное. Он быстро написал сообщение: «Ты жив?»

Он не знал Сеня ли это пишет, поэтому не стал называть его по имени. Через пару секунд пришел ответ.

«Да. Повезло. Стас где вы сейчас?»

«Летим за тобой».

«Хорошо. Можете отследить этот телефон?»

«Мы и твой уже отследили. Ориентиры можешь дать? Так быстрее будет».

«За городом. Гора рядом с большой лесопилкой. Там на ней дом стоит здоровый, сгоревший. Я под ним».

«Понятно. Ты можешь подождать нас?»

«Да. Тут пока спокойно».

«Хорошо».

Стас спрятал телефон, опустил микрофон наушника и сказал пилоту по внутренней связи:

— Йонас, нам нужна лесопилка и гора возле неё. На горе ориентир — большой, сгоревший дом. Сеня там.

— Понял, тебя, — отозвался пилот с характерным литовским акцентом.

Их полицейский Ка-226 чуть сменил курс, вильнул в сторону. Салон вертолётки накренился. Сидевший справа от Стаса Коля Домбровский судорожно вздохнул, вцепился руками в ручки возле сидений.

— Коль? — Стас тронул капитана за локоть. — Всё нормально?

Домбровский, сжав зубы, отчаянно кивнул. Лицо у него было бледное, страдальческое, но решительное.

Сгоревший дом они обнаружили довольно быстро. Он располагался высоко в горах, укрываясь за мертвыми деревьями и старой металлической изгородью.

Для Стаса было загадкой зачем кому-то могло понадобиться строить жилище в такой труднодоступной местности. Разве что озяном сгоревшего поместья был какой-нибудь граф-отшельник, с замашками озлобленного мизантропа.

Вертолёт завис над полуобвалившейся крышей сгоревшего поместья. Стас надел на голову каску, завязал под подбородком ремешок крепления. Затем спустил вниз трос. Вдруг его тронули за плечо. Корнилов обернулся. Один из четырёх бойцов «СОБРа» указал пальцем на себя.

— Давай лучше мы первые, командир, — предложил спецназовец.

Стас кивнул, пропустил собровцев вперёд. Те сноровисто, быстро, ловко соскользнули вниз по тросам и мгновенно заняли круговую оборону. Стас и Коля спустились следом.

Времени было мало. Они не знали всей ситуации, но в таких случаях всегда стоит исходить, что чем быстрее действуешь, тем лучше.

Стас и Коля оба были в бронежилетах, с разгрузкой, и вооружены компактными МР-5. У собровцев были более громоздкие и мощные АК-12.

Корнилов обвёл взглядом дом и территорию. Заметил древний труп на ветках одного из деревьев. Антураж вокруг был более чем зловещим и гнетущим.

— Идём, — приказал Стас.

Вшестером они зашли в дом.

— Вижу провал в полу, — передал по связи один из бойцов.

Они окружили темнеющую, широкую дыру в полу. Поверхность пола вокруг дыры ямы прогнулась, проломилась вниз, образовав плоскую воронку. Вокруг валялись горы обгоревшего хлама.

Спецназовцы сбросили вниз люминесцентные шашки. Внизу зажегся мерцающий ярко-зеленый свет.

— Чисто! — отозвался командир бойцов.

Стас и Коля заглянули вниз. Корнилов взял телефон, но тут увидел, как снизу выглядывает Сеня. Вид у него был помятый и побитый. Но этого здоровяка тяжело было измотать и обескуражить ушибами и синяками. Со Стасом связался пилот кружащего над ними вертолёта.

— Стас, — сказал Йонас. — Я нашел место для посадки. Там вроде безопасно. Буду ждать вас неподалёку. Как понял?

— Понял, тебя, — отозвался Стас. — Мы постараемся по-быстрому.

— Удачи, — отозвался Йонас.

Корнилов прервал связь. Когда они спускались вниз, он почувствовал нарастающее волнительное предвкушение боя.

Нет, это была не радость или восторг. Ему давно не двадцать, чтобы радоваться грядущей перестрелке. Скорее это был инстинкт. Так его организм, его натренированное в армии сознание реагировало на вероятность боестолкновения с противником. Агрессивной готовностью и активизацией всех боевых инстинктов.

Стас первым подошел к Сене. Оглядел его. Тот слегка вспотевший, явно только что из передраги, довольно улыбался в светло-рыжую бороду. На его одежде Стас заметил влажные пятна крови, но судя по их форме и положению, кровь не Сенина.

— Что с тобой приключилось? — спросил Стас, критическим взглядом оглядев

подчиненного.

— Всего так сразу и не перечислишь, — пожал плечами, Сеня. — Зато, я нашёл кое-что интересное.

— Насколько интересное? — спросил Стас с сосредоточенным видом.

— Здесь в шахте, в паре сотен метров отсюда организован огромный склад для хранения каких-то медикаментов, препаратов или что-то в этом духе. Не знаю. Но вряд ли это законно. Замешаны местные. Я некоторых узнал среди тех, кто там возится.

— Откуда ты знаешь в лицо местных? — спросил Коля.

— Я их бил, — пожал плечами Сеня.

Один из бойцов помог Сене облачиться в необходимую амуницию.

— Не обижайся, Сень, но видать недостаточно, раз они ходят, — ответил Стас.

— А они не ходят, сидят там со всеми вместе, — пожал плечами Арцеулов.

— Много их? — спросил Стас.

— Я насчитал сорок четыре. Все со стволами.

Стас бросил взгляд на бойцов «СОБРа».

— Ну, что? Справимся?

— Вряд ли у них есть специальная подготовка и боевые навыки, — пожал плечами командир спецназовцев. — Скорее, это деревенщина со стволами. Кстати, а что за стволы?

— АК, — пожал плечами Сеня. — Но явно старые, семьдесят четвёртые. Вроде АКСУ видел, есть два «ДШК», «Печенег», остальное... охотничьи дробовики, двустволки. У одного кажется есть СВД.

Спецназовцы переглянулись.

— Если со снайперкой хороший стрелок, он может устроить нам проблемы, — признался командир. — Но, ничего. Снимем его первым.

— Тогда, пошли, — оглядев всех, решил Стас. — Показывай Сень.

Они двинулись вперёд, по широкому арочному проходу шахты.

Они двигались тихо, быстро, внимательно прислушиваясь и глядя по сторонам.

На пути им встретился «патруль» из четверых бойцов. Судя по разговору, они шли проверить, что случилось с двумя пропавшими дозорными, которых устранил Сеня.

Четверку незадачливых бандитов положили одновременными выстрелами в голову. Четыре почти беззвучных щелчка, четыре ствола с глушителями мягко плюнули свинцовыми зёрнами.

И четыре тела упали на каменистую почву, навсегда замерев с закрытыми глазами.

Впереди двигались двое бойцов Собра, за ними Стас и Сеня.

Коля и ещё два бойца замыкали. Домбровский хоть и не служил в армии, был очень метким стрелком. Но уступал всем в боевых рефлексах, которые необходимы во внезапном столкновении.

Стас держал его за их с Сеней спинами. Они миновали широкий поворот, обошли две перевёрнутые вагонетки. Здесь нашли труп худого мужчины со светло-русой бородой. Вытаращенные застывшие глаза смотрят в одну точку. На бороде и одежде засыхают красноречивые следы недавней рвоты.

Стас посмотрел на взрытую почву возле ног покойника.

— Задохнулся от собственной блевотины, — вздохнул он и тут увидел белевшую возле неподвижных пальцев мертвеца упаковку.

Он присел, поднял её, покрутил перед лицом. Упаковка была топорной, кустарного

производства.

Он швырнул её Сене.

— Такие препараты на складе, который ты видел?

— Вроде, да, — с хмурым видом ответил Арцеулов и взглянул на Стаса. — Ты похоже знаешь, что это.

Стас кивнул.

— Это похоже на MDMA, — ответил Стас. — Психоактивное соединение амфетаминового ряда...

Корнилов качнул головой. В последние несколько лет у Главного управления по контролю за оборотом наркотиков серьёзные проблемы из-за этой дряни. Никак не могли вычислить каналы поставок. Искали где угодно. От Кавказа до Средней Азии. Даже ближайшее западное зарубежье проверяли, думали идёт из «Незалежной», через ДНР/ЛНР ан нет... Кто бы мог подумать!

Прямо под боком!

Домбровский взял упаковку из рук Сени.

— Я так понял, это что-то вроде экстази? — спросил он.

— Намного сильнее, — ответил Стас с сердитой досадой. — Они имеют куда большую нейротоксичность, и процент поражения центральной нервной системы куда выше. Примерно двадцать-тридцать процентов.

— Твою же мать! — воскликнул Коля. — А как же... Как они его толкали! Ведь должны были быть летальные исходы! Много!.. Господи... Десятки!

— Их не было, Коль, — вздохнул Стас. — Потому что ребята из ГУНК знают свою работу.

— Мы им помогали накрывать пару притонов с этим дерьмом, — кивнул на упаковку один из бойцов «СОБРа».

Стас молча кивнул.

— А теперь есть шанс уничтожить саму причину возникновения притонов. Кто за?

— Обеими руками, — мрачно отозвался за своих командир бойцов спецподразделения.

— Ещё бы, — рыкнул Сеня.

— Не будем терять времени, — подытожил Коля.

Они двинулись дальше. Патрулей на пути больше не было. По мере продвижения они услышали нарастающий шум голосов, скрип, шорохи, легкий стук. Такое впечатление, что кто-то что-то куда-то грузил или переставлял.

Шестеро вооруженных служителей порядка добрались до поворота, за которым растянулось просторное, складское помещение. Судя по тому, что увидел Стас, раньше это помещение использовали для хранения добытого в шахте угля.

А судя по самой шахте было это годах этак в пятидесятых или шестидесятых.

В складском помещении возвышались ряды картонных коробок из-под телевизоров, компьютеров, кондиционеров и холодильников.

Вокруг них расхаживали вооруженные мужчины откровенно преступного вида. Как будто их специально подбирали.

Злые, угрюмые взгляды. Злорадные, издевательские ухмылки. Паскудные рожи со шрамами, татуировками, синяками, родимыми пятнами и ожогами.

Сеня был прав. У многих в руках были АК-74. Интересно, где они их добыли в таком-то количестве? Сейчас, вроде, не девятностые, оружием направо и налево не торгуют. Во всяком

случае масштабы стали в разы скромнее.

Мысли об этом навяли Стасу неприятные воспоминания, связанные с опасным эпизодом во время военной операции.

Это были нулевые. Федеральные штурмовики и вертолёты сбивали из ПЗРК. Из российских ПЗРК, из родных комплексов «Игла-С».

Пять летчиков и машин потеряли, пока нашли кто, как, кому и почему.

— Командир, — к Стасу подкрался один из старший «СОБРовец», — я что думаю? У них вон два генератора бензиновых. От них все освещение питается. Вырубим генераторы — и они слепые, как щенки при рождении. А у нас очки ночного видения. Перестреляем их, как крыс, и дело с концом.

— Дельная мысль, — оценил Стас. — Только у них ведь фонари есть. Они могут нас заслепить ими.

— Светошумовые гранаты? — подумав, предложил спецназовец.

— Это уже более конструктивный подход, — согласился Стас.

Думать и рассуждать слишком долго не было возможности.

Охраняющие наркотик люди, явно спешили. Они грузили ящики в четыре небольших прицепных фуры.

Похоже, благодаря Сене, они сейчас могут сорвать поставку очень крупной партии сильнодействующего психоактивного наркотика.

И понятное дело, упускать такой шанс нельзя, даже учитывая тот факт, что это не юрисдикция УГРО.

Не будучи обнаруженными беспечными бандитами, Стас, его опера и собровцы спешно и всё так же бесшумно рассредоточились, заняли позиции. Весь организм Стаса вместе с его сознанием, навыками, рефлексам и умениями напоминал сейчас притаившегося для прыжка ягуара. Все мышцы одновременно расслаблены и напряжены. Всё тело готово сорваться в бой. Вся его натура, сущность, сознание — всё было взведено до предела, как курок смертоносного механизма, готового прийти в действие.

Корнилов плавно выдохнул. Его сердечный ритм участился ровно настолько, насколько было нужно для грядущих действий.

— Готовность пять секунд, — произнёс он, наблюдая за вооруженными людьми на складе.

— Пять... Четыре... Три... Два... — отсчитал Стас, и рыкнул. — Одна!.. Пошли! Пошли! Пошли!

Два быстрых щелчка. И искрами вспыхнули генераторы, раздалось два глухих выстрела, освещение моргнуло, погасло.

Корнилов опустил на глаза окуляры устройства NVS-7.

И мир предстал перед ним в черно-бело-зеленых оттенках.

— Что происходит?!

— Чё за хрень?!

— Э! Где свет?!

Белесые фигуры перепуганных бандитов заметались между темно-зелеными пирамидами ящиков.

— Гранаты пошли, один, два, — скомандовал старший собровец.

Стас увидел «баночки» светошумовых гранат, взметнувшиеся над головами обескураженных людей. Корнилов чуть отстранился.

Воздух сотрясли два быстрых хлопка. Стас услышал испуганные крики. Затем увидел несколько десятков мужских силуэтов, катающихся по полу и держащихся за уши. Другие согнувшись, шатаясь, ковыляли между ящиков, врезались в них.

Некоторые бились головой об стену, другие орали от ужаса.

Склад наполнился воем, криками, руганью. Ревущие, хрипящие, ругающиеся голоса преступников смешанным, беспорядочным эхом разносились по шахтерскому складу.

— Работаем! — приказал Стас.

Они ринулись вперёд. Вместе. Вшестером. Одновременно.

Корнилов увидел мечущиеся бело-зеленые лучи лазерного наведения от автоматов его коллег. Стас выстрелил в голову ближайшего противника, положил второго, третьего, четвёртого. Просто четыре нажатия спускового крючка. Быстро. Точно. Легко.

Корнилов заметил движение на втором ярусе склада.

Кто-то доставал осколочную гранату. Стас снял его выстрелом в горло. Мужчина упал и выронил гранату.

— Внимание граната на втором ярусе! — предупредил Стас.

Ударил взрыв. Резкая вспышка света на миг ослепила Стаса.

— Мусор-ра! — взревел кто-то.

Застучал пулемет. На глазах у Стаса он разбил несколько ящиков и скопил сразу четырех бандитов. Пулемет «заткнул» один из спецназовцев.

— Ах, вашу ж мать! — раздался в наушниках рации голос Арцеулова.

— Сеня! Ранен?!

— Нет на меня рухнули эти ящики!.. Что б их...

— Коля помоги Сене, — приказал Стас.

— Уже помогаю, — отозвался Домбровский. — Как тебя угораздило?!

— Кто-то из этих козлов так пытался убежать, что врезался в ящики. А я стоял за ними! — со злой обидой голосе прозвучал в наушниках Стаса голос Сени.

— А где этот козёл? Скрылся? — спросил Коля.

— Нет... вон лежит...

Стас и собровцы продолжали расстрел бандитов. Они застрелили ещё восьмерых преступников, сняли снайпера, а оставшиеся девять человек один за другим попадали на колени и заверещали в голос, что сдаются.

Всё закончилось буквально в считанные секунды. Казалось, всё завершилось, не успев начаться. Но на самом деле все объяснялось высоким мастерством Стаса, Сени, Коли и бойцов спецподразделения. Сработали быстро, слаженно и чётко.

Стас оглядел помещение.

— Общайте склад, — приказал он собровцам, а сам подошёл к стоящим на коленях преступникам.

Они держали трясущиеся руки над головой, в черно-зеленом спектре бледнели их перекошенные от паники лица, с блестящими точками испуганных глаз.

— Сдаюсь!

— Сдаюсь!

— Сдаюсь!

Они все, как один, жалобно повторяли одно и то же. Стас пинками заставил по очереди лечь на пол каждого.

— Руки за голову! — грозно прорычал Стас. — Кто шевельнётся — пристрелю, как

собаку!

Вернулись собровцы.

— Всё чисто, — доложил их командир.

— Отлично. Пакуем этих, — сказал Стас.

— Есть.

Задержанным нацепили наручники. Стас связался с Аспирином.

— Твоя фамилия Шишкин? — с усмешкой, глядя в распечатанные данные, спросил Стас.

Они сидели в допросной за серо-белым столом.

Возле правой руки Корнилова исходила ароматным дымком чашка с кофе. В пепельнице на середине стола тлела сигарета Домбровского.

Сам Коля, сложив руки на груди, стоял у серо-зеленой стены с фактурой из искусственного камня. Он с нескрываемым сердитым осуждением испепелял презрительным взглядом Шишкина Эдуарда Ивановича, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, уроженца Туманного бора.

— Ну, Шишкин и чё? — дёрнул плечами задержанный.

Он был плотный, плечистый, коренастого телосложения. Явно страдал от заметного излишка веса. Об этом свидетельствовало и одутловатое, заросшее неряшливой бородой лицо с прищуренными, глубоко посаженными глазами мутно-серого цвета, а также заплывшие жиром округлые плечи, руки, и заметно выпирающее из-под несвежей, заношенной клетчатой рубашки пузо.

Вообще, весь внешний вид Шишкина полностью соответствовал портрету «прирожденного преступника» по теории Ломброзо.

Если бы науку итальянского врача-психиатра признали дееспособной, Шишкин Эдуард Иванович подходил бы чуть ли не под все параметры исконно криминальной личности.

Которой он, вне всякого сомнения, и является.

— Знаменитая у тебя фамилия, — вздохнул Стас, вспомнив известного однофамилица задержанного и его картины.

— Чё? — туповато спросил Эдуард. Корнилов поднял на него взгляд. Шишкин глядел на него со скучающей угрюмостью на бородатом лице. Его темные волосы лежали сейчас на прямой пробор, являя миру уродливую лысину со шрамами от язв.

— Забудь, — покачал головой Стас. — Лучше расскажи мне, как и зачем вы сожгли дом, где квартировался альпинистский клуб «Горный путь»?

Шишкин пару секунд взирал на Корнилова. Его глаза тускло поблескивали из-под сдвинутых, косматых, тёмно-каштановых бровей. Затем он как-то странно сдавленно хрюкнул, будто подавился.

— Ты чё, начальник... Не жгли мы их... На х** нам это было нужно?..

— Чтобы альпинисты никому не рассказали, что вы храните у них под клубом! — с неожиданной вспльчивой горячностью воскликнул Николай Домбровский.

Шишкин взглянул на капитана Домбровского так, словно только сейчас обнаружил его присутствие. Он шевельнул плечами, размял их. Наручники на его запястьях, глухо звякнули.

— Да вы, менты, походу ваще не в курсах, чё там творилось... — его рот темным провалом в густой бороде приоткрылся в ехидной усмешке.

— Хватит того, что мы нашли у вас ящики с тоннами наркотических веществ! — Коля подался вперёд, подошел к столу. — Альпинисты не могли не знать, что вы там бережёте!.. Вы ведь наверняка пробовали привлечь их? А? Пробовали заинтересовать их? Чтобы они молчали? Может даже предлагали им долю? Что смотришь, урка вонючая?! А когда альпинисты отказались... Вы их сожгли! Вместе с домом! Живьем! А ты знаешь, паскуда, сколько там тел было найдено?! Пятьдесят четыре человека! Вы обрекли на страшную смерть пятьдесят четырёх ни в чем не повинных людей! Ты...

— Коля, — прервал Стас, — выйди и остынь.

— Стас, я... — у Николая лицо пошло красными пятнами, в глазах лихорадочно блестела ненавистная ярость, от него исходил жар бушующего в душе гнева.

— Выйди, приведи себя в порядок, и возвращайся, — с жестким холодком произнес Корнилов, глядя в нефритовые глаза капитана.

Домбровский обжег Шишкина негодующим взглядом и послушно вышел из кабинета допросов.

Шишкин насмешливо хмыкнул, снова странно хрюкнул, закашлялся и с издёвкой произнёс:

— Нервные у тебя подчиненные, начальник.

Стас ухмыльнулся, глядя в глаза задержанного.

— У нас с тобой есть минут семь, пока он вернётся, — Корнилов откинулся на спинку кресла. — Ответишь на мои вопросы, я не оставляю тебя с ним наедине.

Бородач ощерился в злой усмешке.

— Думаете я боюсь этого франта в модном пиджачке? Что он мне сделает?

— Как знать, — туманно ответил Стас. — У Коли племянница лежит в наркологической клиники. И свою ненависть за это он экстраполирует на всех, кто связан с незаконным оборотом наркотиков.

— Чего?.. — скривился бородач. — Чего он делает?

— Вы все для него виновны, — объяснил Стас, не скрывая зловещего намёка.

Бородач прокашлялся. Выражение его лица изменилось, как и взгляд. Там появилось что-то напоминающее опасение.

Его плечи дрогнули. Звякнули наручники на отведенных за спинку стула руках.

— Слышь, начальник, ты чё это? А?.. — проговорил Шишкин, явно нервничая. — Ты чё меня пугать решил? Или чё? Чё он мне сделает, этот твой... У вас тут вроде всё...

Он оглядел комнату допросов и неуверенно закончил.

— У вас же тут всё записывается.

— Не всё, — Стас позволил себя гадкую ухмылку. — Только то, что нужно.

Такой ответ явно не устроил Шишкина. Он поерзал на стуле, подвигал плечами. На бородатом лице с мясистым, многократно сломанным носом, отразилось явное смятение.

— И че ты хочешь знать, начальник?

— Кто... сжёт... клуб «Горный путь»? — чеканя каждое слово, проговорил Стас.

Его серые глаза испытующе глядели на Шишкина.

Тот снова хмыкнул, фыркнул и затряс бородатой головой.

— Я же уже сказал... Не мы это.

— А кто?! — рывкнул Стас.

Бородач, явно не ожидавший крика, вздрогнул и подался назад.

Корнилов встал над ним, упёр кулаки в стол.

— Кто съжёт живьем несколько десятков человек?! Кто?!

— Да сами они, начальник, сами! — вскричал явно испуганный бородач. — Сами они этот ср**ый клуб подожгли!

— Неужели?! — прошипел Стас не скрывая злости.

— Да чтоб я сдох!

— Сдохнешь, — зловеще пообещал Стас. — Может не сегодня, но точно сдохнешь. В муках, тварь, подохнешь. Не сомневайся.

Шишкин побледнел, сник, глаза из косматых бровей таращились на Стаса.

— Начальник, я...

Тут дверь комнаты открылась. Стас обернулся. Вошёл Николай. С каменным, мрачным лицом и безжалостным бесстрашием в угрюмых глазах. Шишкин скрипнул стулом. У него участилось дыхание, округлый живот начал часто вздыматься.

Приоткрыв рот, он глядел то на Стаса, то на Николая.

— Я выйду, покурю, — показательно потянувшись, произнес Корнилов. — А он... весь твой!

— Эй, ты че начальник! — закричал Шишкин. — Ты чё это а! Я же всё сказал!.. Я же...

Он осекся. Домбровский не спеша подошел к столу, чуть наклонился к нему, оперся левой рукой на край. Правой медленно взял лежащую в пепельнице сигарету. Николай поднёс сигарету к губам, перевёл ледяной, уничтожающий взгляд на Шишкина. Сигарета вспыхнула в его зубах. Шишкин приоткрыв рот, часто, судорожно втягивая воздух, таращился на Колю.

— Сильно не шумите, — хмыкнул Стас и добавил уже для Шишкина. — Камеры мы выключали, Коль.

— Спасибо, — прошипел тот, не отводя хищного многообещающего взгляда от Шишкина.

Стас вышел, закрыв дверь. Корнилов не смог скрыть довольной улыбки. Хотя на самом деле радоваться было нечему. Неспешной походкой Стас пересек коридор и зашел в соседнюю комнату для допросов. Здесь его ожидал другой задержанный.

Худой, как жердь, пучеглазый, нескладный и лопоухий мужчина.

У него были неряшливые, рыжие патлы, торчащие во все стороны.

Крючковатый нос с очень широкими ноздрями. Верхняя губа выступала над нижней. Худые руки с синеватыми прожилками вен, были покрыты наколками тюремного содержания. Судя по ним, данный субъект отсидел приличный срок, но всегда занимал довольно низкое положение в тюремной иерархии.

— Здорово, — Корнилов сел напротив мужчины.

Он задержал взгляд на серой майке с логотипом хоккейного клуба.

— Как дела? — приветливо поинтересовался Корнилов у обладателя неряшливой рыжей шевелюры. — Не соскучился?

Мужчина, чуть повернув лицо, молча с пугливым взглядом внимательно изучал Стаса. Он вжимал длинную кадыкастую шею между своих узких, угловатых плеч. Его заостренный кадык то и дело дёргался от нервных глотков.

Корнилов развернул напечатанную информацию о рыжем мужчине.

— Кошевой Степан Степанович, — усмехнулся Стас, проглядывая текст информации на листе. — Тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения, родился в семье плотника и швеи, образование... средняя школа, Серпуховское ПТУ и... И всё.

Стас хмыкнул, взглянул на Кошевого. Тот поднял на него красные от лопнувших капилляров карие глаза. Вообще гиперемия в его глазах была ужасающая. Как будто он пил, не просыхая, или отравился чем-то. Ко всему прочему у задержанного была дряблая, бледная кожа с нездоровым зеленоватым оттенком, уродливые складки вокруг рта и синяки под глазами.

Стас подумал, что если ему намочить волосы и одеть в какое-нибудь старое тряпье, Кошевой вполне сойдёт за ожившего вурдалака.

— Ну что, Степан Степанович, — хмыкнул Корнилов. — Кто сжег людей в клубе «Горный путь»?

Кошевой ещё раз нервно сглотнул и прогудел неожиданно низким рокочущим голосом:

— Я никого не жег...

— А я и не утверждаю, что это ты, — ответил Стас. — Я спрашиваю, кто?

Рыжий дёрнул угловатыми плечами.

— Так это... Откуда ж мне знать...

— Странно, — Корнилов изобразил издевательское удивление. — А вот твой друг, Шишкин Эдуард, заявил, что это вы с приятелями связали несколько десятков человек, а затем подожгли старое поместье.

— Враньё! — вскричал рыжий и стул под ним скрипнул.

— Почему же, — совершенно спокойно отозвался Стас. — У меня есть его записанное признание. Сам он вообще ничего не делал...

— Да какое там «не делал»?! — проорал рыжий и, поперхнувшись, несколько раз быстро, нервно сглотнул. — Это вообще его была идея... Его и этого мужика... Как его... Олег... Или... Хрен его знает. Это они вдвоем решили! Меня там вообще не было! Я не подряжался на мокрое!..

— Да там ничего мокрого и не было, — вздохнул Стас. — Людей то сожгли.

Он горько, едко усмехнулся.

— Без крови обошлись.

Рыжий опустил взор карих, покрасневших глаз и замотал головой:

— Не было меня там, начальник. Но... Я... Я видел, как горело поместье...

— Вот как? — вскинул брови Стас, — Ты же сказал, что тебя там не было.

— Я издалека видел.

— О, издалека, всегда удобнее, — согласился Стас и кивнул. — Что ты видел?

— Человека.

— Какого человека?

— Ну, такого... в очках, с бородой... Он это дело на камеру фотографировал...

Стас на мгновение замер, потом отвёл взор. Затем встал со стула, молча вышел. Он сходил в их кабинет и взял оттуда распечатанные фотороботы, которые они с Колей составили со слов свидетелей.

Затем взял ещё несколько портретов из старых дел, которые плюс-минус совпадали по описанию.

Стас направился назад. В коридоре он встретил Арцеулова.

Тот был зол, на лице здоровяка темнело мрачное раздумье.

— Как успехи, Сень? — спросил Стас.

— Пургу он какую-то гонит, Стас, — покачал головой Сеня. — Клянется, что мол никого они поджигали. Что это их старшие договорились... И кажется, этот... Которого ты с

Колей оставил... Они с некоторыми альпинистами сговорились... И те вроде как принимали участие...

Сеня покачал головой.

— Бред какой-то. Что они сами себя что ли сожгли? А что это у тебя?

— Хочу кое-что проверить, — ответил Стас.

Они вдвоем вошли к Кошевому. И тут рыжий с порога вскрикнул.

— Гудящий! — заорал он. — Олег Гудящий!

Стас и Сеня переглянулись.

— Это был Олег Гудящий! — рыжий несколько раз топнул ногой.

Стас сел напротив него. Его брови изогнулись в легком недоумении.

— Кто такой Олег Гудящий, и что он сделал?

— Он их сжёг! — прорычал рыжий. — Это был он! Он! Он и... Ещё кто-то... Но я его фамилию запомнил! Она... связана с гудением... Или... Или что-то в этом роде...

— Может... — осторожно проговорил Стас. — Гуд-ков?

— Да! — тут же вскинулся рыжий. — Гудков! Олег Гудков! Точно!

— Да ну, — протянул Стас. — Ты видел его? Опиши его?

— Я его не видел, но у него жена есть, Ольга...

— Угу. Была, — проворчал Сеня.

Рыжий в ужасе уставился на Арцеулова.

— Ч-чего? — заикаясь спросил он. — Это не я! Я её не...

— Заткнись, — с хмурым видом прервал его Стас. — И успокойся.

Корнилов прокашлялся.

Кошевой с испуганным волнением жадно глядел на него.

На коже его лба и щек проступила болезненная испарина.

Стас перебирал листы с фотороботами в руках. Поднял изучающий взгляд на рыжеволосого.

— Значит, ты утверждаешь, что Олег Гудков... Сжег... своих же одноклубников?

— Да, — процедил рыжий. — Их там таких несколько было. Они хотели в долю к нам...

И даже каналы поставок обещали наладить... Гудков вроде как юристом каким-то был очень крутым... Или даже адвокатом... Я не помню! Но это он... Я точно знаю!.. Они при мне договаривались!

— Хорошо, — кивнул Стас, задумчиво глядя в сторону. — Посмотри вот на эти лица... Кого из них ты видел с фотокамерой в тот день?

— Там вечер был... — отозвался Кошевой, опустив взгляд на фотороботы. — Но из-за пожара вокруг было светло, как в утреннюю рань.

— Ладно. Смотри на фотороботы, — сказал Стас. — Кого...

— Вот этот, вот... — рыжий взволнованно звякнул цепями наручников и кивнул вперёд. — Вот эта фотка... Вторая слева...

— Вот эта? — Стас специально показал на другую.

— Нет, выше, — качнул головой рыжий.

— Вот эта? — Стас коснулся фоторобота.

— Да, — басовито прогудел Кошевой. — Это был он... очки, борода... Ещё куртка черная с капюшоном... Стоял неподалеку и фотографировал...

Рыжий покачал головой.

— Там люди орали... Слышно было на всю округу... А он стоял и снимал...

фотографировал... Никогда такого не видел... Зачем это фотографировать то?..

Стас переглянулся с Сеней. У дела появлялись неожиданные подробности, и намечался резкий поворот в развитии этой кошмарной истории.

— Хорошо... — Стас собрал фотороботы в кучу. — А вторую фамилию ты вспомнил? Ты говорил, что помимо Олега был ещё кто-то...

— Да, — кивнул рыжий. — У этого второго...

Он замолчал, сжал губы. Он сосредоточенно, с мучительным напряжением скривился, словно терпел боль в саднящей ране.

— Не помню... — выдавил он. — Крысой буду! Не помню... Только... Помню он часто дочуркой своей хвастался... Мол, как она рисует...

Стас на мгновение прирос к стулу.

— Её кажется то ли Оля, то ли... А! Поля!..Полина! Полина, во! Точно! Полина у него дочка была! И сынишка, кажется, малой совсем! Я его фотку видел, где он такую здоровую, лохматую белую псину обнимает!

Рыжий взглянул на Стаса. Корнилов несколько мгновений глядел на лицо Кошевого и пытался понять, насколько тот искренен.

Если рыжий Кошевой не обладал феноменальными актерскими способностями, уровня покойного маэстро Табакова, он говорил искреннюю правду.

Стас отвёл взор, встал из-за стола. Взглянул на Сеню.

— Побеседуй с ним, я зайду узнаю, как дела у Коли.

Однако, когда он подошёл к двери допросной, в которой оставил Шишкина с Домбровским, дверь неожиданно открылась.

Коля с задумчивым видом знаком предложил Стасу отойти.

Они прошли по коридору, остановились.

— Ты не поверишь, кого мне Шишкин назвал, как виновников пожара, — покачал головой Коля.

— Поверю, — хмыкнул Стас. — Гудкова и Вербина?

Коля не сдержал удивления.

— Да ладно! — воскликнул он. — Другие что... тоже?..

— Да, — вздохнул Стас. — А Кошевой, рыжий такой, на крысу похож, сказал, что видел кое-кого в тот вечер... И знаешь, кто это был?

Коля качнул головой. Стас молча показал ему фоторобот.

Домбровский медленно поднял взгляд на Стаса.

— Какого чёрта. Что вообще происходит?

— Пойдём, заберем Сеню, — сказал Стас. — Нужно всё обсудить.

Спустя несколько минут они закрылись в своём кабинете. Стас разложил все распечатки на столе. Встал рядом сложив руки.

Коля и Сеня встали рядом.

— Итак, — начал подбивать итоги Стас, — выходит, члены клуба «Горный путь» узнали, что в старой угольной шахте, пролегающей под их резиденцией находится схрон опасной наркоты.

Стас выдвинул вперёд две фотографии.

— Предположительно, двое участников клуба, покойный Олег Гудков и Тихон Вербин... Их скорее всего было не двое, так как вдвоем бы они не решились... но остальных мы пока не знаем... Так что эти двое, нам известные личности, предположительно, вступили

в сговор с бандитами. Они, вероятно, предложили это ещё некоторым членам клуба. Но те, скорее всего, отказались, и даже рассказали всем остальным.

Корнилов вздохнул, вытянул вперед фотографию сожженного поместья в горах.

— Они сжигают клуб и всех, кто там находился. А сами ведут дела с местными производителями психотропных наркотиков. По свидетельству задержанных Олег Гудков и Вербин сами непосредственно участвовали в налаживании поставок наркотических средств в места сбыта.

— Клубы, бары, всякие вписки и подпольные притоны... — покивал головой Сеня.

— Да, наверняка, — кивнул Стас. — Что дальше... Теперь у нас есть все основания полагать, что убийца не просто был связан с клубом «Горный путь», он был его участником. Это бы объяснило, почему он убил Гудкова и Вербина с их семьями.

— А его склонность к чёрному и белому? — спросил Коля.

— А вот это нам предстоит выяснить. А заодно и то, — Стас поднял взгляд на подчиненных, — кто ещё кроме Гудкова и Вербина состоял в клубе, и остался жив. Корнилов опустил взгляд, оглядел документы, протоколы, распечатки и фотографии.

— Потому что они, скорее всего, следующие, — проговорил Стас.

Домбровский и Арцеулов тоже молча с хмурыми, угрюмыми лицами взирали на стол с документами.

— Помимо этого, у нас есть одна зацепка, — сказал Стас и выдвинул из общей кучи ещё один фотоснимок. — Вот этот человек... Его видели возле дом Вербиных незадолго до их убийства. И его точно видели возле горящего клуба «Горный путь», когда он стоял там и снимал происходящее на камеру....

— Большой ублюдок, — не сдержавшись фыркнул Сеня.

— Коль, я просил тебя пробить похожих на него людей, — сказал Стас.

— Да, — кивнул Домбровский. — Одну минуту...

Он вернулся к своему компьютеру, несколько раз клацнул по клавишам. Заработал принтер. И через пару секунд Коля положил рядом с фотороботом уже реальную фотографию.

— Я его знаю, — скривился Арсений. — Это тот фотограф.

— Да, — сложив руки на груди, хмыкнул Коля. — Встречайте и любите. Платон Плансон. Собственной персоной.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 11 августа. Поздний вечер, несколько часов после событий описанных выше.

Я как раз дочитала главу из детской книжки про зверюшек-следопытов, когда обнаружила, что Лада уже сладко посапывает во сне. Я аккуратно встала с кровати, положила книжку на прикроватную тумбочку. Наклонилась к спящей девочке, чуть прикрыла её одеялом, поправила её игрушку жирафа по кличке «Максим». Взглянула за окно. В ночи над городскими высотками опять сверкала гроза, и слышно было, как капли дождя гроздьями колотят по стеклам окон.

Я убавила интенсивности у ночника, убавив лазурный свет до мягкого, приглушенного. В маленькой комнате Лады воцарилась приятная, очень уютная и умиротворяющая обстановка. Комната была переполнена огромным количеством счастливых и тёплых

воспоминаний маленькой Лады.

Наверное, именно поэтому мне нравится бывать здесь.

Я окинула взглядом изящный белый шкаф для одежды и письменный стол с полкой над ним. Мебель в комнате Лады походила на кукольную, как и розовое креслице возле стола и такие же розовеньки пуфики, возле которых дружной компанией сидели игрушки Лады. Я оглядела лазурные стены комнаты с белыми облаками и нежно-желтыми звёздочками, взглянула на люстру, похожую на большой сказочный и старинный фонарь.

Сколько душевного и счастливого, искреннего, родного тепла хранила эта комната. Сколько здесь было чистой и безграничной нежности. Стены и предметы этой уютной, милой комнаты, точно нагретые солнцем в жаркий день, сохраняли лучшее тепло бесконечной ласковой любви. Любви матери, любви отца и её старшей сестры. И её, Лады, любви ко всем.

Когда-то это всё было и у меня. Когда-то я тоже могла купаться в благостной и нежной любви своих родителей и бабушки с дедушкой.

Когда-то давно... Не так уж и давно, всего-то три года назад.

Когда-то меня, как и Ладу, окружали только любовью, оберегая от всех опасностей и неприятностей окружающего мира. Когда-то... Вроде это было всего-то каких-то три года назад... До моего одиннадцатилетия. А потом в одночасье всё резко и больно закончилось. Завидовала ли я Ладе и Логиновым? Да... Но я была счастлива и рада за них, а ещё безмерно благодарна, что они позволяют мне разделять с ними их семейное счастье. Отчасти.

Я наклонилась к Ладе, коснулась губами её щечки и прошептала:

— Спокойной ночи, зайка.

Крошка что-то пробормотала во сне, крепко прижала к себе жирафа Максима. Я умиленно, с нежностью улыбнулась.

Я подумала, если когда-нибудь у меня будет муж и семья, пусть будет дочка, как Лада, или, может быть, две и один мальчик.

Я улыбнулась своим мечтам и вышла из комнаты Лады, тихо-тихо прикрыв за собой дверь. Заглянула в комнату Лерки. Логинова, с тарелкой полной чипсов смотрела очередную серию «Древних».

Она заметила меня, поставила сериал на паузу.

— Ну что, усыпила мелкую шантажистку?

— Перестань, — усмехнулась я. — Она просто давно хотела эту куклу. Вот и использовала момент.

— Это не отменяет того факта, что она нас шантажировала, — закинув в рот ещё одну чипсину проговорила Лерка. — Это же ненормально, когда ребёнок у взрослых вымогает игрушку!

— И у кого бы она могла этому научиться? — с мягкой, вкрадчивой улыбкой поинтересовалась я.

У Леры хватило совести смущенно опустить глаза и даже вроде бы слегка покраснеть.

— У меня э-э... были обстоятельства, — пробормотала она себе под нос.

— Вне всякого сомнения, Лерочка, — вздохнула я. — Ты не против, я одолжу твой планшет?

— Бери, — пожала плечами Лерка. — А не хочешь посмотреть со мной «Древних»? Тут как раз начинается интересная заварушка между вампирами и ведьмами.

— Нет, Лер, — я поморщилась и покачала головой, — вампирская тематика мне

отчасти поднадоела...

— Да ну? А как же Эдвард Каллен?

— Во-первых, мне всегда больше нравились Джейсон и Карлайл, — усмехнулась я. — А во-вторых, мне вполне хватило восьми сезонов «Дневников». Пока что.

— Пока что ты решила коротать время с оборотнями, да? — захихикала Лерка.

— Я уже досмотрела всего «Волчонка», — напомнила я ей, взяв со стола планшет. — И теперь жду восьмой сезон «Игры престолов».

— О-о... — простонала Лерка, — опять это порнографическое фэнтези с изощренной жестокостью.

— Довольно странно слышать обвинения в жестокости от человека, восхищающегося существами, что охотятся на людей, — заметила я.

— Иди уже, — поморщилась Лерка, — умница белобрысая!

Я оставила её наедине с обожаемыми ею Майклсонами, Хейли и Марселем. Закрывшись на кухне, я села за стол, включила планшет и вбила в поисковик: «Горный путь». Однако к моему разочарованию всё, что выдал поисковик, было либо сильно устаревшим лет этак на десять-пятнадцать, либо касалось только самых общих данных.

Я попыталась найти что-то о пожаре в клубе. И тут меня тоже ждало разочарование. Ну как это так?! Сгорел целый клуб! Причем в хронологическом смысле, как я поняла, не так уж давно.

И ничего?! Никакой заметки, новости, упоминания?!

Как будто кто-то старательно уничтожил все следы упоминаний о том, что там произошло...

Я отвела взор, на миг прикрыла глаза. И снова вспомнила их.

Охваченные огнём, кричащие и визжащие связанные тела на полу.

Я нервно сглотнула, открыла глаза, стёрла всё, что было набрано в строке поиска. Подумав, я набрала «Вербин Горный путь».

И первой же ссылкой мне выпало — «Кошмарное убийство семьи Вербиных! В столице завелся опасный психопат!».

Я перешла по ссылке. Под заголовком полностью идентичным ссылке, красовалась мрачного вида фотография дома, в котором произошло убийство семьи Вербиных. А дальше шел текст.

«Как стало известно нашему информационному агентству, в четверг шестого августа сего года семья Вербиных в количестве четырёх человек стала жертвой безжалостного, жестокого убийства.

Представителей прессы правоохранные органы в дом не допускают. Но из доверенного источника стало известно, что неизвестный убийца имеет фанатичную и болезненную склонность к двум цветам: чёрному и белому. Именно в эти цвета он окрасил тела жертв и окружающий интерьер. Насколько нам известно, никаких важных и заметных улик преступник не оставил.

Однако наш доверенный источник также сообщил, что за дело взялась особая оперативно-следственная группа подполковника Станислава Корнилова. А он, возможно, один из самых лучших и достойнейших сыщиков современной России!»

Дочитав статью, я тяжело, с досадой вздохнула. Стасу теперь придётся тяжело. За каждую неудачу и промедление с него и его Коли с Сеней будут спрашивать втройне. А то как же так, особая оперативно-следственная группа, возглавляемая одним из самых лучших

сыщиков... А убийцу поймать не может.

Стас действительно хороший сыщик, но он всего лишь человек...

А публика, которая будет читать подобные наигранные, хвалебные воспевания, наверняка будет ожидать от Стаса и его подчиненных каких-то сверхчеловеческих решений и неожиданных, ловких ходов.

Широкой общественности ведь не объяснишь все трудности и проблемы. Большинство из них представляют следствие, как некую математическую задачу или уравнение с поиском производной.

То есть, в их понимании, следствие состоит из применения определенных профессиональных методов научной криминалистики и дедукции. И если следователь все сделал правильно — вуаля! Преступник непременно будет пойман!

Ага... Как же. Процесс поимки преступника больше напоминает игру «Сапёр» в Windows и Блек Джек. Один неверный шаг, и либо спугнешь преступника, либо кто-то погибнет по твоей вине. Попробуйте-ка вести дело с грузом такой ответственности!

Я с легким раздражением нажала на стрелку назад.

Откровенно говоря, я всё больше и больше начинаю разделять мнение Стаса о журналистах. Ну реально! Что ни напишут, обязательно подставят!..

Теперь только стоит этому черно-белому уроду совершить очередное убийство, и на Стаса с его оперуполномоченными такие тонны испражнений выльются, что те могут не отмыться в ближайшие несколько лет!

Я вернулась в поиск. Зашла ещё на несколько ссылок. Но материал повсюду более-менее был одинаков. Менялись только формулировки и акценты.

Так, ладно, не буду терять времени.

Я вспомнила ещё одно имя и фамилию из своего последнего видения. Касьян... Каменев... Касьян Каменев. Я ещё только вбила фамилию Каменев, как под поисковой строкой в столбик выпало несколько предложений.

И первое же кричало: «Знаменитый журналист Касьян Каменев стал жертвой автокатастрофы!»

Я клацнула курсором по выпавшей ссылке, перешла на сайт.

КОШМАРНАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ АВАРИЯ.

Известный на всю страну и Европу журнал «Философский проспект» едва не потерял своего лучшего журналиста!

Как стало известно, инцидент произошел в ночь на субботу, восьмого августа. BMW X6 Каменева врезался в огромный грузовик Lonestar, перевозивший титановые плиты.

Не самый маленький кроссовер, был буквально смят и разрушен от титанической силы удара грузовика. Журналист чудом остался жив! И даже, как передают источники, отделался весьма незначительным для такой аварии травмами.

Но, похоже, в жизни Касьяна наступила чёрная полоса.

Сначала громкое заявление с анонсом разоблачительной статьи относительно оппозиционных политиков, которое всполошило общественность. А теперь после аварии, в которой Каменев непостижимым образом выжил, на него собираются подавать в суд владельцы логистической компании, которой принадлежал грузовик.

Видимо, помимо лечения знаменитому журналисту придётся потратить солидное количество средств на адвоката, а в случае проигрыша дела — на выплату финансовой

компенсации.»

Я вернулась на страницу поиска, пролистав остальные результаты, недовольно вздохнула. Складывается такое впечатление, что кто-то старательно подчистил всю информацию и любые упоминания о клубе «Горный путь» за последние несколько лет.

И если так, то... Нет, зачем — понятно. Вопрос в том, кто?

Потому что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, кому в первую очередь это нужно. Правильно, тем, кто виновен в том страшном пожаре и массовом убийстве альпинистов.

Я снова вспомнила их предсмертные крики, мольбы о помощи и неудержимый вой мучительной боли. Сердце забило сильнее, тело наполнило вибрирующее нервное напряжение. Я закрыла глаза, расслабленно вздохнула. Затем встала из-за стола.

Нужно сделать себе чай. Хороший, крепкий, сладкий чай помогает мне расслабиться, часто, в большинстве случаев.

Я без труда нашла на кухне Логиновых чашку, чай и чайную ложку.

Я эту кухню не хуже нашей знаю. Так уж повелось.

Я заварила чай, бросила две ложки сахара, подошла к окну. Чуть раздвинув жалюзи, взглянула на ночной город.

Москва из этого окна глядела в ночь сотнями тысяч светящихся глаз из окон прямоугольных многоэтажек. Не знаю почему, но я любила иногда вот так посмотреть на ночной город. Это вызывало смесь противоречивых чувств. С одной стороны, это завораживало и вызывало восхищение. А с другой, заставляло представлять, каково сейчас там на тихих, безлюдных улицах, и что происходит в темных закоулках, когда рядом нет живых людей.

От этой мысли под футболкой по коже плеч и спины распространилась мелкая дрожь и волнительная щекотка.

Думаю, всё дело в том, что я никогда не жила в обычной квартире в одной из столичных многоэтажек. Я жила сначала в семейном поместье, а теперь на третьем этаже автомастерской. А оттуда не увидишь такой красоты, как из окна девятого этажа, на котором и располагалась квартиры Логиновых.

Я задумалась о своих видениях, об убийце и его страсти к чёрно-белым цветам, о мальчике Игоре, чье воспоминание видела уже два раза и о Стасе. Я так углубилась в раздумья, стоя с горячей чашкой чая в руках, что не услышала, как в кухню вошла Лерка.

— Ты опять смотришь новости про убийства? — спросила Логинова с неожиданным подозрением и насмешливым ехидством.

Я обернулась. Логинова стояла возле меня и смотрела на планшет.

— Да я просто... — начала я.

Лера подняла на меня взгляд своих малахитовых глаз.

— Роджеровна, это конечно твоё дело, и... — она ещё раз взглянула на планшет, — я конечно знаю, что ты увлекаешься психологией и по непонятной мне причине всякой криминалистической хренью... Но я уже далеко не в первый раз застаю тебя за просмотром подобных новостей! И ты ведь не просто лазишь и читаешь из любопытства, ты с компами не очень умеешь обращаться и поэтому историю ни хрена не чистишь. И после тебя всегда остается след из десятков ссылок, связанных с очередным страшным, резонансным

убийством!

Логинова положила планшет на стол и сложила руки на груди.

— Подруга, что происходит? А? Только не говори, что это всё в рамках твоих интересов в криминальной психологии, или чем ты там ещё увлекаешься в отличие от нормальных людей?

— Судебной психиатрией, — пробормотала я.

— Вот-вот, — кивнула Лерка. — Я не поверю, что ты листаешь такое количество ссылок и сайтов только из-за увлечения этими странными и пугающими, полуоккультными науками.

Я закрыла глаза и покачала головой.

— В судебной психиатрии и криминальной психологии нет никакого оккультизма...

— Не уверена, — пожала плечами Лера и кивнула на планшет. — Лучше расскажи про вот это вот всё... Нахрена тебе это сдалось?.. И не ври, я знаю, когда ты врешь. Начинаешь заикаться, пшекать и ударения в русских словах путать.

Я опустила взгляд. Да, она меня слишком хорошо знает. Я вздохнула, чуть улыбнулась с безысходной грустью. Что ж... Возможно, уже наконец-то настал тот миг, когда я должна рассказать Лерке правду. Но едва я открыла рот, чтобы ответить, как мы услышали, что кто-то открывает входную дверь.

— Мама, — обернувшись, бросила Лера и посмотрела на меня. — Отложим наш разговор. Но не надейся, что я нём забуду.

С этими словами Логинова вышла из кухни и направилась в коридор встречать Беатрису Константиновну.

Я опустила глаза на ламинатный пол кухни. Затем опасливо покосилась на оставленный на столе планшет. Меня снедало жгучее чувство необъяснимого стыда перед Леркой. Она мне всегда все тайны рассказывает и всю душу выворачивает. Я про неё знаю то, чего ни мать, ни родственники даже не предполагают! А сама... боюсь рассказать о своих способностях.

В конце концов, уж если мне поверил начальник Стаса, генерал Савельев, то уж Логинова то точно должна поверить и понять. Ладно, отложим разговор на потом.

Я тоже вышла в коридор, поздороваться с мамой Леры.

Минут десять спустя мы втроем сидели на кухне, пили чай с карамельками. Беатриса Константиновна рассказала, как прошёл день у них в больнице, а потом начала рассказывать о том, что сегодня услышала от своей подруги.

Муж подруги работает в полиции, в ДПС.

При упоминании этой структуры мы с Леркой быстро переглянулись. Но помешивающая сахар в чае Беатриса Константиновна этого не заметила.

— Представляете, девочки, — говорила мама Леры, — сегодня муж Яны Лаптевой что рассказал! Говорит, остановил поздним вечером синий фольксваген с двумя подозрительными девицами! У них ещё маленькая девочка на заднем сиденье сидела! И говорит, это же ужас! Одна явно пьяная, одетая, как чёртова наркоманка, а другая та, что за рулем, сразу видно, какая-то проститутка малолетняя! Ну муж у Яны — опытный офицер, сразу заподозрил неладное и попросил эту проститутку из машины выйти. А эта куртизанка сопливая что сделала! Говорит: «Хорошо»! Ремень отстегнула! А Костя, муж Яны, в этот миг отвернулся и от машины отошел чуть-чуть. А они взяли и просто вот с места так дали дёру! За ними конечно погнались, ноте шустрыми оказались! Теперь вотузнай, куда они ребёнка

везли и зачем им машина...

Она с грустью вздохнула.

— Теперь, небось, продадут малышку на органы. А сами дальше будут колотья и проститутничать. Господи, в такое ужасное время живём! Вот в Советское время такого не было!..

Мы посидели ещё минут сорок, а потом Беатриса Константиновна отправилась спать, попутно пожелав нам спокойной ночи.

Когда мы слышали, как закрылась дверь в её спальню, мы посидели несколько секунд в молчании.

Меня распирает смех. И я видела, что Лерку тоже. Логинова с задумчивым видом поскребла чашку ногтем. Потом подняла её и с издевательским торжеством тихо предложила:

— Ну... за чёртовых наркоманок!

Я фыркнула и подняла свою чашку с чаем.

— И малолетних проституток, — кивнула я.

Мы рассмеялись и тут же зашипели друга на друга, приложив палец к губам. Спать мы отправились поздно. Обсуждали наш вечер, моё свидание с Мироном и многое другое.

Я пока так и не решилась поведать Лерке о своих способностях.

Я совершенно не была уверена, как она отреагирует. И в размышлениях об этом провела половину ночи, ворочаясь в постели с боку на бок.

Утром я встала раньше всех. Пока все спали, я привела себя в порядок, собралась, написала Лерке сообщение в WhatsApp. Затем выпила чашку чая, бросила в рот одну карамельку и поехала домой.

В метро мне пришлось пережить очередное почти ежедневное испытание. Воспоминания окружающих меня людей шквалом сыпались в моё сознание, заставляя меня кривиться, как от пульпита в последней стадии.

Пара особо добросердечных граждан даже любезно поинтересовались у меня, всё ли со мной хорошо. Через силу улыбнувшись, я ответила, что конечно же все нормально. И мне стоило большого труда удержаться и не сказать, что если бы вы отошли подальше, было бы ещё лучше. Так мне бы не пришлось слушать, как на вас орёт ваш босс за то, что вы не сдали вовремя проект, или, как на вас громко жалуется ваш пациент за то, что вы ему не тот зуб удалили.

И это ещё ничего. Как обычно, наравне с вполне тривиальными воспоминаниями, перед глазами вспышками сверкали события намного хуже. Избиение до крови маленького мальчишки, утопление «лишних» котят, поножовщина в темном дворе и поджог автомобиля с плачущим в машине ребенком.

Иногда начинаешь думать, что некоторые люди только прикидываются людьми.

Из метро я по обыкновению буквально выпорхнула, и, как обычно, несколько минут приходила в себя после всех увиденных воспоминаний. Многие из них ещё долго будут оставаться со мной.

Примерно часам к восьми утра я прибыла домой. В мастерской дяди Сигизмунда уже собирались работники. Я поздоровалась со всеми и отправилась на третий этаж. На лестнице я столкнулась с Федей. Он был уставший, с изможденным, понурым видом и порядком замотавшийся. На руках у него были резиновые перчатки, он выносил в чёрном завязанном пакете ворох мусора.

— Привет, Федь, — поздоровалась я осторожно. — Как...

Я на миг опустила взгляд на пакет в его правой руке.

— Как всё... прошло? — спросила я чуть боязливо.

Я не знала, что тут было, и с какими последствиям прошел очередной сбор дяди Сигизмунда и его друзей. Зато я знала, что с последствиями всегда вынужден разбираться Федя. А точнее разгребаться... Потому что я знаю, как выглядит дом после тусы престарелых смутьянов и сорвиголов, которые всё ещё мнят себя крутыми парнями.

— Нормально, — проворчал Федя, — как обычно.

Он прошёл мимо меня и отправился вниз. Я поднялась в свою комнату, вошла внутрь, закрыла дверь и вздохнула. Моя комната дышала родным теплом и уютом. У Лерки в гостях, конечно, хорошо, но моя любимая комната прямо с порога как будто ласково обняла и согрела меня теплыми, душевными чувствами. Здесь хорошо, легко и просто, потому что здесь живу я, и никто больше.

Повесив рюкзачок на спинку кресла возле компьютера, я прямо в одежде упала на кровать. Закрыла глаза. Мысли кружили в голове, пульсировали, дрожали у висков. Я вздохнула. Я слишком многое пережила за последние сорок восемь часов.

Зазвонил мобильник.

Я застонала, встала, подошла к рюкзаку на кресле и достала телефон. Звонил Сашка.

— Да? — приняв вызов, я подняла трубку к уху. — Привет.

— Привет. — хмыкнул Сашкин голос. — Ты скоро будешь?

— Скоро? — переспросила я, и тут мне словно дыхнули жаром в лицо.

Беспокойство хлестнуло щелкающим хлыстом.

— А что у нас сегодня тренировка?

— Золотце, — помолчав, едко проговорил Сашка, — у нас в ноябре гребаный чемпионат Европы среди юниоров. У нас тренировки сейчас будут вообще через день и по четыре часа в лучшем случае!

— Да поняла я, поняла, — чуть поморщившись, ответила я. — Сейчас приеду.

— Мег будет через двадцать минут...

— Чёрт возьми! Саша! — я подхватила с кровати и заметалась по комнате. — Ну ты не мог раньше сразу сказать!

— Я и говорю...

— Всё, ладно, пока! — быстро и взволновано протараторила я.

Я бросила телефон на кровать и кинулась к шкафу. Чертыхаясь и ворча, я спешно переделалась в более подходящую одежду, проверила сумку со спортивной термоодеждой и коньками.

Всё! В путь!

Почему я так спешу и тороплюсь, как будто от этого зависит моя жизнь? О, вы просто не знаете, что такое опоздать на тренировки Мехлисовой Елены Геннадьевны. Мне кажется, даже то, что случилось с Помпеей, рядом не плавало с тем, что мне может устроить Мег за опоздание. Опоздать на тренировку — это хуже, чем накосячить с какой-то фигурой! Господи, это даже хуже, чем запороть Приветствие перед выступлением!

Я на всех парах мчалась в «Княжеский» Спортивный дворец.

Едва выбравшись из метро, не обращая внимания на орущие в голове голоса чужих воспоминаний, я метеором добежала до дверей дворца. Залетая внутрь, чуть не убила дверью проходившую мимо уборщицу. Извинившись, помчалась вперёд!

Сашка уже разминался на льду. Увидев меня, он подъехал к бортику и показательно развёл руками.

— Ну надо же!.. Успела... Выходи на лёд, у нас с тобой ещё есть минут сорок, чтобы размяться и доказать Мег, что хотим на этот чемпионат.

Я остолбенела.

— Сорок минут?!! Но ты же... с-сказал...

— О, — Саша развел руками и улыбнулся. — Ну-у я соврал, прости. Но страх перед Мег точно заставит тебя лететь сюда со скоростью Флеша.

— Саша, ты!. — от возмущения я поскользнулась и чуть не растянулась на льду.

— Аккуратнее, золотце, — Саша поймал меня и поддразнивая осторожно повёл за собой.

Мы выехали на середину арены. Мои руки в его больших ладонях. Он улыбался. Я сердилась. Но на него долго сердиться не могла.

— Не дуйся, — попросил он. — Я должен был.

— Ладно, — протянула я. — Давай разомнёмся и приступим уже.

Пришедшая через обещанные сорок минут Елена Геннадьевна застала нас за отработкой фигур для короткой программы.

— Ну и что это сейчас такое было, Лазовская? — крикнула наша тренер, уже переодевшись и стоя возле бортика. — Ты на льду или на дискаче под Рамштайн трясешься? Рубинов спину ровнее! И с Лазовской понежнее! На льду она — твоя принцесса, хрупкое, нежное и прелестное создание, которое ты должен оберегать и вести! Так выполняй свои мужские обязанности!.. Лазовская, почему у тебя на повороте ноги разъезжаются? Деточка, ты накурилась или приняла за ворот?! Что с тобой? Ты вот это будешь старым обормотам из судейства показывать? Принц и принцесса, мои родные, вы будете представлять страну, которая породила Роднину, Пахомову и Горшкова, Бестемьянову и Букина, Мененкова и Зайцева! И вы как минимум должны соответствовать! А значит вы обязаны брать только Золото, только первые места, как в театре! Так, стоп!..

Она хлопнула в ладоши. Мы остановились. У меня в груди воинственно гремело сердце, кипела разгоряченная кровь. И упрямо свирепело желание достичь идеала.

Несколько минут Мег объясняла нам ошибки. Затем снова властно хлопнула в ладоши.

— На позицию! — приказала она.

Мы с Сашей оба преисполненные решимости добиться нужного результата вернулись на центр арены.

— Поехали! — Мег махнула, чтобы нам включили музыку.

Мы выступали под Another day fo sun из фильма «Ла-ла-ленд».

Мы отработали эту программу до конца от души и с пламенным вдохновением. Мы летели, порхали и жили. Жили на льду. Жили в каждом движении. И излучали радость жизни в каждой фигуре!

Мы закончили под финальные ноты композиции и застыли чуть уставшие, покрасневшие, но довольные.

Я посмотрела на Мег. Мехлисова, по-мужски оперевшись локтями на бортик, стояла и улыбалась скупой, одобрительной улыбкой.

Господи! Вы бы знали, как много для меня и Сашки значит эта короткая, сдержанная и суховатая, но чёрт побери, довольная улыбка!

Когда мы закончили, Саша ушёл, а я решила ещё пройтись пару кругов. Я обожала свой

спорт! Я любила лёд и даже иногда говорила с ним. И ничего смешного тут нет! Со льдом нужно говорить,

чтобы не подвёл... чтобы помог... А потом, чтобы поблагодарить.

От него на самом деле очень многое зависит.

Я легко и незатейливо, в кружении, объехала арену и внезапно почувствовала чей-то взгляд. Я остановилась, огляделась и заметила

девочку лет семи, наверное. Она едва-едва старше Лады, сестрёнки Леры.

Девчушка смотрела на меня с неподдельным восхищением и мучительной завистью в глазках. Я знала этот взгляд, когда-то у меня у самой был такой. Когда-то я сама так смотрела на более взрослых фигуристов, что в отличие от меня свободно и легко летали по льду, выкручивая невероятные фигуры.

Я подъехала к бортику и с улыбкой произнесла:

— Привет.

— Здравствуйте, — на миг потупив взор, робко проговорила малышка.

— Ты пришла заниматься? — спросила я, рассматривая её.

Она кивнула.

— Я только недавно начала, — она опустила взгляд, — и у меня... у меня ничего не получается.

Я увидела слезы на детских щечках.

— Э-эй... — протянула я заботливо. — Ты что?

Я вышла со льда, надев на лезвия коньков чехлы с зубцами, и подошла к девчушке. Она была одета в легкие, маленькие джинсики и полосатый лонгслив. На ногах у нее розовели кроссовки Адидас «Спер стар».

Я присела рядом с ней на синее сиденье на первом ряду зрительских трибун.

— Не расстраивайся, зайка, — сказала я, старясь утешить ребенка. — У меня тоже сначала ничего не получалось... Если честно, я даже была хуже всех. Малышка встрепенулась и посмотрела на меня мокрыми от слёз серыми глазками.

— У вас не получалось? — спросила она недоверчиво. — Но... Вы же так... так красиво катаетесь... Я же видела...

— Это сейчас, — вздохнула я с улыбкой. — Знаешь, сколько раз приходилось пробовать снова и снова, пока у меня что-то начало получаться?

Это было истинной правдой. В четыре годика, когда я только встала на лёд, мне было очень трудно. Я боялась льда, не доверяла ему, боялась упасть... И падала. Падала регулярно. Била колени, локти, один раз даже разбила лоб в кровь.

— Ты... вы... п-падали? — она посмотрела на меня такими глазами, словно у меня за спиной внезапно выросли крылья.

— Давай без «выканья», — я подмигнула ей. — Я тебя не намного старше и, как и ты, ещё учусь в школе.

Девочка просияла приветливой улыбкой.

— Меня зовут Диана, — представилась она.

— А я Ника. — усмехнулась я. — У какого тренера ты будешь заниматься?

— Ещё не знаю, — девочка пожала плечами. — Папа сейчас договаривается с какой-то большой рыжей тётей.

— Большой и рыжей... — кивнула я.

Я хорошо знала Карасеву Раису Петровну, одного из тренеров по фигурному катанию.

Между прочим, бывшая олимпийская чемпионка.

— Так ты будешь в одиночном фигурном катании? — спросила я.

— Да-а, — протянула Диана. — А это плохо?

— Да нет, почему же? — засмеялась я. — Напротив! Если тебе нравится твой спорт, он не может быть плохим вообще.

Диана неуверенно улыбнулась. Мне было приятно видеть её искреннюю счастливую улыбку. Она вытерла ладошками слёзки на щеках и, шмыгнув носом, вздохнула.

— И если... если я буду стараться, то у меня получится?

— Конечно, — с уверенностью заявила я. — Только прошу тебя, не бросай то, что не получается, не попытавшись сделать это хотя бы сто раз. И не забывай верить в себя. Потому что, если ты не будешь, то и остальные не смогут.

— Трудиться и верить в себя, — кивнув, повторила Диана. — Ника, а тебе это помогло?

Я мгновение смотрела в её пытливые серые глазки, а затем поддавшись странному наитию, протянула руку и осторожно убрала с её лица песочно-золотистый локон.

— Ты даже не представляешь, насколько, — проговорила я.

— Диана!

Я вздрогнула от этого выкрика. Девочка рядом со мной тоже.

Я оглянулась. Позади нас у края трибун стоял мужчина в темных брюках бронзового цвета и легкой, летней рубашке. У него были пышные темно-русые волосы и поблескивающие темные, карие глаза.

Его лицо необычно заострилось к подбородку, как будто намекая на некую карикатурную кукольность. Его окаймляла куца, мелкая борода, а над губами мужчины темнели противные усики.

Почему-то этот человек мне сразу не понравился. Веяло от него какой-то мстительной злокозненностью.

— Идём, Диана. Я договорился.

Девочка подбежала к нему, мужчина властно приобнял её за плечи, напоследок окинул меня оценивающим взглядом тёмных глаз.

Я выдержала его взгляд, и в тот же миг вспышка света с приступом головной боли заставили меня сторбиться, прижать пальцы к вискам. Передо мной вновь возникло старое поместье, где когда-то был клуб «Горный путь». Как и в предыдущем моем воспоминании здание было охвачено и завоевано огнём.

Пламя пожирало дом, уничтожало с жадностью и восторгом.

Только теперь я смотрела на погибающий в огне дом снаружи, стоя перед ним. От дома отваливались куски пылающей отделки стен, оконные рамы, барельефы, ставни, крепежи и прочее. Дом словно слабел, дряхлел и обессилевал с каждой осыпающейся деталью. Я не сразу обратила внимание на три темных человеческих силуэта, что стояли на фоне огня и взирали на поместье.

Казалось странным и неестественно жутким то невозмутимое спокойствие, с которым они наблюдали происходящее. И мрачный пугающий эффект усиливался от рвущихся через пламя в окна хрипящих криков, сгорающих внутри людей.

На моих глазах на третьем этаже дома в окне показался человеческий силуэт, обвитый огнём. Он сдавленно вскрикнул и прыгнул.

Я ахнула. Человек безвольным мешком рухнул вниз и с мерзким, влажным хрустом нанизался на толстую ветку стоящего внизу дерева. Я вздрогнула всем телом. От живота к

горлу вздернулась волна омерзения и ужаса с чувством тошнотворной тяжести.

А три силуэта перед домом внезапно всё так же молча и, казалось, бесшумно ринулись в сторону. Быстро, явно стремясь поскорее скрыться, они скорым шагом удалялись от дома.

— Быстрее! — закричал один из них. — Сюда могут нагрянуть местные или полиция!

— Боже, что мы наделали! — всхлипнула женщина.

— Хватит! — жестко отрезал идущий впереди мужчина. — Мы хотели поступить честно и справедливо. Мы предлагали им всё разделить, они отказались. Они все там оказались слишком слабыми и неспособными принимать подарки судьбы! Они сами предпочли сдохнуть в нищете! Это их выбор, Майя!

— У тебя никогда ни к кому не было сочувствия, Лукьян! — со слёзным обвинением в голосе вскрикнула в ответ женщина.

Темный, мерцающий силуэт внезапно резко обернулся, ринулся к женскому силуэту и резко выкинул вперёд руку. Раздался звонкий шлепок пощечины.

Женщина вскрикнула, отшатнулась, едва не упала.

— Оставь её, Лукьян! — третий силуэт неуверенно приблизился к ним.

— А ты вообще заткнись, жирдос очкастый!

Третий силуэт заметно вздрогнул, пугливо отшатнулся. Он явно опасался того, кого называли Лукьяном.

— А теперь слушайте меня оба, — тяжело дыша, на фоне сгорающего дома произнёс Лукьян. — Мы все сделали выбор. И это правильный выбор! И те, кто предпочёл подохнуть ради никому не нужных глупых принципов, тоже сделали свой выбор. Никто никого не принуждал и не заставлял. Просто мы... мы все... Мы оказались сильнее! А эта страна и весь этот гребанный мир принадлежит сильным и только сильным. И за сильными всегда было будущее! И мы сильны, потому что думаем о своём будущем! А они там, подыхая в огне, пусть подавятся своими бесполезными, детскими правилами! Нам не стоит их жалеть!.. Мы ведь предлагали им... И что мы услышали в ответ?! А?! Я вас спрашиваю! А то, что нас назвали подонками и мразями и пообещали сдать нас полиции! И за что?! За что?! За то, что мы не хотим упускать предоставленный самим Провидением нам шанс?! Шанс жить, как обеспеченные люди?! Жить, ни в чем себе не отказывая?! Не об этом ли мечтают все люди?! Тайно или явно, но почти все! А те, кто нет, либо безумцы, либо блаженные слабаки. Либо и то, и другое в одном флаконе! Поэтому, дорогие мои, соберите свои сопли, и живо дёру, пока нам всем хвосты не прижали! И помните!.. Он сделал зловещую паузу.

— Мы теперь все, все... я, ты Майя, ты Марк, Гудков, Вербин и Каменев... и все остальные, кто с нами... Мы все повязаны. Ясно вам?! Я спрашиваю!

— Я-ясно, — пролепетала полулежа на земле всё ещё плачущая женщина.

— Ясно, Лукьян, — боязливо и быстро пробормотал Марк.

— А раз так, — прорычал Лукьян, — живо за мной! И не отставать! Я вас ждать не стану!..

Он повернулся к ним спиной и широким, скорым шагом ринулся прочь. Марк и Майя переглянулись. Он помог ей встать, и они тоже поспешили вслед за Лукьяном.

Видение сникло. Я, часто дыша, втягивая воздух носом, содрогалась от лихорадочной дрожи. На лёд уже выходили фигуристы из младших групп. Ни они, ни их тренер пока не обращали на меня никакого внимания. Я решила воспользоваться этим и никем не замеченная вышла с сектора трибун в широкий коридор. Здесь я проследовала в душ, а затем в раздевалку.

Голоса неизвестных мне Лукьяна, Майи и Марка всё ещё частично и приглушенно звучали в голове.

В раздевалке было пусто, тихо. Только откуда-то из глубины дворца доносились звуки с тренировок по другим видам спорта.

Я переоделась. Обессиленная, точно беспощадно выжатый лимон, я устало опустилась на лавку возле металлических шкафчиков. Над моей головой мерно и монотонно шумела система кондиционирования и вентиляции.

Я чуть судорожно вздохнула. Закрыла глаза, спрятала лицо в ладонях. Перед глазами возник отрывок из только что увиденного воспоминания.

— ...Мы ведь предлагали им... И что мы услышали в ответ?! А?! Я вас спрашиваю! А то что нас назвали подонками и мразями, и пообещали сдать нас полиции! И за что?! За что?! За то, что мы не хотим упускать предоставленный самим Провидением нам шанс?! Шанс жить, как обеспеченные люди?! Жить ни в чем себе не отказывая?!...

В следующий миг я решительно поднялась с лавки, закинула на плечо ремень спортивной сумки и вышла в коридор.

Нужно подождать, пока отец Дианы выйдет из «Княжеского» и проследить за ним. Но он ведь наверняка на машине. Ладно, чёрт с ним. Хотя бы номер авто сфотографирую. Потом всё — иду к Стасу! Он должен знать то, что я увидела. Все мои видения напрямую связаны с убийством семьи Вербиных.

Тут я вспомнила фамилии, которые перечислил Лукьян. Там значилась «Вербин»... Кожу моего тела обдало студеным холодом, вызвав у меня тревожный трепет во всем теле.

Вербины! Их... Глава семьи Вербиных, связан с тем пожаром!

Точно! И этот Лукьян! И... чёрт, я должна выяснить, где живёт этот Курбатов, и рассказать всё Стасу! Я ускорила шаг, направилась к выходу. В коридоре за моей спиной раздались шаги.

— Эй, Лазовская! — прозвучал чей-то нахальный голос.

Я оглянулась. Меня торопливо догнали два парня. Один крупный, плечистый, чуточку полноватый с широкой челюстью и большими по-детски круглыми глазами бледно-голубого цвета. Второй с соломенными, прямыми волосами до плеч и дурацкой чёлкой. У него был тонкий, длинноватый нос и вечно кривящиеся в усмешке губы.

Вацлав Рюмин и Драган Домаслав. Вратарь и защитник из «Городских соколов». Насколько я слышала, они хорошие игроки, но репутация у них так себе. Подленькие, самодовольные, любят посмеиваться над людьми за спиной, любители поиздеваться над ребятами из младших групп, часто лезут в драку и так далее.

Но зато всегда горой за своих, и последние сбережения отдадут, чтобы купить другу по команде часы на день рождения, взамен разбитых.

Но есть ещё одна черта, которая настораживает лично меня и других девочек. Они... озабоченные. Сильно. И девочки из женской сборной по хоккею, а также другие фигуристки и ещё девушки из секции по фехтованию жаловались, что Вацлав и Драган распускают руки. Поэтому, думаю, никого не удивит, что встреча с ними в пустом коридоре меня порядком напрягла.

Нет, конечно, насиловать они меня не станут, и одежду срывать тоже. А шлепнуть по заднице или ущипнуть за что-то вообще запросто! Ну ничего. Год назад одному из них я сумкой по наглому обличию уже съездила. Захотят, повторим...

— Как дела, парни? — ступая между ними, спросила я, не скрывая холода в голосе.

— Слышь, Лазовская, — Вацлав поправил на плече ремень сумки, из которой торчала клюшка. — А правда говорят, что ты мутишь с тем баскетболистом?

— И кто же говорит? — елеинным голоском спросила я.

— Так это... слухи, — неуверенно прогудел Вацлав.

— Слухи? — хмыкнула я и вздохнула. — И давно вы сплетни собираете?

Я по очереди окинула их насмешливым взглядом. Я не увидела, но буквально почувствовала, как они за моей спиной тоже обменялись взглядами.

Драган прокашлялся.

— Мы вас видели, — признался он.

— Видели? — скривилась я. — Где?

— Лазовская — ты неумелая актриска, — хихикнул Вацлав. — И внешность у тебя...

Он осекся. Я взглянула на него с некоторым недоумением. А он смотрел на меня так, словно забыл, что хотел сказать.

— Не спутаешь, — произнёс Вацлав Рюмин и, шумно сглотнув, опустил взгляд.

Ну только этого мне и не хватало! Я пошла быстрее, но они тоже ускорили шаг. Неприятной, беспокойной занозой в голову проникла мысль, что Вацлав Рюмин может быть в меня влюблен...

Ну хорошо. Любовь слишком громкое, пафосное и явно неправильное определение того, что мальчишки иногда чувствуют, когда смотрят на нас. В частности, не стоит путать влюбленность и кое-какие возрастные симптомы в организме. А люди, как взрослые, так и мы, как я вижу, слишком часто ошибочно принимают за любовь куда более простые и поверхностные чувства. К сожалению.

— Короче, — продолжил Драган Домаслав, — мы вас видели... Он тебя на яхте катал.

— На катере, — поправила я со вздохом.

— Какая разница? — скривился Драган.

— Катер меньше, — я пожала плечами.

— Не занудствуй, — отмахнулся Домаслав.

Я лишь качнула головой. Я пока не понимала цель их разговора со мной. И вообще мы уже подходили к выходу, и хотелось как-то по-быстрому от них отделаться.

— Нам просто интересно, — подмигнув Вацлаву, с глупым хихиканьем спросил Домаслав. — У вас... было?

Я зашагала быстрее.

— Мальчики, может быть вам стоит найти себе девушек и обсуждать друг друга? — предложила я, не особо пытаясь скрыть раздражение в голосе.

Какого чёрта вы лезете в мою жизнь?! Зачем? У вас что, своей нету?! Нет? Так заведите!

— Та ладно, Лазовская, — хмыкнул Вацлав Рюмин. — Ну, скажи, че у вас там? Вы хоть лизались...

Меня передёрнуло от отвращения! Боже, ну кто их учит манерам? Хотя, Господи, о чём я? Какие там манеры? Они даже едят одной вилкой без ножа, пальцем подпихивая еду в тарелке!

— Лижутся собаки в подворотнях, — пробурчала я. — А если ты хотел спросить, целовались ли мы... То это вообще-то не твоё дело.

— А-а... — с издевкой протянул Драган, — Лизались! Лизались! Точно лизались...

— Придурки, — фыркнула я.

Они глумливо расхохотались за моей спиной. Я ускорила шаг. Уже подойдя к выходу из

Дворца, я заметила его. Того мужчину, чьи воспоминания я увидела несколько минут назад.

Скорее всего, он и есть этот Лукьян Курбатов. Голос похож.

Я поторопилась. Вместе с Дианой Курбатов не спеша подошел к чёрному Mercedes ML 350. Чёрт возьми! Я теперь не успею!.. Я буквально выбежала из Дворца и понеслась вниз к парковке.

Они ещё не уехали. Чёрный внедорожник оставался неподвижным.

Оказавшись возле парковки, я перешла на шаг. Привлекать к себе внимание совершенно не нужно. Достав на ходу смартфон я сделала несколько снимков номера. Отлично. Обожаю свою камеру. Двадцать три мегапикселя и дополнительная камера делают своё дело! Так, номер у меня есть. Теперь... проследить.

Мой взгляд наткнулся на такси. Оно желтело вдалеке, между остановкой и каким-то административным зданием. Я стремглав ринулась к подземному переходу. На другую сторону я буквально перебежала. Я почти подбежала к такси, когда меня опередил какой-то рослый, тощий мужик в деловом костюме. Не прерывая разговор по телефону, он открыл заднюю дверь автомобиля и хотел было сесть, но я заскочила вперёд него.

— Эй! — возмутился он, оторвавшись от телефона. — В чём дело?! Это моё такси!

— Это такси компании «Вектор-такси». А сам автомобиль принадлежит водителю, а я успела раньше вас, — ответила я.

— Ну-ка подожди, — сказал мужчина в телефон и наклонившись, заглянул в салон. — Эй, шеф. Я плачу два счётика. Вышвырни эту соплячку!

Я посмотрела на таксиста. Спешно доедающий бутерброд мужчина лет тридцати пожал плечами.

— Лучше тебе выйти.

— Серьёзно? — спросила я и запальчиво, красноречиво продолжила. — Вы позволите ему так легко купить вас?! Он же наслаждается этим. Своей властью над вами! Ему нравится покупать людей! Он так самоутверждается! Скажите, вам правда нравится, когда за ваш счет кто-то поднимает себе самооценку?

Пару мгновений таксист жевал бутерброд. Затем посмотрел на мужчину с телефоном. Тот молча показал ему три пальца.

Спустя пару мгновений я уныло смотрела вслед уехавшему такси.

— А ещё говорят, мы девушки меркантильные, — проворчала я. — Сами мужики ещё те... таксисты!

Я посмотрела на Mercedes Лукьяна Курбатова. Он только-только собрался отъезжать. И к моей радости, словно спасательный круг в этой безвыходной ситуации, на остановку рядом прибыла маршрутка.

Я ещё раз бросила взгляд на отъезжающий чёрный ML 350.

И что было сил припустила к остановке. Я едва успела заскочить в маршрутку, как двери за моей спиной закрылись.

Расплатившись за проезд, я склонилась вправо и посмотрела вперёд из-под локтя пожилого мужчины, что сосредоточенно читал газету. Чёрный внедорожник катился впереди между белым седаном и маленьким грузовиком с изображением продуктов на кузове.

Я то и дело изворачивалась в переполненной маршрутке, стараясь не упускать внедорожник из виду. Я боялась, что он может свернуть с дороги, и я пропущу этот момент.

Некоторые люди косились и поглядывали на меня. Кто с удивлением, кто с опаской,

некоторые изучающе. Один парень даже предложил сесть к нему на колени и смотреть оттуда в окошко. Я смерила его презрительным взглядом и красноречиво промолчала, считая ниже своего достоинства отвечать на подобное пошлое хамство. Интересно, такие, как он, реально думают, что они выглядят как-то по-особенному круто со стороны, когда так себя ведут?

Я чуть было не пропустила, когда черный Мерседес Курбатова повернул на перекрёстке. Я попросила остановить и, едва выскочив, последовала за Мерседесом. Он был недалеко. Застрял в пробке на светофоре. Так что какое-то время я вообще могла идти спокойно по тротуару вдоль дороги, не теряя его из виду.

А дальше я собиралась сесть на следующую маршрутку. Да, конечно, я имею все шансы потерять Курбатова из виду, и вообще эта затея вкрай глупая, но... лучше так, чем вообще никак.

А Лукьян напрямую связан с тем, что произошло в клубе «Горный путь», и, как знать, вполне может быть замешан в убийстве семьи Вербиных. А что если он и есть убийца?

От этой мысли в животе словно заворчалось что-то холодное, пружинистое и склизкое. А в голове стремительно пульсировали мысли и предположения.

Но все раздумья о Курбатове, и в том числе план слежки за ним, моментально выветрился у меня из головы. Я увидела Мирона.

И это точно был он! И он был не один! Он шёл рядом с какой-то темноволосой девицей. Он меня не видели, они были далеко. Но я их видела прекрасно. Они прошли мимо по противоположной стороне улицы. Меня отделяла от них широкая автомобильная дорога. Я приросла к месту, не в силах сделать шаг. Я была неспособна издать ни звука. У меня прервалось на миг дыхание, удары сердца зазвучали в голове, стягивающая тяжесть болезненно ввинчивалась в грудь. Мне показалось, из меня на мгновение вырвали воздух и узлом сдавили горло. Моё тело от затылка до пят поразило вибрирующее оцепенение. Померкли мысли, разум, воля.

Дрогнули колени и задрожали губы с прерывистым дыханием.

Я не верила... Я не хотела верить... Но я видела.

Видела, как он улыбался ей. Так же, как и мне! Он смотрел на неё... Так же, как и на меня! Он... Он вёл себя с ней... Так же, как... со мной... Он был таким же... Одинаковым... Один и в один... Без разницы... Всё то же самое, что мне в нём так понравилось.

Мне показалось или нет, но в моем теле словно начала стремительно остывать кровь и сердце. И вместе с тающим теплом таял, гас и погибал робкий, сияющий огонёк в застенках души.

Огонёк из сплетений чувств, грёз, мечты и несбывшихся желаний.

Я тяжело сглотнула и с величайшим трудом ступила вперёд. Ноги поразила ватная, тягостная слабость. Мне с трудом удавалось делать шаги.

А они... Мирон и эта... кобыла! Прошли себе мимо дальше по своим делам.

Я почувствовала себя человеком, которого только что вышвырнули из дорогого, уютного автомобиля, на глазах подобрали другого пассажира и проехали мимо, издевательски обдав тебя волной дорожной грязи.

Я поплелась за ними. Я сама толком не знала зачем. Может, чтобы просто посмотреть. Может быть, чтобы... Вдруг это всё же не Мирон, вдруг мне показалось.

Они дошли до входа в одно из многочисленных уютных кафе напротив большого книжного магазина. Здесь спутница Мирона достала сигарету и закурила.

У меня вырвался удивленный вздох, я прижала дрожащую ладонь к губам. Я узнала её. Я слишком часто видела, как она закуривает.

Только она всегда так встряхивает свою зажигалку. И только у неё блестящая зажигалка с изумрудными ящерицами.

Когда темноволосая высокая девушка обернулась на проехавший мимо шумный мотоцикл, я увидела её лицо.

Лера! Лера! Это Лера! Это Лера там с Мироном!

Лера... Лера и Мирон... Они... Они...

Это было, как удар по затылку, пинок в живот и смачный, грязный плевок куда то очень глубоко, туда, где жила любовь и дружба, и самые светлые воспоминания. Я закрыла лицо ладонями, я подалась назад, отвернулась, спряталась за углом здания. Я смотрела перед собой, и мир рушился вокруг меня, асфальт улетал из-под ног. Я не в силах сдержать слёзы развернулась и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Слезы размывали мир вокруг, соль слёз стекала по губам. И жесткая, жестокая саднящая горечь остервенело душила горло и с ожесточением рвала на части кричащую душу.

Я споткнулась обо что-то, упала, больно ударились коленями.

Резкая боль в коленях грубо отняла последние силы и вырвала наружу все чувства. А владевшая мной боль сердца вырвалась из меня, выплеснулась слезами по щекам. Я не могла остановиться.

Меня сотрясали рыдания, я стояла на коленях на асфальте и давилась горячими слезами.

Мой мир пылал, рушился, разваливался... погибал вокруг меня...

Я в слезах стояла на коленях, закрыв лицо руками и равнодушный город по-прежнему жил вокруг меня, не замечая, ни видя.

Прохожие шли мимо меня, рядом катились автомобили...

Всем было плевать... Я была одна наедине с невыносимой настырной болью, режущей по живому, с кровью меня изнутри.

Я была одна...

Я не помнила, как я добралась до дома.

Я только помнила, как заплаканная украдкой пробралась в свою комнату, закрылась там, бросила сумку на кресло, упала на кровать.

Поджав колени, свернувшись калачиком, я тихо заплакала.

Протянув руку я стянула лежащий рядом клетчатый плед и закрылась им.

От мира. От боли. От Мирона. От всех...

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть пятая.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 12 августа, примерно в то же время, что и события выше.

Стас сидел за столом генерала Савельева и излагал ему итоги последних событий. Генерал слушал молча, поигрывая очками в правой руке. Его ледяные голубые глаза изучали Стаса.

— Таким образом, — закончил Стас, — у нас есть все основания подозревать Платона Плансона, как минимум, в соучастии в убийствах и поджоге альпинистского клуба.

Генерал вздохнул, прокашлялся.

— Ну, что касается поджога, то дело довольно старое, Стас. И подробностей у нас по нему слишком мало на самом деле, чтобы кого-то там в чем-то обвинять...

— Простите, товарищ генерал, — Стас, когда был категорически не согласен, позволял себе перебивать Аспирина.

Тот это знал и знал, что Корнилов не прерывает его просто так.

Они оба слишком хорошо и долго друг друга знали.

— Пожар в клубе «Горный путь», скорее всего, напрямую связан с убийствами в черно-белом стиле.

— Думаешь, этот Монохромный человек был в том клубе? — хмыкнул генерал.

— Кто? — Стас чуть нахмурил брови. — Что за кличка?

— Не слышал? — усмехнулся генерал. — В полиции его кто-то так назвал, когда давал интервью гиенам из какой-то столичной газетёнки.

— И он назвал его «Монохромный человек»? — спросил Стас, не скрывая недовольства.

— Да, чтоб его, — кивнул генерал. — Теперь прилепится, можешь не сомневаться.

— Не сомневаюсь, — ледяным тоном ответил Стас. — Пресса любит давать клички разным ублюдкам.

— Потому что народ любит эти клички. Впечатление острее от новостей.

— Идиотизм... — выдохнул Стас.

— Поколение такое! — развёл руками Аспирин. — Но ладно. Так ты думаешь, что наш психопат оттуда? Из альпинистского клуба?

— Он был там, — покачал головой Стас. — Не знаю, среди поджигателей или среди тех, кого подожгли, но я не сомневаюсь, что он был там.

— Давай будем откровенными, Стас. Ты так считаешь, потому что Олег Гудков и Тихон Вербин связаны между собой.

— Они и еще несколько альпинистов, сговорившись, сожгли в клубе всех, кто возражал против сотрудничества с наркоторговцами.

— И что ты предполагаешь? — вздохнул Антон Спиридонович. — Мсть? Одиночка выжил в пожаре и мстит?

— А почему нет? — пожал плечами Стас. — Это многое бы объяснило.

— Хорошо, а Плансон? При чем тут он?

— Свидетели...

— Свидетели могут ошибаться, Стас, — Аспирин несильно хлопнул ладонью по столу.

— Все? — выразительно, с ударением спросил Корнилов.

Генерал недовольно поджал губы, вздохнул.

— Стас, чтобы арестовать Платона Плансона, нам нужны более веские доказательства, чем свидетельства перепуганных соседей и всяких уркаганов-наркочелюбителей.

— Товарищ генерал, он же просто фотограф...

— Да нет, Стас, не просто! — повысил голос генерал. — Был бы просто, я бы махнул рукой, не глядя. А он не простой... Он эта, как её... Ме... —

Антон Спиридонович нахмурил седеющие брови. — Медиальная личность... вот...

Стас усмехнулся.

— Вы хотели сказать, медийная?

— Во-во.

— И вы опасаетесь негодования его фанатов?

— Я опасаюсь негативного резонанса в общественности. Ты знаешь хотя бы, с какими

людьми он общается? Какой у него круг? Знаешь? Сплошь депутаты, бизнесмены и, между прочим, всякие шишки из разных министерств. Слышал, его работами восхищается дочь замминистра культуры.

— Господину замминистру явно следует лучше заниматься воспитанием дочери, — ответил на это Стас.

— Угу. Вот сам ему об этом и скажешь, — посулил генерал Савельев.

Стас лишь неопределенно пожал плечами.

— Так, — вздохнул генерал. — Ладно... Если так хочешь арестовать этого папарацци, то сделай так, чтобы я хотя бы лично был на сто процентов уверен...

Генерал осекся, на пару мгновений опустил взгляд на стол, скривил губы и снова посмотрел на Стаса.

— Прости, я вынужден тебя просить попросить помощи у кое-кого... Ты знаешь, о ком я.

Лицо Стаса отвердело.

— Товарищ генерал, — проговорил Корнилов. — Она едва пережила Романтика.

— Стас, я понимаю, что она ребёнок, что ей тяжело...

— Не понимаете, — Стас отвернулся.

— Ладно, — вздохнул Аспирин. — Ты прав. Не понимаю, но знаю, что она умеет. А потому, извини, но без её... — он замолчал, подыскивая слово, — консультации я не могу тебе позволить задержать личность, пользующуюся покровительством слишком многих влиятельных людей.

Стас негодуяше качнул головой.

— Что ж у нас за страна такая? Если у кого-то есть какие-то связи, так нужно изворачиваться, чтобы арестовать его. Просто по закону нельзя?

— Не нуди, — повысил голос генерал. — И если что, то так везде, по всему миру. Не веришь? Вон в Британии, в Лондоне, чтоб он утонул, на прошлой неделе племянник какого-то чинуши из парламента сбил на своем Астон Мартине двух человек! Прямо возле пресловутой Трафальгарской площади! И знаешь, что? А ничего! Пешеходы сами виноваты! Вот так вот!.. Между прочим, одной из сбитых была беременная женщина. И на заметку, обе жертвы были чёрными. Так что не надо тут гнать на отсутствие справедливости! Все эту самую справедливость вертят на... Ну ты понял. Всё, более тебя не задерживаю.

Стас кивнул и поднялся из-за стола.

— Стас, — позвал его генерал, когда тот уже подошел к двери.

Корнилов обернулся.

— Я, правда, не могу так рисковать, не зная... не будучи уверенным, — сказал он, глядя в глаза Корнилову. — Но если она скажет... Я дам вам карт-бланш и прикрою от всех этих богатых говнюков.

— Вы же сказали, Платон Пласон дружит с влиятельными людьми.

— Он дружит... А я некоторых влиятельных персон вытаскивал из разного дерьма. И они помнят... Так что справимся. И можешь ей сказать, что ты к ней по моей просьбе.

— Вот уж нет, — покачал головой Стас.

— Ладно, — фыркнул генерал и усмехнулся, — иди.

Стас кивнул и вышел из кабинета Аспирина. Его наполняло раздражение и сердитая досада. Ему пришлось сделать над собой серьёзное усилие, чтобы всё-таки рискнуть набрать номер Ники.

Но меньше всего на свете он бы хотел втягивать эту синеглазую девочку в очередное расследование. Меньше всего на свете он хотел бы, чтобы она страдала уже по его вине.

Он нашел её номер, несколько мгновений смотрел на фото улыбающейся Ники в его контактах и затем нажал «вызов».

Если карма существует, его непременно постигнет расплата.

От этой мысли даже стало немного легче.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 12 августа.

Я вздрогнула от звонка мобильного телефона.

Открыла глаза, несколько раз моргнула. Обвела испуганным взглядом комнату.

Телефон звонил не переставая. Звучала «Look What You Made Me Do» Тейлор Свифт. Я вздохнула, потянулась, села, отбросила плед.

Я дремала или нет? Поднявшись с кровати, я уныло и неторопливо подошла к рюкзаку. У меня было опасение, что это звонит Лерка.

Господи, если это она... Я не знаю, что я ей скажу. Честно... Я не собиралась кричать, устраивать сцены ревности, орать или злиться.

Но говорить мне с ней сейчас совсем не хотелось.

Я достала телефон и перевернула дисплеем к себе

Нет, это не Лера. На дисплее значилось «Стас, спортивные товары».

Спортивные товары это на тот случай, если дядя Сигизмунд решит проверить мой телефон. Это бывает редко, но иногда такие «светлые» мысли посещают его голову.

— Да, Стас. Привет, — произнесла я в трубку.

— Привет, Ника, — ответил Стас. — Знаю, ты вряд ли по мне соскучилась, но я вынужден просить тебя о помощи.

Я устало усмехнулась. Корнилов верен себе. Он никогда не будет спрашивать: «Как дела, что нового?», если он звонит по совершенно определенному вопросу. Он никогда не будет с фальшивым участием спрашивать о твоей жизни, только затем, чтобы соблюсти вынужденные формальности. Стас предпочитает говорить прямо и честно.

И это было одним из многих качеств, за что я лично его уважала.

Отсутствие лицемерия и показательного фальшивого участия.

— Что-то случилось? — улыбнулась я в трубку. — Подожди... Это связано с недавним убийством семьи Вербиных?

Стас ответил не сразу.

— Да.

Показалось, или голос Корнилова странно дрогнул. Я вздохнула. Стас всегда испытывал странные терзания совести перед тем, как обратиться ко мне. Ему претила мысль, что я оказываюсь втянута в очередное расследование из-за него.

— Ника, я понимаю, что...

— Стас, — я снова усмехнулась и тихо проговорила, — всё в порядке. Я сама собиралась приехать к тебе... по этой же причине.

Снова его молчание. Уверена, он сейчас закрыл глаза и с горькой досадой покачал головой. Он так пытается меня всячески оградить от любого криминала, любыми способами

пытается держать меня на расстоянии. Он переживает за меня... И не может принять того факта, что он, по сути, не в силах уберечь меня от чужих воспоминаний, которые вирусом проникают в моё сознание и прочно укореняются там.

— Ты уже что-то... что-то видела?

— Да, — я взглянула в окно.

Там в который уже раз прежде солнечный день уступил место по-осеннему тяжелой, гнетущей и унылой серой облачности.

— Да, — повторила я. — И мне многое нужно тебе рассказать.

— Мы можем встретиться?

Я кивнула:

— Возле нашего метро.

— Отлично. Я через пятнадцать минут буду там.

— Можешь не торопиться, мне... понадобится некоторое время. Немного...

— У тебя всё в порядке?

Врать ему бесполезно.

— Кое-какие жизненные неурядицы, — соврала я и нервно сглотнула, чувствуя, что голос выдаёт меня. — Ничего особенного.

— Хорошо, — он мне не поверил.

Я это слышала. А значит нужно быть готовой к вопросам.

О-ох. Сейчас мне совсем не хочется никому рассказывать о том, что случилось. Хотя... Может... Ай, нет! Это моё дело. Моё и... Леры с Мироном.

Через два с лишним часа я была у метро. Пришлось приложить усилия, чтобы привести себя в порядок. Как внешне, так и внутренне, душевно. Впрочем, последнее было очень шатко, и не наверняка. Надеюсь мне удалось скрыть заплаканное лицо и опухшие от слёз глаза. Не стоит ещё забывать о долбанном синяке на полщеки.

Я пятнадцать минут пролежала с компрессами на веках. И вроде бы помогло, но это не точно. Потом ещё пришлось осторожно умываться термальной водой, так как по щекам у меня пошли розовато-красные пятна. Затем я воспользовалась консилером и хайлайтером. О-о... После пришлось сделать акцент на губы и так, чтобы это не выглядело пошло. Хотя яркость губ, вроде, в тренде.

Глаза я аккуратно подвела лайнером и стрелки нарисовала чуть поярче и подлиннее, чем обычно. И аккуратно положила тушь.

Но без излишеств, конечно. Заштукатуриваться, как некоторые, мне никогда не нравилось.

А лишнее внимание моим глазам сейчас и вовсе ни к чему.

И в конечном итоге, после всех стараний я была уже довольна своим внешним видом.

Я увидела приближающийся чёрный Land Rover Defender издалека.

Этот брутальный внедорожник с суровым шноркелем и массивным кенгурятником впереди я вряд ли спутаю с другой тачкой. Мне вообще кажется, что он такой на всю Москву один. Хотя, учитывая, что у нас тут на светофоре могут стоять рядом три Гелика подряд...

На встречу со Стасом я надела светлую футболку со Стичем, лёгкие джинсы и бело-розовые конверсы. Сверху накинула бело-синий бомбер. И конечно же со мной был мой неизменный маленький рюкзак светло-кобальтового цвета с изображениями чаек.

Корнилов остановил машину прямо возле меня. Выглянул в окно из автомобиля, улыбнулся. Мягко, тепло, по-отечески.

— Привет, — проговорил он, одарив меня родной улыбкой.

— Привет, — кивнула я, обходя его внедорожник.

Я села рядом с ним, попутно увидев, с каким презрительным осуждением на меня смотрят сидящие на остановки старушки.

Боже... Даже не хочу представлять, что они обо мне думают! Я забралась на сиденье, сразу же пристегнула ремень.

Стас надавил на газ, мы поехали вперёд. Я убрала прядь волос с лица и вопросительно взглянула на него. Странно, но несмотря на то время, что мы знаем друг друга, а это чуть больше двух лет, я нередко испытываю странную неловкость. И не знаю, что говорить и что делать. А Стаса это как будто даже развлекает. Он всегда окидывает меня изучающим взглядом с легкой доброй насмешкой на губах.

— Хорошо выглядишь, — сказал он. — Только личико грустное. Ты плакала?

Я вздохнула.

— Так...

— Неурядицы? — Стас вспомнил мой ответ.

— Да-а, — глухо проговорила я, чуть опустив взгляд. — Это долго объяснять...

— Ника, у тебя появился мальчик? — Корнилов позволил себе легкий смешок.

— Что? — я неумело попыталась изобразить недоумение. — Да... Да с чего ты взял?

Стас посмотрел в сторону, повернул руль. Мы свернули.

— В мире не так уж много вещей способных вызвать женские слёзы. И чаще всего ваши слёзы из-за нас. Ну, или из-за поломанных ногтей...

— Ты так говоришь, как будто у женщин есть какой-то общий перечень пунктов, из-за которых можно плакать, — пробурчала я и всхлипнула.

В горле снова встал болезненный, жесткий ком. Глаза начали намокать. Я вспомнила Мирона и Леру рядом с ним.

Как... Да как же она смогла... Мы ведь... Давно... И... Я снова всхлипнула и быстро отвернувшись, замахала ладонями на лицо.

— Так, — Стас остановил автомобиль.

Я не поворачивалась, чувствуя на глазах теплую влагу. Я знала, что он смотрит на меня. И я почувствовала его прикосновение к плечу. От отстегнул ремень безопасности.

— Ну что... — проговорил сочувственно. — Иди сюда...

Я и не удержалась. Бросилась к нему, прижалась, уткнулась лицом в грудь и разрыдалась. Снова. Громко. Долго. Отчаянно.

— Тише, тише... — Стас успокаивающе ласково гладил меня по голове. — Тише... Ты, что... Твои слёзы слишком дорого стоят... тише... Я не знаю, что случилось, но просто помни, что это ведь не навсегда... Тише...

Я всхлипнула, вздрогнула и вздохнула, скрывая лицо у него на груди.

— Тише... Всё будет хорошо... всё пройдёт... тише...

Широкая, источающая надежное тепло, сильная ладонь Стаса действовала с волшебным эффектом. Он продолжал гладить меня по волосам. И это действовало. Горечь отступала, боль слабела. Я была не одна...

Стас словно обладал какой-то удивительной магией. Его присутствие всегда внушает необъяснимое умиротворение, уверенность, какую-то силу... и... и донельзя приятное чувство защищенности. Рядом с ним ты необъяснимым образом сразу чувствуешь какую-то невидимую, но осязаемую позитивную и просто добрую ауру.

Я нервно, тяжело сглотнула. Запустившая в меня серпы когтей, скалящая клыки боль отступала, нехотя слабела, гибла, развеивалась...

А слова Стаса лились убаюкивающим упоительным сиропом.

Хотелось просто, чтобы он продолжал обнимать меня. И хотелось просто слушать. Слушать, что он говорит...

Неожиданное видение резко втянуло меня в себя, поглощая меня и заполняя мое сознание. В голове подобно «американским горкам» пронеслись эпизоды из жизни Стаса. То, что ему пришлось пережить совсем недавно.

Допрос... Стрельба... Сеня... Свидетели... Девушка с черно-белым лицом и черно-белый клоун... Жуткие рисунки этой девушки... Щенок, Алина, машина... Яша... Станный дом... Тела... Раскрашенные в черный и белый мертвые тела семьи... Семьи Вербиных... Я вскрикнула, отшатнулась.

— Ника! — Стас похоже слегка испугался.

Жмурясь, как от боли, я вжималась спиной в сиденье. Я закрыла лицо руками.

— Ника... — Корнилов осторожно коснулся моего плеча.

Я часто дыша, сидела с закрытыми глазами. Я слушала удары сердца, напоминающие громкий стук от падения тяжелых капель воды из неисправного крана. Перед моим внутренним взором внезапно выплыло лицо. Длинное, улыбающееся белое лицо. Чёрные губы растянуты в прежней злорадной улыбке, из глаз смеется мрак, ночь в густых волосах. Я слышу его голос. Что он шепчет?.. Я не могу разобрать...

Я резко открыла глаза. Стас молча следил за мной. Над нами в сгущающихся над городом тяжелых тучах подобно гулкому, зловещему набату ударил гром. По крыше автомобиля застучали капли дождя. Сползающие головастики и змейки дождевых капель усеяли лобовое стекло Лэнд Ровера.

— Ника... — настороженно проговорил Корнилов. — Ты... ты что-то увидела? Да?..

Я взглянула на него.

— Сеня в порядке?

Стас чуть улыбнулся.

— Да. Его немного потрепало, но в целом он в порядке.

— Вы были в сгоревшем поместье...

— Да, — проговорил Стас и глаза его чуть сузились. — Ты... Ты видела его?

— Я видела, как оно горело, — вздохнула я. — И я слышала крики тех, кто там сгорал.

— Ты не видела, кто это сделал?

— Нет, но... Я видела кое-что... Я видела его, Стас... убийцу...

Я обеспокоенно взглянула на Корнилова.

— Он был там, среди них... Среди тех, кто сгорел... Он тоже должен был сгореть...

Стас втянул носом воздух.

— Что ж, понятно.

— Вербин... Тихон Вербин был знаком с некоторыми другими альпинистами...

— Да, — кивнул Стас, — мы уже знаем. Там ещё был замешан Олег Гудков. Он и его жена — первые жертвы. Убиты восемь месяцев назад.

— А что вы знаете про Каменева, Курбатова, и... — я вспомнила ещё два имени из последних видений. — Марка и Майю?

Я взглянула на Стаса.

— Ника, — он хмыкнул и покачал головой, — ты знаешь, что тебе нет цены?

Я в ответ кротко улыбнулась.

— Кстати...

— Да?

— Четверг — очень красивый пёсик.

— Что? А-а... — Стас понимающе улыбнулся. — Да, Алина тоже так думает. Дрессирует его теперь днями... Но Четверг...

— Это имя ему идёт, — подтвердила я.

Стас взглянул на меня. Я рассмеялась.

— И ты туда же?

— Да. А что? Оригинальное имя.

— Но, странное...

— Не говори мне о странностях, — покачала я головой с улыбкой.

— И правда. Кстати, Ника...

— А? — взглянула я на него.

— У тебя... немного... — Стас пальцем обвел свои глаза.

— Ой! — я спохватилась и отвернувшись начала доставать из рюкзака косметические принадлежности. — Подожди... Не трогайся пока...

— Хорошо, я подожду, — ответил он.

— И не смотри на меня.

— Ладно, как скажешь... Хочешь, я могу выйти?

— Нет, не надо, Просто смотри пока в другую сторону, хорошо? — встревоженно проговорила я.

Блин! Это же надо было так оконфузиться! Как чёрт возьми можно было не почувствовать, что косметика на глазах потекла?!

Obrzydliwość!.. Стоило так напрягаться, приводить себя в порядок, чтобы потом опять разревется?!.. Ну, что за....

Что-то в последнее время у меня слишком часто одна и та же проблема! Надоело уже! Таблетки что ли купить успокоительные?

Нельзя мне быть такой эмоциональной! Нужно держаться!..

Ага, попробуй тут... Как же... Особенно, когда... Так, ладно! Хватит об этом! А то сейчас опять разревусь! Pierzyc to wszystko!* (К чёрту это всё!)

Особо страшного ничего с моими глазами к счастью не произошло, Стас просто не дал мне разреветься в полную силу и быстро успокоил. И потому я относительно быстро привела себя в порядок.

Но теперь следы покраснения вокруг глаз всё же буду заметнее.

Чёрт... Ладно. Стас и Сеня с Колей уже не раз видели меня заплаканной. А для остальных окружающих у меня есть солнечные очки. Всё будет хорошо... Я надеюсь.

— Всё, — объявила я, застегивая косметичку, — можем ехать.

— Отлично, — Стас повернул ключ в замке зажигания.

Автомобиль тронулся, покатился вперёд. Корнилов попутно вводил меня в курс дела.

— У нас есть подозреваемый, — говорил он.

Я с опасливым любопытством посмотрела на него.

— Это фотограф... Может быть ты слышала, — Стас вздохнул. — Платон Плансон.

— Что-то знакомое, — я нахмурила брови. — Возможно... Его упоминали свидетели, которых вы с Колей опрашивали и...

— И наркоторговцы, которых мы задержали, — закончил Стас. — Да. Слишком уж многие на него указали. И притом в обоих случаях он был как минимум неподалеку от места убийства. Не может это быть совпадением.

— Да, — согласилась я. — На банальное совпадение не похоже.

Я попыталась вспомнить, где я слышала имя и фамилию Платона Плансона. Кажется, его фамилия мелькала в нескольких модных журналах. Но я не могла вспомнить ни одной его фотографии.

— Расскажи мне подробнее про этого Курбатова и других, — попросил Стас.

Я быстро взглянула на него, перевела взгляд на дорогу.

— Там были силуэты, и они говорили на фоне горящего поместья... Двое мужчин и женщина. Один из них... Его называли «Лукьяном» и «Курбатовым»... И я, кажется, знаю, кто это. Но сам он называл своих собеседников «Марком» и «Майей».

— Просто Марком и Майей? — переспросил Стас.

Мы обогнали такси, несколько седанов и троллейбус с яркой рекламой на борту.

— Да, их фамилий он не называл, — задумчиво, чуть сдвинув брови, проговорила я. — Только он упоминал другую фамилию — Каменев. И я её уже второй раз слышала, перед этим она звучала в другом видении... И кажется это Касьян Каменев.

Стас продолжительно вздохнул. Я бросила на него виноватый взгляд.

— Прости, я знаю, нужно было сразу прийти к тебе и рассказать, но... — я замялась. — Как-то все время было не до того... Прости меня пожалуйста.

— Тебе не за что извиняться, Ника, — ответил Стас.

Но голос его звучал уже менее тепло, чем до этого.

— Однако всё же не забывай, что ты... по воле судьбы можешь обладать сверхценными сведениями, от которых могут зависеть жизни людей.

Корнилов не отводил взгляд от дороги. Я опустила взор. Чувство вины тяжелой, хищной птицей опустилось на плечи.

— Я тебя не виню, просто прошу, не пренебрегай... своими видениями, — продолжал Стас. — Я знаю, что тебе выпала ответственность, которую большинство взрослых людей не в состоянии вынести, но... Очень тебя прошу, Ника, впредь сообщай мне всё, что узнаешь сразу. Я никогда не желаю, чтобы ты вмешивалась лично или вообще как-то участвовала... Да и сейчас это вынужденная необходимость.

Стас нахмурился, снова вздохнул.

— Но если уж тебе выпало иногда видеть и узнавать то, что другие узнать не в состоянии, нужно делиться такими сведениями. От гнетущего и болезненного чувства вины на глаза снова напросились слёзы. Какая же я дура! Чего сразу после того, самого первого ведения не побежала к Стасу! Надо ведь было, надо!

Дура!.. *Beztraska ślamazara!** (Безответственная размазня!)

— Ладно, — Стас правой рукой коснулся моего предплечья, — всё нормально. Не дуйся.

— Я не дуюсь... — покачала я головой, с грустью глядя в окно. — Это ведь я виновата.

— Ника, я просто попросил тебя в следующий раз действовать по-другому. Это совсем не означает, что я тебя виню.

— Я должна была сама сообразить.

— Если бы ты знала, сколько взрослых, в том числе и полицейских, должны были сами догадаться предпринять те и или иные действия в разных ситуациях... — Стас не договорил,

лишь криво ухмыльнулся, — знаешь, многие бы были спасены, и многого бы могло не случиться. Мы все люди. Ты тоже. Помни об этом.

— Маловато для того, чтобы не мучиться от чувства вины, — пробубнила я, опустив взгляд.

— Вместо того, чтобы корить себя, лучше подумай, как ты можешь помочь другим, — проговорил Стас.

Я несмело, искоса взглянула на него.

— Это твой способ не чувствовать вину?

— Честно? Да, — Стас кивнул несколько раз. — Ты думаешь я или Сеня, или Коля не совершали каких-то ошибок? Ох, Ника... Если честно, и перечислять не хочется. Столько по молодости накосячили все... А каждый косяк это...

Лицо Стаса на миг потемнело, дрогнули скулы.

— Каждый прокол — это, возможно, чья-то жизнь. Тем более в таких расследованиях, какие ведем мы.

Обсуждая значения и значимость своей и чужой ответственности, мы добрались до Гагаринского района. Здесь Стас свернул возле автозаправки и маленького супермаркета.

Мы поехали вдоль зеленых лужаек, заборчиков, за которыми возвышались двух- и трёхэтажные дома. Постройки здесь были весьма дорогими, можно даже сказать фешенебельными. Но без особой, показной роскоши, как в разных элитных коттеджных посёлках, где каждый жаждет переплюнуть другого в показной роскоши собственного жилища.

Нет, здесь на длинной, довольно тихой улице, в ряд тянулись аккуратные дворики и такие же аккуратные дома. Многие из них были облицованы кирпичом или плиткой. Остальная половина предпочитала цветной сайдинг пастельных тонов и простую вагонку.

У дверей некоторых домов, прямо над крылечками развевался государственный флаг.

Дом, возле которого мы остановились, прятался за низким забором из темного профнастила. Обиталище фотографа было щедро облицовано серым камнем. Входная дверь пряталась в тени под вынесенным вперёд небольшим балкончиком с металлической оградой. К двери вели три полукруглых ступени, а к ступеням от ворот тянулась узкая, мощеная дорожка. Она разделяла пополам салатовую лужайку с аккуратно постриженными кустами.

Стас припарковал Дефендер рядом. Здесь же я увидела стоящую неподалеку серую Ауди А6 в старом кузове.

Когда мы со Стасом выбрались из внедорожника, из Ауди вышел Николай Домбровский. На нём была светлая рубашка с закатанными до локтя рукавами, темная жилетка, из-под которой выглядывал галстук цвета Кардинал, и брюки под цвет жилетки. На руках Коли темнели короткие перчатки.

Домбровский красноречиво поправил ремень кобуры, в которой покачивалось его табельное оружие. Лицо его было каменно-суровым. Капитан Домбровский явно был раздражен или зол на кого-то.

— Как тут обстановка? — спросил Стас, кивнув на дом с каменной облицовкой.

— Всё спокойно, — плечи Коли чуть приподнялись. — Привет, Ника.

Он чуть улыбнулся мне.

— Рад тебя видеть.

— Привет, — улыбнулась я. — Я тебя тоже.

— Стас ввёл тебя в курс дела? — усмехнулся Коля, взглянув на Корнилова.

— Да, — ворчливо ответил тот. — Нике и самой есть, что нам рассказать, но это потом.

Пошли... Хотя стой. Подожди-ка.

Стас вернулся к своей машине, открыл багажник и направился ко мне, держа в руках темный жилет.

— Да ладно... — слабо протянула я. — Это необходимо?

— Это необходимая предосторожность, — похлопал меня по плечу Коля.

Стас надел на меня жилет, застегнул ремешки.

— Не тяжело? — поинтересовался он.

— Так себе... — я чуть поморщилась. — А вы думаете, в меня кто-то может стрелять?

— Вряд ли, — ответил Стас. — Но в доме вполне может быть оружие. И держись пожалуйста за Колей. Всё, идёмте.

Они двинулись вперёд. Я последовала за Колей. Идти в бронежилете оказалось жуть как неудобно. Он был все-таки тяжелый и порядком стеснял мои действия. Мне казалось, что меня одели в жесткий, бронированный корсет, и он продолжает сжиматься вокруг меня. Я стала дышать чаще.

Мы подошли к воротам дома Платона Плансона. Стас нажал на кнопку звонка под глазком камеры. Я подняла взгляд на дом.

Если бы восприятие можно было охарактеризовать вкусом, то у этого дома был бы вкус подгоревших овощей и зачерствевшего сыра. Не знаю... От него веяло заносчивой неприступностью и агрессивной чванливостью. Этот дом прочно ассоциировался у меня какой-то обеспеченной каргой, что брезгливо морщит нос при виде любого, кто хоть немного уступает ей в достатке.

На звонок Стаса сперва никто не ответил. Корнилов позвонил ещё раз.

Я выглянула из-за плеча Коли. Тот с равнодушным видом держал руку на рукояти пистолета. От этого у меня торопливо заколотился пульс, изнуряющее беспокойство сжимало грудь. Хотя, возможно, виной всех моих неприятных чувств был чертов бронежилет, давящий на плечи.

— Кто? — неожиданно спросили из динамика под камерой.

Голос был недовольный, властный и резкий.

— Подполковник Корнилов, — Стас показал удостоверение. — Уголовный розыск.

— И чему обязан? — язвительно с вызовом спросил всё тот же голос.

Я закрыла глаза, быстро покачала головой.

О-ой, это он зря. Стас не тот человек, с которым стоит так разговаривать.

— Нам нужно задать вам пару вопросов, господин Плансон.

— Это так срочно?

— Если вы сейчас же не откроете, это будет настолько срочно, что мы будем вынуждены применить силовые санкции. И уверяю вас, последствия и для вас, и для вашего дома буду крайне неприятными.

Корнилов говорил выдержанно, корректно, но с угрожающим, неприятным холодком. И что удивительно, такой тон часто оказывался гораздо более эффективным, чем более грубый и требовательный подход, который практиковал иные стражи закона.

— Входите, — нехотя ответил голос в динамике.

В двери ворот что-то звонко клацнуло. Дверь приоткрылась. Стас толкнул её, пошел вперед первым. Следом за ним решительно двинулся Коля. Я семенила следом. Мой взгляд

поднялся к непроницаемым, серым окнам на втором этаже дома. За ними угадывались полоски жалюзи и какие-то предметы на подоконнике.

Голоса... смех... ругань... чей-то крик... Угнетающий жужжащий звук газонокосилки... Детский крик паники и следом неудержимый вой боли... Кровь... Кровь на траве... Светловолосый мальчик в красном пуловере корчится от боли. Парень постарше стоит в стороне, смотрит...

Я скривилась, зажмурила глаза. Кончиками пальцев правой руки помассировала висок. Обрывки воспоминаний, точно стая нетерпеливых мотыльков, вились вокруг меня и норовили ворваться в мое сознание.

— Ника? — Коля обернулся и тронул меня за плечо, — всё в порядке?

Я взглянула в его темные, зеленые глаза с нефритовым оттенком.

— Да... — слабо ответила и оглянулась. — Всё... в порядке.

Я не стала говорить Коле, что когда-то давно, когда этот дом, видимо, принадлежал другим людям, здесь жили два мальчика.

Сводные братья. Когда младшему было десять, а старшему четырнадцать, последний привязал своего брата к разбрызгивателю автоматической поливальной системы. А затем пустил на него газонокосилку.

Я задержала взгляд на стеблях травы. Несколько лет назад эта земля была щедро забрызгана кровью перепуганного ребенка.

Я нервно сглотнула, отвернулась, поспешила за Колей.

Мы поднялись по полукруглым ступеням. Я заметила остатки воды и грязи по обе стороны от ступеней. Стас первым подошел к деревянной двери с окошками в виде широких лепестков.

Едва Корнилов приблизился к двери, металлическая изогнутая ручка повернулась, и дверь резко открылась. На пороге возник довольно жуткого и неприятного вида мужчина.

Если бы Пожиратели смерти существовали, то он был бы идеальным кандидатом по внешним характеристикам. Мужчина был среднего роста, пониже Стаса. По плечам и на лицо неряшливой гривой свисали распущенные длинные черные волосы.

Создавалось впечатление, что он давно не мыл голову. Волосы выглядели сальными, жирными и жидкими. Под волосами бледнело лицо с черной подковообразной бородой. Из-под темных бровей кололи неприязненным, раздраженным взглядом тусклые, зеленые глаза. Он был облачен в черный атласный халат, из-под которого скалилась в жуткой гримасе мумия фараона на черной футболке.

Ну понятно. Ещё, небось, и поклонник фильмов ужасов.

Типа какой-нибудь садистской «Пилы» или мерзкого «Поворот не туда».

— Ну и чему обязан? — спросил черноволосый. — Чего надо?

— Разрешите, мы войдём? — проговорил Стас ровным, низким голосом.

Похожий на злого колдуна фотограф нехотя посторонился.

— Лара оденься! У нас тут... гости... нарисовались.

Он издевательски взмахнул рукой в пригластительном жесте.

— Проходите, господа полицейские. Чувствуйте себя, как дома... Если у вас это получится.

— Платон Львович, — произнес Стас. — Нам нужно с вами поговорить. Это не терпит отлагательства.

— И о чем же? — Платон завязал халат поясом.

— Например о том, что вы делали возле дома Вербиных, незадолго до их убийства, — глядя в глаза Плансону произнес Стас.

Коля молча прожигал Платона взглядом. Я оглядывала дом.

Просторный холл с деревянным полом и светлыми коврами.

Наверх ведёт кольцевая лестница с деревянными ступенями и металлической балюстрадой. Напротив лестницы стояли футуристические скульптуры из металла и цветного стекла. Дальше располагалась просторная гостиная. Там стояли два черных дивана, длинный, низкий стол посередине и пара шкафов. Слева от диванов тянулась стена, задекорированная черными бабочками. На ней красовались многочисленные фотографии в черных, белых и серых рамках.

— Эй!

Голос Платона прозвучал, как выстрел. Я вздрогнула, обернулась.

— Я не разрешал шастать по моему дому! — процедил Плансон и взглянул на Стаса. — Скажите своей сопливой сотруднице, чтобы она не бродила по моему дому, как у себя в спальне!

— Извините, — смущенно пробормотала я.

Со стороны мое поведение и правда показалось мне недостойным.

Явилась тут в чужой дом и пошла себе... Опустив голову, я вернулась к Стасу и Коле.

Домбровский тронул меня за плечо. Я подняла на него взгляд.

Он улыбнулся и шепнул:

— Всё нормально.

— Ладно! — не скрывая запальчивого раздражения ответил Платон Стасу. — Пройдите на кухню... И подождите! Мне нужно закончить!

— Закончить? — переспросил Стас.

— Да! Закончить работу. Вы прервали меня! Понимаете?! Я работал! А вы тут явились с какими-то вопросами!

Последнее слово он выплюнул с нескрываемым презрительным отвращением.

— Господин Плансон, а вы не можете закончить, после того, как мы поговорим? — спросил Стас.

По его голосу я слышала, что он начинает закипать. Платон серьезно его подбешивал. Корнилов обладал просто титанической выдержкой. Но даже его терпению приходит конец.

И тогда всё — Армагеддон.

— Конечно, я должен всё закончить сейчас! — не скрывая злого возмущения, вскричал Плансон. — А вы подождите... Лара! Лара, чёрт бы тебя побрал! Спустись вниз! Быстро!

Я не удержалась, взглянула на Колю. Домбровский посмотрел на меня, повел плечами. Я выразительно вскинула брови. Ничего себе у него обращение!

По лестнице вниз спустилась женщина лет тридцати.

Она была одета в легкий сарафан и бежевые туфли на низком каблуке. Её золотистые волосы были завязаны сзади в пышный пучок.

— Добрый день, — поздоровалась она.

У неё был приятный, тихий и вежливый голос.

— Разрешите угостить вас чаем, — сказала она.

Стас и Коля обменялись взглядами. Корнилов посмотрел на Платона, но тот уже был возле двери рядом с лестницей. Распахнув её, он ринулся внутрь. Перед тем, как дверь закрылась, я увидела за ней ступени ещё одной лестницы.

— Пожалуйста, идите за мной, — попросила женщина. — Меня зовут Лариса. Не желаете к чаю пирожные или торт?

— Нет, благодарим, — отозвался Стас.

— Может быть, кто-то из вас предпочтет кофе? Или... — она оглянулась на меня, — апельсиновый сок?

— Нет, благодарю, — робко ответила я. — Вы очень добры.

Женщина одарила меня улыбкой. Но улыбка вышла печальной. Что-то тяготило эту женщину. Что-то поселило грусть в её глазах. Её лицо явно привыкло быть опечаленным, уставшим и заплаканным.

И каждая добрая улыбка давалась ей с заметным трудом.

Я чуть шагнула вперёд, чуть приблизилась, глядя на её спину.

Её воспоминание не замедлило окутать мое сознание.

...Стул на кухне с грохотом ударился об стул.

— Я тебе сколько раз говорил, не смей трогать мои работы! А?! Говорил?! Я тебе говорил! Говорил!

— Платон я не... — Лариса не успела договорить.

Он ударил её по щеке. Она вскрикнула, пошатнулась. Он ударил снова. Женщина упала на пол.

— Платон... — рыдая проговорила она, — Стой... стой... пожалуйста...

— Не смей трогать мои вещи! — процедил с оскаленным лицом Плансон.

С этими словами он с остервенением поставил каблук на её левую руку и с ожесточением повернул. Раздался влажный хруст.

Лицо Ларисы исказила боль, из груди вырвался крик мучительной боли.

Воспоминание прервалось.

— Ника...

Я стояла в коридоре, часто моргая, взволнованно глядя перед собой.

Все смотрели на меня. Я отстала от них, оставшись стоять в проходе перед кухней. Коля вернулся ко мне.

— Ты чего?.. — спросил он и подойдя ближе, шепнул, — ты что-то увидела?

Я кивнула.

— Он бил её... И... Он...

— Ладно, пошли. Потом расскажешь мне и Стасу, — сказал Домбровский приобняв меня за плечи. Я пошла с ним. Мы вошли на кухню. Стас стоял возле окна. Лариса разливала в чашки чай.

— Разрешите предложить вам круасаны? — проговорила она и снова улыбнулась.

Улыбка вышла трудной, вынужденной, фальшивой. Эта женщина прилагала серьёзные усилия, чтобы улыбаться. Чтобы через силу растягивать непослушный рот в вежливой и приветливой улыбке.

— Я буду только чай, — покачал головой Стас.

— Да, я тоже, — кивнул Коля.

Взгляд женщины обратился ко мне. И я быстро кивнула.

— Чай... без сахара, если можно.

При этом я не удержалась и опустила взгляд на её левую руку.

Ту самую, на которую наступил в моем видении взбешенный Платон.

Лариса перехватила мой взгляд, торопливо накрыла левую руку, правой. Но я успела

разглядеть её пальцы. Они были другими.

Искривленными, словно погнутыми. Похожими на короткие, мелкие ветки какого-то корня. Кости пальцев явно неправильно срослись, изуродовав руку женщины.

Я отвела взор, встала рядом с Колей и Стасом. Лариса наливала в чашки чай. Кухню заполнял влажный, горячий запах чёрного «Гринфилда». Я взглянула на Стаса. Корнилов о чем-то сосредоточенно рассуждал. Коля украдкой следил за действиями Ларисы. Кажется, он тоже заметил, что её с левой рукой что-то не так. Я тронула его за локоть. Он взглянул на меня.

Я выразительным взглядом показала, чтобы он не пялился на искалеченную руку Ларисы. Её и так терзает чувство стыда за свой внешний изъян, зачем заставлять её страдать ещё больше? Бедная женщина и так старается лишней раз не показывать левую руку! Все время норовит спрятать её за спину или накрыть правой рукой.

Нужно обязательно рассказать Стасу о том, что я видела.

Он должен ей помочь! Ну, или найти тех, кто сможет!..

Я сама пережила домашний садизм и избиения, пожалуй, в худшем проявлении. И могу отчетливо себе представить, в каком перманентном, бесконечном кошмаре ведёт жизнь Лариса.

Господи... Он ведь даже не разрешил ей обратиться за помощью с переломанными пальцами! Наверняка они срастались в домашних условиях!

Я не смотрела на неё. Мой сочувствующий взгляд последнее, что ей сейчас нужно. Через несколько минут мы все пили чай.

Пили из вежливости. Поскольку нам неприятно было находиться в этом доме. Стас и Коля, хоть и не обладали моими способностями, тоже прекрасно прочувствовали и заметили царящую в доме обстановку.

В воздухе занесенным для удара топором застыло пульсирующее чувство угрозы. Страх расправы. Страх перед наказанием за неповиновение.

Знаменитый фотограф Платон Плансон по совместительству был социопатом и домашним тираном.

Стас поставил чашку с чаем на стол. Он едва отпил. Лицо Корнилова изменилось. Его выражение выражало сдерживаемый гнев.

— Пошли, — буркнул он Коле, — Пора заканчивать этот цирк.

— Он же велел подождать... — усмехнулся Домбровский.

— Велел? — переспросил Стас. — Что, правда?!

Мы с Колей переглянулись. Домбровский криво улыбнулся одними губами. Все-таки фотографу удалось выбесить Стаса своим поведением. Теперь очередь Корнилова.

— А что происходит?.. — пугливо спросил Лариса, вышедшая вслед за нами. — Вы куда?

— К вашему мужу...

— Он не мой муж, — вдруг ответила женщина.

Стас и Коля разом обернулись. Лариса опустила голову, спрятала взгляд.

— Вы его сестра, — вдруг сказала я.

Корнилов и Домбровский взглянули на меня, затем снова на Ларису.

Та отвернулась, кивнула.

— Сестра... — выдавила она, затем тихо добавила. — И рабыня...

— Что? — переспросил Стас.

— Ничего! Забудьте! И пожалуйста... Подождите на кухне...

— Нет, госпожа Плансон! Извините! — Стас решительно направился к двери, за которой скрылся Платон.

— Но... — Лариса попробовала догнать Стаса.

Однако её остановил Костя.

— Послушайте, — сказал он, — мы расследуем серию жестоких убийств, и в данный момент разыскиваем убийцу. Любое наше промедление даёт преступнику всё больше преимущества. Мы подождем, а он нет. Он убьёт снова. А затем опять. И так будет продолжаться, пока мы его не поймем. Вы этого хотите?

Напор Коли обескуражил Ларису, заставил растеряться.

Она не знала, что ответить.

Но я понимала, что она не столько боится, что Стас потревожит Платона, сколько наказания за то, что не справилась и не удержала нас на кухне.

А Стас тем временем уже открыл дверь и направился вниз по узкой лестнице. Коля последовал за ним. А я обернулась к Ларисе и взяла её за руку. Она застыла.

— Послушайте пожалуйста, — попросила я, глядя в её глаза.

Там всерых глазах дрожал страх, дрожал ужас перед неминуемой болью, которую ей причинит Платон, когда мы уйдём.

— Не бойтесь его, — сказала я с намеком и выражением. — Подполковник Корнилов и капитан Домбровский представители особой оперативно-следственной группы Уголовного розыска. И уверяю вас, уж если вас кто-то и сможет защитить, то это они.

— М-меня? — промямлила Лариса и нервно сглотнула. — Меня не нужно защищать.

— Сомневаюсь, — тихо произнесла я.

Она подняла на меня взор. Она смотрела на меня и пыталась понять. Понять, что я знаю? Что я поняла? Она боялась, отчаянно боялась, что я каким-то образом могу знать. А я знала. Знала потому, что видела. И слышала.

— У нас всё... всё...

— Хорошо? — подсказала я.

— Эй! — донеслось снизу, куда спустились Стас и Коля, — кто вам разрешал сюда спускаться? Какого чёрта?! Эй!

Лариса вздрогнула. Взгляд её дёрнулся к открытой двери. Я вернулась к двери, ведущей вниз, и закрыла её. Лариса судорожно вздохнула, всхлипнула.

— Я знаю, что происходит в этом доме, — сказала я тихо и уверенно.

Серые глаза женщины закрылись, из-под ресниц блеснули слезы.

Она прижала ладони к лицу, уже не заботясь скрыть покалеченную руку.

— Что вы можете знать?

— То, что он регулярно бьёт вас, — сказала я. — И то, что вы боитесь не угодить ему. Вызвать его недовольство.

— Это... только... догадки... — всхлипывая выдыхала Лариса.

— Он сломал пальцы на вашей левой руке, наступив на них каблуком, — сказала я. — В тот день на нём была надета чёрная рубашка и джинсы. На часах было без двадцати два, по телевизору в гостиной показывали шоу с Малаховым. А за кухонным окном стояла машина аварийной службы. Мужчина чинил кабели на столбе.

Лариса убрала руки от лица. Её глаза округлились, губы вздрогнули, приоткрылись. Она была сражена и повержена недоумением.

— К-как?.. — проговорила она тихо дрожащими губами. — Вы... Вы не могли... Вы, что... Это... Это было давно... П-полгода... В-вы... Откуда...

Она сделала шаг назад. Я лишь кротко улыбнулась.

— Если скажу, вы всё равно не поверите.

Лариса прижала руки ко рту.

— Но, это неважно, — произнесла я, делая шаг к ней. — Важно то, что вы не должны молчать.

— О чем вы?

— Напишите заявление.

— Что? Н-нет...

— Да, — выразительно сказала я. — Неужели вы и дальше хотите так жить?..

— Но... он же мой брат... Вы, что... — Лариса замотала головой. — Я н-не могу... Я не буду! Я не буду! Нет! Ни за что... Н-н-нет...

— Мама?

Я обернулась. На лестнице стояла девушка, чуть-чуть старше меня. Наверное, лет шестнадцати. Она была одета в легкую вязаную кофту, футболку и джинсы. И поверх этого на ней был малиновый сплинг-шарф, в котором был закутан малыш. Девушка заботливо поддерживала его руками.

— Мама, что случилось?

— Уходи, Зоя. Всё... хорошо.

— Мама ты, что плачешь? — спросила девушка и спустилась вниз на несколько ступеней.

Она взглянула на меня.

— Что случилось?

Я хотела было ответить, но с меня с головокружением утянуло в воспоминание. Крик... Первое, что я слышала был крик...

Кричала девушка. Истошно, громко, с болью. Её голос рвался, она давилась хрипами. Что-то происходило... Что-то отвратительное, мерзкое... Я слышала ритмичные, частые шорохи, скрип... И шепот.

Злой, страстный шепот.

Когда мой взгляд сфокусировался, я различила два тела на полу маленькой комнаты с бежевыми обоями. Черноволосый мужчина, заломив руки девушке, подмяв её под себя, неистово двигал тазом.

Звенела пряжка его расстегнутого ремня. Его ботинки скрипели по полу. Девушка под ним выла от боли, рыдала, звала на помощь.

— Заткнись! — пропыхтел Платон. — Заткнись!.. Шлюха! Закрой рот!

— Пожалуйста... — пролепетала со слезами Зоя. — Пожалуйста... Хватит... Хватит... Пожалуйста... Перестаньте, дядя Платон... Перестаньте... Пожалуйста... Н-не надо...

Она замычала, он закрыл ей рот рукой и продолжал насиловать.

С его губ рвалось хищное, страстное дыхание. Через несколько мгновений он резко дернулся вперёд, чуть запрокинул голову. Сверкнули белки его полуприкрытых глаз, рот чуть приоткрылся в довольной, блаженной улыбке.

Девочка под ним заорала, взывала от боли, ее тело выгнулось. Но он навалился на неё всей массой, прижал к полу и снова подался вперёд. С его губ сорвался омерзительный вздох удовлетворения, он снова откинул голову назад.

Я пятилась в ужасе, зажимая себе рот, не отрывая взгляда от ужасающей, кошмарной сцены. Моя спина уперлась в стену.

— О-о-о... — выдохнул Плансон.

Меня обуял гнев. Захотелось схватить стоящую на тумбе рамку с фотографией и разбить об его мерзкую голову! Но я здесь почти что призрак... И ничем не могу помочь... Это лишь прошлое... Он уже свершилось. Никто уже не помог той девочке Зое...

— С вами всё в порядке?

Когда я вернулась в реальность, Зоя стояла передо мной. Она была слегка выше меня. Её серые, как у Ларисы глаза, с беспокойством изучали меня.

— Вам плохо? — спросила она.

Я не ответила, опустила взгляд на ребенка. Маленький мальчик у неё на груди обернулся, взглянул на меня светлыми наивными глазками. Я опустила взгляд, отвела взор.

— Всё в порядке, — пробормотала я и посмотрела на Ларису.

Та стояла рядом, тоже глядя в пол. Взгляд у неё был отстраненный.

— Платон... — произнесла я.

Лариса подняла на меня взор.

— Платон... Он... Вы... — у меня не было слов.

Как она живет с ним после ЭТОГО?!! Как?!! Как такое возможно! Он же... Он же подонок! Урод! Тварь! Сволочь!.. Я не знаю, какими ещё эпитетами наградить человека, способного изнасиловать собственную племянницу! Как вообще такое могло прийти в голову?! Как вообще у него появилась такая мысль?!

Это же... Это же невыносимо!.. Это... Это грязное, мерзкое скотство! Достоин ли называться человеком мужчина способный подвергнуть своей похоти незащищенную девушку, ребенка и, чёрт возьми, дочь своей родной сестры?!! Да что же делается в голове у таких... существ...

Я оглянулась на Зою.

Та продолжала наблюдать за мной тревожным беспокойством.

Я перевела взгляд на Ларису.

— Этот ребенок... сын Платона, — проговорила я. — Да?

Лариса посмотрела на меня с ужасом.

— Как вы могли...

— Это не правда... — заикаясь ответила Зоя.

Я снова посмотрела на неё. Затем на её сына.

— Это произошло в твоей комнате, — сказала я. — Дома никого не было.

— Н-нет... — покачала головой Зоя, — нет вы ошибаетесь... Это... Глупость!

Но её лицо говорило об обратном. Она и её мать, возможно, старались делать вид, что ничего не произошло. Они словно пытались забыть случившееся. Смириться. Пережить. Принять... Но это у них плохо получалось.

Я вздохнула.

— Это было на полу, возле твоей кровати. Он... Он навалился на тебя и... На тебе было лазурное летнее платье, на правой руке ты носила браслет с цветными кубиками

Я тяжело сглотнула.

— Мне жаль... Но вы ведь знаете, что это правда. Зачем... Зачем вы это терпите?

Я посмотрела на мать Зои.

— К-кто... вы... такая... Кто?! — прошептала она мне в лицо с мокрыми от слез

глазами. — Кто вы, чёрт возьми?!

— Я человек, который просто видит больше, чем другие, — ответила я с легкой заминкой.

— Вы... Вы, что ясновидящая? — нервно сглотнула Лариса.

— Вряд ли, — чуть усмехнулась я. — Я не знаю, наверное, нет.

— Тогда, кто...

— Это не так важно, — вздохнула я. — Гораздо важнее, вам решиться на...

— Это дом Платона, — Лариса опустила взгляд. — А нам некуда идти.

Ребенок Зои заплакал на груди у матери.

— Иди, покорми его, — попросила Лариса.

Дочь кивнула, покачивая ребенка, шепча ему ласковые слова, она пошла с ним обратно наверх. Я видела, как она смотрит на своего малыша. Сколько честной, искренней и безграничной любви сияло в её глазах. Не смотря на то, от кого и в результате каких обстоятельств появился на свет этот ребенок. Зоя окружала малыша настоящей, нежной и теплой любовью. Любовью, на которую способна только мать.

Я сглотнула комок, распиравший горло. И оглянулась на Ларису.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 12 августа. События, происходившие после того, как Ника закрыла дверь за Стасом и Колей.

Стас увидел яркий, белый свет на ступенях вниз. Он двумя полосками пересекал лестницу. Они слышали голос Плансона.

— Вот так! Да! Крас-савица!.. Отлично... Да, да, да! Покажи мне эмоции! Да! Вот так Вот так! Отлично! Ты шедевр, детка! Теперь покажи мне печаль... Смертную печаль! Покажи, что ты испытываешь такую боль, что не в силах вынести её! Вот так...

Стас и Коля спустились вниз. Они оказались в просторном, открытом помещении подвального типа. И первое, что им бросилось в глаза это застывшие в разных позах манекены.

Безликие. Топорно копирующие людей. Они были выкрашены в черный и белый. Их лица, плечи, руки, спины отливали расплзающимися тусклыми бликами. Их было много, около полусотни или больше.

— Мать его... — выдохнул Коля. — Стас, да это же...

— Тихо, — одернул его Корнилов.

Но увиденное поразило и его. Он обратил внимание на стены в помещении. На белых стенах «летели» стаи черных птиц и мотыльков. Пугающую футуристическую обстановку разбавлял только всякий хлам, сгруженный у стены слева, и старая стиральная машина, возле которой стояли два бежевых манекена в каких-то лохмотьях.

Стас оглядел пустые, одинаковые лица манекенов.

Из-за того, что у них не было ни глаз, ни ртов, ни бровей, ему казалось, что у них у всех на их пластмассовых лицах застыло одинаковое выражение — выжидание. Они как будто смотрели без глаз и улыбались без губ и рта. Они как будто с насмешкой ждали, что будет дальше, что он предпримет. Что сможет противопоставить.

Коля прошел вперед. Стас тихо двинулся за ним.

Ни Платон, ни девушка, которую он фотографировал, не замечали их.

В центре, где горели прожекторы и стояли фото-зонты, на вычурном диване иссиня-чёрного цвета, сидели две девушки.

Коля за спиной Стаса подавился, прижал кулак к губам. Стас не мог отвести взгляд от девушек. Они были голыми. Обе. Совершенно обнаженными. И их волосы были чёрными. Из губы, ногти на руках и ногах отливали черным. Ужасающий мрак чернел в их глазах, и черным были выкрашены даже соски.

И последнее отчасти потрясло Стаса. В такой любви к черно-белому, явно чувствовалась иная страсть, чем просто фанатичное обожание. Всё эта черно-белая вакханалия приобретала очевидный сексуальный подтекст. А именно такой подтекст носит большинство серийных убийств.

Тут Плансон обернулся на них, и лицо его перекосило от яростных эмоций.

— Эй! Кто вам разрешал сюда спускаться? Какого чёрта?! Эй!

— Что здесь происходит? — спросил Стас и пошел вперед.

Коля подошел к девушкам.

— Дамы, вам лучше уйти, — произнес он, обращаясь к ним.

Домбровский проводил растерянных девушек к выходу.

— А кто нам заплатит? — спросила одна из них.

— Вы сможете потребовать плату за услуги позже, — заверил их Николай.

— Никуда они не пойдут! Я ещё не закончил! — Плансон ринулся было к Коле.

Но Корнилов загородил ему дорогу.

— Вот что, Плансон, — жестко сказал Стас, — в городе убита семья. Четыре человека. Уверен, ты слышал. Убийство было обставлено в черно-белых цветах. И убийца имеет явную извращенную фантазию, с этими двумя цветами. И твоя студия здесь полностью отвечает вкусам безумца, помешанного на черном и белом.

— И не просто помешанному, — к ним вернулся Домбровский, — судя по тому, что мы увидели, тебя ещё и возбуждает вся эта обстановка. К одержимости черным и белым примешивается явное сексуальное возбуждение. Плюс, тебя видели свидетели, и, будь уверен, все они тебя опознают.

Коля чуть наклонился к Платону.

— Поэтому тебе лучше как можно скорее ответить на наши вопросы.

Платон пару раз моргнул. Напор Коли его порядком смутил и сбил с толку. Он ошарашенно посмотрел на Стаса, на Николая и снова на Стаса. Затем опустил на черный диван, запустил пальцы в волосы.

— Я никого не убивал... Я только фотографировал. Понимаете? Да я там был! Но я... Чёрт возьми! Одно дело — любить искусство, и совсем другое — убивать ради него!

— А ты бы смог? — спросил Стас.

— Что? — не понял Платон.

— Убить ради искусства, — сказал Коля.

Платон снова поглядел на них по очереди.

— Да вы что, совсем спятили?! Хотите на меня это повесить?!

— А что нам помешает?! — Я этого не делал! — Ты был там! В то же время или не задолго до убийства! — повысил голос Стас.

Платон вздохнул, поджал губы. Начал постукивать ногой по полу.

— Я никого не убивал, — снова зачастил он. — У меня время есть на фотографиях!

Хотите я покажу?! Сейчас...

Он было ринулся вперёд, но Стас без труда оттолкнул его обратно на диван.

— А что ты делал возле горящего клуба «Горный путь»? — спросил Стас. — Не отнекивайся. Там ты тоже был. Не так ли? Что, тоже фотографировал?

— Да, — процедил Платон уже свирепея, — фотографировал!

— Горящий дом с людьми? — со злым отвращением уточнил Николай.

— И что? Я что ли их поджог?! — вскричал Платон. — Я лишь снимал это! Создавал искусство!.. Да куда вам... понять...

— И то правда, — ядовито усмехнулся Стас. — Куда уж нам понять всю красоту боли и мучений сгорающих заживо людей.

— Зря иронизируете, — ответил Платон. — Гибель человека так же естественна и красива, как его жизнь. И чем больше человек испытывает эмоций... тем лучше.

Пару мгновений они молчали.

— Ах ты больной сукин сын, — медленно проговорил впечатленный его словами Коля.

Но Платон лишь презрительно усмехнулся.

— Я же сказал: вам не понять.

Корнилов кивнул.

— Да. Тут ты прав. А как ты оказался возле клуба «Горный путь»?

— В к-каком см-мысле? — заикаясь проговорил Платон. — Это вы на что намекаете?

— Я не намекаю, я спрашиваю, — ответил Стас. — Как ты нашёл клуб «Горный путь»?

Платон замолчал, опустил взгляд, замотал головой.

— Вы не можете меня допрашивать, — он поднял взгляд, и на его лице расплылась нервная, торжествующая улыбка. — Вы не можете... Я не обязан отвечать на ваши вопросы! У вас нет оснований. И даже ордера на мой арест у вас тоже нету!

— А ты пока и не арестованный, — спокойно возразил Стас. — Просто ценный свидетель. Пока что.

— Вот как? — хмыкнул Платон и несколько раз кивнув, резко встал с дивана. — А вот тогда присылайте официальную повестку! А мой адвокат потом ещё подумает, стоит ли мне к вам идти!

Он ринулся вперёд, стремясь обойти их. Коля было хотел встать у него на пути, но Стас тронул его за плечо. Домбровский вопросительно уставился на командира. Взгляд его выражал яростное возмущение.

— То-то же, — ухмыльнулся Платон. — А теперь прошу выйти вон из моего дома... И имейте ввиду, я это так не оставлю! Понятно вам?! Вы ещё у меня получите!..

— Что ты сказал?! — Коля бросился на него, но Стас снова удержал Домбровского.

А Платон так испуганно дернулся назад, что уронил один из своих манекенов. И тот, падая, повалил ещё два.

Манекены безжизненными куклами ударились об пол.

У одного из них отвалилась рука. У второго откатилась к стенке голова.

Платон оглядел упавшие манекены.

— Теперь ещё и порча имущества! — угрожающе произнёс он. — Вон из моего дома! Живо! Или я вызову полицию!..

Стас пару секунд глядел на него.

— Пошли, — он похлопал Колю по плечу.

Домбровский, не задавая вопросов, пошел за ним. Проходя мимо Платона он ожег его

ненавидящим взором. Тот в ответ оскалил зубы в издевательской усмешке.

Стасу совсем ненадолго удалось запугать Плансона. Но Платон умел взять себя в руки. И Корнилов отлично понимал, что допросить здесь и сейчас Платона не получится. А к себе они его теперь без повестки отвезти не смогут. А повестка ещё та волокита и головняк. К тому же если у Платона хороший адвокат, он найдёт триста причин, по которым его наниматель не сможет явиться для дачи показаний.

И самое главное, Ника не успела увидеть ничего из воспоминаний Платона. Это была ошибка. Стас уже понимал, что промахнулся.

Не стоило лезть вниз, пугать и злить Плансона. Он не сдержал эмоции и гордыню. И теперь следствие вынуждено будет потерять время в бюрократических и юридических прениях.

— Почему мы просто не можем надеть на него наручники и увезти к себе? — спросил Коля с негодованием. — Он же точно что-то знает!

— Да, наверняка, — не стал отрицать Стас.

— Тогда, почему?

— У нас нет оснований.

— Как нет?! А свидетельства?

— Ну и что, Коль? Это дает нам повод заподозрить его и официально вызвать на допрос. Всё. Не больше.

— Чёрт... И как теперь Ника увидит его прошлое?

— Не знаю, — честно ответил Стас, — сейчас подумаем.

Платон, однако, наверх мог и не подняться. А посылать к нему вниз Нику Стас точно бы не стал ни за что на свете. И потом, Плансон сейчас чего доброго действительно вызовет полицию. Никакого вреда Стасу и Коле с Никой это не принесет. Но им однозначно придется уехать и присылать повестку. Как положено. Как же всё-таки по-идиотски вышло!

Стас злился на собственную глупость и несдержанность! И всё же... Платона он надломил. Почти... Тот на некоторое время действительно испугался и начал быстро тараторить оправдание.

Но слишком быстро взял себя в руки. Он оказался куда крепче, чем полагал Стас.

Когда они с Колей поднялись наверх, Стас не чувствовал ничего, кроме злой досады на самого себя. Он открыл дверь, они вышли к лестнице и гостиной.

— Ника, — позвал Стас.

Но ни в гостиной, ни рядом никого не было. Нику, Ларису и ещё какую-то девушку, внешне очень похожую на Ларису, они обнаружили на кухне. Девушка тихо плакала и качала на руках ребенка, что-то нежно ему шепча. Она то и дело наклонялась к нему, касалась губами его лобика и улыбалась сквозь слёзы. А Лариса, которая скорее всего была её матерью, что-то писала на листе бумаги.

— Лариса, большое спасибо вам за чай, — суховато сказал Стас. — Но, нам пора. Ника, пощи...

— А как же Платон? — Лазовская обратила на них с Колей дивный и зачаровывающий взор своих необычных искристо-синих глаз.

Стас качнул головой.

— Поговорим об этом в машине.

Лариса закончила писать и растерянно взглянула на Стаса. В её серых глазах читалось испуганное недоумение. Она смотрела то на Нику, то на Стаса.

— Вы... Вы уже уезжаете... Но...

Вероника вздохнула.

— Подпишите пожалуйста то, что вы написали Лариса, — попросила она женщину.

— Что?.. — растерянно переспросила та. — А... да... конечно.

Лариса вывела аккуратную роспись под длинным рукописным текстом на листе бумаги.

Стас, чуть нахмурился, подошёл к столу.

— Что это... такое?

Он взглянул на Нику, вскинул брови.

— Это заявление об изнасиловании несовершеннолетней, — уголки губ Ники чуть дрогнули в безрадостной, скупой улыбке.

— Что-о?! — протянул Коля и взял написанное Ларисой заявление.

Он поднёс его к лицу. Зрачки его глаз быстро метались по строкам.

И по мере того, как он дочитывал заявление Ларисы, его губы растягивались в победной ухмылке.

— Стас! — воскликнул он, — это же...

— Коля, — голос Ники чуть отдавал холодом, — это не повод для радости! Ларисе и её дочери Зое нужна ваша защита.

Стас поглядел на Ларису затем на Зою. Мать и дочь смотрели на него со слезами надежды.

Да, Ника была права. Лариса и её дочь явно и абсолютно нуждаются в помощи и защите. Особенно учитывая факт заявления.

Корнилов взял у Коли заявление. Тоже прочитал его. Посмотрел на Нику.

— То, что здесь написано правда? — спросил он глядя в её синие глаза.

— Ты даже не представляешь, насколько, — произнесла в ответ девушка.

Стас уже достаточно хорошо знал Нику, чтобы знать, когда она не слишком впечатлена видением, а когда до смерти напугана. И сейчас Лазовская была буквально потрясена. А значит написанное на бумаге правда. Изнасилование несовершеннолетней девушки с особой жестокостью. Плюс факт отцовства ребенка.

— Вы что, ещё не ушли?! Убирайтесь немедленно! — на кухню вошел Платон. — Что здесь происходит, Лариса? Зоя...

Он недоуменно взглянул на свою племянницу. Та в ответ испепеляла его пристальным, яростным взглядом. Николай Домбровский звякнул наручниками.

— Платон Плансон вы задержаны...

— Что?! — вскричал Плансон.

— По подозрению в изнасилования несовершеннолетней, — сухо с ухмылкой закончил Коля и приблизился к Платону. — Ваши руки. Будьте так добры.

Платон несколько секунд, часто, тяжело дыша, взирал на него. Затем нервно, громко сглотнул. Перевёл взгляд на Зою.

— Да я вас обеих...

Лариса сорвалась со стула. С дикими криком бросилась на брата и с остервенением вцепилась ему в лицо. Платон заорал, отшатнулся. Стас схватил Ларису за плечи, отстранил от брата. Это оказалось непросто.

Платон привалился к стене, по его лицу стекали струйки крови из расцарапанных ран.

— Сволочь! — орала Лариса, вырываясь из рук Стаса. — Ублюдок! Ненавижу тебя!

Ненавижу! Скотина! Чтоб ты сдох, выродец! Тварь!.. Подонок! Мразь!..

— Мама не надо... — попросила Зоя.

Ребенок у нее на руках заплакал.

— Ненавижу... Ненавижу... — зарыдала Лариса.

— Тише... Вам стоит постараться успокоиться... — Стас приобнял её. — Всё будет хорошо... Ваш брат виновен и, будьте уверены, сядет за всё, что совершил.

Коля тем временем застегнул наручники на запястьях Платона.

Через прямоугольное окно зеркала Гезела виднелось чуть затемненное изображение допросной. Сейчас там за столиком в окружении мрачных серо-зеленых стен при нарочито тусклом свете сидели Николай Домбровский и Платон Плансон. Капитан Домбровский сложив руки на груди задавал вопросы. Платон сплел пальцы рук в замок, сложил на стол, затем убрал на колени, и вновь положил руки на стол.

Стас чуть прищурился. Плансон нервничает. Значит они не ошиблись. Открылась дверь, в комнату вошел генерал Савельев.

— Ну что? — спросил он, встав рядом со Стасом.

— Процесс пошёл, — кивнул Стас и включил динамики микрофона из допросной.

— ...что знаю! — выпали Плансон. — Ясно вам? На моих снимках, возможно, кто-то и попал, но сам я там ничего не видел! Я только снимал сгорающее здание! Понимаете? Я же вам уже двести раз объяснил!

— Хорошо, — перебил его Домбровский. — Откуда вы узнали, где находится клуб «Горный путь»?

— Да вы что, издеваетесь?! — теряя терпение и начиная краснеть, воскликнул Плансон.

— Отвечайте пожалуйста на вопрос, — Коля, когда знал, что допрашиваемый никуда точно и наверняка от него не денется, мог проявлять бесконечное терпение и завидную тактичность.

— Я не могу вам ответить, — процедил Плансон. — Этот человек узнает, что я его выдал.

— Выдал, — повторил Стас.

— И что? — нахмурил брови Аспирин.

— Не «сдал», а именно «выдал», — сказал Стас. — Человек, которого боится Платон, не связан с криминалом.

— Ну, это только догадка, — ответил генерал Савельев и кивнул. — Ладно, выключи. Пусть беседуют. Мне нужно тебе кое-что сообщить.

— Надеюсь, это не очередное повышение? — усмехнулся Стас.

— Обойдешься, — беззлобно бросил генерал.

Он прокашлялся. Стас обратился в слух. Антон Спиридонович явно слегка нервничал. А в этом мире мало вещей, способных заставить нервничать генерала Савельева.

— У нас проблемы, Стас, — начал генерал. — Во-первых, как я и опасался, на помощь этому подонку пришли его облеченные властьюпокровители.

Он прокашлялся, искоса взглянул на Стаса.

— Мне пришлось выключить на время звук у мобильного. Знаешь, сколько людей мне позвонили? И сколько раз? Тридцать пять, Стас! Тридцать пять, мать его за ногу, долбанных раз! И ровно столько же раз обдолбили мне мозг своими жалобами и стонами по поводу твоих неправомерных действий.

— А вы им про заявление сообщили? — спросил Стас, глядя на Платона через стекло с отражающей внешней поверхностью.

— А как же! — фыркнул генерал. — И половина начала верещать, что это поклёп, вранье и фальсификация.

— Девочку отправили на экспертизу. Вместе с ребенком. Анализы у Платона тоже взяли. Через пару часов у нас будут все доказательства его виновности. А Зоя Плансон даже пройдет проверку на полиграфе.

— Основательно подготовился, — кивнул генерал. — Молодец. Думаю, вытащить Плансона у них не получится. А вот нагадить нам... надавить и изменить наказание на домашний арест очень даже способны.

— Что? — поморщился Стас. — Домашний арест? За изнасилование несовершеннолетней?

— Да плевать им на эту девочку, — скривился генерал. — Равно, как и на то, совершал Платон это или нет.

— Ника должна была вам рассказать...

— Ника рассказала, — генерал снова прокашлялся. — В подробностях. Так что я не меньше твоего жажду увидеть этого подонка за решеткой, но, Стас, ты забываешь, что людям по какому-то недоразумению наделенным властью и деньгами очень часто бывает важно просто ради принципа помочь своим протеже или тем, кому они покровительствуют, и кто их развлекает. А он, — генерал с презрением кивнул на Плансона, — любимец жен многих влиятельных людей.

— Хотите сказать, — произнес Стас, — они будут пытаться его вытащить в любом случае? Наплевав на то, виновен он или нет? Просто ради...

— Ради собственного эго, Стас, — кивнул Савельев. — Ты жесам знаешь. Богачам лестно чувствовать свою власть и могущество. И они крайне возмущаются, когда им кто-то чинит препятствия.

— Я не дам его выпустить, — отрезал Стас.

— Я знаю, — спокойно ответил генерал. — И я тоже буду настаивать, чтобы его посадили. Не отвертится гнида. У меня тоже связи в миноусте и в МВД, и даже в Верховном суде. Но тут проблемы посерьезнее нарисовались. Кто-то знал, что есть в определенной структуре люди, которые точат на тебя зуб.

— ГУСБ.-вздыхнул Стас.

— Да, — «не разочаровал» его генерал. — Именно.

— Близнецы?

— Они родимые.

— Что хотят? — Пф... — фыркнул генерал и спрятал руки в карманах, отчего приобрел вид воинственный и задиристый. — Потребовали, чтобы я отнял у тебя жетон и удостоверение. И отдал им под суд.

— Вы им отказали?

— Я их послал! — рыкнул генерал. — Далеко и в четко обозначенное место.

— Надо думать, они отказались отбывать по месту назначения? — усмехнулся Стас.

— Ну, не знаю. Во всяком случае уехали, — ответил генерал. — Совсем распустились! Думают, если приедут, удостоверениями своими помажут, я прямо стелиться перед ними буду! Сопляки оборзевшие! Ничего, я их начальству позвонил, им там сегодня хвосты накрутят.

Он гневно фыркнул, качнул головой.

— Но я тебе это не за тем рассказываю... Просто будь крайне осторожен отныне. Датские не дремлют и буквально ждут повода тебя арестовать, Стас.

Корнилов посмотрел в голубые глаза Аспирина и кивнул.

— Я учту, товарищ генерал.

— Хорошо, — он кивнул на допросную. — Потом доложишь по результатам.

— Есть.

Генерал вышел, а Стас подумал о близнецах. В последнее время они что-то слишком часто стали возникать на его горизонте. Корнилов уже решил было войти в допросную и сменить Колю, но у него зазвонил телефон. Стас достал смартфон. Номер был неизвестный. Он принял вызов.

— Корнилов?! — без приветствия и предисловий заорали в трубке. — Подполковник Корнилов, это вы?!

Стас узнал его.

— Это доктор Шамов! Господин подполковник вам нужно приехать немедленно! У нас тут такое!.. Это... Вы должны это увидеть! Срочно!

— Шамов? — Стас чуть нахмурился, отвернулся от зеркала Гезела. — Что у вас произошло?

— Гудкова!

— Что с ней? Суицид? — Стас бы не удивился, если бы это произошло.

— Чёрта с два! — вскричал в трубку Шамов.

И Стас услышал в его голосе отчетливую смесь злости и пережитого потрясения.

— Она сбежала! И ещё... Вам лучше все это увидеть самому.

— Я сейчас буду, — пообещал Стас. — Ждите.

— Поскорее, — голос Шамова дрогнул, он отключился.

Стас спрятал телефон и вышел в коридор. Кровь монотонно стучала в голове. словно какая-то птица целенаправленно выклевывала висок слева. Неприятное, тревожное чувство подкатывало из глубины тела, и, подобно холодному спруту, плотно охватывало скользкими щупальцами грудь и живот. Это чувство стискивало ребра и грудную клетку, и вселяло мучительное переживание.

Однако перед тем, как выйти на парковку, он зашел в их кабинет. Здесь Ника сидела с вещами Платона. Она должна была увидеть его воспоминания. И узнать, что или кто привел его к клубу «Горный путь» возле Туманного бора.

Когда Стас зашел в кабинет, она что-то старательно выискивала на его компьютере. Стас доверял Лазовской, пожалуй, даже больше, чем Сене и Коле. Поэтому не боялся, что она может забраться в папки или архивы, где ей делать совершенно нечего. Она увидела его. Синие глаза сверкнули из-за монитора.

— Ты не мог бы подойти?

— Конечно, — Корнилов не сдержал улыбки.

Немного робкая вежливость Лазовской всегда вызывала у него нежное умиление. Стас подошёл к своему столу. Ника чуть повернула монитор.

— Вот... — на мониторе застыл щуплого вида мужчина в дорогом деловом костюме.

У него были пышные темные волосы, темными пуговками блестели радужки глаз и над верхней губой темнела полоска жидких усиков.

— Лукьян Курбатов. Главный редактор журнала «Философский проспект».

— И что с ним не так?

— Во-первых, — Ника опустила взгляд на свой блокнот.

Стас заметил, что у девушки он новый. Теперь обложка её блокнота была нежно бирюзового цвета из мягкого кожзама с чешуйчатой текстурой и белыми нашивками в виде мотыльков.

— Он был в клубе «Горный путь» в ту ночь, когда клуб сгорел. И вместе с ним там были некто Марк и Майя. Я не знаю, кто это...

Она с опечаленным лицом качнула головой.

— Я видела только силуэты.

— А что во-вторых? — спросил Стас, глядя на изображение Лукьяна на мониторе?

— А во-вторых, это он позвал туда Платона, — сказала Ника.

— Зачем? Если Лукьян замешан в убийстве тех людей, вряд ли ему нужно, чтобы кто-то это заснял?

— Все, кто участвовал в поджоге и убийстве... — Ника взглянула на Стаса, — они наверняка переживали, боялись, нервничали и...

Стас уже понял.

— Могли со страху явиться в полицию и разболтать все, что знают... Лишь бы избавиться от постоянного ужаса, что за ними придут в любую минуту.

Стас уже такое видел.

Человеку, как это ни прискорбно, нужно не так уж много времени и усилий, чтобы решиться на убийство ради собственной выгоды. Даже на массовое. Но потом... Потом у большинства людей, чей разум всё-таки привык существовать в определенных социальных рамках и пределах моральных принципов, начинаются приступы совести. И если сперва это лишь раздумья над содеянным, то потом это перерастает в постоянную навязчивую идею. Преступивший закон, нарушивший самые страшные запреты человек начинает ежедневно накручивать себя. Обвинять и ругать себя за совершенное злодеяние. Невыносимое чувство вины, к которому примешивается неукротимая, пугающая уверенность, что его обязательно найдут и арестуют... Всё это убийственной смесью проникает в разум мучающегося страхами и раскаянием человека и отравляет его, прочно опутывает его сознание. Человек больше не может ни о чем другом думать. Лишь о совершенном, лишь о том, что он наделал. Ему начинают сниться кошмары... Он видит галлюцинации... Постоянно, везде... всё чаще... Ему кажется, что он слышит голоса тех, кого убил... Ему кажется, что все вокруг всё знают и рано или поздно за ним придут, его поймают, его арестуют и посадят! Овладевший человеком ужас пульсирующей опухолью разрастается и разбухает в сознании. Виновный отчаянно сходит с ума...

Чтобы унять эти страдания, обычно виновные или бегут... или сдаются добровольно с написанием чистосердечного признания.

— Курбатов и хотел, чтобы Плансон всё заснял, — кивнул Стас.

— Чтобы держать остальных в повиновении, — сказала Ника с грустным, но сердитым осуждением. — Благодаря этому они все были повязаны. Проболтается один, сядут все.

— Да уж, надежно.

Ника кивнула, она хотела было что-то сказать. Но вдруг скривилась, крепко зажмурила глаза, зашипела. Стас обеспокоенно коснулся её плеча. Девушка встряхнула платиновыми волосами, замотала головой, что-то промычала.

— Ника, что?.. — Стаса нередко пугали приступы видений у Вероники.

Потому что он чувствовал жуткую растерянность и совершенно не знал, как и чем ей помочь. И надо ли?.. Он нередко видел, что Нику буквально терзают нахлынувшие видения. Но также не знал, какие будут последствия, если он попытается прервать её. И все-таки каждый раз при виде мучений Ники от видений сочувствие и жалость болезненно сжимали его сердце.

Девушка внезапно открыла глаза. Пару секунд она с ошеломленным видом глядела перед собой. Затем подняла взгляд на Стаса.

— Я... — выдохнула она. — Я еду с тобой...

— Что? — чуть нахмурил брови Корнилов.

Пульсирующее напряжение уступало место чуть сонливому спокойствию.

— Куда ты собираешься?..

— В больницу, — быстро сглотнув, произнесла Ника.

Её искрящиеся синие глаза взглянули на Стаса. Корнилова пробрала смесь неловких чувств. Он бы никому никогда не признался, но он довольно часто чувствовал легкую растерянность и почти мальчишескую неловкость, когда чарующий взор синих глаз девушки сосредотачивался на нём в такой непосредственной близости.

— В больницу, — повторила Ника, пристально глядя в глаза Стаса. — К... Ксении Гудковой...

— Ника, — Стас уже понял, что девушка только что увидела его воспоминание.

Есть один серьёзный минус в общении с Лазовской. Ты никогда не знаешь, какое твоё воспоминание она увидит. Был случай, Ника увидела воспоминание Стаса о первом свидании. А это один из главных секретов легенды всего Московского сыска, о котором не знает ни одна живая душа! Потому что-то самое первое свидание Стаса было неудачным и позорным! Этот эпизод относился к тем, которые бравый следователь очень бы хотел забыть и не вынес бы, стань катастрофический провал его первого свидания достоянием гласности!

Так вот, Лазовская это увидела, и потом с её губ полдня не сходила снисходительная, чуточку ехидная улыбочка. Но благо Ника давно поняла, что её дар не игрушка. И последнее для чего он нужен — это издеваться над людьми, зная их сокровенные тайны. Никогда Лазовская не позволяла себе ничего подобного. Даже в шутку. Даже с самыми отъявленными негодяями. Напротив, эта синеокая девушка крайне трепетно относилась к человеческой душе и никогда бы не посмела ранить её, выплюнув в лицо гадкую правду.

— Стас, я должна там побывать. В психиатрической больнице, откуда сбежала дочь Гудковых, — настоятельно проговорил Ника.

— Послушай, — Стас вздохнул, — ты же понимаешь, что тебя там ждёт...

Он выразительно взглянул на неё.

— Ничего, — проговорила она тихо. — Это я как-нибудь переживу.

— Уверена? — грустно усмехнулся Стас.

— Чем быстрее я отращу панцирь, тем лучше, — в тон ему усмехнулась Ника.

Панцирь... Так она называла способность оставаться равнодушной к тайнам человеческих личностей и душ, которые с такой легкостью узнает. Ту способность, которой ей так отчаянно не хватает.

И оба они понимали, что, хотя Ника со временем проявляет все больше выдержки и самоконтроля, «вырастить панцирь» ей вряд ли когда-то удастся.

— Ника, — Стас все же попытался отговорить девушку, — я боюсь, ты будешь слишком шокирована тем, что ты там увидишь.

Ника только вздохнула.

— Неужели? — с долей скептицизма спросила она.

Стас пару мгновений смотрел на неё. Внутри него шла яростная борьба противоречивых чувств. Полицейский прагматизм истово боролся с эмоциями и жалостью к Нике.

— Стас, — Ника обеими руками взяла его за руку, — пожалуйста... ты же понимаешь...

Корнилов понимал. Даже специальная команда опытных следователей со всего мира не способна увидеть все то, что может увидеть Ника. По той простой причине, что они все могут лишь догадываться и строить версии, а эта четырнадцатилетняя девочка может в одно мгновение узнать всю правду.

Сделав над собой огромнейшее усилие и частично договорившись с совестью, Стас всё-таки согласился взять Нику с собой.

Коля всё ещё допрашивал Плансона. Арцеулов пока что пребывал на приеме у врача. А они с Никой мчались по направлению к психиатрической больнице.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть шестая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 12 августа.

Я сидела в машине Стаса, смотрела на тускло-серое, мокрое небо и раскинувшиеся за городом леса. Я размышляла над тем, что мне предстоит увидеть в областной психиатрической больнице, когда мы туда приедем. В воспоминании Стаса я увидела жуткую девушку с лицом, раскрашенным на две половины черного и белого цвета.

Сама она была одета в кофту из черных и белых полос, и её комната... Всё, абсолютно всё там было чёрно белым. Белый пол, черные стены, белые рамки черно-белых фотографий и невнятных психоделических рисунков. Черно-белое кресло, черно-белый стол...

Палата Ксении Гудковой была её маленьким черно-белым миром, а она была там своеобразным черно-белым демиургом. Вид её комнаты производил ошеломляющее и одновременно тягостное впечатление. Во всем этом черно-белом футуризме явственно ощущалось притаившееся двуликое зло. Скрытое, прячущееся, и выжидающее. Оно смотрело на каждого входящего двумя глазами.

Черным и белым. И во взгляде была одна лишь только испепеляющая ненависть.

Стас прибавил скорость. Мы поехали быстрее. Ряды деревьев мчались за окнами, мелькали пестрые бутоны полевых цветов.

Мимо нас с монотонной периодичностью проезжали встречные автомобили. Когда мы доехав до больницы и уже поднимались в лифте, мне в грудь словно врезался сгусток плотного воздуха. Перед глазами промелькнуло воспоминание.

Моргает свет, с зудящим звуком гудит одна из ламп. В открытый лифт залетает нечто, отдаленно напоминающее человека. Когда я пришла в себя, я несколько раз моргнула. С растерянным видом обернулась, оглядела лифт. Тело насквозь пробирал стылый холод. Подобно шипящему удаву внутри извивался и сдавливал грудь хищный ужас. Я видела существо со спутанными, сальными, темными волосами и бледной, сморщенной кожей на лице. Это была женщина. Её лицо и губы были перемазаны блестящей кровью. Кровь была на её одежде. И её босые ноги оставляли темно-алые следы на полу. Безумная женщина щерясь окровавленной ухмылкой, нажала кнопку лифта.

Перед тем, как воспоминание прервалось, её жадный, горящий взгляд глаз уткнулся в

меня и на миг замер, словно она увидела меня. Словно смотрела прямо мне в глаза...

— Ника? — стоящий рядом Стас внимательно наблюдал за мной. Я посмотрела на него.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Д-да... — выдавила я невнятно, — наверное...

Голос у меня дрожал, срывался. И чувство оседающего страха ещё извивалось в груди. Я хотела было сказать Стасу, что увидела, но раздался тихий звонок, и на индикаторе высветилась цифра пять.

Перед тем, как двери лифта открылись, я бросила Стасу:

— Нам, наверное, п-понадобятся... бахилы на ноги...

Корнилов обернулся с опасливым недоумением на лице.

Но прежде, чем он задал вопрос, открылись двери лифта.

Стас выглянул наружу. Я втянула ртом воздух, на пару мгновений мое дыхание застыло в легких, распирая мои ребра. В свете электрических ламп на плиточном полу тускло блестели засохшие, размазанные лужи крови. С левой стороны, из-за поворота тянулись полустертые темно багровые следы. На сиденьях холла пятого этажа сидели трое мужчин в брюках бистрового цвета и серо-зеленых рубашках.

Судя по нашивкам на униформе — охранники из частной фирмы.

Один из мужчин, глядя перед собой в кровавый пол, держался руками за голову.

Я видела, как его губы быстро шевелятся в беззвучном шепоте.

Со стороны казалось, что он молится. Острый кадык мужчины то и дело дергался от тяжелых глотков. Рядом с ним сидел другой охранник. У этого в руках тлела сигарета, испускающая, как душу, серовато-сизый дымок. В воздухе чувствовался едкий, прогорклый и солоноватый привкус табака. Взгляд мужчины с сигаретой был отстраненным, пустым, потерянным. Он просто, не двигаясь, смотрел в окровавленный пол перед собой.

Я разглядела на плитках пола знакомые темно-багровые следы голых ног. Мы со Стасом вышли из лифта.

Мужчина с сигаретой взглянул на Стаса, затем на меня. Я не знаю, почему не отвела взгляд от его потускневших глаз. Я видела во взгляде охранника пережитое потрясение. То, что он увидел сегодня, наверняка изменит его навсегда.

А его коллега, что-то лихорадочно шепчущий, похоже, получил более тяжелые последствия от увиденного сегодня утром на работе.

Благодаря видению в лифте я понимала их состояние. Вряд ли они когда-нибудь забудут это. Я уже видела такие взгляды. Увидев однажды, на что способен пораженный кровожадным безумием человек, люди обычно получают глубокие и уродливые шрамы на подобие тех, что остаются на теле от рук неумелого хирурга.

И в отличии от хирургических следов, этот шрам будет саднить, печь и дергать ещё долгие годы, возможно, до конца жизни.

Когда мы однажды станем свидетелями истинного, откровенного и кошмарного Зла, увиденное меняет нас.

Да, всех по-разному, кого-то больше, кого-то меньше. Но осадок и следы остаются у всех. Прежним не будет уже никто. Уж можете мне поверить.

Кожей ощущая затвердевшее в стенах больничного отделения чувство пережитого кошмара, мы со Стасом прошли вперёд.

Корнилов с каменным лицом осматривал открывающиеся нам сцены. В коридоре мы увидели лежащее на пороге открытой двери кабинета накрытое простыней тело. Простыня

успела заметно промокнуть и пропитаться бесформенными темно-карминовыми пятнами.

Рядом возле стены с фотографиями врачей, стоял какой-то лысеющий мужчина с остатками жидких рыжих волос на голове.

Спрятав левую руку в карман белого халата, он говорил по телефону:

— Да! Срочно сообщи всем! У нас сбежала особо опасная пациентка! Да! Что? Нет, это невозможно! Да уже вызвали! Слушай, у этой женщины сильнейшая психотическая депрессия, синдром Котара... Она перемежается с кататоническими припадками и крайне агрессивным поведением!.. Да! Да она тут... Ты бы видел!..

Я взглянула на говорившего по телефону врача, затем перевела взгляд на Стаса. Тот тоже окинул доктора изучающим взглядом, но ничего не сказал. Дальше мы увидели ещё два тела. У одного из них, как я поняла, не было правой руки. Она лежала чуть дальше.

Пол и стены рядом с телами мертвецов были обильно забрызганы кровью. Капли крови застыли, засохли на стенах, рамках фотографий, на листьях комнатных растений в вазонах и на дверях.

На стуле в коридоре заливалась слезами какая-то девушка в медицинской синей пижаме. Её утешала другая, полная, постарше.

Проходя мимо одного из тел, накрытых простыней, я «словила» его воспоминание.

Он выходил из кабинета и закрывал дверь, когда на него набросились сзади и впились зубами в шею, раздирая сонную артерию.

Я видела, как он упал на пол и задергался в конвульсиях, заливая брызжущей из артерии кровью всё вокруг. Он умер быстро. Настолько быстро, что стоящая над ним дикого вида лохматая женщина с кровавой сумасшедшей улыбкой, явно не успела насладиться. Наверное, именно поэтому она выхватила перьевую ручку из его нагрудного кармана и несколько раз остервенело вонзила её в уже бездыханное тело врача.

Воспоминание сникло. Я дрожала в руках Стаса.

— Ника... Ника... — он заглядывал мне в глаза. — Что такое? Что случилось? Скажи мне! Пожалуйста!..

Я посмотрела на него, затем медленно оглянулась на накрытое простыней тело. Теперь простыня не помогала. Я увидела его. Я знала, что под белой матерчатой тканью. Я подняла взгляд на замочную скважину приоткрытой двери. Там всё ещё поблескивал ключ с пластмассовым брелоком. Возможно мне показалось, но брелок чуть заметно покачивался из стороны в сторону. Словно кто-то только что его касался.

— Ника, что ты... — начал Стас.

— Наконец-то! — разлетелся по всему коридору шумный возглас.

Я вздрогнула в руках Стаса.

— Потом, — шепнула я ему.

Он кивнул, обернулся. Я выглянула из-за его спины. К нам двигался аскетичного вида худой мужчина с пучком черных волос на голове.

Роста он был среднего. Из-под белого развевающегося халата пестрела яркая рубашка, напоминающая традиционную одежду жителей средней Азии. А брюки и ботинки у этого мужчины были вполне обыденны.

— Господин подполковник! — он подбежал к Стасу, схватил его протянутую руку и оживленно затряс. — Спасибо, что приехали так быстро! Вы не поверите, что у нас тут произошло!...

Он говорил очень быстро и заикался. У него на лбу поблескивала нервная испарина. Все

его жесты и движения говорили о диком стрессе, который ему пришлось пережить!

Я заметила, что, когда он поправлял очки на носу, его рука подрагивала. Да и улыбка, которой он улыбался Стасу, была вымученной, бесчувственной. Чувствовалось, что больше всего этому человеку сейчас хочется закрыться где-то дома подальше от всех и, главное, за закрытой крепкой дверью. И чтобы рядом был кто-то родной, а в руках чашка согревающего чая. Хотя... вполне возможно, что он предпочел бы всему этому просто выпить с другом в одном из столичных баров. Выпить так, чтобы забыть все случившееся.

Доктор Шамо́в обратил взор поблескивающих из-за очков глаз на меня.

— А-а... — Стас нередко затруднялся, как меня представить.

Но у него было несколько вариантов.

— Это Вероника — наш стажёр... Собирается стать профайлером...

— Очень п-приятно, Вероника, — доктор улыбнулся мне той же улыбкой подрагивающих губ. — Вы т-так м-молоды...

Наши взгляды встретились. Его глаза выдавали истинные чувства и эмоции. Там было то же, что и у всех. Страх. Потрясение. Ошеломляющее угнетение. Эти чувства властвовали здесь над всеми.

Доктор Шамо́в отвёл нас к камере, где содержалась Ксения Гудкова.

По пути к ней я увидела ещё одну камеру. Там было темно. Благодаря специальному размещению света в камере, как живой, клубился густой мрак. А у прозрачной стены из сверхпрочного стекла, напротив, сиял свет, отгоняющий темноту прочь. Сейчас дверь в прозрачной стене этой камеры была распахнута.

Я задержалась здесь. Снова перед глазами промелькнули короткие мгновения воспоминания. Пустой коридор, тишина. Никого. Только невысокая фигура в бесформенной полосатой, черно-белой одежде с капюшоном бредет по коридору. В руках у нее позвякивают ключи.

Это она открыла «клетку» и выпустила чудовище. Один монстр выпустил другого.

Пару мгновений в камере с густой темнотой ничего не происходило. Слушая стук сердца и шепот собственного дыхания, я смотрела в темноту камеры. Я чувствовала, как меня оплетают незримые пути панического страха. Страх рос, нарастал и креп внутри меня.

Но ничего не происходило. Никто не выбегал из мрака.

Никто не торопился радостно выбраться на свободу через приоткрытую дверь камеры.

И вот, наконец, нечто, отдаленно напоминающее человека, на четвереньках подобралось к двери.

У меня дрогнули губы, приоткрылся рот. Я готова была кричать. Готово было кричать от ужаса все мое сознание. Кричать, бежать и орать, теряя голос!

Оно... Оно почти, как животное, принялось, оскалилось и, словно обрадовавшись, жутко улыбнулось. Обнажились ряды жутких зубов с брекетами. Белые глаза с точками зрачков таращились на мир из глубоких глазниц. Пациентка с синдромом Котара босая, в больничной пижаме выскочила в коридор.

Впереди открылась дверь, в коридор, зевая, вышел один из врачей.

Он и не догадывался, как мало ему осталось жить. Лохматое чудовище в больничной пижаме прижалось к полу, втянуло носом воздух. Оглянулось назад и бросилось вперед. С восторгом и радостью, она быстро побежала, шлепая по полу босыми ногами.

— Обернись... — уронила я, не отрывая взгляда от беспечного доктора.

Но только сейчас я увидела проводки наушников, тянущихся от его ушей куда-то в

карман халата.

— Обернись... — взмолилась я.

Она была рядом. Он не успевал. Он упустил последний шанс.

Она прыгнула... Я отвернулась. Я не хотела ещё раз видеть, как она в маниакальном торжестве разрывает горло несчастному врачу, как безумно улыбается хлещущей из раны крови, как наблюдает его агонию...

— Что с ней такое?!

— Ника!

Голоса Стаса и доктора Шамова прорвались из реальности, разрывая жуткое, поражающее разум видение. Как будто вокруг меня лопнул гигантский плотный мыльный пузырь, и я снова оказалась в родной реальности.

Я сидела на полу. Возле меня присел Стас и заботливо помог подняться. Я увидела любопытные и тревожные взгляды медсестер и остального медперсонала. Я опустила взгляд. Чувство стыда неприятно скребло сознание.

— С вами все в порядке? — Шамов настырно заглянул мне в глаза. — Я никогда не видел таких припадков и...

— Это не припадок! — с внезапной яростью отрезал Стас. — Успокойтесь, доктор. Спасибо за вашу заботу, но все порядке.

При этих словах он смотрел на меня. Я кивнула.

— Что ты видела? — быстро шепнул Стас. — Это уже третий раз здесь...

— Как сбежавшая пациентка разрывает горло врачу, и тот умирает... — ответила я, неприязненно хмурясь.

— Гудкова? — ошарашенно спросил Стас.

Я качнула головой.

— Другая... Страшная такая... У нее волосы темные и взгляд... жуткий, кровожадный и ненавидящий взгляд.

— Я понял, о ком ты, — кивнул Корнилов. — Может быть, тебе стоит вернуться в машину?

— Нет, — упрямо ответила я. — Я должна побывать в камере Гудковой.

Стас, ведь если она была подражательницей убийцы, она может знать, где он... и сбежать к нему! И если я увижу...

Я посмотрела ему в глаза, увидела там свое отражение. Он должен понять, насколько это важно! Я же смогу помочь! Я смогу вывести их на след этого больного подонка с монохромной манией!

— Пожалуйста, Стас, — попросила я. — Ты же знаешь... я должна.

— Я просто не хочу, чтобы ты потом жила в кошмарах из-за моей безответственности.

Он встревоженно рассматривал меня. Я видела в его серебряных глазах желание защитить меня, помочь мне.

— Прости... — шепнула я, — но ты опоздал. И тут мне никто не поможет.

Стас чуть поджал губы, кивнул.

— Извините, — подал голос доктор Шамов. — Господин подполковник, долго ли вы там ещё собираетесь шептаться со своей... со своим стажером?

— Извините, доктор, — Стас обернулся к нему.

Мы подошли к камере Гудковой. Я ощутила странный ступор невесомой прохлады, собирающейся в груди. Он тяжелел по мере того, как я приближалась к камере Гудковой.

Меня одолевало и поглощало скручивающее внутренности тревожное волнение.

Доктор Шамов пропустил нас вперёд. Мы со Стасом встали перед открытой камерой. Я схватила ртом воздух и застыла.

Передо мной была та сама черно-белая комната из воспоминаний Стаса. Белый пол, угольно-черные стены, белая кровать, и на ней ночью чернеет черная постель.

Я узнала черно-белые фотографии и странные, пугающего вида черно-белые рисунки в белых рамках на стенах. Я увидела черно-белого жуткого клоуна и мультяшные часы. Единственными, кто не сливался с монохромным колоритом были пятеро мужчин.

Они немymi изваяниями неподвижно сидели внутри комнаты и смотрели перед собой. У некоторых черными ямами замерли приоткрытые рты. Их лица были разделены на две половины черной и белой краской. Но их одежда, их униформа была лишь забрызгана черно-белыми пятнами. Черной и белой краской, были густо смазаны их руки и пальцы рук. Краска сгустками застывала на их ладонях.

Я внимательным взглядом обвела комнату. Мужчины не двигались. Я выпустила воздух из легких. Кровь пружинистыми толчками стучала в висках, казалось, кто-то, вытянув пальцы, синхронно тыкал в виски. По коже рук, шеи и лица как будто кто-то неторопливо размазывал нечто вязкое, липкое и холодное. Мертвенная мерзлота подступала от кончиков пальцев, крадучись взбиралась до плеч.

Из палаты буквально сквозило сгустившимися здесь воспоминаниями. Они переплелись здесь, спутались, смешались в единую пульсирующую массу эмоций, событий, переживаний и чувств.

Я посмотрела на доктора Шамова. Тот, сложив руки внизу, на поясе, наблюдал за нами с почтительного расстояния.

— Они... живы? — спросила я.

— Да, — кивнул он. — Но они не двигаются, не реагируют ни на какие раздражители и не подают признаков жизни... Со стороны кажется, что они даже не дышат.

— Мне кажется, это своего рода шок, — ответил Стас. — Вроде паралича...

— Паралич не бывает коллективным, — возразил доктор.

— Это не паралич, — ответила я. — Это... Их тело ничто не сдерживает.

— А что тогда? — спросил доктор Шамов, рискнув чуть приблизиться.

Но ответил ему Стас.

— Сознание, — проговорил Корнилов.

Он хотел было войти в камеру, но я взяла его за руку. Он остановился, обернулся.

— Дай мне... пожалуйста, — попросила я. — Я должна войти туда сама...

— Ника...

— Пожалуйста. Просто я войду, а ты можешь мне... помешать... — прерывистыми словами проговорила я.

Волнение захлестывало меня, мешало дышать и говорить. Воспоминания рвались из камеры бешеной орудией толпой образов и звуков. Стас чуть посторонился.

Я подошла к двери палаты. Порог лежал у моих ног. И за порогом чувствовался иной мир. Отличный от нашего. Мир с иными законами, запахами, звуками и... красками. Черно-белый мир застывшего безмолвия и остывающих мертвых чувств.

И мир этой маленькой комнаты был абсолютно враждебен привычному нам окружению.

Ненависть... Оголтелая, сокрушительная и уничтожающая ненависть смотрела на наш

мир двумя глазами. Черным и белым.

Я ступила внутрь комнаты. И сразу же почувствовала, как колкий лед пронзает стопу, пропитывает кровь. Ледяное, жидкое чувство взобралось по венам вверх и растворилось в теле. Я сделала второй шаг. То же чувство пронизывающих кожу стопы холодных влажных игл. Пустота мертвющей тишины дрожала и вибрировала вокруг меня.

Я осторожно, искоса взглянула на замершие, бесстрастные черно-белые лица охранников. Я видела, как едва-едва вздымается грудь у ближайшего ко мне мужчины. Но его взгляд был устремлен куда-то в абстрактную даль. У остальных был такой же ничего не видящий взгляд. Что заставило их сидеть вот так, не двигаясь, едва дыша и даже не моргая? Что это? Гипноз?.. Внушение? Приказ?..

Меня окружал черно-белый мир. Я буквально физически чувствовала, насколько я чужая здесь — в этом ином мире двух цветов. В мире, лишенном не только всех прочих цветов, но даже большинства чувств и эмоций.

Казалось, их здесь тоже было только две. Два цвета. Два чувства. Две эмоции. Черный и белый. Страх и безжизненное равнодушие. Ненависть и трепет.

Едва я сделала ещё один шаг, как волна воспоминаний навалилась на меня, сбивая с ног и поглощая мое сознание. Я слышала смех.

Грубый, похабный мужской смех. Смех пьяных голосов.

В воздухе витал плотный запах табака. Звучала приглушенная музыка. Я услышала женский плач, сдавленные крики и мужские ритмичные вздохи удовлетворения. Когда я, наконец, увидела происходящее, я отшатнулась назад.

Это происходило буквально передо мной. Совершенно голый мужчина, заломив за спиной руки девушки с черно-белым лицом тяжело двигал тазом. Он подавался вперёд, сжимая ее запястья, с его губ рвался вздох наслаждения. А девушка под ним стиснув зубы, кривилась от боли, давилась злыми слезами унижения. Ее лицо было прижато к полу, она стояла на коленях, а руки были отведены за спину. Она была без одежды. Её одежда неряшливой кучей лежала на полу, у кровати.

Сидящий на кровати другой мужчина с расстегнутыми штанами, допил банку пива и сообщил:

— Хватит тебе уже.... Дай мне, я тоже хочу...

— Сейчас... — простонал первый и резко, с силой рванул вперёд, толкнув девушку бедрами.

Она вскрикнула, задрала голову, из глаза с новой силой брызнули слёзы боли.

Я зажал рот обеими руками. Я видела искажившее ее черно-белое лицо невыносимое мучение. Мужчины поменялись. Теперь её тело беспомощно вздрагивало от толчков уже другого насильника.

А первый, присев возле её лица с издевкой погладил её по голове.

— Хор-рошая, больная девочка... — проговорил он, ощерившись и выдохнул в лицо Ксении струю дыма.

— Ублюдки... — неожиданно для себя выдавила я с бессильной злостью. — Да вы же... животные! Вы же... Вы же просто грязные скоты!..

Бесконечное горестное чувство сожаления душило меня, стискивало горло костяными пальцами, высасывало воздух из моих легких.

Гудкова снова закричала, она рыдала под своим насильником. Её тело безвольно вздрагивало от толчков очередного подонка, терзавшего её тело. Её глаза смотрели в

пустоту, а дрожащие губы, что-то истово шептали... Что-то похожее на мольбу...

Видение прекратилось. Опало и сползло с меня, точно мягкое невесомое покрывало с постели. Я увидела самое жуткое, пугающее и болезненное воспоминание Ксении Гудковой. Воспоминание о том, как пятеро здоровых мужиков измывались над ней в угоду собственной прихоти и похоти.

Я стояла на коленях посреди черно-белой комнаты. Сзади я слышала шепот доктора.

— А она всегда так себя ведёт?

— Это вас не касается, — ответил Стас.

Я закрыла глаза, тяжело сглотнула. Шатаясь, я поднялась. Перед глазами ещё таяло перекошенное от боли и омерзения лицо Ксении Гудковой. А в ушах стоял издевательский смех пятерых существ, называть которых мужчинами я категорически отказываюсь. Второй раз за сегодня я сталкиваюсь с насильниками... Когда наш мир успел так оскотинеть и извляться в грязи таких пороков? Когда я пропустила этот момент?..

Глядя в пол, я вышла из черно-белой комнаты. Стас приобнял меня за плечи.

— Ника?

Я тяжело и долго вздохнула. Затем посмотрела на доктора.

Я не была уверена, что он не знал...

— Доктор, в вашей больнице есть видеонаблюдение? — спросила я холодно.

Шамов чуть вскинул брови.

— Разумеется!..

— А ночью оно работает? — не скрывая яда в голосе, спросила я.

— Н-нет, — промямлил доктор. — Мне объясняли в охране... Там... к-какая-то... перезагрузка или что-то в этом роде... А что? Почему вы спрашиваете?

Я не сразу ответила, прежде смерив его презрительным взглядом.

Возможно, я была неправа, знаю. Возможно, он ничего не знал и не подозревал, но... поверить в это было сложно.

— Стас... можем отойти? — попросила я.

Мы немного отделились от доктора Шамова. Корнилов чуть наклонился ко мне. И ему на ухо я пересказала, что увидела.

Лицо Стаса изменилось.

— Понятно, — буркнул он. — А я голову сломал, как она их всех в камеру-то одновременно заманила...

— Не заманивала, — гневно ответила я. — Сами пришли, чтобы опять!..

Я замолчала. Я не хотела об этом говорить. Я была преисполнена негодования и презрения.

— Ты больше ничего не увидела?

— Нет... — я сокрушенно покачала головой. — Но, Стас... Теперь ведь понятно, почему она сбежала...

— Да, — вздохнул Стас. — За это её трудно осуждать... Но увы, это не отменяет того факта, что она крайне опасна.

— Безумная тётка, которая загрызла доктора, куда более опасна, — пробубнила я.

Я не могла себя заставить хоть как-то злиться на Гудкову или бояться её. Тем более, что та, кого она выпустила, на мой взгляд, действительно куда более опасна. Вроде бы...

— С этой Жанной Павловой пусть полиция и врачи сами разбираются. Она далеко не побежит, у нее все-таки боязнь света и психотическая депрессия. Люди в таком состоянии

не способны на длительные перемещения. А Гудкова...

Стас чуть пожал плечами.

— Боюсь, она слишком восхищается убийцей своих родителей. И даже боготворит его.

Она могла отправиться к нему, и в дальнейшем станет помогать...

— Я понимаю, — кивнула я. — Хочешь... Хочешь, я попробую ещё раз?

— Нет, — тяжело и категорично ответил Стас, — хватит... На тебе лица нет. Ты вся дрожишь, бледная, и глаза на мокром месте.

— Но...

— Нет, Ника! И не заставляй меня повторять, — Стас, порой был неумолим.

Мне оставалось только подчиниться. Я уже подумала углубиться в депрессивное разочарование и уныние от того, что так рвалась сюда, а помочь ничем не смогла, но неожиданно я кое-что вспомнила. Каким-то неуловимым образом до моего сознания с опозданием долетело понимание того, что шептала несчастная Гудкова, пока её беспощадно насиловали эти подонки без чести и совести...

— Большой дом напротив... пирамиды... — проговорила я.

— Что? — Стас уже собиравшийся подойти к Шамову задержался и недоуменно взглянул на меня. — Что это... Ты о чем?

— Она это говорила.

— Ксения?

— Да...

— Пока её...

— Да, — я закрыла глаза на миг глаза и повторила. — Да, она шептала... всё время...

— Большой дом...

— Напротив пирамиды, — закончила я и повторила. — Большой дом напротив пирамиды.

— Ты в этом уверена?

— Я хоть раз лгала тебе в таких вещах?

— Я спросил не про ложь, а про уверенность, — Стас чуть улыбнулся.

— Я уверена, — я упрямо мотнула головой.

— Что ж, возможно, это место, куда она направилась, но...

— Только не говори, что в Москве нет пирамид, — упавшим голосом проговорила я. — Это не смешно.

— Но у нас в городе... Подожди. Это может быть название чего-то.

— Да. Я подумала о том же, — кивнула я.

Стас погладил меня по голове.

— Что бы я без тебя делал? — он улыбнулся одобрительной, чуть вымученной улыбкой.

— Потратил бы чуть больше времени, наверное, — скромно ответила я.

— Не преуменьшай свою помощь, — посоветовал он. — Постой...

Он оставил меня, подошел к доктору. А я снова подошла к камере Гудковой.

Охранники, словно зачарованные сверхестественным гипнозом, все так же неподвижно сидели и пялились в одну точку.

Я пыталась пожалеть их, но, во-первых, особо не за что, с ними ничего не сделали... К счастью, потому, что у Ксении все-таки были мотивы и возможность перерезать их одного за другим.

А во-вторых, учитывая, что они делали с несчастной и беззащитной девушкой... При

этом я отлично понимала, что одним из факторов, который ими двигал, помимо скотского отношения к девушке, это осознание собственной безнаказанности.

Охранники понимали, что даже если Гудкова кому-то расскажет, никто и никогда ей не поверит. Ещё и скажут, что так ей и надо. Ведь она мало того, что безумна, так ещё и стала подражать убийце собственных родителей! Да... Так ей и надо...

Но тогда почему она их пощадила? Если она безжалостная убийца, такая же, как предмет её подражания, почему она оставила их в живых?

Странное наитие словно физически подтолкнуло меня вперёд.

Движимая внезапным, пугающим предположением, я снова вошла в камеру Гудковой. Проникшая в голову устрашающая мысль о том, что задумала Гудкова, разрасталась и тяжело вибрировала в сознании.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 12 августа.

Стас подошел к доктору Шамову. Тот подался ему навстречу, чуть вскинул подбородок. — О чем вы говорили? — несколько требовательным тоном спросил он.

— О том, что происходило в палате вашей пациентки Ксении Гудковой, когда вы и большинство ваших коллег уходили домой, — нарочито бесстрастным тоном произнёс Стас.

Его серые глаза с обманчивым спокойствием пристально глядели в глаза Шамова. Доктор растерянно моргнул. Затем ещё раз.

— Б-боюсь я не...

— Вы хоть раз интересовались, можно ли наладить нормальную видеосъемку ночью?

Брови Шамова вздрогнули, шевельнулись. На лбу залегли складки.

— А п-почему вас так это заинтересовало? Это был не самый важный вопрос... У нас каждый день процедуры, изучение, частые консилиумы и... вообще нам не до этого! У нас тут психиатрическая больница, а не какое-то реалити-шоу!

Стас пару мгновений смотрел на доктора. Шамов не выдержал взгляд Стаса. Нервно сглотнул.

— Если бы в вашем распоряжении были ночные съемки с камер наблюдения, того, что случилось сегодня, могло бы и не произойти, — произнес Корнилов сухим, осуждающим голосом.

— Вы говорите какими-то з-загадками... — промямлил Шамов.

— Разуйте глаза! — прикрикнул на него Стас. — Как по-вашему пять мужчин могли одновременно оказаться в камере Гудковой? Что им там делать среди ночи? Ну! Что вы смотрите?! Думайте! Это не так уж сложно! Думаю, если покопаться в их вещах, как минимум у одного из них вы найдете противозачаточные средства! Зачем они им на работе?! ...

От каждого слова Стаса доктор Шамов шурился и вздрагивал.

— К-какие ещё п-противозачаточные... — проговорил он заикаясь. — Что в-вы такое несете?..

Стас нетерпеливо взял доктора за локоть.

— Идёмте.

— К-куда... куда вы меня тащите?!

Корнилов отволол доктора к посту охраны, где должны были коротать дни и вечера охранники на смене. Здесь Стас беспардонно вытряс содержимое тумбочек, шкафчиков и столов.

На полу оказались перчатки, шлемы с пластиковыми забралами, перцовые баллончики, сменная обувь, мятые газеты, несколько пачек сигарет, журнал по продаже подержанных автомобилей и прочий будничныи хлам.

Но среди горы вещей охранников выделялась маленькая белая прямоугольная коробка с зеленым и розовым рисованными мазками. Стас поднял её. Прочитал название.

— «Зоэлин», — он взглянул на доктора Шамова. — Знаете, что это?

У заведующего отделением усиленного наблюдения поникли плечи и враз осунулось лицо.

— Знаю... — глухо ответил тот. — Противозачаточные таблетки. Но-о... Возможно, это для...

Стас не дал ему договорить. Открыл коробку, вынул блистер. Показал доктору Шамову. Начальник отделения плотно сжал губы. Его ноздри вздрогнули, вздёрнулись и опустились. В блистере из упаковки осталось лишь две таблетки.

— Если только ваш охранники не крутили интрижки с женщинами из вашего персонала...

— У нас все женщины замужние, и почти у всех мужья работают здесь же, в других отделениях, — опустив глаза проговорил Шамов.

— Тогда, думаю, тут нечего рассуждать, — ответил Стас. — Когда приведете в чувство своих охранников, скажите им, что у вас есть видеозапись, и вы все знаете. Кто-то из них обязательно всё выложит. Потом вызовите полицию.

Доктор Шамов с удрученным видом, покорно кивал каждому слову Стаса. Было видно, какой угнетающий и убийственный эффект произвела на него эта шокирующая новость. Стас видел, что Шамов тяжело переживает то, что узнал. Он то был уверен, что все в отделении хотят помогать их пациентам так же, как и он. А выяснилось, что он не может доверять людям, рядом с которыми работал несколько лет. К тому же, когда все выяснится, отвечать перед высшим руководством больницы придется ему.

— Думаю, вам не стоит объяснять, что будет, если ваши охранники не привлекутся к уголовной ответственности, — Стас решил все-таки прояснить ситуацию, чтобы ни у кого не возникло сомнений или соблазна замять неприятное дело. — Я буду держать руку на пульсе, доктор. И будьте уверены, меня будут держать в курсе. Вы поняли?

Шамов поднял на него опустевший, мрачный взгляд и кивнул.

— Да, — скорбно произнес он, — я все сделаю, как вы сказали... Даже учитывая тот факт, что мне придется покинуть стены этого заведения.

— Это уже решать не мне, — покачал головой Корнилов. — Нам пора ехать.

Он направился к выходу из поста охраны.

— То есть как «пора ехать»?! — изумился доктор.

Стас обернулся.

— А что?

— Что? — переспросил Шамов и подошел к Стасу. — А разве... разве вы не должны искать Жанну Павлову... Нашу больную синдромом Котара, она же...

— Нет, доктор, — усмехнулся Стас. — Ваша Павлова далеко не убежит, уверяю вас. Возьмите оставшихся охранников или вызовите районную полицию. Поиски стоит начать с

темных помещений и закоулков больницы. У вас есть подземный паркинг?

— Д-да... есть, а...

— Вот и отлично. Там её стоит искать в первую очередь.

— Л-ладно... А если...

— А если не там, значит придется прочесать лес. Дальше она не побежит.

Шамов отвел задумчивый взгляд, кивнул.

— Ей нужна темнота... Большой открытый мир испугает её...

— Вот именно. Поэтому дальше леса она пойдет, можете быть уверены.

— А что с Гудковой?

— Мы её найдем, — заверил Стас.

— А дальше? Что потом?

Корнилов пару мгновений посмотрел ему в глаза.

— Я не знаю, доктор. Зависит от её действий...

— Стас.

Корнилов обернулся. На пост охраны медленно вошла Ника. В руках у девушки Стас увидел три кожаных бумажника.

— Что такое? — Корнилов ощутил неприятный внутренний укол мерзкого предчувствия. Ника развернула все три бумажника и выложила на ближайший стол.

— Вот... — она указала на пустующие отделения бумажников с прозрачной пленкой.

Стас подошел к столу, оглядел раскрытые бумажники. Взглянул на Нику. Синие глаза девушки глядели с печальной тревогой. Шамов несмело приблизился к столу.

— И что вас так удивило? — спросил он.

Корнилов обернулся.

— Откройте свой бумажник и посмотрите внутрь.

Доктор послушно достал кошелек, расстегнул.

— Что видите? — спросил у него Стас.

Тогда до Шамова дошло. У него-то в бумажнике, в отделении с прозрачной пленкой лежала фотография мальчика и женщины в летнем платье.

— О, господи... — прошептал он. — Их семьи... она...

— Адреса ваших охранников у вас есть? — спросил Стас.

— Н-нет... — пожал плечами доктор. — Это надо у их... их фирмы... мы же их там нанимали...

— Название фирмы?

— А-а э-э-э....

— «Алмаз», — вместо доктора ответила Ника.

Стас взглянул на неё. Девушка смотрела на бумажники. Затем подняла взгляд на Стаса.

— И я... кое-что знаю.

Стас глядя на неё, молча, вопросительно приподнял правую бровь.

Ника в ответ кивнула. Взгляд её был выразительным.

— Поехали, — решительно сказал Стас.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Среда, 12 августа, примерно в то же время, что и события выше.

Он крепко спал. И во сне его снова допрашивал настырный психиатр.

— Как вы думаете, что общего у антилопы и человека?

— Доктор, что за идиотские вопросы?! — Касьян оглядел кабинет доктора. — Чем, чёрт возьми, вы здесь занимаетесь?!

Кабинет был довольно уютным: светло-бежевые стены, книжный шкаф, два окна с терракотового цвета жалюзи, светлый и пушистый ковёр на паркетном полу.

Он и доктор сидели в двух деревянных креслах, обитых светло-серой замшей. Доктор, бронеет в желтой рубашке, джинсах и белом халате, держал на коленях большой блокнот. В правой руке у него была ручка. Отливающая серебром ручка была покрыта изысканной гравировкой.

Касьян помнил, что она была от Montblank.

— Господин Каменев, — успокаивающе, струился мягкий голос врача, — мы здесь затем, чтобы поговорить о вас.

— Я не хочу ни о чем говорить! — продолжал злиться Каменев. — Со мной всё в порядке! Я с вами теряю время, которого у меня нет!

— Тогда ответьте на мой вопрос, и можете идти, — предложил врач и чуть склонил голову к плечу.

Касьян не купился на это. Он знал этот жест доверия и дружбы.

Человек склоняет голову на бок, открывая шею, и тем самым показывает свое расположение. Обычно это толкает собеседника на взаимное расположение.

Но этот психиатр явно не учел, что Касьян и сам не лыком шит! И знает кое-какие...

— Касьян! Касьян! Братишка просыпайся!

Кто-то толкал Каменева в плечо. Он сонно разлепил глаза. Сощурился. Свет дня вызывал резь и легкое жжение в глазах.

— Просыпайся, — Ким похлопал брата по плечу. — Давай. Приехали уже, пора выгружаться.

Касьян зевнул. Пальцами протер глаза и выбрался из автомобиля.

На улице стояла серая хмарь. Двор вокруг был тих и пуст. Сверху моросил мелкий дождик и дул неприятный, влажный ветер. Они с Кимом зашли в дом. Ким нёс вещи брата.

Левая рука Касьян висела в биндаже. Голова по-прежнему была обмотана бинтом, поэтому он носил легкую темную шапку из тонкого трикотажа.

Зевая, Касьян вызвал лифт. Бросил взгляд на индикатор вверху.

На электронном дисплее над дверями лифта быстро сменялись цифры.

— Признаюсь, — сказал Ким, — я все равно не до конца уверен, что мы поступили правильно. Касьян перевел взгляд на брата.

— Я бы в любом случае не позволил держать себя в тамошней психушке.

— Ну, — Ким старался быть тактичным, — это все же не психушка, а психоневрологическое отделение...

— Ким, — перебил брата Касьян, — я похож на психа?

Ким замаялся, но все же вынужденно ответил.

— Нет... Нет, конечно, нет, брат. Просто...

Раздался тихий, робкий звонок. Двери лифта открылись. Они зашли в кабину, Касьян нажал на кнопку с цифрой одиннадцать.

— Но все же, Касьян, ты же пытался спрыгнуть с крыши!

— Я же сказал, это был сон! — резко ответил Касьян. — Уверю тебя, брат, я слишком

люблю свою жизнь, чтобы просто взять и вышвырнуть её в окно вместе со своим телом.

— В этом-то я не сомневаюсь, — усмехнулся Ким.

Но Касьян видел, что усмешка его брата довольно вынужденная.

— Ты что жалеешь, что поручился за меня? — в лоб спросил Касьян.

Ким не сразу ответил. Лифт приехал на нужный этаж. Открылись двери.

— Ну знаешь... — хмыкнул Касьян и криво ухмыльнулся. — Не ожидал...

— Да подожди, — Ким выбрался следом, неся сумку с вещами Касьяна. — Я не жалею.

Я...

— Что?! — Касьян круто развернулся и посмотрел в карие глаза брата. — Ну что?!

Отвечай!

Ким вздохнул, качнул головой, посмотрел в глаза младшего брата.

— Я боюсь за тебя, — проговорил он.

Касьян лишь презрительно хмыкнул.

— Ничего, — он, бравируя, здоровой рукой хлопнул Кима по левому локтю, — со мной все будет в порядке! Лучше тебе следить за собой!..

— Но, Касьян...

— Знаешь, что, отдай-ка мои вещи, — Касьян протянул правую здоровую руку. — Давай! И можешь идти. Чтобы потом никто не обвинил тебя, что не усмотрел за полоумным братом!

Ким поглядел ему в глаза. Темная бронза глаз одного брата прожигал янтарные очи другого. Такая дуэль взглядов случалась с ними раньше. Ещё когда они были сопливыми мальчишками.

— Да пошёл ты, — беззлобно бросил Ким.

Он уронил сумку Касьяна на пол.

— Удачи, — сказал он напоследок и, повернувшись, направился к лестнице.

Касьян сверлил его спину свирепым взглядом, пока тот не скрылся за дверью на лестницу. Каменев опустил взгляд на свою сумку. Неловко присел, взял её одной рукой. Он шикнул от боли, извернувшейся в нижней части спины. Морщась, выпрямился, удерживая ручку сумки в руке. Мысленно осыпая брата ругательствами, Касьян подошел к двери своей квартиры. Достал ключи, дрожащей рукой вставил ключ в замочную скважину.

Это ему удалось далеко не сразу. Касьян два раза повернул ключ, услышал характерный звук открывшегося замка. Справляться одной рукой было крайне неудобно. Но Касьяну помогала злость на брата, злость на себя и злость на Платона Плансона.

Если бы он тогда не упрямился и согласился бы продать чертовы снимки, он, Касьян, не попал бы ни в какую аварию и не был бы вынужден мучаться с одной рукой!

Каменев открыл дверь в квартиру. Оттуда на него выползла застоявшаяся тишина и водянистый сумрак. Жалюзи на окнах были плотно закрыты. Коридор и комнаты наполнялись густым полумраком. Но не смотря на загустевшие в его квартире сумерки, Касьян прекрасно разглядел хаос бардака.

В коридоре и в большой комнате валялась перевернутая мебель, выпотрошенные из шкафов вещи, книги, провода, журналы, статуэтки, элементы декора и несколько фотографий с треснувшими рамками.

Касьян несколько мгновений стоял на пороге и с обескураженным видом ошарашенно взирал на учиненный беспорядок.

Войдя в коридор, он бросил сумку на пол, дрожащей правой рукой нащупал

выключатель. Зажегся свет.

У Касьяна в горле застряло дыхание. Судорожно задрожали губы, он вжался в дверной косяк. Грозным барабаном застучало сердцебиение. Касьян выдохнул так, словно кто-то с силой внезапно надавил на его грудь, выдавливая весь воздух до остатков. Он выдохнул и замер не в силах втянуть в себя ни грамма воздуха.

В коридоре, прихожей и в зале его квартиры все было буквально перевернуто вверх дном! Было разбито и разрушено все, что только можно было сломать.

Осколками в руинах шкафа лежало зеркало из прихожей. Рядом валялась разбитая люстра и расколотая, раздавленная в щепки трубка домашнего телефона. Грудой хлама лежали разломанные полки. Бесформенной кучей рядом валялись вещи, что стояли на них. Изрезаны подушки, выломана дверь ванной и на куски разбита сама ванна и раковина. Чем-то острым исцарапаны и изрезаны флизелиновые обои и буквально разрублены на куски все его ботинки. Некоторые из них были ручной работы, от лучших английских мастеров.

Но самое ужасное было не это. Над всем этим опустошительным разрушением между дверей и стен повисли десятки гирлянд с черно-белыми бумажными человечками.

Ноги Касьяна подкосились, он сполз по стене на пол, прижал к груди сломанную руку. Он задрожал, забился в лихорадке ужаса не в силах издать и звука. В таком состоянии его обнаружил Ким, вернувшийся, чтобы извиниться и помириться.

ЛУКЪЯН КУРБАТОВ

Среда, 12 август. Четырьмя этажами выше, над квартирой Касьяна в это же время...

Дверь квартиры распахнулась, стукнулась ручкой о стену. Истово целующиеся мужчина и женщина ввалились внутрь. Лукьян ногой толкнул дверь, та захлопнулась.

Девушка в его объятиях захихикала. Они жадно, горячо и пылко целовали друга. Так, словно ничего больше на свете не желали, как напиться друг другом.

Лукьян подхватил девушку на руки, прислонил к стене. Она сплела ноги у него за спиной. Игриво промычала, запрокинула голову, подставляя шею для поцелуев. Он впился губами в нежную кожу её шеи. Не отрываясь друг от друга, они вошли в спальню, он уронил её на кровать. Она упала на широкую кровать, её тело чуть подпрыгнуло на ней. Лукьян поспешно снимал с себя одежду.

Девушка, призывно улыбаясь, не сводя с него взгляда, двумя руками приспустила с плеч лямки лёгкого платья.

— Иди сюда... — возбужденно прорычал голый по пояс Лукьян.

Он нетерпеливо содрал с девушки платье. Они до полного изнеможения страстно сгорали на кровати. Лукьян брал девушку властно, даже грубо. Он подчинял её, овладевал ею, покорял... Она была его и только для него.

Это длилось долго. Долго и много. И все же недостаточно... Когда они вдоволь насладились друг другом, Лукьян налил им по бокалу вина и один отдал обнаженной девушке, когда та вернулась из душа.

— Слушай, — улыбнулась она, взяв бокал, — а почему ты привез меня именно сюда? В эту квартиру?..

— О, — усмехнулся Курбатов, — здесь мне особенно приятно и хорошо. Это связано с прошлым.

Он лукаво усмехнулся и отпил из бокала.

— Расскажи, — попросила девушка, игриво склоняя голову к плечу и касаясь губами края бокала.

— Да так... Я снял эту квартиру для встреч с одной женщиной, — начал рассказывать Лукьян. — Я любил её очень давно, ещё когда мы оба учились на журфаке... Но она в свое время предпочла мне одного неудачника.

— Почему он неудачник? — хихикнула девушка.

— Потому что он до сих пор мой подчиненный, — презрительно фыркнул Лукьян. — Но журналист он хороший... Это я должен признать.

— М-м... — кивнула девушка. — А что с той женщиной? С которой ты встречался.

— Она теперь моя жена, — ухмыльнулся Лукьян.

Девушка усмехнулась.

— И теперь ты встречаешься здесь со мной.

— Ну, она то теперь никуда от меня не денется... — проговорил Курбатов.

— А меня ты боишься потерять, значит? — девушка заулыбалась шире.

Нет, подумал Лукьян глядя на её накрашенные губы, таких, как ты, у меня было и будет ещё очень много.

Но в слух он проворковал:

— Конечно, котенок. Любой бы боялся потерять такую, как ты. Это всё равно, что потерять драгоценный шедевр, существующий в единственном экземпляре.

— О-о... — проговорила она и подобралась к нему ближе, — так я для тебя шедевр?

Он усмехнулся, отпил из бокала.

— Ещё какой, — идеально солгал Лукьян.

Много позже, после очередного всплеска неудержимой страсти, когда его пассия заснула, Курбатов открыл балкон и вышел туда с чашкой горячего шоколада. Он любил вечером, стоя на балконе, глядя на огни города и наблюдая поздний закат, выпить чашку шоколада с плавающим внутри зефиром.

Темнело сиреневое небо, солнце тускнело за горизонтом. Огромный мегаполис стремительно наряжался мириадами огней.

Москва, по мнению Лукьяна, город, который ночью буквально состоит из миллиардного созвездия огней. Это город, в котором каждую ночь свое «Дивали»*

(*Дивали-праздник огней в Индии).

Лукьян отпил из чашки. Впереди, через две улицы от дома, где он снимал квартиру на красивом застекленном здании концертного холла зажглась яркая вывеска. Ярко-золотистые слова сияли над шоссе звучным словом: «ПИРАМИДА».

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 12 августа

Её воспоминания выбирались наружу неохотно, вынужденно, словно разбуженные от спячки лесные звери. Эпизоды из жизни Ксении Гудковой неторопливо разворачивались передо мной.

Я увидела её раннее детство...

Маленькая девочка, она сидит с родителями в цирке в третьем ряду. Восторгу её не

было предела. Я стояла рядом и наблюдала, как шестилетняя Гудкова с радостью аплодирует ловким акробатам, пока те исполняют свои головокружительные трюки под самым куполом. Она звонко хлопает в ладоши и смеется. Сидящие рядом Олег и Ольга Гудковы обмениваются улыбками и радостными взглядами. Дочь Гудковых продолжает аплодировать едва-ли не вскакивая со стула. Так продолжается до тех пор, пока вместо акробатов на арене не появляется клоун.

У меня с губ против воли сорвался нервный вздох.

Выступающий сейчас клоун в мешковатых штанах был точной копией игрушки, что я видела на столе Ксении в больнице. Только здесь он не был черно-белым. Его пёстрый костюм состоял из зеленого, оранжевого, фиолетового и красного. Клоун ходит по кругу, смеется, шутит и беспрестанно показывает фокусы.

Над цирковой ареной летает смех, позитивные эмоции людей сотрясают купол цирка.

И только маленькая Ксения Гудкова сейчас молчит. Сложила руки вместе, чуть наклонила голову вперёд и буравит пристальным взглядом смеющегося клоуна. Он не нравится ей. Он не такой, каким она хочет его видеть. Я чувствую её эмоции и мысли. Клоун слишком добрый. Слишком веселый. И слишком... яркий.

Воспоминание из цирка сменяется другим.

— Ксенюшка осторожней! — кричит Ольга Гудкова обеспокоенно наблюдая за дочкой.

Был погожий летний день. Светило солнце, грело лето. Вокруг зеленели деревья, по улицам неспешно прогуливались люди в легкой одежде.

— Ксенюшка! — снова воскликнула Ольга Гудкова.

А Ксения на маленьком двухколесном велосипеде гнала по тротуару, вдоль низкого заборчика. Её темные волосы развевались за спиной, ветер трепал её яркую футболку. Лицо маленькой Ксении светилось восторгом. Здесь ей, наверное, лет девять.

Блеснувшей вспышкой снова сменилось воспоминание.

— Гудкова, ты собираешься дальше решать, или как?

Школьный класс. За окном осень, дождь и хмарь в облаках.

Ксения стоит перед доской, морщит лоб. Она хмурилась, отчаянно пытаясь сообразить, что ей делать дальше с задачей по физике.

— Гудкова, чего ты застряла? Ну мы же это на прошлом уроке обсуждали...

— А она у нас отсталая! — послышался ехидный издевательский голос с передних парт.

Я оглянулась. Почти все в классе улыбались. И больше всех две девушки примерно моего возраста. Они сидели за второй партой и не сводили глаз с Гудковой.

Так, похоже, Ксения ко всему прочему была ещё и жертвой буллинга в школе. Вряд ли это хорошо повлияло на формирование её личности.

Нам с Леркой тоже иногда достаётся от одной «королевы» и её крысок-подпевал, так что я знаю, о чем говорю. Лерка до моего прихода в класс была вообще выбранной «жертвой», и её частенько дразнили, доставали и даже один раз закидали яйцами.

А потом пришла я... и села на первое свободное место. Рядом с Лерой на пятой парте. Сейчас мы с ней сидим на второй, в левом ряду, прямо возле окошка. И учиться Логинова стала куда лучше...

Сполох яркой вспышки, словно свет ксеноновой лампы при фотоснимке.

— ...Просто поговорим, — мягко и добродушно произнёс аккуратно одетый седой мужчина с добрым взглядом.

Он сплел пальцы рук на столе и смотрел на сидящую перед ним Ксению Гудкову.

Девушка, сложив руки на колени, опустила голову, созерцает темно-бурый ковёр на полу. В кабинете сгушалась легкая полутьма. Сумрак расплывался и таял от приглушенного, мягкого света вечернего солнца, чьи лучи сочились внутрь через неплотно закрытые вертикальные жалюзи.

— Я не хочу говорить, — не поднимая взгляда ответила Гудкова.

— Ксения, — почти ласково произнес доктор, — твои последние действия говорят о том, что тебя что-то гнетет, тревожит и...

Он сделал небольшую паузу.

— Злит, — уронил доктор. Я увидела, что его взгляд скользнул на руку Ксении. Пальцы девушки как-то странно шевелились. Она как будто хотела сжать руки в кулаки, но не решалась.

— У меня всё хорошо, — пробубнила Ксения.

— Чем же тогда можно объяснить случившийся инцидент? — спросил доктор.

Плечи Гудковой вздрогнули. Она по-прежнему не поднимала взгляд.

— Они сами виноваты.

— Прости, двое твоих одноклассников сами виновны в том, что ты... пыталась зарезать их?

Гудкова глубоко, размеренно вздохнула. Врач замолчал.

— Я их наказывала, — проговорила она угрюмо.

— Наказывала? — доктор чуть вскинул брови, — Могу ли я спросить, за что?

— За предательство, — процедила внезапно Гудкова. — Они предали меня!

— Чем, Ксения? Они просто встречаются и...

— Они не должны были так делать! — Ксения затряслась, чуть наклонила голову ниже, сгорбилась. — Не должны... не должны... Не должны! Они виновны!

— Что ж... — проговорил доктор, наблюдая за Ксенией.

Но услышать, что он скажет ещё, я не успела. Это воспоминание растаяло в резком всплеске ослепительного света. Свет погас, сник и перед глазами встала ночь. Ясная, освещенная лучистым серебряным светом луны и сиянием звезд тихая летняя ночь.

Внизу спал город. Дома посматривали на улицы одинокими желтыми прямоугольниками светящихся окон. Мне в лицо веял стылый воздух. Его резкие порывы рвали одежду, подбрасывали волосы за спиной.

Я стояла на краю дома. За бортиком крыши, далеко и внизу развернулись освещенные фонарями дворы и улицы. Было тихо. Безлюдно. Поздно...

Рядом со мной по крыше прошел человек. Я с недоумением взглянула на него. Это был парень лет семнадцати, наверное. Он шел к краю крыши, к бортику. Его взгляд был устремлен куда-то вперед. Он шел как робот. Не разбирая дороги, ничего не видя перед собой. С неизменным равнодушным выражением лица он забрался на бортик крыши.

Я ахнула, ринулась к нему, и остановилась.

Воспоминание, застучало в моей голове, это только лишь воспоминание... Призрак прошлого, не более.

— Внизу море! Теплая вода! — раздался злорадный женский голос.

Я обернулась.

Ксения. Стоит в нескольких метрах от края крыши. В свете луны лихорадочно блестели её глаза. Её взбешенный жаждущий взгляд был устремлен на парня.

— Ты ведь хочешь испупать, Антоша? Хочешь?

— Хочу... — отозвался безжизненным голосом парень.

— Ну, так прыгай! Прыгай! Прыгай! — вскричала Ксения. — Давай!

Парень стоял. Не двигался. Бесстрастный взгляд глядел в ночь. Ветер ерошил его волосы, играл футболом. Ветер словно отговаривал парня от задуманного.

— Давай! — вскричала Ксения.

— Н-нет... — заикнувшись, пролепетала я.

Я испуганно смотрела на неизвестного мне Антона и желала, чтобы он очнулся. Он был то ли в трансе, то ли под гипнозом. Но самое главное, что он не повелевал своей волей. Его тело не подчинялось ему, его разум как будто спал или был подчинен чужому велению.

Я оглянулась на Ксению. Она выглядела жуткой. С черными распущенными волосами, опустив голову, она смотрела на Антона исподлобья хищным, маниакальным взглядом. Она оскалилась в безумной, злой улыбке.

— Давай... — прошипела она.

Антон шагнул вперед.

— Стой! Нет! — выкрикнула я.

Сердце прыгнуло в груди. Антон бесшумно шагнул в ночь. Миг, и в тишине безмолвно он утонул за краем крыши. Тихо, молча, незаметно. Для себя, для ночи, для города... Для всех.

Я несколько секунд ошарашенно смотрела перед собой, глядя на то место, где только что секунду назад стоял загипнотизированный парень. Затем я медленно оглянулась на неё.

О, она торжествовала. Улыбалась, неподдельно радовалась и была преисполненная счастья! Казалось, ещё немного, и Ксения вовсе запоёт!

Я с потрясением наблюдала, как Гудкова, чуть ли не прыгая от радости, беззаботно направилась к выходу с крыши. Нервно сглотнув, я оглянулась на место, где стоял Антон, затем осторожно приблизилась к нему. Сердце в груди забилось тревожно и нетерпеливо. Сердце, словно отражая мое настроение, выражало страх и необъяснимое желание увидеть, что случилось с Антоном.

Не верилось, что он вот так легко и...

Однако вспышка белого света пресекла мои попытки увидеть мертвое тело Антона, лежащее где-то внизу на асфальте, в безымянном дворе. И слава Богу!

Черета воспоминаний в моей голове резко ускорилась.

Отдельные отрывки эпизодов сменяли друг друга. Вспышки белого света резали глаза, заставляли меня морщиться. Я следила за жизнью Ксении. Это было похоже на стремительное слайд-шоу... Только слайды все были живые, реальные, настоящие!

И после каждого слепящий белый свет.

После очередной вспышки, я увидела мокрое лобовое стекло автомобиля. Перед моими глазами по стеклу шустро сбегали капли воды. Через мокрое стекло расплывались огни ночного города.

— Ника, — Стас тронул меня за плечо. Я вздрогнула. Я ещё не успела понять, что нахожусь в реальности.

После таких долгих приступов видений, не сразу осознаешь, что действие вокруг тебя уже происходит сейчас, в настоящем, в текущей реальности. Иногда мне кажется, что я могу сойти с ума.

— Как ты? — спросил Корнилов с заботой.

Он чуть сжал мою левую руку. Я закрыла глаза, откинулась на спинку сидения. Кровь

шумела в голове. Перед глазами стояли образы увиденных воспоминаний.

— Я знаю, где она, — сказала я и открыла глаза.

Стас кивнул.

— Сможешь показать дорогу?

— Да, — уверенно кивнула я.

Меня начал одолевать небольшой озноб. Тут дверца в машине открылась. Послышался шум дождя и шипение воды в лужах.

Вместе с Колей Домбровским внутрь забрался прохладный, сырой воздух.

— Льет просто бешено, — пожаловался Коля.

Он захлопнул дверцу. Зашуршал пакетами из магазина.

— Держи, — он протянул Стасу бумажный стакан.

Я почувствовала струящийся запах кофе.

— Не сейчас, Коль, — Стас качнул головой. — Ника знает, куда ехать.

— Понял, — кивнул Домбровский. — Тогда не будем терять время. Погнали.

— Пристегнись, — бросил Стас.

Мы выяснили, где живут семьи охранников из больницы. Но, когда прибыли по каждому из адресов, обнаружили лишь пустые квартиры.

Беспокойное чувство гнетущей тревоги властвовало над всеми.

Не было никакой возможности узнать, где жены и дети охранников.

Но Гудкова то это точно знала. Знала наверняка. И день побега она выбрала не случайный.

— Это большой, загородный дом. Типа виллы. — рассказывала я. — Гудкова слышала от охранников, что их жены нередко собираются там вместе с детьми. Пока дети играют, они общаются, развлекаются, делятся проблемами, обсуждают разные темы, иногда выпивают...

— Это что-то вроде клуба домохозяек? — хмыкнул с заднего сидения Коля.

Я вздохнула.

— Да... наверное. Я не знаю, Коль.

— Это и не важно, — ответил Стас. — Важно успеть туда вовремя.

Загородный дом, который я видела в воспоминаниях Гудковой, мы нашли довольно быстро. Собственно, находился то он в черте города, хотя местность вокруг была наполовину лесная.

Ночь шептала в мокрой листве деревьев. Непрестанно, казалось, бесконечно лил дождь. Тонкие, сероватые росчерки падающих капель рассекали полумрак. Тьма ночи вилась вокруг желто-оранжевых уличных фонарей.

Мокрые улицы возле других домов были пусты. Дома молча мокли в дождливой ночи. Мы остановились перед забором большого двухэтажного дома в стиле кантри. С каменной и бревенчатой облицовкой, он имел большую двускатную крышу в центре, и крыши поменьше над выступами. Вокруг дома в клумбах поникшие и несчастные мокли цветы.

Коля накинул куртку с надписью «ПОЛИЦИЯ» на спине. Стас отдал мне свою.

— А ты? — спросила я, взглянув на него.

Но он только отмахнулся. Спорить с ним было бессмысленно. Поэтому, задвинув подальше угрызения совести (все-таки Стаса мне жалко, чтобы он мок под дождем) я накинула его огромную куртку и вышла в дождливую ночь.

Корнилов поправил кобуру со страшным, массивным револьвером.

Коля тоже расстегнул свою кобуру, проверил удобно ли достается оружие. Мы подошли к дому. Оглядели его. Дождь шипел вокруг нас. Холодный, мокрый ветер качал траву на газоне и живую изгородь возле других домов. Когда в небе полыхнула вспышка молнии, я увидела вдалеке большой, овальной формы озеро. В нем, как в зеркале, отражалось грозное, ночное небо. Картина выглядела завораживающей и пугающей.

— Ника, ты уверена, что это тот дом? — спросил Стас.

— Да, — кивнула я.

Я ни капли не сомневалась. Дом был точно таким, как в одном из воспоминаний Ксении. Сама Гудкова видела его на фотографии семьи одного из охранников.

Ограда вокруг дома была почти бутафорской и носила скорее декоративное значение, чем практическое. Потому что это был низенький, деревянный заборчик и такие же невысокие ворота, возле почтового ящика.

Корнилов и Домбровский просто перемахнули через них. Коля потом открыл мне калитку. Мы вошли на просторный дворик.

Я ещё раз взглянул на дом. В темных окнах отражался свет фонарей.

Когда в небе сияли всполохи молний, можно было разглядеть фрагменты комнат в доме.

Корнилов огляделся. Коля тоже был настороже. Во мне всплесками неуклонно росло изматывающее напряжение. Мое тело дрожало. Начали стучать зубы.

Я не понимала, от холодного ветра это или от накатывающего зловещего и тяжелого чувства подступающего страха.

Дома, в которых случилось нечто, что не должно происходить с людьми, нечто, что обычно происходит с другими, а не с нами... Такие дома почти физически источают не то запах, не то ауру.

Это почти осязаемое, тягостное, давящее и гнетущее чувство присутствия свершившегося кошмара. Темная и мрачная аура, что дышит сотворенным злом. Уродливым по своей сути и жестокости, безумным, извращенным и беспощадным злом. Злом рук человеческих. А именно этими руками чаще всего и действует эта опаснейшая из стихий.

И нечто подобное, ощутимо исходило со стороны этого дома. Пока мы шли к дверям, темневшим под аккуратным треугольным крылечком, мне показалось, что мир вокруг меня чуть замедлился.

Мне показалось, что на несколько мгновений в одной отдельной от всех и вся реальности оказались только я и этот наполненный могильным мраком дом.

Ступая по узкой дорожке я слышала голоса детей и их матерей.

Я слышала звуки сотен воспоминаний, скопившихся здесь.

И я чувствовала, как забравшийся внутрь страх, подобно хищному существу вгрызается в мое сознание. Его клыками служат устрашающие мысли о судьбах тех женщин и их детей, что приехали сюда сегодня, как обычно.

Мы подошли к двери. Стас и Коля глянули в окна. Стас достал ключи. Их он нашел в вещах одного из охранников. Я определила, что ключи от этого дома. Ключи подошли. Стас открыл два замка в двери, и мы вошли внутрь.

Темнота... Темнота густеет и властвует в просторной прихожей.

Коля и Стас включили фонарики, закрепленные под стволами их пистолетов. А мне Стас на всякий случай вручил электрошокер. Он был похож на ручной фонарик. Вот только мне это слабо помогало. Потому что Стас и Коля не видели то, что видела я.

Они видели укрытые черно-серым густым сумраком апартаменты дома. Стены с

виниловыми обоями, голый пол с розоватым покрытием, мебель, полки, предметы декора и прочие элементы обстановки.

А я, ступая по этом полу и мимо этих стен, слышала и видела обрывки воспоминаний. Крики, смех, ругань, топот детских ног по лестнице. Разговоры и смех женщин. Звон бьющейся посуды. Припевы песен...

И затем её. Воспоминания Ксении Гудковой ворвались в сияющий водоворот воспоминаний собирающихся здесь женщин и детей.

Подобно чёрной тени воспоминание Гудковой напозало на светлые воспоминания жен и детей охранников. Оно накрыло их, поглотило и растоптало. Оно заполнило собою все вокруг и мое сознание.

... Она вошла в дом через дверь, как мы. В руках Ксения сжимала пистолет. Тот самый, которого не досчитаются охранники из больницы, когда придут в себя. Грязными кроссовками она прошла по полу, оставляя за собой следы влажной грязи. Сейчас её следы темнели на полу засохшими пятнами. Она двигалась в просторную гостиную. Туда, откуда звучал смех, музыка и звон бокалов. Туда, где бегали и смеялись дети, где что-то оживленно обсуждали их матери.

Я шла вместе с ней. Я готовилась к худшему. Я боялась это увидеть, но я обязана смотреть. Я знаю это. Таков уж мой Рок... Смотреть, терпеть, видеть и запоминать. Надолго, может, навсегда.

Чувствуя, как внутри меня все стынет, стягивается и леденеет, я шла за Гудковой.

Но воспоминание неожиданно оборвалось, когда Ксения открыла дверь, стих смех, и сидящие за столом женщины устали на неё.

Воспоминание исчезло. Я стояла в темноте, глупо глядя перед собой.

С моих губ срывалось жаркое, взволнованно дыхание. Пульс ускорился до ритма иглы в швейной машинке. Тело и конечности цепенели от накачивающего напряжения.

— Ника? — Стас обернулся, поманил меня за собой, — что случилось? Что ты увидела? Ника!..

Мне некогда было объяснять. Я ринулась вперёд, но Стас удержал меня.

— Я иду первым, — не допускающим возражений тоном, сказал он.

Я торопливо кивнула. Тревога внутри распирала и терзала меня. Я жаждала оказаться в гостиной. Я догадывалась, что могу там увидеть. Я уже морально приготовилась... Да нет! Куда там!.. Разве я могу быть готова увидеть это?.. Нет! Я никогда не готова!

— Пойдём... — сказала я. — В гостиную... Они были там.

Голос мой дрожал. Я ничего не могла с этим сделать. Я не могла справиться с овладевающим мной ужасом от того, что я могла увидеть в гостиной. Я вспомнила замерших при появлении Гудковой женщин и детей, что обернулись на звук открывшейся двери. Я помню их лица. Я запомнила их глаза и взгляды. Некоторым из детей не было десяти... Я бессильно мысленно взмолилась, чтобы Ксения не тронула их. Это было тщетно, я знала. Но надеялась...

Стас открыл дверь в гостиную. Напряжение нарастало. Сдавливало ребра, сжимало внутренности, туго стягивало череп. Пульс сотрясал вены, вибрировал под кожей. Невыносимый страх облепил лицо, сдавил шею, горло, и забрал голос.

Гостиная встретила нас уже знакомым мраком. В сумраке угадывались очертания стола и сидящих за ним людей.

Они сидели неподвижно. У меня вырвался нервный вздох.

Луч света фонаря Стаса выхватил из тьмы лицо, плотно обтянутое голубым целлофаном.

Я вскрикнула, зажала себе рот, судорожно с усилием втянула воздух. Стас ринулся вперёд. Свет его фонаря обнаружил остальных.

Я успела их разглядеть. Пять фигур, сидящих за столом, на стульях. У всех руки отведены назад. А на голове целлофановые мешки.

Но, кажется, я не видела детей...

Зажегся свет. Коля нашел выключатель.

Стас лихорадочно срывал пакет с головы одной из женщин. Коля подскочил к другой. А я застыла в ступоре, не в силах шевельнуться.

Секунд десять я, забыв дышать, глядела на обмякшие тела женщин, на их связанные за спинками стульев руки.

Из забвения и ступора меня вырвал голос Стаса.

— Ника! — рявкнул он.

Я спохватилась, и бросилась к одной из женщин. Коля шлепал по щекам ту, что освободил. Я взяла со стола столовый нож. Дрожащей рукой поспешно разрезала пакет. Нож не слушался. Я стремилась добраться до лица женщины под пакетом. Мысль о её спасении стучала, билась в висках, пробивалась в голову.

Мне удалось! Есть! Я вспорола пакет и прижала дрожащие пальцы правой руки к левой стороне её шеи.

Мгновение. Тишина. Я замерла... И вот кроткий, тихий толчок пульса под пальцами.

— Она жива! — обрадованно вскричала я.

Коля подскочил ко мне. Пару раз шлепнул женщину по щекам.

Она не реагировала. Коля другим ножом со стола разрезал веревку на запястьях женщины. Затем осторожно положил несчастную на пол. Её выкрашенные в контрастное омбре волосы рассыпались по ковру.

Рядом Стас опустил на пол другую, шатенку с пышным каре. Коля за его спиной делал искусственное дыхание одной из женщин.

— Ника, сними мешки с других, проверь пульс, — распорядился Стас, начиная непрямой массаж сердца лежащей перед ним женщины.

Я кивнула. Меня лихорадило. Нервное чувство насквозь пропитало тело. Я склонилась над полноватой брюнеткой, сняла мешок с её головы. Спешно приложила палец к шее.

Подождала. Я надеялась. Я ждала. Я верила... Пульса не было.

Осознание прикосновения к мертвому телу обожгло разум.

Я отдернула руку. Снова нервно, тяжело глотнула.

Я пару мгновений смотрела на безмятежное лицо покойницы.

Затем повернулась к следующей женщине. Рыжей, с пышными вьющимися локонами. Разрезала мешок, отбросила обрывки ненавистного целлофана прочь.

Тут же прижала пальцы к теплой коже на шее женщины. Я вся застыла в напряженном ожидании.

— Пожалуйста... — шепотом взмолилась я.

Крохотный толчок под пальцами. Жива! Я быстро освободила руки женщины. Стас положил на её на пол.

Коля тем временем успешно привел в чувство первую женщину, с омбре на волосах.

— М-миша... — прохрипела та, едва открыв глаза.

И тут же резко дернулась вперёд, хватая ртом воздух.

— Миша! — вскрикнула она. — Г-где... Где м-мой сын?!

— Тише, тише... Женщина, вам нельзя так резко вставать

— Где мой ребенок?! — вскричала женщина, вырываясь из рук Домбровского. — Вы кто такие?

— Мы из полиции! — прикрикнул на неё Николай. — Успокойтесь!

— Коля, не ори, — не глядя на Домбровского, Стас привел в чувство другую женщину.

Ему также пришлось делать ей искусственное дыхание.

Я тем временем бросилась к пятой жертве. Но, вскрыв мешок на её голове, я поняла, что и эту женщину жизнь покинула. Её кожа была ещё теплой. Она умерла недавно. Возможно за секунду до нашего прихода. Мысль об этом ранила. И рана с болью кровоточила.

Я убрала руку от лица женщины. Меня охватило подавленное бессилие, убийственная слабость разлилась по телу. Казалось из меня вынули силы и способности двигаться. Сложно было даже дышать. Мы не успели... Я тяжело сглотнула. Обернулась на трёх других женщин.

Стас и Коля умелым оказанием первой помощи, в частности с помощью массажа сердца и искусственного дыхания, смогли вернуть их к жизни. Две из них правда выглядели обессиленными, едва говорили и двигались с трудом.

Но та, которая звала своего сына Мишу, брыкалась и порывалась вскочить, и убежать в поисках своего ребенка. Домбровский пытался её урезонить.

А я сосредоточилась на воспоминаниях, которые кружили в этом доме. Нужно узнать, что Гудкова сделала с детьми. Куда она их дела, куда увела. И сделать это быстро и точно могу только я.

— Ника... — позвал Стас.

Но я нетерпеливо вскинула указательный палец правой руки.

Стас замолчал. Я чувствовала... Воспоминание подкатывало волной скопившихся эмоций и переживаний. Голоса и звуки крепчали, я уже различала плач детей. Видение захлестнуло и поглотило меня.

Я увидела её...

Гудкова стояла перед детьми. И говорила. Ровным, мягким, но повелительным тоном.

— Когда вы услышите два хлопка, вы пойдёте за мной, куда я скажу. Вы будете слушаться каждого моего слова, потому что только я желаю вам добра, и вы не должны сомневаться в моих словах. Вы полностью и абсолютно верите мне. Не так ли, дети?

При этом Ксения не сводила взгляда с детей. А те стояли всемером и раболепно внимали каждому слову Гудковой.

Меня пробрало щекотное, морозное чувство от внезапно осознания возможностей Гудковой. Она гипнотизёр! И при том сильный... опытный... и умелый...

Ужас зашипел в голове, вселяя мерзкое чувство беспорядочной паники. От голоса Ксении по коже рук, плеч и спины словно водили холодным металлом.

— Никто в этом мире не может быть вам дороже меня, — продолжала Ксения. — Вы все обязаны мне своим существованием. Я ваша мать и единственный человек, которому вы дороги.

С этими словами она быстро и легко два раза хлопнула в ладоши.

В момент у детишек опустились плечи, взгляды стали безвольными и отстраненными. Они заворожено взирали на Ксению с молчаливым обожанием. И это потрясло... То, с какой легкостью Ксения, играючи завладела сознанием детей.

Я мгновенно вспомнила парня на крыше здания. Того Антона...

Он даже не посмел ей сопротивляться.

Воспоминание резко сменилось. Ночь. Шелест листвы. Дождь стучит по земле, с чавканьем месит грязь. Грязная вода пузырится и плещется в ямах с лужами. В ночном небе трещинами сверкают молнии.

Ксения куда-то ведет малышей по заросшим лесным дебрям. Те, запинаясь о камни, спотыкаясь о корни деревьев беспрекословно бредут вслед за Гудковой. Я следую за ними. Я смотрю на спины детей. Дождь пропитал их одежду, и та липла к их телам, обвисала на маленьких плечах. С их мокрых волос по щекам и шеям стекали капли воды. Они не обращали внимание на сырость, ветер и холод. Им нипочем была гроза и устрашающие зигзаги молний в тучах над ними. Они покорно следовали за Ксенией.

Когда они взошли на небольшой холм, мрачное небо снова озарила вспышка свирепой молнии. Тучи рассекла кривая линия света и я увидела сверкнувшее вдали озеро. Она ведёт их к озеру...

Во мне заметалось встревоженное недоумение, и в следующую секунду устрашающая мысль буквально прострелила мою голову.

А Гудкова внезапно резко обернулась. И на мгновение мне показалось, что она взглянула прямо на меня.

Я ахнула, вскрикнула отшатнулась... И упала в руки Стаса.

— Ника ты... — он помог мне выровняться.

Я быстро взяла себя в руки.

— Нам нужно к озеру! — заявила я. — Быстрее Стас! Пожалуйста! Быстрее! Корнилов не задавал вопросов.

— Коля остаешься здесь, помоги женщинам, — приказал Стас.

— Есть, — кивнул Домбровский.

Мы со Стасом буквально вылетели из дома. Точнее, вылетела я, а Корнилов следом за мной.

— Ника, Гудкова повела детей к озеру? — крикнул Стас.

— Да! — ответила я, шагая вперёд.

Гроза гневно грохотала в небе. Ударил залп грома, и мне показалось, что под ногами дрогнула земля. Ветер выл в ночи, кружил над нами, гнул траву и качал ветки деревьев.

Удерживая капюшон руками, я буквально мчалась вперёд. Я несколько раз споткнулась, едва не упала. Два раза меня удержал от падения Стас. Я бежала вперед, не разбирая дороги, я рвалась через травы, шлепала по лужам, топтала вязкую грязь. В те кошмарные мгновения я не могла думать ни о чем, кроме того, чтобы успеть... Добраться... Помочь... Спасти тех детей. Не дать Ксении убить их, не дать свершить свою страшную и бессмысленную месть! Не дать... Успеть... Спасти...

Озеро блеснуло вдали под светом очередной вспышки молнии в небе. Мне показалось, я увидела силуэты у берега.

— Я их вижу! — крикнула я Стасу.

Я не была в этом уверена, но всё же верила своей интуиции. Я откуда-то знала, что дети ещё живы. Что Гудкова ещё не убила их... не успела... Я знала, что она хочет сделать. Вряд ли она повела детей к озеру любоваться озерными красотами. Она загипнотизировала их и жаждет утопить.

Странно... У неё был пистолет. Она могла перестрелять всех, кто был в зале! Но, нет...

Гудкова хочет увидеть их страх, хочет услышать крики тонущих детей, хочет насладиться ими...

— Господи... — вырвалось у меня, и я всхлипнула.

У меня не укладывалось в голове, как?! Как так можно?! Зачем, за что, почему?! Ну почему такие мысли возникают в головах у таких людей, как Гудкова?! Ну откуда все это берется?! Вся эта бессмысленная и бесконечная жестокость?! Почему... Что становится причиной всего этого?! Что же ими всеми движет... Почему им так нравится убивать и упиваться чужой болью, страхом и страданиями?..

Стас спешил за мной. Мы вместе рвались вперед, полностью осознавая нависшую тяжесть ответственности за жизнь нескольких ребятишек.

Влажный ветер холодил руки, касался лица. Ветер пытался сорвать мой капюшон, мне стоило усилий удерживать его на месте. Я взбежала на тот самый холм, где прервалось мое видение.

В мокрой, липкой раскисшей почве я увидела череду следов.

Это подхлестнуло меня, я чуть ли не сломя голову побежала вперед.

Думала ли я в это время о своей безопасности? Нет! Глупо ли это? Конечно... Гудкова вполне могла подстергать нас. Но лично мне было плевать!

Мы спустились с холма. Тут я запнулась обо что-то и едва не улетела носом вперед. Хорошо Стас снова успел поймать меня за шиворот.

— Осторожно, — буркнул он.

Он весь промок под дождем. Сквозь мокрую рубашку проступали рельефные мышцы его торса и рук. Светло-русые волосы Стаса чуть потемнели от влаги и выглядели так, словно Корнилов смазал их гелем. В правой руке он держал свой револьвер. Лицо выражало мрачную сосредоточенность.

Впереди под светом молнии озарилась и сверкнула вода озера.

Я вновь увидела их. Силуэты детей. На этот раз была уверена.

— Чёрт!.. — выкрикнула я.

Они уже зашли в воду! Я стремглав помчалась вниз, не особо заботясь поспевают ли за мной Корнилов. Стас успевал. Бегал то он побыстрее, чем я. Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Я в прыжке перескочила через большие упавшие ветки. Пробежала мимо двух здоровых камней. Сверкнула молния. На мокрой земле показалась смятая упаковка из-под «M&M's». Озеро было уже рядом.

— Ника не спеши! — Стас внезапно оказался рядом и вырвался вперед.

Но я не могла не спешить. Я хотела, я жаждала и стремилась оказаться там. Мы выбежали на песчаный берег озера. Яростные, но небольшие волны хлестали по берегу, омывали растущие у берега кустарники и травы. Блеск белесого света, грохот грома.

Я увидела их. Семь малышей, стояли спиной ко мне. И все почти по пояс в воде.

— Эй! — вскричал Стас, он хотел бросится за ними, но я схватила его за руку.

— Нет! — крикнула я. — Стой! Стас, нет!

— Что?! — он обернулся.

Я на миг испугалась его взгляда, но тут же быстро сказала.

— У Гудковой был пистолет...

— Её здесь нет! — Она отдала его одному из них, — сказала я. — Как только ты попытаешься их спасти...

Я не закончила. Он понял.

— Как? — выдохнул он.

— Гипноз, — процедила я и взглянула на детей.

Они медленно, целенаправленно двигались в глубь озера. Уровень воды поднимался к их локтям.

— Я сама... Просто дай мне попробовать... И отойди. Пожалуйста...

Стас послушно отступил назад, от берега. Я подошла к воде. Затем, не задумываясь вошла в воду.

Холод воды обвил ноги, залил обувь. Но я никогда не испытывала особенного дискомфорта от холода. Я даже никогда в своей жизни не простывала, как бы удивительно это не казалось. Да и не до этого мне было!

Я зашла по колено в воду. Холод воды сильнее сдавил ноги, сжал икры.

— Дети! — вскричала я. — Вы...

Меня неожиданно захлестнуло воспоминание. Гудкова стоит на берегу и, глядя, как дети заходят в воду, с воодушевлением вещает:

— Там вас ждет покой и счастье! Там вы получите всё, что так хотите! Там тепло, уют, мечты... любые игрушки, ваши любимые мультфильмы, все, кого вы так любите... Все это ждет вас там, впереди...

Затем она снова хлопнула в ладоши. Один раз. Дети шли, не останавливаясь, не сомневаясь, не смея послушаться. Воспоминание сникло, испарилось. Я вновь под дождем стою в воде. Вода плещется вокруг моих колен, норовит подняться выше. Дети по-прежнему медленно бредут вглубь, навстречу своей гибели.

— Да чтоб тебя!.. — выдохнула я. — Я ринулась глубже.

Почувствовала, как водяной холод взобрался выше, на середину бедра.

— Дети! — стараясь перекричать шум дождя и ветра, кричу я. — Слушайте меня! Слушайте мой голос! Стойте!

Я ударила в ладоши. Они замерли. На миг я решила, что у меня получилось. Да куда там!.. Постояв, даже не оборачиваясь они снова пошли вперед.

— Нет! — отчаянно вскрикнула я.

У кого из них пистолет? Если мне удастся это понять, возможно Стас придумает, как нейтрализовать загипнотизированного ребенка и спасет остальных. Но времени нет. Вообще. Совсем. Они идут в воду, ещё несколько шагов и самому высокому из них вода достанет до горла. А тех, что младше... накроет с головой.

Я подалась вперед. Мне не осилить гипноз Гудковой. Я это понимала. Да и какой из меня гипнотизёр, я в этом совсем и абсолютно ничего не понимаю. Зато у меня есть воспоминания...

И я их вижу. Вижу отрывки мелькающих перед глазами эпизодов.

— Миша! — позвала я. — Твоя мама ждёт тебя здесь... со мной... Она зовёт тебя!.. Вас всех зовут ваши мамы! Они же любят вас, как никто! Вы ведь не хотите расставаться с ними! Даша!..

Это было имя одной из девочек, худенькой, маленькой, лет восьми.

— Даша, твоя мама очень хочет обнять тебя! Пожалуйста, повернись! Постой! Она же зовёт тебя!

У меня дрогнуло сердце, замерло дыхание. Девочка остановилась.

Буря вокруг усиливалась. Ветер завывал над головой, носился над озером, плескал воду. В небе раздавались угрожающее утробное рычание грома. Молнии полосовали небо. Погода

ухудшалась. Необъяснимым образом усиливался дождь и ветер. Мой капюшон отбросило назад. Я поспешно набросила его обратно, отчаянно удерживая обеими руками.

— Надя! — позвала я другую девочку. — Ты помнишь, как твоя мама водила тебя в цирк на твой последний день рождения? Помнишь, как твоя семья поздравляла тебя?! Тебе ведь подарили тот телефон, который ты так хотела! И даже пригласили на день рождения твоего любимого певца! Ты же не хочешь бросить их! Они ждут тебя, здесь со мной!

Девочка с русой косой внезапно обернулась. У меня с надеждой подпрыгнуло сердце. Она что-то сказала, но я не услышала. Зато я увидела, как один из мальчиков, на вид самый старший, оборачивается и поднимает руку. Стас было дёрнулся, но я жестом остановила его. Рука мальчика поднялась из воды, но в ней был не пистолет. Что-то другое...

Я напрягала зрение, чтобы рассмотреть предмет. Я не могла точно рассмотреть, но это походило на какое-то украшение. Не знаю, что это. Но Надя внезапно тут же отвернулась и снова пошла вперёд.

Я выругалась.

— Ника это не помогает... — Стас за моей спиной нервничал.

Корнилов не мог допустить, чтобы дети совершили массовый суицид у него на глазах. Я знала, что Стас при всей его внутренней и внешней силе такого может просто не пережить. Я должна была остановить этих детей. Я не знаю, как. Я не умею... Но я... я очень хотела помешать им совершить то, что их заставляет делать гипноз Ксении.

— Там, куда вы сейчас идете, нет и никогда не будет тех кто вас любит, кто готов на всё ради вас всех... Там во тьме, куда вы идёте, нет тех близких людей, для которых нет ничего дороже вашей улыбки и вашего счастья... — проникновенно, с чувством проговорила и почувствовала, как начало печь в глазах. — Слушайте... Поверьте... Туда, куда вы направляетесь, вас не ждет ничего кроме холода, бесконечной тишины и темноты... Там не будет той любви, которой вас окружают ваши родители и родные... Там не будет никого... Вы будете одни... А те, кто вас любит больше жизни, будут обречены на вечные страдания... Вы правда хотите этого?..

Я силилась убедить их, донести до них, достучаться до их порабощенного сознания. Перед глазами у меня вихрями проносились их воспоминания. Их самые счастливые, наполненные теплыми и яркими впечатлениями дни... И я говорила с ними через эти воспоминания.

Я отчаянно взывала к тем чувствам и светлым, чистым, восторженным эмоциям, что жили в их счастливых воспоминаниях.

И я чувствовала, что они слышат меня. Я чувствую, как мне удастся прорваться через окружающий их разумный туман гипноза.

Я чувствовала прикосновение к их сознанию... Они слышали меня.

Они ещё не могли остановиться, но они внимали... слушали... и верили...

— Ника... — позвал Стас.

Но я лишь покачала головой, не оборачиваясь. А затем я заметила:

буря стихала, ветер слабел, угасал ливень. Слабели звуки грома, и больше не сверкали зловещие зигзаги молний. Через толщу черных туч внезапно просочилось слабое сияние чуть мерцающего света...

Он усиливался, становился ярче, и вот на моих глазах слой туч буквально пронзили ясные лучи бело-голубоватого мягкого света.

Они упали сияющими копьями, уперлись в воду озера. Их свет проник в глубину

озерных вод и разогнал клубившуюся там тьму.

А дети впереди внезапно замерли. Трое из них вдруг покачнулись упали, другие пошатнулись и тоже упали.

Я бросилась к ним, но к моему удивлению они не тонули. Они... Они как будто лежали и сидели на воде.

Но главное, что я заметила, они были свободны. Свободны от чужой, мстительной и злобной воли, которой было подчинено их сознание.

— Мама? — послышался чей-то жалобный голосок.

— Мамочка... — проговорила какая-то девочка.

— Мама... — позвал другой мальчишка лет десяти.

Они растерянно вертели головенками по сторонам, в поисках своих родителей.

Я стояла по колено в воде, улыбалась и плакала одновременно.

— Сюда!.. — крикнула я слабо, и повторила громче. — Эй! Сюда... Дети...

Они увидели меня. Поднялись, пошатываясь, неуверенной походкой двинулись ко мне. Их лица были ошарашены и перепуганы.

— Хорошо, хорошо... — подбадривала я их, попутно вытирая слезы с щек. — Давайте! Идите сюда! Скорее...

Они шли, спешили и снова падали... но не тонули. Они словно поскальзывались на чем-то. Они словно шли по чему-то что было очень скользким. Но они очень торопились, силились добраться до берега, стремились выбраться из воды.

— Всё хорошо, — улыбалась я им. — Осторожнее...

Они шли, шлепая по воде и балансируя руками. Я увидела их удивленные и впечатленные лица. Первым до меня добрался мальчик в зеленой футболке с желтым песиком. Я поспешила протянуть ему руку и сжала его ладонь.

— Всё хорошо... — повторила я, улыбаясь ему. — Всё хорошо, милый... Иди... аккуратно...

Я помогла ему выбраться, затем протянула руку следующей за ним девочке. Один за другим семь детей спешили выбраться из воды на берег.

Здесь их встречали я и Стас. Я взяла руку последнего ребенка, им был мальчик лет одиннадцати со смешной челкой. Одной рукой я помогла ему выбраться, а другой, глядя в глаза, осторожно забрала тяжелый пистолет.

— Всё хорошо... — убедительно и ласково проговорила я. — Всё будет хорошо...

Я врала ему. Ведь он ещё не знает, что его мать больше никогда не обнимет его. Мне стоило огромных усилий не обнять его, с сожалением и горьким сочувствием.

Я подняла взгляд в небо. И по спине у меня прошла легкая дрожь.

Над нами нависало чистое, ночное летнее небо, озаренное волшебным светом звёзд и лучистой половинки луны. И ни единого клочка черных туч не было и в помине. Я несколько мгновений глядела на это чудо, затем обескураженно оглянулась на Стаса.

Я увидела, что рядом со Стасом стоял и Коля, а за Колей три женщины, что обнимали и целовали перепуганных детей. Я смотрела в глаза то Стасу, то Коле. И видела в их застывших взглядах настороженное недоумение и шок. Я не знала, что говорить. Я и не хотела. Я вдруг почувствовала себя уставшей, но... счастливой и спокойной. Мы успели... Мы смогли...

— Я... — выдавила я. — Я п-посижу в машине... Хорошо?

Корнилов кивнул.

— Иди.

Я бросила взгляд на Домбровского. Коля владел собой намного хуже. Если Стас хоть немного контролировал свои эмоции, то лицо Николая выражало искреннее и шокированное недоумение. Увы... У меня не было ответов для него, как и для себя.

Я взглянула детей, которых мы спасли. Снова устало, радостно улыбнулась. Что-то светлое теплело в груди и озаряло душу.

Я вздохнула, отдала Стасу пистолет, и, обойдя детей с женщинами, направилась прочь от озера.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 12 августа.

Оставшиеся в живых матери увели детей, ушли вслед за Никой.

А Стас обернулся на озеро. Вода в нем мерцала и переливалась белым серебром под светом звезд и луны. Корнилов посмотрел на небо. Он никогда не видел, чтобы небесные светила светили и горели так ярко... Наверное, потому, что это было... не совсем нормально и обычно. Мягко говоря.

Корнилов чувствовал странное волнение поселившееся в груди, когда он увидел, как дети, которых убеждала Ника, вдруг развернулись и пошли прямо по воде... Но, по воде ходить не может никто.

Коля тем временем, вооружившись длинной кривой палкой, старательно греб ею по воде. Он что-то подгонял к берегу.

— Что ты делаешь? — спросил Стас, подходя к нему.

Вместо ответа Домбровский отбросил палку, присел возле воды и сунув в воду руки вынул из воды нечто. Нечто неопределенной формы, отливающее слабыми бликами света звезд и луны. Вода капала на песок и на ботинки Коли. Но Домбровский этого не замечал. Его лицо перекосило от шока и крайней степени удивления. Он несколько секунд рассматривал то, что держал в руках.

— Стас... — проговорил он. — Это... Что это?...

Корнилов, с обманчивым спокойствием пожал плечами.

— Лёд, — ответил он глуповато. — Это кусок льда.

Домбровский несколько раз моргнул и снова уставился на Корнилова.

— На улице... плюс двадцать...

— Да... — кивнул Стас. — Я знаю... Коль, я в таком же недоумении, как и ты... У меня нет ответов...

Стас был ошарашен, сражен и впечатлен. Он давно уже понял, что Ника, эта синеглазая девочка, совсем не обычный экстрасенс. Да и экстрасенсом её нарек он условно. Потому что не знал, какое ещё определение ей подходит.

Но это... Это было за гранью...

— Стас, — снова с трудом проговорил Коля, держа в руках здоровый кусок льда.

— Много ли... э... экстрасенсов... способны н-на... на ТАКОЕ?!

Стас ответил не сразу. Он смотрел за спину Коли, на озаренные светом луны и звезд воды озера. Там на водной глади под лучистым светом покачивались на воде огромные, размером с автомобиль плоские, громадные льдины.

— Нет, Коля, — ровным голосом ответил Стас. — Могу тебя заверить, что ни один экстрасенс на это не способен.

Домбровский уронил лед на песок. Он смотрел на озеро, и губы его что-то беззвучно шептали. Он обернулся на Стаса.

— Стас... — проговорил он. — Она... она... кто? Кто Ника такая?! Кто она, Стас?! Это... Это же невозможно! Невозможно, черт возьми! Этому нет никакого логичного объяснения! Никакого! Потому что... потому что это невозможно!

Последнее слово он почти истерично выкрикнул.

— Видеть воспоминания других людей, — тихо ответил Стас, — тоже невозможно и необъяснимо.

— Стас, но это...

— Понимаю, — хмыкнул Корнилов.

— Чего... Чего ты улыбаешься? Тебя что, это не пугает?! — удивился Домбровский. — Это же... Да ты посмотри!...

— Меня, — усмехнулся Корнилов, — это не пугает, Коль. Нет... даже не особо удивляет.

— Почему?! Ты знал?..

— Нет, но я, наверное, уже подозревал, что Ника таит в себе гораздо больше секретов, чем знает сама...

Корнилов обернулся в сторону леса на тропу, по которой ушла Лазовская.

— Выбрось лёд в воду. И никому ни слова о том, что видел, — велел он.

— Само собой, — хмыкнул Домбровский и швырнул кусок льда в озеро.

Лед с плеском провалился под воду.

— Да нам и не поверит никто. Да и этим женщинам тоже...

— Очень на это надеюсь, — сказал Стас и пошёл прочь по тропе, по которой ушла Ника.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть седьмая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 13 августа, поздняя ночь.

Из-за поворота показался силуэт мастерской дяди Сигизмунда.

Мы ехали не спеша. После всего случившегося спешить уже было некуда, на улицах властвовала глубокая ночь. И через пару-тройку часов вообще уже будет рассвет.

Стас, как всегда, остановился чуть-чуть загодя до автомастерской.

Он заглушил мотор. Посмотрел на меня. Я чувствовала его взгляд и те вопросы, которые он так хотел мне задать. Я вздохнула, глядя на ночные улицы. Мокрый асфальт и лужи блестели под светом фонарей. На дорогах проезжали редкие автомобили.

— Что ты хочешь узнать? — спросила я и перевела взгляд на Корнилова.

Он чуть улыбнулся, глядя на меня.

— Полагаю... — начал он, но тут его взгляд что-то привлекло.

Он внезапно наклонился ко мне и придирчиво пригляделся к моему лицу.

— Ты ч-чего? — я смущенно отстранилась. — Что такое? Стас...

— Ника... — проговорил Корнилов, глядя мне в лицо. — Это что, синяк у тебя на щеке?

— Что? — я быстро прикрыла щеку левой рукой.

Стас вздохнул и, взяв меня за запястье, отвел мою руку в сторону. Свободной рукой он

чуть приподнял мои волосы. Я отвернулась, на миг закрыла глаза. Стас секунду смотрел на моё лицо. Я слышала, как изменилось его дыхание. Оно стало глубоким, свистящим, яростным.

— Кто это сделал? — глухо пророкотал Стас.

— Стас не надо... — слабо возразила я.

— Ника, — перебил меня Корнилов и двумя пальцами легонько, осторожно взял меня за подбородок, — посмотри на меня.

Я несмело, робко взглянула в его глаза. Стас пристально смотрел на меня.

— Кто это сделал? — спросил он. — Пожалуйста скажи мне.

Хотя он сказал «пожалуйста», тон его звучал совсем не как просьба.

— Ладно... — сдалась я.

Выдержать напор и требовательность Стаса у меня никогда не получалось. Да и вообще мало у кого это выходило.

И я рассказала. Всё, как было. С момента моего приезда в то злополучное кафе и до того самого момента, как я очнулась в одной из городских больниц. Про воспоминание близнецов я тоже рассказала.

Стас вопреки моим ожиданиям не пожалел близнецов за то, что им пришлось терпеть от их тирана-отца.

— То, что ты рассказала, многое объясняет, — сказал он. — В частности их мотивы. Но это не дает права им касаться тебя или угрожать тебе.

— Стас, только пожалуйста...

— Что? — тяжело и веско спросил он.

Я опустила взор, вздохнула, закрыла глаза и снова робко взглянула на него.

— Пожалуйста не делай ничего... противозаконного.

— Я? — Стас флегматично вскинул брови. — О чем ты?

Я чуть недоуменно нахмурила брови, глядя в его глаза.

— Ну-у... — протянула я. — Просто... Я бы не хотела, чтобы у тебя были п-проблемы...

— У меня не будет, — пообещал Стас.

«А вот кое-кому я их обеспечу» — говорили его глаза.

Надо ли говорить, что я сильно расстроилась из-за своего неумения держать язык за зубами. Ну, чёрт возьми, а! Ну это же ежу понятно, какую реакцию Стаса вызвал бы мой рассказ о близнецах! Теперь буду бояться, что Корнилов совершит нечто, что повлечет тяжкие последствия.

— Иди, Ника, — сказал Стас и кивнул на мой дом вдаль. — Ты сильно устала... И ты большая умница.

Он одобрительно и тепло улыбнулся мне.

— Спасибо, — чуть стеснительно ответила я.

Мне всегда было неловко, когда меня за что-то хвалили. Тем более тут... Я ведь только помогаю и далеко не всегда успешно. Я обняла Стаса и вышла из машины.

Как обычно, пока я не дошла до ворот автомастерской, Стас тихо ехал сзади на определенном расстоянии. Когда я вошла в ворота мастерской, Корнилов быстро проехал мимо. Я остановилась, выглянула из-за входа в ворота, посмотрела вслед. Два красных огонька его Дефендера слабели и гасли вдаль. Я оглянулась на ночное небо. Оно всё ещё оставалось чистым и безоблачным.

Я вошла внутрь, закрыла за собой калитку ворот.

Навстречу мне из своих будок выбрались два здоровенных тибетских мастифа. Две похожие на медвежат собаки потрусили ко мне, приветливо виляя хвостами.

— Здравствуйте, лохматая супружеская пара, — захихикала я, поглаживая их обоих по головам.

Леопольд, более беспокойный и инфантильный, не умел сдерживать эмоции и часто норовил встать на задние лапы, положив передние на плечи человеку. Вот только, если с дядей Сигизмундом это у него это получалось, то со мной нет.

Я не могла удержать его вес. Хорошо, что рядом всегда была более уравновешенная и умная Каролина, которая одергивала не в меру эмоционального супруга.

Мастифы проводили меня до дверей слева от гаражей мастерской.

Я вошла в большую пристройку и поднялась по лестнице на третий этаж. Здесь я услышала рокочущий храп, от которого, казалось, реально дрожали стены.

Я осторожно подкралась к приоткрытой двери дядиного кабинета.

Чудовищный храп горного тролля доносился как раз оттуда.

Бесшумно приоткрыв дверь, я заглянула внутрь и с умилением усмехнулась. Внутри царил сумрак, единственным источником света был монитор, на котором замер фрагмент из какого-то фильма про ковбоев.

Моя дядя в черной футболке с молотом тора и грозой, в синих джинсах с потертостями спал в своём кресле, свесив голову набок.

Его ноги лежали прямо на столе, являя всем желающим черные кожаные ботинки с грязной, пыльной подошвой.

Часть вещей со стола лежали на ковре, рядом с грязными следами от обуви.

К левой стене, как раз между искусственным черепом быка и флагом Конфедеративных Штатов, столовым ножом была прибита газета. Приглядевшись, я прочла заголовок на газете.

«В МОСКВЕ ПОРА ПРЕКРАТИТЬ БЕСЧИНСТВА СТРИТРЕЙСЕРОВ»

Внизу фотография какого-то худощавого мужчины в пиджаке и очках. Кажется, это депутат из Госдумы.

Понятно, опять кто-то в правительстве поднимает проблему незаконных гонок в столице. И если относительно безмозглых лихачей на дорогах я поддерживаю любые санкции, то к тем, кто ездит на перекрытых дорогах или хотя бы на пустых улицах ночью, я не понимаю претензий.

Что плохого в том, чтобы люди, которые любят скорость, могли отдаться любимой стихии на свободных, ночных дорогах, совершенно никого не тревожа?

Да, нож в газете мне абсолютно понятен. Дядя Сигизмунд и его компания на дух не переносят тех, кто пытается запретить уличные гонки.

Я опустила взгляд на ковер покрытый грязными следами от дядиных ботинок и валяющиеся рядом предметы.

Пересилить себя я не смогла. Поэтому осторожно, с величайшей аккуратностью я проникла в кабинет дяди Сигизмунда и подняла с полу упавшие предметы. Вернув все на стол, я посмотрела на грязные следы, втопанные в велюровый ковёр светло-нефритового цвета.

Пару мгновений моя болезненная склонность к порядку и чистоте боролась с опасением разбудить спящего дядю Сигизмунда.

И все же последнее пересилило острое желание убрать грязь.

Я тихо вышла и закрыла за собой дверь.

На всякий случай я проверила весь дом и гаражи мастерской.

Нет, конечно, в Каролине и Леопольде я не сомневалась, да и охранная система у нас тоже весьма неплохая. В общем, обычные угонщики, даже профессионалы к нам могут даже не пробовать забираться.

Но, к сожалению, желающие попытать удачу и угнать автомобиль из автомастерской дядя Сигизмунда все же изредка находятся.

А потому я все-таки сочла за лучшее проверить и удостовериться, что в мастерскую и другие части дома никто не проник.

Вроде бы, все было чисто. В гараже появились целых три новых тачки. Серый Ford Kuga, желтый Volkswagen Tuareg и, к моему приятному удивлению, уникальный автомобиль представительского класса Toyota Century.

Эта машина редкий гость в наших краях. Да и вообще, за пределами Японии почти не продается. Хотела бы я посмотреть на счастливчика, сумевшего перевезти её в Россию! Позавидовав владельцу элитной тачки, я поплелась к себе в комнату.

Здесь захватив домашнюю одежду и полотенце, направилась в душ.

Стоя под теплыми и ласковыми упругими струйками душа, я ещё раз прокрутила в голове все то, что произошло сегодня. Я вспомнила гостиную, где сидели связанные женщины, обреченные задыхаться под целлофановыми мешками.

Перед закрытыми глазами встало озеро и дети, которые загипнотизированными шли в воду.

Способность Ксении Гудковой подвергать людей такому мощному гипнозу впечатлила и напугала меня. Эта девушка куда опаснее, чем я полагала вначале...

Но сейчас больше всего меня волновал вопрос о том, как и что я сделала с водой... Или это не я? Почему вдруг дети смогли идти по воде? И, возможно, мне показалось, но под ногами у них я видела лёд.

Но это же бред... Сейчас середина августа! И хотя месяц донельзя дождливый и местами холодный для лета, все же температура на улице даже ночью и после дождя от шестнадцати до двадцати двух градусов тепла! Какой уж тут лёд может быть в воде?!

Но, тогда... как?! Как, Карл?! Какого...

Нет, я конечно могу сама себе придумать, что откуда-то там, по счастливой случайности выпали куски искусственного льда и опять-таки по невероятно счастливому стечению обстоятельств приплыли к месту назначения как раз вовремя... Но ведь я же не сценарист голливудского кино, чтобы придумать такую хрень, да ещё и поверить в её реалистичность!

Ничего не понимаю... Честно!

А что было с погодой? Хотя ладно, тут как раз-таки возможно просто... Какое-то необычайное явление резкой смены погоды.

А яркий свет звезд и луны? Ох, я не сильна в астрономии, но, может быть, это было какое-то суперлуние и супер... звездие... Я не знаю... О-о... Представляю, какие вопросы у Стаса и Коли. Они, наверное, вообще пребывают в глубочайшем катарсисе! Ещё бы! Был дождь и буря, и вдруг всё в одночасье испарилось, растворилось и обернулось ясной ночью с необычайно яркой луной и светом звезд.

Я минут двадцать ещё простояла под душем напряженно размышляя о случившемся. Приведя свое тело, эмоции и душу в относительное равновесие, я вернулась к своей комнате.

После душа я чувствовала себя куда лучше. Одежду, в которой я сегодня была, я отправила в стирку. А сама переоделась в домашние шорты и тонкий, легкий свитшот.

Вдев ноги в тапки, я уже собралась отправиться на кухню.

Потому что ничто так не восстанавливают расшатанную нервную систему, как просмотр любимых сериальчиков с какими-нибудь вкусняшками.

Но тут я услышала, как усиленно и требовательно завибрировал мой мобильник. Я достала его из рюкзака и сняла блокировку.

Ого... Я удивленно уставилась на дисплей. У меня двадцать четыре пропущенных от Лерки и куча сообщений в WhatsApp. И примерно столько же пропущенных звонков от Мирона и тоже с полтора десятка сообщений в мессенджере. Интересненько.

Чего это они меня вдруг решили так активно добиваться? Мне казалось, им вполне хорошо и без меня.

При мысли об этом я вдруг испытала чувство мучительной и горькой обиды. Опять...

Нет, Лерке я сейчас не готова отвечать. Да и Мирону тоже.

Не хочу сегодня ни с кем из них говорить! Потому что делать вид, что я ничего не знаю и ничего не видела, у меня не получится!

Однако, перед тем, как отложить телефон я изрядно помучилась от угрызений совести.

Усевшись в кресло и подобрав ноги, я взяла в руки чашку чая.

На мониторе компьютера разворачивались первые действия следующей серии «Видоизмененного углерода».

Телефон на столе, рядом со мной снова задрожал, тихо звякнул.

Я перевернула трубку дисплеем вниз. Отпила из чашки, поморщилась, чай был ещё слишком горячим.

На экране монитора как раз происходили эффектные события, когда я услышала жутковатые звуки за окном. Я быстро нажала стоп.

Спавшее было напряжение мгновенно снова возросло, завибрировало в крови. Что-то сжимало живот и грудь, беспокойство хлипко дрожало в коленях и плечах. Я, стараясь двигаться бесшумно, в носках пересекла комнату и достала из-за кровати длинную деревянную биту.

Когда-то это была обычная бейсбольная бита с автографом безымянного игрока. Я же преобразила её в подобие той биты, что была у Харли Квин в «Отряде самоубийц». Я не собиралась никого убивать, просто мне нужен был образ на Хэллоуин. Однако наличие в руках биты вовсе не гарантировало у меня присутствие храбрости и смелости. И подходить к окну, за которым по-прежнему темнела ночь, тем более после всего случившегося за последние несколько часов, мне категорически не хотелось. Если честно, сейчас, стоя с битой в руках, возле своей кровати, я разрывалась между желанием взглянуть, что шумит там за окном, и порывом умчаться прочь под защиту дяди Сигизмунда.

Не знаю, почему, но я все-таки выбрала первое.

Возможно потому, что интуитивно чувствовала, что здесь нет необходимости для вмешательства дяди Сигизмунда. Как ни крути, но все-таки внизу два огромных мастифа, а в здании мастерской стоит система охранной сигнализации. И сработай хоть какой-то датчик, система бы уже орала на весь дом, плюс отправила бы запрос куда-то там, и к нашей мастерской немедленно прибыл бы отряд наемной охраны.

Я не удержалась, быстро нервно сглотнула, глядя в окно, за жалюзи.

Подкравшись к выключателю, выключила свет, затем переместилась к монитору

компьютера, выключила его. Комната погрузилась в густой крошечный полумрак. Только проникающий по бокам от жалюзи слабый свет фонарей с улицы разбавлял темноту в моей комнате.

Между лопаток по спине, шелковым прикосновением скользнуло вкрадчивое, опасливое чувство.

Ладно, подумала я, вряд ли это Гудкова или даже её черно-белый кумир. Возможно, это просто воры-неудачники. Хм. Если так, то почему тогда молчат Каролина с Леопольдом? Пугающая мысль прорезала сознание страшным предположением. Да нет... Не может быть... Наша лохматая супружеская пара далеко не простачки, чтобы подпустить к себе кого-то легко и беззвучно. Разве, что это какие-то супер профессионалы.

Я не знала, что думать. Я по-прежнему сомневалась в том, что делаю, и боялась что-то предпринимать. Но все-таки я осторожно приблизилась к окну.

Дрожащей рукой потянулась к петле справа от жалюзи и потянула за одну из сторон. Голубовато-серые полосы приоткрылись.

Из окна на меня смотрела ночная улица, дорога впереди, стоящие на дальней стоянке автомобили и темные высоты. Внизу, во дворе почти идеальная, умиротворяющая тишина. Странно...

Что-то шевельнулось внизу, я опустила взгляд. Из-за оконной рамы вдруг выглянула чья-то голова. В первое мгновение я едва не заорала, отшатнулась назад. По телу скатился шквал электризующего оцепенения. Но в следующий миг я узнала в улыбающейся голове за окном...

— Мирон? — проговорила я. — А... Как...

Мирон за окном улыбнулся ещё шире. Надо думать, моя реакция его развеселила. Я ринулась к окну, подняла жалюзи. Затем открыла окно. В комнату повеяло прохладой.

— Что ты здесь делаешь?! Как ты сюда пробрался?! — зашептала я ошарашенная.

Парень перебрался через подоконник. Я отметила отличную сноровку в его передвижениях. Похоже, помимо баскетбола он увлекается или паркур, или скалолазанием.

— Зачем ты пришел?! — я быстро закрыла за ним окно и обернулась на него.

— Ты не отвечала на мои звонки и сообщения, — он с улыбкой развел руками. — Я волновался.

— Да... ты... А как же... — У меня не было слов.

Это вот нормально вообще?! То есть, если я не отвечаю, то нужно ко мне переться посреди ночи?! До утра никак не подождать?

— Почему ты не брала трубку? — начал допытываться Мирон.

Меня удивляло насколько вольготно он себя ведёт. Как будто он не тусил с моей лучшей подругой у меня за спиной, а вламываться в мою комнату в третьем часу ночи вообще в порядке вещей!

Мирон неспешно прошелся по моей комнате. Окинул взглядом мою кровать с мятным одеяльцем. Его привлекла стена над моей кроватью заклеенная постерами, фотографиями спортсменов и моими рисунками.

— Клево, — восхитился он и кивнул на портрет Джона Сноу с Призраком, который я нарисовала мелками несколько месяцев назад. — Это ведь ты рисуешь?

— Д-да... — чуть смутившись ответила я. — Спасибо.

— Ника да это же реально офигенно! — воскликнул он.

— Говори потише, — попросила я, опасливо взглянув на дверь комнаты.

— О, — Мирон кивнул. — Да... конечно...

— И сними обувь, раз уж ты решил наведаться.

Мирона почему-то это позабавило.

— Обычно я так быстро не раздеваюсь в гостях у своих девушек. А мы ещё даже неделю не повстречались...

Он ухмыльнулся, снимая свои кроссовки. Я почувствовал, что у меня запекло щеки и мысли в голове перепутались от накотившего стеснения. Что он такое говорит! Сам же ведь влез ко мне... И ещё ехидничает тут!

— Слушай, — сказала я чуть нахмурившись, — давай перейдём к той теме, ради которой ты явился посреди ночи?

— Ладно, — пожала плечами Мирон. — Понимаешь...

Он на мгновение задумался.

— На меня тут недавно вышла одна девчонка... Назвалась твоей подругой. Лерой зовут. Знаешь такую?

— Да, — кивнула я, отчаянно стараясь делать вид, что я ничего не знаю и ничего не видела. — А зачем она с тобой встречалась?

— Вообще, — Мирон пожал плечами и чуть склонил голову к плечу, — она сказала, что хотела со мной поближе познакомиться... ну, типа посмотреть на парня, что склеил её наивную и совсем неопытную подружку.

Он криво ухмыльнулся и подмигнул мне.

— Наивную и неопытную? — чуть вскинув брови, строго спросила я. — Это Лера так сказала?

Мирон пожал плечами.

— Я, в общем-то, именно из-за этого и хотел с тобой поговорить. Что-то тут не ладно. Реально, Ника. Я не знаю, в каких вы там с ней отношениях, но мне кажется, твоя лучшая подруга что-то замышляет. И вряд ли что-то хорошее.

— Странно, — глядя на него. — Раньше она не была ни в чем таком замешана.

— Ну, — Мирон пожал плечами, — люди часто доверяют тем, кто однажды предаёт их.

— Так, — сказала я с холодком. — Давай без преждевременных выводов и громких объявлений.

И правда. Хотя я и негодовала по поводу их общения без моего ведома, все-таки не надо рубить с плеча и клеймить Лерку гадкими словами. Могла ли Лерка позариться на Мирона? Честно?...

Да. Да, могла. Но, вот могла ли она променять ради «еще одного парня» нашу дружбу. Не знаю... Верить в это не хочется.

Разумеется, я знаю, что такое женская дружба, и сколько неприятных слов было сказано про её непостоянство. Да. Вот только, это, наверное, касается большинства. Парни, кстати, друг друга ради девушек тоже предавали и предают. Так что тут дело скорее в человеческой порядочности. Во всяком случае, мне хочется в это верить. Как и в то, что события, кооторые мы с Леркой вместе пережили, включая попытку буллинга со стороны одноклассников, позволяет мне сохранять надежду и веру в моральные принципы моей подруги. Ну, не могу я поверить, что ради Мирона она прямо готова расторгнуть все наши отношения и все забыть. Ну... Бред какой-то! Я понимаю, если бы мы были постарше, она его любила уже давно, а я просто раньше начала с ним встречаться, и Лерку бы это угнетало... И то, если честно, зная

характер Лерки, она бы мне в лицо всё выложила. Всё, что думает. Не сразу конечно, но точно бы рассказала. А тут налицо какая-то дичь...

— И о чем вы с ней говорили? — спросила я Мирона, который рассматривал корешки книг, стоящих на моей полке.

— О ком, — поправил меня Мирон и внезапно вытащил одну из книг на моей полке.

Меня слегка покорила его бесцеремонность. Нет, я не жадина и у меня не такое обостренное чувство собственности, просто... Мы еще не настолько близки, я его по сути почти не знаю, а он ведет себя так, словно мы уже года два встречаемся.

Мирон держал в руках одну из книг по психологии «Почему хорошие люди совершают плохие поступки».

— Хм... — Мирон открыл книгу, пролистал, затем искоса, не скрывая изумления, взглянул на меня. — Ты читаешь такую литературу? Зачем?!

Затем, подумала я, глядя на него, что я частенько вижу воспоминания серийных убийц и помогаю следственным органам ловить самых опасных из них. Но травмировать нежную мальчишескую психику я, конечно, не собиралась.

— Мне это интересно, — вздохнула я.

— Читать про убийц и прочих преступников? — Мирона явно шокировали мои увлечения. — Ты, что собираешься стать... каким-нибудь мозгоправом?

Я улыбнулась, тихо засмеялась, затем опустила взор и пожала плечами.

— Возможно, — туманно ответила я.

Парень пребывал в легком шоке. Ну, что ж его можно понять.

— Если ты не против, — вздохнула я, — может, расскажешь поподробнее про...

Я замолчала. Я хотела попросить Мирона рассказать более детально об их встрече с Лерой, но вдруг услышала шаги в коридоре.

Дядя Сигизмунд проснулся!

— Тебе нужно уходить!.. Убегать! — быстро сказала я Мирону.

Я даже представить боялась, что сделает дядя Сигизмунд, если увидит здесь у меня незнакомого парня! А уж что потом ждёт меня, лучше вообще не думать!

— Быстрее! Ну чего ты встал? — я потянула замешкавшегося Мирона за рукав.

— Почему я должен убегать? — спросил он. — Может быть это отличный момент, чтобы познакомиться с твоим...

— Да ты рехнулся! — зашипела я на него. — Уходи пожалуйста, Мирон!

— Уйду только при одном условии, — хитро улыбаясь, сказал он и вдруг резко наклонился ко мне. Я этого не ожидала и едва успела уклониться. Я машинально шлепнула его по лицу и тут же испуганно ахнула.

— Прости!..

— Ничего, — усмехнулся Мирон. — Это даже...

Дверь в мою комнату распахнулась от громopodobного удара. Я обернулась. Моё сердце рухнуло вниз и взлетело до горла.

На пороге стоял дядя Сигизмунд. Лицо оскаленное, седые волосы взлохмачены, а одежда смята после сна. В руках он держал Беннели Нова, массивное помповое ружье.

Сотрясая воздух обилием русско-польского мата, дядя, дико рыча, бросился вперёд, замахиваясь ружьем.

Я попыталась загородить собой Мирона, но тот сам оттолкнул меня на кровать и бросился в окно. Все происходило стремительно и резко. Поднимаясь, с кровати я увидела,

как Мирон перемахнул через подоконник. Напоследок он успел обернуться. Он подмигнул мне, усмехнулся и исчез за окном.

Дядя Сигизмунд пошатываясь протопал через комнату к окну.

В ночи со двора раздался оголтелый лай собак. Я подскочила тоже бросилась к окну. Дядя Сигизмунд остановился у распахнутого окна, передернул затвор и начал целиться.

— Дядя Сигизмунд, не надо! — отчаянно вскрикнула я.

Я не знала, что мне делать, как поступать. Меня сковывала паника, в душе беспорядочно метался страх. Раздался мощный выстрел.

Я испуганно отшатнулась, зажав уши ладонями, и чуть присела.

Дядя Сигизмунд, яростно ругаясь передёрнул затвор. Внизу звучал басовитый, свирепый лай мастифов. Дядя Сигизмунд выстрелил во второй раз. По комнате поплыл едкий, прогорклый запах пороха. — Хватит! — взмолилась я. — Пожалуйста, хватит!

Но мой дядя явно меня не слышал. Охваченный злым неистовством он выстрелил в третий раз. Я закрыла глаза, крепко прижимая ладони к ушам.

Наконец, дядя подошел ко мне и коснулся моего плеча.

Я открыла глаза, робко, пугливо взглянула на него снизу-вверх.

Он с хмурым, угрюмым видом возвышался надо мной.

— Ну и кто это был, ягодка? — пробасил дядя. — Как он сюда пробрался?

Однако прежде чем я успела ответить, сквозь неугомонный лай мастифов донесся приближающийся вой полицейских сирен.

Дядя с негодованием обернулся на распахнутое окно. Оттуда в комнату вместе со звуком полицейских сирен влетал студёный ночной воздух.

— Чёрт возьми... — выдохнул дядя Сигизмунд и поднял ружье в правой руке. — Кажется, я это... немного переборщил...

Я выразительно посмотрела на него, но ничего не сказала.

Через несколько минут возле автомастерской остановилась патрульная машина. А ещё минут через десять, после долгого разговора на повышенных тонах, двое полицейских, держась за рукояти пистолетов в кобурах, крайне настойчиво предложили дяде Сигизмунду проехать в отделение.

Мучимая переживаниями за дядю я стояла у ворот автомастерской и смотрела вслед уезжающей полицейской машине. Рядом со мной жалобно заскулила Каролина. Эта лохматая девочка всегда чувствовала настроение и всегда умела посочувствовать.

— Всё будет хорошо, — неуверенно проговорила я и погладила мастифа.

Сама я не была в этом уверена. Дядю Сигизмунда уже не в первый раз забирают. И когда-нибудь, я твёрдо знала, он не сможет вернуться назад в ближайшие несколько лет.

В совершенном смятении, растерянная и расстроенная я вернулась назад. На ослабевших ногах, терзаясь бессильной тревогой о дяде и том, попал ли он в Мирона, я вернулась в дом. Этой ночью я уже не спала до самого рассвета. Несколько раз я пыталась дозвониться до Мирона. Но он не брал трубку, и моё беспокойство росло с каждой секундой. Затем я начала звонить в полицейский участок. Наконец, меня связали с каким-то старшим лейтенантом Бобровым, и тот сообщил, что Сигизмунд Лазовский задержан на пятнадцать суток.

Я вяло поблагодарила офицера и положила трубку. Усевшись на своей кровати, я поджала колени и спрятала лицо в ладонях.

Господи... Да сколько ж можно уже?.. Ну почему, почему в моей жизни беспрестанно,

по кругу происходит всякое... Ыајно!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 13 августа.

— ...Остальные две женщины час назад скончались, — вздохнул Стас.

Он только что закончил рассказывать генералу Савельеву о том, что произошло несколько часов назад, в загородном доме, где собрались в очередной раз жены охранников из больницы.

— То есть, двое детей охранников лишились матерей, — сухо вато подытожил Савельев.

Стас кивнул. Отрицать свою вину он не собирался.

— Гудкова, как выяснилось, обладает феноменальной способностью к гипнозу. Мы этого не знали. И мы... опоздали.

Стас прокашлялся. Глотать яд совершенных ошибок, из-за которых гибнут люди, было нелегко даже ему.

Аспирин бросил на него косой взгляд, хмыкнул.

— Опоздали... — проворчал он. — Иногда меня раздражают твои покаяния Стас. Опоздали они! Вообще счастье, что вы успели спасти детей и трех женщин...

— Тут во многом заслуга...

— Я знаю, чья, — перебил его Антон Спиридонович. — Она молодец. Без неё...

Он качнул головой.

— Чего тут разглагольствовать, наша синеглазая фея — просто фантастическая находка.

Он вздохнул, чуть расправил плечи.

— А что по поводу Гудковой? Она... Ну... Ника что-то видела? Куда та делась?..

Стас покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Она пыталась, но у нее не получилось. Я не стал настаивать, она и так истощена...

— Верю, — кивнул генерал.

Стас мысленно порадовался, что генерал не стал допытываться подробностей по поводу «истощения» Ники. Потому что Корнилов не знал, как и что ему объяснять. Он и сам-то ещё ни черта не понимал, с чем они вчера столкнулись и очевидцами чего стали.

Корнилову только стало ясно, что в этом мире есть вещи, которые по-прежнему остаются за гранью человеческого понимания.

— На чем вы сейчас сосредоточены? — спросил генерал.

Стас с готовностью сообщил:

— Ника дала нам несколько очень ценных наводок, плюс те сведения, которые стали нам известны в результате последней операции и допроса задержанных. Нам известно, что к пожару в альпинистском клубе «Горный путь» причастны несколько лиц. Самой заметной фигурой среди них является Лукьян Курбатов.

— Я его знаю, — неожиданно ответил генерал. — Он главный редактор одного скандального журнальчика. «Философский проспект», кажется.

— Да, всё верно, — ответил Корнилов. — У нас есть все основания полагать, что он играл ключевую роль в том заговоре.

— Вот как... — седые брови генерал чуть шевельнулись. — И что думаешь делать?

Стас качнул головой.

— Действовать нужно осторожно. Допрашивать его или тащить к нам на допрос крайне глупо.

— Почему?

— Потому что Лукьян — личность весьма расчетливая.

— Почему-то я не удивлен. — хмыкнул генерал.

— Ника сообщила, что это Курбатов позвал Плансона в ту ночь.

— Снимать, как они с друзьями сожгли пять десятков людей? — поморщился генерал. — Это что ещё за большое извращение?

— Никакого извращения, — качнул головой Стас. — Как ни странно. Как раз-таки исключительно сухой прагматизм.

— Любопытно.

— Плансон снимал не только пожар, но прежде всего Курбатова и его сообщников.

— Компромат, чтобы все молчали, — кивнул генерал и хмыкнув, заметил — вот же хитрозадый выродок.

— Да... — вздохнул Стас. — Но зато если мы достанет эти снимки, у нас будут неопровержимые улики.

— Отлично, — кивнул Аспирин.

— Но пока что мы ничего предъявить ему не можем.

— Я думал, ты ловишь «Монохромного человека», — усмехнулся Савельев.

— То, что сделали Курбатов и его приятели, также не должно оставаться безнаказанным, — Стас был непреклонен. — И да, даже если им повезет избежать участи Вербина и Гудкова, они сядут за массовое убийство людей.

— Думаешь открыть дело? — спросил генерал.

— Уже открыл, — Стас прочистил горло. — Пришлось повозиться. Прокурорские никак не хотели соглашаться. Говорили, дело слишком давнее, материалов никаких и так далее.

— Это на них похоже, — презрительно фыркнул генерал. — Но что ты собираешься делать дальше? Как именно фотографии с места сожжения помогут поймать серийного убийцу?

— Если быть верным версии о мотиве на почве мести, — рассуждал Стас, — убийцей является кто-то из выживших.

— И?

— Нужен список всех, кто был в здании клуба в ту ночь. Тот, кто не превратился в обугленный скелет, и является убийцей.

— А как ты собираешься устанавливать личности убитых?

— У многих сохранились личные вещи, одежда и даже остатки документов. Яша даже сообщил, что им удалось вернуть к жизни два полусгоревших мобильника.

— Это что ещё за техника, которая в огне не горит? — удивился Савельев.

— Нокиа, — вздохнул Стас. — Пока Майкрософт не купила Нокиа, их телефоны могли пережить ядерную войну.

— Да, помню, у меня когда-то был один «утюг» из Нокиа, неубиваемая трубка, — усмехнулся генерал. — Ладно, если удалось установить хоть несколько личностей, можно связаться с их родственниками.

— Тут тоже не всё так просто, товарищ генерал, — ответил Стас.

— В каком смысле? Что не так? У них нет родственников?

— Судя по всему, очень многие из этого клуба были сиротами. Да даже если посмотреть на самого Лукьяна Курбатова... Из родных у него лишь жена и дети... Мы, правда, нашли его мать, но оказалось, что она одинокая пьянчужка, опустившаяся на дно общества.

— Печально, — посетовал генерал. — Понятно тогда, почему не было никакого шума по поводу исчезновения этих людей... Господи, одиночество — страшная штука, Стас.

— Полностью согласен, — кивнул Корнилов.

Савельев быстро взглянул на него и, видимо, вспомнил, что Стас потерял обоих родителей.

— Прости, — прокашлялся Аспирин.

— Всё нормально, — чуть улыбнулся Стас.

— Так... кхм-кхм... Ладно... — генерал явно почувствовал себя неуютно. — Какие ваши дальнейшие действия?

— Курбатов должен был где-то спрятать свой компромат, — ответил Стас. — Я бы на его месте оставил их у человека, которому полностью доверяю.

— Думаешь, Лукьян может кому-то доверять?

— Тому, кто ему бесконечно обязан, да.

— Интересно, — прокомментировал генерал Савельев.

— Вот, — Стас достал из папки распечатку и выложил на стол. — Некто Ильгиз Кастамаров. Ранее привлекался за хранение и сбыт наркотических веществ...

— Случайно не тех, что вы нашли?

— Тех в том числе.

— Ясно. Продолжай.

— Он однажды крепко попал...

— А Курбатов его вытащил, — не удержался генерал и высказал догадку.

— Так точно, — ответил Стас. — А ему грозил серьёзный срок.

— Думаешь, компромат у него?

Корнилов прикинул.

— Курбатов сделал так, что из биографии Кастамарова пропали все судимости, Лукьян нашел ему работу, купил квартиру и автомобиль. Ильгиз сейчас работает таксистом. Парни из ГУНКа сообщили, что Кастамаров и сейчас приторговывает всякой мелкой дрянью. Спайсом, марихуаной и прочим тому подобным.

— С чего бы Курбатову ради дружка так стараться? — усмехнулся генерал.

— Причины могут быть разными, — чуть скривился Стас, — Но, согласитесь, это вполне удобно — хранить ценный компромат на соратников у третьего лица, о котором никто ничего не знает. Гораздо лучше, чем дома или на работе. Именно там его приятели искали бы фотографии в первую очередь.

— Можно ещё хранить в банке, в депозитной ячейке, — ответил генерал.

— М-м... — скривился Стас, — в наше время банковские дела, даже хорошо завуалированные, не так уж сложно отследить.

— Это трудно.

— Не так трудно, если ищешь вещь, из-за которой ты зависишь от другого человека, — заметил Корнилов.

— Хорошо, — подумав согласился генерал. — Собираетесь проработать этого... Ильгиза?

— Да, — просто ответил Стас. — Я уверен, что Курбатов оставил у него какой-нибудь контейнер или пакет.

— А почему не электронный носитель?

— Слишком уязвимо —, качнул головой Стас. — Какой-нибудь сбой, неполадки и всё... Курбатов без компромата. Хотя, думаю на носителях у него остались копии.

Генерал вздохнул.

— Хорошо бы за Курбатовым и другими, кто там был, установить слежку. Мало ли...

— Сделаем, — согласился Стас.

Хотя почему-то он думал, что их слежка не спасет ни Курбатова ни остальных заговорщиков.

— Значит, — подытожил генерал, — будут снимки, и можно смело задерживать Курбатова и попутно узнать у него весь список участников клуба.

Стас молча кивнул. Про себя он подумал, что разговорить Лукьяна Курбатова будет очень нелегко. Стас разбирался в людях и мог предположить, кто расколется легко, а кто будет упираться.

Одного только взгляда на фотографию Лукьяна Корнилову хватило, чтобы понять, что тот будет упираться до последнего. К тому же нужно быть готовым к тому, что у Курбатова наверняка есть хороший адвокат.

— А что с другими заговорщиками? — спросил генерал. — Ты ведь говорил, Ника назвала ещё имена...

Корнилов пожал плечами.

— Ника назвала фамилию «Каменев».

— Так. И что? Кто это?

— Тут небольшая проблема.

— Почему?

— Каменевых двое. Они братья, и оба были в клубе.

— Оба живы?

— Так точно.

— Чёрт... А другие...

— Майя и Марк, — кивнул Стас. — Майя — это, может быть, жена Курбатова, а Марк... Мы пока ищем.

— Арестовывать их ведь тоже нельзя, верно? — спросил генерал.

Корнилов с сожалением покачал головой.

— Бессмысленно. Мало того, что будут молчать, так ещё при первой же возможности сообщат Курбатову. А тот спрячет свой компромат так, что мы будем его ещё несколько лет искать.

— А если сказать им, что по их следу идет серийный убийца? А? — спросил генерал. — Это должно подействовать отрезвляюще.

— Сомневаюсь, — ответил Стас. — Одно дело — убийца, который, не факт, что с ними связан, а другое дело — реальный срок за убийство и распространение наркотиков. Тут каждому минимум по пятнадцать лет светит.

— Да, согласен, — вздохнул генерал. — Эти курвы будут молчать... Ладно, хорошо, действуйте, Стас. И пожалуйста не забывай просить помощи у Ники. Если бы не она, Гудкова оставила бы нам не два трупа, а все двенадцать.

— Да, товарищ генерал.

Как ни грустно это было признавать Стасу, генерал был прав. Без Ники им сейчас не обойтись.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Четверг, 13 августа.

— Надеюсь, это послужит тебе уроком, паршивый журналистишка, — Платон Плансон гадко улыбнулся во весь девяностодюймовый экран плазменного телевизора. — Хотел бы я увидеть, как ты обделался, когда увидел свою квартирку... В следующий раз будешь думать прежде, чем совать нос, куда ни попадя. И да, от всей души желаю тебе опозориться с твоей вонючей статьёй!

В следующий миг Платон показал неприличный жест, и на этом видео оборвалось.

В зале, который Касьян с Кимом кое-как прибрали, воцарилась тишина. И первым молчание нарушил Марк Лунин.

— Да-а... — протянул он, потирая вспотевшими ладонями колени. — Вот это... всё...

Он покачал головой. Было очень заметно, насколько сильно он впечатлён.

— Ну, теперь-то ты с нами? — спросил Касьян, взглянув на друга.

Лунин покосился на него. Затем быстро оглянулся на стоящего сзади Кима. У старшего брата Касьяна было каменное, гневное лицо. Взглядом он сверлил погасший экран телевизора. Казалось, дай ему волю, и он как минимум покалечит Платона.

Марк плавно, протяжно выдохнул и, поджав губы, словно сделав над собой усилие кивнул.

— Ладно... Хрен с вами. Я... помогу.

— Отлично, дружище, — Касьян обрадованно хлопнул друга по плечу здоровой рукой.

— Тогда, — подал голос Ким, и Марк с Касьяном обернулись, — лучше не затягивать.

— Верно говоришь, брат, — ухмыльнулся Касьян.

— Надеюсь, твой план сработает, — боязливо проговорил Марк.

— Я тоже, — признался Касьян.

Ким за спиной рассмеялся.

Спустя несколько часов, сумерки.

Небо темнело, как медленно намокающая бумага. Тщедушные оттенки дня стремительно преображались в цвета ночи. Город осадили привычные дождевые тучи, и потому эта ночь, как и прежние, оказалась дождливой, сырой и прохладной. Хотя в городе бродили слухи о странном явлении, возникшем на столичном небосводе за несколько часов до сегодняшнего рассвета.

Якобы гроза и буря вместе с ливнем неожиданно и стремительно исчезли, а над столицей в чистом, темно-синем небе ярко, точно в сказке, засияли мириады звёзд и необычно ясная, огромная луна.

Но сейчас сказка явно закончилась, и на асфальте московских улиц вновь заблестели лужи.

Касьян, Ким и Марк сидели в серебристом Форде Эксплорере Марка и наблюдали. Взволнованные взгляды троих мужчин были прикованы к входу в подземный паркинг.

— Может уже пора? — спросил Лунин.

Он нервничал больше всех. Его пухлые пальцы то и дело бесконтрольно сжимали руль.

Марк явно предпочел бы, чтобы Ким и Касьян внезапно передумали и отказались от задуманного. Но после выходки Плансона и особенно издевательского видео рассчитывать на снисхождение братьев не приходилось.

— Нужно дождаться, пока паркинг немного опустеет, а на постах охраны начнется пересменка, — ответил Касьян.

Паркинг, возле которого они притаились в тени обувного магазина, принадлежал одному из бесчисленных столичных клубов. Пускали сюда далеко не всех, главным критерием, как слышал Касьян, служил особый отличительный знак-перстень с гравировкой.

Таким заведениям, предлагающим своим гостям гораздо более широкий ассортимент услуг, не терпится продемонстрировать свою оригинальность и уникальность. И ношение особого отличительного знака на пальце, по задумке владельцев клуба, должно было давать гостям клуба чувство причастности к некому особому и исключительному обществу.

Есть категория людей, которая из кожи вон вылезет, лишь бы всем показать, что они стоят гораздо выше презренной «серой биомассы», обитающей в жалких спальных районах. Исключительные. Необыкновенные. Вышние... Касьян и сам был таким, но с недавних пор испытывал к блистательной публике все больше и больше презрения.

Из арки паркинга выехал очередной автомобиль. Затем ещё один.

— Вот живут же люди, — с завистью заметил Марк, глядя вслед уехавшей фиолетовой Ламборгини.

— Откроешь свое издание, сам будешь на такой ездить, — проговорил с заднего сидения Ким.

— Ага, как же, — невесело отозвался Марк и вздохнул. — О-ох... Что-то мне не по себе...

— Отступить поздно, — напомнил Ким.

— Я знаю, я просто... — промямлил в ответ Марк. — Всё нормально, я справлюсь.

Касьян внимательно посмотрел на него.

— Вот и отлично.

У Кима зазвонил мобильник. Это был сигнал будильника.

— Всё, — сказал он. — Пошли.

— Ох, господи... — причитая, выбрался из машины Марк.

Он поправил ворот голубой рубашки и ремень черных брюк. Они с Кимом оба вырядились в форму охранников паркинга. Ким надел на голову черную фуражку, поправил рацию сбоку на плече и взглянул на Лунина.

— Все в порядке? — Ким надел на плечо лямку черной, спортивной сумки.

— Не знаю... — расстроено ответил Марк, придирчиво оглядывая себя. — Мне кажется, я выгляжу до ужаса глупо!.. Я не похож на охранника! Ну посмотри на меня!

Касьян, сидя в машине улыбнулся. Лунин и правда выглядел забавно в форме охранника. Толстый, круглый, с очками на носу. Ему еще только не хватало коробки с пончиками, чтобы довершить образ прожорливого охранника, лениво следящего за мониторами видеокамер.

— Всё нормально, — Ким подошел к Марку, поправил на нем его фуражку, одернул рубашку на плечах. — Ты знаешь актера Джейсона Стэтхэма?

— Ну-у да... — неуверенно ответил Марк.

— Смотрел «Перевозчика» или «Механика»?

— Да... да, смотрел...

— Вот и сделай выражение лица, как у Стэтхэма, — ответил Ким.

— А-а... — в замешательстве протянул Марк, — как в «Механике» или как в «Перевозчике»?

— Да один хрен, оно у него везде одинаковое, — потерял терпение Ким. — Всё, пошли. Касьян посмотрел им вслед. Качнул головой, хмыкнул и улыбнулся.

Как же все-таки ему повезло с этими двумя. Он открыл дверцу, выбрался на улицу. Закрыв машину и включив сигнализацию, он подошел к дороге. Глянул в обе стороны. Движение было не очень активным. Улучив момент, Касьян бодрым шагом пересек улицу и подошел к припаркованному неподалеку грузовику.

Это был небольшой MAN TGL, взятый ненадолго в аренду у знакомого водителя обслуживающего супермаркета. Каменев уселся за руль, захлопнул тяжелую дверцу. Посмотрел перед собой.

В сознании беспокойным зверем ворчало тревожное сомнение.

Боялся ли он? Несомненно. Но Платон Плансон своей выходкой уж точно не оставил ему выбора. Да и выход статьи он и так больше переносить не может. Так, что выбора у него нет, и будь, что будет!

За дело!

Он повернул ключ в замке зажигания. Мощный мотор грузовика зафырчал, задрожал. Сегодня Касьян весь день долго и упорно учился управлять машиной одной рукой. Это было невероятно сложно и неудобно. Но, к счастью, сломанной у Касьяна была левая рука.

Касьян взглянул на дисплей меню и осторожно, удерживая руль одной рукой, плавно вырулил на дорогу. Подъехал к ночному клубу. Здесь занял место точно у въезда на парковку. Он остановился, но мотор не глушил. Взглянул на часы. Зверь беспокойство заметался сильнее. Касьяну пришлось приложить усилия, дабы уgomонить проснувшееся чувство страха.

— Всё получится, — сказал он себе. — Всё будет отлично. Всё получится. Они справятся...

МАРК ЛУНИН

Четверг, 13 августа. Паркинг элитного ночного клуба.

Здесь тянуло неприятным, мертвенным холодом. Это вселяло в нервничающего Марка ещё большее беспокойство. Чувство страха становилось невыносимым. Навязчивое опасение, что у них ничего не получится и их обязательно поймают, крепло с каждой секундой.

Пока они с Кимом шагали мимо квадратных колонн и стоящих на местах автомобилей, Лунин чувствовал, что начинает терять контроль над собой. Еще немного, и он рванет обратно. Обливаясь потом, чувствуя, как внутри все застывает от напряжения, Марк шагал вперед.

Он решил последовать совету Кима и постарался придать своему лицу выражение, как у вышеупомянутого актёра.

— Хватит коситься по сторонам, — не глядя на него, буркнул Ким. — Веди себя по-хозяйски. Ты — охранник, ты тут главный!

— Ладно, — вздохнул Марк.

От пяток до колен и выше до самых бедер мышцы ног пропитывала предательская слабость. Из-за нее в ногах распространялось чувство схожее с онемением, как после

долгого сидения в неудобной позе.

— Вон его тачка, — шепнул Ким.

Марк посмотрел вперёд. В нескольких метрах от них притаился на парковке огромный, чёрный Кадиллак Эскалейд. Здоровый, массивный внедорожник обладал неким зловещим, но притягательным лоском. Эта машина всем своим видом подчеркивала свою изысканную элитарность и исключительную дороговизну.

— Всё в порядке? — спросил Ким, на мгновение обернувшись на Марка.

— Ага, — бросил тот и нервно сглотнул, — в полном.

— Держись увереннее.

— Слушай, я ведь не полицейский...

— При чем здесь это? Просто держись увереннее. Представь, что ты в фильме снимаешься.

— Очень смешно... — с дрожью в голосе ответил Марк.

— Стэтхэм бы не испугался.

— Ой, иди ты.

Ким засмеялся. Они почти подошли к Эскалейду Платона Плансона.

— А почему он вообще его здесь оставил? — шепотом спросил Марк.

— У него несколько машин, — ответил Ким, доставая из сумки два прямоугольных предмета с металлическими подставками. — Захотел и оставил... Может, ему так удобнее.

— А что это у тебя? — настороженно спросил Марк, кивнув на предметы в руках Кима.

— Инфрокрасные прожекторы, — ответил тот, подключая приборы к Power Bank.

— И для чего они?

— В данный момент для того, чтобы ослепить камеры, — терпеливо объяснил Ким. — Только не смотри, Бога ради, на них, если не хочешь, чтобы твое лицо засветилось!

— И не собирался, — соврал Марк.

Ким задержался возле одного из автомобилей. Марк оглянулся. Каменев старший установил прожекторы на асфальте, возле желтого Лэнд-Ровера. Несколько минут он провозился, подключая проводки, и вдруг подхватился, поспешил к Марку.

— Ну, пошли! Чего ты встал?! — крикнул он.

— Так это... — Марк растерянно махнул вперед, — они же не горят...

— Ты идиот?! Это инфракрасное излучение! — вспылил Ким. — Живо гони, говорю! У охраны ослепли несколько камер, и сейчас они придут разбираться. Давай!

Ким подал условный сигнал. Из неприметной маленькой «Тойоты» выбрался худощавый, сутулый парень в худи с капюшоном.

— Давай по-быстрому, кудесник, — хмуро бросил ему Ким.

Он не скрывал своего отношения к знакомым своего брата. Парню в кофте это, видимо, было до фонаря, он лишь сухо кивнул и направился к черному Эскалейду. Они подошли к машине втроем.

Угонщик приступил к «вскрытию» автомобиля. А Марк и Ким двинулись дальше.

На парковку, кроме лестницы, вели сразу три лифта. Из спортивной сумки Ким достал три металлических палки. Одну швырнул Марку. Тот с трудом её поймал. Палка весила немало. Лунин едва не выронил её.

Вызвав все три лифта, Ким дождался, когда их двери откроются и положил две металлических палки так, чтобы двери лифта не могли закрыться. Марк сделал то же самое с третьим лифтом. Вытащив четвертую палку, Ким подбежал к двухстворчатым дверям,

ведущим на лестницу. Он просунул палку между вертикальными ручками дверей, подергал и одобрительно усмехнулся. Двери держались надежно. А учитывая, что сами по себе они крепкие и тяжелые, откроют их нескоро.

Марк не верил, что все получается так легко и просто. Вены его тела интенсивно пульсировали, руки и ноги слегка дрожали. Лунин чувствовал, что внутри его всего буквально выворачивает и сдавливает от нестерпимого желания поскорее убраться отсюда.

Они с Кимом вернулись к взломщику. Тот как раз заканчивал «работу».

— Всё, — объявил он и, слегка красуясь, открыл водительскую дверцу Эскалейда.

— Молодец, — без тени похвалы бросил Ким.

Он сунул взломщику несколько купюр в иностранной валюте и грубо бросил:

— И завязывай с этим.

— Конечно, — с издевкой бросил в ответ парень и глумливо ухмыльнулся.

Ким проводил его недобрым взглядом. У Каменева старшего буквально руки чесались скрутить наглеца и нацепить наручники.

Но его полномочия, как полицейского, остались в Санкт-Петербурге вместе с его семьей.

Ким и Марк уже подошли к «вскрытому» Эскалейду, когда внезапно открылись дверцы стоящего неподалеку серого BMW E60.

Из седана выбрались пятеро крепкого вида мужчин.

— Это ещё кто... — промямлил Марк.

— Заткнись и садись за руль, — быстро сказал ему Ким и достал свой пистолет.

Оружие не было табельным, свое он оставил в Питере. Но все же это не означало, что пули и гильзы из этого пистолета не приведут к нему. Приведут и довольно быстро. И Киму этого, разумеется, категорически не хотелось.

Пятеро молодцов с одинаковым убийственным выражением лица на всех не говорили не слова. Зато более чем красноречиво об их намерениях сказали биты, кастеты и телескопические дубинки в их руках. Пятерка парней, увидев пистолет в руке Кима, замерла на месте. Решительные, угрюмые лица изменились. Такого поворота они явно не ожидали. Парни обменялись взглядами.

В этот миг донеслись крики со стороны лестницы. Заблокированные Кимом лестничные двери содрогнулись от ударов, зашатались из стороны в сторону. Кто-то из парней сунул руку в карман. Ким среагировал мгновенно. Раздался выстрел. Затем ещё один. Два парня рухнули на пол. Один выл от боли, прижимая к животу окровавленную руку. Второй катался на спине, держась за простреленное колено.

В двери лестницы с воплями ломались охранники.

— Ты что?! — испуганно ахнул из машины Марк.

— Заткнись. Заводи ма...

— Сзади! Ким!

Ким не успел. Неизвестно откуда взявшийся темноволосый мужик со смуглой кожей нанес удар по спине Каменева. Ким пошатнулся. Напавший сзади ударил снова. Старший брат Касьяна закрылся правой рукой. Удар телескопической дубинки пришелся по запястью.

Ким вскрикнул. Его подарочная «Гюрза» упала на пол, отлетела в сторону. Но Ким успел достать нож. Он перехватил следующий удар и полоснул нападавшего по лицу. В следующий миг ему пришлось уворачиваться от ударов двух подлетевших парней. Правая кисть наливалась болезненной тяжестью. Ким не мог бить правым кулаком. Приходилось

работать локтями и по возможности ногами.

Но силы были неравны.

Один из молодцов распахнул дверцу водителя. Марк Лунин вскинул руку с баллончиком и выдал в лицо нападающему широкую струю слезоточивого вещества.

Парень отшатнулся, прижимая ладони к лицу. Кима повалили на землю. Начали пинать ногами.

Марк взирал на происходящее в совершеннейшем ступоре. Внезапно раздался выстрел, затем другой, третий, четвёртый.

Избивающие Кима парни попадали на землю, крича от боли.

Марк ошарашенно уставился на стоящего в нескольких шагах Касьяна.

С шапкой на перевязанной голове, с левой рукой в бандаже, он сжимал в правой рукоять пистолета Кима. Выражение его лица говорило о том, что он готов убивать.

Марк взял себя в руки, быстро обошел автомобиль. Ким пошатываясь пытался подняться. По лицу у него текла кровь. На левом предплечье красовались кровоточащие ссадины. Рядом с ним на полу морщились от боли избивавшие его громилы. Марк помог Киму встать. Каменев старший бросил взгляд на ближайшего противника, подстреленного его братом и, со злостью зарычав, пнул парня по раненной ноге. Тот захлебнулся криком боли.

— Хватит, хватит! — Марку пришлось приложить усилия, чтобы убедить Кима сесть в автомобиль.

Каменев старший явно порывался отомстить за побои.

— Успокойся ты! — прикрикнул на него переживающий Марк.

Он с трудом усадил Кима на заднее сиденье. А сам быстро ринулся за руль.

Касьян уже молча, не говоря ни слова, спешно торопился к выезду с парковки, где стоял приготовленный грузовик. Марк прыгнул за руль Эскалейда. Взломщик оставил специально подобранные ключи, они торчали в замке зажигания. Марк повернул ключ. Громоздкий Кадиллак всхрапнул, утробно зарычал. В этот миг от ударов распахнулись двери на лестницу. На подземную парковку высыпало с десятков охранников.

— Жми, Марк! — вскричал сзади Ким. — Быстрее!

Лунин проворно вырулил со стоянки. Вслед ему раздались выстрелы. Со звоном лопнуло заднее стекло. Ким зашелся грубыми ругательствами. Марк надавил на газ. Тяжелый внедорожник, набирая скорость, мчался к выходу. В зеркало заднего вида, Марк увидел, как за ними с парковки выезжают два автомобиля с эмблемой охранной фирмы.

Марк выругался, нервным жестом смахнул с лица испарину.

Эскалейд вылетел из подземного паркинга под свет уличных фонарей. В зеркало заднего вида Марк увидел, как грузовик MAN проворно закрывает выезд с парковки. Марк дал по тормозам. Эскалейд замер. Ким открыл дверцу рядом с собой. Добежавший до машины Касьян едва запрыгнув, вскричал:

— Жми!!!

Марк дал по газам. Они устремились вперед, набирая скорость.

Стрелка спидометра ползла к отметке пятьдесят, а через несколько секунд уж подрагивала возле цифры семьдесят. Лунин, однако, вовремя спохватился и чуть сбавил скорость. Нечего понапрасну привлекать внимание городских камер.

— Как вы? — бросив взгляд в зеркало заднего вида, спросил он Каменевых.

— Нормально, — почти хором ответили братья.

— А где мой пистолет? — внезапно спросил Ким брата.

Касьян ответил не сразу.

— Понимаешь, я... Ким, ты только не злись... Я его выкинул.

— Куда?! Зачем?! — вскинулся Ким. — Ты в своем уме?! Если его найдут...

— Не найдут, успокойся, — отмахнулся Ким. — Я бросил его в канализационный люк.

— Касьян, ты... — Ким пребывал в ярости и в шоке.

— Мы же из него стреляли, — оправдывался Касьян.

— Я бы отдал его нужному человеку, и он бы подчистил следы стрельбы, — пробурчал

Ким сердито. — А теперь мне только молиться остаётся!

— Ты же атеист.

— Да пошёл ты.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Пятница, 14 августа, поздняя ночь. Спустила пару часов.

— ... Пятнадцать тысяч, а! — пораженно качал головой Ким. — Несколько сотен баксов твоему угонщику, пятнадцать кусков хакеру... Касьян, брат, ты не боишься разориться?

Пару часов назад знакомый хакер Касьяна, умелый парнишка с невероятным интеллектом, взломал диск, на котором Плансон хранил фотоснимки.

Каменев погладил себя по нагрудному карману, в котором сейчас лежал флеш-накопитель, и все шестьдесят гигабайтов памяти были заполнены информацией с диска Плансона.

— Чему ты улыбаешься, Касьян? — Ким потрогал окровавленный пластырь на переносице. — Тебе не жалко денег?

— Нет, брат, — довольно ухмыльнулся Касьян. — Уверю тебя, после выхода моей статьи я получу в сотню раз больше, чем заплатил.

— Надеюсь, — вздохнул Ким и, откинув голову на подголовник сиденья, ещё раз потрогал свой нос.

— Не сломан? — заботливо спросил Касьян

— Нормально, — отмахнулся Ким. — Рука только болит. Этот говнюк очень здорово приложил меня.

Он подвигал пальцами правой руки.

— Но, вроде, тоже все в порядке.

Вскоре они добрались до дома Касьяна. Марк открыл дверь в квартиру, и трое мужчин, уставшие и измотанные, ввалились внутрь.

Марк сразу же поинтересовался, нет ли в доме валерьянки или настойки пустырника. Ему срочно нужно успокоительное!

— На кухне, в левой верхней дверце, над плитой, — сидя на табуретке в прихожей, усмехнулся Касьян.

— Там же у тебя алкоголь? — недоуменно ответил Марк.

— Ну да, — хмыкнул Касьян.

Он был доволен. Адреналин ещё бурлил в крови, содрогался в мышцах тела, горячил сердце и стучал в висках. Но, Бог свидетель, он был доволен! Доволен и счастлив!

— Ла-адно... — ухмыльнулся Лунин. — Тебе помочь?

Марк кивнул на ботинки Касьяна, которые тот развязывал одной рукой.

— Нет, — категорично ответил Каменев.

— Он у нас гордый, — поддел младшего брата Ким и направился в ванную.

Пока Марк на кухне выбирал подходящий напиток и доставал бокалы, Касьян торопливо, с радостным нетерпением включил свой лэптоп и вставил накопитель в USB-порт. Он не мог ждать, он должен был увидеть фотографии сейчас. Но, когда он открыл папку со снимками, в комнату вошли Марк и Ким.

— Держи, — Марк протянул Касьяну бокал, в котором плескалась янтарная жидкость.

Касьян понюхал напиток в бокале и улыбнулся.

— Этот коньяк я берег для особого случая.

— Поверь, это он и есть, — проговорил Ким.

Они засмеялись. Затем дружно вскинули бокалы. Раздался мелодичный короткий звон, и мужчины синхронно опрокинули бокалы.

Касьян с наслаждением почувствовал, как горячительный напиток сладостным теплом разливается в теле. На него внезапно накатило блаженство. Он почувствовал, как размякает. Его повело... Он хохотнул... Пошатнулся.

— Осторожно, — Марк торопливо удержал его и помог опуститься в широкое кожаное кресло. — Вот та-ак...

— Сп...псиб...пасибо... — сонно пробормотал Касьян, и мир вокруг него канул в грёзы сновидений. Он забылся глубоким сном.

МАРК ЛУНИН

Пятница, 14 августа.

Когда Касьян отключился, он обеспокоенно наклонился к нему.

— С ним всё будет нормально, — ответил Ким и сел за стол, перед ноутбуком.

— А что ты ему подсыпал в бокал? Снотворное? — обеспокоенно спросил Лунин.

— Золпидем, — не оборачиваясь ответил Ким, сосредоточенно рассматривая снимки. — С алкоголем действует особенно эффективно.

— А для него это безопасно? — встревоженно спросил Лунин.

— Поспит до обеда и проснется в отличном настроении, — пошутил Ким.

— Может не стоило так... — осторожно начал Лунин.

— Серьёзно? — Ким обернулся, взглянул на Марка и кивнул на фотографии в папке лэптопа. — Глянь сюда.

Марк взглянул и громко, судорожно втянул носом воздух.

— Какого... Я... Лукьян же говорил... Откуда у Плансона эти фотографии?!

— А сам не понимаешь? — хмыкнул Ким, разглядывая фотографии. — Посмотри, какая красота... И поместье горящее видно, и тело на дереве... О, а вот это ты, смотри!

— Тихо, — шикнул на него Марк. — А вон Олег и Тихон...

— А вот я, Майя, Лукьян и все остальные, — покачал головой Ким. — Вот же выродок... Всех запечатлел, мать его.

— Чего ты ждешь? Удаляй! — нервно проговорил Марк.

Ким молча выделил мышкой все фотографии и нажал «DELETE».

Лунин оглянулся на спящего Касьяна.

— Когда-нибудь память к нему вернется...

— Не каркай! — отрезал Ким и тоже посмотрел на брата. — Всё будет нормально.

Он с легкой издевкой похлопал спящего брата по колену.

— Но если всё же он вспомнит, — волновался Марк.

— Что ты предлагаешь, Марк? — с подозрением спросил Ким.

— Ну-у... может, — Лунин вздохнул. — Слушай, я понимаю, твой брат, но...

— Мой брат, Марк, — вздохнул Ким, — остался в сгорающем здании клуба... Ты помнишь какими словами он обозвал меня? А тебя? Помнишь? Помнишь кем он нас назвал?.. Это же он нас всех сдал.

Ким усмехнулся.

— Хренов борец за справедливость... Заложил меня, родного брата, обозвал алчным ублюдком и прилюдно, при всех отрекся... Думаешь, я должен был забыть и простить такое?.. Не-ет...

— Тогда может... — Марк вздохнул, — Ну может... Черт возьми, Ким если он вспомнит и заговорит!..

— За столько лет не вспомнил, — пожал плечами Ким.

— Да, но Шамов тогда сказал...

— Что его ретроградная амнезия может внезапно прекратиться, и есть шансы, что он вспомнит...

— И что тогда? — волновался Лунин.

— Что ты, черт возьми, предлагаешь? — Ким пальцами разгладил пластырь на носу. — Усыпить его насовсем? Да?

— Н-но... — Лунин развел в стороны дрожащие руки. — Ким... Если... если он вдруг все-таки...

— Лукьян запретил его трогать, — категорично ответил Ким. — Он ему нужен. И его можно понять. Касьян хороший журналист. И мы молодцы, что постарались ради него...

— Я думал, сегодня мы старались, чтобы найти и уничтожить фотографии, с помощью которых этот червяк Курбатов нас всех шантажирует!

Ким оглянулся на ноутбук.

— Да, но, боюсь, это не всё. Не верю, чтобы Лукьян, при его-то осторожности доверил хранение компромата на нас этому бздуну Плансону.

— Думаешь, у него есть ещё? — боязливо спросил Марк.

— Уверен, — вздохнул Ким. — Ладно, пошли. Оставим нашу будущую звезду журналистики отдыхать перед грядущим триумфом. Кстати, не забудь ему напомнить, что он обещал взять тебя в соавторы статьи.

Но Марк лишь вздохнул. Он бы всё-таки предпочел избавиться от своих страхов.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 14 августа.

Плансон вел себя донельзя уверенно. Сидел перед столом один в допросной и глазел по сторонам. Он то и дело усмехался каким-то своим мыслям, чесал одной рукой другую, расправлял плечи и разминал шею.

— Что он делает? — поморщился Николай Домбровский.

Они со Стасом уже несколько минут наблюдали за Платоном через зеркало Гезелла.

— Пытается показать свою уверенность, — ответил Стас, с прищуром наблюдая за Плансоном. — Он что-то ещё рассказал по поводу ночи, когда фотографировал пожар в альпинистском клубе?

— Нет, — уныло ответил Домбровский. — На все вопросы об этой ночи он теперь только скалится, ухмыляется и требует, чтобы на допросе присутствовал его адвокат.

— И нам придется удовлетворить его требования, — вздохнул Стас.

— Серьёзно? — спрятав руки в карманах джинсов, спросил Николай.

— Да, Коль. *Lege ius est*, — Корнилов усмехнулся.

— Ага, — фыркнул Коля. — Только иногда и даже частенько этот самый закон работает против истинного правосудия.

— Да ничего, — пожал плечами Стас, — у нас против него и улики, и доказательство изнасилования несовершеннолетней. На захочет говорить — сядет. И я уж лично постараюсь сделать всё, чтобы в Крестах узнали, по какой статье он к ним попал.

— М-да, — злорадно хмыкнул Коля, — насильников там любят. Во всех смыслах...

— Ладно, пошли. Нам теперь нужно во что бы то ни стало достать Ильгиза Кастамарова.

Они вышли в коридор, направились в свой кабинет.

— А если у Кастамарова тоже нет тех фотографий? — спросил Коля.

— Во-первых, у нас все ещё остается Плансон, — ответил Стас. — И я думаю, после недели в Крестах он сам попросит встречи и запоёт, как соловей.

— Если урки ему язык не вырвут, — заметил Коля.

— Тогда напишет, — безжалостно ответил Стас.

Единственные, к кому Стас, Коля, Сеня, да и вообще все остальные сотрудники УГРС испытывали большее омерзение, чем к серийным убийцам и государственным предателям, так это к насильникам.

И уж тем более к насильникам-педофилам ...

Стас искренне полагал, что человекоподобное существо, которое не в состоянии контролировать свои основные инстинкты и извращенную похоть, кроме отвращения и презрения ничего более не заслуживает. И он знал, что Аспирин, Домбровский, Арцеулов и многие другие полностью разделяют его точку зрения. Насильники любого вида такие же нелюди, как и убийцы. Ничтожные, мерзкие, жалкие и трусливые существа.

В своем кабинете Стас и Коля достали всю информацию, которую им сейчас удалось собрать на Ильгиза Кастамарова.

— Тридцать шесть лет, не женат, но вроде есть пара детей. Живёт в Екатеринбурге, там же таксует на своей желтой Honda Civic. Обитает на улице Шейнкмана в пятиэтажном многоквартирном доме номер сорок восемь, — рассказывал Домбровский. — По выходным с друзьями выпивает в одном из городских баров, завсегдатай стриптиз-клубов и, по подозрению местной полиции, поставщик разной дешевой наркотической дряни, которую получает из южных регионов.

— Информацию по нему местные дали? — спросил Стас.

— Да, тамошнее УГРО давно его разрабатывает, — кивнул Николай. — Кстати, им не понравилось, что мы собираемся его умыкнуть.

— Ну, мы ведь «с возвратом», — усмехнулся Корнилов.

— Ну да, — кивнул Николай. — Если у него действительно есть, что нам показать.

— Есть, Коля, есть, — кивнул Стас. — Больше просто негде...

— Может забьемся? — предложил Коля. — А? Если у него ничего нет, ты покупаешь выпивку.

— Уверен? — ухмыльнувшись, хмыкнул Стас.

— Ага, — кивнул Домбровский. — Давай на пять бутылок Hennessy. Что скажешь?

— Я столько не выпью, — фыркнул Стас.

— Ничего. Друзьям и близким раздаришь, — в тон ему ответил Домбровский. — Если выиграешь, конечно.

— Ладно, — согласился Стас. — Договорились.

Они пожали руки.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 14 августа

Работа в автомастерской кипела полным ходом. Автослесари, механики и прочие специалисты исправно трудились, приводя в порядок чужие автомобили.

Я, жуя на ходу энергетический батончик из мюсли, орехов и хлопьев, неспешно прохаживалась мимо трудящихся и снимала происходящее на телефон.

— Ника, не хочешь помочь нам? — хмыкнул один из мужчин, вытирая пот с лица.

— Нет, — пожалала я плечами, — сегодня моя функция исключительно наблюдательная.

Ишь! Привыкли, что я везде и повсюду помогаю! И со свечами, и с диагностикой двигателя, и с заменой масла и фильтров!.. А вот шиш вам, господа! На деле, им не столько важна моя помощь, сколько то, чтобы отвлечь меня от съемки процесса их работы. Тогда они смогут себе позволить покурить, поболтать, послоняться из стороны в сторону без дела, а, может, даже и «налевачить» чего-нибудь со стороны.

Но я этих проходимцев хорошо знаю, и, что у них на уме, тоже.

— Ника, а тебе на занятия по фигурному катанию не нужно? — поинтересовался пузатый бородач в полосатой майке. — У тебя же конкурс скоро...

— Ага! — вмешался третий работник. — Мы вон все за тебя болеть будем.

— Ой, Мурад, — поморщилась я, — а то я не знаю, что мой дядя угощает вас дармовой выпивкой, когда вы смотрите мои соревнования, и даже премии вам выписывает.

Мужики угрюмо переглянулись и вернулись к работе. Вот так вот. Обольщать они меня ещё будут!..

Я вздохнула, прошла дальше. И тут увидела, что возле красной Impreza почему-то никто не «шуршит». Я вышла на улицу.

Ну так есть! Двое новых сотрудников стояли за углом и, что-то весело обсуждая, курили.

— Так, так, — я подошла к ним, не опуская смартфон. — И что это у нас здесь?

Мужчины переглянулись и пожали плечами.

— А что? У нас перекур.

— Да вы что, — поддельно изумилась я. — А вы не забыли, что должны до одиннадцати закончить замену стартера, замену масла в КПП и сделать диагностику ходовой в красной Subaru Impreza? Нет? Я посмотрела на часы телефона.

— Владелец машины приедет через полтора часа. В связи с этим назревает вполне

логичный вопрос: какого чёрта вы тут прохладаетесь?

— Слушай, девочка, — сказал один из мужчин, — успокойся, хорошо? Все мы поняли, что ты ответственная и строгая... И обязательно похвалим тебя перед Сигизмундом Владиславовичем. Так что можешь не надирать свою маленькую задиристую попку. Займись своими девчачьими делишками и не мешай. Ладно?

Выдав эту насмешливую тираду, голубоглазый мужчина в синем комбинезоне улыбнулся своему приятелю и что-то сообщил ему на ухо.

Я не слышала всей фразы, но зато услышала слова «воспитывать баб» и «с пелёнок»! Вот значит, как? Ну что ж... Я молча вернулась в мастерскую. Я видела, что на меня смотрят. Ждут, как я себя поведу. Я не сомневаюсь, что наш разговор с этим хамом подслушали. И все в курсе, что он мне ответил, несмотря на вечный шум автомастерской.

Я поднялась в кабинет дяди Сигизмунда, взяла оттуда нужные бумаги и формы. Затем спустилась вниз, в комнату бухгалтера.

— Привет, Толик, — сказала я худощавому мужчине в больших очках. — Вот, оформи пожалуйста увольнение Ерохина и Пахоменко.

Я протянула ему бумаги.

— Привет, Ника, — бухгалтер взял листы бумаг. — Хорошо. А что они сделали?

— В данный момент отлынивают от работы и срывают сроки сдачи исправного автомобиля владельцу, — без запинки тут же ответила я.

Про их хамский ответ я говорить не стала. — И на просьбу вернуться к работе ответили... отказом.

Их похабное поведение и наглый ответ не делает им чести, и, конечно, это было обидным для меня. Но я не их босс, они меня намного старше, и они не обязаны передо мной лебезить. Хотя, вообще-то, я не давала повода насмехаться и грубить. И замечание то я по делу сделала, в конце-то концов!

Толик, бухгалтер дяди Сигизмунда, оформил увольнение и высчитал полагающуюся работникам сумму с учетом отпускных.

Он отдал мне два конверта и уведомления о разрыве контракта с двумя грубыми лентяями.

Я вышла из его комнаты. Сотрудники украдкой поглядывали на меня. Все видели бумаги у меня в руках. Я снова вышла на улицу. Двое автомехаников по-прежнему курили и посмеивались, стоя за углом автомастерской.

— О-о, — протянул один из них с улыбочкой. — Крошка, ты придумала аргументы?

— Нет, я не утруждалась, — качнула я головой и протянула каждому из них по конверту и уведомления о прекращении их трудовой деятельности.

— Че это? — осторожно спросил нагрубивший мне остряк. — Это че?

— Там все написано, — ответила я. — Извините, но автосервис «Пит-Стоп-Старт» в ваших услугах более не нуждается. Желаю вам удачи и...

— Слышь ты, засранка малолетняя, это не тебе решать! — прочитав уведомление, зло проговорил один из мужчин.

— Боюсь, что в отсутствии моего дяди, Сигизмунда Владиславовича именно мне, — с холодком превосходства ответила я. — Более вас не задерживаю.

Я повернулась спиной к опешившим мужчинам и направилась прочь. Не могу сказать, что я была довольна собой. И возможно, ответ того грубияна действительно повлиял на мое решение. Возможно.

Я вернулась в автосервис, подошла к красной Импрезе.

Придется мне все-таки потрудиться самой. Но на помощь я позвала одного из работников.

— Ты их уволила? — спросил он меня украдкой, склоняясь над капотом Импрезы.

— Пришлось, — с холодком ответила я. — Машину сдавать через час с лишним, а они табаки раскуривают... Сделайте работу и гуляйте до нового заказа, зачем сейчас себя так вести? Где логика?

— Согласен, — вздохнул Семён, один из старейших сотрудников дядиного сервиса. — Тем более, что твой дядя платит гораздо щедрее, чем остальные автосервисы.

— Плюс больничные и бесплатная пицца, — напомнила я.

— Это, да, — засмеялся Семён. — Ладно. Тут делов не так уж много. Успеем.

— Чем тебе помочь? — спросила я.

— Займись диагностикой, а я разберусь с КПП и стартером.

— Хорошо.

Делать качественную диагностику меня научил дядя Сигизмунд, и если кому-то кажется невероятным, что какая-то малолетка разбирается в ремонте автомобилей, то я могу ответить, что вы просто не жили с моим дядей под одной крышей. Назовите мне любой автомобиль из тех, что у нас бывают, и я вам назову все проблемы, с которыми вы, скорее всего, как владелец, столкнетесь в ближайшее время.

Только без российских автомобилей, мы их не обслуживаем. Без обид, но по сравнению с продукцией японского, европейского, американского и даже китайского автопрома, продукты наших, отечественных производителей в большинстве своем выглядят, как карикатуры. Счастливого исключения составляют разве что «ГАЗ-21», «Нива» и, конечно же, кое-какие военные автомобили типа «Урала» и «УАЗа».

А все наши «Гранты», «Калины» и «Приоры»... Ох, господи. Лучше я ничего говорить не буду.

Когда наступило время обеда, все сотрудники сервиса дружно уселись на рабочей кухне возле комнаты бухгалтера и принялись уничтожать свежезаказанную пиццу, я села за компьютер в комнате, где обычно работает сам дядя Сигизмунд.

Не следует путать его личный кабинет с комнатой на первом этаже.

Первое для важных переговоров, отдыха и просто ради личного неприкосновенного пространства, а второе — это захламленное помещение, в котором постоянно кипит работа, проверки, звонят телефоны, работает принтер, и где дядя принимает заказы.

Я сама то и дело путаюсь в назначении этих двух помещений, но по сути у дяди Сигизмунда два кабинета. Один только для работы, внизу, и второй — на третьем этаже, для отдыха и работы. Как-то так.

Пока я проверяла список заказов и сроки их выполнения, в дверь «сугубо рабочего» кабинета дяди Сигизмунда вежливо постучали.

Затем заглянул один из сотрудников мастерской.

— Ника, извини, там к тебе пришли. Очень хотят с тобой поговорить.

— Хорошо, Юра, спасибо большое, — поблагодарила я и вышла из кабинета, закрыв его на ключ.

У входа в мастерскую меня ждала Лерка. И она была не одна.

Я быстро узнала девушку, которая была рядом с ней. Дана. Я встречалась с ней в позапрошлом месяце, когда пыталась помочь Лерке избавиться от зависимости от

фотографа-извращенца.

Эта же Дана потом, когда люди фотографа начали выкладывать в сеть фотографии девочек в сеть, пыталась отомстить мне.

Я отлично помнила, как её друзья окружили нас с Леркой неподалеку от дома Леркиного бывшего парня.

Тогда повезло, и нам удалось избежать мщения обиженной Даны.

И не могу сказать, что я на неё затаила обиду, но, знаете ли, осадочек остался.

— Привет, — слегка ледяным голосом поздоровалась я.

Я не очень понимала, как себя вести, если честно. Но уж точно я не собиралась язвить и хамить Лерке. Даже если... Если мы теперь бывшие подруги. Хотя я не верю, что наша дружба может вот так вот... из-за какого парня взять и просто закончиться. Глупо же, господи...

В общем, обдумав всё, я решила сперва до конца и достоверно прояснить ситуацию, может быть, даже просто поговорить напрямую с глазу на глаз. В крайнем случае можно попытаться устроить им обоим очную ставку и уж тогда в лоб спросить, что они такое вытворяют. Но в любом случае версию Мирона я выслушала, и меня радует, что Лерка тоже не замедлила явиться с объяснениями.

— Привет, — голос у Логиновой звучит грустновато, тихо.

Что это с ней? Неужели совесть замучила? Знаю, глядя на Лерку, можно подумать, что её совесть находится там же, где и любовь к учебе — в глубокой бездне безразличия. Но так могут думать лишь те, кто плохо знает Логинову.

— Ника, нам нужно поговорить, — произнесла Логинова и опустила взгляд.

Точно. Чувствует вину. Или... Или собирается сказать мне что-то крайне неприятное. И ощущение этого крепло с каждой секундой.

Лерка оглянулась на Дану. Та сделала шаг вперед.

— Привет... — пробормотала она. — Слушай, я хотела сначала извиниться за тот случай...

— Когда хотела натравить на нас своих дружков? — не удержавшись спросила я.

— Нет... в смысле, да... За это тоже... Но... — она вздохнула и чуть боязливо улыбнулась. — Это я... Ну... Это я тогда бросила петарду к вам во двор... И я слышала, пострадала ваша собака... Я не хотела...

— Да, я понимаю, — кивнула я. — Ты ведь целилась в меня.

— Да, в смысле, нет... Но... Да... Да, прости. Прости пожалуйста... — в смятении проговорила Дана.

— Ну, прощать или не прощать, это Ника ещё подумает, — вмешалась Лерка. — Лучше расскажи ей то, что мне поведала.

— А, да... только... — Дана оглянулась по сторонам. — Нет ли у вас где места поукромнее?

Я не ошиблась с предчувствием. Мы сидели в моей комнате наверху. И слушали рассказ Даны. Дана сидела на краю моей кровати. Лерка стояла рядом со мной, сложив руки на груди. Я, опустив взгляд в пол, сидела в кресле возле компьютера и слушала.

И с каждым словом Даны в сердце стыла грусть и горький пепел оседал где-то в душе.

— Он познакомился со мной в одном клубе, — рассказывала Дана. — Подкатил весь такой из себя. Он был уверенным в себе, чуточку нахальным и заносчивым. Говорил,

смеялся, шутил... И ты знаешь, так хотелось верить ему, слушать его, просто быть с ним...

Я всхлипнула, судорожно вздохнула. Я не могла справиться с услышанным. Принять это... поверить... осознать...

— А потом, — продолжала Дана, — когда... ну...

Она опустила взор. Я увидела, что она уже давно плачет. Искренне, бессильно и отчаянно. Поникшая, опустошенная, разбитая... Тихо плачет от гадкой боли жесткой обиды, что до сих пор кровоточит растоптанными чувствами и уничтоженными мечтами.

Я смотрела на её слезы, сбегаящие по щекам. Дана мотала головой, убито глядя вниз, говорила, усиленно глотая свои слезы. Её губы подрагивали, а дрожащий голос понизился до безжизненного шепота. Её слова были наполнены неподдельным горьким сожалением. Сожалением от неисправимой ошибки и подлого, мерзкого обмана.

— Я потом... потом случайно узнала, — прошептала Дана, едва слышно, — что он... так развлекается... Это игра... Для него это такая игра. забава... понимаешь? Поспорил он просто... Как на... Она зло, через слезы улыбнулась и подняла меня заплаканные глаза.

— Как будто я вещь какая-то... Как? Зачем? Я ведь... Я ведь с ним была... Хотела быть, хотела чтобы мы... а он... А он мне потом сказал... Типа... Вы мне вообще противны... Говорит, что вы... — она громко шмыгнула носом. — Вы все твари, продажные и жадные... Ничего в вас настоящего нет... Только и ищите типа, где выгодно... Типа мы... Мы все знаешь... Какие-то просто шлюхи в его глазах... И нам вообще больше ничего не надо...

Я встала с кресла, подошла к окну, взглянула туда, на город, на улицы и дороги. По моим щекам против воли, щекоча кожу щек, робко скатывались слёзы. Я невидящим взором смотрела перед собой, и слева в груди разрасталась втягивающая, тонущая, болезненная тяжесть. Отзвуки слов Даны гипнотически звенели в голове. Гнетущая тяжесть холодными цепями опутала душу, обвила и стиснула сердце, словно не желая, чтобы оно дальше билось.

Сердце стучало тяжело и часто, словно надеясь разорвать эти цепи открывшейся лжи, вырваться из них и упорхнуть туда, где всё ещё было хорошо. Туда, где ложь ещё была не известна... Сердце жаждало жить во лжи. Сладкой и приятной. Оно, как и я, не желало знать мерзкой правды. Оно, как и я, хотело чувств, эмоций. Хотело гореть и любить, а не тлеть и ненавидеть...

— Эй, Роджеровна... — Лера подошла сзади, осторожно коснулась моего плеча.

Я не оборачивалась. У меня надломились губы и я, закрыв глаза, зарыдала, потеряв силы и осознав, что Дана говорит правду.

Спор... Это был просто спор... Спор на меня, как на... как на вещь.

Вот я для него кто... Спор... Господи, спор... Обычный, азартный спор... Да ещё с кем! С нашими же хоккеистами... Я вспомнила их улыбки, их взгляды, когда они наблюдали за нашей тренировкой.

Они всё знали, знали и радовались. Обсуждали, смеялись, спорили, как быстро Мирону удастся...

— Эй, Роджеровна... Ты что... — Лерка приблизилась, сжала мое плечо.

Я закрыла глаза, чувствуя горячие слезы под веками.

— Всё хорошо, Лер... — чуть осипшим голосом, слабо ответила я. — Всё хорошо... Я всё поняла...

Странно, но не было желания падать на колени и рыдать. Я не знаю. Я не могла этого объяснить. Может быть, я просто устала рыдать и плакать? А может... Я не знаю! Я думала о Мироне, думала о его глазах, вспоминала его слова и улыбку. И терпела через силу, тихо

истекая одинокими слезами, терпела скручивающую меня изнутри боль предательства и обмана. Боль внезапно распавшихся и осыпавшихся, как песок, моих мечтаний... Тех мечтаний, где мы вдвоем, где мы счастливы быть вместе, счастливы видеть друг друга и просто смотреть глаза в глаза... Счастливы быть свободными, любимыми, беззаботными и...

И всё это тлея, сгорало в открывшейся истине. Всего этого больше не было. Да и не могло быть... Это я что-то напридумывала себе, размечталась тоже... Поверила... посмела... полюбила...

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть восьмая.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Пятница, 14 августа

Он открыл глаза и с недоумением уставился в потолок. Голова трещала, виски словно чем-то медленно, немилосердно сдавливало. Неприятная мягкость и вялость распространялась по телу. Касьян с трудом поднялся, окинул комнату осоловевшим взглядом.

Что вчера было? Где Марк и Ким... Вчерашние события бурным водопадом заполнили его сознание. Касьян резко выпрямился.

Фотографии! Эта мысль сверкнула и зажглась в его голове ярким, мерцающим огнем. Он бросился к ноутбуку.

Они вчера провернули дело. Они с Кимом и Марком угнали кадиллак Платона и получили его диск с фотографиями! Каменев включил свой лэптоп. Открыл папку с фотографиями. Он пробежал глазами по открывшимся иконкам. Развернул фотографии в полную величину, пролистал.

— Отлично, — восторженно улыбаясь проговорил он. — Отлично. Боже, да!

Он знал. Он верил, несмотря на то, что его уверенность большей частью строилась на его догадках. Но оказался прав. Платон Плансон действительно обладал горячими и даже развратными фотографиями жен нескольких политических, общественных и финансовых деятелей, что поддерживали оппозицию нынешнему правительству.

Обнаженные жены депутатов и крупных предпринимателей с известными именами представляли на снимках в более чем красноречивых образах и позах. Тут вам и BDSM сцены и намек на групповые оргии.

Разумеется, Касьян провел кое-какую цензуру и совсем уж откровенные снимки он сразу же отбрасывал. «Философский проспект» — уважаемое издание и не станет печатать всякого рода порнографию. Даже с женами политиков. Да и Касьян до такого не опустится. Он выбрал фотографии, на которых лица порочных жен отлично видны, и благодаря антуражу не остаётся никаких вопросов относительно того, кто и чем иногда занимается в свободное время. Но при этом все снимки были относительно приличные, и никаких обнаженных интимных частей тела там не мелькало, ибо это конечно же было строжайшее табу.

Но каковы чертовки, думал Касьян, это же надо!..

Касьян почувствовал уже знакомое приятное, чуточку лихорадочное волнение. Предвкушение громкого успеха. Он не удержался, отыскал бутылку вчерашнего коньяка и плеснул себе совсем чуть-чуть. Вдохнул запах напитка. Ах, он пах победой и его личным триумфом!

Да-а... Он смог... он сделал. Его статья выйдет. Всё, хватит торжествовать. Пора доводить дело до конца! Текст статьи уже давно готов, осталось только подобрать нужные фотографии, отредактировать текст в соответствии с нужными изображениями и... Можно нести на оценку Лукьяну.

То-то Курбатов утрется, когда Касьян пришлет ему свою готовую шокирующую и ошеломительную статью.

Каменев не мог удержаться и без конца представлял, какой бомбовый резонанс вызовет его статья в российской общественности!

Нужно будет прикупить парочку новых костюмов для интервью на «Первом», «ТНТ», «НТВ», «СТС» и других каналах. И конечно же с ним захотят поговорить иностранные СМИ BBC, CNN, Boston Globe, Le Figaro, Der Spiegel и другие.

От этих мыслей Касьяна буквально переполняло захлестывающее беспокойство. Беспорядочные мысли перетекали одна в другую. Он не мог прекратить мечтать и представлять, как блистает в эфире тех или иных каналов. О, да... Эта статья принесет ему колоссальный успех. В этом даже не приходится сомневаться.

Касьян несколько часов просидел неотрывно, погрязнув в работе над статьёй. Он в тысячный раз перепроверил текст. Попробовал на вкус все ключевые фразы, обороты и заявления. Посмеялся собственному завуалированному колкому юмору.

Людам понравится... Примерно в четыре часа дня он был готов лично отвезти статью Лукьяну.

Переодевшись, приведя себя в порядок, он уже собрался выйти из дома, как внезапно почувствовал боль в голове и ломоту в висках. Его затошнило, он начал оседать на пол, но сумел добраться до дивана. Дрожащей рукой Касьян достал мобильник и набрал номер скорой помощи.

Они не замедлили явиться. Двое врачей, женщина и мужчина в синей униформе вошли в его квартиру. Оба украдкой косились по сторонам. Квартира Касьяна всё ещё носила следы кошмарного хаоса, который учинили здесь люди Плансона. Небошь, те же самые, что вчера напали на Кима и Марка, когда те пытались угнать автомобиль фотографа.

Из двоих врачей, собственно врачом был только мужчина. Женщина лишь помогала. Мужчина, представившийся Эльдаром, осмотрел Касьяна, померил давление и, опросив его, сделал назидательный выговор:

— После того, что вы пережили, Касьян, вам бы надлежало оставаться в больнице до полного выздоровления!

— У меня нет на это времени, — глядя в потолок, ответил Каменев. Постепенно ему становилось лучше. Действовал укол, который поставил ему доктор. Врач также сделал перевязку голову Касьяна и сообщил, что, на удивление, его раны очень хорошо заживают. Но надо обязательно сделать новый рентген, энцефалограмму и, возможно, МРТ.

— Как только закончу дела, сразу же всё это сделаю, — заверил врача Касьян.

Тот посмотрел на него с сожалением.

— Вы простите, конечно, но вы бы сперва думали о здоровье. А дела в любом случае подождут. Вы точно отказываетесь от госпитализации?

— Да, — Касьян был непреклонен.

— Тогда вот здесь подпишите, — недовольно хмуря лицо, сказал врач и протянул ему распечатанное заявление.

Когда медики скорой помощи уехали, Касьян ещё около часа пролежал на диване. Но

затем, собрав все силы в кулак, вызвал такси и всё-таки приехал в офис журнала «Философский проспект».

Пока он шёл по коридору родного издания, многие одобрительно улыбались ему в лицо. Кто-то хлопал по плечу. Некоторые с неподдельным доброжелательным видом останавливались и любезно спрашивались о его самочувствии.

Остановившись перед дверью с надписью «Главный редактор», Касьян помешкал немного и постучал. Никто не ответил. Каменев постучал ещё раз. Затем подергал ручку двери.

— Что, уже не терпится войти в свой будущий кабинет? — раздался за его спиной дружелюбный голос.

Касьян обернулся. К нему, доставая ключи, подошел Лукьян Курбатов, главный редактор журнала «Философский проспект».

— Я вообще-то никогда не зарился на твое место, Лукьян, — с прохладой в голосе ответил Касьян. — Меня вполне устраивает и моё.

— Ай, — скривился Курбатов, открывая дверь. — Не скромничай, Каменев. Кому, как не тебе, занять это место, когда я уйду.

Эта новость просто разорвала сознание Касьяна. Каменев на несколько мгновений замер, обратившись в живую статую. У него перепутались все мысли в голове, он забыл, что собирался говорить и делать. Он пребывал в полнейшем смятении и шоке.

Лукьян шутит? Опять издевается над ним? Или... Или это правда? Каменев боялся в это верить. Это не могло быть правдой... нет... Не может быть...

Лукьян вошел в свой кабинет, бросил ключи на стол.

— Заходи, чего ты встал, как неродной, — бросил он приветливо.

Касьян, помешкав, настороженно глядя на руководителя, неторопливо вошел. Он пока не мог взять в толк, что вообще такое происходит. И что случилось с Лукьяном? Где обычная, свойственная Курбатову ядовитая насмешка и издевательская ухмылочка, с которой он ходит. Где его высокомерный тон и холодная колкость? Что с ним произошло?

— Я... — Касьян прокашлялся. — Я в общем-то... Вот.

Он положил на стол перед Курбатовым флеш-накопитель.

— Здесь статья.

Лукьян посмотрел на флешку. Вскинул брови, взглянул на Касьяна.

— Вау... — после паузы сказал он. — Что, та самая? Неужели ты уже закончил?!

— Да... Вот буквально сегодня...

— Касьян, ну это же потрясающая новость! — воскликнул Лукьян и открыто, счастливо улыбаясь взяв флешку, вставил её в гнездо своего Macintosh.

Касьян ждал, гадая что за невероятная метаморфоза приключилась с главным редактором. Его словно заколдовали или подменили. Но, первое невозможно, а второе трудно выполнимо. Из всего этого следует, что перед ним всё тот же Лукьян Курбатов, которого он знал все эти годы. Сказать, что Касьян пребывал в полнейшем замешательстве, значит не сказать и половины того, что он сейчас ощущал.

— Блестяще! — просмотрев статью Каменева, объявил Лукьян. — Ты, как всегда, на высоте! Это блестяще, Касьян! Это просто... прости меня...

Он развел руки и с улыбкой, чувственно выдал:

— Это ох***но! Вот честно! Всё, как есть...

Лукьян неподдельно радовался и улыбался. Его глаза сияли восторгом, а его улыбка

излучала бесконечную счастливую эйфорию.

Касьян не верил ни глазам, ни ушам. Если бы он не знал Лукьяна, он бы подумал, что тот объелся каких-то наркотических препаратов.

Чем-то другим то, что с ним происходит, просто нельзя объяснить.

— Значит... — осторожно проговорил он. — Значит, ты готов её напечатать?

— Да, да, да!!! — вскричал Лукьян и встал из-за стола. — Конечно, Касьян! Дорогой!.. Ты же... Помяни мое слово, твоя статья принесет тебе и всему нашему изданию истинно феерический успех.

Тут он лукаво подмигнул остолбеневшему Касьяну.

— Уж эта статейка разворошит нашу дорогую политическую элиту, — он не скрывая своего удовольствия, с восторженным предвкушением потёр ладонями друг о друга.

— Следующий номер выходит в понедельник, — объявил Курбатов. — Так что тебя с твоей статьёй поместим аккуратно на первую полосу. Поздравляю!

Тут он сделал такое, от чего у Касьяна едва не случился полномасштабный когнитивный диссонанс. Он взял его за плечи и обнял... Лукьян Курбатов, тот самый Лукьян Курбатов, который вселял рабелепный ужас в нерадивых сотрудников и всегда слыл язвительным, заносчивым любителем унижить чужое самолюбие.

Тот самый Лукьян Курбатов, что мог уволить человека просто за неподходящий к костюму цвет галстука. Лукьян Курбатов, который мог заставить беременную женщину выйти на работу в выходной день. Тот самый Курбатов, который не упускал ни единой возможности поддеть его, Касьяна, сейчас крепко обнимал его.

Это уж было слишком.

— Э-э... Лукьян, — протянул Касьян.

— Да? — Курбатов отпустил подчиненного.

— С тобой... с тобой все в порядке? — осторожно спросил Касьян.

— После твоей-то статьи? Ещё бы! — всплеснул руками Курбатов.

Он обошел стол, сел в свое кресло.

— Ты отлично поработал, Касьян. Думаю, перед тем, как заступить на новую должность, можешь взять отпуск. Ну, разумеется, после всех интервью, на которые тебя без сомнения позовут, после шквальных реакций наших читателей.

— То есть... Ты хочешь сказать... — Касьян не мог заставить себя поверить в это и тем более произнести. — Ты хочешь, чтобы я... был главным редактором? Ты серьезно?! — Да, чёрт побери! — усмехнулся Лукьян. — Или ты против? Ты не можешь отказаться. Просто кроме тебя некому, Касьян! Ты, как никто, этого заслуживаешь!

Каменев готов был впиться зубами в собственную руку и как следует укусить себя, чтобы точно увериться, что он не спит. Но, кажется, это была реальность... Это было наяву.

— Ладно... — сказал он. — Я тогда... пойду?

— Конечно! А, да... Вот! — Лукьян взял со стола свои ключи от кабинета и бросил их Касьяну. — Теперь это твоё.

Касьян взглянул на ключи в своей руке. Когда-то он бы многое отдал, чтобы эти ключи принадлежали ему. А сейчас он был слишком потрясен, чтобы радоваться.

— Спасибо... — пробормотал он смущенно и вышел из кабинета главного редактора.

В коридоре стоял шум. Сотрудники журнала звонили, ругались, разговаривали, беседовали, стучали пальцами по клавиатуре.

В офисе издания кипел обычный рабочий день.

Чтобы прийти в себя, Касьян спустился вниз и зашел в уютный рестораник на противоположной улице. Он заказал себе кофе и кусочек торта терамису.

— Что ж с ним такое? — пробормотал Касьян.

Он отпил кофе. Произошедшее в кабинете Лукьяна не шло у него из головы. Он до сих пор был под впечатлением и не мог осознать случившееся в полной мере.

— О, Касьян! Привет!

Он вздрогнул, отвлекся от мыслей и взглянул на девушку, что стояла возле его столика.

Это была золотоволосая девушка в легком, светло-бирюзовом платье baby doll. Она обладала приятной естественной красотой и доброй, милой улыбкой. Её голубые глаза задорно глядели на Касьяна.

— Как твоя рука? — спросила она, кивнув на его левую руку в биндаже. — Я слышала, ты вернулся. Не против, если я присяду?

— Привет. Конечно, присаживайся, — кивнул Касьян.

Это была Мила Бондаренко. Довольно успешная журналистка с колонкой про светскую жизнь кинозвезд и эстрадных артистов.

В последнее время она занималась тем, что донимала одного из столичных рэперов, пытаясь узнать, с кем он был в Монако.

Ходили слухи, что она иногда спит с теми, у кого берет интервью.

Причем, не только с мужчинами. Но это все не отменяло того факта, что Мила являлась самой желанной девушкой во всей редакции. Даже Лукьян за ней ухлестывал, пока она прилюдно его не отшила.

И Касьяну было крайне удивительно, что она обратила на него внимание. Они, конечно, общались и довольно часто. Но близкими друзьями они никогда не были. Хотя... Конечно же, он бы был совсем-совсем не прочь.

— Я, в общем-то, и не собирался никуда уходить, — заметил Касьян.

— Но ты же попал в аварию, — Мила властным жестом подозвала официанта.

Когда молодой парень угодливо склонился перед ней, она заказала зеленый чай и фруктовый десерт.

— Ну и что, — улыбнулся Касьян и отпил кофе. — Разве это повод откладывать работу? Он пожал плечами. Мила улыбнулась ему. Несколько по-другому.

— Да... — проворковала она. — Действительно. Слышала, ты уже сдал статью Лукьяну?

— Слухи поразительно быстро расходятся, — покачал головой Касьян.

— О тебе? Ещё бы! — хохотнула она.

Звук её смеха отозвался приятной, легкой дрожью, пробежавшей по коже шеи и спины Каменева. Касьян расправил плечи, ещё раз отпил кофе. Сердце в груди начало отбивать волнительный, но победный марш. Он каким-то шестым чувством понимал, что Мила оказалась за его столиком не просто так. Вполне возможно, она уже знает о неожиданно бурной, положительной реакции Лукьяна на его статью. А также о том, что он в скором времени займет должность главного редактора.

И кажется, ушлая девочка, решила воспользоваться удобным случаем. Хм, подумал Касьян, улучив момент и бросив беззастенчивый взгляд в вырез летнего платья Милы, почему бы мне не позволить ей завоевать расположение будущего главного редактора.

Они разговорились и, хотя темы были отвлеченные, Мила несколько раз тонко намекнула на то, что Касьян с учетом новых обстоятельств может рассчитывать на нечто

большее, чем просто дружбу и общение.

И Каменев не замедлил правильно истолковать эти намеки.

Они поехали к ней. В её же машине. Мила отправилась в душ, а Касьян начал поспешно раздевался, отчаянно пытаясь справиться с одеждой одной рукой. Он не успел. Когда Мила вышла из душа, замотанная в одно полотенце, он ещё был в одном носке, трусах и рубашке.

Она помогла ему избавиться от остальной одежды, и когда он уселся на кровать, сама двумя руками взялась за его трусы-боксы.

Хищно, многообещающе улыбнувшись, Мила, глядя в глаза Касьяну, сняла с него последнюю часть одежды.

В следующий миг она скинула полотенце, бросила на кресло рядом и толкнула Касьяна в грудь. Каменев послушно упал на спину в объятия постели Милы. А её владелица покрыла его лицо поцелуями и позволила утонуть в её пылкой, страстной и бесконечно жадной любви.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 14 августа. Примерно то же время, что и выше.

Дядя Сигизмунд выглядел мрачным, недовольным и угрюмым.

Под глазами у него залегли мешки. На костяшках его пальцев я заметила свежие ссадины. Но спрашивать о том, что случилось, не стала. Что-то мне подсказывало, что это будет лишним. Мы сидели в комнате свиданий, в Строгинском ОВД. Кроме нас здесь больше никого не было, остальные пять столов пустовали.

— Как там мастерская? — спросил дядя со вздохом. — Следишь за порядком?

Я кивнула.

— Сегодня уволила двоих сотрудников.

— Вот как... — ухмыльнулся он. — За что?

— Отлынивали от работы, — просто ответила я.

— Нахамили тебе? — с усмешкой кивнул дядя.

— Немного, — соврала я.

— Правильно сделала, что уволила.

— Спасибо.

Мы опять замолчали. Странно, но вот в такие моменты, а это, к сожалению, не первый случай, когда мы общаемся в такой обстановке, я не всегда знаю, как и что мне говорить. Вообще чувствую себя крайне неловко и растерянно. Ну что тут скажешь? Моя жалость дяде не нужна, его это только разозлит. Обсуждать случившиеся он тоже явно не настроен. Не придумав ничего лучше, я спросила:

— Как вы... тут?

Дядя, глядя в стол, поднял меня взгляд темно-голубых глаз и фыркнул.

— Как... — проговорил он. — Нормально. Спать есть где, жрать дают, туалет... не самый вонючий.

— Понятно, — сжато проговорила я, отчаянно жалея, что спросила.

Мы посидели так ещё несколько минут. Дядя прокашлялся.

— Мужики не спрашивали, где я?

— Спрашивали, — грустно вздохнула я.

— И что ты?

— Сказала, что вы в срочной командировке.

Дядя Сигизмунд фыркнул, осклабился.

— Могла бы что-то и пооригинальней придумать! — он покачал головой.

Я стыдливо опустила взор. Ну, вот... выходит я и тут напортачила. Ведь действительно можно было придумать что-то другое. Кто поверит в очередную «командировку» дяди Сигизмунда?

Ну и дура же я!

— Ладно, не напрягайся, — дядя протянул руку и похлопал меня по руке.

Тут же раздался звонкий удар по решетчатой двери.

Я вздрогнула. А зычный, властный голос крикнул:

— Лазовский! Убрал руки!

Дядя Сигизмунд сжав зубы, медленно обернулся и смерил тяжелым взглядом боевитого, рослого охранника. А у меня перед глазами промелькнули воспоминания дяди Сигизмунда. Я охнула от ужаса, увидев, какую жуткую драку с сокамерниками устроил вчера мой дядя. Он разбил голову одному, сломал табурет об хребет другого, раздал всем, кому смог в челюсть, но и сам получил ножкой табурета по ребрам.

— Э, ягодка... — дядя Сигизмунд, игнорируя охранника, сжал мою руку своей огромной ладонью. — Всё будет хорошо.

Он улыбнулся мне и кивнул.

— Скоро увидимся.

Потерявший терпение охранник, вошел в комнату и объявил:

— Лазовский! Свидание окончено из-за нарушения правил! На выход!

Я посмотрела на охранника. Он взглянул на меня. Я не старалась скрыть своего испепеляющего взгляда.

Да мой дядя сложный человек. Я знаю. И что упекли его сюда за дело, я тоже знаю и согласна. Но он — мой дядя, и я всегда буду на его стороне!

Из полицейского отделения я вышла крайне раздраженная поведением некоторых служащих полиции и отягощенная жалостливыми мыслями о дяде. Ко всему прочему меня настигли десятки или даже сотни шумных воспоминаний, которые невидимыми призраками порхали в стенах полицейского участка.

О-ох, Святая дева Мария... Чего там только не было! Избиение жены, групповое изнасилование, поножовщина, пьяная драка, перестрелка, неудачное ограбление, наезд на пешеходов... Господи, почему эти люди ещё в ОВД, а не в тюрьмах! Помимо этого, я увидела несколько воспоминаний самих полицейских. Разгон неправомерных и бесполезных митингов, выслушивания жалоб свидетелей, опрос очевидцев, допрос подозреваемых, следственные эксперименты.

Воспоминания из полицейского участка преследовали меня на протяжении всей дороги до «Княжеского» спортивного дворца.

На пути ко дворцу я несколько раз пробовала набрать Стаса, но он не отвечал. Прекрасно. Похоже, моему дяде придется оставаться в застенках полицейского участка в ближайшие дни, так точно.

Мелькнула мысль обратиться за помощью к начальнику Стаса, Аспирину, но... Я не знала, как он отреагирует. Да и станет ли вообще помогать. Не знаю, что мне делать. Пока что все-таки попробую связаться со Стасом. Попозже. Ещё раз. А сейчас у меня намечено

серьёзное дело, связанное с восстановлением должной справедливости.

Переступив родной порог дворца сегодня, я ощутила колышущееся внутри пугливое и тревожное чувство. Оно комкало внутренности и сжимало легкие. Росла частота пульса, нарастало стрессовое чувство.

Сегодня я и Дана должны были поставить Мирона на место и показать ему, как глубоко он заблуждался в уверенности своей безнаказанности за то, что наделал и за то, что собирался сделать.

Да и, вообще, он просто заслужил наказание. Не знаю, как насчет физического, но уж моральное точно.

Как и было оговорено заранее, я взяла себе чай, пару диетических печенек (настоящие сладости я здесь никогда не беру, Мег увидит — просто загрызет на месте). Я выбрала один из столиков у окна.

В кафе было пустовато. Ещё было довольно рано. И посетителей было не так уж много. Всего-то пять человек, кроме меня. Трое мальчишек лет десяти и две взрослых женщины, которые что-то возбужденно обсуждали в дальнем углу. Работницы кафе, пока не было работы, хвастались друг перед другом фотками из инсты.

Тут в кафе вошла Дана. Она была черных ультра скини, светлых кедах и длинной джинсовой куртке, поверх белого топа.

— Привет, — сказала она, усевшись на стул рядом со мной и сложив на колени черный кожаный клатч.

— Здравствуй, — сдержанно поздоровалась я.

Она вздохнула.

— Слушай... Насчет петарды и того случая на улице... Мне стыдно. Вот правда... Я плохо поступила.

Было видно, как тяжело ей признавать неправоту и просить прощения.

— Да ладно, — вздохнула я. — Давай забудем об этом.

— Серьёзно? — она чуть откинулась на стуле и подняла ладони. — Ты не дуешься?

— Нет, — устало улыбнулась я. — Всё нормально... Правда.

Не знаю, может быть, я слишком мягкотелая, может быть Лерка права, и я чересчур отходчива, но... За редкими исключениями, я не могла себя заставить долго злиться на людей. Даже на тех, кто пытался мне навредить. Нет-нет, я не строю из себя святошу или какую-то блаженную, просто... Я не знаю даже, я не нахожу сил злиться на них. То есть да... Сначала, когда эмоции плещут, я, наверное, могу быть резкой и даже швырнуть чем-то тяжелым в экстренных ситуациях, но таить злость, вынашивать месть, ой нет... фу...

Даже противно думать об этом! Зачем?! Что мне это даст?! Облегчение?! Ха! Нет... Тогда, зачем? Просто, чтобы не остаться в долгу?.. Сомнительный повод. Да и твои недруги гораздо больше пострадают, если ты просто забудешь об их существовании, перешагнешь и пойдешь дальше.

Я, может, и неправа, это лишь мое мнение, но я искренне считаю, что тратить время и усилия, чтобы отомстить человеку за какую-то там пакость — редкая глупость. Исключения составляют только по-настоящему ужасные поступки... Да и то месть за них все так же не принесет вам никакого облегчения. Если и стоит, так только ради торжества справедливости.

Но уж мстить Данае за петарду и тех парней... Может быть и стоило, я не знаю. Но я не буду. Правда. Тем более сейчас то уже чего...

— Смотри! — Дана ткнула меня в руку, вырывая из задумчивости.

Я посмотрела, куда она указывала. В здание дворца вошел Мирон.

— Ну что, действуем по плану? — обернулась она ко мне.

Я посмотрела в её горящие глаза. Господи, как ей не терпится отомстить Мирону. Но я увидела её воспоминание, о чем она никак не могла догадаться, и прекрасно знала, что на секс с Миронем она согласилась едва ли не сразу, без предисловий. Но это не отменяет факт вины Мирона.

— Давай, — сказала я бесстрастно.

— Ага, — Дана подскочила и убежав, скрылась за дверями туалета.

Я опустила взгляд на чай, отпила, посмотрела в окно. Я знала, что сижу на видном месте, и Мирон сразу меня увидит.

Он увидел. Подошел к столику и добродушно произнес:

— Привет.

Я подняла на него взгляд. Сегодня Мирон был в синей футболке, спортивных шортах и кроссовках. За спиной у него висела его спортивная сумка.

— Ты вчера написала, что хочешь встретиться, — сказал он и уселся напротив меня. — Скучала? Только честно?

— Безумно, — ответила я, глядя в его серо-зеленые, смеющиеся глаза.

— А чего без настроения, принцесса? Что случилось?

— Ничего, — неумело солгала я.

— Так, — Мирон перестал улыбаться и попытался взять меня за руку.

Но я показательно отстранилась. И откинувшись спиной на спинку стула, сложила руки на груди. Я смерила парня изучающим и осуждающим взглядом.

— Мирон... До меня дошли определенные слухи, — сказала я.

Он заметно насторожился. А, подумала я, занервничал... подлец.

Я не собиралась наслаждаться его унижением, и мне совсем не нужно было, чтобы он бесконечно извинялся передо мной.

Но я хотела, чтобы урок он усвоил и запомнил.

— Какие же слухи ты узнала? — голос его чуть изменился.

— О твоих бывших девушках, — ровным, холодным голосом проговорила я.

— И что? — усмехнулся он. — Да ты у меня не первая... Ты удивлена что ли?

— Нет, я удивлена другим, — вздохнула я, глядя на подходящую из-за спины Мирона Дану.

— И чем же? — его красивые брови изогнулись, выражая недоумение.

— Тем, как ты поступаешь с девушками, Мироша, — подошедшая Дана хлопнула парня по плечу и упала на третий стул между нами.

Мирон несколько мгновений сидел, проглотив язык. Вид у него был удивленный и настороженный.

— Ника, что здесь происходит? — спросил он. — И что она здесь делает?

— Она? — я посмотрела на Дану. — А что вы знакомы?

Он посмотрел на меня. Затем на Дану. Снова на меня и опять на Дану. Признаюсь, наблюдать за его растерянностью было приятно. Без своей обычной спеси он выглядит совсем не таким уверенным мачо.

— Что ты ей наплела? — враждебно глядя на Дану, спросил он.

— Рассказала ей правду, — проговорила в ответ Дана, и глаза её чуть сузились.

— Правду? — переспросил он. — Какую правду? Ты сама ко мне в штаны полезла!

— Враньё! — Дана стукнула кулаком по столу. — Ты на меня поспорил! Со своими дружками! Что, не так?! Ну?! Поспорил, что ты... Короче, ты понял!

На нас начали поглядывать люди, и я жестом попросила Дану чуть успокоиться. Мирон замер с приоткрытым ртом, ошарашенно глядя на Дану. Затем несмело взглянул на меня. Я тяжело сглотнула.

— Говори, Мирон, — попросила я тихо. — На меня ты тоже поспорил? С парнями из «Городских соколов»? Да? И с кем? Рюминым и Домославом? Верно?

Я знала, что если кто и мог заключить такое мерзкое, подлое и гадкое «пари», так это те двое особо озабоченных индивидуума.

— Ника... — он нервно улыбнулся. — Я... Слушай...

— Тебе задали вопрос, — процедила Дина. — Отвечай!

Мирон свирепо выдохнул через нос. Затем встал из-за стола.

— Я не буду говорить при этой потаскухе...

— Кого ты назвал потаскухой, козёл?! — возмутилась Дана. — Да ты...

— Тише, вы! — чуть поморщилась я, кладя руку на плечо Даны. — А ты успокойся.

— Ты с ней, — Дана качнула головой в мою сторону, — хотел поступить, так же, как со мной! Что неправда?! Ты поспорил со своими дружками из хоккейного клуба, что опрокинешь её! Что, не так? Да?! Хотел поступить с ней, как со мной!

От этих слов я почувствовала себя жутко неловко. Стыд заставил меня всю внутренне сжаться. Отчаянно хотелось закончить всё это.

— Ты себя-то с ней не сравнивай, — едко усмехнулся он. — Посмотри на неё... А теперь на себя.

Он презрительно оскалился, сжигая Дану взглядом. Затем посмотрел на меня.

— А с тобой мы поговорим позже...

— Не о чем нам говорить, Мирон, — устало ответила я и взяла свою спортивную сумку. Я вынула кошелек, расстегнула его и положила на стол пару купюр.

— Вот. Держи. Это тебе.

— Что это? — скривился он и недоуменно посмотрел на меня.

Я снова тяжело сглотнула и, глядя ему в глаза ответила:

— Вернешь друзьям проигрыш, — я кивнула на деньги на столе. — И извинишься, что не справился.

Я встала из-за стола и молча направилась прочь.

— Козёл! — бросила Дана и поспешила следом за мной.

Мирон остался стоять у стола, угрюмо глядя на брошенные мной деньги.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 15 августа. Екатеринбург.

Неприветливый порывистый ветер дул лицо. Ветер поднимал с земли сухую, горькую пыль, швырял в лицо идущему по тротуару Корнилову. Порывы ветра содержали в себе смесь запахов бензина, парфюма и свежей выпечки из ближайшей булочной. Стандартный запах современного мегаполиса.

Стас шел мимо потока прохожих, вдоль шумной дороги, с бесконечным автомобильным

движением. В беспроводном микронаушнике в левом ухе звучал голос Николая Домбровского.

— Так, теперь тебе налево, там увидишь большой супермаркет «Елисей».

— Вижу, — ответил Стас. — Дальше, куда?

— Проходи мимо. Сейчас слева должен быть салон красоты и сервис сотовой связи...

— Да, есть, — Стас как раз поравнялся с салоном, дошел до отделения «МТС».

— Дальше винная лавка и пиццерия.

— Есть... Да, я вижу. Несколько автомобилей такси, чуть подальше от автобусной остановки, — проговорил Стас. — У Кастамарова желтая Хонда...

— Да. Сейчас я отгоню остальных таксистов, — усмехнулся в наушнике голос Домбровского.

— Давай, — кивнул Стас.

Он остановился в нескольких десятках метров от стоянки такси.

Сегодня он должен был изображать офисного работника, опаздывающего на встречу с партнёрами. Стас был одет, как типичный представитель офисного планктона. Светлая рубашка, полосатый галстук и темные брюки. Рубашка немного перекошена, а волосы на голове взъерошены, чтобы продемонстрировать лихорадочную спешку.

Стас то и дело поглядывал на часы, поблескивающие на левом запястье. В правой руке он держал черный, кожаный портфель.

Он постоял так несколько минут, изображая отчаянную нервозность.

Такси со стоянки внезапно начали отъезжать одно за другим. У них внезапно появились «вызовы».

Стас следил за ними украдкой, делая вид, что занят своими мыслями.

— Всё, — раздался в наушнике голос Николая Домбровского. — Можешь идти. Помнишь? У него желтая Honda Civic.

— Да, — ответил Стас.

— И будь осторожен.

— Лучше отсчитывай сумму от жалования, на Hennessy, — бросил Стас.

— Я тебе хотел сказать то же самое, — ответил Домбровский.

Корнилов фыркнул, покачал головой и, ещё раз взглянув на часы, направился к машинам такси. Желтая Хонда стояла первой на очереди.

Стас специально шел чуть ссутулившись и при этом шагал нервно, неестественно широко и быстро. На его лице замерло сосредоточенное, удрученное выражение. Он подошел к желтой Хонде, наклонился, постучал в окошко и открыл дверцу. За рулем Хонды сидел темноволосый мужчина в белой майке с логотипом и потертых джинсах. В салоне пахло сигаретами и дешевым ароматизатором.

— Добрый день, — произнес Стас и позволил голосу чуть дрогнуть.

Мужчина уставился на него. У него была подковообразная борода, темно-карие глаза и густые темные брови. Темные волосы он щедро умащивал гелем и зачесывал назад. Наверное, так он казался себе особенно крутым.

— До аэропорта сколько? — спросил Стас.

Таксист окинул Стаса чуть насмешливым взглядом и пожал плечами.

— Восемьсот, — ответил водитель хонды.

— Как скажете, — покладисто согласился Стас.

Разумеется, он понимал, что Кастамаров берёт с него втридорога. Ведь было слишком

очевидно, что он не местный. Стас не возражал. В конце концов в аэропорт им нужно обоим. Просто Кастамаров пока ещё этого не знает. Стас сел рядом с водителем.

Ильгиз завел мотор. Хонда издавала приятное, ласковое рычание.

Они двинулись вперёд, миновали бульвар с магазинами, выехали на широкий проспект.

Стас отстранено глазел на городские высотки. Этот город серьёзно преобразился с тех пор, как он был здесь в последний раз. А это было, господи, почти двенадцать лет назад.

— Первый раз у нас, верно? — вдруг спросил Ильгиз.

Стас покосился на него. Сразу отметил обширную гиперемию и покраснение вокруг глаз. Плохая, шелушащаяся кожа с точками камедонов вокруг рта и носа. А когда Ильгиз улыбался, были очень заметны темные пятна зубных камней.

М-да. Ни внешность, ни манеры Кастамарова не производили приятного впечатления.

Они миновали несколько перекрестков. Корнилов пару раз отметил довольно серьезное превышение скорости. Похоже, Ильгиз заметил, как он реагировал, но истолковал это по-своему.

— Не любите быструю езду? — спросил он и ехидно осклабился.

— Предпочитаю поспокойнее, — сдержанно ответил Стас.

Разумеется, это было не так. Хоть в тачках Корнилов прежде всего ценил стиль, качество, надежность и комфорт, погонять даже на своем внедорожнике он был совсем не прочь.

В принципе, наверное, каждый водитель в той или иной степени любит скорость. Но числа на спидометре скорее зависят от законодательных ограничений и настроения.

Повернув возле местного цирка, они встали в плотном ряду автомобилей посреди длинной пробки.

— Так, сейчас... — Ильгиз огляделся и вдруг круто вырулил на тротуар, переехал на другую сторону, распугав пешеходов.

— А вы не боитесь... — начал Стас.

— Кого? Ментов? Неужели думаете меня буду преследовать за мелкие нарушения... Тем более все так делают.

— Вообще-то нет, — ответил Стас.

Кастамаров одарил его мимолётным изучающим взглядом.

Это взгляд очень ясно говорил: «Приехал в мой город, и ещё будешь меня учить?». Корнилову пришлось прикусить язык. Все-таки сейчас он затюканный офисный клерк, а не офицер Уголовного розыска.

Они свернули возле аптеки. Хонда разогнала, набрала скорость.

— Осторожно!!! — вскричал Стас.

Кастамаров вдавил педаль тормоза в пол. Стаса качнуло вперёд.

От капота затормозившей Хонды отскочила пара перепуганных девушек. Ильгиз счел нужным немедленно открыть окно и обругать девушек:

— Смотрите куда претесь, коровы пятнистые!

Девушки в ответ испуганно обернулись и поспешили прочь. Какая-то пожилая женщина заступилась за девушек.

— Сам-то смотри, как едешь! Пьяный что ли, или наркоман? Понакупят прав в переходах, а потом людей давят... Психопат!

— Поговори мне ещё, курица старая! — не остался в долгу Ильгиз.

Стасу очень хотелось приложить Ильгиза Кастамарова лицом об руль. Пару-тройку раз.

Да профилактики вежливости перед пешеходами и женщинами, в частности. Но он, конечно же, сдержался. Ещё не время.

— Вот же мерзкая кошелка! — негодовал водитель Хонды, выруливая в узкий переулок. — Ещё огрызается, паскуда!

— Да, да, — пробубнил Стас.

Он скосил глаза на шею Ильгиза. Там висел какой-то камушек на цепочке. Похоже на кулон каплевидный, зеленого цвета. Ну и зачем он такому человеку, как Ильгиз? Подарок? Слишком уж неприятно выглядит. Если не сказать дешево. Сувенир на память? Даже если закрыть глаза на хамство и общий внешний вид Ильгиза, на человека подверженного сантиментам он не тянет.

Нет, тут что-то другое. Например... Его попросили держать этот кулон при себе. Всегда, везде, с собой.

Стас отвел взгляд, посмотрел на дорогу. Впереди перед ними ехал маленький фургончик с логотипом строительной компании.

Корнилов размышлял.

А у Ильгиза вдруг зазвонил телефон.

— Кто там ещё? — недовольно проворчал он.

Однако взяв мобильник рук и взглянув на дисплей, он вдруг переменялся в лице. Быстро метнул взгляд на Стаса, затем снова на телефон и, явно с неохотой принял вызов.

— Да? Чего тебе? Что?!

Ильгиз скривился. Мимо них проехал красный внедорожник, из его окна что-то грубо поорал лысеющий мужчина средних лет. Кастамаров без предисловий показал ему известный жест.

— И нахрена? — спросил в телефон Ильгиз. Стаса немного напрягало, что Кастамаров ведёт машину одной рукой. Если бы это был кто-то другой, возможно, он волновался бы меньше. Но этот субъект ездит так, что только диву даешься, как он не попадает в аварии.

— У меня ничего нет, — Ильгиз снова бросил взгляд на Стаса.

Корнилов покосился на таксиста. А тот вздохнул.

— Ладно, ладно! Не надо на меня давить! Ясно?! Я понял... Хорошо... Да, жди.

Он дал отбой, в сердцах швырнул телефон на заднее сидение, и добавил несколько нелицеприятных выражений на своем родном языке. Затем прокашлялся. Покосился на Стаса.

— Это... Нужно будет заехать кое-куда... Но ты же не против, так?

— Э-э... — Стас для виду помешкал и тут же торопливо согласился, якобы испугавшись напора Ильгиза. — Конечно...

Ох, как же ему претило изображать прибитого, бесхребетного, податливого клерка с меланхоличным характером.

Надо было согласиться и отправить на это дело Колю. Тот и более subtilный, и ростом пониже. Он бы и внешне лучше подошел. Но Стас хотел сам. Он больше доверял своему чутью, вниманию и опыту.

— Это недолго, — пробурчал Ильгиз. Он свернул, они заехали в какие-то дворы. Проехали несколько кварталов. Местность за окном стремительно приобретала угрюмость и тусклость. Казалось, здесь даже солнце тускнеет.

Они остановились между длинным цементным забором, сплошь исписанным граффити и трехэтажным желтым зданием с проржавевшей пожарной лестницей на торце.

— Ща...я быстро, — отрывисто проговорил Ильгиз и достал из козырька пару маленьких пластиковых пакетов.

Стас вскинул брови. Кастамаров взглянул на него.

— Это порошок от... от аллергии.

— Я так и понял, — кивнул Стас.

Он не сумел скрыть елейности в голосе, и, кажется, Ильгиз это заметил.

— Подожди, короче, — Кастамаров вышел из автомобиля. Но отходить не спешил.

Неприметная металлическая дверь на первом этаже здания приоткрылась, и во двор вышли трое мужчин. Внешний вид всей троицы прямо указывал на их род деятельности. Бритоголовые, с каменными лицами и с одинаковыми татуировками на крепких шеях. У одного в руке была арматура, но он спрятал её за спину.

Второй держал правую руку под пиджаком, и Стас не сомневался, что там у него ствол. Только третий, одетый в черную майку и алый пиджак, командным жестом подозвал Ильгиза к себе.

Они о чем-то заговорили. Кастамаров протянул пакеты обладателю алого пиджака. Тот выхватил их и швырнул на землю. Затем что-то выкрикнул, тыча пальцем в грудь Ильгиза. Тот агрессивно отбросил его руку.

И в это мгновение с противоположного конца забора, сверкая огнями мигалок, резко заехали два полицейских автомобиля.

Ильгиз бросился обратно к такси. Троица ринулась в узкую дверь здания.

— Твою мать! — Кастамаров, едва оказавшись за рулем, резко сдал назад. — Держись!

Они выкатили на широкое шоссе. В них едва не врезался грузовик. Его водитель затормозил и возмущенно просигналил. Ильгиз, лихорадочно оглядываясь, стремительно выкрутил руль, развернул свою Хонду и резко дал по газам. Автомобиль рванулся вперед. Надсадно зажужжал мотор. Стаса вжало в сидение. Они неслись вперед, скорость росла, мимо мелькали улицы, дороги, пешеходы и другие автомобили. С нарастанием скорости город за окном размывало и смазывало.

А за ними следом звучали полицейские сирены. Стас бросил взгляд в боковое зеркало. Полицейские тойоты не отставали. Проворно и умело патрульные машины спешили за ними.

— Вот же упорные ублюдки! — выкрикнул в ярости Ильгиз выворачивая руль.

Стаса в салоне Хонды бросало из стороны в стороны. Автомобиль вилял на дороге, резко сворачивал, визжали покрышки, в воздухе висели десятки встревоженных сигналов других машин. Хонда Ильгиза, чудом не задев угол дома, резко свернула в узкий проулок.

Они пролетели мимо старой детской площадки. Их подбросило на неровностях дороги, салон как следует встряхнуло, Стасу показалось, что его сидение ожило и подобно норовистому жеребцу пытается сбросить своего седока.

Впереди из-за поворота внезапно выскочил полицейский автомобиль.

— Желтая Honda Civic! Патрульно-постовая служба Екатеринбурга! Немедленно остановитесь и заглушите двигатель! Повторяю...

— Да пошел ты, чертила! — брызжа слюной, выпятив глаза злобно вскричал Ильгиз.

Он был взбешен и напуган. Он крутанул руль вправо. Стаса бросило в сторону, он едва не приложился лицом о стекло. Они заехали на газон. Впереди показались люди.

— С дороги, грязные твари! — проорал Ильгиз, колотя ладонью по рулю.

Люди впереди разбежались. Только одна женщина, замерев в ужасе, глядела на несущуюся на нее Хонду.

Стас вцепился в руль машины, крутанул в сторону.

— Ты что ***ть!.. — вскричал Ильгиз и подавился.

Их занесло, Кастамарова ударило головой о водительскую дверцу. Он грязно выругался. Автомобиль ударился обо что-то. Стаса последний раз качнуло вперед и бросило назад. Мотор под капотом Хонды затих. Стас взглянул перед собой.

Лобовое стекло рассекли трещины, заднее вовсе лопнуло и частично осыпалось. Сквозь дыры в стекле салон заполнял сухой полуденный воздух.

— Полиция! Немедленно выйти из автомобиля с поднятыми руками! Кастамаров! Тебе некуда бежать! Выходи! Живо!

Стас поморщился. Говоривший явно не имел опыта переговоров с такими, как Ильгиз. Им нельзя приказывать, нельзя требовать и заставлять подчиняться. Это может кончиться или их гибелью, или гибелью... заложников.

Ильгиз быстро огляделся по сторонам. Стас отстегнул ремень безопасности. Кастамаров сунул правую руку под сидение. Стас не успел ничего сказать или предпринять, как Ильгиз поднял на него пистолет.

— Выбирайся из тачки! — с перекошенным от злобы лицом прорычал он.

Стас осторожно поднял ладони.

— Ты хорошо подумал? — спросил он, вскинув брови и выразительно глядя на Ильгиза.

Тот мгновение глядел на него. Затем чуть отвел пистолет и спустил курок. Грохнул выстрел. Стас вздрогнул, скривился, зажал уши.

Окно заazole него осыпалось звонкими осколками.

— Выметайся! Живо! — вскричал Ильгиз, и голос его сорвался на визг.

— Ладно... как скажешь... Только не пали, — Стас кивнул и осторожно, медленно выбрался из машины.

Солнце ударило в глаза. Он с прищуром оглядел двор. Хонда Ильгиза врезалась задней частью корпуса в кряжистое дерево, серьезно надломив его. Их окружили сразу четыре машины екатеринбургской полиции. А чуть дальше, традиционно, собрались кучки любопытствующих, с мобильными телефонами в руках.

Ильгиз, пытаясь, выбрался следом за Корниловым.

— Стас, что у вас там происходит? — внезапно раздался в наушнике голос Домбровского.

— Все по плану... — тихо ответил Стас.

— Чего ты сказал?! — Ильгиз толкнул его в спину.

Корнилов почувствовал, как твердый ствол пистолета болезненно тычется в его затылок.

— Кастамаров! — вновь раздался усиленный микрофоном голос. — Сдавайся! Ты окружен! Тебе некуда деваться! Тебя взяли с поличным! Не усугубляй своего положения!

— Да поцелуй меня в **пу! — вскричал Ильгиз. — А ну отошли все! Живо! Или я его завалю! Я завалю! Прямо здесь! Слышите?! Я не шучу! Назад!

Почти с каждым словом он сильно тыкал в голову Стаса пистолетом. Корнилов посмотрел перед собой, обвел взглядом полицейских, что выглядывали из-за открытых дверей своих автомобилей. Стас быстро просчитал ситуацию. Прикинул возможные варианты развития. При сложившейся обстановке, с учетом поведения Ильгиза, его скорее всего пристрелят. И Стаса вместе с ним. Или же его пристрелит Ильгиз, а потом полицейские застрелят его самого... В любом случае, первые два варианта категорически

неприемы. Нужно было действовать.

— Кастамаров, не вынуждай нас идти на крайние меры! — произнес голос переговорщика полиции. — Отпусти заложника, брось пистолет и мы сможем обещать тебе справедливый суд!

— Засунь свои обещания себе в...

Стас улучил момент. Резко нырнул вниз, обернулся, ударил Ильгиза по руке с пистолетом. Тот охнул, вскрикнул. Стас добавил ему локтем в лицо, второй рукой схватил за запястье выкрутил. Ногой ударил под колено, а затем по голени.

Ильгиз, выронив пистолет, упал на одно колено. Стас без жалости и от души врезал ему коленом в лицо. Ильгиз крича от боли, заливаясь кровью упал на землю. Он прижимал дрожащие пальцы к лицу. По его рукам между пальцев, на кисти и локти стекали обильные струи алой крови.

К ним уже бежала полиция.

— Руки за голову! — закричал ближайший к Стасу полицейский. — На колени! Живо!

Стас послушался. Спорить в таких случаях было нельзя. Пристрелят.

— Спокойно! — крикнул он. — Я из Уголовного розыска. Подполковник Корнилов...

Он медленно вынул удостоверение из кармана рубашки бросил вперед на траву. Полицейские наставили на него пистолеты.

Один из них поднял удостоверение Стаса. Раскрыл, прочитал.

— С**а! — выдохнул Ильгиз лежа на траве. — Падла... ментовская! Надо было тебя сразу же...

— Все в порядке, — кивнул полицейский, прочитавший удостоверение Корнилова.

Он подошел к Стасу и протянул удостоверение обратно. Полицейские занялись Ильгизом. Где-то рядом уже звучали sireны скорой помощи.

В кабинете заместителя начальника УВД Свердловской области витал ощутимый травяной запах. Его распространяли многочисленные комнатные растения, занимающие не только все три подоконника в кабинете, но и пол. По сути одна пятая кабинета полковника Сомова была его личным ботаническим садом.

— Нет, — ответил на вопрос Стаса полковник. — Простите, товарищ подполковник, но мы не можем отдать вам Ильгиза Кастамарова. Мы слишком долго его вели. Он ключ к двум бандам наркodelьцов. Они варят какую-то химическую дрянь и наполняют ею и ночные клубы, и школы, и универы. Извините...

Стас расстегнул куртку и, вынув из внутреннего кармана чуть смятую упаковку, положил на стол перед полковником Сомовым.

— Случайно не вот этими таблетками торгуют эти банды? — спросил Стас.

Сомов взял положенную на стол упаковку в руки, покрутил и взглянул на Корнилова.

— А у вас она откуда?

— В Москве была похожая ситуация.

— Была?

— Недавно, буквально пару дней назад, мы взяли тех, кто изначально производил и распространял. Ваши банды всего лишь дилеры.

— Всего лишь, — фыркнул полковник. — Мы же не знаем, сколько у них этой гадости! А вдруг они и сами без ваших, московских умельцев, научатся варить эти таблетки?

Слово «московских» полковник Сомов произнес с легким презрением. Стас уже давно

привык, что и коллеги из провинций, и провинциальные гражданские нередко отзываются о всем московском с некоторым враждебным пренебрежением.

Отчасти Корнилов их понимал. Отчасти его это раздражало.

Они с Колей обменялись взглядами. Стас увидел, что Домбровский тоже не настроен долго сдерживать свое отношение к провинциальным сотрудникам полиции.

— Хорошо, — подумав, сказал Стас. — Просто дайте мне с ним поговорить, недолго.

Полковник Сомов поднял взгляд на Стаса. Он вздохнул, покрутил в руках ручку. Он несколько секунд молча изучал Корнилова пристальным взглядом.

Комната допросов здесь была не хуже, чем в Москве. Но Стасу все равно здесь было непривычно, неудобно. Он не чувствовал себя здесь своим. Слишком явной была атмосфера прохладных отношений между столичным и екатеринбургским ведомством.

Ильгиз выглядел несчастным с перевязанным носом. Вид у него был угрюмый, отрешенный. Он не посмотрел на Стаса, когда тот вошел в комнату. Только спросил:

— Чего тебе... подполковник?

— Только поговорить, — качнул головой Стас.

— Не о чем нам говорить, — глядя в стол пробурчал Ильгиз Кастамаров. — Поговорили уже.

— Ты знаешь Лукьяна Курбатова?

Ильгиз поднял на Стаса настороженный взгляд. И этот взгляд ответил Стасу на его вопрос. Он не ошибся. Он верно просчитал и проанализировал возможные действия Лукьяна Курбатова.

— Да-а... — протянул Стас и прошел рядом с Ильгизом, — я знаю, чем ты ему обязан.

— Я ничего говорить не буду, — категорично ответил Кастамаров.

— Боишься его? — усмехнулся Стас.

Кастамаров не ответил. Глядя на него, Стас заметил, что на его шее больше нет того самого амулета с каплевидным, зеленым камушком. Но для начала следует попытаться разговорить Ильгиза.

— Просто скажи, он что-то передавал тебе на хранение? А?

Кастамаров в ответ ощерился, ухмыльнулся, но смолчал.

Ничего. Это избитая стратегия, но молчать и игнорировать долго не получится.

— Подумай, что тебе светит, — сказал Стас. — Хочешь расскажу?

— Пугать меня вздумал? — окрысился Ильгиз.

— Только описать картину будущего, — ответил Корнилова. — Ну вдруг ты не осознаешь всей серьезности сложившейся ситуации.

— Чего?

— Ильгиз, тебе ведь за наркоту эту минимум десятка светит. А плюс побег от полиции, а плюс попытка захвата заложника...

— Ты же мент. Какой из тебя заложник? — снова не выдержал Ильгиз.

— Так это тем более отягчающие обстоятельства, Ильгиз, — сделав выразительные глаза, ответил Стас. — Тебе в общей сложности не меньше пятнадцати накрутят. А тебе сейчас сколько? Тридцать пять? Охота на волю под полтинник выходить? Прикинь, а... Выходишь такой, и ничего у тебя нет. И никому ты на хрен не нужен, пожилой, беспомощный уголовник...

НИКОЛАЙ ДОМБРОВСКИЙ

Суббота, 15 августа. Буквально после последних слов выше.

В тесной комнате перед прозрачной стороной зеркала Гезелла стояли Коля, полковник Сомов и майор Шахназаров, который вёл дело о бандах, торгующих наркотиками в Свердловской области.

В динамике звучали голоса Стас и Ильгиза.

— ...Прикинь а... Выходишь такой, и ничего у тебя нет. И никому ты нахрен не нужен, пожилой, беспомощный уголовник...

— Какого чёрта он делает? — процедил низкорослый, коренастый Шахназаров. — Зачем он его дразнит?

Домбровский сохранял невозмутимость.

— У него всё под контролем. Не беспокойтесь.

— Что?! — рявкнул Шахназаров и двинулся на Николая. — «Не беспокойтесь»?! Ты знаешь с кем так будешь говорить?..

Полковник Сомов преградил ему путь и удержал.

— Успокойся, сейчас же! — шепнул он. — Ты чего?! Хочешь потом с московскими разбираться? Они никуда твоего Кастамарова не денут. Узнают, что им нужно...

Сомов оглянулся, посмотрел на Домбровского.

— И уедут.

Коля чуть заметно кивнул.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 15 августа

Стас вышел из комнаты допросной, сосредоточенно о чем-то размышляя. В коридоре его встретили Сомов, Шахназаров и Домбровский.

— Узнали, что хотели? — холодно спросил Сомов.

— Вполне, — улыбнулся ему Стас и кивнул Коле. — Мы уходим.

— Э-э... — Сомов замер в недоумении. — Постойте...

Домбровский и Корнилов оглянулись. Полковник Сомов подошел к ним. Выглядел он слегка растерянно.

— Простите, и это... всё? Стас чуть шевельнул бровями.

— Да. А что бы вы ещё хотели?

— Я? — Сомов оглянулся на Шахназарова.

Тот испепелял Стаса и Колю недобрым взглядом. В отличие от Сомова он не считал нужным скрывать свое отношение к сыщикам из столицы.

— Да нет... всё... Если вы закончили, то...

— Мы закончили, — идеально соврал Стас. — Всего доброго, господин полковник.

— То есть вы сейчас в аэропорт? — взгляд Сомова метался от Стаса к Коле.

— Да, — заверил полковника Стас, — конечно, хотя, — он посмотрел на Домбровского, — может быть, перекусим где-нибудь, может быть, даже улетим завтра утром. Но это не проблема, так?

— Проблема? — переспросил Сомов. — Да нет, конечно, нет. Удачи.

— Взаимно, — кивнул Стас.

Они с Николаем зашли в лифт, спустились на первый этаж. Оба молчали, пока не оказались достаточно далеко, и не убедились, что за ними нет хвоста.

— И куда мы сейчас? — спросил Коля. — На самом деле...

— Думаю, нам нужна лавка с сувенирами или магазин, где продается всякого рода бижутерия.

— Зачем?

— О, хочу купить кулон на память.

— Ты издеваешься? — с недоумением переспросил Коля.

— Ничуть, — усмехнулся Стас.

Они действительно не стали улетать сегодня. Поколесив по городу, заглянув в местный музей, бар, и даже сыграв несколько партий в бильярд, они сняли номер в отеле. Но ночевать там не остались.

Сбежав от приставленных к ним наблюдателей, искренне веривших, что они абсолютно незаметные, Стас и Николай разделились.

Домбровский направился в аэропорт, а Стас вернулся в отделение полиции, где хранились личные вещи Ильгиза Кастамарова.

Угрозами и уговорами ему удалось заставить дежурного полицейского позволить взглянуть на личные вещи задержанного.

Стасу пришлось отвлечь полицейского, стоявшего над ним, чтобы заменить кое-что среди вещей Ильгиза.

Несколько часов спустя они с Колей уже летели в салоне самолета, по направлению к Москве.

— Ты уже можешь рассказать, зачем был нужен весь этот цирк? — спросил Коля. — Что такого в этом дешевеньком кулоне, что мы...

Он не успел договорить. Стас вынул кулон, поднес к лицу Коли, а затем легким движением отделил одну половинку каплевидного камня от другой. Причем на нижней половинке красовалась выпирающая деталь, характерная для флеш-накопителей.

Домбровский пару мгновений созерцал замаскированную под кулон флешку в руках Стаса, затем нервно сглотнув, спросил:

— Как ты догадался?

Стас в ответ улыбнулся, спрятал флешку обратно во внутренний карман куртки. Затем откинулся на спинку кресла и уютно устроившись, закрыл глаза.

— Из всех вещей, что были у Кастамарова, этот кулон был самым нелепым и несвойственным ему, — ответил Стас.

Коля покачал головой, посмотрел в темный иллюминатор. За бортом самолета чернела ночь. Внизу россыпями ночных огней сияли города и населенные пункты, над которыми они пролетали.

— Ты же говорил, что это скорее всего напечатанные снимки. — вспомнил Коля.

Стас в ответ, не открывая глаз, выразительно скривил губы.

— Ну... я немного ошибся.

Коля усмехнулся, кивнул. Затем поднял палец и злорадно произнес:

— Это не...

— Это считается, — самодовольно улыбаясь, перебил его Стас.

— Черта с два! — возмутился Коля. — Мы спорили на то, что у Кастамарова есть напечатанные фотографии.

— Ничего подобного, — усмехнулся Стас. — Я утверждал, что снимки у Кастамарова, а ты сомневался.

— Но речь-то шла о распечатанных фотографиях! — попытался оспаривать Коля.

— Нет, Коль. Это я говорил Аспирина. А когда мы с тобой спорили, мы говорили о самом факте наличия фотоснимков Курбатова у Ильгиза.

Коля обиженно отвернулся к окну.

— Так нечестно.

Стас похлопал его по плечу.

— Ты мне должен пять бутылок Hennessy. И не надейся, что я забуду.

— Это нечестно, — повторил Домбровский.

— Ну, в следующий раз, когда будем спорить, ты наверняка будешь более внимательным.

— Я с тобой больше ни на что спорить не буду, — пробурчал Коля. — Никогда.

Стас тихо засмеялся.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 15 августа. Раннее утро.

Стас и Коля сидели в кабинете генерала Савельева. На часах ещё не было шести утра, а за окном было уже светло. Запах кофе из чашки Домбровского витал по кабинету генерала.

Аспирин молча, сосредоточенно и внимательно, подперев лицо кулаком, просматривал снимки на своем компьютере.

Стас и Коля ждали. Домбровский тихо пил свой кофе. Стас следил за реакцией генерала.

Тот, наконец, вздохнул, качнул головой.

— Хорошая работа, Стас. Значит, теперь у нас есть все? У нас есть лица всех причастных к пожару в альпинистском клубе «Горный путь»? Так?

— Да, всё верно, — кивнул Стас.

— И теперь ты хочешь постановление на арест Курбатова и всех, кто был с ним заодно? — усмехнулся генерал. — Думаю, теперь это не проб...

— Вообще-то, — Стас качнул головой, — мне нужен арест только Лукьяна Курбатова.

Антон Спиридонович замер. На его лице застыло подозрительно-недоуменное выражение. Как будто он не был уверен, что ему не послышалось.

— Стас, ты не мог бы объяснить?

— Охотно, — кивнул Корнилов. — Лукьян Курбатов, как я уже говорил, ключевая фигура заговора, скорее всего. Нам он в первую очередь нужен, чтобы опознать тела убитых и с помощью информации, которую он даст, выявить, кто выжил в том пожаре. Соответственно, тот человек, скорее всего, является убийцей.

— Скорее всего, скорее всего, — передразнил Стаса Аспирин. — Всех-то сразу почему нельзя арестовать?

— Товарищ генерал, когда мы задержим Лукьяна, нам придется довольно сильно постараться, чтобы разговорить его. Лукьян расчетлив, умен и имеет связи куда серьезнее,

чем наш Платон.

— Да, — кивнул Аспирин. — Несравненно серьезнее. Ну и что? Против таких-то доказательств ему никакой адвокат не поможет. Даже сам министр МВД будет тут бессилён!

— Согласен. Но нам ведь нужно в первую очередь получить от Курбатова информацию о пожаре и установить личности погибших, из которых почти все — одинокие люди без родных и близких.

— Стас, я не понимаю, — покачал головой Аспирин. — Почему нельзя узнать всё это у Курбатова, задержав всех заговорщиков?

— А какой ему тогда резон нам помогать?

— Чтобы скостить себе срок. Чем не мотив?

— Только не для Лукьяна, — чуть скривившись, ответил Стас. — Возьмем всех, и они все будут твердить одну и ту же версию, которую, можете не сомневаться, прекрасно выучили за все эти годы. Это я вам гарантирую. И никто из них на сотрудничество с нами не пойдёт. Подождите, нам ещё придется доказывать, что они там возле сгорающего клуба не случайно оказались...

— Да ну, брось, — поморщился генерал.

— Товарищ генерал, — хмыкнул Стас, — я же говорю, они подготовились. Лукьян подготовился. Можете быть уверены, это он предусмотрел.

— Ладно, тогда как?

— Мы оставим на свободе всех, кроме Лукьяна.

— И почему ты думаешь, что он тогда заговорит? — с сомнением спросил Аспирин.

Стас чуть пожал плечами.

— Потому, что будет бояться за свою жену, Майю Курбатову, и их детей, Диану и Гошу. А мы сможем пообещать, что сэкономим их от остальных заговорщиков. Которые, только будучи на свободе, могут угрожать его жене и детям.

Генерал вздохнул, качнул головой, хмыкнул.

— Жестоко, Стас.

Корнилову и самому было не очень приятно прибегать к таким методам.

— Товарищ генерал, давить на Курбатова, пугать его или угрожать тюремным сроком бессмысленно. Единственное его слабое место — его семья.

— Ладно, — согласился, наконец генерал. — А с остальными тогда что?

— Никуда не денутся, — ответил Стас.

— Уверен?

— Так точно. Попробуют перевести свои сбережения, заработанные на продаже наркоты, мы без труда отследим деньги. Разберемся с Курбатовым. А когда он сядет, займемся остальными. Пока же главной задачей является поимка... Монохромного человека. И Лукьян — наш шанс.

Аспирин какое-то время молчал, тихо постукивая пальцем по столу.

— Хорошо. — наконец, решил он. — Будь по-твоему. Когда думаешь брать? Завтра?

— Лучше в понедельник, — ответил Стас.

— Почему?

— У них как раз будет какой-то праздник, торжество. Все будут в сборе, никто, и в том числе сам Лукьян, ничего ожидать не будет.

— Да, Стас — ты опасный человек, — усмехнулся генерал. — Ты в курсе?

— Для определенных людей, — пожал плечами Стас.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Понедельник, 17 августа. Вечер.

Это был истинный фурор. Всего лишь сорок семь минут, как статья под жирным заголовком «ПОРОЧНЫЕ ЖЕНЫ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ» появилась на новостном портале журнала «Философский проспект», а изложенный в ней материал с фотографиями произвел эффект всесокрушающей, феноменальной сенсации!

Сотни, тысячи комментариев не замедлили появиться под статьей на электронном ресурсе.

Спустя еще несколько минут и на YOUTUBE каналах политических обозревателей с скоростью автоматной очереди стали выходить видео-обзоры и обсуждения шокирующих фактов с фотографиями в качестве подтверждения. И под ними также не замедлили вытянуться «простыни» комментариев.

Народ в сети спорил, насмехался, ехидничал, злился и сомневался.

У многих лопнули шаблоны, многие были повержены в совершенный шок, у огромного количества людей случился даже эмоциональный срыв разной степени тяжести.

Социум не мог поверить, не мог осознать, не мог... принять такую правду.

Одновременно с происходящим в интернете безумием в редакции журнала «Философский проспект» зазвонили телефоны. Стационарные и мобильные.

Звонили с телеканалов, раздавались гневные звонки из офисов политических блоков и партий, несколько десятков сообщений с угрозами поступили на личную почту и в мессенджер Касьяну.

Разумеется, мужья опозоренных женщин устроили осаду из истеричных звонков с требованием немедленно выпустить опровержение своей гадкой статьи.

Касьяну через лавину звонков и сообщений каким-то чудом сумели дозвониться адвокаты обиженных политиков и бизнесменов.

Ему предъявили жесткие ультиматумы и пригрозили судом. Так же на его телефон пришли голосовые сообщения с измененным голосом. На котором некто давал щедрые обещания немедленно казнить Касьяна, если тот не уберет свою статью.

Но всё это было тщетно и только подогревало интерес к статье и её материалу. Безмозглые адвокаты и их наниматели не понимали, что своими действиями только придают больше значимости статье Касьяна.

Особенно после того, как Лукьян приказал вывесить в интернет записи угроз и некоторых других телефонных разговоров. О, это было подобно канистре бензина, что выплеснули в пылающий костёр... Интернет, мир, города, страна, народ все полыхнуло единым воющим, орущим, кричащим и гремучим пожаром эмоций.

И в честь этого события в редакции журнала «Философский проспект» бушевало бурное празднование.

Успех Касьяна все-таки был успехом всего издания, и так или иначе к его статье приложили руку и другие сотрудники. На этаже, где работал Касьян, в одном из офисных зданий устроили фуршет с самыми дорогими изысками, в другом, побольше, людей распял своей музыкой один из столичных диджеев. Это был специальный гость, которого пригласил спонсор их журнала.

Люди в редакции смеялись, пили, танцевали. Все дружно выплескивали в мир под

скачущие ритмы музыки все, что так долго скрывалось в них, все что так долго копилось. Эмоции, страхи, переживания, волнения и споры — все это нашло выход в безудержном и иногда почти диком веселье, которое закатили спонсоры журнала «Философский проспект».

Один из журналистов, низкорослый, щуплый, но очень громкий парень, заскочил на чей-то стул и взяв микрофон заорал, перекрикивая музыку:

— Какой журнал самый лучший?!

— «Философский проспект»!!! — агрессивно проорала публика.

Послышались радостные аплодисменты.

— Где выходят самые громкие статьи?! — свирепо вскричал мужчина.

— У на-а-ас!!! — завопила блистательная публика.

— А кто самый умелый журналюга?!

— Касьян!!! — закричали все, и обернувшись на стоящего чуть дальше Касьяна, бурно, с восторгом зааплодировали.

Касьян в ответ торжествующе улыбнулся, поднял бокал в своей руке.

— Благодарю! — произнес он, когда аплодисменты стихли. — Благодарю вас всех, дамы и господа. И хотя автором статьи являюсь я, мне стоит признать, что на деле каждый из вас в той или иной степени поспособствовал выводу моей статьи! Как минимум, я должен быть благодарен вам всем за неповторимую дружескую атмосферу и поддержку, которую вы мне оказывали! За вас!

— У-о-о!!! — восторженно взывала ликующая толпа журналистов.

— Красавчик! — крикнул кто-то.

— Касьян! — крикнул женский голос.

— Молодец!!!

— Да!!

— Ура!!!

Глядя на них всех, счастливых людей, разодетых в дорогие смокинги и платья, Касьян сам ощущал сладкий вкус счастливого триумфа. А сколько еще интервью и встреч на телеканалах ему предстоит! Только сегодня его позвали в эфир четырех телепередач!

Да... Да, вот ради таких моментов он и выкладывается по полной. Даже больше, чем по полной, для написания своих статей. Для написания журналистских шедевров! Громких, скандальных, резонансных шедевров!..

К нему подошли несколько человек, окружили небольшим полукругом. Всем не терпелось (некоторым уже второй раз) послушать о его работе над статьёй. И вообще узнать, как ему всё это удалось.

Касьян, разумеется опуская нелицеприятные подробности, рассказывал всем одну и ту же историю. Он прекрасно понимал, что среди его коллег найдётся немало шакалов, жаждущих оторвать кусок от его славы. В частности, написать статью о статье. Похвальную или же, что более выгодно, осуждающую. Некоторые же наверняка захотят заработать на продаже эксклюзивной инфы другим изданиям.

Всё это Касьян отлично знал, и поэтому ни на йоту не верил ни этим многочисленным улыбкам, ни сыплющимся комплиментам, ни сладкоречивой лести. Все слышали от него одну и ту же историю.

Пусть попробуют что-то выжать из этого, с ехидством думал Касьян, которому отчасти было даже любопытно, кто и что сможет выдумать на почве его истории.

Расширенный и более правдивый рассказ о том, как шла работа над статьёй, он

приберег для эфира одного из центральных каналов страны. И ещё более жаркую версию подготавливал для интервью в эфире одного американского телеканала.

Тут Каменев увидел своего друга. Марк Лунин попытался незаметно улизнуть с праздника. Касьян, ничего не понимая, последовал за другом, что украдкой пробирался к выходу. Он поймал его в коридоре, возле лифта.

— Марк! — позвал Касьян.

Лунин, стоя перед закрытыми лифтовыми дверями, обернулся.

— А-а... Наш триумфатор, — ухмыльнулся он. — Я очень рад за тебя, Касьян. Правда...

— Ты, наверное, расстроен, что я не взял тебя в соавторы, — сказал Касьян. — Поэтому уходишь? Слушай, я могу всё объяснить, я знаю, что обещал, но...

— Касьян, Касьян... — Лунин поднял ладони и чуть улыбнулся. — Всё... в порядке. Я на самом деле тебе написал, но-о...

Он усмехнулся.

— У тебя, видимо, столько сообщений сейчас, что мое где-то затерялось. Я... Мне нужно сегодня успеть на свадьбу кума... Младший брат моей жены решил, наконец-то, взяться за ум и жениться. Я обещал, что буду... И так уж получилось, что...ну... их торжество полностью совпадает по времени с сегодняшним праздником. Так что... Ты прости, но мне нужно бежать. Без обид, хорошо?

Лунин чуть искоса взглянул на Касьяна.

Тот пожал плечами.

— Ладно... — Каменев подумал, что ему возможно будет даже легче, если Лунин сейчас уедет. Меньше будет терзать совесть за то, что он под статьёй не поставил его имя рядом со своим, как обещал.

— Всё-таки это твоя семья... Это всегда должно быть на первом месте.

— Рад, что ты не злишься, — с заметным облегчением вздохнул Лунин.

Двери лифта открылись. Марк посмотрел внутрь просторной кабины лифта, затем взглянул на Касьяна.

— Желаю тебе сегодня как следует повеселиться.

Он трусовато улыбнулся ему и зашел в лифт.

— Да... спасибо, — с легким замешательством произнес Касьян. — И тебе... передавай привет...

Двери лифта закрылись.

— Куму, — договорил тихо Касьян.

Он взглянул на электронный индикатор этажей. Ярко-зеленые цифры стремительно уменьшались. Раздумывая над тем, что он сказал Лунину, и что теперь будет между ними, Касьян вернулся в шум праздника. Среди толпы танцующих и улыбающихся людей, Каменев увидел Милу Бондаренко. Девушка сегодня была облачена в платье-ампир глубокого топазового цвета.

Касьян так и замер с восхищенной улыбкой на лице. Она была бесподобна. Мила с гривой распущенных золотых волос улыбалась и словно истинно сияла среди всей публики. Она была чарующе волшебна и прекрасна. Каменев мгновенно вспомнил всё, что было с ними в эту пятницу. Вспомнил обнаженную Милу сладостно стонущую в его объятиях. Вспомнил и возжелал повторить это. Сегодня. Здесь. В одном из пустых кабинетов...

Оберегая свою руку в биндаже, Касьян ринулся вперед к Миле.

Она болтала с какой-то низенькой, полноватой брюнеткой в малиновом платье.

— Привет, — Касьян улыбнулся Миле показательно игнорируя её собеседницу.

— Привет, — чуть погодя ответила Мила и улыбнулась ему так, что по телу Касьяна волной прошла дрожь. — Поздравляю тебя с успешной статьей, Касьян.

— Ладно, — быстро сказала брюнетка, — потом поговорим.

Она ретировалась. Касьян и Мила остались вдвоем. Каменев улыбнулся девушке. Та неуверенно улыбнулась в ответ.

— Касьян... — проговорила она, — ты так смотришь на меня... Что с тобой?

— Вспоминаю, — проворковал тот.

— Вспоминаешь? — улыбка на лице Милы стала неуверенной. — Что ты вспоминаешь?

— Тебя, — он приблизился к ней и взял за руку. — Вспоминаю нас...

— Касьян, ты что пьян? — с подозрением спросила Бондаренко. — О каких «нас» ты говоришь?

— Слушай, зачем ты притворяешься? Нас же никто не слышит, — он приблизился к ней вплотную и приобнял за талию. — Я просто подумал, может нам ещё раз...

— Т-ты что! — Мила испуганно уперла ладони ему в грудь. — Ты что спятил или правда уже опьянел?! О чем ты таком говоришь?!

— Я говорю о том, что было в пятницу, — Касьян нахмурил брови. — Ты что забыла с каким восторгом снимала с меня трусы?

Она ударила его. Хлестко. Звонко. От души.

— Придурок! — воскликнула она. — Я не знаю, с кем ты был в пятницу! Я только поздоровалась с тобой в кафешке, спросила, как дела и ушла! А кто там с тебя что снимал, я не в курсе!.. И не смей ко мне подходить! Извращенец озабоченный!

На них смотрели все, кто был поблизости. Но большинство, к счастью, не заметили конфуза, который испытал Касьян. Он улыбнулся глядевшим на него людям, а затем, поглаживая правой рукой левую щеку, посмотрел вслед ушедшей Миле.

Что с ней не так? Зачем она так бурно притворяется? Как будто он может забыть то, что было вчера!..

Касьян выпил ещё вина. Чтобы улучшить подпорченное настроение пообщался ещё с окружающими людьми и выслушал очередную порцию заискивающих комплиментов. Ему было приятно смотреть, как все эти дорого разодетые представители журналистской богемы извиваются перед ним, стремясь превзойти друг друга в изобретательности комплиментов. Каждый хотел показать, что он всегда верил в него, поддерживал его, и никогда не сомневался в его успехе...

М-да. Конечно. А в будущем, стоит ему только оступиться, и для них он превратится в самого презренного червяка. Скучно...

Каменев попробовал снова найти Милу и потребовать объяснения её выходки. Но вместо этого на глаза ему попался Лукьян Курбатов. Сегодня был в шикарном, элегантном смокинге, явно пошитом на заказ.

— Лукьян! — Каменев подошел к Курбатову и улыбнулся. — Привет...

Брови Курбатов поползли вверх. Он с каменным лицом, равнодушно взирал на Касьяна. И улыбка Каменева медленно свернулась.

— Наслаждайся триумфом, Касьяша, — посмеялся Курбатов. — Потому что впереди у тебя наверняка бесчисленное множество скандалов и даже судов.

— Ну-у... — Касьян улыбнулся, — думаю, многие из тех, кто подаст в суд потом передумают, когда узнают, что я стал главным редактором. Кстати, я хотел тебя спросить, а

когда я смогу... Он замолчал, глядя на лицо Лукьяна.

Курбатов побледнел. Его губы сжались в тонкую, жесткую линию. Свирепый взгляд рвал и резал. Касьян увидел, как дрогнула челюсть Лукьяна.

— Слушай, ты, клоун однорукий, — прорычал тихо Лукьян. — Если тебе повезло, и твоя статья оказалась успешной, это ещё не повод так наглеть!..

Касьян отступил назад. От Лукьяна исходила ужасающая, злая эманация гнева. Злость Курбатова буквально вибрировала в воздухе и сотрясала его.

— Если я и позволил твоей статье выйти, так только ради блага журнала, — зло шипел Лукьян. — Но я вижу, тебе это не пошло на пользу, не так ли Каменев? Так вот, советую поубавить амбиции и наслаждаться своим кратковременным успехом. Ты меня понял?

— Д-да... — Касьян нервно сглотнул, моргая и ошарашенно глядя на Лукьяна. — Но... ведь... В пятницу ты... Ты сам сказал... Ты мне даже ключи дал от своего кабинета...

У Курбатова дрогнуло верхнее веко левого глаза. Он чуть наклонился к Касьяну. Тот замер, затаил дыхание.

— Пошёл на *** отсюда! — прошипел Курбатов, сверкая глазами.

Касьян быстро опустил глаза и поспешил прочь. Он зашел в туалет и проверив кабинки, закрыл дверцу в мужскую комнату. Подошел к зеркалу. Посмотрел на себя.

Что происходит? Что это такое?! Почему... Почему Мила и Лукьян ведут себя так, словно не было тех событий, которые были... Не было той пятницы... Что... Что-то... Что-то странное происходит.

Каменев почувствовал, как его слегка повело, он пошатнулся. Но тут же замотал головой и открыв кран, склонился над умывальником. Умыл лицо холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало.

Что с ними не так?! Они как будто забыли... Или делают вид, что забыли...

— Идиотизм какой-то, — покачал головой Касьян. — Не понимаю...

Он ведь помнил. Отчетливо помнил и разговор с Лукьяном, и бурный, потрясающий секс с Милой. Почему... Почему они пытаются делать вид, что этого не было.

Из-за закрытой двери туалета донеслись какие-то крики и шумные возгласы. Касьян было подумал, что это новые крики ликования, но это было не похоже на возгласы радости... Что-то происходило.

Прокравшееся в душу беспокойство щипнуло и кольнуло сознание.

Послышался чей-то гневный выкрик, затем чей-то незнакомый голос властно крикнул:

— Тихо! Всем сохранять спокойствие! Я подполковник Корнилов, начальник особой оперативно-следственной группы Уголовного розыска! Этот человек задержан по подозрению в убийстве!

Касьян прислушался. Голоса и музыка стихли. Шумное веселье прекратилось.

Каменев рискнул аккуратно приоткрыть дверь и выглянуть наружу.

Он замер на пороге, не в силах отвести взгляд от открывшейся ему сцены.

Лукьяна Курбатова, главного редактора журнала «Философский проспект» с наручниками на руках ведут двое мужчин. Один рослый, плечистый со светло-русскими волосами. Второй аскетичный брюнет с пышными волосами и импозантными бакенбардами.

Лукьян выглядит слегка отрешенным и задумчивым. Но на лице замерло, почти равнодушное, чуть мрачноватое выражение. Он держался стойко и независимо. Как будто его не вели под руки с наручниками на запястьях через коридор, заполненный людьми, которые уважали и боялись его последние восемь лет.

Когда его провели мимо Касьяна, он поднял взгляд. У Каменева все буквально похолодело внутри, и электризирующее напряжение стиснуло мышцы его тела. Лукьян одарил Касьяна таким холодным, многообещающим и тяжелым взглядом, что не оставалось никаких сомнений в том, кого он винит в своём задержании.

И нужно же было ещё Касьяну сегодня спросить про место главного редактора! Теперь, чего доброго, Лукьян решит, что Касьян его подставил, чтобы подсидеть.

Касьян не любил Курбатова и, в принципе, ничего хорошего пожелать ему не мог. Но он категорически не желал, чтобы такой человек, как Лукьян, становился его личным, злым и беспощадным врагом. Да он и бы своему злейшему врагу не пожелал такого врага, как Лукьян Курбатов.

Эпизод второй «8: черно-белый этаж». Часть девятая.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 17 августа.

Стас не ошибся. Только что задержанный Лукьян Курбатов вел себя нахально, независимо и пренебрежительно. На вопросы отвечал односложно. Держался с ледяным бесстрашием. Говорил ровно и неторопливо.

— Что вы знаете о клубе альпинистов «Горный путь»? — спросил Стас.

В комнате для допросов горел неяркий свет. Отражения Стаса и Лукьяна растекались по гладкой зеркальной поверхности двухстороннего стекла.

Лукьян подняла на Стаса глаза.

— Я состоял в этом клубе, — произнес Лукьян.

Его губы чуть надломились в ехидной усмешке.

— Вот как? — Стас тоже ухмыльнулся.

Курбатов оказался человеком крайне неприятным, если не сказать противным или даже отвратительным. Начиная от гадкой улыбочки, блуждавшей на его губах и заканчивая пронзительным, пристальным смеющимся и злобным взглядом его темных глаз.

— А почему вышли из него?

Лукьян хмыкнул.

— Давняя история.

— Мы никуда не торопимся, — ответил Стас.

Он видел, что Курбатов пытается понять, что ему известно. Чтобы знать, что говорить, как подготовиться, как отвести от себя вину.

— Там случился пожар, — беззаботно ответил Лукьян. — Я слышал, много людей погибло.

— Слышал? — переспросил Стас, — От кого?

— Ну-у...

— Может быть, от самого себя, Курбатов? — Стас выложил на стол несколько десятков фотографий.

Взгляд Лукьяна чуть переменялся. Он немного подался вперёд, склонился над снимками.

Стас следил за его лицом, оценивал взгляд, пытался угадать эмоции. Корнилов даже подумал, что ему бы сейчас хотелось, чтобы рядом была Ника... Но Стас тут же отмел эту

мысль. Ника и так сделала больше, чем должна была.

Лукьян выглядел недовольным. Но он также не был удивлен.

— Ладно, — хмыкнул он. — Мы там были.

— И всё? — вскинул брови Стас. — Это всё, что вы можете сказать?

— Мы увидели, что дом горит, пытались помочь людям внутри, но не знали, как, — усталым голосом с полуулыбкой ответил Лукьян. — Но пожар уже был слишком сильным... У бедняг не было шансов.

Он добавил в свои слова трагичности, не скрывая, впрочем, злой насмешки.

— И к пожару вы не причастны? — криво усмехнулся Стас.

Да этот человек гораздо хуже, чем кажется на самом деле.

— Нет, — лениво ответил Лукьян. — Спросите остальных, они подтвердят.

— Остальных? — переспросил Стас. — О, видите ли... Мы пока не собираемся арестовывать остальных.

Выражение лица Лукьяна дрогнуло. Его взгляд стал другим. Стас увидел промелькнувшее на лице беспокойство.

— Почему же вы арестовали меня? — спросил он ровным голосом.

— Видите ли, — ответил Стас, — у нас есть основания полагать, что вы и остальные люди со снимков являетесь виновниками этого пожара.

Лукьян чуть игриво склонив голову к плечу, несколько мгновений изучал Стаса пристальным взглядом.

— Тогда почему вы задержали только меня?

— А нам кажется, что вы являетесь главным затейником и вдохновителем сожжения нескольких десятков людей, — со злым ехидством ответил Стас. — Ведь не плохая версия, а? А своих подельников, которые тут на снимках рядом с вами, вы просто вынудили содействовать себе, используя угрозы и шантаж.

Лукьян скривился, ощерился. Посмотрел на свое отражение в зеркале Геззела.

— Вот вы что придумали, значит...

— А что? — в тон ему ответил Корнилов. — Считаете, мы не правы?

— Абсолютно.

— То есть вы не виноваты?

— Я виноват, как и они, в том...

— Мы сейчас говорим только о вас, — перебил его Стас. — О вас одном. Вот и отвечайте за себя.

Снова в глазах Лукьяна промелькнуло что-то похожее на опасение.

Садиться в тюрьму за всех виновных в его планы явно не входило.

Он сложил руки на столе, сплел пальцы.

Стас сдержал победную улыбку. Он чувствовал, что Лукьян дрогнул.

Он не рассчитывал, что арестуют только его одного. Он был абсолютно уверен, что, если они окажутся в полиции, то непременно все вместе. И тогда ему не придется опасаться, что его «пodelьники» смогут угрожать Майе и их детям.

По плану Лукьяна, наверняка, все должно было пойти по-другому.

Если, конечно, ему, Стасу, нужны их признания, чтобы передать дело в суд.

А Стас очень четко дал понять, что ему известна правда. И тогда...

Лукьян не понимал. И это было видно. Ситуация разворачивалась совершенно нелогичным и неожиданным образом. Совсем не таким, на какой он рассчитывал. И это

злило явно растерявшегося Курбатова. Он не понимал, что ему делать? Брать вину на себя? Сотрудничать со следствием? Тогда остальные вполне могут подобраться к его жене и детям. Лукьян пребывал в замешательстве. Чего от него хочет этот странный подполковник?

— Чего тебе надо? — прямо в лоб спросил Лукьян. — Мое признание? Ты его не получишь, подполковник.

— Возможно, — усмехнулся Стас. — Но твои дружки ведь наверняка подумают по-другому. Что скажешь? Если... Если мы скажем, что ты все растрепал и всех сдал. Что тогда случится, Лукьян?

— Здесь у вас, они меня вряд ли достанут, — усмехнулся Курбатов. — А если вы подозреваете меня ... в том, в чем подозреваете... Вам нет смысла меня отпускать.

— Да, — Стас как можно паскуднее усмехнулся. — Но, они запросто достанут Майю... Лукьян вздрогнул. Его лицо потемнело.

— Диану... — продолжал Стас со злой издевкой. — И... как там твоего щенка зовут? Гоша, кажется? Представляешь, что они с ними сделают, если подумают, что ты их всех сдал ментам?

Курбатов с силой стиснул зубы. Сжал пальцы рук так, что хрустнули суставы.

— С**а! — процедил он.

Стас ощерился. Корнилову не нравилось его поведение. Но чтобы Курбатов сдался, чтобы пошел на нужное Стасу сотрудничество, он должен быть абсолютно уверен, что Корнилов — бессердечный и мерзкий подонок. Намного хуже, чем он сам.

— Ладно, — процедил Курбатов. — Я согласен...

— На что ты согласен? — хмыкнул Стас.

Курбатов уставился на него тяжелым, давящим взглядом.

— Я согласен дать признание. Но только при условии, что моей семье будет обеспечена надлежащая защита.

— Хорошо, — кивнул Стас. — Давай.

В душе он радовался. Он правильно просчитал Курбатова. И самое главное, что предложение о сотрудничестве, при условии обеспечения охраны его семьи, должно было исходить исключительно от самого Лукьяна. И по-другому никак.

— Нет, — покачал головой, Курбатов. — Сначала выполни мои условия, а вот тогда...

— Слушай, я ведь прямо сейчас могу отправить людей к твоим поделщикам, — перебил его Стас. — И вызову их сюда, как свидетелей. А потом я их отпущу. А потом, они узнают, что ты заговорил... и все рассказал в подробностях. Хочешь так?

Лукьян несколько мгновений смотрел на него, свирепо с присвистом дыша через нос.

— Какая же ты мразь, подполковник, — произнес он. — А я думал, я моральный урод.

— Ну, могу тебя утешить, ты такой не один, — осклабился Стас. — Так, что? Говорить будем?

Курбатов на пару мгновений закрыл глаза и, вздохнув, вынужденно кивнул.

— Хорошо.

Стас пожал плечами.

— Начинай, — равнодушно уронил он.

На лице Лукьян дернулись скуловые мышцы. Он не скрывал, как сильно сейчас ненавидел Стаса.

— Я, Лукьян Курбатов, — проговорил он. — Я... Я признаю, что виновен в поджоге и убийстве... пятидесяти четырех человек. Я придумал это и подговорил остальных.

— Про наркотики сказать не забудь, — ответил Стас с насмешкой. — Кстати, привет тебе от Шишкина и Кошевого. Ты ведь знаешь их, а?

Судя по виду Лукьяна он бы многое отдал, чтобы лично расстрелять Стаса из автомата.

Тогда он рассказал всё. От начала и до конца. Истинная версия, почти не отличалась от версии, которую сложил Стас.

— Мы узнали про склад наркоты под боком, — говорил Курбатов. — Воротилы вышли на нас. Предложили долю, чтобы мы молчали. Мы сначала отказались... Но потом приняли предложение. Суммы, которые нам предлагали, были для нас тогда просто астрономическими.

— Точнее, — сказал Стас.

— Два с половиной миллиона, — ответил Лукьян. — Каждому.

— Рублей?

— Конечно... — скривился Лукьян. — Стали бы мы за рубли людей сжигать.

— За доллары, стало быть, можно? — глаза Корнилова чуть сузились от невыносимого презрения, которое он испытывал к Курбатову.

— Ох, подполковник, — поморщился Лукьян. — Чего может стоить человеческая жизнь, когда тебе предлагают возможность сказочно разбогатеть? Кто от такого откажется? Разве что какой-то блаженный...

— Нормальный человек, для тебя блаженный, Курбатов?

— Нормальный человек тот, который думает о своем благе. — непреклонно ответил Лукьян. — А также о благе своих близких. И этим все сказано, подполковник.

— Дальше. Продолжай, — ответил Корнилов.

— Мы предложили эту идею ещё нескольким людям. Но они... — Лукьян пожал плечами. — Зачем-то вынесли это на всеобщее обозрение и обсуждение. Нас заклеили подонками, обвинили в содействии наркоторговцам...

— А это не так?

— Но мы ведь просто хотели жить лучше, чем жили до этого. Как ты не поймешь, подполковник? Нам напрямую предложили огромные деньги. С помощью которых можно воплотить любые мечты!

— И какие воплотил лично ты, Лукьян? — хмыкнул Стас.

— Как? А ты разве не знал? Ах, да... Я же все зарегистрировал на Майю... Я создал свой журнал «Философский проспект». Хорошо, звучит правда?

— Этот журнал существует уже больше десяти лет.

— Нет, нет, нет, — поморщился Курбатов. — То, что было до моих вложений, было лишь жалким подобием того, что есть сейчас.

Он презрительно фыркнул.

— Ободранное здание на краю города. Протекающая крыша в аварийном состоянии. Пара десятков сотрудников, и катастрофически малое количество читателей. Так то. Всё, что есть сегодня — это исключительно мое детище. Построенное на мои деньги.

— Жаль, что теперь всем придется заниматься твоей жене, — холодно ответил Стас. — Что было дальше?

— Да ничего, — пожал плечами Лукьян. — Мы их заперли и сожгли. Всех этих упрямых баранов с дебильными принципами и правилами в башке!..Ох, ты бы слышал, как они там визжали, подполковник... Как свиньи. Представляешь себе?

Стас представлял. А Ника даже видела. И за одно только это Корнилову уже хотелось

выбить Курбатову все зубы, сломать нос и ребра.

В целом Лукьян не рассказал ничего, о чем бы Стас не знал или не догадывался. Когда Курбатов закончил, Стас не говоря ни слова встал и направился к выходу из допросной.

— Эй! — крикнул Лукьян. — Ты куда? А дальше, что? Стас ничего не ответил. Он перешел в помещение, из которого наблюдатели следили из-за допросом через зеркало Гезелла.

Здесь находились Аспирин и Домбровский.

— Ты заставил его нервничать, Стас, — усмехнулся генерал. — Он заметно перетрусил, когда ты надавил.

— Да, я старался, — кивнул Стас.

— А почему ты не стал его спрашивать про жертв? Ты же хотел установить личности погибших.

— Завтра, — качнул головой Стас. — Пусть переночует в камере. Подумает, осознает все, попереживает за жену и детей... Посговорчивей будет.

— Думаешь? — глядя на Курбатова в допросной, спросил генерал.

— Уверен, — кивнул Стас. — Кстати, думаю, он рассчитывал, что когда всех арестуют и они дружно выдадут заученную версию событий... Он бы сам пошел на сотрудничество и все равно бы все рассказал. Вряд ли он собирался садиться в тюрьму вместе со всеми.

— Ну, может, ты и прав. — подумав, ответил генерал Савельев.

ПАТРУЛЬНЫЙ

Вторник, 18 августа, полдень.

Небо над столицей почернело с самого утра. С поздней ночи вновь заморосил дождь, влажная прохлада поползла по улицам столицы.

К наступлению утра дождь усилился, загредел рокочущий гром, в темном небосводе мелькали белые вспышки. Вода текла по асфальту, убегала в коллекторы, шумно стекала через решетки водостоков. Вдоль бордюров бежали стремительные потоки мутной, грязной дождевой воды. Вода уносила городской мусор, обертки от жвачек и мороженого, куски пластика, обрывки газет и целлофановых пакетов.

Когда ночь отползла на запад, стали видны похожие на черный дым грозовые тучи. Такого грозового фронта давно не видели в Москве. Утром стало видно, что затянувшие небо тучи имеют необычный, темный, почти черный цвет. Им не было конца. Они заслоняли небо от горизонта до горизонта. И обрушивали на крыши домов и улицы города свирепый ливень.

В сумерках черных туч город тихо мок под бесконечным дождем.

Трепетали мокрые листья деревьев, капли дождя лупили по крышам автомобилей, взбивали и пропитывали песок на детских площадках. Вода пятнами луж собиралась на потемневшем асфальте. Проезжающие по шоссе редкие автомобили поднимали веера брызг с дороги.

Вместе с промозглой влагой, по пустынным, тихим улицам города расползлся липкий, густой и мглистый туман. Он забирался во дворы, поднимался вверх, достигая четвёртых, пятых и шестых этажей. Из-за густеющего тумана редкие водители вынуждены были ехать осторожно, не спеша, включив дальний свет. И призрачный свет их фар расплывающимися желтыми пятнами мерцал в сизых облаках тумана.

На перекрестке остановился автомобиль патрульно-постовой службы. Сидящий внутри младший лейтенант, отчаянно зевая, прикрыл рот кулаком и посмотрел на светофор. Там все ещё горел красный.

Но по перекрестку впереди не проехало ни единого автомобиля.

Да и кому охота куда-то ехать в такую погоду? Возможно, там в центре города сейчас куда более оживленное движение на дорогах, но только здесь, в районе, граничащим с пригородом, вряд ли кто-то сорвется куда-то без самой крайней нужды.

Внезапно ожила рация. И сонный голос диспетчера объявил:

— Внимание, вызов на Ореховый бульвар, тридцать восемь. Пожилая женщина слышала крики о помощи. Есть кто поблизости?

Младший лейтенант устало вздохнул. До конца смены оставалось всего-то пара часов. А Ореховый бульвар был слишком близко, чтобы он проигнорировал вызов.

— Диспетчер, — взяв рацию, обреченно проговорил младший лейтенант, — семь два восемь, я гляну, что там.

— Хорошо, семьсот двадцать восьмой, — ответила диспетчер. — Через сколько вы будете на месте?

— Минут семь-восемь, — ответил младший лейтенант.

— Оставайтесь на связи и будьте осторожны. Удачи, — передала диспетчер.

Ореховый бульвар был живописным местом с обширной парковой зоной. Здесь по правую сторону от узкой дороги тянулись вверх ветвистые деревья, и зеленели заросшие травой и дикими цветами поля.

Впрочем, сейчас ничего этого разглядеть было невозможно из-за непрекращающегося дождя и тумана.

Слева от машины ППС тянулись частные двух- и трехэтажные дома.

Они были похожи между собой по стилю и фактуре. Неприхотливые, неброские, но весьма внушительных размеров с большой территорией. Многие из владельцев домов обнесли свои дворики высокими заборами.

Младший лейтенант остановил полицейский фورد возле дома, на воротах которого синела табличка с цифрой тридцать восемь.

Лейтенант заглушил мотор, проверил пистолет в кобуре, захватил фонарь, рацию. Накинув капюшон куртки, он выбрался на улицу.

Захлопнул дверцу автомобиля, плотнее застегнул ворот. Патрульный чувствовал, как по капюшону и плечам воодушевленно заколотили капли дождя. Он натянул капюшон побольше, спрятал руки в карманы и подошел к калитке дощатых ворот.

Она была приоткрыта. Полицейский позвонил в дверной звонок возле ворот. Но дверь в доме не открылась, и в динамике домофона тоже никто не ответил. Патрульный повторил звонок. Молчание.

Он огляделся. Пустынная, тихая улица вокруг пропитывалась сырým туманом. Шелестели мокрые листья деревьев, шумно шкворчала вода в темных лужах.

Полицейский взглянул в окна соседних домов. На мгновение в его сознание проникла пугающая мысль, что в домах вокруг никого нет.

Что он — единственный живой человек, стоящий посреди улицы в дождливых сумерках.

Держа правую руку на рукояти пистолета в кобуре, патрульный открыл калитку и вошел внутрь. Он ступал по выложенной плиткой дорожке. По обе стороны от него зеленели квадратные кусты живой изгороди. На лужайке перед домом стоял надувной бассейн и

небольшие качели. Сейчас внутри бассейна стремительно собиралась дождевая вода. Под качелями в небольшой ямке от человеческих ног также образовалась овальная лужа.

Он подошел к дому. Патрульный отметил странное, неприятное ощущение. По мере того, как он приближался к дому, ему становилось труднее дышать. словно что-то медленно, тяжело и жестко стискивало его грудь. Тревожным, частым басом звучало сердцебиение. В горле странно, неприятно пересохло. Колко бились вены на висках. Растущее напряжение сжимало голову и сдавливало живот.

Полицейский и сам не мог объяснить, что его встревожило, что напугало. Что именно заставило его поверить, что в доме его ждет нечто кошмарное. Нечто, что несмываемой ржавчиной вьется в его память на долгие годы.

Угрожающее чувство тяжелело в сознании. Все его инстинкты обострились. А один из базовых во всю глотку орал: «Убирайся! Беги! Садись в тачку и уезжай отсюда, глупец!!!». Но младший лейтенант помнил и знал принципы своей работы. И ради чего он пошел в полицию, тоже знал.

Он встал у входной двери дома. Поднес руку к дверному звонку.

Но тут же заметил узкую черную полосу тьмы между дверью и дверным косяком. Офицер легко толкнул входную дверь дома, и та мягко, плавно без труда отворилась.

Изнутри на него хлынула ошеломляющая тишина. Её нарушала только приглушенная музыка, звучащая откуда-то сверху, со второго этажа и монотонный стук дождя по окнам.

Он занес ногу, чтобы переступить порог. Внутренний голос его инстинкта самосохранения усилился до истеричного. Угнетающее чувство паники росло в сознании с ускоряющимся ритмом пульса.

Нервно, тяжело сглотнув, офицер огляделся.

Дом был украшен праздничным убранством. Гирлянды, ленты, цветы на стенах и во всем интерьере. Повсюду, в каждой комнате ярко горел свет. Со стороны кухни тянуло чем-то подгоревшим.

— Эй! — позвал полицейский. — Есть кто-нибудь?! Эй!.. Хозяйева!

Патрульный замолчал. В мозг неожиданно и резко ввинтилась мысль о том, что ему никто не ответит. Ему некому отвечать.

Он вдруг каким-то неуловимым шестым чувством почувствовал, что он действительно здесь один. И крикнул он совсем не с надеждой, что кто-то ему ответит. Он закричал, чтобы просто услышать свой голос. Он крикнул больше затем, чтобы прогнать поселившееся в нем чувство необъяснимого страха. Мелькнула мысль уйти. Сесть в автомобиль и поскорее убраться отсюда на безопасное расстояние.

Полицейский достал пистолет. Тяжесть оружия в руке придала сил и храбрости. Он зашел на кухню, заглянул в ванную, в комнаты на первом этаже. В одной из них на кровати лежало несколько платьев. На трюмо перед зеркалом был беспорядочный ворох косметики. Рядом заряжался чей-то телефон.

Полицейский снял блокировку, взглянул на дисплей гаджета. На фоне яркой заставки отобразилось сообщение о сорока восьми непринятых звонках.

Вкрадчивое гадкое чувство охватило со офицера со спины и стиснуло, сжало, задушило. Он почувствовал, как его тело одолевает мелкая нервная дрожь. Офицер судорожно вздохнул. Вышел из комнаты, держа пистолет перед собой. Он подошел к лестнице. Шагнул на ступени и опустил взгляд.

Хлынувший в кровь лед ужаса заставил его оцепенеть. На деревянных ступенях старой

лестницы темнели черные следы обуви. Слово нарисованные, как будто мультяшные они тянулись вверх, на второй этаж.

Переборыв свой ужас, сдерживая панические порывы, офицер поднялся выше. Он старался дышать тихо, но учащенное дыхание шумно вырвалось из носа, срывалось с его губ.

Гулко, часто пульсировали вены в теле. Что-то вязкое и мерзлое стыло в животе. Предательская дрожь поселилась в руках, плечах и коленях. Офицер не мог совладать с этим позорным проявлением бессильного ужаса.

Но он заставил себя зайти на второй этаж. Здесь перед ним оказалась прикрытая дверь. Полицейский резко шумно втянул сухой воздух носом, привалился спиной к стене. Он не сводил взгляда с зеленой, запертой двери. Точнее, он застыв, вжимаясь в стену, с трудом глотая воздух таращился на две бумажные гирлянды из черно-белых человечков.

Они висели на двери крест на крест перечеркивая вход в неё.

Справившись с шоком, полицейский дрожащей рукой сорвал гирлянды из черно-белых человечков и повернул ручку двери.

Дверь подалась. Он вошел, чувствуя мерзлую щекотку на коже спины.

Он вошел на второй этаж. Здесь на удивление было темно. И из темноты откуда-то звучала легкая попсовая мелодия. Офицер включил фонарик, осветил вперед.

Желтый круг фонаря пополз по выкрашенному в черно-белые полосы паркету, блеснул на чёрной люстре под белым потолком.

Младший лейтенант снова нервно сглотнул. Дрожь в теле, казалось, проникла в душу, затрепетала в венах и мышцах, закралась в сердце.

Офицер осветил в сторону, нашел выключатель, щелкнул им.

Вспыхнул свет, полицейскому показалось, что он услышал слабый шепот. Он посмотрел вперед и замер.

Фонарь выпал из его рук, покатился по полу. Содрогаюсь всем телом, открыв рот и пытаясь сделать глоток воздуха, он таращился вперед, глядя на стены.

Он не был один в этом доме. Они все были здесь. На втором этаже.

Длинный коридор черно-белыми цветами бесконечно уходил вперед, упираясь в черноту торцевой стены.

Две длинных стены по бокам были сплошь закрашены черным и белым. Слева черное, справа белое. Как отражение противоположностей. И на каждой стене были распяты обнаженные, неподвижные тела.

На черной стене с засохшей краской, застыли четыре людские тела с белеющей кожей и заполненными тьмой вытаращенными глазами. Чернота обуглила их волосы, губы и ногти. На затвердевших лицах застыла немая, мертвая пустота. Она уродовала их лица, она демонстрировала иссякнутую в них жизнь.

Справа от лейтенанта, на белой стене, словно обгоревшие, висели выкрашенные в черное другие четыре мертвеца. Они были как противоположное отражение белых тел. Угольно черные, вымазанные жирной, маслянистой черной краской они глядели пустыми белыми глазницами, на головах белели их волосы, белыми пятнами выделялись ногти на руках и ногах. Абсолютно белыми были их губы.

Их мертвые глазницы глядели перед собой друг на друга. Четверо глядели на четверых. Восемь лишенных жизни тел повисли, связанные, распяты на стенах, похожие на игрушечные бумажные гирлянды, что висели на двери.

Некто уподобил тела людей своим игрушкам. Своим черно-белым мертвым, послушным

игрушкам, для своего черно-белого мира, в своей монохромной кошмарной фантазии.

Упав на колени, младший лейтенант извергнул из себя недавний завтрак. Содрогаясь в рвотных спазмах, офицер услышал, как заговорила его рация.

— Семьсот двадцать восьмой! — послышал голос диспетчера. — Что там у тебя? Семьсот двадцать восьмой!

Лейтенант смог ответить не сразу. Вытерев лицо, он отполз назад, с трудом поднялся, снял дрожащей рукой рацию с плеча и проговорил, заикаясь, не в силах отвести взгляда от мертвых черно-белых тел:

— Убийство... — проговорил он. — Я обнаружил восемь тел... Убито восемь человек. Этаж... и... все вокруг... Все черно-белое.... Все... все, что я вижу... все только черное и белое... Господи...

— Немедленно возвращайтесь в машину! — приказала диспетчер. — Вызываю вам подкрепление и скорую! Будьте осторожны! Убийца может быть ещё в доме! Вы слышите меня, семь два восемь? Вы слышите? Он слышал. Но не диспетчера. Он слышал шаги. А затем услышал, как за его спиной с вкрадчивым скрипом открылась дверь.

Младший лейтенант, глотая страх, обернулся, вскинув пистолет.

Мгновение он смотрел в лицо юной девушке. Она была совершенно обнаженной и единственным, что не было черно-белым в этом коридоре.

— Помогите... — прошептала она со слезами. — Он... во мне... Внутри... Помогите... Я...

В следующий миг глаза её закатились, и она рухнула вперед к его ногам. Лейтенант едва успел поймать её на руки.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 17 августа

Вислоухий бигль, радостно тявкая, побежал к Стасу. Корнилов усмехнулся, глядя на счастливого щенка. Стас бросил мяч в сторону. Яркий малиновый мячик проскакал по просторному холлу квартиры Корниловых, ударился об стену отскочил в другую сторону. Четверг, восторженно тявкая, неуклюже побежал за мячиком. Наблюдавшая за игрой Стаса с щенком, Алинка захлопала в ладоши.

— Он такой смешной! — крикнула она, наблюдая за своим любимцем.

Стас взглянул на неё. Она улыбалась. Она была счастлива. Живая, светлая радость сияла в её глазах. Она была счастлива, просто глядя на отца и своего щенка. И Стас нередко ловил себя на мысли, что ему кроме её счастья не так уж много нужно в этой жизни. Может быть, даже больше ничего.

Из комнаты донесся звонок мобильного.

— Поиграй пока, ты, — Стас бросил мяч дочери. — Я сейчас.

Алинка слезла с дивана.

— Четверг! — скомандовала она. — Лови..

Маленький бигль с готовностью гавкнул, забавно пытаясь встать на задние лапы.

Стас вошел в их с Ритой спальню, взял мобильник, лежавший на столе, взглянул на дисплей. Корнилов обернулся на дочку, что играла с щенком, и тихо закрыл дверь в комнату.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — ответил Стас. — Что-то с Курбатовым? Он хочет

что-то добавить?

— Нет, Стас, — тяжелым голосом ответил Аспирин. — Он... у нас убийство... восемь трупов... Всё то же самое. Яша уже там.

— Сейчас буду, — помолчав, ответил Корнилов.

Дождевая вода стекала по лобовому стеклу его внедорожника.

Дворники интенсивно метались из стороны в сторону, смывая бесконечные потоки воды. В черном небе грохотали взрывы грома. Гроза шумела над Москвой, и серыми нитями струился бесконечный дождь.

Стас не рисковал ехать быстро. Вокруг повсюду: по дорогам и дворам расплзался густой, дымчатый туман. Он определил дом, в котором произошло очередное убийство, по красно-синим огням полицейских машин.

Когда он подъехал, возле дома номер тридцать восемь на Ореховом бульваре стояли три полицейских форда и фургон скорой помощи. Стас выбрался из автомобиля. Накрыв голову капюшоном, пролез под красно-белой лентой, ограждающей дом.

Возле дома курили трое полицейских. Лица у всех были мрачные, удрученные и растерянные. Они не могли поверить в то, что увидели. Не могли поверить, что человек способен на такое...

Стас уже примерно догадывался, что увидит.

Яша, который опять приехал на место преступления раньше всех, вкратце объяснил ему ситуацию по телефону.

Когда Стас поднялся на второй этаж дома, он остановился на пороге. Он был подготовлен, он знал, что должен увидеть. И все же он не смог устоять перед эмоциональным потрясением. За порогом второго этажа в длинном коридоре начинался черно-белый мир,

лишенный многообразия цветов, с которыми ассоциируется жизнь, наполненный спрессованными здесь эмоциями пережитой боли и страхов, замороженный в безмолвии.

Перед ним раскрылся черно-белый коридор. Стас увидел четыре тела слева и ещё четыре справа. Неподвижные. Бездыханные. Покорные... Лишенные цветов жизни. Выкрашенные в черный и белый, они застыли в странных, одинаковых позах. Как будто пытались изобразить «звезды».

Стас пересек порог и осторожно пошел вперед. Он неторопливо двигался мимо висящих на стене черно-белых тел. Он заглядывал их черные и белые глазницы. Там расплывались тусклые, мерклые отражения.

Монохромный человек не просто убил их. Как и раньше он преобразил их всех. Изменил. Изуродовал. Подчинил их мертвый облик своим патологическим предпочтениям. Раздетые. Повешенные. И связанные между собой. Они были похожи на жуткое, издевательское подобие самодельной гирлянды, обрывки которой Стас видел на двери, на лестнице. Корнилов разглядел на их шеях ремни ошейников, которые удерживали их на весу. Тонкие металлические тросы от ошейников тянулись к потолку.

Стас обратил внимание на запястья мертвецов. Они тоже были стянуты, туго связаны ремнями. Стас услышал шаги, обернулся.

Из комнаты вышел Яша.

— Что-то ты быстро, — усмехнулся Щербаков.

Он был в расстегнутом темном пиджаке и полосатом свитере. В руках он держал фотоаппарат.

— Не так быстро, как ты, — хмыкнул Стас. — Дашь перчатки?

— Вон в сумке...

Стас увидел стоящую на полу расстегнутую сумку судмедэксперта и вынул оттуда свежую пару латексных перчаток. Надев их на руки, он достал фонарик и внимательно осмотрел черно-белых мертвецов.

— Что-то уже можешь сказать? — спросил Корнилов.

— Время смерти нет, — ответил Яша. — Нужно исследовать кожные покровы, а это пока невозможно. Интересно другое... Видишь их глазницы? Как выпирают... На лицо яркий экзофтальм. Плюс тела...

Он показательно пощупал мышцы висевшего перед ним мужчины.

— Скованные судорогой. Суставы не гнутся, и еще несколько часов тела будут буквально одеревеневшие.

— Каталептическое окоченение? — кивнул Стас.

— Похоже, — хмыкнул Ящер. — Их не застрелили, не прирезали и не удушили, как в прошлый раз.

Яша лукаво стрельнул глазами в Стаса.

— Угадаешь? Или сказать?

Стас не изменился в лице.

— Яд, — ответил он спокойно.

— Ежу понятно. А какой? Что за вещество?

Стас ещё раз окинул тела изучающим взглядом. Вздохнул.

— Экзофтальм и каталептическое схватывание мышц тела без поражения центральной нервной системы... — вслух рассудил Стас. — Думаю, это обычный стрихнин.

— Почему именно стрихнин? — удивился Яша. — Им же насекомых травят...

— Вот именно, — Стас снова прошел. — Заморачиваться не надо. Достать легко.

— Да? А как по-твоему он заставил их всех нажраться яда? Спорим они приняли его одновременно? — не унимался Яша.

— Не буду я спорить, — нахмурился Стас. — Я не сомневаюсь, что они выпили яд синхронно.

— И как же...

— Шантаж, — ответил Стас. — Видел девушку, которую увезли врачи?

— Выжившая, — кивнул Яша. — Непонятно, как... Полицейский, который её обнаружил, сказал, что она несла какую-то жуткую бессмыслицу... Что... Ну... Кто-то внутри неё... Что какой-то «Он» проник в неё... Она плакала и просила помочь ей.

Стас внимательно посмотрел на Яшу. Он вспомнил слова Гудковой.

«Он заполняет их собой! Он делает нас частью себя! Частью баланса!»

Корнилов пригляделся к мужчине, что висел за спиной Яши. Его лицо показалось ему смутно знакомым.

— Что такое? — спросил Ящер. — Ты его знаешь?

Стас несколько мгновений светил фонариком в лицо полного мужчины, с белой кожей и черными волосами. Корнилов задержал взгляд на его угольно-черных глазах.

— Да, — проговорил он тихо. — Это журналист «Философского проспекта». Это Марк Лунин.

Стас перевел взгляд на женщину слева от Марка.

— И его жена, — сухо добавил Стас.

Он тягостно вздохнул. Корнилову не составило труда представить, какой шум теперь поднимет пресса. Монохромный человек убил восемь людей, и среди них журналист одного из популярнейших журналов страны. А главный редактор сейчас сидит в одной из камер в расположении управления Уголовного розыска.

— Твою мать, — не сдержался Стас.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть первая.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 августа

Он смотрел перед собой, в пустоту. Его нерушимый, отстраненный взгляд был направлен в невидимую даль, выходящую за грань помещения, в котором он находился. Он смотрел на ряды пустых черных стульев и вспоминал лица жертв в доме на Ореховом бульваре. Вспоминал их застывшие в посмертных судорогах тела и лица, навсегда замершие с выражением сонной печали.

Убийца, относительно мышления которого, у Стаса пока были только догадки, совершил очередное, ужасающее злодеяние.

И он, начальник особой оперативно-следственной группы, не смог ему помешать. Опять.

Это чувство болезненной тяжестью легло на душу. Нет, подполковник Корнилов не собирался заниматься самобичеванием.

Тем, чьи жизни отнял Монохромный человек, это не поможет. Равно, как и их родным.

Но Стаса угнетал тот факт, что он ещё не приблизился к убийце настолько, чтобы быть способным предотвратить следующее убийство. А оно будет, в этом Стас не сомневался. И в этом, конечно, он не признался бы никому, даже генералу Савельеву, но, скорее всего, Монохромный человек окажется впереди и в следующий раз.

Стас понимал, что он не должен давать волю чувствам и эмоциям. Не должен дать им поглотить себя, утонуть в них. Он не может позволить себе растаять в жалости и сочувствии к жертвам убийцы. Ни то, ни другое не поможет его поймать. И да, он должен быть морально готов к тому, что Монохромный человек убьет снова.

И он не сумеет ему помешать.

Корнилов пытался принять мысль о том, что с высокой вероятностью проиграет убийце снова. Проиграет новые утерянные жизни новых жертв. Гадкая мысль неожиданно проникла в его сознание. Мысль о том, что у будущих жертв Монохромного человека, скорее всего, нет родных. А если и есть, то только самые дальние, и, возможно, им нет никакого дела... Стас поморщился. Усилием воли отогнал эту низменную мысль. Устало потёр переносицу.

Из-за двери конференц-зала донеслись голоса и шум шагов десятков ног. Стас устало посмотрел на дверь. Она внезапно быстро открылась, и в зал гурьбой ввалилась толпа журналистов. Стас флегматично наблюдал, как они занимают места в рядах черных стульев.

Рядом с Корниловым, за длинным столом с микрофонами сел Аспирин.

— Ну что? — шепнул он. — Продумал речь?

— Так точно.

— Отлично. И сделай лицо не такое печальное, будь добр. Тебя будут фотографировать. Люди не должны видеть такое лицо у сыщика, противостоящего одному из опаснейших убийц.

Корнилов вздохнул. Он понимал, что Аспирин прав, но сделать с собой ничего не мог.

— У вас уже есть хотя бы один подозреваемый? — задал вопрос тощий парень в стеганой жилетке.

Стас не мог разглядеть логотип телеканала, который тот представлял.

— Нет, — ответил Корнилов.

— Тогда за что вы посадили Лукьяна Курбатова?

— Никто его не сажал, — сердито ответил Стас. — Пока что Курбатов под следствием.

— Это связано с Монохромным человеком?

— Да, — ответил Стас.

И тут же увидел, как сразу несколько десятков журналистов что-то быстро застрочили в своих блокнотиках. Корнилов почему-то подумал, что зря он дал ответ на этот вопрос. Да и предупредительный взгляд Аспирина тоже содержал тревогу на этот счёт.

Из рядов журналистов поднялась невысокая девушка с полноватой фигурой и пышным хвостом темных волос.

— Диана Ветлицкая, газета «Стенография», — представилась девушка. — У вас есть догадки, каким образом убийца выбирает своих жертв?

Стас помедлил. Догадки у него были. Но озвучивать их он не собирался.

— Да, — ответил он.

— Можете поделиться?

— Нет, — быстро ответил за него подполковник Савельев. — Это конфиденциальная информация. Дальше, следующий вопрос!

Поднялась блондинка в длинном кардигане. У нее было вытянутое, скуластое лицо и вытянутый вперёд нос, на котором держались очки с узкими линзами.

— Ирина Краснова, — произнесла блондинка, поправив волосы и очки, — газета «Поручитель».

Блик света сверкнул на линзах её очков.

— Скажите, вы чувствуете ответственность за гибель восьми человек? Или, если быть точной, уже двенадцати людей, отдавших свои жизни из-за вашего бездействия?

Многие в зале оглянулись на неё. Но никто ничего не сказал. Десятки пар глаз с жадностью уткнулись в Стаса.

Корнилов молча глядел на журналистку из «Поручителя». Он находился под расстрелом видео и фотокамер. Стас смотрел в равнодушный, жадный взгляд длинноносой блондинки. Он видел её глумливую улыбочку, которую она тщательно пыталась скрыть.

Эта Краснова явно была довольна, что сумела задать Стасу неудобный вопрос.

— Да, — ответил Стас, глядя в глаза журналистки. — Да, я ощущаю вину.

— То есть, вы признаете, что не можете справиться с этим преступником? — торжествующе спросил журналистка, и глаза её восторженно заблестели.

Она уже предвкушала, какую громкую статью опубликует в своем издании.

Стас пару мгновений смотрел ей в глаза. Он ждал, что она опустит взгляд. Но девушка не опустила взор. Она слишком жаждала славы и признания. Она буквально пожирала Стаса поблескивающими от нетерпения глазами.

— Я признаю, что мы идем по его следу, — ответил Стас. — И он в любом случае будет арестован. Или уничтожен.

Снова журналисты дружно, быстро застрочили ручками в своих блокнотах. Кто-то лихорадочно вбивал текст на ноутбуках.

Генерал Савельев сдавленно прокашлялся. Стас понимал, что, возможно, говорит совсем не то, что следовало. Но подобные встречи с журналистами он ненавидел. Да и самих журналистов тоже, мягко говоря, не любил.

— Хм, — криво усмехнулась журналистка из «Поручителя». — То есть, вы допускаете, что подозреваемый вами в убийствах человек может быть убит, прежде, чем предстанет перед судом?

— Только в том случае, — ответил Стас, — если у следствия не будет никаких сомнений в его виновности.

В этот раз его слова записывали куда быстрее, чем в предыдущие разы.

— Стас... — генерал Аспирин тяжело поставил только что опустошенный стакан. — Я понимаю, что... Что тебе платят жалованье не за болтовню с журналистами, но, чёрт возьми, надо же думать, что ты говоришь людям...

Стас раздраженно вздохнул. Одна из причин, по которой он ненавидел общение с журналистами — это постоянная необходимость юлить, изворачиваться и увиливать от прямых ответов. Ему это было несвойственно, тяжело и категорически неприятно.

— Думаю, в следующий раз лучше поручить общение с СМИ нашему пресс-секретарю, — ответил Стас.

Генерал в ответ лишь презрительно фыркнул.

— Наш пресс-секретарь только что из декрета вернулась. Ей вредно волноваться... И ещё она... ай, сам знаешь, бестолковая баба.

Стас счел за лучшее никак это не комментировать.

— Товарищ генерал, мне жаль, что...

— Да ладно, — отмахнулся Аспирин, — забудь. Лучше скажи, что там по делу? Курбатов начал говорить?

— Почти.

— Что значит «почти»? — поморщился Савельев. — Что, сначала начал, а потом передумал? Или что?

— Курбатов перечислил всех, кого они с друзьями собирались сжечь, — ответил Стас. — Назвал имена и фамилии. Мы сейчас проверяем полученную информацию. Вчера должны были ехать на опознание извлеченных останков.

— И что помешало? — ворчливо спросил генерал.

Стас хмыкнул.

— Курбатов внезапно сослался на плохое самочувствие.

— Судя по голосу, ты ему не веришь.

— Лукьян из тех людей, товарищ генерал, которые даже со швалью на руках в конце игры, будут пытаться вытянуть кон на ничью.

— Ишь ты... Это как понимать?

— Он будет до конца и по максимуму пробовать выторговать и получить для себя наибольшую выгоду.

— Что ты имеешь ввиду под выгодой?

Стас пожал плечами.

— Меньший срок, или отбывание наказание не в тюрьме строгого режима. Или же вовсе... условное.

— Да иди ты! — вспыхнул генерал. — Какое ещё условное!

— Товарищ генерал, — вздохнул Стас. — Курбатов начал подозревать, что нам известно далеко не так много, как нам бы хотелось.

— С чего ты взял?

— Его поведение изменилось, — просто ответил Корнилов. — Он стал увереннее.

Генерал не решился спорить. В поведенческом анализе девиантных лиц Стасу не было равных среди сотрудников УГРО. Да и среди всего МВД тоже.

— Ты думаешь, что плохое самочувствие он симулировал? — генерал почти не спрашивал.

— Я в этом уверен, — проворчал Стас. — Но он провернул это так умело, что у врача, который его осматривал, не возникло подозрений.

— Но... — с нажимом произнес Аспирин.

— Но Курбатов, скорее всего, решил таким образом взять паузу и лучше обдумать свое положение, — ответил Стас. — А причиной, его на это вдохновившей, послужила новость о смерти Марка Лунина.

— А причем тут... — начал генерал. — А-а...

Он хмыкнул, кивнул.

— Тот «Марк» из видения Ники? Да? Думаешь, это Лунин?

— Больше никому, — резонно возразил Стас.

— Логично, — кивнул генерал. — А кто ему сообщил-то? В камере то нет телевизора...

И газет ему никто не носит.

— Я бы тоже хотел узнать, — вздохнул Корнилов. — Хотя, какая уже разница?

— Разница есть, — поднял указательный палец генерал Савельев. — Я выясню, кто там языком чешет где ни попадя. А что ты собираешься делать, если Курбатов будет и дальше извиваться?

Стас хмыкнул, оценив тонкий намек генерала на принадлежность Лукьяна к видам пресмыкающихся.

— Он ведь не единственный, кто был там в ночь пожара, — ответил Стас. — Там была его жена, Майя. Там был кто-то из братьев Каменевых. И с тем, и с другим нужно будет переговорить. Личности остальных тоже не составит большого труда установить, но... лучше все же, чтобы заговорил Лукьян. На него у нас точно есть гарантированный рычаг давления.

— Чего же он тогда не срабатывает? — проворчал генерал.

— Товарищ генерал, — качнул головой Стас, — если бы этот метод не срабатывал, мы бы с Курбатовым уже общались исключительно в присутствии его адвоката.

— Адвоката все равно придется ему дать, — напомнил генерал.

— Нашего, — пожал плечами Стас и усмехнулся.

— Ты ведь не позволишь ему получить более мягкий приговор, верно? — кивнул генерал.

Стас перестал улыбаться.

— Курбатов и все прочие совершили гнусное, подлое и жестокое убийство. Они не только потенциальные жертвы Монохромного человека, но и сами такие же безжалостные и алчные уроды, погубившие пять десятков людей ради с**ных баксов.

— Для таких людей убийство — это, как выгодное вложение, — с отвращением проговорил генерал. — А что там с Гудковой?

— Ищем, — лаконично ответил Стас.

— Надо бы побыстрее найти её, пока она ещё кого-нибудь не попыталась убить, — скривился Антон Спиридонович. — Если она действительно такой отменный гипнотизёр, это стократно увеличивает наш риск. Мы не знаем, чего от неё ждать...

— Да это-то предположить, как раз не трудно, — ответил Стас.

— Неужели? — хмыкнул генерал.

— Так точно, — вздохнул Стас. — Гудкова одержима Монохромным человеком, и, скорее всего, в ближайшее время будет предпринимать попытки найти его.

— А если уже нашла?

— Она не знает, где он и кто он, — возразил Стас. — И так быстро узнать не могла.

— Почему ты думаешь, что не знает?

— Она лечилась под присмотром доктора Шамова восемь месяцев... Могла сбежать намного раньше. Да и сейчас сбежала, в первую очередь, ради мести. Разозлили они её... Хотя мне их не особо жаль.

— Да, охранники эти — ещё те подонки, — покачал головой генерал Савельев. — Кем надо быть, чтобы... А, ладно. Что с них взять. Шакалы грязные! Кстати, как они там? Пришли в себя?

Стас молча покачал головой.

— Наметились кое-какие улучшения... Они начали принимать пищу, но до сих пор живут под гипнозом. Психиатры только руками разводят и твердят, что это — «какая-то мистика»!

— А ты не веришь? — с некоторым сомнением спросил вдруг генерал. — Ника то у нас тоже... непростая девочка. Я вообще не знал, что такое возможно, пока она не рассказала... кое-что обо мне.

Генерал прокашлялся, намекая Стасу на тот раз, когда Ника шокировала его своими знаниями о самых больших тайнах генерала Савельева.

— А с Плансоном что? — спросил генерал.

— С тех пор, как ему дали адвоката, он чувствует себя слишком защищенным, но, думаю, всё, что могли, мы с него взяли. Если его адвокатишка не выдумает, как отмазать своего клиента, передадим дело в суд и поедет наш педофил-фотограф туда, где живут и работают такие же существа.

— Он там в тюрьме долго не протянет с его-то статьёй, — чуть скривился генерал Савельев.

— Мне всё равно, — холодно ответил Стас. — Сам бы его пристрелил, да закон запрещает.

— Так, — генерал хлопнул ладонью по столу. — Ты сегодня уже пообещал перед всеми гостями из средств массовой информации стрелять в подозреваемых. Возьми себя в руки, Корнилов. Кроме тебя и твоих парней, ну и Ники, конечно, Монохромного человека поймать некому. Всё. Иди, работай. И держи меня в курсе.

Стас молча кивнул и вышел из кабинета. Тяжелая голова звенела мерным, басовитым звоном. Казалось, скопившиеся в голосе противоречивые мысли, раздумья и предположения разрывали череп следователя.

Четверг, 19 августа.

Чашка кофе медленно остывала перед ним. Касьян взволновано ёрзал на стуле. Мимо него между столиками проворно лавировали официанты. Каменев вглядывался им в глаза, пытаясь узнать того парня, что обслуживал его в пятницу на прошлой неделе. Именно он должен был видеть, как они с Милой Бондаренко рассчитались и вместе уехали.

Но тут главная проблема состояла в том, что Касьян плохо запоминал лица обслуживающего персонала. Будь то официант, горничная, швейцар или бортпроводник. И сейчас он придирчиво вглядывался в лицо каждого увиденного официанта.

Наконец, как ему показалось, он увидел молодого человека, что обслуживал их с Милой столик. Касьян знаком подозвал его.

Официант в сиреновом фартуке послушно подошел к столику и, склонившись в вежливом полупоклоне, спросил:

— Желаете заказать что-то ещё?

— Э-э... нет, — Касьян слегка замялся. — Мой вопрос, наверное, покажется вам странным, но... В прошлую пятницу, вы помните, как обслуживали меня и?..

— Светловолосую девушку в бирюзовом платье, — закончил официант. — Да, я отлично это помню. Вы оставили очень щедрые чаевые.

— Что ж... — Касьян был слегка удивлен, что официант их запомнил. — А вы помните, как мы уезжали?

— Простите? — чуть нахмурившись переспросил официант.

— Ну, вы помните, как мы вместе покидали кафе? — спросил Касьян и замер, затаив дыхание.

— Вы что-то путаете, — покачал головой официант. — Девушка ушла намного раньше вас. А вы... ещё долго сидели и что-то бормотали, глядя в чашку. Помню, некоторые посетители ещё косились на вас... Но мы тут к любым странностям привычны.

Он ободряюще улыбнулся Касьяну. А вот Каменеву было не до улыбок. По позвонкам от шеи вниз скользнуло чувство влажного холода. Его кожа покрылась испариной, тревога в такт сердечному ритму жестко сдавливала рёбра и грудь.

— Благодарю вас... — промямлил Касьян и положил на стол пятисотрублевую купюру.

— Приятного отдыха, — угодливо улыбнулся официант и, забрав деньги, удалился.

Касьян несколько мгновений смотрел перед собой в прострации.

Что за чертовщина с ним происходит?! Как такое возможно?! Он же помнит... Это же... Это же было! Это... Откуда тогда яркое и четкое воспоминание об обнаженной Миле Бондаренко, сладко стонущей на нём? Откуда он помнит вкус её губ? Откуда помнит её крик в момент пика наслаждения?.. Неужели...

Мысли пульсировали в его голове. Касьяном овладело пугающее смятение. Он не понимал... Силился, пытался объяснить... Но не мог...

Резко зазвонил мобильник. Каменев вздрогнул, толкнул стол, из чашки выплеснулся кофе. Глядя на влажные бурые пятна, Касьян вынул мобильник, удивленно взглянул на звонивший контакт.

Алла Лунина — двоюродная сестра Марка. Зачем она звонит?

Касьян принял вызов. Поднес трубку к уху.

— Да?

— Касьян... — голос Аллы дрожал.

Каменев сразу осознал, что случилось нечто неожиданное, нечто, о чем он знать совершенно не хочет.

— Что случилось? — спросил Касьян.

Он был первым из тех, кто поздравил его с получением премии «Золотое перо» и «Пулитцеровской премии». Он радовался за него искреннее, честно, от души. И именно он, Марк Лунин, поддерживал Касьяна, когда тому доставалось от Лукьяна Курбатова или, когда возникали трудности с написанием статьи.

Марк Лунин — его верный, искренний друг, последователь и соратник. Марк Лунин — человек, чья поддержка так много значила для Касьяна.

А теперь он бледный, со спокойным лицом, смиренно и тихо лежит в гробу среди цветов. Касьян не верил в то, что его друга больше нет. Ему казалось, или, точнее, ему хотелось, чтобы внезапно Лунин поднялся, улыбнулся и, хохоча как идиот, объявил, что это была шутка.

Но нет... Марк Лунин, журналист «Философского проспекта» и его лучший друг, был мёртв.

За спиной Касьяна рыдала мать Марка, его сестра Алла и его две племянницы. В церковь на отпевание пришли ещё несколько коллег из издания и какие-то родственники, которых Касьян не знал. Касьян с того момента, как пришел, ни с кем не разговаривал. Даже с Аллой Луниной, что пригласила его. Он не мог до конца принять факт случившегося и вообще с трудом воспринимал всю происходящую вокруг действительность. Он был абсолютно сражен и уничтожен обрушившимся несчастьем.

С мрачным унынием он стоял среди всех собравшихся, пока гроб с Луниным медленно опускали в яму. Он не слышал ничего и никого, глядя на деревянный ящик, в котором медленно будет гнить под землей тело его лучшего друга. Он не чувствовал горечи и боли, рвущих душу и раздирающих сердце.

В том то был и ужас, что Касьян не ощущал ничего. Лишь пустоту. Только внезапная и ошеломляющая пустота разворачивалась в его сознании и мыслях. Ничего. Тишь... Мрак... Безмолвие.

Станный внутренний, внезапный импульс, словно дёрнул за левое плечо. Поддавшись инстинкту, Касьян обернулся.

Он поймал её взгляд и почувствовал, как с толчком сердца, повысилась температура. Запылала пульсирующая кровь, болезненное пекущее тепло растекалось по коже.

Он смотрел в ясные, бледные голубые глаза темноволосой девушки. Она стояла далеко, на другой стороне улицы. Её плещущиеся на ветру волосы были похожи на извивающиеся щупальца. Она улыбалась. Злорадно. Победно. Торжествующе.

И лицо... Её лицо было выкрашено в черно-белый.

Касьян сорвался с места и бросился к девушке. Священник, читавший проповедь над гробом Лунина осекся. Все вокруг изумленно уставились вслед убегающему Касьяну.

Бежать было неудобно, сломанная рука в биндаже серьезно сковывала его действия.

— Эй! — закричал он девушке. — А ну, стой! Стой, слышишь! Стоять!..

Черноволосая ещё пару мгновений улыбалась, а затем быстро обернулась и юркнула в узкий темный проулок.

Касьян выбежал на проезжую часть. Перед ним с возмущенным сигналом остановился красный внедорожник.

— Ты шо больной?! Олень ***ть! — проорал водитель из окна автомобиля.

Касьян перебежал дорогу, ринулся в проулок, вслед за девушкой с черно-белым лицом. Его гнала злость и жажда мести. Он знал, что случилось. Знал, кто убил Лунина. Монохромный человек... Этот безжалостный психопат с больной психотической фантазией! И эта... Эта девка с черно-белым лицом, с ехидной улыбкой... Наверняка, она что-то знает. Зачем иначе она разрисовала себе физиономию в черный и белый?! Не иначе, как поклоняется этому безумцу! А может... А может она сама и есть убийца!

Предположения стремительно менялись в голове Касьяна, пока он бежал за девушкой. Люди во дворах с удивлением смотрели, как мужчина со сломанной рукой неловко, но старательно и прытко мчится по уличным дорогам.

Девушки с черно-белым лицом нигде не было. Касьян пересек двор и выскочил к проезжей части. Здесь, отдышавшись, он оглянулся. Посмотрел в обе стороны. Идут прохожие, шумят автомобили, откуда-то тянет приторно-сладким запахом. Девушки с черно-белым лицом нигде не было.

Касьян глубоко втянул носом воздух. Сердце слева гремело, после бега. Легкие жаждали воздуха. В левом боку ощутимо и довольно болезненно тянуло. Каменев выругался. Он услышал шум мотора. Обернулся.

Возле него резко затормозил черный внедорожник. Прежде, чем Касьян успел хоть что-то понять, из машины выскочили трое мужчин. Подскочили к нему. Касьян неловко развернулся, бросился было бежать. Но мужчины крепко схватили его. Касьян почувствовал быстрый укол в шею. Теряя сознание, чувствуя, как его куда-то несут, он услышал крик женщины.

Кто-то грозился вызвать полицию. Кто-то кричал: «Остановитесь! Что вы делаете?!». Последнее, что он помнил, перед тем, как сознание утонуло во мраке, был резкий крик знакомого голоса.

— Давай, всё! Валим! Валим!..

Он очнулся от холода на лице. Касьян вздрогнул, отпрянул назад. Что-то удержало его за запястья. Он судорожно втянул в себя воздух, откинул голову назад. В глазах все расплывалось и двоилось. Болела отяжелевшая голова. Следом накатила кошмарная тошнота, и его вырвало. Он изверг содержимое желудка буквально себе под ноги.

— Твою же ма-ать... — с брезгливостью протянул кто-то. — Ты что, не мог сдержаться, падаль?

Прежде, чем Касьян сумел сфокусировать взгляд на говорившем, ему в живот прилетел мощный удар. Каменев охнул, хрипло закашлялся и скривился от ломящей, давящей боли в животе.

Он не успел пережить свирепую боль от удара, как получил новый в лицо. Голова его качнулась назад, хрустнули шейные позвонки, Касьян ощутил, как по лицу заструилась кровь.

— Хватит! — властно сказал, чей-то голос. — Оставьте его!

— Да после того, что эта тварь напечатала, его надо...

— Я сказал, оставьте! Инга сказала, что хочет видеть его мучения. Хочет увидеть, как он будет страдать... А значит...

Кто-то подошел к Касьяну. Он ощутил запах мужского парфюма.

— Значит, эта гнида будет подыхать медленно. А то вы его тут ща забьете за полминуты...

— Меньше, — прошипел кто-то из угла с жгучей ненавистью. — Я бы этого уroda пристрелил бы...

Кто-то взял Касьяна за волосы и поднял его голову вверх.

Касьян скривился от рвущей боли под кожей головы.

— Ну что, звезда российской журналистики? — глумливо спросил человек с дорогим парфюмом.

У Касьяна постепенно сфокусировалось зрение. Отступило головокружение, и окружающая обстановка приобрела четкость.

Он находился в подвале с низким потолком и тусклым светом.

Вокруг него стояли четверо неизвестных людей. Перед ним на корточках сидел мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами и полосатом галстуке. У мужчины были лохматые каштановые бакенбарды и сверкающая лысина голове. Из-за удлиненной, мощной челюсти обладатель пышных бакенбардов походил на натурального орангутанга. У него был широкий, мясистый нос с легкой горбинкой и умиротворенные, удивительно спокойные тускло-серые глаза с равнодушным, мягким взглядом.

Разумеется, взгляд мужчины с бакенбардами был обманчив.

— Ты перешёл черту, журналистишка, — объявил «орангутанг». — И подписал себе приговор своей дерьмовой статьей. Скажи, ты правда думал, что это тебе так просто сойдёт с рук? Ты правда возомнил, что тебе ничего не будет, да? Что тебя никто не посмеет тронуть, а?

Мужчина с бакенбардами чуть наклонил голову в сторону, заглядывая в глаза в Касьяна. Он вдруг схватил Каменева за челюсть, больно сдавил и поднял его лицо вверх.

— Теперь тебе придется отвечать за свою подлость, паскуда! Советую тебе привыкать к этому подвалу, потому что именно здесь тебе предстоит состарится и подохнуть в собственной блевотине! И обещаю, каждый день, что тебе отведен, ты проживешь, испытывая боль, страдания, и ощущая себя бесправным, вонючим ничтожеством! Очень скоро ты начнешь завидовать домашним животным, Каменев. И всё из-за того, что ты не умеешь вовремя остановиться... Надо было слушать Плансона, когда он разгромил твою квартиру, и заняться чем-то более приземленным.

Мужчина с бакенбардами ядовито усмехнулся и отпустил Касьяна.

Голова Каменева немедленно упала на грудь. Касьян сдавленно всхрипнул. Скривился. Мучительная боль в рассеченной скуле стремительно нарастала, выкручивала и рвала плоть.

— Это он? — проговорила внезапно какая-то женщина.

Её голос звучал сочным, звучным меццо-сопрано. Таким поют оперные певицы в драматических постановках.

Мужчина с бакенбардами поднялся. Все оглянулись на подошедшую к Касьяну женщину. Высокая, в светлых брюках и в персикового цвета пиджаке. У нее было ассиметричное каре и безвкусные, тяжелые серьги в ушах. Она подошла к Каменеву, остановилась перед ним.

— Это тот ушлепок, который написал про меня гадости в своей статье?

— Да, милая, — мужчина с лохматыми бакенбардами приобнял брюнетку за плечи.

— Скотина! — прошипела женщина. — Ты даже не представляешь, как нарвался! Ты

знаешь, что с тобой сделают?! Тебя здесь резать будут по кусочку! Тебя твоими же кишками накормят! Дрянь! Скотина!.. Мразь!.. Подонок!..

Её визгливые злые выкрики гулким эхом разлетались в стенах подвала.

— Орать от боли будешь! — едва ли плюясь от непереносимой злобы, рычала женщина.

Лицо её исказила гримаса истовой ненависти.

— Я тебе лично глаза выколю и яйца отрежу!..

Она с силой пнула Касьяна в грудь. Удар каблуком пришелся как раз в место над пупком.

Каменев вскрикнул, скривился от сверлящей боли.

— Что, больно тебе?! — орала Инга. — Больно?! А ты знаешь, тварь, что мне пришлось пережить из-за тебя?! Знаешь?! Знаешь, что мне теперь ни в одном приличном обществе не показаться?! Мне из-за тебя пришлось инстаграм удалять! Свинья ты говноедская!!! У меня там триста семьдесят тысяч подписчиков было! А теперь ни одного! Ни одного!!! И всё из-за тебя!..

Едва не плача, она снова ударила Касьяна ногой в живот, затем ещё раз и ещё.

Касьян старался терпеть, но все равно сдавленно рычал от каждого удара.

— Ну всё, всё, милая, — мужчина с бакенбардами отстранил свою возлюбленную от висящего на цепях Касьяна.

— Всё, милая, всё... — ворковал мужчина, обнимая брюнетку. — Обещаю тебе, он за всё ответит! За каждую твою слезинку и каждую секунду твоей боли... Всё, малыш... Тише...

Касьян внезапно усмехнулся, безумной, маниакальной улыбкой.

— Смотреть нужно было за своей шляхой... — прошипел он. — А не утешать её... Придурок лохматый.

Мужчина с бакенбардами внезапно резко обернулся на Касьяна.

Каменев был уверен, что он сейчас ударит его ногой в лицо или в живот. Глаза лысого мужчины несколько секунд прожигали Касьяна. Правой рукой он удерживал свою Ингу. Та порывалась вцепиться в лицо Касьяна.

— Уведите её, — сказал он не оборачиваясь.

Кто-то из его громил взяв Ингу под руку заботливо повел к выходу из подвала. Сам муж Инги подошел к Касьяну и бросил своим людям.

— Дайте мне мачете, — нависая над Каменевым, прорычал мужчина с бакенбардами. — И подержите его...

Касьян уже несколько раз пожалел о своих словах. Он и сам не мог объяснить, что побудило его сказать эти гадости. Это была невероятная, самоубийственная глупость! Но что за наваждение овладело им в эти секунды?.. Он как будто на несколько мгновений потерял контроль над собой и... Что-то другое... что-то чужое и злобное поднялось из глубины его сознания и, оскалившись, выдало это оскорбление! Зачем? Зачем он это сказал?! Зачем?!

Его удерживали втроем. Сдавлив шею, и удерживая обе руки.

Мужчина с бакенбардами, имени которого Касьян так и не услышал, подошел к нему. В правой руке у него переливался тусклыми бликами широкий клинок ножа-мачете.

— Ты боишься, — удовлетворенно проговорил муж Инги. — Хорошо... Значит будет больнее. Держите...

— Нет, — взмолился Касьян. — Не надо!.. Не надо!.. Нет!!!

Мачете сверкнуло в коротком взмахе. Свистнул рассеченный воздух. Широкое лезвие

мачете с глухим стуком ударило по левому локтю Касьяна. Кровь брызнула на лицо Каменеву и одежду держащих его мужчин. На глазах у Каменева его левая рука, словно надломившись, безжизненно повисла вниз.

Мужчина с бакенбардами двумя быстрыми, резкими ударами отрубил руку Каменева по самый локоть. Темная кровь из обрубленной руки хлестала, брызгала в стороны, заливала пол.

Каменев мгновение ошарашенно, забыв дышать, глядел на истекающую кровью руку, а в следующий миг истошно заорал.

Он дико, пронзительно, свирепо кричал, с болью в хрипнувшем голосе.

Кто-то над его головой торжествуя и безумно захохотал.

— Смотри, как визжит, свинья! Скажи спасибо, что не башку отсекли!!!

Кто-то из мужчин тоже одобрительно хохотнул.

— Перевяжите его и затяните потуже, — хмуро бросил мужчина с бакенбардами, оглядывая свои руки.

Его пальцы, кисти и локти были забрызганы кровью Касьяна.

Пятна крови Каменева темнели на его рубашке и штанах.

— Это меньшее из того, что ты заслуживаешь тварь, — прорычал он, взглянув на Касьяна и бросил своим людям. — Остановите ему кровь и вызовите врача. Не хватало ещё, чтобы эта свинья откинулся раньше времени.

Он отложил мачете и, как ни в чем не бывало, направился к выходу из подвала.

ПЛАТОН ПЛАНСОН

Пятница, 20 августа.

Он в сидел в комнате для допросов и нарочито равнодушным, скучающим взглядом исследовал потолок над ним.

Дверь в комнату быстро и тихо открылась. Вошел невысокий мужчина в стильном светлом деловом костюме. Он был совершенно лысым, и его голова, на удивление, была почти идеально округлой формы. На лице выделялись выразительные брови, живые глаза и широкий рот.

Назар Ерошкин был одним из лучших адвокатов страны, несмотря на свой крайне забавный внешний вид. Его Платону любезно предоставил один из влиятельных друзей.

— Ну что? — сухо вато бросил Плансон.

— Всё отлично, — широкие губы адвоката расплылись в ещё более широкой улыбке, отчего он стал походить на жабу. — Я задействовал кое-какие связи в МВД, и на генерала Аспирина вежливо надавили.

Ага, подумал Платон, какие у тебя там могут быть связи?

Если кто и мог «задействовать связи», так это наниматель Назара.

Что и не удивительно для человека, чей концерн занимается переработкой нефтепродуктов.

— Буквально через час, господин Плансон, вас переведут в частную клинику усиленного наблюдения, которая заменит вам пребывание в этих мрачных застенках.

С лица адвоката не сходила дурацкая улыбка.

— Считаешь, психушка лучше, чем СИЗО? — проворчал Платон.

Улыбка на лице адвоката медленно скисла.

— Я же думал... Мы ведь это с вами уже обговаривали.

— Да, да, да, — вздохнул Плансон. — Хорошо. Там точно условия получше?

— Конечно! — голос Ерошкина звучал с противным, скрипучим визгом. — Господин Плансон! Вы даже не представляете, насколько! Собственно, от самой клиники там лишь название. И если все в дальнейшем пойдет так же хорошо, как сейчас, вы и тюремный срок отбудете там же...

— Тюремный срок? — хмыкнул Платон. — Мне казалось, ваша работа заключается в том, чтобы я его не получил.

— Господин, Плансон, — вздохнул Назар Ерошкин. — Ну вы ведь понимаете, есть обстоятельства, которые я не могу изменить при всем своем желании и должном умении. Если вы понимаете, о чем я.

Он посмотрел в глаза Платону. Адвокат довольно прозрачно намекнул, чтобы Платон не забывал о своей реальной вине и о том, что он действительно несколько лет насиловал свою племянницу.

Платону это было не слишком приятно. Он понимал, что совершил преступление, но в то же время не видел в этом ничего ужасного.

В конце концов, его сестра и её дочь обязаны ему всем, что у них сегодня есть. Начиная с пищи и заканчивая ювелирными украшениями. Что там такого будет с этой малявкой от того, что он ею попользуется, думал Платон.

Зато потом он купил ей дорогуший телефон, и учится она в элитной школе. Чего им ещё надо? Они одевались, ели, пили и жили полностью на его, Платона, деньги. И то, что за это он иногда брал Зою, пусть и силой, лишь малая часть того, чем эти две курицы ему обязаны! И как только он выйдет, он обязательно им об этом напомнит. Лариса ещё узнает, как добр он был к ней и к Зое.

Плансон уже придумал для них наказание. Он отдаст Зою нескольким знакомым, имеющим острый интерес к садистским наслаждениям. И Лариса будет на всё это смотреть. Пусть увидит, чего на самом деле стоит её дочка и она сама.

Плансон буквально сгорал от предвкушения воплотить в жизнь свою месть. И от этого пребывание в застенках следственного изолятора УГРО становилось ещё невыносимее.

Спустя два с лишним часа Платон уже ехал в автомобиле, предоставленным его влиятельным покровителем. Разумеется, в сопровождении небольшого полицейского «кортежа».

Больница, в которую привезли Платона, издавала напоминала что-то среднее между отелем и лютеранской церковью. Кирпичная готика и элементы замковой архитектуры тут удивительно сочетались с футуристическими пристройками, надстройками и балкончиками. Вокруг раскинулся небольшой парк, пересеченный десятками мощеных дорожек.

Платон мысленно подсчитал, сколько примерно нужно было вложить семи- или восьмизначных сумм в это место. Даже приблизительное число, пусть и в рублях, выходило очень внушительным.

Внутри платная клиника для обеспеченных психически нездоровых пациентов выглядела, как стандартная больница.

Светлые, сияющие стерильной чистотой коридоры, белые двери кабинетов, низкие кресла, журнальные столики и фотокартины на стенах с современным декором. В воздухе витал стойкий запах лекарственных препаратов. А вот палата, которая напоминала номер в

неплохом ближневосточном отеле, Плансону боле-менее понравилась. Неброский, но современный дизайн интерьера, все удобства на высшем уровне, да и подогрев пола в ванной присутствовал. Отлично!

Плансон немедленно начал осваиваться. Не особо выслушав врача, который его встречал и вводил в курс дела, Платон закрыл дверь в свою палату. Здесь он первым делом разделся и принял душ, которого ему так сильно не хватало во время пребывания в СИЗО. Плансон и не думал, что может так соскучиться по запаху геля для душа.

Переодевшись в больничную, зато свежую одежду, он включил телевизор, сладко потянулся и вышел на балкон. Погода на улице сегодня была под стать его настроению. Солнечный день портили только резкие порывы ветра.

Через пол часа Плансону принесли поднос полный еды.

И Платон был несказанно и донельзя приятно удивлен. Такому меню позавидовал бы любой отечественный ресторан! Не французские деликатесы, конечно, но очень даже на уровне.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 августа.

Он давно не был так зол. Стас в данный момент пребывал в стоянии, в котором иные люди становятся способны не причинение тяжких увечий всем окружающим. Только что ему позвонил генерал Савельев и ворчливым голосом, сухо в лаконичной манере известил, что Платона Плансона решено перевести на содержание в частную клинику с усиленным наблюдением.

— Стас, ты там живой? — опасливо спросил генерал, когда Корнилов не ответил после этой новости.

Стас молчал по той простой причине, что в первые секунды с его уст, кроме брани крайней степени нецензурности ничего больше сорваться не могло.

— А как же ваши связи, товарищ генерал? — сделав над собой усилие, поинтересовался Корнилов.

Генерал вздохнул в трубку.

— Ну, ты же знаешь, как это бывает... У меня связи с людьми одного уровня... А у кого-то с кем-то посерьезнее...

Аспирину было стыдно, и это было отчетливо слышно. Вот только Стасу от этого было не легче.

— Думаю, — продолжил Корнилов все тем же ледяным голосом, — я не ошибусь, если предположу, что эта клиника, в которой теперь будет содержаться Платон, принадлежит кому-то из его облеченных властью покровителей?

— А как же, — фыркнул Аспирин.

Стас вновь сдержал ругательство.

— Товарищ генерал, вы же понимаете, что теперь риск побега Плансона стократно возрастает?

— Да, Стас, понимаю! — уже раздраженно ответил генерал. — Но всё, что я могу сделать, это потребовать, чтобы администрация больницы отчитывалась передо мной о пребывании Плансона в их стенах.

— Так они и согласились.

— Вежливо послали меня, — хмыкнул генерал. — Сослались на кучу законов о врачебной тайне и так далее и тому подобное.

Корнилов не знал, что ответить. Он знал, что риск подобного поворота вполне существует. Но не подозревал, что все может так измениться в кратчайшие сроки.

— Товарищ генерал, надеюсь мы продолжим защиту наших свидетельниц Ларисы и Зои Плансон. Так ведь?

Аспирин ответил не сразу. И Стас уже приготовился к трудному разговору. Доверие отчаявшейся Ларисы и её дочери Зои он не предаст! Если надо, он готов пойти на крайние меры. Но Стас мысленно пообещала себе, что сделает все, чтобы Лариса и её дочь смогли свидетельствовать на суде против Платона.

— Да, Стас. Уголовный розыск по-прежнему будет осуществлять охрану ценных свидетелей, но сверху несколько раз поступило крайне настойчивое предложение перепоручить охрану Зои и Ларисы Плансон нескольким нарядам полиции.

— Которые, надо полагать, живут на подачки неких состоятельных персон, — вздохнул Стас

Он даже не сомневался в своем предположении.

— Скорее всего, — подтвердил его догадку Антон Спиридонович. — Но уж тут они пусть умоются, я их к нашим свидетельницам на километр не подпущу.

— Рад это слышать, товарищ генерал, — суховато ответил Стас.

Он всё ещё был недоволен тем, что генерал не сумел удержать Плансона во власти Уголовного розыска.

— Ладно... Ты сейчас в больнице у той девочки?

— Да, — ответил Корнилов. — Хочу попытаться поговорить с ней. Мне интересно, почему Монохромный человек оставил её живой.

— А ты не думаешь... — осторожно начал генерал, — что с ней может быть... ну... как с Гудковой?

— Исключено, — отрезал Стас. — Совсем другая картина. И ведут они обе себя совершенно по-разному.

— Ладно, работай. Докладывай, если что. Бывай.

— Всего доброго, товарищ генерал, — кивнул Стас и дал отбой.

Он стоял под дверью больничной палаты в отделении интенсивной терапии одной из столичных больниц. Спрятав телефон в карман брюк, Стас открыл дверь палаты. На больничной койке в окружении мониторов медицинской аппаратуры, лежала Таисия Фёдорова,

младшая сестра невесты, на которой собирался жениться брат жены Марка Лунина. Единственная выжившая из всех присутствующих на скромном свадебном банкете. Единственная, кому по непонятным причинам посчастливилось избежать участи быть повешенной в черно-белом коридоре с другими несчастными жертвами.

Таисия была щуплой, худенькой с русыми волосами до плеч и чуть вытянутыми вперед губами. Лежа с закрытыми глазами, девушка кривилась, вертела головой и что-то невнятно стонала. Она беспокойно ворочалась, дергала ногами, морщила лицо. Её грудь под одеялом часто вздымалась и опускалась. С дрожащих губ девушки срывалось лихорадочное дыхание. На лице блестели мелкие капельки испарины. Она выглядела так, словно видела пугающий, жуткий кошмар во сне. Видела устрашающий сон и не могла проснуться.

Стас подошел ближе, пристально глядя на девушку. Ему было бесконечно жаль её, он хотел как-то помочь, но совершенно не знал как. Поддавшись странному порыву, он протянул ладонь к её лицу.

Но тут за его спиной раздался резкий возглас:

— Вы что здесь делаете?! Вы кто такой?! Стас обернулся.

В дверях, на пороге палаты застыл мужчина с седеющей, аккуратной бородой и очками на горбатом носу.

— Вы кто, чёрт возьми, такой? — спросил доктор, возмущенно разведя руками. — Я сейчас вызову полицию! Немедленно выметайтесь отсюда!

Стас молча достал удостоверение и, развернув, показал врачу.

Тот прокашлялся, кивнул.

— Нужно было сразу сказать...

— Вы не дали мне возможности представиться, — беззлобно заметил Стас и кивнул на девушку. — Я занимаюсь этим делом. Что с ней? Когда с ней можно будет поговорить?

Доктор вошел в палату, обошел кровать и бросил на Стаса недовольный, тяжелый взгляд.

— Поговорить... — проворчал он. — В ближайшее время это едва ли возможно.

Стас изумленно вскинул брови. Оглянулся на Таисию. Девушка продолжала метаться в странном бреду.

— Что с ней происходит? Она спит? Почему она не просыпается?..

Доктор в ответ раздраженно фыркнул.

— Спит! Как же!.. В таком состоянии, — врач кивнул на жалобно хныкающую девушку, — она уже третий день кряду.

Корнилов изумленно взглянул на доктора. Тот поджав губы, с досадой глядел на Таисию. Девушка жалобно хныкала и страдальчески всхлипывала. Её глаза оставались закрытыми, она по-прежнему была в плену своего кошмарного сна. Влажное от болезненной испарины лицо тускло блестело в свете ламп.

— Если это не сон, то что?! — с беспокойством, непонимающе спросил Корнилов. — Она ведь не слышит нас?..

— Нет, — категорично качнул головой седобородый мужчина. — Но... Послушайте... Мы до конца не смогли понять, что с ней... Это похоже на сон, правда... Но... Сколько вы знаете людей способных пребывать во сне больше трёх суток?! Тем более...

Доктор снова перевел взгляд на несчастную девушку.

— Тем более, когда очевидно, что вам снятся поистине страшные, пугающие вас события.

Он, поджав губы, сокрушенно покачал головой.

— Ни я, ни мои коллеги с таким никогда не сталкивались. Это... Это противоречит всем известным медицинским сведениям и научным фактам. Такого... просто не может и не должно быть!

— Бесперывный кошмар во сне... — тихо, задумчиво проговорил Стас, глядя на мучающуюся девушку.

— Это ещё не всё, — качнул головой доктор. — Организм девушки постепенно обезвоживается и истощается... Мы конечно используем зондовое кормление, но... это слабо помогает.

— Она умирает? — негромко спросил Стас.

Доктор, помешкав, с сожалением кивнул.

— Она словно тает, с каждым часом теряет силы, слабеет и... угасает... Я...

Он неожиданно нервно сглотнул, прокашлялся.

— Я, пожалуй, впервые в жизни, не представляю, как помочь пациенту. Я такого не видел... Никогда...

Стас кивнул, глядя на лицо девушки. Таисия тихо плакала, стонала, что-то шептала, и словно рвалась куда-то, стремилась вырваться, убежать, избавиться... Но не могла. Стас почувствовал оседающее внутри мрачное и пугающее чувство неотвратимой безысходности.

Заточение человеческого сознания в ужасах ночных кошмаров.

Заключение во сне, наполненном личными страхами и худшими опасениями. Стас внимательно смотрел на лицо девушки и пытался осознать, с чем они все столкнулись. С чем они все имеют дело...

— Что там случилось? — вдруг спросил доктор.

— Что? — отстраненно спросил Корнилов, не отводя взгляда от спящей Таисии. — Вы о чем?

— Об убийстве, — устало ответил врач. — Что там случилось на самом деле? Что с ними сделал этот... Монохромный человек?

— Вы не смотрите новости? — хмыкнул Корнилов.

— Смотрю, — спокойно ответил доктор. — И вас я узнал... Вы тот следователь из особой сыскной группы... Тот, на кого многие так упорно надеются...

Стас внимательно взглянул в лицо врача.

— Он ведь не просто убивает, — доктор не спрашивал. — Он... Этот Монохромный человек... Он что-то делает с их сознанием? Так ведь?

Стас некоторое время смотрел в лицо врача. А затем тихо ответил:

— Если это возможно.

Врач невесело усмехнулся.

— Быть может, ваш убийца нашел такой способ.

— Попахивает чем-то сверхестественным, — вздохнул Стас.

— Сверхестественным, — проговорил врач, чуть приблизившись к кровати, на которой страдала от кошмаров Таисия Фролова, — мы обычно называем то, что не в состоянии объяснить, опираясь на известные нам научные факты. То, что выходит за границы нашего с вами понимания.

— Трудновато будет поймать того, чьи способности выходят за границы понимания... — хмыкнув, невесело ответил Корнилов.

Доктор взглянул на Стаса, вскинул густые, седеющие брови.

— В таком случае, здесь вам возможно стоит обратиться за помощью к кому-то, чьи способности так же невозможно объяснить с научной позиции.

Стас пристально посмотрел в глаза доктора. Тот лишь пожал плечами и вышел из палаты. Корнилов с мрачной задумчивостью посмотрел ему вслед и перевел взгляд на Таисию. Лицо спящей девушки было искажено ужасом.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть вторая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 августа

Я возвращалась из школы. Всю дорогу, пока ехала в маршрутке, я с горечью размышляла о том, как безбожно налажала в контрольной по географии и злилась на своего учителя по этому предмету.

Господи!.. Как я «люблю» эту географию и ещё больше того, кто её у нас ведёт! Через десять дней у меня начинается учеба. И в школе вдруг вспомнили, что у меня остались несданные контрольные по обожаемой мною географии.

Ещё, как назло, Кобякин, препод по географии, раньше срока выписался из больницы. И вот, казалось бы, ну отдохни ты после больницы... Через десять дней тебе снова в школу, к этим безмозглым и ленивым ученикам. Так используй, чёрт возьми, последние летние деньки ради собственного блаженства. Сходи куда-то... Потуси с друзьями (если они у тебя есть), сериальчики посмотри, сходи в бар, на футбол, в бильярд, в стриптиз-клуб... просто погуляй, я не знаю...

Нет! Первым делом, это злобствующее скопление аминокислот с излишками жировой массы заявило в школу. А там в скандальной манере, как мне рассказали, немедленно затребовало меня к себе для написания контрольных работ.

И сегодня ни свет, ни заря мне пришлось собираться и к восьми утра тащиться в школу. И уж тут-то географ, чтоб ему пусто было, отыгрался на мне за все восемьдесят два дня лета.

Мало того, что он дал писать контрольную, к которой я была не готова, так ещё сидел рядом, дышал в ухо и постоянно комментировал каждое мое действие.

«Что, Лазовская? Забыла, какие страны входят в Британское содружество? Да, это тебе не по льду скакать полуголой».

Или «Если бы ты не отмораживала себе голову на льду, ты бы помнила природно-ресурсный потенциал стран Юго-Восточной Азии». А также «Ну ты совсем идиотка? Забыла где находятся крупнейшие бассейны угля, руды и нефти? Давай напрягай свой миниатюрный, отмороженный мозг и вспоминай!»

И вот так я провела последние два с половиной часа.

После этого мне потребовалось минут сорок прийти в себя в женском туалете. Туда ещё, как назло, неожиданно заглянули две одиннадцатиклассницы. Я их знала. Известные на всю школу прогульщицы, двоечницы и деборширки. То и дело оказываются в эпицентре каких ни будь ЧП или скандалов. Нередко бьют других девчонок. Одной вообще так разбили лицо, что родители теперь вынуждены собирать ей на пластическую операцию.

Эти две бандитки спросили, нет ли у меня пары сотен рублей одолжить им. У меня было полторы. Пришлось отдать.

Эти персоны выглядят, как внучки бойцов сумоистов. И весят, примерно столько же. Так что спорить с ними никак не хотелось.

В общем, домой я добралась в крайне скверном, унылом настроении.

В мастерской, как обычно кипела работа. Вчера ночью домой вдруг заявился дядя Сигизмунд. Радостно хохоча, он объявил, что его отпустили раньше срока за хорошее поведение и «качественный подгон» от знакомых. Короче, как я поняла, друзья дяди Сигизмунда буквально выкупили его у полицейских.

Я лишь испытала облегчение. Потому что уже как раз собиралась, ехать к Стасу и просить его о помощи. Но хорошо то, что хорошо кончается.

Другое дело, что дядя Сигизмунд и его друзья немедленно захотели отпраздновать чудесное освобождение из заключения у «подлючих мусоров». Все мои робкие попытки

убедить дядю отказаться от этого мероприятия, конечно же были равнодушно проигнорированы.

Час от часу не легче. В итоге, мастерская опять на мне. Как это замечательно! Только я подумала, что мне не придется следить за сотрудниками дядиной мастерской, как он опять решил загулять.

О-о... Мне кажется, что мне на спину надели рюкзак и туда накидали несколько увесистых камней. И каждый из камешков ярко символизирует собой какую-либо из текущих проблем, трудностей или обязательств. Школа, учитель по географии, контрольные. Фигурное катание, грядущий чемпионат Европы. Убийства Монохромного человека, и связанные с этим воспоминания, Гудкова, помощь Стасу. Теперь ещё, чёрт возьми, опять мастерская со всеми свойственными ей обстоятельствами! Бремя моей ответственности увеличивается в геометрической прогрессии, и это не добавляет никакого оптимизма!

Я вошла в гараж мастерской. Поздоровавшись с автомеханиками и слесарями, зашла в рабочий кабинет дяди Сигизмунда. Здесь проверила заказы на ближайшее время. Затем убедилась, что все наши сотрудники добросовестно трудятся над их исполнением.

В рюкзаке зазвонил мобильник. Я достала телефон. Звонил дядя Сигизмунд. Надо же! Я уже думала, что ему сегодня точно будет не до меня.

Я приняла вызов.

— Да, дядя Сигизмунд? — спросила я в трубку.

— Ягодка, — пробасил дядя, — я там нового сотрудника взял взамен тех, которых ты выгнала. Проведи парню экскурсию, объясни, как у нас работают, покажи, что, как и куда...

В телефоне раздались чьи-то счастливые выкрики, свист, что-то грохнуло, раздался звон и чья-то ругань. Что у них там творится?

— Дядя Сигизмунд, — осторожно спросила я, — у вас там всё в порядке?

— Да тут сегодня хоккей в баре... Народ болеет, — со смехом отозвался дядя Сигизмунд. По его голосу я слышала, что он уже употребил определенное количество «веселительных» напитков. Он проговорил что-то ещё, но его слова заглушил восторженный рев хора мужских голосов.

Связь прервалась. Я убрала трубку от лица, посмотрел на дисплей.

Понятно. До утра появления дяди Сигизмунда можно не ждать. Остается только надеяться, что они с друзьями не отпразднуют освобождение дядюшки так, что потом их уже всех упекут.

Я закрыла кабинет и спросила у ближайшего работника про нового сотрудника. Тот в ответ скептически ухмыльнулся и кивнул на кухню возле кабинета бухгалтера. Я прошла мимо автомобилей, подошла к двери кухни, открыла и остолбенела, парализованная шоковым состоянием.

За одним из столов в компании двух наших автомехаников с чашкой кофе в руках посмеивался Мирон. Перехватив мой взгляд он приветливо улыбнулся и поднял руку.

— Привет. Мне сказали, что ты введешь меня в курс дела.

Он поднялся из-за стола. На нём была рабочая куртка и бейсболка с логотипом мастерской «Пит-Стоп-Старт». Я, потеряв способность говорить и мыслить, несколько секунд ошарашенно глядела на него.

К такому развороту событий я была совершенно не готова! Особенно после нашего последнего разговора.

— Оставьте нас пожалуйста, — попросила я двух автомехаников.

Мужчины кивнули, допили кофе и вышли из кухни. Я закрыла за ними дверь и обернулась к Миرونу. Тот улыбался, как дурак.

— Ты что здесь делаешь?! — возмущенно и негодуя спросила я. — Я же, по-моему, ясно дала понять, что между нами...

— Ника...

— Не перебивай меня, пожалуйста, — категорично заявила я. — Я не знаю, зачем ты сюда явился, но если ты возомнил, что между нами может что-то быть...

— Ника...

— Я не закончила! — мой голос нервно дрогнул. — Если ты решил, что я тебя прошу, и мы опять будем вместе, то спешу тебя заверить, что после твоего подлого, мерзкого и гадкого поступка, я...

— Ника! — чуть повысил голос Мирон.

Я замолчала. Удивленно взглянула на парня. Чего это он кричит? Мирон выглядел сердитым и раздосадованным.

— Мы... — начал он.

Тут из-за барной стойки, возле холодильника поднялся Федя.

В руках у него были инструменты. Кажется, он что-то чинил в холодильнике. И за стойкой его видно не было.

— Мы не одни, — закончил Мирон и прокашлялся, — были...

— Ой... — уронила я, глядя то Федю, то на Мирона.

На лице у помощника дяди Сигизмунда замерло каменное, зверское выражение лица. Если бы он мог, то, наверное, взглядом, сжег Мирона.

— Интересные дела... — с трудом выдавил из себя Федя.

Он одарил нас с Мирonom свирепым взглядом и вышел из кухни, громко хлопнув дверью. От залетевшего сквозняка у меня чуть взметнулись волосы. Я оглянулась на дверь и посмотрела на Мирона.

— Зачем ты пришел? — устало и тихо спросила я.

— Твой дядя взял меня на работу, — он пожал плечами и нахально улыбнулся.

— Неужели? — я чуть вскинула брови. — Ты, видимо, забыл, как он пытался тебя застрелить.

— Ну, — Мирон развел руками, — кажется, он меня не запомнил.

— О, вот как? — я сложила руки на груди. — Так, может быть, мне позвонить и напомнить ему? А заодно и сказать, что ты пытался в отношении меня предпринять кое-что нехорошее? Мирон перестал улыбаться и как-то странно посмотрел на меня.

— Ты этого не сделаешь. — сказал он.

— Почему это? — недоуменно нахмурилась я.

— Потому что ты не такая, — разглядывая меня, мягко проговорил Мирон. — Это-то меня в тебе и привлекает... принцесса.

— Перестань меня так называть!

— Не перестану. Мне нравится.

— А мне нет! — Ничего, привыкнешь.

— Да ты...

— Тише. Тебе нельзя нервничать, — он подошел ко мне.

Я почувствовала запах его дезодоранта.

— Единственное, что заставляет меня нервничать, — глядя на него снизу-вверх,

проговорила я, — это твое присутствие!

— Приятно слышать, — он подошел ещё ближе.

Я поняла, что он собирается сделать.

— Да ты что совсем!.. — я выставила ладонь вперед и отступила назад. — Что с тобой т-такое происходит... вообще?

Я взволнованно и растерянно смотрела в его глаза. А он глядел на меня и блаженно улыбался дурацкой, рассеянной улыбкой.

— Не знаю... — проговорил томным голосом. — Просто меня необъяснимо тянет к тебе. И я ничего с этим поделать не могу.

— Ч-что? — заикаясь, опасливо нахмурилась я. — С-слушай... Если на д-других в-вот это вот всё действует, то... то на меня нет! Ясно тебе?!

Я отстранилась ещё дальше. Оглянулась на дверь. Посмотрела на Мирона. Он изучал меня с ухмылкой на губах.

Блин! И что мне с ним делать?! Дядя Сигизмунд похоже действительно взял его на работу.

— Слушай, — я попыталась справиться с волнением и дрожью в голосе. — А вообще... Т-ты кто... Ну, в смысле... К-кем ты у нас...

— Младшим автомехаником, — улыбнулся Мирон.

— Ты хоть раз автомобиль-то чинил самостоятельно? — фыркнула я.

— И не один раз, — вальяжно растягивая слова, ответил мой несостоявшийся бойфренд.

— А-а... — протянула я, — ну, ладно.

Что делать дальше, я не представляла. Мирон улыбался. Дурак! Чего он улыбается! В голове был полный хаос и сумбур. Я не знала, как мне себя с ним правильно вести. Выставить его? Забить на его существование и позволить ему здесь работать? А может все-таки прогнать? Блин! Вот зачем он приперся?! Плюс в копилку моих проблем!..

— Ладно, — выдохнула. — Пойдем... Я п-покажу тебе мастерскую...

— Давно пора, — кивнул Мирон.

— Ага, — торопливо и боязливо ответила я, — только... одно условие.

— Я никому про нас не расскажу.

— И никаких «нас» больше нет и быть не может! — я постаралась чтобы мой голос звучал с надлежащей строгой категоричностью.

Вышло не очень. Мирон только усмехнулся. Нахал! Приперся тут, ещё стоит издевается! Вот реально, позвоню дяде Сигизмунду и расскажу всё... Хотя, нет. Не расскажу. Прав Мирон... Не смогу.

— Не кипятись, принцесса, — шутливо ответил Мирон и подмигнул мне. — Давай, показывай ваше автомобильное царство.

Я отвернулась к нему, положила руку на ручку двери. Он стоял за мной.

— Не понимаю, как дядя мог тебя взять на работу, — проворчала я себе под нос.

— А я согласился первый месяц поработать бесплатно, — беспечно отозвался Мирон.

Я на миг замерла, удивленно вытаращилась перед собой. Тут же закрыла глаза и покачала головой.

— Интересно, откуда такой энтузиазм! — фыркнув, ответила я.

— Мне достаточно того, что ты будешь здесь, совсем рядом со мной, — проговорил он мне над самым ухом.

Щекочущее тепло с его губ нежно коснулось кожи на моей шее. Я ощутила, как по всему

телу пошла волнительная оторопь. Я закрыла глаза, несколько раз моргнула. С моих губ против воли сорвалось дрожащее дыхание. По телу разливалось противоестественное, двойное, нервное и сладостное чувство. Сердце под грудью с восторгом отбивало гулкий, частый ритм. А мой мозг, наверное, с обреченным видом сейчас сделал facepalm.

Я провела Мирона по всей мастерской, познакомила с другими работниками. Взрослые, умудренные опытом и битые жизнью мужчины, с явной неохотой жали руку Мирону. Но парня, похоже, это не смущало. Он всем придурковато улыбался и кивал, как будто и не замечая пренебрежительного снисхождения со стороны работников «Пит-Стоп-Старт».

Я записала Мирону несколько задач на ближайшие часы и определила над ним старшего. Одного из лучших автомехаников дядиной мастерской.

Сама же кометой взлетела на верх, в свою комнату. Запрыгнула на кровать и лихорадочно настрочила Лерке сообщение в Телеграмм.

— «Привет! Ко мне пришел Мирон».

Через несколько секунд Логинова ответила:

— «ЧТО???? И что ты сделала?»

Я пожалала плечами и написала ответ.

— «Ничего. А что я должна была сделать? Его взял на работу мой дядя».

— «***еть!» — написала Лерка. — «Кем????!!!! 0_0»

— «Автомехаником» — ответила я. — «Этот засранец согласился месяц работать бесплатно».

— «Даже так;))))))»

— «Лерка, давай встретимся!» — попросила я. — «Пожалуйста!!! (((»

— «Ок. В «Телескопе». — немедленно ответила Лерка.

— «Хорошо, спасибо!» — быстро написала я.

Телескоп один из новых моллов, открывшихся в нашем городе, аккурат на Строгинском бульваре.

Поскольку я еще не успела переодеться, я лишь сменила школьную сумку на свой минирюкзак с узором из чаек и спустилась вниз.

Проверила работников автосервиса. Вроде бы все старательно трудились. Ну или очень качественно притворялись.

Я отметила, что Мирон под надзором уже двух суровых работников копается в моторе белой AUDI TT.

Через полчаса я уже шагала внутри просторного и огромного «Телескопа». А ещё через пару минут я увидела Лерку за столиком в Старбакс, которая усиленно махала мне рукой.

— Привет, — бросила я и уселась к ней за стол.

— Привет, — Лерка кивнула на стакан с логотипом Старбакс. — Я тебе заказала сливочное фрапучино. Ты ж не против?

С этими словами она отпила из своего стакана.

— Да нет, — качнула я головой.

Мне было всё равно.

— Спасибо, — я не стала сразу пить и приступила к делу.

Обрисовав Лерке всю картину сложившейся ситуации, я, потеряв контроль, беспомощно спросила:

— Что мне теперь делать?

Лерка, к моему удивлению смотрела в сторону и усмехалась.

— Чему ты радуешься? — обескураженно спросила я. — Что он задумал? Что это всё значит? А?

Лера вздохнула, потянулась.

— Ну, — расправив плечи, проговорила она. — У меня только два варианта. Или этот поц решил тебе как следует отомстить, или же этот нахал всерьёз в тебя влюблен.

— Да ну, — скептически скривилась я. — Я знаю цену его «любви». Спасибо, уж!

— Да ты не торопись, — протянула Лерка, — присмотришься. Выжди, что он будет делать, что предпримет.

— То есть... — ответ Лерки меня порядком удивил.

Я признаться была уверена, что она посоветует мне вынудить его уволиться и держаться от меня подальше.

— То есть мне не нужно делать так, чтобы дядя Сигизмунд его выгнал?! — с растерянным возмущением спросила я.

— Ну ты можешь конечно, — Лерка чуть дернула плечами. — Но тогда ты не знаешь, что задумал твой красавчик.

— Он не мой.

— Он то так не считает. Можешь быть уверена.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ним общалась, не забывай, — напомнила Лерка и тут перехватив мой взгляд, перестала улыбаться. — Прости.

— Ничего, — покачала головой. — Всё нормально. Так ты, правда, думаешь, что мне не нужно ничего делать?

— Кроме сохранения бдительности, нет, — опять загадочно улыбнулась Лерка. — Не забывай, что ты хорошенько унизила его тогда.

Я опустила взор. О своем поступке я уже несколько раз пожалела.

Меня терзали стыд и совесть. Мирон, конечно, скотина, но... можно было просто все ему объяснить и уйти. С деньгами был перебор.

А Лерка между тем все так же молча, хитро улыбалась.

— Да что тебя так веселит? — не выдержала я.

— Просто восхищаюсь его наглостью, — усмехнулась она. — Твой дядя его чуть не пристрелил тогда, ты его так эффектно опустила...

— Ну, Ле-ера, — жалобно протянула я. — Я же...

— Да всё правильно, — поморщилась Лерка. — Поделом. Но всё равно.

Она одобрительно цокнула языком.

— Смелый парень. Задиристый. Находчивый. Непреклонный. Изобретательный и умный.

— В смысле... — начала я.

— То, что тебе нужно, Роджеровна, — подмигнула мне Лерка.

Вот тут я совершенно опешила.

— Да иди ты! — слабо пролепетала я. — Не хочу я...

— Хочешь.

— Нет!

— Нет, хочешь.

— Нет...

— Хочешь, хочешь, Роджеровна, — захихикала Лерка. — Ты бы свои глаза видела.

Она наклонилась вперёд, смешно вытаращила глаза и приоткрыв рот перекривляла меня:

— А! А! Лера! Что мне делать! Он! Там! Пришел! Ай-яй-яй! А я, а он, а как же... / можно... А если...

— Хватит издеваться надо мной, — я стыдливо оглянулась по сторонам.

Лерка снова захихикала. Тут к нашему столику подошла девушка в зеленом фартуке с логотипом кофейни.

— Простите, — проговорила она вежливо и положила на наш столик сложенную вдвое бумагу. — Это попросили передать вам.

Я удивленно взглянула на девушку в фартуке, взяла записку, развернула. «Жизнь за жизнь. Баланс должен быть восстановлен. В этот раз ты не успеешь». Под этими загадочными словами красовались два сердечка. Чёрное и белое.

Меня накрыл лихорадочный ужас, я раскрыла рот, с трудом проглотила воздух, он комком застрял у меня в горле. Я подхватила из-за стола.

— Роджеровна, ты чего... — изумилась Лерка.

Я не ответила. Я ещё раз пробежала глазами строки короткого сообщения, взглянула на Лерку.

— Где... Лада? — дрожащим голосом спросила я.

— Что... — опешив переспросил Лера.

— Где Лада?! — вскричала я, теряя контроль.

На нас обернулись люди. Мне было плевать.

— В игровой... — ответила Логинова и тоже вскочила из-за стола. — Роджеровна... Да ты куда?!

Я уже мчалась в сторону игровой комнаты. Слава богу в «Телескопе» она была одна. Зажимая в кулаке записку от Гудковой, я что было сил мчалась вперёд. Я стремительно лавировала между прохожими и мысленно проклинала их.

— Ника! — кричала мне вслед перепуганная Лера. Я не останавливалась. Я слишком боялась опоздать. Я изо всех сил гнала вперед к широкой лестнице. Пекущий жар облизывал спину, сухой воздух охлаждал лицо. В голове шумела кровь, душу наполнял бессильный, немой ужас.

Лада... Лада! Господи! Нет!... Только не она!!! Я взлетела вверх по лестнице. Чуть не врезалась в какую-то полноватую женщину.

— С дороги, корова!!! — взбешенно проорала Лера женщине за моей спиной.

На втором этаже я немедленно припустила к яркой вывеске игровой комнаты. Оказавшись рядом, я забежала внутрь перепугав двух воспитательниц и встревожив детей. Сзади подбежала Лерка, и едва не сбила меня с ног. Я быстро, жадно обвела комнату встревоженным взглядом. Лады нигде не было видно. Все дети, изумленно раскрыв рты, смотрели на нас с Лерой.

— Где моя сестра?! — вскричала злая и испуганная Лерка.

— П-подождите... — пролепетала одна из воспитательниц. — Не кричите, как она...

— Русые волосы, два хвостика, зеленая футболочка и желтые шортики с... — нетерпеливо затараторила Логинова.

Я уже не слушала. В мое сознание под аккомпанемент жестких ударов взбудораженного пульса буквально вломилось воспоминание...

Я увидела Гудкову. Она легко и бесцеремонно зашла в игровую комнату. Без труда

подчинила себе волю трёх воспитательниц, а затем пошла к Ладе. Она что-то сказала ей. И сестренка Леры тут же безропотно пошла с ней за руку.

Куда?! Куда?! Они пошли? Куда она увела её?! Дрянь! Тварь!..

Я увидела, куда пошла Гудкова, и куда она увела за собой маленькую Ладу. Я не размышляла и ничего не говоря, выбежала из игровой комнаты.

— Ника! — Лера снова бежала за мной.

— Быстрее! — крикнула я, не оборачиваясь.

Я помчалась на третий этаж, затем на четвёртый. Воздух тяжелел в груди и обжигал горло. Я яростно стремилась, рвалась вперёд.

Единственная мысль заполняла мозг, распирала череп изнутри. Успеть! Успеть! Она не должна убить её! Не должна!.. Не должна!.. Я успею! Я смогу! Я обязана успеть!.. Следом за мной пыхтела Лерка.

Мы взбежали на пятый этаж. Здесь я рванула к пожарной лестнице.

Лерка припустила за мной. Мы добежали до двери, вместе врзались в неё. Она распахнулась, ударилась об стену. Мы выбежали на крышу. Сухой летний воздух с запахами города взметнул мои волосы, полоснул лицо, вздернул одежду.

Мы увидели её. Лада спиной к нам, неподвижно стояла на краю крыши, на высоком бортике. Ветер играл её волосами. Девочка смотрела куда-то вперед и вниз.

— Лада! — истерично заорала Лера со слезами ужаса в голосе. — Лада, стой! Она ринулась было к ней. Я вцепилась в куртку Леры.

— Стой! — Отвали! — прорычала Логинова и толкнула меня в грудь.

Я едва не упала, но не отцепилась.

— Да стой ты! — вскричала я. — Подойдешь и она прыгнет!!! Стой! Слышишь?! Не смей к ней подходить! Ты её убьешь!!! Лера! Слышишь?! Стой здесь!!

Лера раскрыв рот, лихорадочно хватая ртом воздух, безумно тарасилась на меня.

— А как же... — всхлипнула она. — Она же...

Губы у Лерки задрожали, она впиалась перепуганным взглядом в свою сестренку.

— Она же... сейчас...

— Стой здесь! — настойчиво попросила я. — Пожалуйста!

Я посмотрела в глаза Леры и осторожно направилась к Ладе.

Сестренка Леры не двигалась. Не шелохнувшись, она все также стояла на краю и смотрела вниз.

— Лада... — мягко и осторожно позвала я. — Ты слышишь меня?

Она не ответила. Меня раздирало беспокойство. Страх сжимал сердце, сдавливал живот и сжимал грудь в жестких тисках. Страх стремился подчинить меня, убедить в бессилии, заставить сглупить.

Страх жаждал, чтобы я бросилась вперёд в тщетной надежде поймать Ладу. Но именно этого мне делать было нельзя.

Я вспомнила, как на озере отговорила тех детей от суицида.

Теперь я должна была сделать то же самое здесь и сейчас. И у меня ещё меньше прав на ошибку. Точнее, сейчас у меня их нет. А значит я справлюсь. Я смогу. Я смогу...

Я настроилась, сосредоточилась. Ну же, подумала я. Сейчас мне нужно взять под контроль свои способности. Я не знала, как. Но я должна я была. Я сосредоточилась. Я постаралась сделать всё, как в тот раз на озере... Но ничего не получалось. Я не видела воспоминаний Лады. Сердце рвалось из груди, жестко, туго, часто пульсировали вены на

висках.

Я попробовала снова. Ну, давай же, подумала я отчаянно. И я увидела. Увидела счастливые воспоминания Лады. Увидела, как она играет с Лерой в прятки, в куклы. Как мы с ней рисуем и читаем книжки. Как мы втроем смотрим мультики.

— Но там, куда ты идешь этого не будет, — проговорила я мысленно. — Никогда.

— Никогда? — внезапно раздался в моей голове тоненький голосок Лады. — Я вас больше не увижу?

— Если... если пойдешь туда, нет — ответила я, стараясь не заплакать.

— А почему вы не можете пойти со мной? — наивно спросила Лада. — Та тётя сказала, что там хорошо...

— Но ведь она не пошла с тобой.

— Она не может.

— Мы тоже.

— А потом сможете прийти?

— Нет, Лада. Мы должны остаться здесь.

— А я? — жалобно спросила Лада.

— И ты можешь быть с нами.

— Правда? — Правда, зайка. Стоит только пожелать. Ты хочешь?

— Д-да... — слабо проговорила Лада. — Да, хочу! Хочу! Ника! Я хочу к вам!!!

Я услышала в своей голове, её испуганный жалобный плач.

— Тогда иди, — попросила я. — Иди к нам, зайка. Пожалуйста.

Видение сникло. Лада, стоя на краю, вдруг вздрогнула, отшатнулась назад. Бортик был слишком высокий. И она падала с него на крышу.

Я вскрикнув бросилась вперёд. Я не успевала. Она падала назад. Маленькая. Хрупкая. Беззащитная. А я не успевала.

Успела Лерка. Упав на колени, Логинова поймала свою сестренку и плача, прижала к груди, склонила голову.

— Лера... — услышала я слабый голос Лады. — Лерка! Ника!

Я тоже бросилась к ним, упала рядом, обняла их обеих. Маленькая ручка Лады нашла мое лицо, коснулась щеки. Я улыбнулась с зажмуренными глазами. Левая рука Лерки, обняла меня и прижала.

Когда Лера, обнимая Ладу увела её с крыши, я осталась здесь.

Какое-то странное наитие подтолкнуло меня к мысли подойти к бортику крыши, и взглянуть вниз.

Внизу шумели автомобили. Гуляли люди, я слышала обрывки разговоров и доносившуюся откуда-то музыку. И тут я заметила её.

Одинокая, неподвижная фигура стояла в тени, между домами.

Ветер полоскал её черные волосы. Я не видела её лица, но не сомневалась, что она смотрит мне прямо в глаза. Смотрит и улыбается. Хотя на самом деле она была в ярости.

Постояв ещё несколько мгновений Ксения Гудкова развернулась и скрылась за углом дома. Я ещё пару мгновений смотрела ей вслед.

Я уже поняла, что нажила личного и опасного врага, когда не дала Гудковой исполнить её мечь. Она скорее всего была там, на озере. И всё видела. И теперь она ненавидит меня.

Что ж рано или поздно подобное со мной должно было приключиться.

*** На детской площадке никого не было. Лада кормила печеньем прилетевших

голубей. Мы с Леркой сидели на скамейке перед площадкой и молча наблюдали за Ладой. Я то и дело робко, осторожно поглядывала на Логинову. Моя подруга с немым взором глядела перед собой. По её выражению лица трудно было понять, о чем она сейчас думает.

— Лер... — осторожно проговорила я, не выдержав этого долгого молчания. — Послушай, я...

— Как ты это сделала? — вдруг спросила Лерка.

Она закусила губу, и встревоженно взглянула на меня. Я отвела взор.

— Я могу тебе рассказать, — проговорила я тихо.

— Начинай, — кивнула Логинова.

Я нервно сглотнула. Меня насторожили звенящие, стальные нотки в голосе моей подруги. Я вздохнула.

— Понимаешь, это... Это сложно понять.

— Ничего, — холодно ответила Логинова. — Я постараюсь. Говори.

Я внимательно посмотрела на неё. Логинова глядела испытующе и требовательно.

— Ладно, — сдалась я. — Хорошо...

И я рассказала. Рассказала всё, как было. Я ничего не утаивала.

Возможно, это было ошибкой. Даже, скорее всего, так и есть.

Но я устала врать ей. Постоянно снова и снова лгать и лгать Лерке... Каждый раз прятаться, скрываться, всё время увиливать и изворачиваться. О-о... Каждый раз так противно, когда я думаю, как поудобнее соврать Лерке.

И самое гадкое в том, что каждый раз Логинова отлично понимает, когда я лгу. И... И она знает, что я это знаю... И это всё вызывает у меня дикое отвращение. Лерка одна из тех людей, кого мне меньше всего хочется обманывать! Я безмерно благодарна ей, что она не задавала лишних вопросов. Она словно понимала, что я всё равно не готова отвечать на них. А может просто считала, что если я захочу, то сама расскажу.

И этот самый момент настал, просто потому что дальше так продолжаться не может. Это всё слишком далеко зашло.

Я рассказала ей и про Стаса и про то, чем я помогаю ему. Я, наконец, набралась храбрости объяснить, куда я так часто пропадаю, и почему иногда могу днями не отвечать на сообщения. Я фактически открыла ей ещё одну сторону своей жизни. Ту сторону, которую всегда скрывала и буду скрывать в будущем от большинства близких мне людей. Ту сложную, пугающую и трудную часть моей жизни, о которой я не в силах рассказать окружающим. Не в силах объяснить, что мне приходится переживать, с чем я вынуждена сталкиваться, и что... что мне приходится узнавать.

Да я бы и не посмела. Большинство людей, если и поверят, немедленно испугается такой моей способности. Кому понравится, чтобы поблизости был человек, который может узнать твои самые неприятные и часто очень постыдные воспоминания? Кто сможет чувствовать себя по-прежнему комфортно и удобно, зная, что рядом есть человек, который может узнать о тебе неприятную правду?

Как жить, дружить, работать и общаться с таким человеком? Гадать, что ему там стало известно, о чем уже знает? А, может, он теперь в курсе, что тебя унижали и били в школе? А, может, он теперь знает, что ты когда-то предал того, кто доверял тебе? А, может, он знает, что ты на самом деле мерзкий и подлый человек, а вовсе не тот герой, каким хочешь казаться? А вдруг этот человек со странной способностью узнает, как ты на самом деле ненавидишь тех, с кем якобы хочешь дружить? Вдруг он знает, что на самом деле ты

одиноким и несчастным, всеми брошенный и никому в сущности не интересный?..

Что тогда? Как быть в таком случае? Как себя вести? Как реагировать? Ужас и страх риска открытия личных тайн оттолкнет любого от такой, как я.

И сейчас я всё рассказывала Лерке только потому, что чувство вины и стыда у меня пересилило чувство страха. Я не смела смотреть на Лерку. Меня душила и угнетала моя совесть. Но я уже не могла остановиться. Я рассказала всё, что знала.

Закончив говорить, я настороженно, выжидающе взглянула на Лерку. Подруга, прижав пальцы к вискам, с опарашенным видом смотрела куда-то вперед.

— Лер...

— Значит, ты можешь увидеть любые... любые воспоминания? — спросила вдруг Лера. — Любого человека?

Я опустила взор.

— Да.

Логинова шумно втянула воздух. Нервно вздохнула, тяжело выпустила воздух из легких.

— Я понимаю, что это звучит, как бред... — осторожно проговорила я. — Но...

— А мои воспоминания ты тоже видела? — спросила Лера. Я услышала обвинительные интонации в её словах. Я смотрела ей в глаза.

— Да, — призналась я печально. — Да, видела.

— Например?! — жестко спросила Логинова.

Кажется, она ещё не верила в мои способности. Что ж, её трудно в этом винить. Я вздохнула.

— На прошлой неделе ты тайком взяла деньги из кошелька своего отчима, — вынужденно, уставшим голосом ответила я. — А ещё ты иногда врешь Беатрисе Константиновне, что у тебя дополнительные занятия по английскому языку, а сама после школы играешь на гитаре в переходе. Потому что хочешь накопить на подарок для Лады к её дню рождения. Ещё... Ещё ты...

Я подумала, стоит ли об этом говорить. Но, решила, что если уж начала рассказывать, то нужно рассказывать всё до конца.

— Ещё ты от левых аккаунтов сама себе комментарии на странице в инсте и фейсбуке пишешь.

Лера вдруг резко хлопнула ладонями по коленям. Я вздрогнула, боязливо уставилась на подругу.

— Так... — проговорила Логинова. — Понятно... Я... Я не знаю... Не знаю, что тебе сейчас сказать...

Лера и правда выглядела так, словно растеряна и рассержена одновременно.

— Слушай, мы, наверное, поедем, — Лерка встала и позвала сестренку. — Лада! Лад... Пошли. Нам домой нужно.

— Хорошо! — отозвалась девочка.

Она отряхнула руки от крошек печенья и подбежала к Лерке. Оглянулась на меня, помахала ручкой.

— Пока, Ника! — звонким голосом крикнула она.

Я улыбнулась ей, помахала в ответ.

— Пока! — крикнула я.

Лера лишь молча обернулась, взглянула на меня долгим, изучающим и настороженным взглядом. Затем отвернулась, не сказав ни слова. И они вдвоем поспешили прочь.

Я осталась одна сидеть на скамейке возле детской площадки.

Ветер подкидывал щепотки песка, швырял из стороны в сторону.

Шелестели листья деревьев над головой. Я подняла взгляд, уставилась в небо. Там вальяжно и лениво плыли лохматые, разбухшие облака. Что теперь будет? Стоило ли рассказывать Лерке правду? Как она теперь себя поведёт?

Наверное, нужно дать ей время привыкнуть к тому, что она узнала. Понять это и осознать. Но, можно даже не сомневаться, что её отношение ко мне изменится. Мысли о Лере вытеснили тяжелые раздумья о Гудковой.

Сегодня, час с лишним назад, она чуть было не отняла жизнь Лады. Её месть опять не удалась. На этот раз она уже пыталась отомстить мне. И я почти не сомневалась, что она предпримет ещё одну попытку. Было странно, но вместо страха перед Гудковой я почувствовала прилив негодования. А затем и жалости к ней.

Бедное, несчастное и озлобленное, одинокое в своем безумстве существо.

В рюкзаке неожиданно громко заиграла мелодия «Thunder» от Imagine Dragons. Я вздрогнула от неожиданности, достала телефон.

Звонил Стас. О! Очень вовремя. Я приняла вызов.

— Привет, — усмехнулась я.

— Здравствуй, Ника, — голос Стаса звучал так же устало, как у меня. — Ты сейчас занята? Мне нужно с тобой встретиться...

Я слышала насколько Корнилову неудобно обращаться ко мне за помощью. Он все никак не может отделаться от мысли, что привлекая меня к следствию вынуждает меня мучиться и страдать.

Как будто, если я не буду ему помогать, я перестану видеть убийства, изнасилования, расчленения тел, избиения и драки, и всякую другую мерзость, которая скрывается в людских воспоминаниях.

— Да, конечно, — не раздумывая ответила я. — Если ты на машине, то может быть забереешь меня? Я тут недалеко возле «Телескопа».

— Договорились, — бросил Стас. — Через минут десять буду.

— Жду, — улыбнулась я.

Стас приехал раньше. Я открыла дверцу его черного внедорожника и села рядом.

— Всё в порядке? — спросил Корнилов, чуть улыбнувшись мне.

Я взглянула на него. Что он пытается скрыть за напускной беззаботностью?

— Да, всё в порядке, — Я положила ладонь на его правую руку.

Перед глазами мгновенно пронеслись последние воспоминания Стаса. Я увидела, что Стас и Коля были в Екатеринбурге и там задержали какого-то Ильгиза. Затем увидела, как они задерживают Лукьяна Курбатова. Об этом я уже слышала в новостях.

Эпизоды из жизни Стаса, словно кадры фильма стремительно сменяли друг друга. Я увидела выкрашенный в черное и белое этаж в каком-то старом доме. И восемь тел. Четыре трупа были выкрашены в чёрный цвет, а ещё четыре в белый. Из-за пугающего экзофтальма у всех четверых безумное выражение на лицах.

Они висели на стенах, связанные между собой по рукам.

Мертвые. Беспомощные. Покорные.

Кто-то придал телам вид жуткой пародии на бумажные гирлянды с человечками. Такие были найдены в доме семьи Вербиных.

Затем я увидела девушку. Ей единственной удалось выжить.

Её нашел какой-то полицейский, что первым прибыл на место убийства. Сейчас она в больнице и она словно пребывает в перманентном сне. Во сне, в котором ей приходится переживать нечто кошмарное. Во сне, из которого она не может выбраться.

Воспоминание исчезло. Я опустила взгляд на свою руку. Стас держал мою ладонь и сочувственно глядел на меня.

— В следующий раз, — сказал он мягко, с толикой грусти, — когда захочешь увидеть мои воспоминания, лучше всё же сначала спросить, Ника.

— Прости, — я покачала головой. — Кто эта девушка? Которая сейчас в больнице? Что с ней такое? Я не все поняла из твоего воспоминания...

— Ничего, — Стас бросил взгляд в боковое зеркало и развернул машину. — Пристегнись. Приедем, всё увидишь своими глазами.

Я не стала задавать лишних вопросов. Но я испытала неприятное чувство прокрадывающегося в сознание мрачного отчаяния.

Стас, я это знала, не стал бы по пустякам так быстро просить моей помощи. И то, что он так немногословен, говорит о тяжести и серьезности проблемы, с которой он столкнулся. А в этом мире не так много проблем, как мне кажется, которые Станислав Корнилов не в состоянии решить.

Про Гудкову я пока решила ничего не говорить. Мы ехали на огромной скорости. Стас заметно торопился, он всё время кого-то обгонял. Я то и дело украдкой поглядывала на него. Стас смотрел на дорогу. В его сосредоточенном взгляде затаилось тягостное раздумье. Рот чуть скривился не то скептически, не то презрительно.

Мы вновь обогнали едущий впереди автомобиль. Меня постоянно вжимало в сидение. Во мне крепили и росли хаотичные переживания.

Что там с той девушкой? О чем так серьезно размышляет Стас? Как нам остановить Монохромного человека? Где дальше искать его следы? Когда рассказать Стасу о Гудковой? Что там сейчас обо мне думает Лера? Как там Мирон...

Корнилов резко затормозил у стен больницы. Через несколько минут мы уже входили в палату некой Таисии Фёдоровой, которую мне представил Стас.

— Вот она, — Корнилов кивнул на девушку.

Я осторожно приблизилась к ней. Девушка как будто действительно спала. Она морщила лоб, стонала, всхлипывала и что-то беспокойно бормотала.

— Врачи не знают, что с ней, — Стас неспешно прошелся вдоль кровати Таисии. — Говорят, что с таким сталкиваются впервые.

Я оглянулась, внимательно посмотрела в глаза Стасу. Я поняла, что он хотел сказать. Возможно, Таисия стала жертвой чего-то, с чем ни медицина, ни какая-либо другая наука ещё не сталкивались.

Проще говоря, здесь задействовано что-то, выходящее за границы естественного.

— Ты можешь помочь ей? — спросил Стас.

Я услышала тлеющую надежду в его голосе. Надежду и просьбу.

Я кивнула.

— Я постараюсь.

Я не была уверена. Но... Почему-то чувствовала, что правда могу что-то сделать. Я подумала о тех льдах, что появились в воде. И о тех звездах с луной, что неожиданно засияли тогда в ночном небосводе.

Это придало мне уверенности. Я вдруг поняла, что никогда толком не пробовала выйти за границы того, что умею. От этой проскользнувшей в разум мысли по коже спины побежала взволнованная дрожь.

Я ведь и, правда, не знаю толком, что я могу... Я осторожно присела на край кровати возле Таисии. Девушка вдруг застонала, чуть выгнулась, зажмурила глаза. Я увидела, как она страдальчески сцепила зубы и скомкала в кулаках простыню.

— Ей становится хуже, — Стас опёрся руками о бортик кровати.

В голосе слышалась злая горечь. Корнилов злился и опасался тех случаев, когда не знал, как и чем помочь. Что делать. Что предпринять. И он такой не один.

Я вздохнула. Осторожно коснулась руки девушки. Она всё ещё, дрожащими кулаками, судорожно комкала простыню под собой.

Кожа на лбу Таисии увлажнилась и тускло блестела. Её губы что-то бессвязно шептали. Я чуть наклонилась вперёд, прислушалась.

— Он идёт за мной... Он идёт за мной... Он идёт за мной... — едва слышно, как шорох, звучал слабый шепот из уст девушки.

Я взяла её за запястье. Осторожно погладила. Нервно дрожащий кулак девушки начал слабеть. Когда её рука безвольно упала на простыню, я осторожно взяла её в свои ладони. Я попыталась увидеть её воспоминание. Я каким-то необъяснимым чувством ощущала, что могу проникнуть в её сознание, узнать, что происходит в её разуме узнать, что она сейчас видит и переживает.

По мышцам спины, по позвонкам скатилось давящее, сжимающее напряжение. Я почувствовала легкое головокружение. Мир вокруг поплыл, смазался, растаял.

Тьма. Густая, беспросветная чернильно-черная тьма. Я стою в этой темноте или лежу. Кажется, я могла двигаться, могла двигать руками и головой. Но куда бы я не взглянула, кругом был только мрак.

Вязкий, плотный непреступный мрак. Где я? Что это за воспоминание такое? Что за... Как мне разогнать эту темноту?! Как разогнать этот мрак?! Мне нужен свет... Где мне найти его? Где взять свет, чтобы справиться с этой зловещей и злой темнотой?!

Что-то вспыхнуло и засияло легким, лучистым серебристо-белым светом. Я с удивлением взглянула на свои ладони.

От них исходил чуть мерцающий, сияющий, чистый свет.

Он становился ярче. Он креп в моих руках и отгонял мрак вокруг меня.

Темнота не желала отступить. Я слышала, как она злобно шипит и шепчет отползая в стороны. Темнота ненавидела свет. Мой свет. И меня лично. Темнота жаждала, чтобы мы, я и свет, убрались отсюда как можно дальше.

Свет в моих руках вдруг взорвался яркой вспышкой. Я отшатнулась назад, зажмурила глаза. Но этот свет не вызывал рези в глазах, не причинял того неприятного чувства, которое обычно возникает, если в темной комнате вдруг зажечь яркий свет. Этот свет был мягким, лучистым, чистым и... другим. Источником этого света было что-то другое. Совсем не то, чем обычно пользуются люди. Источник этого света исходил... Господи, он как будто...

Я задохнулась от робких переживаний, оглядев себя с ног до головы. Серебристый, звездный свет исходил от меня самой!

Я и была этим светом. Я и есть тот источник света, которого так боится эта живая, злая и мерзкая тьма. Тьма чужого и наполненного убийственной, ненавистной злобой сумасшедшего сознания.

Тьма убийцы.

Я осторожно вытянула руку вперёд. Меня пробрала волнующая, легкая дрожь. Я увидела, как тьма испуганно шарахнулась в сторону от моей руки. Мои губы тронула победная улыбка.

Я несмело ступила вперёд. Темнота злобно шипела, рычала, злилась и скалилась в бессильной ярости, но отступала, пугливо таяла и расползалась прочь от света.

Я сделала ещё один шаг вперёд. Огляделась.

В рассеивающемся сумраке я увидела, что нахожусь в какой-то комнате. Меня почти не удивило, что всё здесь, конечно же, чёрно-белое. Вся комната погружена в серо-черно-белую градацию сумеречных оттенков. Здесь в этой комнате всё было довольно старым. Старые обои и старинная резная мебель. Но на стене вон висят современные карты, на них я увидела фотографии гор, людей... Это альпинисты.

Меня переполнило волнующее оживление! Это те самые альпинисты! Я узнаю их! Вербин... Гудков... Каменев... А вот и Марк Лунин... А вот Лукьян... И ещё какие-то незнакомые лица. Они все здесь. Как давно это было...

Фотки были прикреплены к картам разноцветными кнопками.

Я подступила ближе. Внимательно всмотрелась в них. И на моих глазах снимки внезапно начали чернеть и сворачиваться.

Они как будто бы сгорали без огня. Послышался треск, скрежет, что-то упало.

Я огляделась и замерла в ужасе. Черно-белая комната, в которой я находилась стремительно преображалась. Обрывки почерневших обоев опадали со стен. На глазах лопнула и съезжилась бархатная обивка двух кресел.

Господи! Что происходит?! Что это такое?! Что... Что творится?!

Сам собой почернел и обуглился ковер. Черная сажа всползла по стенам, заполнила потолок. Развалился посудный шкаф, посуда внутри почернела и осыпалась осколками.

Я в растерянности стояла в центре комнаты и смотрела, как она и все предметы в ней стремительно ветшали, тлели и полностью чернели, как от пожара. В полнейшем недоумении, не представляя, что делать, я ошарашенно наблюдала за происходящим.

Вдруг я услышала отчаянный крик. Он звучал откуда-то из глубины дома. Не задумываясь, я подскочила к двери, распахнула её и выбежала в коридор. Здесь я на несколько секунд замешкалась, опешив от увиденного.

То, что происходило с комнатой, творилось по всему дому.

Черная сажа, угольно-черная гарь расползалась по всему серо-черно-белому дому, пожирала все то, что не уничтожил невидимый огонь. Всё бесшумно, тихо, в немом кошмаре погибало, разваливалось, превращалось в обугленную труху и обгоревшую рухлядь.

Крик неизвестной девушки повторился. Слабый, испуганный, мучительный. Это кричала Таисия, я знала это. Я побежала на крик.

Это было непросто. Пол буквально разваливался под ногами, осыпались стены, мимо меня вниз с грохотом ухнула массивная люстра, и просел, а затем надломился потолок. Со второго этажа вниз рухнули несколько предметов мебели, одежда, техника, мониторы, клавиатура, провода, принтеры и прочее.

Клубящаяся в доме черная мгла норовила остановить меня, сжать, сдавить, заставить сдать. Темнота изо всех сил пыталась погасить свет во мне.

Я не знаю, откуда у меня были силы, но я успешно противостояла ей. Я была преисполнена решимости добраться до кричащей Таисии. Её жалобный, слабеющий крик

звучал уже где-то недалеко.

Часть пола передо мной рухнула вниз. И путь мне преградил широкий провал. Я уставилась в дыру провала и на несколько мгновений оцепенела, глядя вниз, в глубину, на дне которой темнел первый этаж дома. Туда продолжали падать тлеющие обломки пола и мебели.

Я перевела дух. Вздохнула. Огляделась. Меня подстегивало желание добраться до Таисии. Она кричала снова. Снова и снова. Она звала на помощь. Я перебралась через провал в полу, по узкому неповрежденному участку у стены. Держаться приходилось чуть ли не за голую стену. Я справилась. Перебравшись через провал, бросилась вперёд к лестнице.

Когда я побежала вверх по ней, моя левая нога неожиданно провалилась в дыру, на месте отвалившейся ступеньки. Лестница стремительно чернела и дряхлея, разваливалась на фрагменты.

Страх упасть вниз хлестнул, словно вожжами или хлыстом. Я устремила вперёд.

Меня обступала тьма, но мой свет держал её на расстоянии.

Тьма злилась, рычала, извивалась и все так же озлобленно шипела.

Темнота жаждала, чтобы я оступилась, упала, погибла... исчезла.

Я не сдавалась. Я рвалась вперёд, преодолевала мрак и разваливающуюся лестницу.

Я оказалась на следующем этаже. Я увидела её. Таисия стояла в комнате с открытой дверью и, вжимая голову в плечи, в панике оглядывалась. Я подскочила к открытой двери. Та внезапно захлопнулась. Я застыла на мгновение, но тут же протянула руку к ручке двери. Дернула. Дверь не подалась. Я дернула ещё раз.

Из-за двери истерично, в ужасе, истошно заорала Таисия.

Я с остервенением дернула дверь за ручку. Та упрямо не открывалась.

Крик Таисии резко оборвался.

— Таисия! — закричала я. — Ты слышишь меня?! Я здесь! Слышишь?! Она не отвечала. Страх и чувство панической растерянности закрались в душу, пропитали тело внезапной слабостью.

Я встряхнула головой. Я не знала, что делать. Как открыть дверь? Как помочь Таисии? Что мне делать?! Я готова была выкрикнуть последний вопрос в слух. Я быстро огляделась по сторонам. Монохромный дом погибал. Стремительно рушился, ломался и оседал. Дом был похож на человека, медленно истекающего кровью. Так же, как и умирающий человек, дом слабел и угасал.

Отчаянно сопротивляясь взвившейся панике, стремясь не поддаться вспыхнушему страху, я искала решение, искала выход.

Я прошла дальше, забежала в другую комнату. Если дом рушится, то эта стена между комнатами может тоже рухнуть. Но что, если вместе со стеной рухнет и пол в комнате, где осталась Таисия. Что с ней? Где она? Я совершенно не представляла, что делать.

Но мой расчет оказался верен. Ветшающая стена внезапно разошлась, и словно лопнула широкой трещиной.

Во мне дрогнул отчаянный импульс надежды. Я не замедлила воспользоваться трещиной, чтобы пробраться внутрь.

Благодаря своим габаритам, мне было не трудно туда протиснуться.

И здесь я неожиданно оказалась в каком-то невероятно, противоестественно длинном коридоре. Конечно же чёрно-белом. Пол, косые стены, потолок... Всё в серо-белых оттенках.

Плюс ко всему, этот коридор был странно искажен. Он весь был чуть вытянут и наклонен. Он напоминал призму кривого ромба или параллелограмма. Пол под ногами был наклонен градусов на десять-пятнадцать. Потолок тоже одной стороной поднимался выше положенного. И набок кренилась правая стена.

Я осторожно двинулась по этому коридору. Его деревянные серо-белые стены были жирно зарисованы черными каракулями. В беспорядочных линиях, однако, угадывались человеческие и другие фигурки.

Колкий мороз проник под позвоночник, растекся по крови, вселяя ядовитый ужас. Стылый страх туманил разум, оплетал сердце и стремился сковать, сжать, стиснуть руки, ноги, шею. Страх стремился одолеть и подчинить меня. Страх ломился в душу, затягивал в жесткий узел сердце. Мне стоило усилий сделать шаг вперед. Затем следующий. И ещё. И ещё.

Я ступала по перекошенному пугающему черно-белому коридору.

Тьма вокруг шептала и зловеще посмеивалась. Тьма словно знала что-то, чего не знала я.

Я понемногу начинала осознавать в какой реальности нахожусь.

Это его фантазия. Его мир. Его воплощенные мысли, его страхи, чувства и эмоции. Это его мир. Мир разума Монохромного человека. И нужно помнить об этом.

Я здесь чужая. Я слабее. И мне нужно быть готовой ко всему.

Мысль об этом высверливала разум и стучала в шквальной пульсации вен. Я прошла дальше. Мой струящийся во все стороны свет рассекал дымчатый мрак.

Под ногой скрипнула половица дряхлого, ветхого пола. В нос ударил стойкий, горький запах гари. Я скривила нос. Осторожно, внимательно оглядела стены, потолок и пол. Неистово бьющееся в груди сердце напоминало выбросившуюся на берег рыбу.

Сухой, дурно пахнущий, пропитанный дымом воздух протягивал руки из мрака и касался моего лица, шеи, забирался в рот и нос.

Я закашлялась, прикрыла руками рот, зажала пальцами нос.

Этот абсурдный коридор, казалось, вытягивался вперёд и удлинялся с каждым моим шагом. Я тщательно прислушивалась. Но не слышала ничего, кроме частых басов сердца и грохота обваливающихся обгоревших обломков дома.

Но вдруг мне показалось, что я услышала плач. Я ринулась вперед, ускорила шаг. Пол под ногами внезапно треснул, лопнул и через трещины, проломив доски пола, снизу вырвалась длинная рука.

Я вскрикнула. Отшатнулась назад, попятилась. Кто-то схватил меня за лодыжку. Я закричала, упала, стукнулась локтем.

Рядом со мной пол пробили сразу четыре руки.

Остальные проламывались впереди по всей длине коридора.

Руки возле меня попытались дотянутся до моего лица, тела и ног.

Одной удалось ухватить меня за волосы. Я в панике дернулась. Боль обожгла кожу головы. Из глаз брызнули слезы. Я закричала. Чёрно-белая рука, торчащая из пола, медленно наматывала мои волосы на свои пальцы. В попытке высвободиться я несколько раз ударила по этой руке. И внезапно осознала, что она твёрдая! Она не настоящая! Это... Это была рука какого-то манекена или куклы... Что за...

Я ударила ещё раз, но тщетно. А между тем, возле меня вдруг через пол проломилась чья-то голова. Я вновь завизжала и взвыла от ужаса. У головы не было лица. Лицо было

словно стёртым. Едва угадывались выпуклости скул, носа, губ и бровей.

Да это же манекен! Гребаный, cholera, черно-белый манекен!!!

Да, это были манекены... Ожившие пластиковые манекены.

Они с методичным упорством, неторопливо пробивали, разламывали трухлявый старый пол и выбирались наверх.

Я дико заорала от бессильного ужаса. Забилась в панических судорогах, я стремилась вырвать свои волосы из рук мерзкой руки.

Но та лишь крепче и больше натягивала, наматывала мои платиновые локоны на кулак. От боли слезились глаза, жгло и щипало кожу под волосами.

Я крепко вцепилась руками в запястье. Я сама не знала, что пыталась сделать. Но вдруг почувствовала под ладонями тепло. Оно усиливалось, становилось горячо. Но это тепло не обжигало. Между моими пальцами выбились лучи света. Они были куда ярче, чем те, которые сияли до этого. А черно-белая пластиковая рука манекена на моих глазах осыпалась истлевшим прахом.

Я высвободила наконец свои волосы, поспешно отползла на четвереньках от кучки праха, в который превратилась рука.

Долго переживать случившееся мне не дали. Выбравшиеся из пола черно-белые манекены, покачиваясь, скрипя пластиковыми конечностями, дерганными шагами направились ко мне.

Я с дрожащими губами, в безвольной панике вжалась спиной в стену. Меня сдавил, сжал и парализовал крошечный ужас.

Я со слезами и страхом наблюдала, как эти пластиковые твари пошатываясь двигаются ко мне. Их пластиковые ноги скрипели по старому полу. Их безликие черно-белые лица глядели на меня.

Тут я снова взглянула на кучку праха, в который неведомым образом обратила державшую меня руку. Затем перевела взгляд на свои сияющие ладони. Я подняла взгляд на движущиеся ко мне манекены. Паника во мне уступила место решимости. Я должна сопротивляться накатывающему страху, я могу это делать. У меня... У меня есть оружие против темноты и мрака больного, озлобленного разума Монохромного человека. И против его порождений тоже.

Я, подчиняясь неведомым инстинктам, выставила скрещенные ладони. Мгновение ничего не происходило. Черно-белые, чудовищно ужасные манекены все так же шагали ко мне.

Но вдруг с моих рук сорвался прямой, широкий луч мощного, яркого света! Он буквально пронзил и разрезал тьму во всем коридоре! Луч света из моих рук переливался перламутровыми и сине-белыми оттенками.

Я не могла это объяснить! Я не знала, что это такое... Но я видела, как бесформенными кучами осыпались черно-белые манекены.

Безжизненными грудями, слабо шевелясь они оседали на пол.

Я, набравшись храбрости, ринулась вперед. Оказавшись около одного из рассыпавшихся манекенов, я увидела ползущую по полу, отдельную кисть. Она походила на черно-белого паука.

Я не удержалась и с яростью наступила на неё каблуком. Она звонко хрустнула под подошвой, и я ощутила праведное моральное удовлетворение.

Ощущая нервный трепет в груди, я настороженно, сохраняя бдительность двинулась

дальше. Все, что происходило здесь, не могло происходить. Это была фальшивая, жестокая и темная реальность, существовавшая в сознании серийного убийцы.

Но каким-то образом, судя по всему, ему удавалось погрузить в свой мир умы своих жертв.

Я вспомнила слова Стаса о Гудковой. Когда он увидел её в первый раз, она сказала ему, что «он заполняет их собой». Я была уверена, что речь идёт о телах жертв и «заполнение» исключительно символическое. Как же я, чёрт возьми, ошибалась!

Я шла по коридору и слушала шорохи во тьме. Дом перестал рушиться. Замер в полуразрушенном состоянии. Обгоревший, мёртвый, тихий. Навсегда, на долгую вечность погруженный во мрак.

В конце коридора я обнаружила пустой дверной проем без двери.

Я вошла внутрь. Темнота отступила, и я увидела его. Высокий, огромный, слишком высокий для человека. Он был обнажен по пояс. И по его худому телу с хилыми мышцами и торчащими ребрами вилась какая-то огромная, цветная татуировка, не то японского, не то китайского стиля. Его волосы тоже были собраны в причёску азиатского типа.

Он кого-то мне напоминал и очень сильно. Я определенно видела в жизни кого-то очень похожего на него. Он стоял над лежащей на полу Таисией, победно и торжествующе раскинув в стороны непропорционально длинные руки.

На моих ладонях сам собой зажегся уже знакомый яркий свет.

А Он, этот безликий, но смутно знакомый великан наклонился вперёд и издал мощный, свирепый и долгий рёв. У меня чуть волосы не встали дыбом! И душа, буквально, чуть не выпорхнула из тела...

Я оторопела, содрогнулась и испуганно, забыв дышать, попятилась назад. И свет на моих ладонях мгновенно ослабел, начал гаснуть.

А Он наступал. Убийца или, вернее, его воплощение, переступив через лежащую Таисию ринулся на меня. Он, злорадствуя, надвигался на меня. Его бледное тело с татуировками на груди, шее и руках обвивали дымчатые змейки, сотканые из мрака.

Я прижалась спиной к стене. Отступать было некуда.

В глазах сгущался мрак. Я вот-вот готова была упасть и потерять сознание. Но я откуда-то твердо знала, если я сейчас сдамся, меня ждет так же участь, что и Таисию. Я засну и окажусь в плену бесконечного кошмара. За которым через какое-то время последует неминуемая гибель тела и разума в настоящей реальности.

Это придало мне уверенности. Я нахмурила брови. Заставила себя смотреть на его размытый облик. Мой свет стал ярче. Тут же темное, уродливое воплощение замерло в нерешительности. А затем он и вовсе попятился.

— А ну, — процедила я свирепо, — пошёл... про-о-очь!!! Я громко и гневно закричала, выставив вперёд свои ладони.

В этот раз мощный взрыв света был куда сильнее, чем тот, что вспыхнул в коридоре! Шар света взорвался на моих ладонях, во все стороны раскинулись сотни тысяч сияющих лучей.словно у меня на руках, в ладонях сияла настоящая звезда! И её свет убивал мрак, изгонял тьму и причинял дикую боль Ему. Этому Воплощению злой воли Монохромного человека. Воплощению убийцы.

Он кричал, закрывался руками, а его тело дымилось и медленно осыпалось кусочками пепла. Он не выдержал и, развернувшись, прыгнул куда-то во мглу. Исчез. Сбежал. Растворился.

Я опустила руки. Свет на них все ещё сиял серебряными чистыми лучами. Я подошла к Таисии Федоровой, присела возле нее и заботливо взяла её голову в ладони. Девушка медленно открыла глаза.

— Он... — пролепетала она.

— Он ушел, — мягко проговорила я. — Тебе пора просыпаться.

Она сперва неуверенно, а затем с готовностью ответила:

— Да... пора.

Она блаженно улыбнулась. И видение (или иная реальность) стремительно растаяла в мерцающей лавине ослепительного света.

Свет вырвал нас из мрака.

... Я вздрогнула, подхватилась. Увидела перед собой Стаса. У того было изможденное и уставшее лицо.

— Ника, — выдохнул он.

Я увидела, что Стас был всерьёз испуган. Могу только представить, что он тут пережил. Я оглянулась.

Я сидела в кресле, возле кровати Таисии. Наверное, Стас перенес меня сюда, когда я отключилась и попала в сознание Таисии.

Сама Фёдорова сидела на своей кровати и с осоловевшим видом, хмуро, сонно оглядывалась. Её заботливо осматривал доктор с седой бородой.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он. — Тошнит? Есть ли головокружение?

Он наклонился к ней и посветил фонариком в глаза. Но девушка тут же раздраженно отмахнулась и отвернувшись, проворчала:

— Отстаньте...

Она вдруг развернулась, свесила ноги с кровати.

— Куда вы?! — пришел в ужас врач. — Вы что! Вам нельзя вставать! Немедленно...

— Доктор, — угрюмо и устало ответила ему Таисия, — я хочу в туалет... Отвалите, пожалуйста.

Мы со Стасом переглянулись. Я тихо засмеялась. Стас, погодя, тоже улыбнулся. А доктор так и замер, изумленно глядя вслед вышедшей из палаты Таисии.

— Ни хрена не понимаю, — проворчал он. — Что вообще происходит в моем отделении!

Теплый ветер, врывающийся в открытое окно, приятно, почти ласково оведал и гладил моё лицо. Ветер играл одинокими, выбившимися тонкими прядями моих волос. Из окна доносились автомобильные сигналы, шум машин, голоса людей и чириканье какой-то птицы.

Я стояла перед окном, смотрела в небо, на облака. И пыталась понять. Пыталась дать себе хоть какой-то четкий и мало-мальски вразумительный ответ на то, что мне довелось пережить. Я пыталась понять, что я видела, свидетельницей чего я стала?.. Что это было?.. И как это возможно? Этот сгорающий и разрушающийся без пламени дом. Эти жуткие, мерзкие черно-белые манекены, словно сошедшие с кадров Сайлент-Хилла. И этот человек... Ну, точнее, то, что походило на человека. Это было своеобразное потустороннее воплощение кого-то реального. Кого-то, кто реально существует. Могла ли я увидеть самого Монохромного человека? Может быть, именно такой его образ и сохранился в голове перепуганной Таисии Фёдоровой.

Ещё меня волновал вопрос относительно того странного света...

В жизни я ничем таким подобным не владею. Да и таких чудовищ, как эти манекены или этот гигант, изрисованный чёрно-белыми татуировками, тоже в реальности, слава богу, нет.

Вопросы... Одни только вопросы без намёков на ответы.

С тихим шорохом открылась дверь. Я оглянулась.

— Стас, это женский туалет, — ответила я.

— Извини, — Корнилов выглядел смущенным и обеспокоенным, — просто, ты уже минут сорок не выходишь.

— Я... я сейчас выйду, — пообещала я. — Как Таисия?

— Ест, — хмыкнул Стас, — как в последний раз.

— Наверное, это хорошо, — вздохнула я.

— Врачи говорят, было бы хуже, если бы было наоборот.

— Ты хочешь, чтобы я попыталась увидеть её воспоминания? — спросила я.

Я была готова на это. Хотя сейчас, если честно, мне этого меньше всего хотелось. Но Стас качнул головой.

— Нет, я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

— Всё в порядке, — усталым, измученным голосом ответила я.

— Расскажешь, что ты видела? — осторожно спросил Корнилов.

— Да, конечно, — вздохнула я.

Ещё раз бросила взгляд в окно и вышла из дамской комнаты.

Мы нашли относительно безлюдное место в больничном коридоре, встали возле закрытого кабинета. Здесь висело несколько рекламных плакатов и стенд с признаками гепатита. Я отвернулась от неприятных картинок и начала рассказывать.

Я кратко, но красочно описала Стасу всё, что видела в том видении или... Не знаю, как это назвать. Но это действительно было похоже на блуждание в чужом сознании. В сознании или разуме Таисии Фёдоровой, подчиненном воле и влиянию Монохромного человека.

Стас слушал внимательно, не перебивал. Я видела, что в его глазах мелькает недоумение и пытливая задумчивость. Он силился понять то, о чем я говорила. Тогда, когда я сама толком не могла этого объяснить. Особенно Стаса впечатлил и заинтересовал образ того странного великана в татуировках.

Брови Стаса шевельнулись. Так, словно он вдруг о чем-то вспомнил. О чем-то, что уже где-то видел.

Про черно-белых манекенов и свет, который помогал мне против сверхъестественного мрака, я умолчала. Первое выглядело совсем уж несуразно, дико и пугающе сюрреалистично. А про свет... Слишком уж пафосно получается.

«Там был мрак, но я разгоняла его с помощью божественного света!» Бред какой-то! Выглядит, как глупая и напыщенная попытка превознести собственную значимость! Фу!.. Нет уж. Тем более, всё это вряд ли так уж важно. Меня больше заинтересовал дом, в котором всё происходило.

— Я его узнала, — проговорила я, глядя в сторону. — Это тот дом... Ну... который сгорел... с теми людьми. Дом, в котором был тот альпинистский клуб «Горный путь».

— Не удивительно, — Стас чему-то невесело улыбнулся. — Если предположить, что увиденное тобой является частью внутреннего мира и сознания убийцы, то нетрудно догадаться, что с этим домом у него связаны стойкие и крепкие воспоминания. Страшные и

болезненные воспоминания. Помолчав, Корнилов добавил.

— В этом доме случилось то, что его навсегда изменило.

— Пожар, — поддакнула я.

Стас молча кивнул.

— Пожар, — проговорил Стас, — пожар, массовая гибель людей, ужас, страх и...

— Боль, — шепнула я тихо и поёжилась.

— И боль, — согласился Стас. — Всё то, что породило Монохромного человека. Всё то... из чего он и состоит.

От слов Стаса ехидный шепоток извивающегося страха просочился в мысли и растворился в венах, наполняя холодом кровь. Я внезапно почувствовала, что продрогла. Ощущение стужи было неестественным, необъяснимым. Дело было не в температуре — и на улице, и в больнице было довольно тепло. Пробравший меня холод имел другую причину.

— А ты не помнишь, — медленно и задумчиво проговорил Стас, — что за татуировки были на теле того... существа.

Человеком Стас его называть отказывался. И я его понимала. Человеческого в том создании было не так уж много. Лишь отдаленная схожесть.

— Что-то японское или китайское, — я покачала головой, задумчиво нахмурилась. — Наверное, всё же китайское.

— Почему? — спросил Стас. — Как ты отличаешь?

— Мотив больше похож на китайский, — ответила я.

— Откуда ты знаешь?

Я усмехнулась.

— Если бы ты жил под одной крышей с отпетым JDM-щиком, ты бы тоже отличал китайские изображения от японских.

— Что такое JDM-щик? — не понял Стас.

— Истовый поклонник японских автомобилей, — ответила я. — А JDM-это Japanese Domestic Market. Японский отечественный рынок.

— И причем тут рисунки?

— Очень многие любят наносить на кузов своей резвой SUBARU или хищной TOYOTA соответствующие японской культуре изображения.

— И они отличаются от китайских.

— Не слишком заметно на первый взгляд, — уверенно кивнула я. — Страна восходящего солнца очень много унаследовала именно от китайцев.

— Наверное, — хмыкнул Стас. — Именно поэтому во второй мировой они так рьяно резали китайцев. Как скот.

— Угу, — опустив взгляд проговорила я.

Меня посетила стыдливая мысль о том, что в истории моей семьи, и лично моей тоже есть несколько позорных страниц, связанных с той страшной войной. Я никому об этом не говорила. Даже Лерке.

Я никогда не объясняла своей лучшей подруге, почему на майские праздники и особенно на девятое мая я всегда уговариваю дядю Сигизмунда куда-нибудь улететь или уехать.

Чаще всего, мы как раз и летаем в Японию. Там у дядюшки много старых, хороших друзей. Там я могу не видеть «праздника со слезами на глазах» и не думать о том, что среди моих предков есть те, кто воевал не на той стороне.

— Ника? — Стас тронул меня за плечо.

— А? Что? — рассеяно спросила я и, моргнув, взглянула на него.

— Ты о чем-то задумалась, — Стас оглядел меня с толикой беспокойства. — Переживаешь ... из-за того, что увидела?

Корнилов не мог скрыть болезненной тревоги и досады. Он всегда жалел меня и, наверное, мысленно ругал себя последними словами за то, что позволяет мне вмешиваться и брать на себя слишком тяжкий, по его мнению, моральный груз. Отчасти он прав. Мне, и правда, нелегко, а иногда и вовсе тяжело справляться с тем, что я вижу. Но, как я уже говорила, если бы я и не вмешивалась в следствия УГРО, лучше бы мне от этого не стало. Скорее, все было бы ещё хуже.

— Стас, — я тронула его за руку, — всё со мной хорошо... Правда. Пойдем.

— Куда? — не понял Корнилов.

— Разговаривать с Таисией, — пожалала я плечами.

— Ника, это...

— Стас, поверь мне, после того, что я увидела в её сознании... — я покачала головой, — сейчас меня мало, что впечатлит. А между тем я могу увидеть и узнать что-то важное.

Корнилов вздохнул.

— Если она в конце не свихнулась и что-то помнит.

— Помнит, — уверенно ответила я. — Должна помнить.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть третья.

ПЛАТОН ПЛАНСОН

Воскресенье, 21 августа. Ранее утро перед рассветом.

Ему не спалось всю ночь. Беспокойные мысли одолевали и мучили его. Беспорядочные, хаотичные и пугающие размышления наполняли разум страхом. И он боялся не того, что может сесть за решетку за то, что делал со своей племянницей. Это была его наименьшая проблема. И ему удастся её решить, стоит ему только добраться до Ларисы и её дочери.

А вот статья Каменева... Этот придурок-журналист даже не представляет, каких серьёзных людей он задел! Он выставил на всеобщее посмешище и позор жен влиятельных и богатых людей.

Он нанёс им тяжелейшее публичное оскорбление! Унизил их и опорочил их жен! Каким же надо быть конченным на всю голову, чтобы решиться на такое!.. Таким людям нельзя даже кривое слово поперёк сказать, а тут... Кретин!.. Придурок! Самоубийца!!!

Другими словами, Касьяна Каменева просто не называть!

Они ведь не простят такого. И от их мести, его никто не защитит.

И его Платона, тоже. Ведь ладно бы Каменев рисковал только своей жизнью! Люди, чьих жен «ославил» Каменев, прекрасно знают, у кого Каменев мог достать снимки. Только у него — у Платона.

И им плевать, что Каменев их украл, что Платон не передавал снимки. Его захотят наказать. И эта устрашающая мысль терзала сознание Плансона. Платон буквально обрастал изнутри черствой, гнилостной плесенью пропитывающего душу ужаса. Ужаса перед неизбежной расправой.

Мысли о том, что его наверняка захотят убить, лихорадили кровь, затмевали рассудок, мешали дышать, спать и есть. Платон уже трижды пожалел, что согласился снимать извращенные развлечения развращенных женщин влиятельных господ. Да, они посулили ему большие бабки. Правда большие. Хватило на покупку Эскалейда с уникальной комплектацией.

Ещё бы! Эту тачку недавно снимали в одном из последних боевиков! Сколько счастья он испытал, когда её приобрел. Ни у кого в Москве и в России такой нет.

А теперь... Теперь эти же люди могут его убить. Платон зажмурился, и в сотый раз перевернулся с боку на бок.

С невероятным усилием, беспокойно вздрагивая, он все же смог задремать...

Но тут же резкий, настойчивый импульс врезался в его сознание.

Участился пульс, возросло сердцебиение. Стало трудно дышать.

Платон медленно сел в кровати. Уставился в окно. Там темнели сумерки раннего утра.

Плансон, чувствуя удары сердца в ушах, тщательно, затаив дыхание вслушивался в тишину. В частной психиатрической клинике сейчас была почти идеальная тишина. Только откуда-то издали доносились смутные, неразличимые звуки.

Вкрадчивый скрип. Шорох. Щелчок. Платон порывисто оглянулся. Сердце подскочило до горла, и застряло в трахее. Приток клокочущего адреналина в крови подстегнул Платона к действиям. Быстро и холодно рассуждая, Плансон босиком подскочил к ванной, залетел внутрь, открыл кран, включил свет и тихо выбежал, прикрыв дверь. Затем торопливо и тихо забрался под кровать. Платон ощущал, как сжимаются и вибрируют мышцы в теле. Он пытался сдержать свое слишком шумное, рваное дыхание. Крепко стиснув зубы, стараясь унять дрожь в теле, он наблюдал из-под кровати.

Он увидел, как открылась дверь. Кто-то в чёрных ботинках и легких брюках вошел в его палату. Вошел, используя ключ. И это был не медицинский сотрудник. Все здесь ходили в одинаковой сменной обуви, к которой Платон уже привык.

Незванный гость осторожно прошелся по палате Платона.

Он бесшумно, осторожно крался в серой полутьме. Затем повернул к ванной. Из-за приоткрытой двери на пол падала узкая полоска света.

Плансон увидел, как ноги в ботинках направились к двери ванной комнаты. Некто приоткрыл дверь.

Плансон бесшумно выполз из-под кровати, подкрался к стулу, возле стены, аккуратно поднял.

Неизвестный посетитель тем временем открыл дверь ванной.

Свет вырвался в темную комнату. Черный силуэт гостя замер на пороге ванной. В правой руке угадывался четкий силуэт пистолета с глушителем.

Платон поднял стул и с силой швырнул в незваного гостя. Гость обернулся, но поздно. Брошенный стул врезался ему в грудь, сбил с ног. Неизвестный с грохотом упал на пол, ударился плечом и головой о дверной косяк.

Явно какой-то профан! Плансон бросился к нему. Поднял упавший пистолет. Некто на полу сдавленно застонал.

— Лежать! — рявкнул Платон, тыча в него пистолетом. — Не двигаться, тварь!

Но мужчина на полу выкрикнул ругательство и дернулся к нему.

Платон позорно высоким голосом вскрикнул, отскочил и выстрелил. Раз. Другой. Третий. Четвертый.

Мужчина на полу несколько раз вздрогнул, завалился на бок и замер. Под ним по полу быстро растекалась багровая лужа крови.

Платон, оторопев, испытывая шоковое смятение, несколько секунд взирал на лежащего на полу человека. Его мозг несколько секунд осознавал случившееся.

Шумно сглотнув, Платон приблизился к лежащему на боку мужчине. Тот не двигался. Плансон присел. Пульс в крови сходил с ума. Кровь шумела в голове. Казалось, череп медленно сжимается в такт взбешенному сердцебиению. По коже расползался хладный жар. Напряжение оплетало конечности, сжимало ребра и сдавливало живот.

Платон откинул капюшон с лица убитого. Склонил голову набок, придиричиво, с отвращением оглядел. Убитый не был ему знаком. Но... Кажется, он видел его среди сотрудников больницы. Платон посмотрел на пистолет в своей руке и нервно хмыкнул.

Интересно, откуда у врача больницы личный Heckler & Koch USP?

Вряд ли он сам его приобрёл. Скорее всего, ему его одолжили. И надо полагать, те же люди, что и заплатили за его, Платона, убийство. Плансон вынул обойму пистолета, заглянул внутрь. Вроде патронов ещё достаточно. Он зарядил обойму обратно. Сунул пистолет за пазуху. Затем взял мертвеца за ноги и затащил в ванную. Выключил свет, закрыл дверь.

Нужно бежать. Теперь это факт, который трудно отрицать. Плансон стер пот со лба. Посмотрел на себя в зеркало. Оттуда из полутьмы на него взирал взъерошенный, перепуганный мужчина в перекошенной, смятой пижаме.

Плансон быстро переоделся. Дрожащие от стресса руки не слушались, но он всё-таки сумел одеться и собраться довольно быстро. Часто, глубоко и жадно дыша, он выскользнул из палаты, закрыл её на ключ. Огляделся.

Коридор больницы был пуст. Повсюду властвовала притаившаяся, замершая тишина.

Плансон ринулся вперёд, мимо дверей других палат. Сердце отбивало тяжёлый, тревожный ритм. В теле нервно сокращались мышцы.

Справа скрипнула дверь. Платон замер, вскинул пистолет.

В коридор вышла девушка в синей медицинской пижаме.

Она увидела Платона, застыла, уставилась на него. Вскинула вверх ладони.

— Молчи, — предупредил Платон. — Выведешь меня отсюда, оставлю жить. Крикнешь — пристрелю. Кивни, если поняла.

Девушка несколько раз пугливо кивнула. Платон приблизился к ней.

— Отлично, — прошипел он ей в лицо. — Пошли.

Он развернул её и толкнул перед собой.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Понедельник, 22 августа

Боль стала его постоянной спутницей. Даже в те краткие часы, когда ему удавалось уснуть, боль преследовала его и в сновидениях.

В который раз Касьян открыл глаза и тут же отчаянно, бессильно заплакал от рвущей его руку свирепой боли.

Вместе с пробуждением пришло угнетающее осознание того факта, что у него больше нет руки. Вместо неё... боль. Беспощадная, бесконечная, мучительная боль. Она вгрызалась в его культю, сжимала, с остервенением стискивала обрубок руки и с ожесточением

пожирала плоть.

Где-то наверху раздался звук открывшейся двери. Касьян слышал голоса и шаги на лестнице. Кто-то спускался и негромко переговаривался. Касьян счёл за лучшее притворится спящим.

Он улегся, настолько удобно и непринужденно, насколько позволяли цепи на ногах и шее. Под боком у него был только голый пол с утеплителем.

— ...Уже четвёртый день, — насмешливо бросил один голос.

Касьян узнал владельца каштановых бакенбард.

Иероним Дементьев — владелец одного из металлургических концернов. Вовсю спонсирует одну из оппозиционных партий.

Такие, как он, искренне считают, что на правильном пути страна была в «славные» девяностые. А ныне всё слишком сложно и неприятно.

Касьян прислушался к голосу человека, который отвечал Иерониму.

— И как долго вы собираетесь его здесь держать?

Каменев, забыв о своём притворстве, вздрогнул и открыл глаза.

Он узнал этот голос. Он не мог понять, откуда он ему известен, и кому принадлежит, но... Он его знал! Голос был невероятно знакомым. Касьян напряженно вспоминал, где он мог слышать этот голос!

— А зачем вы меня позвали? Что именно с ним не так? — спросил этот самый голос.

— Да странный он какой-то, — с легкой опаской проговорил Иероним. — Охрана говорит, во сне бормочет что-то, улыбается, как придурок... А иногда шепчет... И...

Дементьев замолчал. Прокашлялся.

— И? — надавил его спутник. — Что дальше-то? Что он такое шепчет, что вас так напугало, господин Дементьев?

— Да... чушь всякую. Мол вы все сдохнете в муках, в дерьме... и так далее. И понимаешь, так... так... так искренне, прям... Пацанов моих пробрало. И меня тоже. Не знаю, док... Но лучше вам его глянуть. Я же правильно слышал, что он у вас лечился?

— Было дело, — кивнул тот, кто по-видимому являлся врачом. — Он попал ко мне в весьма тяжелом психическом состоянии. Мне пришлось с ним серьёзно повозиться.

— А он проявлял какую-то... агрессию? — осторожно спросил Иероним.

Каменев внимательно слушал. Слушал и обтекал потом, осознавая, что речь идёт о нём. Лечился?! Он?! У кого?! Зачем?! Что... Что вообще такое твориться?! Что происходит?!

Скапливающиеся в голове тревожные мысли кружили, вились в черепе.

Иероним и его спутник спустились в подвал, где держали в цепях Каменева.

— Вот он.

Касьян зажмурил глаза за мгновение до того, как зажегся яркий свет.

— Чёрт возьми... А что у него с рукой? — спросил «доктор». — Вы что... Вы... Вы отрезали ему руку?!

— А что? — хмыкнул Иероним. — Ему она уже всё равно не понадобится. Жаль только, что пришлось раскошелиться на медицинскую помощь для него. Лекарства, перевязки и так далее... Но оно того стоит!

Доктор в ответ что-то хмыкнул. Касьян слышал, как он подошел к нему, присел.

— Эй, — он тронул Касьяна за плечо. — Просыпайся, Каменев.

Касьян, изображая сонливость, открыл глаза и увидел на собой мужчину в очках. У него были темные волосы, собранные в пучок. Он носил странную рубашку, не то вьетнамского,

не то китайского стиля и на левой руке у него темнели нефритовые чётки.

— Помнишь меня? — усмехнулся доктор.

Касьян вспомнил. Именно этот человек стал причиной его мучений и ночных кошмаров. Да, он отлично помнил его голос. Потому что голос этого человека всегда предвещал боль. Моральную и физическую. Страх и обжигающий, пронзающий тело электрический ток. Унижение, боль, страх. Унижение... боль... и страх...

Вот с чем у него ассоциировался этот доктор.

Касьян не помнил, от чего именно лечился у него и зачем. Зато отлично помнил его фамилию.

Шамов. Доктор Герман Шамов. Заведующий отделением усиленного наблюдения в одной из психиатрических больниц.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 23 августа.

Лифт на удивление поднимался слишком медленно. Казалось, техника на некоторое время обрела разум и зловредный характер, ввиду которого стремилась как можно сильнее замедлить прибытие Стаса на восьмой этаж психиатрической больницы.

Стас собирался встретиться с главным врачом данного учреждения.

То, что рассказала ему Ника, натолкнуло Корнилова на воспоминания о заведующем отделением усиленного наблюдения в этой же больнице. А если быть точным, то на мысль о докторе натолкнули описанные Никой татуировки на теле увиденного ею существа в том видении. А точнее, как бы ни бредово это звучало, в сознании Таисии Фёдоровой.

К слову сказать, сама Таисия никаких серьёзных сведений не дала.

Вопреки ожиданиям Стаса. Всё, что происходило до появления Монохромного человека на скромном праздновании, девушка помнила. А все, что случилось позже, словно было вычеркнуто и вырезано из воспоминаний Таисии. И на любые вопросы Стаса Фёдорова лишь качала головой и всё время вытирала слёзы.

До несчастной девушки постепенно доходил страшный смысл случившегося. Она всё осознавала с новой силой, с новым чувством невыносимого горя.

Кроме старшей сестры, которая должна была выйти замуж за младшего брата жены Марка Лунина, у неё в этом мире никого не было. Таисия осталась одна. Без родителей. А теперь и без сестры, которая всегда заменяла ей мать, отца, бабушку и дедушку.

Сестры, которая была всей её семьей.

И Монохромный человек лишил её семьи, отняв жизнь единственного близкого человека. Ни о чем другом Таисия уже думать не могла. Страх и горе снедали душу девушки.

Зато Ника, как всегда, смогла выручить Стаса и снабдить одним небольшим, но крайне важным сведением. Гудкова была там. Ксения Гудкова помогала Монохромному человеку.

Стас два раза спросил Нику уверена ли она в том, что говорит.

Лазовская ответила с категорическим утверждением.

Корнилов ощутил беспокойство и надолго погрузился в раздумья.

Он просчитался и недооценил Ксению Гудкову. Она, к его неудовольствию, оказалась куда более прыткой. Значит они уже вместе. Их двое. И они стали опаснее. В десятки раз.

Стас закрыл глаза. Прислушался к тихому шуму лифта.

Он пытался представить, где сейчас Гудкова и её покровитель? Чем они заняты? Обдумывают новое убийство? Предаются безудержным плотским утехам? Присматривают новых жертв? Выбирают способы убийства? Или, быть может, преспокойно, мирно смотрят фильм, уютно устроившись на диване?

Наконец, двери лифта почти бесшумно раскрылись. На последнем этаже Стаса встретила тишина и тусклый, хоть и стильный интерьер.

Вместе с кабинетом главного врача здесь располагался архив, главный пост видеонаблюдения охраны, бухгалтерия и несколько аудиторий психотерапевтических сеансов для пациентов на амбулаторном обследовании.

Главного врача на месте не оказалось, а кабинет был заперт.

Его секретарша темноволосая, красивая женщина с приятным голосом вежливо и сдержанно объяснила Стасу, что главный врач сейчас слишком занят.

— У Аркадия Соломоновича сейчас конференция, — проговорила секретарша, пристально изучая Корнилова взглядом таинственных, темных глаз. — Если вам угодно, я бы предложила вам чаю, пока вы ожидаете.

Но у Корнилова не было времени «ожидать» и тем более распивать чай. Не слушая уговоры секретарши и её обольстительный голос, Корнилов направился к конференц-залу. Он прошел мимо длинного окна, в котором виднелся просторный кабинет с огромным столом, большим плазменным экраном и небольшой трибуной, за которой как раз стоял коренастый мужчина в синем, полосатом костюме.

У него была мощная квадратная челюсть и глубоко посаженные глаза под густыми темно-русыми бровями.

— Таким образом, — донеслось из-за двери конференц-зала, — мы в данный момент находимся на пороге открытия в области нейронно...

Стас без церемоний открыл дверь. Главврач больницы так и замер перед трибуной. Его фальшивая, восторженная улыбка начала быстро киснуть, при взгляде на Стаса.

Все присутствующие с удивлением уставились на Корнилова.

— Добрый день, — безрадостно бросил Стас. — Вы главный врач больницы?

— Прошу прощения, у меня сейчас совещание с несколькими иностранными делегациями, — произнес главный врач. — Какие бы у вас ни были дела, вам придется подождать, пока я закончу! Аркадий Соломонович явно злился от того, что Стас прервал его речь.

Корнилов достал удостоверение.

— Подполковник Корнилов, — проговорил Стас, глядя на главврача. — Уголовный розыск. Нам нужно поговорить, и прямо сейчас, иначе...

— Я же сказал! — потеряв терпение, едва ли не вскричал Аркадий Соломонович. — Что бы там у вас ни случилось, вам придется подождать! Я не могу прервать...

Стас посмотрел на замершую в ужасе секретаршу, стоящую рядом с ним и прячущуюся за дверью.

— Как фамилия вашего начальника?

— Г-гуревич, — ответила женщина.

— Господин Гуревич, — жестко, звенящим сталью голосом проговорил Стас, — или вы идете со мной, или я здесь, в присутствии ваших гостей подробно расскажу в чем подозреваю одного из врачей вашей больницы.

Это подействовало. Аркадий Соломонович Гуревич с неожиданным проворством сошел

с трибуны. Жеманно улыбаясь, чуть наклонился вперёд, глядя на публику. Вздвигая ладони, доктор льстиво произнес:

— Прошу прощения, уважаемые коллеги. Мне ненадолго придется отлучиться. А в мое отсутствие мой заместитель, Антон Юрьевич, объяснит Вам детали предложенного мною метода лечения соматических расстройств. Ещё раз прошу меня простить!

Кланяясь и пятась к двери, главный врач вышел из аудитории и, закрыв за собой дверь, обернулся к Стасу. Заискивающая улыбка испарилась с его лица.

— Ну, какого черта?! — прошипел он, вытаращившись на Стаса. И тут же метнул яростный взгляд на свою секретаршу.

— А ты куда смотрела, дура?!

— Ваша секретарша здесь не при чем, — с холодной вежливостью ответил Стас. — А вот к вам у меня несколько серьёзных вопросов.

— Они стоят того, чтобы прерывать столь важную конференцию?! — надменно и сердито спросил Гуревич.

— Я не знаю, — изобразил равнодушие Стас. — Заведующий вашим отделением усиленного наблюдения подозревается в серийных убийствах, о которых, я уверен вы немало слышали в новостях. Как считаете, это стоит вашей прерванной конференции?

Аркадий Соломонович с оторопелым видом молча положил правую руку на сердце и нервно, шумно сглотнул.

— Герман Миклосович Шамов... — главный врач замялся, подыскивая слова.

Он развёл руками и с совершенно растерянным, обескураженным видом пожал плечами.

— Он... Он один из лучших специалистов в нашем заведении. Автор... нескольких научных статей. Блестяще защитил свою докторскую... Он хороший, честный и добрый человек! Обожает свою работу! Искренне пытается помочь своим пациентам! — Аркадий Соломонович взглянул на Стаса и негромко стукнул ладонями о свой письменный стол. — Ну не может... Не может такой человек... Да вы любого в больнице спросите! Все его знают! Знают и уважают! Он... отличный врач, прекрасный специалист и... хороший друг... для всех.

Стас, слушая сбивчивые оправдания Гуревича, неспешно прохаживался вдоль стены кабинета с изображением сюрреалистичных картин. Корнилов никогда не понимал этого направления в живописи. И считал откровенной, психоделической «карикатурой» на искусство. Какая ирония, что эти картины висят в стенах психиатрической больницы.

— А что любит пить ваш «отличный врач» и «хороший друг»? — спросил Стас и взглянул на главного врача.

Тот дернул шей, несколько раз моргнул.

— Что?.. А это здесь причем?..

— Вы можете просто ответить на вопрос? — спросил Стас и снова взглянул на картины. На одной из них на ярко-желтом фоне в каком-то хороводе плясали черно-бурые кляксы, отдаленно напоминающие людей.

— Я сейчас так... не вспомню, — пожал плечами главный врач.

— За какой футбольный или хоккейный клуб он болеет? — спросил Стас.

— Что?

— Мне повторить вопрос? — Стас внимательно взглянул на врача.

У Гуревича был совершенно опешивший вид. Он не представлял, с какой целью этот странный подполковник задает ему такие дурацкие вопросы.

— Да не знаю я! Может и не за какой...

Стас протяжно, чуть раздраженно вздохнул.

— Какие фильмы он смотрит? Что читает? Как зовут его собаку? Попугая? Кота?.. Какая марка его телефона? Какая песня стоит у него на звонке? Где он любит отдыхать? Что пьет — чай или кофе? За кого он голосовал на последних выборах? Что думает о нынешней политике?

— Господин подполковник... — Аркадий Соломонович прокашлялся. — Я, боюсь, совсем не понимаю, куда вы собственно...

— Сколько он у вас работает? — вдруг спросил Стас и медленно подошел к столу директора.

— А-а... ну-у... Уже...

— По меньшей мере, восемь лет, — перебил его Стас. — Верно?

Он подошел вплотную к столу директора и взглянул в глаза Гуревича. Тот снова моргнул. На этот раз пугливо и слегка втянул голову в плечи.

— Почти... — протянул он дрогнувшим голосом. — А откуда вы...

— Угадал, — буркнул Стас. — А теперь скажите мне, как так получилось, что о человеке, проработавшем у вас больше восьми лет вы ничего не знаете. Вы хотя бы знаете, как зовут его жену? Она у него есть?

— Б-была... — выдавил Гуревич. — Н-но...

Он отчаянно морщил лоб, пытался что-то вспомнить. Но лишь вспотел и разочарованно покачал головой. Глаза Аркадия Соломоновича бегали из стороны в стороны. Казалось, он пытается осознать озвученный Корниловым простой и очевидный факт.

— Я не помню... — проговорил он. — У него была какая-то... Но...

— Вы уверены, что знаете его? — нехорошо усмехнулся Стас. — Где он, кстати, сейчас?

— Пару дней назад взял отпуск... на месяц, — промямлил главный врач. — По семейным обстоятельствам.

— Вот как, — хмыкнул Стас.

— Да, но попрошу заметить! — снова нахмурился Аркадий Соломонович. — Что до этого он почти не брал отпуск...

— За восемь лет? — переспросил Стас.

— Да-а...

— Не брал отпуск?

— Ну-у... да...

Корнилов только вздохнул.

— Слушайте, а вы были у него дома? Я могу дать адрес...

— Не надо, — отрезал Стас.

В квартире у Германа Шамова они с Колей не только побывали, но и оставили там пост наблюдения. Пока что Герман там не появлялся и, Стас почти не сомневался, вряд ли появится.

— У вас есть номер его карты?

— Простите?

— Мне нужен номер его банковской зарплатной карты! — проговорил Стас.

— Н-но... п-понимаете... — начал заикаться Аркадий Соломонович. — Это в-ведь всё-

таки к-конф-фиденциальная информация...

Стас уперся кулаками в стол главного врача. Чуть наклонился вперед, глядя на Гуревича пристальным, тяжелыми взглядом. И под тяжестью его взгляд главный врач с обреченным видом тихо опустил в свое кресло.

— Мне нужен... номер... его... карты, — проговорил Стас внушительным голосом. — Сейчас же.

— А...

— Или завтра я приду сюда с группой оперативников из полусотни человек, и мы у тебя тут такой шмон устроим, мало тебе не покажется. Хочешь?

— Я сейчас всё найду... — тут же засуетился Аркадий Соломонович.

Обыски от Уголовного розыска во вверенной ему больнице явно нужны были Гуревичу меньше всего в этом мире.

Уже через несколько минут, получив информацию из больничной бухгалтерии Стас говорил по телефону с Колей.

— Проверь этот номер карты, — сказал Стас. — На наличие счета.

— Пару минут, делаю запрос, — ответил Домбровский.

Стас ждал. Сидящий за столом Гуревич, опустив взгляд вниз, держался за голову.

— Да есть... — ответил Коля. — А-а... Стас счет по этому номеру вчера был полностью обнулен... все наличные сняты...

— Сколько точно снято?

— Двести семьдесят восемь тысяч рублей, — ответил Домбровский.

— Недурственно, — криво ухмыльнулся Стас, глядя на Аркадия Соломоновича. — Пробей владельца счета, есть ли у него другие, и снял ли он оттуда тоже наличные.

— Есть, — отозвался Коля.

Стас прервал связь.

— Где можно найти Шамова? — спросил Стас. — Куда он мог поехать?

Но главный врач, как и ожидал Корнилов, лишь развёл руками.

— А вы когданибудь видели Шамова без одежды? — спросил Стас.

Гуревич сдавленно хмыкнул.

— В каком смысле?

— В прямом, — повысил голос Стас. — Вы видели Шамова без рубашки? Видели его татуировки?

— У него есть татуировки? — тихо спросил Гуревич.

Было очевидно, что об этом начальник Шамова тоже ничего не знает.

Стас вздохнул.

— Так ладно... У него есть или была женщина? Любовница? Вы что-то знаете хоть об этом? И может родственники какие?

— Он сирота, насколько я знаю, — ответил врач.

— Хоть это вы знаете, — проворчал Стас. — А что насчет любовницы?

— Думаете он у неё?

— Это уже не ваше дело, — отрезал Стас. — Так что?

Главный врач в ответ наморщил лоб.

— М-м... понимаете, вроде есть... ну, то есть, Шамов упоминал как-то одну особу... А! Он просил у меня займы. Как раз для этой женщины... Сейчас... У меня было записано.

Доктор засуетился, по открывал ящики стола. Стас молча и терпеливо наблюдал, как

главный врач вываливает на стол ворох бумаг, папок, и канцелярских принадлежностей. Наконец он вынул старый помятого вида блокнот. Перелистал в нем несколько страниц и торжествующе хлопнул ладонью по одной из них.

— О!... Вот. Некто... — Аркадий Соломонович прищурился, чуть вытянул шею вперед, глядя на лист. — Рома... Романэ... Или Романе... Гри... Гра... Нет, Гри... Стас обошел стол, молча вырвал листок у главного врача. Тот ойкнул, пугливо уставился на Стаса.

А Корнилов уже снова набирал телефон Николая Домбровского.

— Да, Стас, — сразу же отозвался Домбровский.

Голос его был взбудораженным.

— Владелец карты Шамов Герман Миклосович. У него так же есть ещё два счёта. И они так же были обнулены почти в одно время с первым. Общая сумма снятых денег... Тебе лучше присесть.

— Говори, — сухо бросил Стас.

Коля вздохнул.

— Один миллион пятьсот восемьдесят восемь тысяч триста двадцать рублей.

Корнилов кивнул. Он почему-то был не слишком удивлён.

— Хорошо. Запиши ещё одно имя. Мне нужна по нему максимальная информация.

— Слушаю.

— Романэ Гринювене, — прочитал с листка Стас.

— Болгарка что ли какая-то... — проворчал Коля шумно щелкая по кнопкам клавиатуры.

— Болгарка — это пила, — вздохнул Стас. — А это, очевидно, землячка Модестаса Паулаускаса.

— Это ещё кто?

— Коля ты меня разочаровываешь, — ухмыльнулся Стас. — Нельзя такое спрашивать о легенде советского баскетбола.

— Что, я все легенды обязан знать? — опять проворчал Коля. — Та-ак... Романэ Гринювене... Ох, какая красота... Только послушай.

Коля прокашлялся и зачитал.

— В двенадцать осуждена за соучастие в вооруженном нападении, в четырнадцать несколько приводов в полицию за проституцию и торговлю травой, в шестнадцать соучастие в ограблении с нанесением особо тяжких увечий... Драка с поножовщиной... Опять проституция, несколько лет отсидела сначала по малолетке, потом ещё три года тюрьмы, затем... Затем мелькает в периодических полицейских сводках и здесь говорится, что в последнее время её частенько видели в нескольких ночлежках для бездомных... Адреса скину тебе на телефон.

— Хорошо. Давай, — сказал Стас.

Спрятав телефон в карман, он взглянул на оторопевшего, замершего в тревожном ожидании главного врача.

— Интересные знакомства водит ваш доктор Шамов, — прокомментировал Корнилов. — Вы знаете, кем Шамову приходится эта женщина?

— Нет, — качнул головой Гуревич. — Но... В первый год, когда он здесь работал, он часто брал деньги в долг... И, насколько я знаю, отдавал ей... Романэ этой... А кто она ему, я без понятия...

— Понятно, — кивнул Стас. — Спасибо.

Ничего не объясняя Стас направился к выходу из кабинета.

— Господин подполковник! — позвал его внезапно Гуревич.

Стас остановился, обернулся на него. Главный врач, нервно потирая руки, неуверенно приблизился к нему.

— Вы только... Только... Ну... поймите, что... что бы там ни сделал доктор Шамов... Мы... ну, то есть больница, мы тут не причём... Вы же понимаете? Мы же...

— Всего доброго, Аркадий Соломонович, — ответил Корнилов из, выйдя из кабинета, перехватил взгляд плачущей секретарши.

— Искали бы вы себе другую работу, — бросил он беззлобно.

Та лишь опустила взор и уткнулась в монитор, недовольно поджав губы.

Приют для бездомных был похож на заброшенный супермаркет после неумелого ремонта. Только вместо прилавков с продуктами стяли двух- и даже трехъярусные кровати. На многих из них спали «постояльцы» местного приюта. Одетые в старую, часто рваную и очень изношенную одежду, бездомные люди мирно сопели на занятых койках.

Некоторые из них неторопливо бродили по коридорам. Кто-то играл в карты и шашки на кроватях. Больше всего народу столпилось возле пункта раздачи еды. Вереница очереди тянулась чуть ли не на половину огромного зала.

— К нам разные тут приходят, — неторопливо рассказывал заместитель администратора приюта, ступая рядом со Стасом. — Романэ я помню... У нее довольно трагичная судьба сложилась.

— Вы о ней что-то знаете?

— Немного, — пожал плечами заместитель. — В десять лет сбежала из дома, её нашли, потом она опять сбежала и домой больше не вернулась. Говорят, сбежала из-за отчима. Но это так, слухи...

— А сейчас она где, вы знаете? — спросил Стас.

Заместитель лишь пожал плечами.

— Ну вы тоже спрашиваете... Если её здесь нет, то... — он красноречиво развёл руками.

— Угу, ясно, — кивнул Стас. — У ваших посетителей места постоянные или случайные?

— Не, не, не, — отмахнулся заместитель. — Это только в американских фильмах людей как попало кладут во всяких клоповниках... У нас тут и места, и имена на браслетиках... И даже истории болезни заводим, если нужно. У нас и врач свой есть, и даже психолог...

— Некоторых, — заместитель заулыбался, — вот даже устраивать на работу пытаемся.

— Хм, — Стас не мог не отметить, какая искренняя гордость сияет в глазах администратора. — Разрешите вопрос?

— Да, конечно.

— Вам ведь за всё вот это... — Стас небрежно обвел руками помещение, — не платят?

Заместитель лишь пожал плечами.

— Ну почему... Мы получаем кое-какое финансирование. Но большей частью все уходит вот на ремонт на здания, на закупку еды, одежды, одеял и лекарств.

— А вам?

Тут заместитель обернулся на Стаса.

— А мы тут не из-за денег работаем, господин подполковник.

— Правда? — усмехнулся Стас. — Ради них?

Корнилов кивнул на посетителей приюта.

— А они тоже люди, — голос заместителя похолодел. — Вы, небось, думаете, что тут каждый второй свою квартиру пропил, проиграл, отдал?.. А если я вам скажу, что тут есть те, кого родственники из домов выкинули? А? Или погорельцы? Или вовсе жертвы аферистов? Этих тут половина, наверное!.. А ещё полно вон детей, что из домов побегали, потому что родители пьют не просыхая и лупят их... И они живут на этих улицах, и растут там...

Было видно, что слова Корнилова сильно задели чувства заместителя приюта.

— Они не виноваты, что всем на них нас**ть, — покачал головой администратор.

Тут он остановился и указал рукой вперёд.

— Вон, кстати, кровать Романэ.

Стас посмотрел, куда указывал заместитель и направился к одной из трехъярусных стоек с койками. Ему пришлось пройти мимо кучки бездомных, что азартом наблюдали за игрой двух седых мужиков. Те сосредоточенно глядели на шахматную доску.

Стас обошел шахматистов и присел возле пустой койки Романэ.

— Э! — крикнули сверху. — Там занято!

— Я знаю, — не поднимая головы ответил Стас.

— Антош, всё нормально, — сказал заместитель администратора молодому парню на третьем ярусе. — Это из полиции.

В сторону Стаса обернулось несколько любопытных лиц. Корнилов, откинул одеяло постели. Оглядел простынь. Поднял подушку.

— Постель мы обычно не меняем, они сами... относят в стирку, а новое получают... — проговорил заместитель, стоя рядом со Стасом.

Корнилов ничего не ответил. Он молча прощупал рукой простынь, затем сунул руку под матрац, провел там, и тут его ладонь наткнулась на подозрительную выпуклость.

Стас бесцеремонно перевернул матрац вместе с постелью.

— Что это? — спросил заместитель, глядя на странный бугорок под тканью матраца.

— Не знаю, — ответил Стас.

Под зашитой тканью матраца явно было что-то спрятано. Корнилов достал свой боевой нож и распорол тугие нити на матраце. На койку выпала смятая пачка одноразовых шприцов. Стас взял её в руку и оглянулся на заместителя.

Тот сидел, открыв рот, с ошарашенным видом. Во взгляде его был ужас.

— Романэ, — он со вздохом покачал головой. — А ведь клялась, что завязла...

— Она баловалась наркотиками? — спросил Стас. — Давно?

— Лет шесть, как подседа, — вздохнул заместитель. — Мы пытались её лечить, даже клали в наркологическую клинику. А она сбегала оттуда. Без толку...

Стас взглянул на шприцы, оглядел пачку. Она была на треть пуста.

Шприцы все были на три миллилитра.

Романэ явно «сидела» на героине. Вот только вряд ли у нее были деньги на качественный «продукт».

— Когда Романэ появлялась у вас в последний раз? — спросил Стас.

Заместитель администратора вздохнул, потер шею.

— Да уже получается, недели полторы, как не появлялась.

— Вот оно, что, — кивнул Стас. — В других приютах спрашивали?

— А как же! — развел руками заместитель. — У других ещё раньше перестала появляться.

— А в полицию заявляли? — Стас выпрямился, перевернул матрац с постелью обратно.

— Как будто там кому-то дело есть, — пренебрежительно фыркнул заместитель. — Я про вас лично ничего плохо сказать не хочу, но ведь... в ОВД обычно или пошлют, или так, отговорками отделаются.

В его голосе проскользнули обвинительные нотки и обида. Стас не собирался его переубеждать. Сейчас его волновали только поиски Романэ Гринювене.

Чтобы найти Романэ, можно было попытаться выйти на местных дилеров. Причем, именно тех, что торгуют заведомо некачественным, разведенным всякой дрянью «герычем».

И Стас знал одного человека, который в силу своего огромного опыта наверняка укажет такого человека. Ну, или назовет других людей, знакомых с нужным Стасу человеком.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Вторник, 23 августа

Спина, ребра слева и правая голень ещё немного ныли. Но, в целом, Арсений Арцеулов чувствовал себя замечательно.

И если в стенах больницы он хандрил и морально страдал от безысходности и угнетающей больничной обстановки, то сразу за порогом почувствовал прилив сил. А сейчас, оказавшись снова в деле и, буквально, на «коне», в седле своего двухколесного, черно-оливкового зверя с красной фарой впереди, он готов был буквально орать от переполнявшей его позитивной энергии. Арцеулов сорвался с места сразу же, после звонка Стаса.

Корнилов сказал, что нужно выяснить, у кого некто Романэ Гринювене покупает наркотик. Скорее всего, покупает она у дилера, что торгует дешевым и некачественным, сильно разбавленным героином.

Откуда Стас сделал такие выводы Сеня спрашивать не стал.

Во-первых, он верил Корнилову и в его выводах не сомневался, тот редко ошибался. А во-вторых, ему это было не слишком интересно.

Сеня привык четко и грамотно исполнять поставленные задачи.

Этот принцип у него воспитали в армии.

Сеня притормозил около входа в неприметный цветочный магазин.

На вывеске изящным шрифтом было выведено: «Цветочная галерея». Проходившие рядом две девушки одарили Арцеулова одобрительными улыбками. Сеня подмигнул им. Девушки захихикали, одна наклонилась к подруге, что-то шепнула ей на ухо. Они снова захихикали.

Сеня посмотрел им вслед, широко ухмыльнулся. Девушки ещё не раз оглянулись на него. Они явно были не прочь, чтобы он последовал за ними.

Но у Сени есть его ненаглядная милая и добрая Соня. Да и не до этого сейчас. Хотя Арцеулова за время лечения почувствовал, что сильно... «изголодался», и уже не мог дождаться вечера, когда они с Соней пойдут на свидание. А точнее не мог дождаться его продолжения у него дома.

Арцеулов отвёл взгляд от девушек и вошел в цветочный магазин.

Прямо с порога потянуло сыроватым, лиственным запахом. В воздухе чувствовался сладковатый привкус.

Магазин «Цветочная галерея» радовал глаз уютной обстановкой.

Слева до стойки кассира по серой стене тянулись узоры меловых, живописных рисунков. Под ногами у посетителей фактически лежал искусственный газон. Точнее это было напольное покрытие с похожим эффектом. Цветы стояли в вазах и горшочках, в многочисленных квадратных ячейках, из которых состояли необычного вида прилавки. Они напоминали фигурки из допотопного тетриса, на старых телефонах.

По залу с цветами ходили трое продавцов-консультантов в черных футболках, бежевых брюках и серых фартуках. Одна из них, невысокая девушка с низким пучком русых волос на голове, подошла к Сене. Одарила его милой улыбкой.

— Добрый день, — произнесла она. — Вам чем-нибудь помочь? Для кого будете покупать цветы?

— Привет, — в свойственной ему прямолинейной и простой манере ответил Арцеулов. — Скажи, пташка, а где мне найти Прохора?

— Прохора Фёдоровича? — спросила девушка, слегка обескураженная фамильярностью Арцеулова.

— Да-да, — ухмыльнулся Арцеулов. — Фёдоровича.

Прохор Фёдорович обнаружился в уютном, маленьком кабинете.

Он сидел за столом, одетый в фирменный фартук своего магазина, кофейного цвета рубашку с короткими, широкими рукавами и легкие, летние бежевые брюки. С сосредоточенным видом владелец этого и ещё нескольких цветочных магазинов что-то вбивал на клавиатуре макбука.

— Прохор Фёдорович, к вам пришли, — робко проговорил девушка.

Мужчина перед макбуком обернулся, увидел улыбающегося Арцеулова. Лицо его тут же преобразилось. Густые, темные брови шевельнулись. Взгляд темных глаз похолодел.

— Спасибо, Ирочка. Иди, я разберусь, — сухо зато ответил Прохор Фёдорович.

— Конечно, — девушка нерешительно взглянула на Сеню и вышла.

Сеня с идиотской улыбкой во всю бороду посмотрел ей вслед.

— Хорошая девчонка, — хмыкнул он, ткнув пальцем вслед Ире.

Прохор снял с носа очки и кивнул Сене.

— Ты чего припёрся?

— А ты чего такой неприветливый? — Сеня подошел к столу. — Впрочем, меня это не волнует. Разговор есть.

Прохор опустил голову, шумно вздохнул.

— Какой ещё разговор, начальник? Ты мало мне жизнь испортил? Или тебе мало, что я три года по твоей милости оттянул?

— Да была б моя воля, я бы тебя вместе со всей братией не на три, а на все тридцать закрыл, — с мрачным видом прогудел Арцеулов.

Прохор изменился в лице.

— Слушай, начальник... — Прохор начал подниматься со стула. — Мы же, кажется, условились... Я всё сделал, как ты тогда сказал, и ты!..

— Я знаю, знаю, — Сеня положил руку ему на плечо и надавил.

Прохор послушно опустился обратно в кресло.

— Знаю, — повторил Арцеулов. — Я к тебе по другому вопросу.

— По какому ещё вопросу? — проворчал Прохор потирая плечо, за которое его секунду назад держал Арсений.

— По важному, — буркнул Сеня, оглядывая кабинет. — А ты неплохо устроился, Прохор. Не тяжело? Следить за одним бизнесом, и управлять другим? А?

— Арцеулов, — глядя на Сеню исподлобья проговорил Прохор, — говори, зачем пришел.

— Да причина всё та же. Твой бизнес.

— Я теперь только посредник, — процедил Прохор. — Твоими стараниями, между прочим! Я теперь только свожу одних нужных людей с другими.

— И что? Ничего с этого не имеешь? — спросил Сеня. — Мне то не заливай, Прохор.

Владелец цветочного магазина опустил взгляд в стол.

— Меня интересуют дилеры, торгующие дерьмовым товаром.

— А конкретнее? — все ещё глядя в стол, спросил Прохор.

— Мешанным герычем, из Афгана или Киргизии, — ответил Сеня.

— Из Афгана товар приходит качественный, — пробурчал Прохор.

— Тебе виднее, — отозвался Сеня. — Так что? Знаешь таких людей?

Прохор в ответ фыркнул.

— Половина дилеров Москве торгует мешанным героином. Кто-то мешает больше, кто-то меньше.

Сеня вздохнул.

— Давай без игр, Травник. Мне нужен кто-то, кто торгует настолько доступным героином, чтобы его мог позволить себе бездомный.

Прохор задумчиво посмотрел на Сеню.

— Есть четыре гаденыша, которые промышляют таким, — он презрительно ощерился. — Но... гнилые людишки.

— Верю, — кивнул Сеня и немедленно потребовал. — Имена и фамилии!

Прохор покосился на дверь своего небольшого кабинета. Почесал заросший щетиной кадык и качнул головой.

— Начальник, ты же знаешь правила, — Прохор заулыбался.

Вот, подумал, глядя в его глаза Сеня, вот это уже настоящий Прохор, или, как его величают среди авторитетных лиц по ту сторону закона, Травник. Алчный, расчетливый, лукавый и жестокий. Тот самый Травник, за которым ФСКН до его расформирования и лично сам Сеня гонялись почти три года.

— Должен быть... справедливый обмен, — улыбка Прохора становилась шире и все более зловещей. — Бартер. Ты ведь помнишь... Я тебе информацию. А что ты готов предложить?

К счастью Сеня ещё не забыл и вряд ли забудет, как нужно разговаривать с такими людьми.

Он молча достал свой смартфон и, включив видео, поднес его к лицу Травника. Прохор замер, лицо его исказилось, губы дрогнули.

— Привет пап, — произнес хрипловатый, прокуренный женский голос. — Как ты там? У меня всё нормально... Чаще всего.

Женщина на видео засмеялась простуженным голосом.

— У меня появилась подруга, знаешь ли. Её зовут Аглая. Хорошая, добрая и мудрая

женщина. Защищает меня. Вчера работали на кухне. Меня похвалили, возможно, будет ставить на кухню почаще.

Женщина снова замолчала.

— Я очень тебя люблю пап. И скучаю. Я... Я скоро выйду отсюда, ты только там... дождись, ладно. Не сядь раньше меня, старый ты волк.

Она снова засмеялась, лязгающим, осипшим голосом.

Лицо Прохора скривилось. Травник шумно, плаксиво втянул носом воздух, опустил голову, уткнулся взглядом в стол.

— Ну и паскуда же ты... старший лейтенант.

— Не паскуднее тебя, — безжалостно ответил Сеня.

Разумеется, совесть кольнула его при взгляде на плачущего криминального авторитета. Но Арцеулов отлично помнил, как этот же Травник содействовал упырям, что похищали девчонок, приехавших в Москву из провинций и ближнего зарубежья. Этот же Травник лично вводил наркотики совсем молоденьким девочкам, заставляя их привыкать к смертоносным инъекциям, без которых они дальше просто не могли существовать. И этот же Травник заставлял девушек перевозить наркотики буквально внутри себя.

Кого-то он заставлял глотать пакеты с порошком. Кому-то под его руководством их буквально имплантировали в плоть, путем хирургических операций.

Сеня спрятал телефон в карман куртки. Прохор всё ещё тихо рыдал и зло сопел, потрясая головой.

— Сначала засадили девчонку... На двенадцать лет! А теперь ты ещё... пришел тут, и...

Он поднял на Сеню злой взгляд мокрых глаз.

Лицо его успело побагроветь, веки сузились, верхняя губа то и дело нервно приподнималась, обнажая оскаленные зубы.

— Хватит в меня предьявами плевать, — пренебрежительно скривился Сеня. — Твоя милая дочурка чуть не взорвала целый полицейский участок.

— Вы её мужа застрелили...

— Это тот, который на спецназ с охотничьим ружьем выскочил? — фыркнул Сеня. — Травник, дочка твоя может ещё исправиться, хотя я в это слабо верю. Но признай, что зять твой был редким долбодятлом.

Сеня постучал указательным пальцем по лбу.

— На спецназ он, на СОБР в одиночку бросился! Конечно, они его порешили!

Травник в ответ лишь отвернулся и ещё раз шмыгнул носом.

— Что ты можешь сделать?

Прохор сейчас спрашивал о своей дочери. Он понимал, что Сеня не просто так показал ему это видео. Арцеулов вздохнул.

— Я слышал, ей запретили видеться с родными.

Тут Прохор буквально вскинулся и с пылкой надеждой во взгляде, боясь поверить, взглянул на старшего лейтенанта.

— Тихо, тихо, — поднял ладонь Сеня. — Да... Я договорился с тамошним руководством. Ну-у... пришлось приложить усилия, конечно. Но тебе могут позволить раз в неделю навещать её. Полчаса. Раз в семь дней.

Выпирающий из горла кадык Травника дрогнул. Он крепко сомкнул губы, поджал нижнюю.

— Спасибо, начальник — с чувством проговорил стареющий бандит.

— "Спасибо" ты не отделаешься, — буркнул Сеня. — Имена.

— Записывай, — усмехнулся Травник.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 23 августа. Сразу после событий, описанных выше.

— Я понял, Сень, спасибо, — сказал Стас в трубку и дал отбой.

В Арцеулове он не сомневался. И особенно, когда дело касалось бывшей специальности Сени. Охоты на наркодельцов, дилеров и членов ОПГ, связанных с поставкой наркотических средств.

В этом Сене или почти, или вовсе не было равных. Арцеулов в своих контрмерах по отношению к распространению и торговле наркотой имеет просто колоссальный опыт.

И Стас почти не удивился, что тот назвал ему нужные имена уже через полтора часа после звонка. Одно из них Сеня выделил особенно.

Джамбул Бурульдинов. Он же известный в криминальных кругах «Джамба».

Появился в Москве не так давно. Но быстро сумел собрать собственную шайку и наладить весьма успешный бизнес по продаже дешевых, тяжелых наркотиков. Есть у него и свои курьеры среди дальнобойщиков, и даже прикармлины несколько офицеров полиции, насколько понял Стас. Но всё равно для криминальных боссов России он оставался крайне мелкой сошкой. О чем свидетельствовал тот факт, что Джамба регулярно платил своеобразную дань одному из тех, кто стоял над ним. И вообще в этой криминальной пирамиде из главарей разного звена и ранга Джамба занимал примерно третье-четвертое место от самого дна.

Если провести аналогию с более законной профессией, то Джамба мог бы представлять собой какого-нибудь владельца мелкого бизнеса. По сравнению с другими «воротилами», Джамба и правда мелкая, речная плотва. Ну, в лучшем случае, карась.

Так, что ехать к нему Стас не боялся.

Это не означало, что Бурульдинов безопасен, и Стасу не о чем беспокоится. Просто Сеня, со слов некоего Травника, четко объяснил, что за Джамбу никто из серьезных людей «впрягаться» не будет. И уж тем более никто не будет ради него ссориться с УГРО.

Бурульдинов «пустил корни» и свил свое гнездо в расположении старой и уже нефункционирующей скотобойни. Раньше здесь безжалостно забивали на мясо крупный рогатый скот. И не только.

Как сообщил Сеня, в зданиях скотобойни нередко, под покровом ночи, за закрытыми дверями пытали и убивали людей.

Особенно в лихие, жуткие девяностые. Да и сейчас подобное, к сожалению, случается. А после нередко повисает в архивах МВД безнадежными «глухарями».

Ныне это место облюбовал Джамба со своими парнями.

Здесь у него что-то вроде перевалочного пункта, склада и даже рынка. Да, этот предприимчивый гаденыш, помимо прочего, наладил ещё и солидную торговлю контрабандой. Особенно продуктами питания, что попадают под правительственное эмбарго.

Джамба не гнушается ничем. От консервов и яблок, до рыбы и мясных туш. И конечно же, Бурульдинов не был бы собой, если бы не распространял под видом продуктов питания и

своей основной «товар».

Но кроме всего выше перечисленного Джемба использовал данную скотобойню еще кое для чего.

Арцеулов с негодованием поведал Стасу, что Бурульдинов регулярно устраивает собачьи бои.

Стас решил не мешкать. И обрушиться на голову Бурульдинова со всей внезапностью. Он вызвал два экипажа ППС. Патрульные приехали облаченные в амуницию и вооруженные автоматами.

Место направления Стасу было отлично известно. По дороге к ним присоединилось ещё двое человек из оперуполномоченных по данному району.

Ехать пришлось почти что за город. Ещё немного, и бескрайние пределы Москвы закончатся. Хотя, видя нынешнее положение вещей, Корнилов почти не сомневался, что Белокаменная, через пару-тройку десятилетий не только пригороды, но и Люберцы, и Подольск поглотит, и ещё через десяток-другой лет до Серпухова доберется.

Гладкие городские трассы растворились в ухабистом бездорожье.

Старые дороги к заброшенной скотобойне давно разрушились и осыпались. А новых пока никто не построил. Ибо в эту исключительную глушь, пусть и Подмосковную, мало кто ездил.

Но ездили, и часто. Несмотря на сгущающиеся сумерки Стас видел, что пыльная, грунтовая дорога испещрена следами протекторов от покрышек.

Стас увидел огни зданий далеко впереди, за холмистыми полями.

По рукам Корнилова, пронзая мышцы и сухожилия взбиралось растущее напряжение. Оно собиралось в груди, тяжелело в области солнечного сплетения. Знакомое чувство. Что-то похожее непременно возникает каждый раз, перед оперативными действиями разного характера.

Задержание. Арест. Грядущая стычка с применением огнестрельного оружия или погоня за подозреваемым. Всё это всегда сопровождается волнительным ожиданием и чуть нервным беспокойством. Кровь в организме наполняется перченым адреналином и мерно, интенсивно пульсирует в крупных артериях.

Они припарковались неподалеку от трёх зданий скотобойни.

Корнилов выбрался из автомобиля. Тут же увяз ботинками в мягкой, рыхлой почве. Рядом хлопнули дверцы полицейских автомобилей.

Послышалось сдавленное ругательство одного из патрульных.

Он тоже наступил на кое-что мягкое, но отнюдь не на землю.

Патрульные и два опера из местных собрались вокруг Стаса.

Ночной ветер раскачивал ветки деревьев над их головами и гонял пыль над дорогой. В сгущающихся сумерках доносились вопли толпы людей и яростный лай взбешенных собак. Бои внутри были в самом разгаре. И публика уже пребывала в восторженном предвкушении кровавых драк животных. Самое время испортить удовольствие чертовым живодерам.

— Действуем быстро, агрессивно, но не жестоко, — провел короткий инструктаж Стас. — Публика там может быть самая разная. Кто-то дернется, сразу гасите.

— А если кто-то просто за зажигалкой потянется? — задал вопрос худощавый патрульный с большими, впечатлительными глазами.

Стас взглянул на него. Совсем ещё парнишка. Лет двадцать с лишком, не больше. Остальные полицейские лишь зло и пренебрежительно усмехались.

— А сколько тебе понадобится времени, чтобы понять зажигалка это или пистолет? — спросил Стас.

— Ну-у... — протянул парень.

— А чтобы выстрелить, нужно меньше секунды, — жестко оборвал его Корнилов. — Зевнешь или пожалеешь, и сам в ящик ляжешь.

— Полиция не должна убивать, — упрямо ответил парень.

— Согласен, — кивнул Стас. — А подозреваемые и гражданские не должны оказывать сопротивления во время задержания или проверки. Всё, пошли.

Корнилов качнул головой в сторону парня.

— За этим присмотрите кто-то.

Они окружили дом, из которого доносился шум голосов и собачье гавканье. Стас был одет в бронежилет, а вооружиться предпочел своим надежным и верным «Питоном». Они ворвались внутрь дома, когда зрители внутри взорвались очередным радостным воплем.

Стаса внутренне передернуло от мысли, что людей может так радовать кровь, боль и мучения.

Полицейские влетели внутрь дома и сразу же дали вверх, в потолок, несколько гулких очередей. Смех и переполненные ликованием крики сменились руганью, испуганным визгом женщин, криками и паникой.

— Полиция! Всем на пол! Лежать! — проорал один из оперов. — Живо!..

Как и подозревал Стас, горячих голов среди собравшихся на зрелище собачьих боев оказалось немного. И большинство поспешили немедленно выполнить приказ полицейского.

Но, конечно, попались и те, кто считал себя исключениями.

Пара мужчин подхватились. Один сунул руку в карман, второй бросился бежать.

Полицейские среагировали мгновенно. Один получил пулю в ногу, второй в плечо.

Стас прошел мимо лежащих на полу людей. Он видел, как некоторые из них дрожат, кто-то перешептывается, какая-то женщина тихо, испуганно плакала. Корнилов прошел к самому центру, где был оборудован «ринг».

Круглая платформа на металлических сваях, обнесенная решеткой.

Возле решетки, агрессивно рычал и фыркал здоровый питбуль.

Корнилов задержал взгляд на агрессивной, окровавленной морде пса и разорванном в кровавые лохмотья ухе. На другой половине ринга неподвижно лежал в крови черный доберман. У пса была разорвана шея и покалечены две лапы.

Корнилов отвёл взгляд от окровавленного тела мертвой собаки. Посмотрел в блестящие, темные глаза рычащего питбуля. В оскаленной пасти желтели измазанные кровью зубы и саблевидные клыки. Кровь с зубов капала на пол и стекала по морде пса.

Стас смотрел в темные глаза животного и видел там непреодолимое, фанатичное желание убивать. Пес истово жаждал только одного. Впитаться в горло очередной жертвы, разорвать плоть, ощутить на своих клыках кровь умирающего врага. Загрызть, уничтожить, убить... Рассвирепевший и опьяневший от крови питбультерьер горел желанием убивать. Рвать, грызть, калечить, убивать... Убивать со свирепым наслаждением, убивать с диким, злым восторгом, убивать... Убивать — сейчас было смыслом существования этого животного. Это явственно читалось в темно-карих глазах собаки.

Но, Стаса впечатлило не это. Он не видел ничего необычного и неожиданного в злобе пса, выращенного и воспитанного для подобных боёв. Но его внезапно посетила пугающая мысль, что подобный взгляд он нередко наблюдал в глазах, смотрящих на него из полумрака

через решетку камеры. В глазах, принадлежавших куда более разумным существам. В карих, серых, голубых и зеленых, но человеческих глазах. Хотя цветные радужки вокруг зрачков были единственным, что оставалось человеческим в этих самых глазах.

— Товарищ подполковник! — позвали Стаса.

Корнилов обернулся.

— Вот он, кажись, — один из патрульных за шиворот выволок к центру худосочного азиата.

Тот был облачен в яркую, шартрезового цвета рубашку и кожаные брюки. На ногах у мужчины отливали бликами новые ботинки.

Стас подошел к нему.

— Бурульдинов? — спросил он.

Азиат нервно кивнул.

— А че за дела, начальник? — с характерным акцентом спросил казах. — Я ж ниче...

— Рот закрой, — ответил Стас. — Отвечать будешь, когда я спрошу. Понял?

Казах в ответ лишь моргнул. Стоящий за его спиной патрульный пнул его ногой.

Бурульдинов вжал голову в плечи, пугливо оглянулся назад и тут же проговорил.

— Понял, понял, начальник... не бейте только.

— Это уже от тебя зависит, — ответил Корнилов. — Где девушка?

— Какая? — Бурульдинов попытался придать голосу искреннее удивление, но это у него плохо получилось.

Стас смерил Джамбула тяжелым взглядом.

— Романэ Грюневене, — ответил Стас.

Дрогнувшие веки и брови Бурульдинова подсказали Корнилову, что он не прогадал со своими подозрениями.

— Где она?

— Начальник так это...

— Слушай, «Джамба», — перебил его Стас. — Я знаю, что ты торгуешь дешевой наркотой, и знаю, что похищаешь тех, кто не может вернуть тебе долг. И заставляешь его отрабатывать разными способами. Будешь это отрицать? Не будешь? Отлично. Вернемся к первому вопросу. Где Грюневене? Учти, совершь и пойдешь по таким статьям, что тебя сгноят на зоне. В шестерках там ходить будешь! Хочешь? Или хочешь, чтобы тебя встретили, как уважаемого человека, и не загнали под шконку в первый же день?!

Более-менее здравомыслящий человек совершающий преступления, на подсознательном уровне осознает, что может попасться, сесть, и на весьма долгий срок. А это заставляет задуматься о том, что его там ждёт. И многие криминальные личности предпочитают сотрудничать со следствием, лишь бы их осудили по «правильной» статье.

Есть разница, когда ты «вор», «барыга», «фартовый» или, когда просто «сошка беспантовая», «шестера галимая» или, что самое худшее «петушара». Каждому хочется дожить до освобождения, и дожить без унижений, побоев и насилия. И «Джамба» не был исключением. Он показал, где они держали похищенную девушку.

Бурульдинов отвел их вниз, где находились клетки с псами.

Здесь в затхлом воздухе расплывался плотный, крепкий и тошнотворный запах нечистот и испражнений. Воняло смешанными запахами сырости, дерьма и псины.

Стас вошел следом за Бурульдиновым.

— Там она... — «Джамба» небрежно махнул рукой, неопределенно указывая куда-то в

конец длинного коридора.

Пока они шли в полумраке, мимо клеток, Стас слышал шорохи, скрежет когтей, шумные вздохи, приглушенное рычание. Глаза собак поблескивали в полутьме. Он слышал, как животные настороженно принимают.

— Ну, вон она, — сказал Джамба, махнув рукой на одну из клеток.

— Ключи? — сухо спросил Корнилов.

— Вон... на стене.

Корнилов снял связку ключей с крюка на стене и открыл большую клетку, напомиравшую целый вольер. Здесь на куче смятого, грязного тряпья зажалась в угол русоволосая девушка. Стас осторожно, неторопливо вошел в клетку. Девушка вздрогнула, поджала ноги, вжалась спиной в решетку клетки. Большие серые глаза в ужасе уставились на Стаса.

— Спокойно. Всё хорошо, — Корнилов поднял ладони. — Не бойся... Ты понимаешь меня?

Литовка несколько раз боязливо кивнула.

— Отлично... Я из полиции. Меня зовут подполковник Корнилов, — Стас достал удостоверение и показал девушке. — Не бойся, пожалуйста... Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда. Ты пойдешь со мной?

Девушка посмотрела за спину Стаса. Корнилов оглянулся. Джамбул тоже смотрел на девчонку.

— Не переживай по поводу него, — ответил Корнилов. — Он тебя больше не побеспокоит.

— Это че это... — начал было Бурульдинов, но тут же получил удар в живот от одного из полицейских, державших его.

— Пойдем? — Стас приблизился к Романэ и протянул руку.

Девушка коснулась его руки, сжала пальцы. Ей с трудом удалось подняться. Когда она встала, рваное одеяло упало с её ног и обнажило её тело.

Стас замер. От щиколоток до бедер и от кистей рук до плеч тело Грюневене было покрыто линиями плохо заживающих порезов и синяков. Сине-желтые и багровые пятна синяков расползались по коже живота, груди, плеч, голени и предплечий.

Романэ явно часто били. Били свирепо, с удовольствием. И резали неспешно, неторопливо. Явно смакуя и наслаждаясь процессом.

Корнилов обернулся на «Джамбу». Тот вжал голову в плечи, но ответил.

— Ну, а че?.. Она же задолжала... Должна была выплачивать...

— Сам бил? — обманчиво спокойным голосом спросил Стас.

— Да не, ты че начальник... — пожал плечами Бурульдинов. — Это я её дал попользоваться... Ну там уважаемые люди с особенными пристрастиями... Ну они же её не убили... Че там... Попользовали в удовольствие...

— Заткнись, — велел Корнилов. — И раздевайся.

— Не понял...

— Давай! — толкнул его в спину один из полицейских.

Джамба, явно не понимая, что происходит послушно оголился.

Стоя в трусах и майке, он потирал плечи и пританцовывал от холода. Стас отдал его одежду Романэ.

— Переоденься, — сказал Корнилов девушке. — Знаю, что тебе противно, но это лучше,

чем идти в этих тряпках.

Он пнул ногой зловонные лохмотья на полу клетки.

Когда Романэ переоделась (одежда Джамбы мешком висела на ней), Стас вывел её из клетки и передал одному из патрульных.

— Отведи её наверх, если найдете еду, накормите и напоите.

— Есть, — патрульный приложил ладонь к бейсболке с кокардой и повел Романэ наверх.

Стас и другой патрульный остались с Джамбой. Тот ещё не понимал, что будет дальше. Он растерянно и испуганно смотрел то на Корнилова, то на патрульного. Стас, не торопясь, подошел к клетке, где сидели двое волкодавов. Открыл её и кивнул патрульному.

— Э, да вы че!.. — вскричал «Джамба».

Патрульный толкнул Бурульдинова в руки Стаса. Корнилов врезал ему кулаком под дых. «Джамба» согнулся, захрипел.

Стас открыл клетку с псами и пинком ноги затолкнул Бурульдинова внутрь. Тот упал на четвереньки перед псами. Животные направились к нему, внимательно принюхиваясь. Джамбул отпрянул прочь, обернулся и бросился к прутьям. Стас уже закрыл дверь клетки.

— Вы че творите?! — заверещал Бурульдинов, и голос его надломился. — Вы чего, а?! Че это такое?! Вы же... вы это... вы ж менты! Вам... Вам нельзя!

— Пошли, — бросил Стас патрульному.

Тот со злым презрением, глядя на «Джамбу», сплюнул себе под ноги.

— Счастливо, мразь, — бросил он.

— Эй, вы куда?! — в панике закричал Бурульдинов. — Вы чего делаете?! Стойте! Э! Подполковник! Ну вы че! Ну мужики... Ну не надо! Ну че вы...

Стас и патрульный поднялись и закрыли подвал. Крики Бурульдинова мгновенно стихли.

Она дрожала, даже когда её укрыли двумя теплыми пледами.

Дрожали её руки и чашка с горячим шоколадом в этих руках.

Тихо позвякивала ложка в чашке. Она сидела на больничной кровати, поджав ноги. И пила чай, молча глядя перед собой.

Стас наблюдал за ней. С тех пор, как он привез её в больницу и ей оказали первую помощь, он ничего ей не сказал. Как и она ему.

Корнилов не спешил задавать вопросы. Девушка пока что явно была неготова отвечать на них.

Стас решил не торопиться и не давить на Романэ. Он хотел дать ей время прийти в себя. Ровно настолько, чтобы она смогла мыслить, думать и вспоминать. Только в таком случае она сможет отвечать на вопросы и давать нужные ответы. Стас зашел издалека. Осторожно. Ненавязчиво.

— Как чай? — улыбнулся Корнилов. — Не слишком сладкий?

Романэ бросила на него взгляд серых глаз. Молча отпила из чашки. Облизала губы.

— Вы меня тоже арестуете? — спросила она.

У неё был странный акцент. Более заметный, чем у Ники.

Она немного путала ударения и произносила некоторые слоги слишком растянуто. Но, в целом, говорила хорошо и понятно. Намного лучше многих «новых граждан», непонятно как сдавших экзамены по русскому языку.

— Пока не за что, — усмехнулся Корнилов. — Но у меня к тебе очень много вопросов.

Романэ взглянул на него поверх чашки, опустила взгляд, сделала глоток. Снова облизнула губы и, несмело взглянув на следователя, тихо проговорила:

— Задавайте.

Стас пару мгновений внимательно смотрел на Грюневене.

— Откуда ты знаешь доктора Шамова?

Романэ презрительно фыркнула.

— Он мой отчим...

— Интересно, — уронил Стас.

— И отец моего ребенка, — закончила девушка.

Корнилов шевельнул бровями.

— Необычное сочетание функций, — прокашлявшись, ответил Стас.

— Знаю, — усмехнулся Романэ. — Но я ничего не могла с собой поделать. Сначала я ненавидела мать, когда она привела этого козла вместо отца. А потом...

Романэ снова отпила из чашки.

— Я не знаю, как так вышло... Я влюбилась.

Тут девушка впервые за все время их общения улыбнулась. Кротко, сдержанно, но искренне.

— А почему вы сбежали из дома? — спросил Стас, уже догадываясь, какой примерно услышит ответ.

— Потому что не могла видеть, как они с матерью... — она не закончила, покачала головой. — Если бы я не сбежала, я бы... Я бы, наверное, убила её... Свою мать.

Она снова усмехнулась. На этот раз усмешка была преисполнена злой и горькой иронии.

— Понимаете? Собственную мать из-за мужика... — Романэ покачала головой. — Я решила, лучше сбежать и... не знаю. Вышло, как вышло.

Стас не стал её спрашивать, почему после побега из дома она пошла одной из множества кривых дорог криминальной жизни.

Участие в грабежах, разбойных нападениях, проституция и так далее. Улица. Её воспитывала улица. И воспитала, как могла.

— Вы поддерживали с ним связь после побега? — спросил Стас.

— Он со мной поддерживал, — усмехнулась Романэ. — Мы *****лись иногда, если вам интересно.

— Да не особо, — сухо ответил Стас. — Он давал вам деньги?

— Да, — пожал плечами девушка. — Что я просто так перед ним ноги раздвигать буду.

Она фыркнула с таким пренебрежением, как будто это было настолько очевидным и логичным фактом, что не требовало никаких объяснений.

— И правда, — вздохнул Стас. — Наверное, было бы глупо.

Романэ лишь согласно кивнула. Иронии в голосе Стаса она явно не заметила.

— Ты знаешь, где можно найти твоего отчима? — спросил Корнилов.

— Ну, — задумалась Романэ. — Если дома и на его первой работе его нет...

— Первой работе? — перебил её Стас. — Что значит «первой»? Что, есть ещё какая-то?

— О-о, — заулыбалась Романэ. — Понятно... Да, у моего отчима, с которым я сплю за деньги, есть вторая работа. В больнице, где он заведующий, о ней вряд ли что-то знают... Он принимает частных пациентов в одной из московских клиник. У него там шикарный кабинет, компьютер, телевизор, милая секретарша, готовая на всё...

Романэ перечисляла достоинства кабинета отчима с нескрываемым, сердитым презрением.

— Адрес ты помнишь? — спросил Стас. — Можешь назвать?

Грюневене задумчиво взглянула на Корнилова.

— Зачем мне вам помогать? Если вы его ищете, значит он, что-то сделал... А кто мне бабки платить будет, если вы его посадите?

Стас поджал губы.

— Логично, — оценил он. — А что если я тебе скажу, что твой любовник-отчим подозревается в убийствах нескольких человек, с особой жестокостью?

Слова Стаса однако не произвели на девушку особого впечатления.

Хотя, она задумалась. Взгляд её помрачнел.

— Не удивительно, — проговорила она и снова отпила из чашки. — Я всегда ожидала, что однажды узнаю о нем что-то страшное и пугающее.

Она посмотрела на Корнилова.

— Но это не значит, что мне есть дело до его преступлений, — она пожала плечами. — Тем более, мне незачем говорить вам, где он. Он платит мне слишком много, чтобы...

— Слушай, девочка, — проговорил Стас. — Ты слышала о Монохромном человеке? Вижу по глазам, что слышала. Так вот твой милый отчим, любовник, спонсор, и так далее, подозревается именно в том, что он и есть Монохромный человек. И у меня к тебе вопрос, Романэ. Стас присел на кровать девушки, чуть наклонился вперёд.

Романэ, замерев и затаив дыхание опасно глядела на следователя.

— Как ты думаешь, — произнес Корнилов. — Что следует делать серийному убийце, когда правоохранительные органы выходят на его след?

Романэ опустила взгляд. Её зрачки забежали из стороны в сторону.

Одно дело — деньги, и совсем другое — риск быть убитой.

Но Стаса волновало не это. Корнилову было невероятно любопытно, почему девушка изначально не слишком удивилась, когда Стас сказал, в чем подозревают Шамова.

— Любой преступник стремится обрубить все концы, — проговорил Стас.

Романэ с тревогой во взгляде, задумчиво нахмурилась. Её веки чуть сузились.

— Намекаете, что он придет за мной? — спросила она.

Стас чуть дернул плечами. Изобразил равнодушие на лице.

— Если только ваша жизнь для него не важнее личной свободы.

Грюневене отвела взор, с негодованием, раздраженно прикусила губу.

— Ладно. Записывайте адрес. Но, предупреждаю, я не гарантирую, что он там...

— Диктуйте адрес, — перебил её Стас.

Романэ продиктовала. Явно нехотя и сомневаясь. Но страх, что подозреваемый в убийствах отчим явится по её душу, пересилил жадность.

Вообще Стаса феноменально удивляло её поведение.

Её только что вытащили из лап подонков, которые над ней жестоко измывались. А Романэ, несмотря все пережитые ужасы, ещё размышляет о том, что она может получить от своего отчима и любовника. И стоит ли давать полиции какие-то сведения о нем.

Стас многое мог понять. Не понимал только людей, у которых меркантилизм превалировал над здравым смыслом, страхом и ужасом. Клиника, адрес которой назвала Романэ, находилась в Пресненском районе.

В клинику, где Шамов практиковал частный прием платных пациентов, Стас приехал с Сеней. Колю он направил по другому следу.

Шамов в клинике, как оказалось, работал уже достаточно давно.

И, что неожиданно, тоже был на хорошем счету. Стас и Сеня около двадцати минут слушали, как главный врач клиники нахваливал Шамова.

— Да, Герман — один из лучших сотрудников за всю историю нашей клиники! Я здесь уже больше пятнадцати лет работаю! И поверьте, никто не имел такого успеха, как Герман!.. Мне и сравнить то его не с кем! Он людей из таких ям вытаскивал!.. Вы даже себе представить не можете! Несколько человек буквально на краю были! Крест на себе поставили! А он...

— Несмотря на всю вашу похвалу, — Стасу пришлось прервать поток хвалебных речей в адрес Шамова, — нам бы всё же хотелось осмотреть кабинет доктора Шамова.

— Ну хорошо, — развел руками главный врач, — Как скажете! Но вы совершаете ошибку...

— А это уже не вам решать, — недружелюбно проворчал Сеня.

Кабинет у Германа, и правда, оказался шикарным. Без преувеличений. Просторный, со стильным дизайном интерьера.

Стены цвета аспарагус с орнаментом в виде бамбука, аистов, и японо-китайских пейзажей. Под ногами, на паркетном полу настилы из сизаля. В многочисленных вазах растут фикусы, аглаонемы, сериссы и прочие японские комнатные растения.

Кабинет делился на две половины благодаря двум раздвижным дверям сёдзи. В одной половине преобладала уютная, домашняя обстановка, в другой напротив более деловая и офисная.

В одной был камин, просторный диван, два кресла, журнальный столик и элементы японского сада камней. Был даже маленький, комнатный водоем в углу.

В офисной части кабинета стоял стол с Макинтошем, кресло, три книжных шкафа с медицинскими томами, философской литературой и папками для документов.

Освещение в кабинете было распределено по всему периметру. Мягким зеленоватым светом подсвечивались стены с орнаментом.

Точки подсветки сияли вокруг напольных ваз с растениями и на потолке сияли извилистые линии желто-белого света.

Сеня оглядел всю эту красоту и присвистнул.

— Ниче се... — хмыкнул он. — Интересно, за какие заслуги этому ублюдку такие шикарные апартаменты?

— Пациентов хорошо на деньги разводил, — вздохнул Стас. — Оттого главврач его так и нахваливал.

— Да, скорее всего, — согласился Сеня.

Они вошли в офисную половину кабинета.

— Что мы конкретно ищем? — спросил Арцеулов. — Вряд ли Шамов здесь появится...

— Возможно, — туманно ответил Стас. — А пока его, нет поищем все, что могло бы помочь нам найти его.

— Долго придется искать, — вздохнул Сеня, обводя огромный кабинет взглядом. — Тут работа не для двух человек Стас...

— Может быть, — с хмурым видом ответил Корнилов.

Он медленно обошел вокруг рабочего стола Шамова. Его сосредоточенный взгляд

блуждал по кабинету. Стас придирчиво, внимательно, неторопливо осматривал помещение и мебель кабинета.

Сеня пожал плечами и направился в другую часть кабинета.

Корнилов не стал его останавливать. Арцеулов начал простукивать и щупать стены, трогать камин, лазить под диван и заглядывать во все углы.

Стас тем временем продолжал неспешно осматривать свою половину. Несколько минут он мерил кабинет шагами, пока вдруг его взгляд не зацепился за одну неприметную деталь.

А именно, едва заметную складку на единственном вязаном ковре в кабинете.

Складка пролежала в одном из правых углов ковра. Корнилов присел рядом, отдернул угол, откинул в сторону. Под ковром не обнаружилось ни тайного погреба, ни глубоких царапин. Зато Корнилов заметил, что пыли на полу в этом месте куда меньше. Стас пригляделся. Краска в этой очерченной области пола тоже была более светлой. Стас коснулся половиц кончиками пальцев. Он отчетливо нащупал шероховатую поверхность пола. Затем коснулся пола в месте, где пыли было больше. Там пол был идеально гладким

Стас встал, отряхнул руки. Подошел к центральному шкафу.

— Ну и как ты открываешься? — проговорил он тихо.

— Нашел что-то? — спросил Арцеулов, подходя сзади.

— Здесь тайник, — заявил Стас, разглядывая полки шкафов.

— С чего ты взял.

— Посмотри на пол. Что видишь?

Сеня пару секунд не отвечал.

— В одном месте пыли меньше и пол... пол кажется другого цвета.

— Не кажется. Пол в этой области отличается по цвету, потому, что там поверхность стесанная или стертая.

Сеня присел около пола, как и Стас провел по нему руками.

— Думаешь, это шкаф?

— Это должно быть что-то тяжелое, — рассудительно ответил Корнилов. — Легкая вещь не оставляла бы следы на полу.

Тут Корнилов открыл стеклянную дверцу шкафа.

— Нашёл, — вздохнул он и, усмехнувшись, кивнул на одну из полок.

— Я не вижу, — сказал вставший рядом Сеня.

— Внимательнее посмотри, — посоветовал Стас.

Тогда Арцеулов заметил.

— Лишний крепеж для полки.

— Именно, — торжествующе ответил Стас и, взявшись за угловатый крепеж, повернул его.

Что-то гулко щелкнуло. Средний шкаф вздрогнул и начал двигаться.

Стас быстро посторонился и дернул Сеню за рукав. Арцеулов тоже отошел. Вдвоем они наблюдали, как тяжелый книжный шкаф сам плавно и не спеша отъезжает в сторону.

За шкафом оказалось маленькое, узкое помещение с очень ярким светом на потолке. Тайное помещение напоминало укромную подсобку. С трёх сторон от пола до потолка тянулись ряды узких, мелких ячеек прямоугольной формы. Они напоминали собой несколько сотен спичечных коробков, выстроенных в столбики.

— Что это такое? — с недоумением спросил Сеня. — Что... Что в этих ячейках?

Стас первым вошел в узкую подсобку. Здесь было немного прохладно, чувствовался

сквозняк. Корнилов заметил, что на каждой из ячеек прикреплены желтые, розовые, белые и голубые узкие полоски стикеров.

На каждой наклейке было что-то написано.

— Это фамилии, — прочитав несколько надписей, ответил Сеня. — Что за фамилии?

— Пациенты, — ответил Стас и протянув руку достал одну из ячеек. — Его пациенты.

— И что в этих ячейках? — спросил Сеня, и нервно хохотнув, добавил. — Надеюсь, не их прах...

— Даже не шути так, — отрезал Стас.

— Я уже иногда не знаю, чего ждать, — проворчал Сеня.

— Надейся на лучшее...

— И готовься к худшему, — проворчал Сеня. — Я помню.

— Отлично, — Стас достал из ячейки длинный, узкий металлический контейнер.

Он напоминал собой грубую версию школьного пенала.

Стас покрутил контейнер в руках. Нашел выпирающую деталь, надавил на неё. Крышка контейнера с тихим лязгом соскочила, приподнялась. Корнилов отложил её в сторону.

Внутри на дне коробки лежало несколько предметов. Пучок темно-русых волос, бережено завязанных резинкой. Две фотографии 3x4. На них была изображена девушка лет двадцати в голубом вязаном свитере. Рядом лежали пара цветных невидимок. Возле них длинная черная флешка и... несколько человеческих ногтей.

Сеня сдавленно охнул, прокашлялся.

— Стас... — он отвел взор и выразительно осмотрел остальные ячейки с металлическими пеналами, — я надеюсь, это не то, что я думаю?

— Вряд ли он их убил, — ответил Стас, хотя мысленно понимал, что исключать такого тоже нельзя.

— А ногти и волосы? — обеспокоенно спросил Сеня.

— Ему могло нравиться собирать их.

— Зачем? Зачем нормальному человеку собирать чужие ногти и волосы? — с отвращением и непониманием спросил Арцеулов.

— Мы и не говорим о нормальном человеке, в нашем понимании. — едко усмехнулся Стас.

Он взял один из ногтей, внимательно осмотрел.

Покрытый светло-розовым лаком с блестками, маленький ноготок был снят скорее всего с девичьего мизинца.

Стаса внутренне передернуло, когда он представил, при каких именно обстоятельства Шаповалов заполучил этот трофей.

— Обычно такие, как Шаповалов забирают себе волосы, ногти, или личные вещи, или... части тел своих жертв, чтобы обострять ощущение собственной власти над ними.

Корнилов вздохнул. Психологический портрет Германа Шаповалова, который постепенно вырисовывался в его сознании, имел много общего с портретами многих опаснейших серийных убийц. Как он мог сразу его не заподозрить? Как мог упустить? Он ведь не раз общался с ним. Его ошибка. Ошибка следователя, стоившая жизни восьми ни в чем неповинным людям.

— Ста-ас, — настороженно протянул Сеня. — Смотри-ка.

Арцеулов тронул Стаса за плечо. Корнилов оглянулся. Сеня указывал на одну из ячеек. А точнее, на надпись, на написанную фамилию.

— Гудкова, — озвучил надпись Сеня. — Ты...

Он оглянулся на Стаса.

— Ты понимаешь?!

— Не кричи, — тихо ответил Корнилов.

Он чуть наклонился вперед и достал контейнер с фамилией Гудковой. Внутри они обнаружили почти такой же набор, как и в предыдущем. Волосы, ногти, фотографии и флешка. Только вместо заколок лежало маленькое, изящное серебряное колечко с фианитами. Колечко было дешевеньким, хоть и довольно милым.

— Ну вот тебе и ответ на твои опасения. — ответил Стас, — Гудкова, как мы знаем, точно жива.

— Не уверен, что это положительная новость, — угрюмо ответил Сеня.

Стас молча достал флешку, подошел к столу с Макинтошем, сбоку вставил флешку и включил компьютер.

— Чёрт возьми, — проворчал Корнилов. — Ненавижу это дерьмо «яблочное». Все не как у людей...

Стаса довольно сильно раздражал эппловский интерфейс, который местами сильно отличался от привычного пк-шного. Он нашел иконку подключенной флешки и открыл её. Здесь обнаружился длинный список видеофайлов.

Не долго думая, Корнилов открыл один из них. Пару секунд на мониторе был черный экран. Потом донеслись какие-то звуки.

Невнятный шепот, приглушенный шорох, шелест...

Вдруг появилась картинка. Кабинет Шамова. Где-то рядом слышатся шаги. Открывается дверь.

— Добрый день, Ксения, — раздается вежливый голос Германа Шамова. — Как дела?

— Нормально, — нехотя отвечает Ксения.

Шамов садится за свой стол. Гудкова в платье и джинсовой куртке, подобрав подол села на стул перед столом доктора.

— Итак, — миролюбиво и жизнерадостно объявил Шамов. — Приступим?

— Да, да, — нетерпеливо ответила Гудкова. — Давай уже.

Стас отметил, что на видео Ксения гораздо моложе. Наверное, здесь ей не больше шестнадцати.

— Что ж, хорошо, — кивнул Шамов и прочистив горло позвал. — Леша, зайди пожалуйста к нам!

Из другой половины дома, с камином и диваном, через сёдзи вышел мальчик в темных шортах и белой футболке с рок-группой.

— Встань пожалуйста вот тут, — попросил доктор и указал на пол рядом с собой.

Мальчик, украдкой глядя на Ксению, послушно подошел к месту, которое указал Шамов. Ксения исподлобья пристально, с фанатичной жадностью глядела на мальчишку.

— Хорошо, — проговорил Шамов, когда мальчик встал рядом с ним. — А теперь приступим. Ты помнишь, что я тебе говорил?

— Да, — свирепо процедила Ксения. — Помню.

— Хорошо... — Шамов сплел пальцы рук, чуть наклонился к мальчику.

— Леша, ты готов?

Мальчишка не ответил. Он оторопело и с испугом на лице глядел на Ксению, что буквально пожирала его взглядом.

— Леша? — с фальшивой добротой проговорил Шамов. — Ты готов?

Мальчик нервно сглотнул, опустил взгляд, испытующе посмотрел на доктора Шамова. Стас видел, что ребенок уже несколько раз пожалел, что пришел сюда. И уже готов буквально сбежать. Подальше от Шамова и, самое главное, от Ксении.

— М-можно... М-можно я пойду? — спросил он жалобно. — Пожалуйста...

Взгляд Гудковой изменился.

— Что?! — вскричала она. — Что это значит?! Никуда ты не пойдешь!

Она встала со стула и топнула ногой.

— Никуда ты отсюда не пойдешь!

— Ксения успокойся! — повысил голос Шамов. — И сядь! Живо!

Мальчишка побледнел, губы у него затряслись, он попятился назад.

— Отпустите меня... — прохныкал он. — Пожалуйста... Я никому ничего не скажу...
Пожалуйста, отпустите...

— Леша, Леша, — Шамов встал из-за стола, подошел к мальчику, приобнял за плечи. — Не бойся Ксению. Она просто... нервничает. От тебя же ничего не нужно? Просто быть послушным и выполнять мои указания. Ты же помнишь, что я тебе за это обещал? И тем более, половину обещанных денег я тебе уже отдал. Ты ведь дал мне слово, помнишь? А ты помнишь, что настоящие мужчины всегда держат свое слово?

— Помню, — нехотя выдавил мальчишка и с опаской взглянул на Ксению.

Гудкова в нетерпении кусала губы, постукивала ногой и теребила подол платья.

— Вот и отлично, — продолжал уговаривать мальчика Шамов. — Теперь, пожалуйста, подойти вот сюда... Хорошо...

Мальчишка покорно, с обреченным видом подошел к столу, вновь встал перед Ксенией.

— Отлично, — Шамов суетливо оббежала стол, встал слева, между Ксенией и мальчишкой.

Гудкова впиалась взглядом в Лёшу. Расправила плечи, хищно улыбнулась. В её глазах сияло торжествующее предвкушение.

— Так... — торопливо проговорил Шамов. — Теперь сосредоточься... Как я тебя учил...

— Я помню! — отрезала Гудкова. — Замолчите!

Она встала. Леша нервно выдохнул, испуганно отступил назад. Гудкова угрожающе возвышалась над ним.

— Какие у тебя красивые глаза, — проговорила она и улыбнулась. — Посмотри на меня.

От обманчиво ласкового голоса Гудковой Стас ощутил пробирающийся под кожу противоестественный, щекотный холодок.

Стас только сейчас, глядя на эту запись, в полной мере осознал насколько действительно опасна Гудкова. Не из-за своих возможностей, а ввиду своего неконтролируемого желания, своей маниакальной, неукротимой жажды. Жажды подчинять чужой разум и волю. Жажды контролировать чужую судьбу и жизнь.

Эта жажда горела внутри нее, дрожала в её глазах, лихорадочной дрожью наполняла её губы, пальцы рук и плечи.

— Леша, — проворковала Ксения и чуть наклонилась к мальчику. — Ты ведь хороший мальчик? Да?

— Д-да... — выдавил из себя Леша.

Стасу показалось, что он произнес это через силу, против воли.

Шамов наблюдал за действиями Ксении, с задумчивым видом, подперев подбородок правым кулаком.

— Хорошо... — улыбнулась Ксения и шепотом повторила. — Хорошо... Два хлопка, и мы поиграем в куклу... Два хлопка, малыш... Два хлопка, и ты обязан слушаться меня. Два хлопка, и ты послушен... покорен... совершенно исполнителен... Тебе не нужно думать... не нужно понимать... я все сделаю за тебя... я всё сделаю сама... верь мне... слушай меня... слушай мой голос... два хлопка...

— Два хлопка... — слабым голосом, едва слышно проговорил мальчик.

Гудкова два раза, быстро хлопнула ладоши. На глазах у Стаса мальчика застыл. Он буквально замер, забыв дышать, моргать и двигаться. Он в буквальном смысле остолбенел! Гудкова обошла неподвижно стоящего мальчика. На её лице расплывалась довольная, неподдельно счастливая улыбка. Она оглянулась на доктора Шамова.

— Ну как? Видели?

— Видел, — удовлетворенно хмыкнул Герман. — Только вели ему дышать, а то задохнется.

— Леша, — сказала Гудкова. — Дыши.

Мальчик начал дышать. Стоящий рядом со Стасом Сеня тихо поперхнулся. Увиденное впечатлило и Корнилова. Шамов учил Гудкову гипнозу. И не тому, который Стас видел по телевизору, в фильмах, или о котором читал. Это был куда более сильный, полностью подчиняющий сознание человека гипноз. Гипноз, напоминавший какое-то чёрное колдовство или заклятие.

Корнилов чувствовал, как крепнет холод в крови, он почувствовал, что мёрзнет, хотя в кабинете было довольно тепло.

Запись продолжалась. Урок ещё был не закончен.

— Лёша, — командным голосом произнесла Ксения, — обойди вокруг стола.

Мальчик послушно, все ещё забывая моргать, глядя перед собой обошел вокруг стола доктора.

— Блестяще, Ксения! — оценил Шамов.

— Знаю, — с восторженным трепетом ответила Ксения и повторила. — Знаю.

Она наслаждалась своей властью над мальчиком. В полной мере наслаждалась своей ролью владетельницы чужой жизни, чужой души и тела.

— Леша, — произнесла Ксения, — моргай. Хорошо... Подойди к камину.

Шамов забеспокоился.

— Ксения... Мы так не договаривались.

— Я хочу проверить, что я могу.

— Он обожжется.

— Плевать. Вам что, его жалко?

— Нет, но зачем лишний шум.

Ксения ничего не ответила. Вместе с Шамовым они наблюдали, как Лёша подошел к камину, в котором пылал огонь.

— Леша, — проговорила Ксения. — Достань дрова из камина.

Глаза её при этом зловеще блеснули. Шамов вздохнул, но ничего не сказал. Вряд ли ему было жаль мальчика, скорее он опасался последствий.

Стас, не веря своим глазам, увидел, как Леша безропотно подошел к огню и сунул руку прямо в пламя. Стоящий рядом Сеня выругался, отошел от монитора и громко прошептал

грязное ругательство.

Стас не отводил взора от монитора. Происходящее там выглядело неправдоподобно страшно и отвратительно. Мальчишка, не обращая внимания на огонь, вынул кусок обугленного дерева прямо из огня. Шамов качнул головой.

— Потрясающе, — не удержался он. — Ксения... Это потрясающе!

Гудкова сияла, упиваясь своим торжеством властью.

Корнилов сцепив зубы видел, как мальчик сжимал в руке полу сторевший кусок дерева. Стас смотрел на его обожженную, покаленную руку. Кожа на руке мальчишки сморщилась, облезла и местами повисла оборванными лохмотьями. Под кожей проступали закоптившиеся, поблескивающие мышцы и сухожилия.

Стас выдохнул через нос.

— Даже не знаю, — проговорил Шамов с усмешкой. — Как я смогу это объяснить ему, а потом его родителям.

Ксения обернулась, взглянула на Шамова. Они несколько секунд смотрели в глаза друг другу. А потом Гудкова произнесла то, что Стас ожидал, и боялся.

— Лёша! — повелительно воскликнула Ксения и обернулась на молчаливо стоящего мальчика. — Я хочу, чтобы ты забрался в камин. Живо!

Мальчик с безучастным лицом повернулся и направился к пылающему камину.

Корнилов сдавленно выдохнул. Он наблюдал, как Лёша шагал к огню. Он до последнего надеялся, что Гудкова или Шамов окликнут его. Но они лишь переглядывались и усмехались.

Лёша приблизился к камину, встал на четвереньки и просунул голову в огонь.

— Стас выключи! — не выдержал Сеня.

Корнилов остановил запись и закрыл окно. Обернулся на Арцеулова.

Сеня, сжимая кулаки, со свирепым видом глядел в сторону.

— Выродки! — процедил он. — Ублюдки!... Это же надо... Над ребенком так!.. Сволота!.. Мрази!... Ненавижу!.. ***ные твари, мать их! Почему, Стас, почему такие, как они, в утробе у матерей не дохнут?! Почему они живут и... и творят... такое! Зачем такие вообще рождаются!

Арцеулов покачал головой. Стас не осуждал Сеню за этот срыв. Сам он раньше тоже не раз срывался, да и сейчас его самого впечатлило увиденное. Просто его «шкура» толще и крепче, чем у Сени, который многое видел, но к увиденному оказался просто не готов.

— Все, что мы можем, Сень, — тихо проговорил Стас. — Это поймать и посадить их. Они есть... потому, что есть мы. И наоборот. Зло и... меньшее зло, если хочешь. Баланс вселенной, мать его.

Сеня фыркнул.

— Да уж, до «добра» мы не дотягиваем, да?

— А нам и не нужно, — ответил Сеня. — Добро может победить зло, лишь обращаясь к меньшему злу.

— Почему это?

— Потому что, — вздохнул Стас, — оно слишком... доброе.

Арцеулов фыркнул.

— И если бы не меньшее зло, Добро бы только и делало, что всех прощало и любило, — рассудил Стас. — А кому-то нужно причинять ответное зло, пусть и в меньших количествах.

— Какая-то нахрен запутанная философия, — пробурчал Сеня.

— Да, и пафосная слишком, — согласился Стас.

Он похлопал Арцеулова по плечу.

— Держись. Ты мне нужен в нормальном состоянии.

— Я в порядке, — проворчал Сеня.

У Стаса зазвонил мобильник.

— Да, Коля? — ответил Стас.

— Ты сейчас будешь ругаться громко и долго, — без предисловий произнес Домбровский.

— Ну, говори, — вздохнул Стас.

— Плансон сбежал из больницы.

Стас закрыл глаза и ничего не ответил. Пару секунд он просто прислушивался к пульсирующей на висках крови.

— Стас? — переспросил Коля. — Ты услышал?

— Да, — процедил Корнилов. — Давно?

— В Воскресенье, — нехотя ответил Коля.

— М-м, — промычал Стас. — И почему же нам только сейчас сообщили?

— Сказали, что они не обязаны посвящать нас в свои личные дела.

— Ясно, — кивнул Стас, сам не понимая, отчего так спокойно воспринял эту новость. — Что ещё? Это ведь не всё, верно?

— Нет. Стас, похоже, Касьяна Каменева похитили. Свидетели утверждают, что прямо на остановке запихнули в машину и увезли его. Вроде описание совпадает. И дома его нет, и на работе уже давно не видели. К тому же он не явился ни на одно интервью, пропустил уже два эфира на телеканалах, и на звонки не отвечает. Так что сходиться. Скорее всего похищение.

— Замечательно, — вздохнул Стас.

— Что будем делать?

— Ты езжай в больницу. Вытряхни из них все, что знают. Будут противиться, действуй максимально жестко, ну по своему усмотрению. Если что, я за все отвечу перед Аспирином и... всеми остальными. А Касьяном я займусь.

— Понял... — ответил Коля.

— Эй! — встрепенулся Сеня. — А я?

— Все, Коль, давай, — сказал Стас в трубку. — Если надо, арестуй там пару человек, кого сочтешь нужным. А то они совсем охренели.

— С радостью! — засмеялся Коля.

— Давай. Пока, — Стас сложил телефон в карман джинсов.

— Стас, а мне что делать? — растерянно спросил Арцеулов.

Корнилов кивнул на подсобку с ячейками.

— А ты вызови кого-то из наших парней в помощь и изыми всё это сокровище. Посмотри в нашем кабинете, возможно на одной из записей обнаружатся новые сведения о Шамове. Может промелькнет кто-то, у кого он сейчас может быть. Задача ясна?

— Так точно, — проворчал Арцеулов.

Ему явно не улыбалось торчать в расположении группы и просматривать записи Шамова. Особенно, после увиденного видеоролика с Гудковой.

Стас понимал это, и специально дал ему такое задание. Сеня сорвался, и это плохой признак. Арцеулов обязан научиться сдержанности и отчасти, равнодушию. И воспринимать только факты, не давая волю эмоциям. Только так можно работать. И это не мешает

оставаться людьми. Просто их работа не осуждать и злиться, а анализировать, сопоставлять факты, находить и ловить виновных.

— Если найдешь, что-то интересное, звони, — сказал напоследок Стас.

Коля скинул ему в мессенджер контакты свидетелей,

Однако Стас сперва собирался навеститься кое-кому в гости.

К людям, которые наверняка имеют претензии к Каменеву, после выхода его статьи.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть четвёртая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 24 августа

Чай остывал в моих руках. Забыв о нем, я замороженно смотрела видео о том, как можно применять кушон, после того, как в нем заканчивается содержимое, под губкой. Я увлеченно наблюдала, как бьютиблогер на дисплее монитора повествует о смещении тональника и сияющей основы.

Вроде ничего сложного, но сама я как-то до такого не додумалась.

Я почти уже досмотрела ролик, как вдруг откуда-то снизу донесся грохот, стук и чей-то крик.

Я встрепенулась, быстро поставила чай на стол, остановила видео, бросилась к двери. Затем вспомнила, что на мне только футболка и нежнее белье. Вот это был бы конфуз! Я быстро надела джинсовые шорты.

Грохот снизу повторился. Кажется, что-то упало и рассыпалось. Послышался металлический звон, гулко залаяли мастифы, раздался гневный выкрик. Это, что Федя?! Что там происходит?! Я буквально слетела вниз по лестнице, с разбегу врезалась в дверь, выскочила в мастерскую. Среди автомобилей никого не было. Работники, почти все свинтили пораньше, ибо сегодня там какой-то архиважный бой между русским и англичанином.

Я несколько секунд взирала на перевернутое оборудование в мастерской и рассыпанные по полу инструменты. Затем услышала звуки драки и крики со двора. Я выбежала из мастерской и застыла на месте, увидев, что происходит. Я прижала руки ко рту, глядя на происходящее. Меня сковал абсолютный ступор.

Перед мастерской прямо на нашем газоне катались, сцепившись в драке Мирон и Федя. То один, то другой оказывались сверху.

Они с яростью осыпали друг друга ударами. Каждый из них пинал, пихал, бил и пытался придушить соперника.

— Что вы делаете?! — в страхе выкрикнула я. — Прекратите! Идиоты!.. Хватит! Перестаньте! Мальчики, ну хватит!!! Не надо!!!

Рядом агрессивно лаяли Каролина и Леопольд. Федя и Мирон не обращали на них внимания. Как и на меня.

— Вот же... Kozy! Idioci! — я в панике заметалась по мастерской.

Я не знала, что делать. Как заставить их перестать, как остановить это безумие. Тут мой взгляд упал на шланг, что темной змеёй свернулся у колеса автомобиля. Я схватила его, открыла воду и направила мощную струю холодной воды на парней.

Эти «боксеры» так увлеклись друг другом, что не сразу обратили внимание на воду.

Федя с криком отполз в сторону. Мирон закрылся рукой.

— Да хорош Ника! — отплевывая воду и отворачивая лицо крикнул он. — Ну, перестань! Эй!..

— Ника, не надо! Хватит! — вторил ему Федя, закрываясь руками от струи воды.

Я выключила воду. Парни мокрые, в насквозь сырой одежде, отряхивались и вытирали воду с лица. Я с каменным лицом, холодно наблюдала за ними.

— Ну как? — сердито спросила я. — Пришли в себя?! Каратисты чертовы! Что вы здесь такое устроили?! Что вообще случилось?!

Я по очереди взглянула на Федю и Мирона.

Они переглянулись. Федя посмотрел на Мирона с нескрываемой угрюмой агрессией. Мирон откинул со лба мокры волосы, снова взглянул на меня и пожал плечами.

— Да всё нормально. Так... поспорили.

— Из-за чего?! — я пожалала плечами. — Чего вы сцепились то?

— У нас... — Мирон бросил взгляд на Федю, — возникли разногласия... Относительно...

Мирон замялся, снова оглянулся на Федю.

— Относительно работы, — прорычал тот, краснея от сдерживаемой злости.

— Да! — щелкнув пальцами, улыбнулся Мирон. — Просто... просто мы не сошлись во мнениях. Верно коллега?

— Угу, — пробурчал Федя и отвернулся.

Я понимала, что они мне врут. И притом совершенно неумело.

У Мирона рассечена губа и бровь, и кровь тонкими струйками сползает по лицу. У Феде вообще разбит нос и, кажется, что-то с челюстью или с зубами. Но я понимала, что допытываться от них правды бесполезно. Будут молчать, как те самые партизаны.

— Устроили тут... — проворчала я сердито. — Идемте. Нужно обработать ваши раны.

— С готовностью отдам себя в твои нежные руки, — заулыбался Мирон и направился ко мне.

— Зайди в дом, пожалуйста, — устало сказала я.

Сердце в груди ещё неистово колотилось, и нервная дрожь пульсировала в теле. Я испугалась за этих двух идиотов! Потому что я совершенно не знала, что делать, и как это все останавливать!..

Хорошо хоть шанг под рукой оказался.

— Федя, а ты куда? — я растерянно развел руками. — Федь!

Помощник дяди Сигизмунда лишь отмахнулся от меня и пошатывающейся походкой вышел через ворота. Громко хлопнул дверцей калитки и вышел на улицу.

— Федя! — я бросилась за ним и выбежала через калитку. — Федь, ну постой! Не уходи, пожалуйста! Федя, я прошу тебя вернись! У тебя кровь идёт!

Я шла за ним несколько метров, пытаюсь урезонить. Подходить к нему и касаться его я боялась потому, что не знала, чего от него ждать. Он явно был взбешен и обозлен. Федя, не оборачиваясь, игнорируя мои просьбы, упрямо шел прочь.

— Федя, — я уже начала плакать. — Ну что за глупости?! Что происходит! Вернись, пожалуйста! Ты не можешь в таком виде уходить! Пожалуйста! Дай я помогу тебе... ну, у тебя же кровь идёт! Ну куда уходишь?! Я остановилась, обессиленно и сердито топнула ногой, сложила руки на груди, и отвернулась. Вот же осел упрямый! Ну куда он пошел весь побитый, с разбитым носом! Ну что за идиотское поведение такое! Я была одновременно зла

на него и жалела его.

Он же уже давно стал мне если не родным, то очень близким. Как друг. Ну как я могу допустить, чтобы он бедный, весь в крови куда то уходил!

— Федя! — уже плача, позвала я слабым голосом. — Ну что ты!.. Федь... Федя!

Он уже был далеко, и ни разу не обернулся, пока шел до ближайшего поворота. Я отвернулась, закрыла лицо руками. Да что с ним такое! Я всхлипнула. Дурак упёртый! Сейчас ещё полиция загребет и посадит дурака на пятнадцать суток! А если у него серьёзная травма?! А если он по дороге сознание потеряет?!

Я представила, как Федя сейчас где-то идет и вдруг падает обессиленный на асфальт! Я словно воочию представила, как он лежит неподвижно, истекая кровью. Одинокий, брошенный всеми, злой и несчастный...

Ну, почему он не остановился, почему просто не обернулся? Почему нужно было так себя вести?! Ну почему, почему, почему?!

Почему парни такие... такие дураки? Такие идиоты! Р-р-р!..

Я вздохнула, всхлипнула. Рядом раздались шаги.

А потом вдруг кто-то обнял меня, легонько притянул к себе, погладил по голове.

— Всё будет хорошо, принцесса, — услышала я над головой утешающий голос Мирона. — Федя — крепкий парень. И ужасно гордый. Потому и не остался.

Я вздохнула, вздрогнула в его объятиях. Он прижал меня к себе сильнее. Я прониклась чувством безмерной благодарности к нему за это. Но в то же время я помнила, что это он подрался с Федей.

Я отстранилась от его объятий и посмотрела на него снизу-вверх.

— Пока ты не появился, у нас никаких драк не было! — проговорила я сердито. — Ты можешь мне объяснить, что у вас случилось?

Мирон пару мгновений смотрел на меня. Потом вдруг улыбнулся.

Это было странно. Человек, у которого раскроена губа и бровь не должен так мило и счастливо улыбаться. На мгновение я даже подумала, что может у него поврежден череп и мозг!

Ну, правда...

— А ты ещё не поняла, принцесса? — усмехнулся Мирон.

— Не-ет, — протянула я, но в голову впорхнула незатейливая мысль, которую я тут же заткнула поглубже и подальше. — Только не говори, что...

— Из-за тебя, — вздохнул Мирон.

Я закрыла глаза. Опустила голову. Устало вздохнула.

Ну, ясно! Сошлись два парнокопытных козерога на мосту...

— Пошли в дом, — тихо сказала я Мирону. — У тебя кровь хлещет... Надо обработать и перевязать.

— С радостью, — просиял Мирон.

— Это ничего не значит! — глядя ему в глаза предупреждающе ответила.

— Конечно, — улыбнулся Мирон.

— И это не значит, что я тебя простила!

— Я так и понял.

— Чего ты улыбаешься?.. Я серьёзно! — я пыталась придать строгости своему голосу.

— Хорошо... Просто ты такая милая, когда пытаешься злиться, — пожал плечами Мирон.

Я несколько мгновений смотрела в его лучистые, задорные и смеющиеся серо-зеленые глаза. Господи, какой же он дурак!..

Но... Но, почему он все равно... такой... такой милый! Ехидный, несерьезный, местами вообще ершистый и неприятный, но... милый и даже... обаятельный что ли... О чем, я думаю?..

Я хотела что-то ответить Мирону, но не нашлась с ответом и просто попросила его идти за мной. Дома я завела его на кухню, на нашу кухню, на третьем этаже, где могут появляться только дядя Сигизмунд, я и Федя. Но пока хозяин дома отсутствует, а его помощник пошел вообще неведомо куда, я нарушила одно из правил дяди Сигизмунда. «На третий этаж всем посторонним вход строго воспрещен!»

— Присядь вот здесь, пожалуйста, — попросила я вошедшего следом за мной Мирона.

Он послушно уселся на стул с высокой спинкой. Его немедленно заинтересовали стоящие рядом фотографии.

— Ух ты, — засмеялся он и показал на одну из фотографий. — Это ты такая кроха?

Я обернулась. В руках у Мирона я увидела старую фотографию.

На ней мои родители, дядя Сигизмунд и я, на плечах у своего отца.

Там мне четыре года. Меня кольнуло смущение и легкая стыдливость. Мне не очень хотелось, чтобы Мирон разглядывал мои личные, семейные фотографии. И тем более брал их в руки.

— Да, это я, — ответила я.

— А рядом твои родители, да? — спросил Мирон. — У тебя очень красивая мама.

— Спасибо, — я открыла дверцу домашней аптечки и выволокла оттуда громадную коробку с разнообразными медикаментами.

Среди вороха баночек, блистеров, спреев, упаковок пластырей я нашла зеленку, и упаковку бинтов синего цвета.

Весь этот громадный медицинский арсенал (у нас таки три коробки) моя личная заслуга. Это я убедила дядю Сигизмунда, что в доме должно быть всё, от зеленки, черт возьми, до сильнодействующих антибиотиков. Дядя сопротивлялся до самого первого случая, когда чем-то траванулся. Ох и полоскало же его тогда!

Небольшим, но важным познаниям в медицине я обязана разным людям. Начиная от личного врача фигуристов в «Княжеском» Дворце спорта и заканчивая наставлениями от Стаса.

— Ника... — Мирон хотел что-то спросить, но, видимо, передумал и замаялся.

— Ты хотел спросить, где мои родители? — не оборачиваясь, озвучила я его желание. — И почему я, собственно, живу у дяди?

Мирон был не из застенчивых.

— Да, — признался он. — И ещё, почему ты приехала в Россию? Что в Польше плохо?

Плохо? Да нет, почему же. Смотря кому. В целом, всё нормально, наверное. Только вот мне там подписан приговор. Нет, я утрирую, конечно. Никто прямо с ходу стрелять и убивать меня не станет, но... Мои родственнички уж точно захотят вернуть меня обратно.

Я всё же Лазовская. И, как выяснилось, могу на законных основаниях претендовать на весьма существенный кусок общего наследства. Включая долю моего отца, деда и бабушки, которые, как мне известно всё отписали своему сыну Роджеру. То есть моему отцу. А за ним в очереди наследования сразу иду я.

Так, что в Польшу мне путь заказан. А иначе меня там очень быстро запрут в домашних

застенках, и по достижению совершеннолетия вынудят отказаться от наследства. А потом... Потом меня бы нашли где-то в пригородных лесах... И вряд ли бы об этом вообще кто-то узнал.

— Это всё очень долгая история, Мирон, — я вооружилась всем нужным для перевязки ран и направилась к нему. — И к тому же это личное.

Я села напротив него и положила лекарства на стол. Первым делом нужно было промыть рану перекисью водорода и остановить кровь.

Смочила ватный диск, и наклонилась к Мирону. Он с полуулыбкой смотрел на меня. Я старалась не обращать внимание на его взгляд. Мне пришлось близко наклониться к нему. Очень близко. Слишком...

И этот гад в упор, внаглую, вызывая меня рассматривал.

Мне стало так неловко, как будто я... без одежды перед ним

У меня дрожали руки и трудно было сосредоточить мысли на его ранах.

— Ты не мог бы смотреть в сторону, — попросила я.

— Не-а, — усмехнулся он.

— Мирон, пожалуйста... — я вздохнула. — Мне так неудобно.

— Я тебя смущаю? — победно улыбнулся он.

Да, морда ты наглая, подумала я. Смущаешь! И ты прекрасно это знаешь!

— Мирон... Пожалуйста, мне неудобно, — пожаловалась я слегка раздраженно. — И это тебе не шутки. У тебя серьезное кровотечение, между прочим. Может и зашивать вообще придется.

— Ещё чего! — фыркнул Мирон. — Не хочу никого обижать, но твой друг дерется, как первоклассник.

— Мне все равно, кто из вас лучше дерется, — отрезала я. — Главное, что оба побитые, у тебя вон бровь и губа, а у него нос и что-то с челюстью. Кому всё это нужно?

— Он первый начал, — обиженно ответил Мирон. — Я его пальцем не трогал.

— А это уже неважно, — с хмурым видом ответила я, сосредоточенно и бережно промокая ватным диском рану возле левого края губ.

Я отложила диск в сторону. Он был весь пропитан кровью Мирона.

Я снова промыла его рану.

— Не больно? — боязливо спросила я.

— Нет, — улыбнулся он. — Я даже рад, что твой друг наградил меня этими царапинами...

— Ничего себе царапины! — фыркнула я.

— Ну, зато благодаря им я сейчас здесь с тобой, и ты впервые за последние несколько дней так близко от меня.

От его слов у меня чуть бутылек с перекисью из рук не выпал. Я его еле удержала. Дыхание сбилось, горло сдавило, с готовностью лихорадочно затрепетало сердце в груди. И такое буйное, беспокойное чувство неистовствовало и спазматически сжималось в груди. От локтей до плеч по нарастающей поднялась противоестественная дрожь, кожу пекло в нескольких местах, горели щеки, стало жарко где-то внутри, глубоко во мне.

Зачем он это сказал?! Зачем?! Ну вот зачем?!

Специально что ли пытается меня вывести из себя?! Я промыла его раны и собралась обрабатывать.

— Может щипать и печь, — предупредила я. — Но я постараюсь быстро.

— Не торопись, — изменившимся голосом вдруг проговорил Мирон. — И можешь не слишком осторожничать. Уж что-что, а боль от твоих рук я точно заслужил.

Я замерла и оцепенела, услышав это. Я посмотрела в его глаза.

Он пристально, странно, по-другому глядел на меня.

— Ты что... — слабо, упавшим, тихим голосом проговорила я. — Ты что такое говоришь? Я... Я не хочу делать тебе больно...

Он грустно улыбнулся.

— Но я же заслужил.

Я с трудом отвела взор от его глаза.

— Сл-лушай, — заикаясь ответила я. — Если вознамерился з-заняться с-самобичеванием... То... пожалуйста, н-но... Я сделала над собой усилие и договорила.

— Но не здесь!

— Предлагаешь мне головой об стену побиться? — хмыкнул он.

— Хорошая идея.

— Она не выдержит.

— Твоя голова?

— Стена, — шутливо ответил Мирон.

— Не сомневаюсь, — проворчала я и осторожно начала обрабатывать его рану. — Такую чугунную, пустотелую голову ещё нужно поискать.

Мирон усмехнулся.

— Смешная ты, — хмыкнул он и снова улыбнулся.

Я недовольно взглянула в его глаза.

— Неужели?

— Когда силишься сказать что-то неприятное и казаться злой.

— С чего ты решил, что я кажусь злой? Я и правда зла на тебя.

— Нет, — качнул он головой. — Ты рассержена, обижена и расстроена... из-за меня.

Он с горечью кивнул.

— Но ты не таишь зла. Я, видишь ли, кое-что понимаю в людях.

— Вот как, — стараясь не слушать его и не обращать внимание на его взгляд, я занялась другой его раной. — И как ты это всё определяешь?

— Всё в глазах, — неожиданно сказал он. — У тебя они другие. Совсем не злые, Ника. Мне кажется, ты вообще не умеешь злиться и тем более ненавидеть.

— Насчет первого ты точно ошибаешься, — ответила я упрямо.

— А насчет второго? — усмехнулся он. — Ты меня ненавидишь?

Я не удержалась, посмотрела в его глаза.

— Вот ещё. Больно надо...

— А должна бы, — хихикнул он.

— Обойдешься, — ответила я.

— А дело не во мне, — продолжал Мирон. — Ты просто не умеешь ненавидеть.

Я вздохнула.

— Прости, но ты не мог бы просто посидеть молча? Пожалуйста.

— Хорошо, — внезапно легко согласился Мирон. — Но только при одном условии.

— Какое? — устало спросила я.

Он не ответил. Я взглянула на него и удивилась. На несколько мгновений из взгляда Мирона исчезла его привычная спесь, нахальство и самоуверенность. Он вдруг стал робким,

несмелым. Но всё же с чувством произнес:

— Прости меня.

Я вздохнула. Молча занялась его раной.

— Ника... — проговорил Мирон и голос его дрогнул. — Прости...

— Я уже давно тебя простила, — ответила я, закончив с раной и отвернувшись, чтобы сменить ватный тампон. — Думаешь, я все это время думала о тебе и злилась на тебя? Может, и стоило, но... ни времени, ни сил не было, если честно.

— Значит... — начал Мирон.

— Это ничего не значит, Мирон, — покачала я головой и опять занялась его ранами.

— Значит, у меня нет шансов? — спросил он.

— Есть, но не со мной, — упрямо и грустно ответила я.

Зачем он завёл этот разговор? Зачем я ему?.. С его-то внешностью и талантами может себе любую заполучить! Ну что он ко мне прицепился!

— Я не хочу с другими, — протестующе ответил Мирон. — Я хочу с тобой...

— Мирон... пожалуйста... — я нервно сглотнула. — Не усложняй всё... Не надо. Пожалуйста, давай сменим тему. Я... я не хочу с тобой об этом разговаривать.

Но Мирон не мог уговориться.

— Только об этом? Или, в принципе, не хочешь со мной говорить?

Он боялся услышать мой ответ. Я слышала это по его голосу.

У меня не хватило сердца сказать ему что-то резкое, неприятное. Что-то, что могло ранить его. Я осторожно перевязала ему рану на брови, намотав повязку из бинта. С губой вроде было проще. Рана неглубокая, только крови много. Это из-за большого количества кровеносных сосудов на лице.

— Если найдем общие темы... то можем и поговорить, — усмехнулась я.

Ну что со мной не так? Ведь он правда сделал мне больно. Сначала подарил сказку, а потом, не успела я ею насладиться, с размаху разбил об пол. И все оказалось фальшью. Все его улыбки, все его комплименты и ухаживания. Так почему я не могу злиться на него? Почему я не чувствую к нему ни злости, ни гнева, ни даже горечи бессильной ненависти? Ну почему?.. Что со мной?..

С ударом сердца я почувствовала толчок в спину. Вспышка света затмила взор, все поглотила туманно-молочная пелена. Я втянула в себя влажный, свежий ветер с привкусом чего-то сладкого и соленого одновременно.

— Ну, долго ещё? — пропищал детский голос. — Долго? Миро-он...

— Потерпи, я почти закончил, — раздался голос Мирона.

Только он был другой, ломающийся с проскальзывающим фальцетом.

Когда пелена вокруг истлела и растаяла, я увидела Мирона. В зеленой майке с гербом баскетбольного клуба и номером восемьдесят три, в шортах и потертых кроссовках он сидел на ступеньках дачного дома. Вокруг него приплясывал от нетерпения маленький мальчик лет восьми. Он был в белой панамке, голубой футболке с черепашками-ниндзя и джинсовых шортиках.

— Ну Миро-он... — канючил мальчик. — Там пацаны... они сейчас уедут без меня.

— Ниче, братишка, — усмехнулся Мирон. — Ща я твой велик дочиню и ты их враз догонишь. Не парься.

Он погладил мальчишку по голове. Я не сдержала умильной улыбки. Мирон явно искренне любит своего младшего братика.

Но как большинство парней и взрослых мужчин, пытается скрыть истинные чувства за напускной, дружеской суровостью. И от этого его отношение к брату выглядит ещё более теплым и искренним.

— Ну вот, — Мирон встал.

Он оказался куда ниже ростом, чем сейчас.

— Готово! — Мирон легонько попинал ногой переднее колесо велосипеда.

— Ура! — завопил счастливый маленький мальчик. — Спасибо! Спасибо, Мирон!

Он тут же вскочил в седло, перекинул ногу и схватился за руль.

— Всё, я погнал! — звонко выкрикнул мальчишка.

— Подожди, гонщик, блин, — засмеялся Мирон и, взяв со скамейки рядом маленький камуфляжного цвета рюкзачок, надел на спину братику. — Тут у тебя вода, телефон, пластырь и...

— Я знаю, знаю! — воскликнул мальчишка. — Ну, можно я уже поеду!

— Давай, Антоха, — Мирон легонько шлепнул братца по плечу. — Только смотри, дальше озера не езд! Понял?! Антоха!

— Да понял, понял!.. — крикнул уже издалека младший брат Мирона и, не оглядываясь, взмахнул рукой.

Мирон несколько минут постоял, глядя вслед укатившему братишке. Затем одобрительно усмехнулся, качнул головой и направился в дом.

Воспоминание резко сменилось. Вечер, сумерки. Предзакатное солнце медленно клонится к горизонту.

— Да не знаю я, как... — лениво отвечал что-то Мирон группке мальчишек вокруг него. — Там все легко на самом деле.

Тут они услышали бег, удары ног по земле и через мгновение на заборе дачного дома Мирона повисла запыхавшаяся девочка лет десяти.

— Мирон! — выдохнула она встревоженно.

— Сашка? — удивился Мирон. — Ты чего такая...

— Мирон, там твой брат! — воскликнула Сашка.

Мирон только сейчас увидел, что она зареванная, с покрасневшим лицом и растрепанными волосами.

— Мирон там Антон! Его... его...

— Что с ним?! — заорал Мирон и, выбежав через калитку, вцепился в плечи девочки. — Где Антон? Говори, дура! Где он?! Что с ним?!!

Сашка сквозь слезы прорыдала.

— Его маши-ина сби-и-ила... Там... Там возле м-магазина... н-на углу...

Мирон оттолкнул её и бросился вперёд.

Снова резко сменилось воспоминание. Толпа людей. Плачут женщины и с горьким видом качают головами мужчины. Двое санитаров несут к машине скорой помощи носилки. Под пленкой угадываются очертания маленького тела.

Я ахнула, в ужасе глядя на это. С моих губ сорвался судорожный вздох. Я покачнулась и отступила назад.

— Антон! — истерично кричал Мирон. — Анто-он! Он врезался в толпу, яростно растолкал людей и выбежал к месту аварии.

— Эй, парень ты куда?! — его остановил полицейский. — Сюда нельзя! Здесь ДТП! Кто-нибудь заберите пацана!..

— Да отвали ты!.. — Мирон вырвался у полицейского и подбежал месту трагедии. Он застыл в растерянности, открыв рот и глядя на лежащий на боку велосипед его брата. У велосипеда было отломано переднее колесо и погнута рама. Самого Антона нигде не было. Мирон увидел стоящую рядом машину. Чёрный внедорожник Шевроле. Но затем его взгляд упал на носилки в руках санитаров скорой помощи.

— Парень, стой! — к нему бежали два полицейских.

Но Мирон увернулся от них, подбежал к носилкам и отбросил пеленку в сторону.

Я закрыла рот руками. Боже! Я увидела все эмоции отразившиеся на лице Мирона. Его мир рухнул! Лопнул, развалился, осыпался сторающим пеплом и серой пылью! Его жизнь, все его существование враз было залито шокирующим ужасом и страшным осознанием случившегося.

Перед ним на носилках с раскроенной головой лежал Антон.

Неподвижно, тихо, закрыв глаза.

— Антон... — Мирон протянул было руку к лицу братика, но тут его схватили полицейские и отволокли в сторону.

Он сопротивлялся, дрался, пинал их ногами. Но вдруг перестал.

Он увидел людей, выбравшихся из черного Шевроле. Тучного молодого мужчину в светлой рубашке и девушку лет двадцати.

Мне хватило одного взгляда на девушку, чтобы увидеть их с Миром сходство. Те же волосы, похожие черты лица, губы, нос, брови и глаза. Пронзительные серо-зеленые глаза, как Мирона.

Я увидела, как ужас в душе Мирона исказил, изуродовал его лицо.

Он каким-то чудом снова вырвался из рук полицейских и бросился вперед к водителю шевроле.

— Мирон, стой! — крикнула девушка слишком похожая на Мирона, чтобы быть случайно прохожей.

Сестра. Конечно же сестра. Сестра, которая ехала в одной машине с водителем шевроле. С убийцей брата Мирона. С убийцей Антона.

Этого он не забудет никогда. Уже никогда. Он бросился на него в драку. Он бил его со свирепой беспощадностью. Молча, яростно, зло. Всем, чем мог и куда доставал.

Его сестра, рыдая, просила его перестать. К ним бежали люди. Водитель шевроле не отвечал Мирону. Только закрывался руками.

Мирона насилу оттащили трое взрослых мужчин.

Вспышка света сменила воспоминание.

Со стуком распахнулись двери церкви. Мирон, уже повзрослевший, в расстегнутом праздничном смокинге сбежал по ступеням храма.

Из распахнутых дверей донеслись звуки молитвы венчания.

Ветер взъерошил каштановые волосы Мирона, причесал их, сделав густой вихор спереди. Из церкви за Миром выбежала девушка. Придерживая полы свадебного платья, она с трудом поспешила за братом.

— Мирон, стой! — взмолилась она со слезами. — Пожалуйста! Пожалуйста, вернись!

Мирон вдруг и правда остановился. Обжег сестру гневным, полным ядовитого презрения взглядом и проговорил с омерзением.

— Он убил Антона. Антона!.. Моего и твоего брата! Нашего общего, младшего брата!.. Как ты...

Он скривился, покачал головой, не находя слов.

— Как ты могла!.. За него!.. За него, Надя! За этого вонючего, ср**ого ублюдка! Как ты могла за него выйти?! Как ты вообще согласилась?!

— Хватит, Мирон! — закричала в ответ Надежда. — Хватит! Он не виноват! Всё получилось случайно!..

— Случайно?! — заорал на нее Мирон.

— Да, случайно! — рявкнул Надя. — Антон сам выскочил под колеса!

Мирон замер, прирос к земле, а потом тяжело сглотнул и проговорил холодным, полным ледяной ярости ненавидящим голосом.

— Шлюха!.. Какая же ты шлюха!.. Ради бабла даже с убийцей собственного брата готова ***хаться... Что он тебе там пообещал? Машинку новую? Квартирку? Ты за это готова перед этим выблядкой ноги раздвигать?!

Тут Надя быстро ринулась вперед и отвесила Мирону звонкую пощечину. Голова Мирона дернулась набок, но он и бровью не повел. Только скривился презрительно и направился прочь.

— Убирайся! — в истерике, со слезами прокричала Надя. — Убирайся! Я не хочу тебя видеть!..

Она отвернулась и зарыдала, спрятав лицо в ладонях.

Из церкви к ней уже двигалась целая процессия обеспокоенных людей. И первым бежал тот самый водитель злополучного Шевроле.

Только сейчас он был в синем праздничном костюме с бутоньеркой.

А Мирон скорым шагом, ссутулившись, спрятав руки в карманах, шел прочь по мокрым, осенним улицам.

Ветер все так же ерошил его каштановые волосы.

— Ника! Ника! Да ты чего!.. Я вернулась в реальность. Мирон с откровенно испуганным видом тряс меня за плечи. Вид у него был ошалевший, глаза таращились на меня, на лице отражалась тревога и непонимание происходящего.

Похожее было и тогда... В тот самый страшный для Мирона день.

— Всё в порядке, — проговорила я и услышала, как голос выдает меня, усталый, дрожащий, чуть осипший голос. — Всё хорошо.

Я через силу, тяжело сглотнула и повернулась к коробке с лекарствами.

Увиденное воспоминание Мирона многое расставило на свои места. Во всяком случае для меня. По крайней мере, мне ясна ненависть и презрение Мирона, о которых тогда говорила Дана.

Как он мог не разочароваться в женском роду, когда его родная сестра вышла замуж за... за того человека.

Я не знаю всей правды. Возможно, она его любила. Возможно, он и правда не виноват. Я это допускаю. Но я была уверена, что за человека, пусть и нечаянно, причинившего такое горе моей семье, я бы никогда не вышла.

Не то, чтобы я понимаю теперь Мирона... Поступок сестры совсем не повод экстраполировать свое презрение на всех девушек! Я видела многих очень честных, правильных и воспитанных девушек. В том же фигурном катании и среди других спортсменов.

В школе, даже у нас в классе. Да и вообще... Можно подумать, среди парней нет всяких козлов и подонков!

Я вздохнула. Парни, конечно сильные и храбрые. Но почему-то мне кажется, что прощать лично мы умеем гораздо лучше, чем они.

Я внезапно поймала себя на том, что слишком пристально смотрю в глаза Мирона. Он отвечал тем же. На лице его застыло выражение настороженного беспокойства.

Тут я спохватилась, и чувствуя сковывающую меня, мучительную неловкость, опустила взгляд. С дрожью в голосе я вздохнула. Быстро нервно сглотнула. Кровь сильнее застучала в висках. Остатки воспоминания Мирона ещё не выветрились и стояли перед глазами.

Внезапно я почувствовала, как Мирон взял меня за руку. Я замерла. И вместе со мной, сжавшись, замерло и сердце. А потом вдруг с истеричной настойчивостью забилося в грудь, с явным намерением вышибить грудную клетку.

— Ника, — произнес Мирон осторожно.

— Что? — едва слышно ответила я.

— Ты... в порядке? — осторожно спросил Мирон и попытался заглянуть мне в глаза.

Я отвернулась. Смотреть на него я не могла. Мое лицо горело. Пульс и сердце сходили с ума. Всю меня изнутри словно скручивало, сжимало и растягивало. Навязчивая нервная лихорадка неумолимо овладевала мной. Мои мысли в панике беспорядочно металась в голове и походили на бестолковую толпу каких-то невероятно тупых писклявых фей, которые от растерянности носились из стороны в сторону, сталкивались друг с другом и врезались в стенки черепа.

И именно поэтому несколько секунд я совершенно не знала, что делать и, что говорить, и, вообще, как себя вести. Но в конце концов мне удалось вернуть своим «феечкам» образ мало-мальски здравых мыслей.

Я стеснительно высвободила свою руку из ладони Мирона и, не глядя на него, посмотрела на лекарства и бинты, лежащие рядом.

— Все хорошо.

Я слышала, как неправдоподобно звучит мой голос. Но ничего не могла с этим поделать. Я понимала замешательство и недоумение Мирона. Я только что при нем погрузилась в его воспоминание.

И могу только догадываться, что увидел он в свою очередь... Я ведь совершенно не знаю, как веду себя во время видений! Делаю ли я что-то из ряда вон выходящее? Может быть, я кричу, как ненормальная?! Может быть, дергаюсь и мечусь, как в бреду?!

Может, разговариваю сама с собой и несую всякую безумную чушь?!

А может, напротив, не подаю никаких признаков жизни, что, возможно, выглядит ещё страшнее... Ай, не знаю... Не знаю!

Я боялась представлять, насколько неадекватным могло быть мое поведение во время приступов видений. Я вспомнила людей, которым «посчастливилось» застать меня в таком состоянии. И судя по выражению их лиц, мои опасения полностью оправданы. Страшно даже подумать, что пришлось увидеть Мирону. Судя по тому, что он до сих пор не пришел в себя, увиденное его точно впечатлило и, наверняка, вообще ошарашило.

Я не могла взять себя в руки. Не могла перестать думать об этом.

Навязчивые опасения и пугающие мысли водили шумный хоровод у меня в голове. Что он обо мне теперь подумает? Наверняка решит, что я какая-то буйная истеричка, и от меня лучше держаться подальше...

Стоп! Но не этого ли я хотела, после всего случившегося? Если так то, почему мне не должно быть все равно?.. А если я не уверена, что хотела избавиться от него? Может быть,

это желание было продиктовано исключительно обидой на Мирона за его подлый и грязный поступок! Но ведь... То, что он сделал... А может... А что если... Господи! Да хватит уже! Всё! Надо перестать думать об этом! Хотя бы сейчас... Мне нужно обработать его раны, смыть кровь и перевязать. Сейчас — это главное!

А между прочим, и на губе, и на брови Мирона раны были на удивление глубокими и кровавыми. Уж не знаю, чем его приложил Федя, но как бы у Мирона не осталось шрамов. Мне совсем не хотелось, чтобы на его красивом лице остались какие-нибудь уродливые рубцы.

Мысль о Феде тоже заставила меня тягостно, печально вздохнуть.

Как он там? Где он сейчас? А если он по дороге потерял сознание и обессиленный упал на асфальт? Если он сейчас где-то там лежит и стонет от боли. И ему некому помочь... Что, если он не может самостоятельно встать? Что будет, если он потеряет вообще сознание? А если... Почему он ушел?! Ну почему! Почему он такой упрямый! Зачем нужно было убежать?! Почему он меня не послушал...

Я всхлипнула. На глаза просились слезы. И от мыслей про Федю, и от страхов за то, что обо мне думает Мирон, и что... будет дальше...

Мне пришлось приложить титанические усилия, чтобы не разревелась от бессильных, истязающих меня переживаний.

Я замотала бинт на голове Мирона, осторожно коснулась кончиками пальцев мягкой поверхности бинта.

— Не давит? — заботливо спросила я.

Он чуть улыбнулся.

— Порядок.

Я только вздохнула, глядя на него. Порядок... как же. Голова и губа рассечены, разбиты, столько крови было на лице. Я бросила печальный взгляд на миску, в которой лежали смятые ватные диски. Я промывала ими раны Мирона и смывала кровь. Они были насквозь пропитаны его кровью.

— Ника, — вдруг как-то странно, нерешительно проговорил Мирон. Я услышала, что его голос изменился. В нем прозвучала печаль, стыд и удивительная для Мирона робость.

Я чуть отстранилась и неуверенно, опасливо взглянула на его лицо.

Он сидел на стуле и отстраненно смотрел вниз. Лицо было хмурым, мрачным и удрученным. Вдруг он поднял взгляд своих серо-зеленых глаз на меня. И я не смогла отвести свой взор.

— Прости меня... — снова попросил вдруг Мирон.

В его словах не прозвучало жалостливости или слезной мольбы.

Нет. Его слова и голос сквозили тоскливой горечью.

— Я знаю, что поступил, как урод и подонок. И что ты меньше всех заслуживаешь такого обращения. Прости. Пожалуйста.

Я несколько секунд взирала на него, глупо моргая и пребывая в обескураженном смятении. Меня поразило то, какое видимое усилие он сделал над собой, чтобы сказать эти слова.

И тем более это было удивительно для такого спесивого нахала и самоуверенного наглеца, каким являлся Мирон.

Я пребывала в смятении. Голос парня звучал с удивительной искренностью. Похоже, он действительно раскаивался... Ну или о-очень умело притворялся.

Я опустила взор. Какая-то стыдливая растерянность возобладала надо мной. Трудно объяснить, но мне вдруг стало как-то не по себе от того, что я заставила Мирона почувствовать себя виноватым.

Мне было неловко слышать его слова извинений. Нет, он, наверное, поступил правильно... В общем-то ему так и стоило поступить. Да и за то, что он сделал, ему бы вообще стоило попросить прощения сразу несколько раз, вот только... Я не знаю. Я оказалась не готова услышать боль и печаль в его словах. Настоящие. Честные. Рвущие душу. Его и теперь мою.

— Мирон... — я не смотрела на него. — Послушай... Я... Я не сержусь за то, что ты сделал. И... Да, мне было очень обидно, когда я узнала, но...

«Обидно» — это, конечно, совсем не тот сонм горьких, тяжелых и мучительных чувств, которые я испытала, узнав правду. Но расписывать Мирону во всех красках, что я чувствовала, я точно сейчас не собиралась. И вдруг поняла, почему. Почему мне так неловко слышать его слова о прощении, и почему я сама испытываю чувство вины. Сожаление и сочувствие. Вот что я сейчас чувствовала к Мирону. Узнав правду о его прошлом, я уже не могла на него как-то обижаться или злиться. Мне было его просто жаль. Он потерял одного близкого человека и пережил предательство другого. Ну как я могу ещё винить его в чем-то или обижаться? Да ещё учитывая, что ему так досталось от Феде. Сидит теперь бедный с разбитой бровью и губой и ещё просит у меня прощения. Ну правда. Как я могу испытывать к нему какую-то злость, обиду и прочие негативные чувства.

— Давай всё-таки не будем об этом сейчас, — наконец, предложила я и, посмотрев на него, ласково улыбнулась. — Хорошо?

— Так... значит... — Мирон силился понять, что значит мой ответ. — Ты меня простила?

— Да, — вздохнув, устало усмехнулась я. — Да, простила. Давно уже.

Это было правдой. Ну а что он думал? Я тут днями и ночами буду горевать, плакать и злиться из-за того, что случилось? Из-за того, что он сделал? Буду реветь и убиваться из-за его обмана? Буду ненавидеть?..

Да, я плакала... потом. Когда была одна. И плакала долго. Мне было чертовски плохо. Никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось общаться. Возможно, тогда я и злилась на него. Возможно... Но, успокоившись, решила для себя отстраниться от Мирона, от мыслей о нем, и от его мерзкого поступка. До конца все равно не получилось, но зато я, правда, сумела простить. Я просто приняла произошедшее, как данность. Как свершившийся факт. Это не исправить. Мирон подлец и мерзавец (как я тогда думала).

Сколько мне нужно ради него слезы лить?

Да и злиться тоже не резон. Что мне стоило люто ненавидеть его? Желать ему каких-то гадостей? Seriously?!.. О-ой... Тошно даже от мысли о таком. Что мне это всё даст? Кроме испорченного злобой настроения и мрачных депрессивных чувств, ничего. А мне и без этого всего вышеперечисленного их хватает с избытком.

Так что да. Я простила. Ну или просто смирилась. Смирилась и пережила. По крайней мере, я очень хотела так думать. И вполне вероятно, если бы Мирон не заявился к нам с дядей Сигизмундом, через какое-то время, я бы может вообще перестала думать о нём.

Наверное...

Но нет. Когда после долгих мысленных споров и терзаний я почти убедила себя, что встреча с Мироном была досадной нелепостью, он вдруг взял и вновь материализовался в

непосредственной близости от меня. Здравствуйте! И если до теперешнего момента я держалась с ним холодно и враждебно, не скрывая своего презрительного отношения к нему, то сейчас я сама не знаю, как к нему вообще теперь, чёрт возьми, относиться? Жалеть? Сочувствовать? Проявить сострадание?.. Да, мне его жаль. Правда, очень и очень жаль. И я, действительно, искренне сочувствую ему из-за того, что ему пришлось пережить. Никому такого не пожелаешь!

Но... Забыть то, что он совершил, я всё равно не смогу. Простить, да. А забыть... В моей памяти, к несчастью, нет такой кнопки, вроде DELETE на компьютере. Вместо неё, только время, которое, кстати, не гарантирует нужный результат. А жаль. В некоторых случаях кнопочка для удаления очень бы пригодилась. Нажал, и больше не испытываешь стыда, обиды и горечи от случившихся в жизни гадких и мерзких событий. Господи. Как было бы проще жить...

— А у нас... — осторожно проговорил Мирон, нарушив мои размышления. — У меня есть... есть шанс?

Опять он за своё! Простить его просит, про шанс заговорил. Что я должна сказать? Я же не робот, стереть все случившееся, забыть и снова любить его... Что?!! Снова?!! Снова?.. Да нет, глупости это всё.

Я искоса взглянула на него.

— Шанс? — грустно хмыкнув, переспросила я. — На что?

— На то, чтобы быть с тобой, — ответил Мирон таким голосом, словно это было очевидно.

Быть со мной значит? Интересно, как он себе это представляет?

— Мирон, — попросила я. — Пожалуйста.... Я... я не хочу об этом говорить.

Я услышала слезную мольбу в своем голосе и отвернулась, тяжело вздохнула. Как он не понимает? Сейчас совсем не время для этого!

Мне, наверное, стоило ответить ему жестче и категоричнее. Я не должна быть с ним такой мягкой. Он ведь меня тогда не пожалел, когда... поспорил на меня, как будто я ему вещь какая-то!

Не подумал, каково мне будет, что я буду чувствовать. Ему было плевать.

И вот это всё я нескоро забуду. Если вообще забуду. Хотя... я постараюсь.

— Ладно, — Мирон покачал головой, опустил взгляд и криво, безрадостно усмехнулся. — Я, наверное, пойду.

Он встал из-за стола и направился к выходу из кухни.

Я недоуменно уставилась на него.

— Куда ты?! Т-ты что! — я убрала коробки с лекарствами на место и с беспокойством подошла к Мирону. — Тебе нельзя сейчас ходить и вообще как-то двигаться! У тебя глубокие раны на лице! Я еле остановила тебе кровь! Нужно чтобы произошла коагуляция и рассечения хоть немного должны затянуться! А если ты сейчас начнешь ходить и вообще просто двигаться... Кровотечение снова откроется...

Я быстро, встревоженно тараторила все это. Я очень хотела донести до него, что ему сейчас нужно сохранять покой! А он выслушал меня с непроницаемым, равнодушным лицом. Я не могла позволить, чтобы он ушел, как Федя. Переживать за них обоих... Меня на это просто не хватит. Я не вынесу. Хотя бы насчет Мирона я должна быть уверена, что с ним все хорошо.

— Пожалуйста, — попросила я кротко, боязливо. — Останься... тебе, вообще, хорошо

бы прилечь. Можешь вон там, на диване.

Я указала на стоявший в дальнем конце кухни диван, обитый старой потертой зеленой замшей.

Мирон молчал.

— Хочешь, — вдруг жалобно сказала я, — чаю тебе сделаю?

И тут брови Мирона вопросительно выгнулись вверх. А я, осознав, что ляпнула, замерла с приоткрытым ртом, таращась на Мирона. На губах Мирона начала расползаться довольная, если не сказать счастливая и победная улыбка. Я закрыла глаза. Тяжело, протяжно вздохнула. Кипящее негодование поднималось изнутри меня.

Дура! Какой к черту чай! Ты бы ему еще бутербродики предложила сделать! Ты что, забыла с кем имеешь дело?! Забыла, что он сделал?

Простила она!.. Ну простила конечно! Но... Это же не значит, что теперь нужно перед ним вот так вот... Прямо вся... И потом, простить не означает поменять отношение! И трагедия в его прошлом не оправдывает его скотского поведения со мной, с Даной и другими девушками! Объясняет, но не оправдывает!

А я тоже... Разжалобилась, блин! Вон стоит уже улыбается!.. Почувствовал свое превосходство! Наглый, самоуверенный, задиристый... индюк! Поулыбаешься у меня, подумала я, недовольно глядя на него, если я дяде Сигизмунду все расскажу...

— Ладно, — Мирон непринужденно улыбнулся и вольготной, хорошо знакомой мне походкой направился к дивану. — Так и быть... полежу.

Он сел на зеленый диван и без капельки стеснения развалился на нем вытянув ноги.

— Чай можешь не делать! — объявил он, закрывая глаза, и ухмыльнулся. — Я так полежу.

Я несколько мгновений холодно и осуждающе глядела на него.

Удивительно, ещё пару секунд назад я отчаянно жалела его и полностью сочувствовала его давней трагедии. Ещё немного, я бы его обняла и к сердцу прижала, утешающе глядя по голове.

Сейчас я была готова сделать чай, чтобы потом вылить ему на голову. Ну что за человек такой!.. Только поверила, что он, правда, может быть, не такой противный, как он вмиг переменялся и снова стал прежним.

Даже интересно, какой из двух Миронов настоящий? Сожалеющий, честный и опечаленный, или вот этот эгоистичный, расчетливый и самодовольный. Первого мне хочется жалеть и утешать, а второго... сама не знаю. То ли огреть чем-то тяжелым и прогнать, то ли... Чтобы он взял за руку и уже тогда больше не отпускал. Никогда. Ай! Ну его этого Мирона! Пусть лежит!

Я вышла из кухни и, закрыв за собой дверь, направилась вниз.

Нужно было проверить оборудование в мастерской, автомобиля, стоящие в гараже, и прибраться, если кто-то из сотрудников забыл это сделать.

Спускаясь вниз, я мысленно ругала себя и сердилась от того, что не могла понять, что я чувствую к Мирону. Как отношусь к нему?

Пожалуй, в моей жизни не было ещё такого человека, который вызывал бы у меня столь сильные и противоположные чувства.

Он одновременно меня бесит, и в тоже время меня к нему тянет.

Да, тянет... Прямо влечет. Это нужно признать, я не могу не замечать этого! Но это же неправильно!.. Он же редкий засранец! Подлец!.. Подлец и сволочь! Так какого чёрта, а?..

Раздираемая противоположными мыслями и эмоциями я остановилась на лестнице. Глубоко и судорожно, с дрожью вздохнула. По телу пробежала нервная дрожь, у меня вздрогнули плечи.

Мучительное состояние дикой неопределенности невероятно изматывало и терзало меня! Я не могла понять сама себя. Что со мной не так? Чего, елки-палки, я реально-то хочу?! А?!

Перед глазами промелькнула сцена из воспоминания Мирона, затем его лицо, залитое кровью с левой стороны. А затем я вспомнила свой конфуз с предложением сделать чай.

Ну, что?... Ну что это было за лебезящее, заискивающее такое предложение? Зачем я это сказала? Теперь он будет думать, что он мне дорог, что я хочу, чтобы он был рядом, что... готова его обслуживать и ухаживать за ним, лишь бы только он не уходил.

Господи, какой позор!.. Так стелиться перед человеком, который собирался самым жестоким и серьезным образом тебя опорочить и унижить. Теперь ты сама готова унижаться, чуть ли не со слезами упрашивая его остаться и ещё предлагая ему чай.

Я представила, как выглядела со стороны со своей жалкой попыткой остановить Мирона. Глаза запекло, под веками начало пощипывать, я почувствовала собирающиеся в уголках глаз бессильные слёзы. Что ж я за дура то такая?! Что ж я никак не могу справиться со своими эмоциями, переживаниями и чувствами.

Почему этот гадёныш так прочно засел в моем сознании, что я не могу перестать думать о нем, о его отношении ко мне, о нас...

Тьфу! Какие ещё «о нас»?! Не может быть никаких нас после всего, что он сделал! Ну не может... Не может же... Наверное...

Я вздохнула и опустилась на ступеньку, села, наклонилась вперёд, спрятала лицо в ладонях. Голова шла кругом, перед глазами возникало лицо Мирона, глазные яблоки болезненно пульсировали под ладонями. Мысли в голове напоминали две неистово орущие друг на друга толпы, с противоположным мнением. Такое впечатление, что у меня в сознании устроили одновременно два политических митинга. И каждая из сторон пытается перекричать другую, скандируя свои утверждения:

«Мирон пытается тебя обмануть! Специально давит на жалость! Хочет, чтобы ты снова ему доверилась»

«Да нет, он действительно очень расстроен своим проступком и искренне раскаивается!»

«Ха! Раскаивается! Как же!.. Он опять тебя обманет! Вот увидишь!.. Может, это все вообще его хитрый план мести! Ты ведь его тогда здорово унизила! Да ещё в присутствии Даны...»

«Но ведь на самом деле он, возможно, не такой плохой, каким кажется! У него погиб младший братик, а его сестра замужем за тем, кто виновен в его гибели...»

«Да какая разница! Мирон — сволочь, скотина и подонок! И если ты опять ему поверишь, он опять харкнет тебе в душу! Хочешь этого?!» «Да он всего лишь человек, у которого незаживающая рана на сердце!..»

«И что теперь?! Все вокруг виновны?! Все девушки теперь должны отвечать за проступок его старшей сестры? Да и потом, возможно, её муж и правда не виноват. Такое тоже бывает... Дети иногда выбегают на дорогу...»

«Да, но, черт возьми, как можно жить с человеком, убившим твоего младшего брата?! Как можно целовать и любить его? Пусть хоть триста раз не виноват!»

Терзаясь сомнениями и удручающими размышлениями, я спустилась вниз в мастерскую. В опустевшем гараже стояло несколько автомобилей. Я провела короткую инспекцию рабочего инвентаря. Убрала несколько брошенных не на месте инструментов.

Проверила, выключено ли оборудования.

Остановившись возле синего Aston Martin, я раздраженно цокнула языком. Автомобиль стоял с открытой пастью капота, являя миру беззащитное устройство двигателя. Интересненько, кто это у нас такой безрассудный готовый, в случае чего расстаться с несколькими миллионами.

Я, конечно, понимаю, что английские концерны уже давно не делают хороших автомобилей, но хозяин этого британского корыта так не думает. И случись что с двигателем, кое-кому придется продать и квартиру, и дачу, и обе почки. И то не хватит.

— Совсем какой-то безмозглый, — проворчала я, осторожно закрывая капот элитного седана. — Надо будет посмотреть на видеозаписи, кто это у нас такой беззаботный.

Я прошла дальше, протерла забрызганный влагой капот красной Ауди ТТ.

— Ты смотри, какая она у нас хозяйственная. — глумливо протянул кто-то.

Я резко, порывисто обернулась. По коже рук, лица и спины растеклось холодящее чувство страха. Сердце скакало в груди. С ритмом пульса возрастала тревога. Я увидела, как из тени, в дальнем углу мастерской выходят две рослые фигуры. От взгляда на их лица у меня перехватило дыхание. Я их узнала.

Это были те двое автослесарей, которых я тогда уволила.

Ерохин и Пахоменко.

— Ну, здравствуй, — громко и зло прошипел Пахоменко. — Скучала, мелкая дрянь?

— Чего вылупилась с**ка? — прорычал Ерохин. — Что не ожидала?! Да?!

Они неторопливо, подступали ко мне. Пахоменко кривил губы в ехидной, злорадной усмешке. Ерохин глядел на меня тяжелым, угрюмым взглядом. Они приближались.

Я в испуге и растерянности по очереди глядела на них, чувство опасности тяжелой, вязкой массой наваливалось на меня.

Ликующий страх хлынул в кровь, жгущий холод растекся по венам.

Я бросила беспомощный взгляд в сторону собак. Леопольд и Каролина были слишком далеко. К тому же на цепи. Почему они пустили Пахоменко и Ерохина? Наверное, ещё не отвыкли от их запахов.

— Как все удачно совпало то, а? — посмеиваясь с издевкой проговорил Пахоменко. — Ваши работники все свалили, смотреть это с**ный бой... А твой дядюшка небось опять где-то бухает. Верно? И теперь ты здесь одна...

Он прожигал меня ненавистным взглядом.

— Знаешь, — продолжал Пахоменко, глядя на меня, — мне в жизни многое пришлось пережить и стерпеть. Но никогда ещё...

Его лицо вдруг скривилось в злобной гримасе.

— Ещё никогда меня не смела унижать какая-то сопливая малявка, с хозяйскими замашками. Похоже, твой дядюшка не научил тебя уважительному отношению к мужчинам!

— Надо бы это исправить, а, — зло проворчал Ерохин.

Я не знала, что им ответить. Я вообще боялась что-то сказать.

Овладевшая мной паника вселяла безвольную дрожь и слабость в тело. Меня захлестывал ужас от осознания собственной беззащитности. Я должна была кричать, но не могла. Да и кому? Мирону? Что он им сделает! Они вон два здоровых шкафа... И куда

сильнее, чем Федя.

На дрожащих, слабеющих ногах я робко отступила назад.

— Что смотришь, овца драная! — рявкнул вдруг Пахоменко.

Я вздрогнула всем телом. Боязливо сжалась, попятилась назад.

— Извинятся будешь?! — басом рыкнул Ерохин.

Я плаксиво скривилась, всхлипнула.

— Ну! — прорычал Пахоменко.

— Изв-вините... — заикаясь, дрожащим голосом тонко пролепетала я. — п-пожалуйста...

— «П-п-пожалуйста», — с насмешкой передразнил меня Пахоменко. — Что, коза белобрысая, уже не такая смелая?! А?! Смотри-ка, как ты трясешься... Понимаешь, что никто тебе сейчас не поможет, да?!

— Только ты неправильно просишь прощения, — мрачно заметил Ерохин. — Перед взрослыми мужчинами надлежит по-другому извиняться!

— Действительно, — довольно хохотнул Пахоменко и посмотрел на своего приятеля. — Только я первый.

— Да без проблем, — ухмыльнулся Ерохин. — Я удовольствием погляжу... на процесс перевоспитания.

Я в страхе глядела на их лица. О чем они? Что... И тут до меня дошел смысл их слов. И я поняла, что они понимают под «перевоспитанием».

— Ну, что, — плотоядно и зловеще улыбаясь проговорил Пахоменко.

Он подошел ко мне так близко, что я ощущала исходящий от него кисло-соленый, тошнотворный запах пота. И злость. Мстительную, оскалившуюся злость.

— Иди сюда...

— Нет! — вскрикнула я отчаянно и замотала головой.

По моим щекам заструились слезы страха. Я не могла принять происходящее. Не могла с этим смириться. Не могла... Не хотела... Этого не может произойти... не должно... нет... нет...

— П-пожалуйста... — с отчаянной мольбой пролепетала я. — П-пожалуйста... н-не надо... н-не надо...

— Надо, дрянь, надо, — прошипел Пахоменко.

Я выставила вперед дрожащие ладони.

— П-пожалуйста... — закрываясь руками всхлипнула я.

— Заткнись, овца писклявая! — снова рявкнул на меня Пахоменко. Он хлестнул меня по рукам. Я вскрикнула. Он поймал меня за волосы, и рывком дернул к себе.

Я закричала от боли. Упала на колени, на четвереньки. Пахоменко потянул мои волосы вниз, стоя на четвереньках, я наклонила голову вниз. Саднящая боль жгла кожу головы под волосами. Я скривившись, плача, уперлась ладонями в холодный пол.

— Подержи её, — сказал Пахоменко.

— С радостью, — хмыкнул Ерохин.

Затем я услышала тихое позвякивание. Что это? Что они делают?

Затем я поняла, что это звенит пряжка ремня на мужских брюках.

Я дернулась было назад. Но Ерохин держал крепко.

— Тихо, тихо, кобылка, — посмеиваясь проговорил он.

— Не надо! Пожалуйста! Перестаньте! Не надо! Не надо! — с ужасом и слезами

закричала я. — Стойте... п-пожалуйста...

Я готова была предложить им все, что угодно, лишь бы только они оставили меня в покое.

— Я м-могу дать в-вам денег... — рыдая, с дрожью в голосе проговорила я. — Только не делайте этого... Не надо...

— Рот зарой! Свои деньги засунешь себе поглубже, — грубо ответил Пахоменко.

Я почувствовала, как его руки взялись за мои шорты.

Я изо всех попыталась лягнуть его левой ногой. Но он только посмеялся и тут же больно прижал мои ноги к полу.

— Слушай, кроха, не будешь дергаться все быстрее закончится, — проговорил над мной голос Пахоменко.

— И может, не так больно будет, — добавил удерживающий меня за волосы Ерохин.

Это не может быть! Не может... не должно... Я задыхалась от ужаса, хватала ртом воздух и не верила, что это происходит на самом деле.

Нет. Нет. Нет!!! Не со мной... Это не может происходить со мной... Так должно быть!.. Нет!.. Господи, нет!.. Пожалуйста...

Пахоменко начал расстегивать мои шорты.

Я кричала, из последних сил пытаюсь вырваться. Но куда там, когда тебя удерживают два здоровых мужика. Они только посмеялись.

— Ты смотри, какая буйная кобылка, — хохотнул Пахоменко.

Его сухая ладонь заскользила по моей правой ноге, вверх от колена и почти добралась до ягодицы. Меня передернуло от невыносимого отвращения! Я скривилась, до боли сжала зубы. Горячие слезы стекали по лицу, я чувствовала соленый вкус страха и обиды на своих губах. Я крепко зажмурилась. Я старалась не слушать голоса двух насильников. Единственное, чего я хотела, это оказаться далеко... Как можно дальше от них.

— Пожалуйста... — разомкнув зубы слабо прошептала я.

Я чувствовала, как Ерохин начал снимать с меня шорты.

Чувствовала, как одежда сползает с меня. Они обсуждали как именно будут делать это. Обсуждали, как будут насиловать меня. Я старалась не слушать их. Я хотела, чтобы они замолчали. И чтобы все это вдруг оказалось одним из многих моих видений.

— Пожалуйста... — как заклинание или мольбу, почти беззвучно прошептала я.

И видимо кто-то там наверху, над нами все-таки есть. Потому что я услышала шаги, а затем гневный голос:

— Ах вы пи***асы! Я же вам сейчас головы разобью! А ну отвалили от неё, мразота!

Мирон. Это был Мирон. Я вздрогнула, дернулась. Попробовала подняться, но меня все ещё крепко держали.

— Ты откуда взялся, пацан? — насмешливо бросил Ерохин.

— Слышь, малец, — хмыкнул Пахоменко. — Убери свою дубинку и проваливай. Тебе здесь нечего делать.

Вместо ответа я услышала быстрые удары ног по полу. Как будто кто-то бежал. Это Мирон! Мирон бежит сюда! Он выкрикнул грязное ругательство.

— Э да ты че!.. — воскликнул Ерохин и его голос дрогнул.

Затем я услышала мягкий, но сочный и звучный звук удар. Затем ещё один. Более гулкий. Ерохин вскрикнул. По моему лицу скользнуло дуновение воздуха. Рука Ерохина больше не удерживала мои волосы. А Пахоменко не придавливал меня к полу весом своего

тела.

Я несмело приподнялась и уставилась на разворачивавшуюся передо мной сцену. Двое мужчин пятились от Мирона. А тот, вооружившись моей битой яростно размахивал ею.

На моих глазах Мирон с силой врезал битой по колену Ерохина.

Тот выкрикнул ругательство. В следующий миг Мирон с яростью обрушил биту на спину мужчины.

Я вздрогнула и боязливо скривилась. Закрыла глаза. Удар был жестокий. Мощный. Свирепый. Наверняка, Ерохин получил серьезную травму. В подтверждение моих слов Ерохин закричал.

Я открыла глаза. Мужчина лежал на полу и кричал от боли.

А Мирон набросился с битой на Пахоменко. Тот, оскалившись, отбивался гаечным ключом. Я увидела, как он задел Мирона по плечу и достал до лица. Мирон пошатнулся, отступил. Пахоменко занес руку для удара.

— Су**ныш! — выругался он. — Да я же тебя размажу!!!

Мирон качнулся вперёд, увернулся от удара. Тяжелый ключ 50x55 с гулком рассек воздух. Мирон взмахнул битой и опустил её на правую руку Пахоменко.

Я услышала короткий, мерзкий хруст и крик Пахоменко.

Он кричал продолжительно, долго, не скрывая неистовой боли в голосе. А Мирон беспощадно ударил его по ногам. Пахоменко упал. Снова закричал. Мирон с гримасой злости на лице с силой замахнулся.

Я сидя на коленях, прижала руки ко рту, а вдруг закричала:

— Стой! Стой!.. Не надо!..

Мирон замер, удивленно уставился на меня. Я поднялась на дрожащих ногах. Поспешила натянуть шорты обратно. Меня сотрясал озноб, как от сильной температуры. Страх и ужас ворочались и извивались внутри. Из глаз текли слезы, и потому из-за мокрых ресниц у меня слегка туманился взор.

— Не надо, — попросила я Мирона. — Пожалуйста...

— Ника они же хотели!.. — со злостью и остервенением произнес Мирон.

— Я знаю, — я осторожно подошла к нему.

Ерохин и Пахоменко все еще корчились на полу от боли.

— Но они уже получили... Им хватит. Правда, Мирон. Пусть уходят...

Он, скривившись, ошарашенно смотрел на меня. Затем опустил биту. Я видела, как ему страшно хочется продолжить. Ему хочется избивать их дальше. Я видела, что он и убить их готов.

И это меня пугало.

— Слышали?! — прорычал он, стоя над Пахоменко и Ерохиным. — А ну уползли отсюда! Считаю до пяти и ментов вызову!

Считать пришлось бы дольше, если бы Мирон и вправду начал.

Потому как за пять секунд стонущие от боли и пошатывающиеся Пахоменко с Ерохиным уйти просто не смогли.

Мирон, положив биту на плечо, точно меч, некоторое время смотрел им в след.

— Зря мы их отпустили, — резюмировал парень, подходя ко мне.

Я подняла на него взор. Он стоял передо мной и тяжело, яростно дышал после драки. Ярость ещё не выветрилась из него. Раскаленное свирепостью дыхание срывалось с его губ. Грудь вздымалась при вздохе, правая рука сжимала рукоять биты так, что бледнели

косяшки пальцев. А вот взгляд был опечаленным и внимательным.

Я обратила внимание на битую в его руке. Это была бита из моей комнаты. И сейчас в ней, точно приоткрытая пасть, темнела глубокая трещина.

Мирон перехватил мой взгляд.

— Ой... Прости, — виновато произнес он. — Я видимо... увлекся... Тут он взглянул на меня и приблизился.

Я молча смотрела ему в глаза. Я сама не знала, чего жду.

А он похоже не знал, что сказать. Но все же проговорил с трудом:

— Как ты?

Я хотела что-то ответить, но вместо этого зажмурилась и тихо, горько разрыдалась. Мирон быстро метнулся ко мне. Нежно прижал к груди, обнял левой рукой и ласково, с любовью, провел правой ладонью по волосам.

— Всё хорошо, — утешающе прошептал он над моей головой. — Все хорошо... моя маленькая... Не плачь... Твои слёзы слишком дорого стоят для меня, моя... принцесса.

Он чуть усмехнулся и добавил серьезно, с решимостью в голосе:

— Я рядом. Я с тобой... И я на хрен покалечу любого, кто сделает тебе больно или заставит плакать!

Я уткнулась ему в грудь, продолжая тихо плакать. От пережитого кошмара. От счастья, что это закончилось. От осознания, что он рядом.

— Не уходи, — попросила я.

Мирон уже собравшийся выйти из моей комнаты, удивленно уставился на меня. Затем посмотрел в окно.

Там собирались сумерки, темнело небо и зажигались первые огни грядущей ночи.

— Но уже поздно... — проговорил Мирон неуверенно. — Это как-то...

Я отвернулась. Я сидела на своей кровати, поджав колени.

То, что я пережила внизу, то, что чуть было не случилось со мной, вызывало непосильный ужас, с которым я не могла справиться.

Паника, страх и ужас, они как чернокрылое воронье кружили в моем сознании, внушая самые мрачные и устрашающие мысли.

А ещё я чувствовала просто ошеломляющее истощение. Истощение и слабость. Как будто я всю ночь полы мыла в бесконечно длинных коридорах!

И на душе было так гадко, мерзко и отвратительно. То, что чуть было не произошло, то, что хотели сделать те два подонка, все это оставило где-то внутри меня жирное, грязное и зловонное пятно.

Пятно, которое я мысленно, старательно силилась замыть, стереть... срезать... вывести его во чтобы то ни стало! След мерзости, темной сущности человека. След изменной стороны человеческой личности. Отпечаток, который ещё очень долго будет болезненно тлеть в моей душе, отравляя мысли и воспоминания.

Мирон в нерешительности стоял у двери. Наконец, он вздохнул. Словно сдался. Я украдкой быстро взглянула на него.

Его улыбка была снисходительной, но доброй. Так улыбаются перепуганному ребенку. Впрочем, сейчас я примерно так себя и чувствовала. Я была тем самым перепуганным ребенком, которому как воздух нужна была поддержка взрослого. Пусть даже этот взрослый всего на пару лет старше меня. Мне была необходима его поддержка и защита.

А Мирон может защитить. И он это доказал на деле. И рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. И не хотела расставаться с этим чувством, после его ухода. Тем более, что нет никакой гарантии, что Пахоменко или Ерохин не вернуться с какой-нибудь группой поддержки. Что я тогда буду делать?! А они ведь могут... Злопамятные оказались, барсуки вонючие! И в добавок до ужаса мстительные!

Мирон опустился на кровать рядом со мной. Коснулся моей руки.

Я опустила взгляд на его ладонь. После драки с Ерохиным и Пахоменко у парня прибавилось новых ран. В частности, теперь его левая рука была тоже перебинтована. А на правой кисти появились два бактерицидных пластыря. На лице красовался кошмарный, темно-фиолетовый синяк. След удара здоровым гаечным ключом.

— Я останусь, — проговорил Мирон.

Я подняла на него несмелый взгляд. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Мирон мягко, нежно улыбался.

— Спасибо, — прошептала я и, поджав ноги, прислонилась к нему, прижалась, положила голову на плечо.

Господи, как мне это сейчас было необходимо. И я была просто безмерно благодарна Мирону за него и за его плечо, на которое так кстати можно положить голову и закрыть глаза. Мы просидели так несколько минут. В полной тишине. За окном темнел вечер. Город уже нарядился огнями.

— Так и будем сидеть? — нарушил тишину Мирон.

— А ты против? — чуть усмехнулась я.

— Нет, — я не видела, но слышала, что он улыбается.

Блаженно и счастливо.

— Нет, — повторил он и обнял меня, крепко, с чувством, прижал к себе. — Я готов так вечность сидеть с тобой.

— О, боже... — простонала я. — Какая банальность.

— О, да, — засмеялся он. — Но до сих пор чертовски актуальная. Как считаешь?

В ответ я лишь тонко, согласно пискнула и крепче прижалась к нему. Он засмеялся и коснулся губами моих волос.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 25 августа. Вечер.

Янтарная жидкость в бокале переливалась золотисто-охристыми оттенками. По бокалу растекались блики и расплзались отражения ближайших предметов.

— Знаете, сейчас не лучшее время для встреч с полицией. — проговорил мужчина с зачесанными назад темными, блестящими волосами.

— Полагаю, для этого не существует лучшего времени или удобных моментов, — усмехнулся Стас.

— Возможно, если бы вы имели привычку предупреждать о своих визитах... — начал было владелец дома.

— То нет никаких сомнений, что виновные в преступлениях высоко оценили бы вежливость полиции, — с неприятной улыбкой закончил Стас.

Владелец особняка в ответ лишь молча, недовольно насупил.

Он с сосредоточенным видом наполнил свой бокал и поставил ещё один перед Стасом. Корнилов молча накрыл бокал ладонью.

Хозяин особняка, в который с ночным визитом явился Стас, лишь пожал плечами и, взяв бокал с Hennessy, уселся в роскошное кресло.

Два футуристического вида стильных кресла и диван были обиты дорогой кожей и имели великолепные резные подлокотники в виде медвежьих морд. Стас таких никогда не видел и украдкой, пока владелец дома наливал напиток в свой бокал, рассматривал детальную, искусную резьбу.

— Ну, и? — отпив из бокала, вздохнул брюнет. — Что привело вас ко мне в половине первого ночи?

Он закинул ногу на ногу. Стас не сразу ответил, глядя на собеседника пристальным, прохладным взглядом.

Тот, помешкав, поставил обе ноги на пол, отпил из бокала и тут же внезапно сильно закашлялся.

Стас с равнодушным видом смотрел, как мужчина, давясь кашлем, с выступившими слезами наклонился вперед. Он силился вдохнуть воздух и не мог. Его лицо начало краснеть и приобрело чуть ли не свекольный оттенок.

Корнилов, раздраженно вздохнув, нехотя поднялся, подошел к задыхающемуся хозяину дома и неспешно, но сильно постучал его по спине.

Тот словно выплюнул что-то, склонил голову вниз, хрипло выдохнул. Затем резко вскинулся и втянул в себя воздух.

— Ну как? — спросил Стас. — Полегчало?

Хозяин дома, держась за горло несколько раз быстро кивнул.

Стас, поправив ворот своего пиджака, уселся обратно в свое кресло и произнес:

— Меня интересует Касьян Каменев.

Версальский Аполлон Юрьевич, а именно так звали владельца дома, поднял взгляд на Стаса. Все ещё держась за горло и болезненно морщась, он цокнул языком и спросил:

— И что я должен вам рассказать об этом гов**ке?

Корнилов отметил, что Версальский ничего не вложил в слово, которым назвал Каменева. Ни злости, ни раздражения. Лишь сухое пренебрежение. Любопытно.

— Например, где он сейчас может находиться, — лукаво усмехнувшись, ответил Корнилов.

— А я почему знаю? — хмыкнул Аполлон Юрьевич. — Что я слежу за ним?

— Вы, возможно, и нет, — рассудительно ответил Корнилов. — А вот кто-то из вашего круга очень даже может быть. И не просто следят, а вполне вероятно, и скорее всего так и есть, приложили руку к его исчезновению.

— О-о? — разыграл удивление Версальский. — Так он пропал? Какая досада...

— Бросьте кривляться, — поморщился Стас. — Вы то и дело глаза отводите и поправляете ворот своего халата, когда говорите о Каменеве. У меня дочка лучше врет, чем вы.

Версальский, уже поднеся бокал к губам и собравшись ещё раз отпить, замер. Недовольно поджал губы, сморщил нос, протестующе качнул головой.

— Слушайте, я только слышал разговоры... и слухи...

— Слухи — это как раз то, что мне и нужно, — улыбнулся Стас. — Я весь внимание.

Версальский вздохнул.

— Ну, после того, как вышла эта статья Каменева... Тут конечно многие порывались с ним покончить самым радикальным способом. Я понимаю, сейчас не девяностые, но и вы поймите... Такое нельзя прощать!

— Понять то, я могу, — Стас снова улыбнулся одной из своих ледяных, неприятных улыбок. — А вот оправдать в рамках уголовного кодекса нет.

Версальский снова недовольно поджал губы.

— Если бы вашу жену так же...

— Моя жена, — немедленно перебил его Стас, — не имеет склонности участвовать в развратных фотосессиях с обнаженной натурой. Так что беспокоится не о чем.

— Скучный вы человек, подполковник, — вздохнул Версальский. — Это было просто развлечение. Дурацкое, развязное и... пошное, но развлечение. И никто не имел права выставлять напоказ личную жизнь наших женщин.

— Тогда стоило лучше позаботиться о безопасности их личной жизни, — без всякого сожаления ответил Корнилов. — Кто именно из вашего круга порывался покончить с Каменевым?

Версальский нехотя, пересиливая себя, назвал несколько фамилий.

— Но только я вам ничего не говорил, — поставил условие Аполлон Юрьевич. — Понятно?

Стас поднял взгляд от своего блокнота, внимательно взглянул на владельца дома. Тот прокашлялся. Серебристо-стальной взгляд Корнилова вселял беспокойство и заставлял нервничать.

— Договорились? — дрогнувшим голосом спросил Версальский.

Корнилов неопределенно качнул головой и спросил:

— Кто-то непосредственно из этих людей, — Стас постучал пальцем по странице со списком имен, — говорил что-то более существенное, чем просто угрозы? Возможно, они что-то обсуждали? Возможно говорили о каких-то датах?

Стас понимал, что даже если Версальский что-то такое и слышал, он ему не скажет. Корнилову было важно не это, а попытается ли Версальский соврать. Если да, то Стас на верном пути.

Версальский ответил. И ответил, что, конечно же, ничего такого он не слышал. При этом он снова отвел взгляд, почесал за ухом и поправил пояс своего толстого халата. Стас лишь усмехнулся и попрощался.

Выходя из дома, он отправил сообщение двум оперативникам, что прослушивали и следили за домом Версальского. «Докладывать о всех звонках и передвижениях Аполлона Версальского. Особое внимание уделить мужьям, братьям и отцам женщин из статьи Касьяна Каменева». Через мгновение он получил короткий, как щелчок ответ: «Есть».

Стас уже хотел спрятать мобильник во внутренний карман пиджака, когда тот беспокойно зазвонил и завибрировал в руках. Корнилов бросил взгляд на дисплей. Ему звонил Арцеулов.

— Да, Сень? Что-то нашел?

Арцеулов по приказу Стаса уже вторые сутки просматривал видеофайлы, найденные в тайнике кабинета Германа Шамова в частной клинике.

— Стас... — голос Арцеулова прозвучал чересчур ровно, механически и сухо, — тебе нужно это увидеть.

Стас примчался в управление УГРО через сорок с лишним минут.

Если бы Сеня позвонил и, не стесняясь в выражениях, как обычно, эмоционально сообщил, что нашел что-то важное, Корнилов бы и вполтину так не торопился. Даже если бы Арцеулов сначала долго молчал и потом, с трудом выговаривая слова произнес, что обнаружил нечто, что требует внимания Стаса, Корнилов бы не гнал на запредельной скорости через весь город. Но Стас услышал обескураженный, пустой и обманчиво-равнодушный голос старшего лейтенанта. А значит Арцеулов нашел и увидел что-то, что его по-настоящему его напугало. Напугало и шокировало. Что-то, что потрясло его до самого дна души.

Когда Стас влетел в кабинет особой группы, здесь уже был и Коля.

Домбровский вместе с Арцеуловым глядели в монитор компьютера.

— Стас, — вздохнул Коля, — ручаюсь, ты такого... никогда не видел.

Домбровский с мрачным сожалением покачал головой.

Корнилов, не говоря ни слова, подошел к компьютеру Арцеулова.

Тот включил запись.

— Двадцать шестое сентября, две тысячи тринадцатого года, — объявил уже знакомый Стасу голос доктора Шамова.

Затем появилось изображение кабинета Германа Шамова. Того самого кабинета в частной клинике. Возле рабочего стола доктора на стуле сидел худощавый мужчина с взъерошенными светлыми волосами. У него был заостренный подбородок и очень живые глаза. Возле его ног Стас заметил красивого рыжего сеттера.

— Начнем, Павел? — предложил доктор Шамов любезным тоном.

Любезность и жизнерадостность в голосе доктора были обманчивыми и фильшивыми. Он оставался за кадром, слышны были только его слова.

— Да, давайте, — не слишком уверенно произнес Павел и поправил ворот своей серой кофты-худи. — Только я не понимаю, зачем вы попросили меня привести Микки?

Он погладил свою собаку. Сеттер поднял взгляд на своего хозяина, посмотрел в глаза. Павел с любящей теплотой улыбнулся, глядя на Микки.

— Вы его любите, — прокомментировал Шамов. — А он вас.

— Да-а... — довольно улыбнулся Павел. — Я его щенком взял. Вот таким вот...

Он показал доктору небольшое расстояние между ладонями.

— Как трогательно, — хмыкнул Герман. — Ну, что же давайте начнем...

— А Микки?

— Ваш Микки нам поможет, — по голосу было слышно, что Шамов улыбается.

Нарастающее тягостное предчувствие подсказывало Стасу, что вскоре он увидит нечто действительно шокирующее.

Доктор Шамов внезапно появился в кадре.

— Позвольте? — он взял у Павла поводок Микки и отвел собаку к другой части кабинета и там привязал к ручке кресла.

— А зачем это, доктор? — взволнованно потирая колени ладонями, спросил Павел.

— Вы сейчас все узнаете, Павел, — подмигнул ему доктор.

— Выродок, — буркнул сидящий перед монитором Арсений.

Стас ничего не сказал.

Шамов приблизился к Павлу и наклонился к нему. Его лицо оказалось в паре сантиметров от лица Павла. Мужчина на стуле чуть отстранился назад.

— Спокойно... — проговорил изменившимся голосом Шамов и поднес к лицу Павла свою ладонь. — Вы смотрите на меня... Мне в глаза... Теперь на мою руку... Хорошо... Вы наблюдаете?

Шамов медленно водил ладонью перед лицом замершего на стуле пациента.

— Вы следите за моей рукой? — проговорил Шамов сочным, приятным и пленительным голосом. — Следите?

— Да... — голос Павла начал слабеть. — Я слежу...

— Хорошо... — улыбнулся Герман. — Слушайте мой голос... Вы слышите его внутри себя? Слышите?

— Слышу... — взгляд Павла затуманился, стал как будто сонным и ленивым. Веки чуть опустились на глаза. Лицо стало равнодушным. Тело заметно обмякло.

— Слушайте... — проворковал Шамов и чуть посторонился. Стас напрягся. Пес на поводке, привязанный к креслу, жалобно заскулил. Он уже чувствовал неладное. И знал, что им с хозяином не стоило сегодня сюда приходить.

— От вас ведь ушла жена, Павел? Вы помните.

— Да, — губы Павла дрогнули.

— Она считала вас неудачником... глупцом... и слабаком.

— Я знаю... — процедил Павел.

Его начала колотить нервная дрожь. Он несколько раз сжал и разжал кулаки. Шамов ощерился. Глаза доктора сверкнули маниакальным торжеством.

— Вы хотите вернуть её? Хотите Павел?

— Хочу, — выдавил Павел.

— Больше жизни?

— Больше...

— И у вас всё получится.

— Получится... — эхом отозвался загипнотизированный пациент.

— Да-а... — протянул Герман, изучающе разглядывая его лицо.

Счастливая улыбка не сходила с лица Шамова.

— Да... Да, Павел, вы вернете её... Хотя, нет. Пойдите...

Шамов оглянулся назад. Микки возле кресла вновь заскулил, чуть повернул голову и вдруг гавкнул. Затем ещё раз. Герман посмотрел на Павла.

— Есть одно препятствие, Павел, — усмехнулся Шамов.

— Пре... Препятствие? — медленно и глупо повторил Павел. — Я н-не хочу... не хочу препятствий... Не хочу! Не хочу! Я... Я хочу вернуть Яну! Хочу, чтобы она вернулась! Чтобы снова была со мной! Я хочу!

Он оскалился и затрясся в бессильной злости.

— Я не хочу никаких препятствий! Не хочу! — рычал он, брызжа слюной, словно в нервном припадке.

— Отлично, — Шамов протянул руку и что-то взял со своего стола.

Затем наклонился к Павлу и проговорил громко, властно, убедительно.

— Единственное, что мешает Яне вернуться к вам... — Герман отошел в сторону и обернулся рычащего Микки, — это ваш пёс, Павел. Он виной всему...

— Мой пёс? — растерянно проговорил Павел. Стас увидел, что в правой руке Павла зажат длинный, массивный охотничий нож.

— Да, Павел, — кивнул Шамов. — Эта мерзкая, вонючая шавка всему виной... Этот пес

разрушил вашу жизнь...

— Мою жизнь? — Павел, жадно и часто дыша поднялся со стула. — Микки? Микки разрушил мою жизнь?

— Он и сейчас её рушит, — проговорил ему в лицо Шамов. — Смотрите, как он улыбается... Это не пес... Это чудовище! И оно радуется, когда вы терпите неудачи, оно смеет над вами...

— Смеется?! — со злобой на лице оскалился Павел. — Смеется?!

Он яростно зарычал и двинулся на пса. Сеттер лег, прижался к полу, завилял хвостом и грустно, испуганно заскулил.

— Ты больше не будешь мне гадить, мразь! — вскричал взбешенный Павел, подходя к собаке.

Пес смотрел на хозяина и не понимал, что происходит. Он не понимал, что он сделал не так. Не понимал, за что хозяин злится на него. За что...

— Устраните препятствие, Павел! — воскликнул Шамов. — Уничтожьте чудовище!

— Чудовище! — плюясь слюной, с безумным взглядом повторил Павел и набросился на своего пса.

Он взмахнул ножом и с силой ударил. Пес взвыл, заскулил.

Стас быстро нажал на «стоп», и отвел взгляд. Арцеулов глубоко и часто дышал, тоже глядя в сторону. Корнилов посмотрел на него, затем на Домбровского, стоящего у окна. Тот не оборачиваясь, сложа руки на груди, смотрел на улицу.

— Вы до конца посмотрели видео? — наконец спросил Стас.

Увиденное и вправду потрясло его. То, с какой жестокостью любящий хозяин Микки начал бить ножом своего питомца, вселяло ошеломляющий ужас.

— Да, — не оборачиваясь сухо и угрюмо ответил Домбровский. — Это Павел зарезал своего пса...

— Зарезал! — громко хмыкнул Сеня и покачал бородатой головой. — Да он его просто в...

Арцеулов взмахнул широкой ладонью.

— Просто в фарш... Любимого пса! В котором души не чаял!..

Стас вздохнул, похлопал Сеню по плечу. Бородач был известным любителем собак. Большею частью крепких, бойцовских собак, но и всех остальных тоже искренне любил.

Да и Домбровского, который домашних животных не слишком жаловал, увиденное проняло и ужаснуло так же, как и Стаса.

— Другие видео есть? — спросил Стас, втайне надеясь на обратное.

Другие видео были. И много. Десятки. Мать под гипнозом, в дикой ярости задушившая трехгодовалого сына. Отец, зарезавший дочь тем самым ножом, которым Павел умертвил своего рыженького сеттера Микки. Сын, забивший ногами пожилую мать. Дочка, застрелившая обоих родителей из пистолета с глушителем, и выпустившая ещё по нескольку пуль в уже мертвые тела. Парни близнецы, что убили друг друга в яростной, остервенелой драке.

Этим видео не было конца. Как оказалось, убийства и прочие ужасы, которые творили пациенты Шамова под гипнозом, были лишь заключительной частью. Каждому из устрашающих деяний предшествовали несколько сеансов. Шамов начинал с малого.

Например, заставлял разбить любимую чашку. Разорвать и сломать цветы. Сжечь фотографии. Разбить свой же дорожный телефон. Раздавить ногами насекомых. Задушить в

руках пойманную птицу. Бросить в камин визжащую мышь. Некоторым он предлагал ударить себя в живот или в лицо. И пациенты били. Били с радостью, с ожесточением, с... Господи, они были преисполнены самого настоящего, злого, безумного... счастья.

Спустя час два таких видео посмотрел генерал Савельев. Аспирин не стал досматривать видео, где мужчина, любящий муж и отец троих детей, буквально, примерный семьянин, кулаками забил какую-то бездомную девчонку, которую привел в кабинет Шамова.

Девчонке было не больше десяти-одиннадцати лет. Казалось, её мольбы и крики до сих пор эхом звучали в кабинете.

Аспирин, как и Стас со своими операми, не сразу пришел в себя.

Нажав на паузу, он снял очки и несколько секунд смотрел куда-то в одну точку. Стас терпеливо ждал.

— Что это значит, Стас? — спросил он. — Почему эти люди совершают то, что... совершить никак не должны были? Как ему удается это?!

— Как удается, я не знаю, товарищ генерал, — вздохнул Стас. — А вот почему они это делают... Шамов, очевидно, нашел какой-то способ постепенно пробуждать в человеке его самые худшие качества, самые низменные чувства... И не просто пробуждать, он на протяжении нескольких сеансов создавал условия, при которых темная сущность его пациентов стремительно гипертрофировалась, росла, утраивалась и даже удесятерилась. Корнилов хмыкнул. Грустно, бессильно покачал головой.

— Но, я не знаю... Я никогда подобного не видел, товарищ генерал. Это... Это за гранью человеческих возможностей! Во всяком случае было.

Аспирин протяжно вздохнул и так же тяжело выдохнул.

— Стас... — проговорил он, — если это все правда, мы должны найти Шамова в самые короткие сроки.

— Я понимаю, товарищ генерал, но...

— И мы должны задействовать все возможные ресурсы, — перебил его Антон Спиридонович.

Стас изучающе взглянул на начальника.

— Да, Стас, — кивнул генерал и еще раз, с выразительным ударением повторил, — все ресурсы. Все, без исключения. Ты понимаешь.

Последнее было не вопросом.

— Понимаю, — неприязненно и холодно ответил Стас. — Но, я не могу использовать её постоянно!..

— Можешь, — отрезал генерал. — И используешь.

— Товарищ, генерал, — процедил Стас агрессивно. — Вы понимаете, что Ника может просто... лишиться рассудка, сойти с ума, свихнуться?! Вы понимаете, что есть вещи, которые она не может переживать и терпеть постоянно, все время? Это... Это истощает её! Да, она храбрится и хорохорится, потому что... потому что она — ребенок! Ребенок! Понимаете?!

— Понимаю, — тихо, спокойно ответил генерал Савельев. — Но Ника — крайне одаренный ребенок, Стас. И она может делать то, что не может больше никто. В этом её проклятие.

— Нет, — ответил Стас. — В этом её несчастье. А проклятием для неё стали мы. И я.

Стас в порыве ярости поднялся из-за стола и, распахнув дверь, быстрым шагом вышел из кабинета генерала, оставив дверь открытой. Пылая гневом, Стас ворвался в кабинет особой

группы, оглушительно хлопнул дверью и подойдя к своему столу, уставился в окно.

Домбровский и Арцеулов за его спиной молча обменялись взглядами и бесшумными жестами. Спрашивать о чем-то Стаса они сейчас не желали. Корнилов редко выходил из себя. Но уж если выходил, все знали, что несколько секунд его лучше не трогать.

Он всегда быстро брал себя в руки и возобновлял свое завидное самообладание.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть пятая.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 25 августа. Поздняя ночь.

Я еле досмотрела очередную серию Ривердейла. И хотя я обожаю этот сериал, на часах было то время, когда я уже превращаюсь в сонного зомби.

Сидящий рядом Мирон, это заметил. Особенно, когда я начала тихонько посапывать.

— Ника? — осторожно спросил он.

— М-м? — сквозь дремоту простонала я и тут же резко подхватила.

Посмотрела в глаза Мирону. Тот снисходительно, умиленно улыбнулся.

— Я что заснула? — сонно хмурясь, спросила я.

— Да, похоже, — усмехнулся Мирон. — А-а... — протянула я с досадой, глядя на него.

Ёлки-палки! Я уснула у него на плече! Ещё сегодня с утра я всеми силами демонстрировала ему свое показательно холодное отношение, а сейчас... засыпаю рядом, как сурок. Усиливающееся чувство смущения внушало робость и бессильное сожаление.

Нет, ну нормально! Мало того, что упростила парня остаться у себя на ночь!.. Так и ещё уснула рядом с ним! Молодец! Красавица просто! Может сразу с ним... перейти к следующему этапу! Чего уж мелочиться!.. Я быстро затрясла головой, отгоняя такие постыдные предположения.

Ситуацию усугубляло и внезапное осознание, что у Мирона то уже всё было... вот это вот... о чем я не могу вслух говорить. А я... а я тут взяла и уснула! А если... если он меня... трогал, пока я спала?.. Эта внезапная и пугающая мысль вообще заставил меня содрогнуться.

Нет, я всё понимаю! Он меня спас сегодня! И из-за меня же два раза очень крепко получил. И даже, можно сказать, искупил свою вину.

Ну, по крайней мере, отчасти. Но это же не повод вот так вот таять рядом с ним! Иди узнай теперь, что он делал, пока я дремала...

— Ника, с тобой все в порядке? — Мирон поставил сериал на паузу и коснулся моей руки. — Если хочешь, ложись спать.

Я выразительно уставилась на него.

— А я на кухне посижу, — пожал плечами Мирон. — Обещаю, я никуда не уйду.

Он улыбнулся и вдруг ласково провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Его прикосновение, как и раньше, вызвало удивительное чувство блаженства и волнительную робость. Почему я буквально млею и таю от его прикосновений. И сердце начинает так часто-часто биться, словно готово выпрыгнуть и уютно устроится у Мирона на руках... Что?!! О чем я думаю...

— На кухню? — растерянно переспросила я.

— Обещаю, — проговорил он чуть томным голосом, — буду сторожить тебя до утра.

Я посмотрела на время в углу экрана монитора компьютера. Половина второго ночи...

Ну и где носит дядю Сигизмунда?!

И ведь на мобильные звонки не отвечает. Вот что я должна думать?!

— Хорошо, — скомкано ответила я Миرونу. — Только...

Я пытливо, тревожно взглянула на него.

— Только «что»? — спросил с легким подозрением Мирон.

Я хотела спросить могу ли я ему доверять, но потом решила, что это слишком глупый вопрос.

— Ника, — Мирон сжал мою правую ладонь, — я понимаю, что у тебя нет причин мне верить. Но, я скорее вены себе вскрою, чем посмею... причинить тебе вред или... вообще что-то посмею... Я просто посижу до утра и посторожу твой сон. Ну и... саму мастерскую.

Я лишь усмехнулась и закрыв глаза покачала головой. В ответ легонько сжала его широкую ладонь, точнее его пальцы.

— То, что ты улыбаешься означает, что ты согласна? — спросил Мирон.

— Да, — кивнула я и вздохнула. — Только оставайся здесь.

Тут у Мирона удивленно вытянулось лицо. Он растерянно захлопал глазами. Затем обернулся на мою кровать.

— Но-о... — протянул он непонимающе. — А как же... Ника... Я просто... Я думал...

— Мирон, — простонала я. — Ты помнишь, как мой дядя чуть тебя не пристрелил?

Мирон кивнул и нервно усмехнувшись, кивнул.

— Такое трудно забыть.

— Ага, — со смешком кивнула я. — А ты представляешь, что будет, если он тебя у нас на кухне застукает?

— Ну, я поздороваюсь с ним и...

— Не поздороваешься, — мрачно ответила я. — Он тебя даже слушать не станет.

— Почему? — пожал плечами Мирон.

— Потому что, — сгорая от стыда проговорила я, — наличие чужого парня дома в его отсутствие он воспримет только в одном понимании.

— В каком пони..? — начал Мирон и тут же осекся. — Ааа... он подумает, что мы...

— Да, да, да, — быстро перебила я его, не желая развивать эту тему. — Так что, лучше тебе остаться здесь.

— А ты?.. Как ты будешь спать?.. В одежде что ли?

— Да, — я пожалала плечами. — Ты же не думаешь, что я буду при тебе раздеваться?

— Я бы приятно удивился, — признался он и усмехнулся.

У меня вспыхнуло лицо. Я закрыла глаза и отвернулась. Рассерженно вздохнула. Как у него так получается?! То вроде нормальный, то одним словом все испортит!

— Слушай, я ведь ещё тебя не простила, между прочим, — соврала и пригрозила я. — И остаться попросила только потому, что мне очень страшно! А не потому, что там... что-то... И если ты там себе что-то нафантазировал...

— Я понял, понял... — поспешил извиниться Мирон. — Ясно. Всё. Прости пожалуйста. Я глупо пошутил.

— Глупо, — проворчала я обиженно. — Кстати, ты можешь расположиться прямо здесь на диванчике.

Маленький, темно-синий диванчик овальной формы недавнее приобретение. А точнее просто дядя Сигизмунд выставил его из своего кабинета, потому что он ему надоел. И не придумал ничего лучше, как переместить ненужную мебель мне в комнату.

Я в общем-то не возражала и очень быстро приспособила мягкий и уютный диванчик для просмотра фильмов и сериальчиков.

Делать это, лежа на диване, было куда удобнее, чем сидя в кресле. Можно развалиться и даже разлечься, как тебе удобно.

Я достала Мирону один из своих пледов.

— Да не стоит... — улыбнулся парень.

— Держи и не прибедняйся, — ответила я.

— Ладно, — он неловко принял плед из моих рук.

Я подошла к своей кровати. В голове кружила потрясающая сознание мысль, что я ночую в одной комнате с парнем! С парнем, к которому ещё до конца не знаю, как относиться! С парнем, который сперва обидел и глубоко оскорбил, безжалостно уничтожив созданную им же прекрасную сказку. А... а потом, сегодня, отчаянно вступился за меня и раненый, с забинтованной головой, защитил от двух здоровых уродов. Может, он и сволочь, и наглец, и бабник, и вообще редкий проходимец... Но уж чего-чего, а смелости Мирону точно не занимать! Да и вообще несмотря на его проступок, я не могу заметить в нем каких-то низменных, отвратительных черт. А я старательно приглядывалась все это время. Может, конечно, я опять совершаю ошибку, и куда более роковую...

Но... Но, вот что мне делать? Одна я ночевать боюсь! А если дядя Сигизмунд его увидит у нас в доме ночью, ну или утром... Мне даже представлять не хочется, что он тогда сделает. И я совсем не хочу, чтобы дядюшка в порыве гнева пристрелил Мирона, а сам потом отправился в места не столь отдаленные. Так что выбора то у меня немного.

Хотя, да. Ситуация вышла в край идиотская! И я себя чувствую до ужаса кошмарно и неловко. Даже Лера себе такого не позволяла! Парней приглашать к себе переночевать!

Подобные стыдливые и вьедливые мысли продолжали атаковать меня. Чтобы прийти в себя, я сказала, что мне нужно умыться, и, выйдя из комнаты, направилась в ванную

Ступая по длинному коридору, я пыталась предположить, что обо мне сейчас думает Мирон. Наверное, что я такая же доступная дурочка, как и все, кто у него был до меня. Что я уже готова и влюбиться, и, простите, отдаться ему прямо с разбега... Или он думает, что у меня семь пятниц на неделе, и я вообще не совсем адекватная.

О-ох... не удивлюсь, если вернувшись в свою комнату обнаружу открытое окно и прощальную записку на столе, возле компьютера.

Я зашла в ванную, закрыла дверь на замок и подошла к умывальнику. Опершись руками о раковину, устало взглянула на себя в зеркало. И тут же поправила взлохмаченные со сна волосы.

Затем посмотрела на свои глаза. Раздраженно цокнула языком.

Ну что же вы такие опухшие то? Ну, конечно... после случившегося... Точнее, после того, что едва не случилось, меня натуральным образом колотила бесконтрольная истерика. Часа два, когда мы сидели уже в моей комнате, я прорыдала на плече у Мирона. Парень уже не знал, как меня утешить. А я думала, вообще не смогу остановиться. Слезы просто выплескивались из меня, вместе с пережитым ужасом, стыдом и кошмаром.

Кошмарные представления и образы в голове беспощадно терзали мое воображение, выжимая из меня бесконтрольные рыдания.

У Мирона от моих слез промок левый рукав на его бомбере.

Мирон или обладал завидным терпением, или... Или ему действительно было приятно утешать меня. То есть, ему небезразличны мои слезы, мои страхи и мои тревоги.

Возможно ли такое? Могу ли я ему действительно доверять?..

Святые небеса, ну как все сложно! Вроде он хороший, а вроде и не совсем! Кажется, что я хочу доверять ему, быть с ним, чтобы он держал за руку или с чувством обнимал, как сегодня после произошедшего. И в тоже время где-то в моем сознании, среди моих мыслей упрямо ворочается недовольное и ворчливое сомнение.

Не верь ему, шипело оно, не верь! Доверишься, горько пожалеешь! Ещё больше рыдать от несчастья будешь! Поверишь такому, как Мирон, и он в один прекрасный момент растерзает тебе сердце, растопчет мечты и смачно сплюнет в душу, опозорив и унизив на прощание.

Это Мирон... Такие, как он, не меняются. Хотя им и не занимать ни храбрости, ни силы. Это не делает их хорошими людьми!

Но, в конце концов, даже в отпетых злодеях есть хоть полграмма чего-то хорошего. Кто знает, из чего состоит Мирон, и каковы его намерения?

Я зажмурилась, скривилась и потрясла головой. Не знаю... Не знаю, как мне с ним быть. Хоть и попросила его остаться, всё равно не знаю, что дальше будет. И не могу... Не могу ему верить.

Тогда почему я попросила его остаться? Тем более на ночь?

Скажи мне кто-нибудь ещё неделю назад, что у меня дома, в моей комнате будет ночевать парень... Я бы посмотрела на этого человека с откровенным сомнением и насмешкой. А сейчас... Он здесь. В нашем с дядей доме. Сидит в моей комнате. Хм. А что, если я просто выбрала из двух зол меньшее?

Чем одной дрожать ночью в доме, боясь, что Ерохин и Пахоменко могут вернуться с компанией, я сочла за лучшее присутствие Мирона. Все-таки, вроде бы, насиловать он меня не будет.

Да, конечно. А вот про то, что он не захочет мне отомстить, речи нет.

И вообще, кто знает, может он всё еще пытается выиграть тот омерзительный спор? Не знаю...

Я включила воду и снова умыла свои глаза. Снова придирчиво осмотрела себя в зеркало. Надо будет сделать компрессики и наложить патчи под глаза. А то буду завтра выглядеть, как отпетая алкоголичка.

Вода в кране странно дрогнула, на миг прервалась и снова потекла.

Я опустила взгляд вниз, непонимающе нахмурилась. Что это было? И вот опять... Опять вода дрогнула, как от невидимого толчка, и на миг прервалась.

Я наклонилась к текущей из крана струе воды. Что происходит?

Внезапно я услышала гулкий топот. От него легонько подрагивал пол под ногами. А затем я уже почувствовала то знакомое, неуловимое, но очень четкое и явственное чувство видения.

Ощущая испуг и неуверенность, сдерживая взволнованное дыхание, я приблизилась к двери ванной комнаты, поднесла руку к металлической ручке.

Снова постукивающий звук шагов. Я судорожным вздохом втянула в себя воздух и замерла на несколько мгновений.

Звук шагов... Гулкий, короткий перестук копыт. Вестник... Вестник... Здесь, за дверью, сейчас, совсем рядом со мной Вестник...

Пересилив себя, стараясь справиться с ощущением паники, я открыла дверь ванной и посмотрела во тьму за порогом.

Первое мгновение казалось, что за порогом освещенной светом ванной комнаты нет ничего... Ничего кроме клубящейся, вязкой, непроницаемой тьмы с её бесформенными, изменчивыми образами. Ничего... Только темнота... Бездонная, безграничная темнота. Без очертаний и предметов. Ничего...

Стук копыт. На этот раз более, чем отчетливый. Звонкий, колкий, громкий перестук лошадиных копыт.

Я увидела его, и по моей коже растекся опалаяющий, влажный липкий холод. Он обвился вокруг моего тела, облизал руки, лицо, грудь и спину. Казалось, все мое тело пульсирует в такт учатившимся биениям сердца.

Стук копыт приближался. Неспешно. Неторопливо. Ему некуда было спешить. Он знал, что я никуда не денусь от видения, которое он принес на своем черном хвосте.

С трудом глотая неожиданно стылый воздух, чувствуя, как нервно сжимаются и сокращаются мышцы, как мое тело подчиняет нервный трепет, я смотрела на него.

Я уже разбирала очертания головы, туловища и ног. Громадный, гораздо больше обычного, вороной конь выступал из темноты мне навстречу. Он был настолько же ужасен, насколько и красив.

Как будто сотканный из переливающегося тусклыми бликами мраморного мрака.

Вестник шумно всхрапнул и стукнул правым передним копытом в пол. Требуется, чтобы я вышла из ванной, вышла из света. Ступила к нему. Ступила во тьму. Требуется, чтобы я позволила поглотить себя мрачным, тяжелым и ужасающим воспоминаниям, которые он принес.

Я не могла не подчиниться. Откажусь, и будет только хуже. Много хуже. На миг затаив дыхание, я перешагнула порог ванной и оказалась во мраке.

Мгновение ничего не происходило. Я стояла перед Вороным Вестником и смотрела в его равнодушный, умиротворенный взгляд антрацитовых неестественных глаз. Мы стояли с ним, окруженные темнотой и безмолвием.

Вестник шевельнул головой, встряхнул своей черной гривой.

И я почувствовала присутствие. Я скосила глаза в сторону. Я уже знала, что кто-то стоит за моей спиной.

Кто-то, кто хочет, чтобы я увидела нечто... Я медленно обернулась и коротко, судорожно вздохнула.

Мальчик. Лет двенадцати. В темных шортах и белой футболке с группой AC\DC. Его лицо сохраняло выражение отстраненного равнодушия.

Я ждала. Ждала, что он скажет, сделает или покажет. Он внезапно посмотрел мне в глаза, я вздрогнула. И в следующий миг голову мальчика охватил пожар. Я всхлипнула от ужаса. Открыла рот, чтобы закричать, но не издала ни звука. Лишь вдохнула глубоко, так, что заняли ребра, и часто, быстро задышала.

Огонь неторопливо, словно наслаждаясь моментом обвил лицо мальчишки.

— Это сделали они... — услышала я мальчишеский, ломающийся юношеским басом голос в своей голове. — Это сделали они... он и она... Смотри, что они делают... Со мной... С нами...

И тут с обеих сторон из бездонного мрака выступили несколько человек. Это были изуродованные, покалеченные и явно неживые тела. Точнее воспоминания, которые предстали в их образах.

— Смотри, что они сделали... — разные голоса, женские и мужские, беспорядочным,

вибрирующим хором зазвучали в моей голове.

Одно за другим передо мной представляли кошмарные, ужасающие своим видом воспоминания этих людей. Их последние воспоминания.

Мальчик, который по наущению Гудковой забирается в горящий камин и добровольно сгорает там. Женщина с остервенением душащая своего ребенка. Юноша пинающий ногами окровавленное тело своей матери. Девушка, стреляющая в своих родителей.

Все они, все эти люди совершали жутчайшие поступки под гипнозом Ксении Гудковой и... какого-то мужчины.

Я похолодела, когда поняла, что видела его. Видела в сознании той девушки, которой единственной удалось выжить на месте нового убийства Монохромного человека.

Сотрясаясь в судорогах ужаса, я наблюдала, как из темноты появляются все новые воспоминания. Они являлись в облике мёртвых, часто окровавленных тел. Они говорили и показывали.

— Хватит! — выкрикнула я, не в силах больше ни видеть, ни слышать все происходящее. — Хватит! Хватит! Перестаньте! Пожалуйста! Умоляю, перестаньте! Перестаньте!

— Смотри... — взвыл дрожащий хор голосов. — Смотри-и-и...

И вдруг они замолчали. Неизвестный мальчик, уже полностью охваченный пламенем посторонился, и я увидела странную картину впереди. Я словно смотрела сверху на человека, лежащего на кровати... Нет, это была тюремная камера, и человек лежал на белой, сереющей в сумерках тюремной койке.

Я пригляделась и вздохнула. Это был Лукьян Курбатов. Лежащий на койке, в своей камере в СИЗО Уголовного розыска.

Скривившись от шепотов в моей голове, я смотрела на Курбатова и пыталась понять, что я должна увидеть.

А когда поняла, оторопела от нового прилива чувства ужаса.

Вокруг Лукьян, подобно воронке медленно закручивалась и вилась бесформенная, словно жидкая, похожая на нефть черная масса.

Точнее, она была... чёрно-белой.

Черно-белый водоворот кружился вокруг Курбатова и сжимался вокруг него все плотнее.

— Смотри! — Смотри!

— Смотри!

Хор сливающихся голосов звучал в моем сознании и постепенно слабел.

— Отпусти нас... — простонали вдруг голоса. — Ты должна отпустить нас... Отпусти... Отпусти...

— Я... я не понимаю! — жалобно всхлипнула я, с силой зажимая уши ладонями.

— Отпусти!!! — проорали голоса и воспоминания жертв Гудковой и неизвестного мужчины снова замелькали перед глазами.

— Хватит! Прекратите! Не надо!!! — кричала я с яростной мольбой.

Это продолжалось по кругу. Кровь, убийства, жестокость, ненависть. Я видела эпизоды проявления худшей стороны человеческой сущности. Я наблюдала за чужой болью и мучениями. Я смотрела, как люди под гипнозом убивали своих родных и близких. Своих детей или родителей. Я закрыла глаза, увидев, как какой-то мужчина со звериной жестокостью зарезал свою собаку. Господи, как она визжала!

Зачем?.. Зачем Гудкова и тот, другой человек, это делают?! Зачем?! Зачем?!

— Опустит... — стонали голоса воспоминаний в моем сознании.

Мне казалось, ещё немного, и моя голова лопнет, разорвется, и мой череп разлетится на осколки.

— Я не знаю, как это сделать! Не знаю! Не знаю! — в истерике яростно проорала я.

— Отпусти... Они встали вокруг меня. Воспоминания... В телах людей, которым когда-то принадлежали. В изуродованных, покалеченных и окровавленных давно лишенных жизни мёртвых телах.

Они тянули ко мне руки и утробными, низкими голосами стонали:

— Отпусти... на-а-с-с... Отпус-сти-и-и...

— Да как?! — прокричала я, падая на колени со слезами ужаса. — Я не знаю!!!

Тут перед моим лицом возник мальчишка, охваченный огнем. Он вцепился в мое лицо, притянул меня к себе.

Я в ужасе глядела на его пылающий череп.

— Она! Она! Нас! Держит! Здесь! — проорал он мне в лицо и с невероятной силой оттолкнул. Я отлетела на несколько метров, упала и ударилась об пол.

— Ника! Ника! Да что с тобой?! Блин! Да... Ты слышишь меня?! Ника?! Ника! Ника Очнись... Ты слышишь?!

Я открыла глаза и посмотрела на Мирона. Он с ошарашенным, перекошенным лицом, испуганно тараща глаза, смотрел на меня.

Я повернула голову, с хмурым видом осмотрелась. Я лежала на полу в коридоре на третьем этаже.

— Чёрт... — простонала я и медленно села.

— Ты как? — обеспокоенно с тревогой спросил Мирон и приобнял меня за плечи. — Ты... ты меня до ужаса напугала!

Я стыдливо, кротко и виновато улыбнулась.

— Прости... А я... Я кричала?!

Я с усталым сожалением посмотрела на Мирона. Промелькнула мысль, что теперь он ещё и увидел меня в приступе видения. И судя по его эмоциям реально до ужаса перепугался. За меня или... Ну, или он так испугался меня и моего поведения.

Трудно судить его за это. Но сейчас я не могла об этом думать. Я вспоминала тех людей... Их слова. И то, что они показали.

Курбатов... Он сидит в СИЗО... Хм... И вокруг него сужается черно-белый вихрь. Сужается стремительно, словно... словно приближается.

Я резко подхватила, но меня тут же повело в сторону, голова закружилась, ноги подкосились. Мирон поймал меня, но я тут же запротестовала.

— Пусти! — выдохнула я встревоженно. — Мне нужно позвонить! Срочно!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 25 августа. Почти утро.

Звонок телефона донесся до него сквозь глубокий сон.

— М-м... — недовольно проворчала лежащая рядом Рита. — Кто это тебе трезвонит в такой час?

— Не знаю, — таким же усталым и сонным голосом ответил Стас.

Он перевернулся на спину, протянул руку к тумбе возле кровати и взял громко звонящий мобильник. Корнилов поднес телефон к лицу.

— Ну, кто там? — Рита прильнула к нему, поцеловала в плечо и прищуренными глазами посмотрела на дисплей мобильного.

— Это по работе, — быстро ответил Стас и поднялся с кровати.

— Надеюсь, там ничего серьезного... — зевая ответила Рита.

— Я тоже, — кивнул Стас, натягивая спортивные штаны. — Спи. Я поговорю и вернусь.

— Угу, — нежась в постели, промычала Рита.

Стас вышел на кухню, закрыл дверь принял вызов.

— Ника что произошло? — спросил он без приветствия.

Лазовская явно просто так посреди ночи звонить не станет.

— Стас! — в голосе девушки отчетливо звучали слезы и тревога. — Что с Лукьяном Курбатовым? Где он сейчас?

— Лукьян? В следственном изоляторе УГРО, — пожал плечами Стас и тут же спросил. — Что ты увидела, Ника?

Девушка ответила не сразу.

— Он в опасности, Стас, — всхлипнула Ника. — Они придут за ним.

— Они?

— Гудкова и... Монохромный человек. Они... Они уже подбираются к нему.

От слов Ники по шеи и затылку Стаса словно пронеслось дуновение стылого воздуха. В руках и в спине собралась мерно пульсирующая электризация. Его охватывалонавязчивое чувство тревоги.

— Ника, Лукьяна хорошо охраняют. Не беспокойся. У тебя там все нормально?

— Да, — быстро ответила девушка.

Стас вздохнул. Ника как всегда врала слишком неумело.

— Если тебе нужно, я могу приехать, — на всякий случай проговорил Стас.

Он слышал, что Ника заплаканная и напуганная. Она не могла это скрыть.

— Да нет, у меня всё в порядке.

Это ненадолго, подумал Стас, вспоминая последний разговор с Аспирином.

— Хорошо, Ника, — снова вздохнул Стас. — Спасибо, что сказала. Я прослежу, чтобы Курбатов был под постоянным присмотром. Не бойся. И будь осторожна. Я надеюсь, ты не одна дома?

— Нет! — тут же заверила его Ника. — Конечно, нет.

Она не врала. Но, почему-то Стас подумал, что речь идет не о её дяде

— Извини, что так поздно позвонила, — робко проговорила Ника.

— Мы это уже обсуждали, — ответил Корнилов. — Ты можешь мне звонить в любое время.

В этот миг дверь на кухню открылась, Стас обернулся.

На пороге, сложив руки на груди стояла Рита. Её глаза с неприязненным прищуром и подозрением, глядели на Стаса.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 25 августа. Почти утро.

— И кто это там может звонить тебе в любое время? — с претензией в голосе спросила Рита.

Я ахнула, убрала телефон от лица и тут же испуганно нажала отбой.

Прижав телефон к груди, я ощутила жуткое, вьедливое чувство постыдного конфуза. В который из-за меня угодил Стас. Надеюсь, они там не поссорятся из-за моего звонка.

Я мысленно обругала себя за нетерпение. Но с другой стороны утром могло быть поздно!

Я вернулась в свою комнату. Мирон, молча глядя перед собой, допивал чай. Когда я подошла к нему, он поднял на меня изучающий, задумчивый взгляд. Не говоря ни слова, я подошла к своей кровати, опустилась на краешек, опустила телефон на колени.

Мирон вздохнул.

— Всё в порядке? Звонок был успешным?

— Успешным? — переспросила я с боязливой улыбкой. — Да... Вполне.

Это был странный вопрос. И у меня сложилось впечатление, что Мирон задал его, чтобы хоть как-то начать разговор. Парень явно пребывал в стрессе. И не удивительно. Две драки. И два моих приступа с видениями. Его взгляд изменился, стал другим. Сосредоточенным, напряженным и немного растерянным.

Мы молчали. Я не знала, что говорить. Мирон, похоже, тоже.

Я напряженно обдумывала, что же произнести, чтобы нарушить эту неловкую и неприятную тишину. Но Мирон вдруг произнес:

— Скоро рассвет.

Я недоуменно уставилась на него. К чему это было.

— Не хочешь попробовать поспать? — спросил он.

— Не очень, — покачала я головой.

— Тогда давай досмотрим сериал?

Я усмехнулась.

— Мы так весь сезон просмотрим.

— Не вижу в этом ничего ужасного, — пожал плечами Мирон.

Этой ночью я почти не спала. Уже к самому утру, меня вроде бы сморило, но... Спать не хотелось. Я пыталась. Несколько раз. И даже мысли о том, что Мирон рядом, что он может этим воспользоваться меня почему-то не пугали. Мешали, но не пугали.

Но все попытки, наконец, заснуть заканчивались тем, что во сне ко мне снова являлись они. Воспоминания в образе умерщвленных тел. В образе жертв Гудковой и её учителя.

Тот мужчина с китайскими татуировками... Он наверняка как-то связан с Монохромным человеком или же сам является беспощадным монстром с пристрастием с черному и белому.

Предположение о том, что я могла лицом к лицу встретиться со страшным маньяком внушало чувство угрожающей жути. Как будто я находилась в одной комнате с опасным, кровожадным но невидимым хищником.

Я закрыла глаза. Пружинистые, хлесткие удары сердца, казалось звучали в голове и пульсировали в глазных яблоках. Я расправила плечи, глубоко вздохнула. По коже шеи, спины и бедер шелковым прикосновением плавно спустилась вибрирующая, нервная щекотка.

Я знала, что там, в сознании Фёдоровой (если это возможно), я встретилась не просто с

убийцей или заурядным психопатом.

Это одно из проявлений зла. Одно из его олицетворений. Один из его бесчисленных, уродливых и пугающих обликов.

Я все-таки заснула. Сквозь наваливающуюся дремоту и сонный морок я смутно различала реплики героев сериала и комментарии Мирона. Кажется, он что-то спросил у меня. А я... что я ответила? И ответила ли вообще?

Снилась мне какая-то фантазмагорическая чушь! Пережитки прошлого вперемешку с недавними событиями. Жуткий, хаотичный сюрреализм!

А затем раздался звук, который вырвал меня из объятий сновидений. Звук, который заставил меня подхватиться на кровати и ошалело оглядеться. Это был звук мотора Тойоты Лэнд Крузера. Усиленного турбинами и нагнетателем. И такой звук был только у одного автомобиля, который мог въезжать в ворота мастерской «Пит-Стоп-Старт».

Это был внедорожник дяди Сигизмунда. Я спрыгнула с кровати, бросилась к спящему на диване Мирону.

— Быстро вставай! — безжалостно растолкала я его.

— М-м... Чего? — сморщился он и непонимающе уставился на меня.

Тут я услышала шаги дяди на лестнице. Шаги и его ругань.

Чёрт! Дядюшка, похоже, пьян, и в крайне дурном расположении духа!

— Прячься! — выдохнула я, посмотрев на Мирона и выбежала из комнаты.

Так и есть. Дядя Сигизмунд был пьян. Шатающейся походкой, взлохмаченный и явно очень злой он поднялся по лестнице.

— О... — увидев меня, хмыкнул. — Кто проснулся... Доброе утро, ягодка.

— Д-доброе, дядя Сигизмунд, — вежливо ответила я. — У вас всё в порядке?

— Хм... — фыркнул дядя. — Нет. А что? Ты можешь мне с этим помочь?

Я спокойно восприняла его грубость. Когда он пьян, он часто бывает таким. Спасибо, хоть не дерется.

Тут дядя Сигизмунд вдруг пошатнулся, завалился на бок и неуклюже опустился на лестницу.

— Дядя Сигизмунд! — с беспокойством воскликнула я, бросаясь к нему. — Что с вами? Вам плохо? Дядя Сигизмунд!.. Не молчите! Пожалуйста!

Я с тревогой взяла его за руку. Он, сидя на ступеньках, привалился могучим плечом к стене и вздохнул. В его покрасневших глазах я увидела бессильную и злую тоску.

— Всё, ягодка... — горестно вздохнул он. — Доигрался твой старик...

— В к-каком смысле, дядюшка? — настороженно спросила я его.

— Всё, — с фатальной безысходностью в голосе произнес дядя Сигизмунд. — Я проиграл...

— Проиграли? — переспросила я, держа его руку. — В чем? Что случилось? Я коснулась правой рукой его лица, погладила по голове. Он посмотрел на меня и вдруг с болью в голосе ответил.

— Ягодка, я проиграл свой автомобиль!

С этими словами он достал из нагрудного кармана металлическую флягу и припал к ней губами, жадно глотая горячительный напиток.

Я с нервным непониманием наблюдала, как он пьет, пытаюсь залить алкоголем какую-то сильную, внутреннюю боль.

Все выяснилось чуть позже, когда дядя, шатаясь и врезаясь в стены, добрался до своего

кабинета. Здесь он завалился на новый, кожаный диван. Прямо в одежде. И пока я снимала грязную обувь с его ног, он поведал о произошедшем.

Со своими друзьями они после полуночи, продолжая отрываться, завалились в подпольное казино. И там дядя, совершив ужасную ошибку, сел играть в покер не с тем человеком.

— Мне просто не шла карта! — простонал с усталым разочарованием дядя Сигизмунд. — А этому прохвосту... То фуллхаус у него! То роял-флеш! То стрит за стритом... Жульничал! К гадалке не ходи! Только как-то по-хитрому... Хрен его знает!

А потом, проиграв все деньги, дядя Сигизмунд поставил свою машину. Свой любимый внедорожник, на котором ездит уже больше десяти лет, но при этом держит его в форме, регулярно ремонтируя и обновляя. И хотя от той машины, что досталась ему когда-то в середине нулевых, уже осталось меньше половины деталей, дядя очень любил свой старенький Лэнд Крузер.

Большой, с облегченным, но крепким кузовом и новым мощным мотором, Toyota Land Cruiser FJ40 был окрашен в черный и желтый металлик. Он передвигался на колесах 4x4 с рифлёной резиной и массивным шноркелем справа. На крыше была установлена рама с дополнительным освещением, а впереди выступал тяжелый, крепкий кенгурятник.

Дядя установил дорогую диодную оптику на фары, сделал руль из дорогой алькантары и обшил салон мягкой черной кожей. Крышка капота и дверцы автомобиля имели карбоновые вставки.

Да уж. Дядя вложил в эту машину душу, вкус, страсть, вдохновение и-и... изрядное количество куда более материальных средств.

Так что я полностью понимала его печальный настрой и болезненное разочарование. Если дядя проиграл кому-то свою машину, скорее всего её придется отдать.

Собственно, это дядюшка Сигизмунд и собирался сделать.

Но, конечно же, он был в таком состоянии, что даже встать не мог не то, что вести автомобиль. А между тем, когда он отключился, на его руке я заметила криво начерченную надпись: «Отдать тачку до семи утра».

Тут уж я не удержался и расстроено вздохнула, сокрушенно качая головой. Кажется, дядюшка и правда сел играть не с теми людьми.

Если уж его вынудили написать у себя на руке «напоминание», значит дело более, чем серьёзное. Будить крепко заснувшего дядю бесполезно. Да и в таком состоянии к семи утра он не успеет. Сейчас уже почти шесть.

Чёрт возьми, а! Дядя Сигизмунд, ну почему вам не сидится на месте! Я поддалась раздражению! Потому что образ жизни дядюшки порой находила беспочвенно рискованным и наполненным необдуманно, странными поступками, влекущими тяжелые последствия.

И ладно, он тачку проиграл! Если он её к указанному сроку не вернёт... Ну, в самом лучшем случае нам просто сожгут мастерскую

Ну, или учитывая нынешние способы влияния, задавят бесконечными проверками, судами, создадут проблемы и в конечном итоге вынудят дядю пустить свою мастерскую с молотка.

Перспектива так себе. Я лично очень прикипела к этой мастерской и к своей комнате. Но, самое главное, я отлично знаю, что для дяди значит эта автомастерская. Это вот всё — созданное и любимое им детище. И если его у него отберут... Как бы дядя Сигизмунд вообще не потерял смысл жизни!

Может я представляю себе все слишком уж в мрачных тонах, но я хорошо знаю своего дядю! Когда я вернулась в свою комнату, Мирона нигде не было. Я бросила взгляд в окно. Оно было закрыто, изнутри. Странно.

Я заглянула под кровать, и в этот миг в моем большом шкафу что-то с грохотом обвалилось. Я устало вздохнула. Подошла к шкафу, отодвинула дверцу с зеркалом и обнаружила внутри Мирона. Он сидел в углу, поджав ноги и заваленный упавшими на него вешалками с моей одеждой. А на голове у него повис мой лифчик.

— Ты... — я потеряла дар речи на несколько мгновений. — Ты зачем сюда забрался?!

— Не хотел, чтобы твой дядя опять упражнялся на мне в навыках стрельбы, — усмехнулся он.

— Моя дядя спит. Крепким, богатырским сном, — ответила я с сердитым смущением сорвала свой лифчик с его головы.

Мирон выбрался из вороха моей одежды. Вот же слон, а! Как можно было уронить всю одежду! — Я помогу, — поспешил Мирон и начал поднимать одежду.

— Спасибо.

— С твоим дядей все в порядке? — спросил Мирон участливо.

— Не совсем, — буркнула я, собирая свои вещи и развешивая их обратно.

— А что у него?... — Мирон замер, осекся.

Я оглянулась. Он с дурацкой ухмылкой на лице рассматривал то, что извлек из кучи свалившейся одежды. На пальцах правой руки у него висели мои трусики, розовые слипы с синичками.

Я рывком наклонилась и быстро забрала свое белье у него, зачем-то спрятав трусы за спину.

— Всё, всё. Извини, пожалуйста! — улыбаясь поднял руки Мирон. — Я... Я не хотел... Я молча испепеляла его сердитым взглядом. Нет, ну вы посмотрите! Мало того, что он поспорил на меня, приперся работать к дяде Сигизмуду, подрался с Федей и заставил меня почувствовать себя полной дурой, тогда на кухне... Так он ещё и подержал в руках мое нижнее белье! Просто отлично! Хоть сейчас можно свадьбу назначать! Он ещё только голый меня не видел!

— Ника, — осторожно проговорил Мирон. — Прости... Ну я же нечаянно.

— Угу, — мрачно и обиженно ответила я, пряча свое белье подальше. — Пока ты не заявился все было тихо и уютно.

— И слишком скучно, — с ехидцей вставил Мирон. — А я вношу неповторимый колорит разнообразия в любое даже самое пресное существование.

Я ошарашенно обернулась, уставилась на него. Он ухмыльнулся.

— Ну, не сердить принцесса!

— Я не сержусь, — я не стала убирать все вещи до конца.

Некоторые пришлось бросить, как есть. Потому что времени оставалось всё меньше.

— Ладно... Пошли, — сказала я Мирону. — Мне нужна твоя помощь.

— О, я всегда готов! — тут же с пылкой готовностью воскликнул Мирон.

— Отлично, — самодовольно усмехнулась я. — Вот и проверим.

Спустя пол часа, когда мы остановились на перекрестке перед красным глазом светофора, я украдкой взглянула на Мирона.

С тех пор, как мы выехали из дома дяди Сигизмунда, он не проронил почти ни слова.

— Мирон? — осторожно спросила я, с легкой улыбочкой.

— М-м? — вопросительно промычал он, глядя в окно и бросая нервные взгляды по сторонам.

— Всё в порядке?

— Что?.. — он взглянул на меня и тут же пожал плечами. — А-а... ну, да... Да, конечно. Всё хорошо.

— А на кого ты все время высматриваешь, там за окном? — спросила я.

— Ну-у... — он протянул. — Понимаешь... Мы взяли машину твоего дяди, и помимо того, что едем на ней без всяких прав, в багажнике я видел нечто похожее на ружье, совсем даже не охотничье... Так мы ещё едем к людям, которые играют на большие деньги в подпольных казино.

— И что? — спросила я, чуть склонив голову к рулю. — Ты нервничаешь?

Интересно наблюдать за ним. Что он будет делать дальше? Как поведет себя при близости более чем реальной опасности?

— Я? Пф-ф! — Мирон отмахнулся. — Что ты! Чего мне бояться?

Возле его окна, пока Мирон смотрел на меня, остановился черный ГАЗ «Тигр». Из шеститонного внедорожника выглянул бритоголовый мужчина с татуировкой на плече и постучал в окно.

Мирон вздрогнул, порывисто оглянулся назад. Я усмехнулась и коснувшись меню бортового компьютера опустила стекло возле Мирона.

— Утро доброе, — поздоровался водитель «Тигра». — Слышь, молодежь. А вы где тачку так прокачали? А? Я просто тоже хочу... А у вас диски такие клевые и корпус круто разрисован... А? Де делали?

Я посмотрела на Мирона, тот на меня.

— Автомастерская «Пит-Стоп-Старт», — ответила я. — Приезжайте. Сделаем всё в лучшем виде.

— О-о, — заулыбался здоровяк. — Спасибо, зайчонок. Обязательно загляну. Пит-Стоп-Старт, да? Ждите, обязательно подъеду.... Ну, бывайте молодежь.

— И вам счастливо, — сказала я.

Зажегся зеленый и мы разъехались в разные стороны. Я подняла стекло обратно. Мирон вздохнул.

— Всё хорошо? — спросила я, сама не понимая, что меня так веселит.

— Нет, — буркнул Мирон.

— А что?..

— Он назвал тебя «зайчонком», — вдруг сказал Мирон недовольно.

— Ну, и что? — пожала я плечами.

— Да ничего... — фыркнул Мирон. — Просто... Это только я так могу тебя называть.

О, подумала я, так мы ещё и «собственники». Ну тут тебя точно ждёт жестокий облом, властолюбивый ты мой. Если я и буду кому-то безоговорочно принадлежать, так только после свадьбы (а это будет ещё очень нескоро), и то с условиями. И, конечно, только достойному... и самому любимому.

Я хотела поддеть Мирона, сказав, что ему придется сильно постараться, чтобы наложить мораторий на всякие «мимимишные» и ласковые прозвища в мой адрес со стороны «посторонних».

Но как только я собралась это сказать, на противоположной стороне улицы я увидела

девушку в черной кофте-худе.

Из-под капюшона выбивались такие же черные волосы. Но мое внимание привлекла её походка. Быстрая, дерганая, нервная. Я уже видела такую. И хорошо запомнила. А также черные волосы и... примерный рост.

Ни говоря ни слова я свернула на повороте. Такси, которое я подрезала возмущенно просигналило.

— Слушай, — с опаской держась за ручку дверцы, проговорил Мирон, — не забывай, что катаешься без прав... Если нас тормознут.

— Я в курсе, — быстро ответила я, глядя на спину идущей впереди нас Гудковой.

А это, судя по всем выше перечисленным характеристикам, скорее всего она. Я чувствовала волнение и, как ни странно, чуть-чуть азарт. По нарастающей росло лихорадочное напряжение.

Если я смогу проследить за ней. Или даже...

А уж если я смогу... А что я ещё смогу? Задержать её и позвонить Стасу? Хм, было бы очень круто, но... Одна ведь я не справлюсь. Я бросила оценивающий взгляд на Мирона. Поможет ли он мне?

Понимаю, я слишком многого от него требую, но вдруг...

— Ни-и-ка-а-а!! — с бешеным испугом, дико проорал Мирон.

Я поздно заметила вылетевший прямо на нас автомобиль.

— Там же красный, какого он!.. — выкрикнула я, резко сворачивая в сторону.

Удара избежать не удалость. Черный Range Rover Sport тоже затормозил, но поздно. Мирон выругался. Я вскрикнула. А в следующий миг автомобиль сотряс мощный, свирепый удар.

Протяжный скрип металла, скрежет, грохот, крики, звон бьющегося стекла. Меня швырнуло вперёд. Ремень безопасности впился в грудь. Перед боковым окном мелькнуло перекошенное от ужаса лицо водителя Range Rover'a.

Нас швырнуло в сторону, мы «задом» задели фонарный столб.

Продукту английского автопрома повезло меньше, он боком влетел прямо в стену здания. Все закончилось и стихло так же резко и внезапно.

Мне показалось, что на мгновение я потеряла сознание. Но тут же, поняла, что нет. Первое, что я увидела, было разбитое лобовое стекло Тойоты и вздувшаяся на руле подушка безопасности.

Я, морщась от боли в плече, в которое с ожесточением впился ремень безопасности медленно отстранилась от руля. Тут же посмотрела на Мирона. Он, вроде бы был в порядке.

— Ни хрена себе... — простонал он. — Поездочка... бли-ин...

— Ты в порядке? — с беспокойством спросила я.

— Нормально, — он взглянул на меня. — Ты то как? Не ушиблась?

— Ремень спас, — улыбнулась я.

— Меня тоже, — хмыкнул Мирон и оглянулся на Range Rover.

Из черного внедорожника никто не выходил. Его медленно окружали переполошившиеся люди.

Ещё несколько человек подбежали к нам.

— Вы как? В порядке? — прокричал нам бородатый мужчина в зеленой футболке.

— Не ранены? — крикнул другой, рослый с горбатым носом.

— Всё хорошо, — кивнула я. — Спасибо...

Я открыла дверцу автомобиля. Мне подали руку, и я первым делом ринулась к британскому внедорожнику.

Оттуда как раз вытаскивали мужчину. Точнее это был парень, лет двадцати двух, наверное. И он был без сознания.

— Он жив? — взволновано спросила я, оказавшись рядом.

— Кажется, — не очень убедительно ответила черноволосая женщина, трогая пульс.

— Да жив, — кивнул мужчина с сединой в волосах. — Только ударился сильно и явно руку сломал. Я бросила взгляд на правую руку парня, и меня замутило. Она была слишком неестественно выгнута сразу в двух местах. Рукав куртки водителя стремительно пропитывался кровью, и кровь капала на асфальт.

Кто-то снял ремень и начал перетягивать артерии парня.

А я вернулась к машине дяди Сигизмунда. Взглянув на неё я с опечаленной растерянностью прижала ладони к голове.

Что я натворила!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 25 августа.

— К Курбатову в мое отсутствие никого не пускать, — Стас сидел за рулем своего Дефендера и давал распоряжения дежурному офицеру.

— Даже его адвоката? — удивился дежурный.

— Даже маму с папой! — повысил голос Стас. — И вообще следите за ним максимально пристально.

— Куда уж максимальнее? — удивленно ответил Эдуард. — Что в камеру к нему личную охрану посадить?

— А знаешь, хорошая идея, — сказал Стас. — Действуй.

Он прервал связь и взглянул на часы, выругался. Он спешил переговорить ещё с одним подозреваемым в деле о похищении Касьяна Каменева. Но тут у него вновь зазвонил мобильник, Стас взглянул на дисплей, принял вызов и включил динамик.

— Привет, Ника, — бросил он весело. — Если ты по поводу Курбатова, то я принял меры.

— Стас!.. — встревоженно и испуганно проговорила Ника. — Слушай... Мне очень нужна твоя помощь... Пожалуйста!

— Так, дыши ровнее. Где ты находишься? — Корнилов старался не поддаваться взметнувшейся внутри него тревоге.

Ника продиктовала адрес.

— Это недалеко, я сейчас буду, — ответил Стас. — Теперь рассказывай, что случилось?

Услышав, что Ника едва не разбилась в аварии, Стас едва удержался, чтобы не высказать девочке все, что он думает о её самоуправстве. Но сдержался. Его обвинения и нотации последнее, что сейчас нужно Нике.

Когда он добрался до места аварии, там уже была и полиция, и скорая, и даже автомобиль МЧС. Нику Стас нашел в машине у полицейских. Её и ещё какого-то паренька с неприятным, слишком смазливый и заметно побитым лицом. У него была перебинтована голова на губе красовался пластырь. На левой скуле темнел здоровый синячище, как будто

парнишка с разбегу угол дома поцеловал.

Стас показал удостоверение и забрал и Нику, и парня в свою машину. Но мальчишку Ника попросила подождать на улице. Юноша явно расстроился, но подавать виду не стал, просто молча кивнул и пожал плечами. Ника села рядом со Стасом.

— Ну и как ты умудрилась? — спросил Корнилов мягко.

Ника выглядела измотанной, истощенной и просто катастрофически уставшей. Она лишь бессильно пожалала плечами.

— Водитель вон того Рэндж Ровера впилился в нас... Его пару минут назад на скорой увезли.

— Он живой? — спросил Стас.

Девушка в ответ лишь пожалала плечами. Взгляд её был пустым и отстраненным.

— Вроде да, но... Он не приходил в себя....

Она нервно, шумно сглотнула. Бойтся, что из-за нее может погибнуть тот водитель Рэндж Ровера, понял Стас.

— Ника, — он положил руку ей на плечо. — Позволь узнать, куда ты так торопилась на машине своего дяди?

Она вздохнула. Ей явно было тяжело собраться с мыслями.

— Он проиграл свой автомобиль одному... ну, видимо очень влиятельному человеку, — Ника закрыла глаза. — Поскольку сам он был ехать не в состоянии...

— Поехала ты, — Стас бросил взгляд назад, в окно, на парня стоящего возле его машины, — и твой ухажер. Я же правильно всё понял?

— Что?! — встрепелась Ника и тут тоже оглянулась на парня. — Да нет... нет, ты что.

Она покачала головой.

— Мы не вместе... Ну, в смысле мы не встречаемся... Ну, то есть встречаемся, но только, когда он приходит к нам... Он... он работает у дяди Сигизмунда...

Она глубоко вздохнула и тихо добавила.

— Бесплатно.

Стас усмехнулся.

— Надо полагать, у него на то более чем серьезные причины. Ну, или одна, по крайней мере.

Ника в ответ лишь недовольно встряхнула головой.

— Машину нужно было отдать до семи часов утра, — продолжила Ника. — А теперь... Стас, я... я не знаю, что теперь будет.

Он с надеждой взглянула на него. Корнилов пару мгновений смотрел в её эффектные, искрящиеся синие глаза.

— Что-нибудь придумаем, — обнадеживающе ответил он, — адрес этого человека можешь сказать?

Услышав названный адрес Стас не удержался и расхохотался.

— Так говоришь, он — владелец подпольного казино?

— Да-а... — с легким подозрением протянула Ника. — Если я правильно поняла слова дяди Сигизмунда. А почему ты улыбаешься?

— Да так, есть причина, — туманно ответил Стас.

Причина для улыбки была. Потому, что по адресу, который назвала Ника по иронии судьбы проживал Версальский Аполлон Юрьевич.

Корнилову удалось убедить подъехавших на место аварии ППС-ников не проверять права у Ники и её парня.

Когда машину дяди Сигизмунда увезли на эвакуаторе, Стас отвёз Нику и её спутника обратно в мастерскую.

— Ника, а можешь мне ненадолго одолжить свой блокнот с рисунками? — спросил Стас, когда они приехали. — Мне нужно кое-что сравнить.

Корнилов знал, что Лазовская имеет привычку зарисовывать свои видения в блокнот. И это довольно полезный инструмент в расследованиях. Тем более, что рисовать Ника умеет и очень даже хорошо, как для самоучки.

Когда Ника убежала за блокнотом, Стас посмотрел ей вслед, затем взглянул в зеркало заднего вида:

— Как тебя зовут? — спросил он парня.

— Мирон, — ответил тот.

— Что с головой, Мирон?

— Подрался, — коротко ответил парень.

Борзый и дерзкий, подумал Стас, глядя на него. Небось ещё и самоуверенный. Девочки в возрасте Ники любят таких.

— С кем, если не секрет?

— С одним му**ком.

— Ну, что ж бывает, — хмыкнул Стас. — А сюда ты зачем пришел работать?

— А что?

— Отвечай.

— Ну, из-за неё, — нехотя отозвался парень. — А то вы это сами не поняли.

Стас усмехнулся. Ишь, какой наблюдательный.

— И что ты хочешь от Ники?

Мирон хмыкнул.

— Не поверите, — покачал он головой. — Любви и отношений.

— Действительно, — медленно проговорил Стас. — Поверить трудно.

— Ну от всего остального я тоже не откажусь. Я же не железный, — добавил Мирон с легким раздражением. — Но, я не буду... ну...

Он прокашлялся.

— Короче, я не знаю кем вы ей приходитесь, но если она сама не захочет... я тоже не буду. Вас же это волнует?

— Это тоже, — сухо ответил Стас. — Но больше меня волнует её сердце.

— В смысле?

— Разобьешь его, я тебе жизнь сломаю. Имей ввиду.

Мирон пару секунд смотрел на Стаса, пытаясь видимо понять насколько серьёзна угроза. Стас не угрожал. Он ещё не опустился до того, чтобы всяких сопляков запугивать. Он просто предупреждал. Констатировал факт неизбежности наказания.

— Ты понял? — спросил Стас.

— Да, — недоброжелательно ответил Мирон.

— Вот и молодец. Свободен... Хотя, постой. Ты где учишься?

Мирон уже, собравшись выйти, неприязненно ответил:

— В колледже имени Максимчука.

Стас обернулся и взглянул в глаза парня.

— Неожиданно, — прокомментировал он. — В МЧС, значит, хочешь?

— Хочу! — с завидной горячностью ответил Мирон. — И буду.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Стас. — Зачетку буду проверять.

— Почему это?

— Потому что иначе это будет делать её дядя. Хочешь?

— Да нет, — подумав ответил парень. — Спасибо. Ладно... Если это нужно, чтобы быть с Никой.

— Касательно этого. Ника на тебя явно обижена. Я хочу знать, за что?

— Вам это не понравится.

— Это мне решать.

— Я... — Мирон вздохнул. — Я совершил подлый проступок.

— Какой? — ровным голосом спросил Стас.

— Я поспорил... Поспорил, что...

— Можешь не продолжать. — ответил Стас.

— Вы злитесь?

— Нет. Но думаю мне не стоит тебе говорить, что с тобой будет, если ты выкинешь ещё раз что-то подобное.

— Нет нужды, — холодно ответил Мирон.

— Рад, что мы понимаем друг друга. Свободен.

Мирон вышел из автомобиля. Затем прибежала Ника с блокнотом в руках. Она удивленно посмотрела на Мирона, затем отдала блокнот Стасу.

— За машину не беспокойся, — сказал ей Стас. — Всё будет в порядке.

— Спасибо.

— Не за что, — Стас кивнул на парня за её спиной. — Если что, звони.

— Конечно, — улыбнулась Лазовская.

Слышавший их разговор Мирон лишь пренебрежительно и недовольно фыркнул.

Корнилов развернулся и поехал прочь. В зеркало заднего вида он наблюдал, как Ника и Мирон о чем-то беседуют. Стас усмехнулся, покачал головой. Эти двое ещё не представляют, насколько просты и легки их отношения в этом возрасте. Взаимные бурные эмоции, опрометчивые поступки, наигранные переживания, показушные фотки в сети. Бесконечные поцелуи, когда наедине, и игра во взрослую жизнь, которая позже, с возрастом перерастает в беспорядочный, неумелый секс. Впрочем, что касается последнего, Стас был уверен, что Ника в ближайшее время отношениям до такого дойти просто не даст. Головка-то у нее хорошо соображает, она не дурочка, хоть и маленькая ещё. Должна знать, что мальчишек влечет прежде всего, и чего им точно предлагать в таком возрасте не следует.

Через час он уже стоял перед дверями дома Версальского и звонил в дверь. Когда хозяин дома открыл, он с усталым раздражением вздохнул.

— Господи... Опять вы? Что на этот раз? — Вы позволите войти?! — не скрывая усмешки, спросил Стас.

— Ну, заходите, — вздохнул Версальский.

Аполлон Юрьевич провел Стаса в роскошную, просторную гостиную с интерьером в стиле современного Рококо. Стаса он встретил в светлом, роскошном халате и чашкой горячего шоколада в руке.

— Извините за внешний вид, я только встал, — ответил Аполлон Юрьевич.

— Ничего. Я ненадолго.

— Правда? Какое счастье, — с сарказмом ответил Версальский.

— Согласен, — кивнул Стас. — Я слышал, вы сегодня ночью хорошо повеселились?

Тут Версальский замер с настороженным видом.

— Простите?

— Я слышал, вы любите играть в казино? — спросил Стас не переставая усмехаться. —

Даже выиграли машину у одного немолодого поляка.

Лицо Версальского изменилось.

— Так и знал, что в моем казино есть ментовские стукачи.

— А как же, — усмехнулся Стас. — Они есть в каждом подпольном казино. Вы не знали?

Версальский устало опустил в одно из кресел.

— Ну, и что теперь? — спросил он недовольно, — Арестуете меня? Сразу говорю, у меня очень хорошие адвокаты.

— Не сомневаюсь, — ответил Стас, — но, учитывая, что ваша IT-компания в ближайшее время собирается получить важный государственный заказ, едва ли вам нужен скандал связанный с незаконными азартными играми. Как думаете?

— Чего вы хотите, подполковник? — вздохнув, раздраженно спросил Версальский.

— Мне нужны имена людей, которые могут быть причастны к похищению Касьяна Каменева. И вы знаете их. Тех людей, которые действительно жаждали мести Каменеву.

Аполлон Юрьевич откинулся в кресле, поднес к губам чашку с шоколадом, сделал два больших глотка.

Стас ждал. Он видел, что Версальский, хоть и не подавал виду, крайне напряженно размышлял.

— Чёрт с вами, — ответил он. — Я скажу вам имена тех, кто реально собирался мстить Каменеву на полном серьёзе.

— Мудрое решение, — ответил Стас.

Версальский одарил его мрачным, недоброжелательным взглядом и назвал несколько имён. Но особенно выделил одно из них. Иероним Дементьев.

— Это муж Инги Дементьевой, — объяснил Версальский. — Одной из тех, кому в статье Каменева, образно говоря, досталось больше всех.

Корнилову показалось, что в голосе Версальского послышались нотки злорадства.

— Вы как будто рады этому.

— Позору и злости Дементьевых? — криво ухмыльнулся. — Как по мне, так им мало досталось. А что касается моей пассивности... Вы знаете, хоть это и прозвучит странно, но-о... Хотя я все равно считаю его дотошным гов**ком, должен признать, что я... Я даже рад, что Каменев написал эту статью.

Стас приподнял правую бровь.

Версальский снова отпил из чашки.

— Серьёзно. Я хоть узнал, — он довольно усмехнулся, — с какой похотливой и развращенной особой все это время делил постель, и на кого тратил свои деньги.

— А раньше вы куда смотрели?

— Куда? — посмеялся Версальский. — Да куда угодно! Только вот не в душу... Сиськи и задница хороши, фигура, как у богини, а вот с... понятием чести и достоинства, проблемы.

— О, да, — уже собираясь уходить ухмыльнулся Стас. — Увы ни то, ни другое за деньги не купишь.

Корнилов направился к двери дома.

— А жаль! — с издевательской веселостью бросил ему в след Аполлон Юрьевич.

Стас вышел из его дома, сел в свой автомобиль и обдумал услышанную информацию. Действовать нужно было быстро. Так как можно не сомневаться, что чего-чего, а времени у Касьяна Каменева нет. Более того, будет огромной удачей, если Стас и его люди смогут найти Каменева живым. Вполне вероятно, что Иероним Дементьев, если за похищением и правда стоит он, уже убил и расчленил Касьяна. Или, наоборот. В зависимости от настроения.

ЛУКЪЯН КУРБАТОВ

Пятница, 26 августа

Пятьдесят четыре. Их было пятьдесят четыре. Лукьян никому и никогда ни за что на свете не признался бы, но он отлично помнил их всех. Их имена, лица, привычки, взгляды... Их одежду, их голоса, и даже, какие фильмы они любили смотреть, что любили есть и пить.

Почему? Да потому что это клуб «Горный путь» для них всех стал семьей. Настоящей, любящей семьей.

А потом он и ещё десяток человек решили, что вся их большая семья совсем не стоит тех денег, что они могли заработать на сотрудничестве с местными бандитами. Семья в лице подавляющего большинства членов альпинистского клуба категорически отказалась содействовать тем, кто торговал наркотиками. Семья осудила их. Осудила его, Лукьяна, и всех, кто был с ним заодно.

Лукьян отлично помнил, как Касьян Каменев, брат Кима Каменева, с яростью называл их меркантильными и алчными подонками, уродами, мерзкими ублюдками и другими подобными словами.

Лукьян отлично помнил, как Касьян, самый главный оратор и один из идейных вдохновителей клуба, разжигал ненависть к ним.

К Лукьяну и его сообщникам.

Их решено было исключить и изгнать. А бандитов, что устроили склады под землей, рядом с резиденцией клуба должны были сдать властям.

Подумать только!.. Эти забитые бесполезными принципами и блаженными представлениями о морали праведные олухи готовы были пустить по ветру свой шанс. Шанс на достойную жизнь! Шанс, которого заслуживал каждый из них! Они все были сиротами. Все были когда-то брошены, оставлены и никому не было до них дела.

Они все чудом смогли выжить, пройдя через тяжелейшие испытания.

Он, Лукьян, как и многие другие из клуба, сознательную жизнь начал с детского дома. Потом была улица, его первой пусть и фальшивой семьей стала одна из уличных банд. Лукьян тогда много опасных глупостей наделал. Да таких, что и вспоминать не хочется.

Курбатов закрыл глаза, вздохнул.

Ему потребовалось приложить немалые усилия, чтобы выбиться в люди. Занять хоть какое-то достойное положение.

Даже вспоминать трудно, на какие унижения ему пришлось идти, чтобы заработать деньги на хлеб, чай и лапшу быстрого приготовления!

И вот судьба подкинула возможность разбогатеть, а эти тупицы из клуба начали

воротить нос, возмущаться и злиться.

Безмозглые кретины! Глупое, безвольное стадо с наглухо вбитыми в голову всякими правилами, законами... Какими-то искусственными границами в своих мозгах!.. Стадо!..

Лукьян от всплеска негативных эмоций беспокойно заерзал на скрипучей койке в камере изолятора. Повернулся на бок, посмотрел на голую светло-серую стену. Раздраженно вздохнул.

И теперь кто-то из этого стада, оказывается, выжил в том пожаре.

Если верить теории подполковника Корнилова. Кто-то выжил, затаил злобу и начал убивать их, заговорщиков. Тех, кто сознательно убил пятьдесят четыре человека. Тех, кто сжег свою семью. Тех, кто просто хотел жить и жить хорошо, а не так, как раньше.

Кто убивает их... Лукьян глумливо и зло ухмыльнулся.

Если бы этот подполковник только знал, как далек он от истины!

Лукьян усмехнулся, но улыбка быстро скисла на его губах. Он всё ещё не придумал, как ему выпутаться. Он не ожидал, что арестуют только его. Арестовать должны были всех. Всех до единого. Тогда бы и он знал, что ему делать, и Майя с детьми была бы в безопасности.

Лукьян уже который день мучился тяжелыми раздумьями.

Он пытался найти выход и не мог. Но должен был!.. Иначе... Иначе в следующий раз Майю и своих детей он увидит в лучшем случае лет через пятнадцать-двадцать. А то и вовсе упекут в какой-нибудь «Черный дельфин» и он состарится за решеткой и сдохнет там же.

Корнилов поставил ему условие. Он должен опознать всех выживших или хотя бы большинство. Хорошо, тут Лукьян мог вывернуться. Соврать, не договорить, придумать какие-то левые истории и вообще пустить полицию по ложному следу. Дальше то что? Его-то отсюда не выпустят... А ну как подполковник Корнилов догадается, что Лукьян их водит за нос? Возьмет и, правда, даст интервью прессе, что мол Лукьян Курбатов заговорил... Лукьян ощутил тяжесть крепнущего в сознании ужаса от мысли, что случится с Майей и детьми. Больше всего у него вызывал опасения Ким Каменев. Этот вообще без руля... С тех пор, как его предал его младший брат, ему не занимать ни решительности, ни жестокости. Да и скор он на расправу.

Чёрт... Надо было заняться им, а не его младшим братом.

Сложность ещё заключалась в том, что Лукьян знал того, кого ищет полиция. Знал, кто убивает. Знал даже, где его можно найти. Знал... Но говорить об этом не собирался.

Почему бы не предложить полиции сделку в связи с этим? Так ведь нет никакой гарантии, что подполковник Корнилов не начнет его попросту шантажировать, пугая расправой над женой и детьми.

Нет... Нужен другой план, другие действия. Такие, которые как минимум помогут максимально смягчить наказание для Лукьяна.

Он уже понимал, что сядет. Не хотел верить, но понимал, что это неизбежно.

Но имеет колоссальное значение, где сидеть, сколько и за что.

В коридоре возле его камеры раздались шаги.

— Он здесь? — командным, властным голосом спросил кто-то.

— Так точно, — ответил офицер наблюдающий за камерами следственного изолятора.

— Открывайте!

— Послушайте, товарищ капитан. У меня приказ...

— Тебе, что не ясно было сказано? — вмешался неприятный женский голос, с визгливыми нотками. — Открывай, пока погоны не слетели. Живо!

Лукьян услышал, как в двери его камеры повернулся ключ, что-то щелкнуло в замке. Курбатов сел на койке, свесил ноги на пол.

В его камеру вошли двое. Молодой мужчина и девушка.

Лукьян не сразу сообразил, что они близнецы.

— Капитан Датский, — представился мужчина в деловом костюме и очках. — А это капитан Датская.

— Мы из Главного управления собственной безопасности, — сказала девушка, носившая такие же очки, как у брата. — Вас ждет встреча с адвокатом.

— С адвокатом? — переспросил Лукьян. — Но мы не договаривались о встрече.

— Мы предоставили вам другого адвоката, куда лучше вашего, — ответил мужчина. — Идемте.

Девушка подошла к растерянному Лукьяну и, изображая добрую участливость, проговорила:

— Идемте. Вас слишком долго лишали ваших законных прав.

— Кстати, — уперев руки в бока, сказал её брат, — хорошо бы, чтобы вы это упомянули в общении с прессой.

— С прессой?! — ошарашенно переспросил Лукьян. — Но... Я... Я не думал. Мне ведь не разрешено...

— Теперь всё изменилось, — девушка положила ему руки на плечи, как будто они были родственниками, что не виделись много лет. — Главное, запомните, не забудьте сказать всем, что это подполковник Станислав Корнилов заточил вас здесь без существенных оснований, и запретил любые контакты с близкими и с вашим адвокатом. Хорошо?

При этом она изобразила улыбку, но вышло не очень. От Лукьяна не укрылось злое торжество, которое исходило от этой парочкой близняшек. Курбатов усмехнулся. Кажется, ему выпала удачная карта. Эти двое явно ненавидят Корнилова. Да, им втроем есть, что предложить друг другу.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 26 августа.

Все было готово. Оставалось только дожждаться нужного момента.

Сумерки сгущались неторопливо. Ночь как будто не спеша, ненавязчиво подкрадывалась к городу. Небосвод наливался темной синевой ночи. Сияющие точки звезд на небе выглядели, как проколы от иголки в полотне вечернего неба, казалось, что через эти мелкие дырочки с любопытством подглядывало неуступчивое солнце.

В свете бледной, тусклой половинки луны, теряющейся в облаках, шикарный дом Иеронима Дементьева быстро и бесшумно окружали две группы спецназа.

— Товарищ подполковник, мы на позиции. Готовы к штурму, — раздалось в рации у Стаса.

Корнилов, сидя в мобильном наблюдательном посту, на борту неприметного микроавтобуса, не сразу ответил. Он сосредоточенно рассматривал мониторы камер наблюдения, установленных по периметру или на дронах-квадрокоптерах. Корнилов внимательно наблюдал за фигурами охранников, разгуливающих по территории особняка. Вдруг на губах Стаса появилась ироничная улыбка.

Сидящие рядом с ним офицеры УГРО, отвечающие за наблюдение и прослушивание непонимающе переглянулись.

А Стасу все происходящее до ужаса напоминало отрывок из сюжета какого-то жутко старого американского боевика, с банальным наигранным сюжетом. Полиция готовится брать штурмом логово какого-нибудь колумбийского наркобарона. Для полного соответствия когда-то очень популярному шаблону Стасу только не хватает быть смазливый, молодым полицейским или спецназовцем. И чтобы главный бандит непременно удерживал в плену его любимую.

Слава богу, его жена и дочь в безопасности. А в заточении Иероним Дементьев держит Касьяна Каменева. Об этом Стас узнал примерно пять часов назад. Когда один из сотрудников УГРО, якобы нечаянно столкнувшись с вышедшим за территорию охранником Дементьева, прицепил ему на одежду миниатюрную камеру с широкоугольным объективом. По счастливой случайности именно этот же охранник позже спустился в подвал. И, наблюдая через объектив камеры за происходящим, Стас обнаружил Касьяна. В крайне плачевном состоянии.

Именно поэтому решено было провести штурм как можно быстрее.

— Начинаем, — сказал Стас в рацию.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть шестая.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Пятница, 26 августа.

Бесконечная боль была единственным доказательством того, что он ещё жив. Истерзанное изошренными пытками тело Касьяна буквально стонало от переполняющей его боли. Боль проникала даже в его разум. Боль была его единственным спутником в зловонном мраке, где его держали. И именно боль не давала его рассудку помутиться.

То ли Рене Декарт, то ли кто-то ещё когда-то сказал: «Я мыслю, значит я существую». Касьян мог бы перефразировать это выражение так: «Я чувствую боль, значит я ещё жив».

Если бы не боль, он бы вконец рехнулся от одиночества и постоянного мрака, в котором его держали.

Мрак иногда прерывался, когда Иероним Дементьев или его свихнувшаяся на месте женоушка Инга спускались сюда помучить его. Они действительно делали это с неподдельным, злорадным восторгом.

Касьян не подозревал, что в обычных на вид людях могут жить и прятаться такие мерзкие, жестокие и кровожадные сущности.

Какими бы они ни были противными в жизни, он вряд ли бы поверил, что та же Инга может лить на спину человека крутой кипяток и при этом счастливо улыбаться или даже хихикать.

По поводу Иеронима все стало ясно, когда этот псих отрубил ему руку, но... Но он смог удивить Касьяна ещё не раз. Удивить и напугать.

Сверху раздались шаги. Касьян вздрогнул, напрягся, затих. Прислушался. Обычно, когда он слышал шаги и голоса, доносившиеся сверху, это было предвестием скорых мучений и страшных истязаний. Касьян поджал колени. Израненные пытками ноги запылали в местах саднящих ран. Каменев вжался спиной в холодную стену, снова прислушался. Он весь замер,

тщательно, боязливо вслушиваясь в происходившее наверху.

Кто-то закричал, Касьян вздрогнул. Грянули несколько быстрых выстрелов. Выстрелов?! Это были выстрелы?! Касьян слушал, но мешали громкие удары сердца. Пульс звучал в ушах, как ритмичный громкий шорох. Не зная, что происходит наверху, Касьян терзался тревогой неизвестности.

Прозвучали ещё какие-то крики. Затем над ним раздался гулкий, громкий топот десятков ног по потолку подвала. Что-то со звоном разбилось. Снова кто-то властно, угрожающе крикнул. Затем раздался визг женщины и вдруг Касьян услышал приглушенный голос орущего Иеронима Дементьева.

— Да я вас всех засужу! Вы теперь все бомжи безработные! Государственные шл**и!!! Я ваших матерей в *** *****!!! Су**ры! Собаки ментовские! Прощайтесь с погонами, нищоброды!

Касьян даже затаил дыхание. Да что там происходит? На кого это кричит Иероним? Звучит все так, как будто кто-то... вломился в дом Дементьевых... Зачем?...

Открылась дверь подвала. Каменев вздрогнул. По лестнице заскрипели шаги. Он услышал голоса.

— Он должен был быть где-то здесь.

— Найдем, товарищ подполковник.

Затем зажегся свет, и Касьян зажмурился, пугливо сжался, опасливо закрылся единственной, оставшейся у него правой рукой.

Он против воли задрожал всем телом. Он уже слишком сильно привык, что за светом, звуком голосов и шагов всегда следует боль и издевательства.

— Вот он! — раздался чей-то резкий возглас.

— Тихо, ты, — одернул крикуна другой голос.

Спокойный, ровный и прохладный.

Касьян услышал, как кто-то подошел к нему. Он, щурясь от режущего глаза света, взглянул на подошедшего мужчину.

Тот был довольно высоким, крепким с какой-то немного военной выправкой. У мужчины были короткие светло-русые волосы и серебристо-серые глаза.

— Касьян Каменев? — спросил мужчина с серебряными глазами, и коротко представился. — Подполковник Корнилов.

Он поднес к глазам Касьяна свое удостоверение. И Каменев, не поверив услышанному, с надеждой подался вперед, вчитался в удостоверение. Подполковник! Полиция... Уголовный розыск!

— Помогите... — пересохшими об обезвоживания губами прошептал Касьян.

— Обязательно, — кивнул Стас и обернувшись властно крикнул. — Где врачи, чёрт возьми?! Нужны носилки и экстренная медицинская помощь.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 26 августа.

Касьян был очень плох. Забравшие его врачи скорой помощи сообщили, что состояние Каменева близко к критическому. И очень вероятно, что может понадобится реанимация.

Касьян был обессилен, измучен и вдобавок сильно болен. Корнилов понимал, что Касьяна похитили и силой удерживали в подвале совсем не ради благих целей. И ему стоило

бы быть готовым к тому, что, когда они арестуют Дементьевых и тех охранников, что оказывали сопротивление, он увидит изголодавшегося, изможденного и перепуганного Каменева. Даже про цепь, которой к стене, как животное был прикован Каменев, Стас догадался и не особо удивился. Он ко многому был готов. К следам побоев, синякам, ранам, ссадинам на теле Касьяна. Готов был увидеть страх и ужас в глаза Каменева. Он вполне ожидал найти в подвале дома Демьяновых человека, забитого и запуганного, замученного голодом и издевательствами. Но то, что Дементьевы за относительно короткий срок успели сделать с Каменевым, превзошло все ожидания Стаса. Касьян был не просто напуган и сильно избит. Это-то было ожидаемо. Но Каменев был буквально истерзан жесточайшими пытками. Его тело, как рассказали врачи, в буквальном смысле покрыто ожогами, порезами и синяками.

На левой ноге у него натурально вырваны ногти. Во рту самым варварским способом удалены несколько зубов. На спине Касьяна обнаружили ужаснувший, потрясший всех докторов в больнице ожог. Переломы ребер, истощение, обезвоживание, ожог и, в довершение ко всему, отрезанная левая рука.

Последнее ошарашило Стаса. Он многое мог понять: злость, ненависть, раздражение, желание отомстить... Но это уже выходило за рамки обычной мести!

Супруги Дементьевы оказались какими-то невероятными извергами и садистами. Трудно представить, что они все это сделали лишь из-за пикантной статьи Каменева... Хотя, чему он удивляется? Разве Стас в первый раз становится свидетелем того, как под личиной ничем не примечательных людей скрываются озлобленные, кровожадные сущности? Нет. Это даже далеко не десятый, не сороковой и не сотый случай в его жизни. И можно быть уверенным, что не последний.

Корнилов сидел в коридоре, чтобы переговорить с Каменевым.

Важно было узнать, кто ещё мог быть причастен к его похищению.

А также Стас хотел поговорить с ним о том, что случилось в альпинистском клубе «Горный путь».

Корнилов понимал, что Касьян, если он был там в ту роковую ночь, скорее всего принадлежит к тем, кто сжег там несколько десятков людей. И в таком случае у него нет никаких причин рассказывать Стасу правду. Однако кто знает. Возможно запуганный, забитый и переживший настоящий шок Каменев будет куда более разговорчив, чем тот же Лукьян Курбатов.

Если Лукьян продолжит выеживаться и ставить условия, придется действовать по-другому. Отлавливать всех, кого можно подозревать в массовом убийстве членов клуба «Горный путь». А это будет непросто, потому что они будут врать. Все до единого. Врать и валить друг на друга. И поди разберись, кого запугали и на кого надавили, а кто действовал вполне добровольно.

Да ещё у Курбатова появятся дополнительные козыри в рукаве.

Стас прекрасно понимал, на что рассчитывал Курбатов.

В том случае, если их всех арестуют, он выдаст полиции необходимые сведения в обмен на смягчения приговора.

Беда в том, что Стас не хотел смягчать приговор для Курбатова.

Он должен был сидеть. И сидеть пожизненно. Здесь Стас был непреклонен. Он не даст Курбатову избежать наказания!

Но пока поговорить с Каменевым было невозможно.

Во-первых, он впал в состояние близкое к коме. Во-вторых, врачи были категорически против.

Стасу оставалось только ждать и надеяться. Вполне возможно, что Касьян Каменев — это его шанс. И стоило попытаться воспользоваться им раньше... Хотя... Тоже неизвестно, как бы поступил Каменев.

ЛУКЪЯН КУРБАТОВ

Пятница, 26 августа.

Размеренное тиканье часов усиливало раздувающееся в груди волнительное чувство. Курбатов, сложив руки на стол, ожидал появления своего адвоката. Вместе с неуловимым, тревожным чувством его подтачивало и азартное любопытство. Что это за адвокат? Сможет он ему как-то помочь. И, самое главное, насколько эффективно он, Лукьян Курбатов, сможет его использовать.

Затем Курбатов задумался о близнецах Датских. С первого взгляда ясно, что эти двое на дух не переносят подполковника Корнилова. А если так, то почему бы не попытаться сойтись с ними. Ему есть, что им рассказать о Станиславе Корнилова. Ну, конечно, кое-что придется приукрасить, а кое-где солгать, но что такое ложь для Лукьяна Курбатова? Да полжизни он только и занимается тем, что профессионально лжет. И изрядно поднаторел в этом деле.

В коридоре послышались шаги. Чуть слышно лязгнула дверная ручка. Курбатов напрягся, чуть приосанился, крепче сжал сплетенные пальцы рук.

В комнату для встреч с задержанными и подсудимыми вошел делового вида мужчина в сером костюме и темно-синем галстуке.

Лукьян не мог не отметить, что у него был очень запоминающийся образ. Темно русая шевелюра пышных волос и такие же распушившиеся густые усы, переходящие в топорщащиеся бакенбарды.

— Вечер добрый — произнес мужчина и переложил в левую руку свой черный портфель.

— Скоро уже будет ночь, — хмыкнул Курбатов.

— Верно, но пожелание «доброй ночи» при первой встрече выглядело бы странно, — чуть усмехнулся адвокат.

Он подошел к столу, протянул Лукьяну руку.

— Лазарь Мельник. Ваш адвокат.

— Я так и понял, — ответил Лукьян и чуть нахмурился.

Голос Лазаря показался ему странно знакомым. Как будто он где-то уже слышал его. Не слишком давно и далеко не один раз. Как задетая струна в сердце Лукьяна дрогнуло беспокойство, и по всему телу разлилась резонирующая волна настороженного сомнения.

Курбатов не мог вспомнить, где он слышал голос Лазаря Мельника. Но, собственно, с чего он взял, что он слышал? В конце концов ему могло и показаться. Хотя...

— Приступим? — Лазарь открыл портфель и достал какие-то документы.

Курбатов молча пожал плечами, наблюдая, как адвокат деловито выкладывает на стол многочисленные листы с текстом, печатями и фотографиями.

— Мне с большим трудом удалось получить ваше дело, — раскрыв на столе серую

папку, произнес Лазарь.

— Я вообще удивлен, что вы его в конечном итоге получили, — честно признался Лукьян.

— Да-а... За вас тут крепко взялись, — кивнул Лазарь. — Итак приступим. Нам необходимо разработать стратегию вашей защиты.

— А вы считаете, что есть стратегия, которая в состоянии мне помочь, Лазарь? — с пренебрежительным скепсисом спросил Курбатов.

— Ну, учитывая наличие вещественных доказательств, это, конечно, будет нелегко, и я, разумеется, ничего не гарантирую, — адвокат вынул из портфеля ещё один лист в канцелярском пакете и протянул Лукьяну. — Берите. Ознакомьтесь...

— А что это? — спросил Курбатов вытягивая лист бумаги из файла.

— Полезная для вас информация, — ответил Лукьян.

Курбатов, нахмурив брови и сосредоточившись, углубился в чтение.

С этим адвокатом они просидели ещё два часа. После чего Лукьяна снова проводили в его камеру. Близнецы Датские остались в расположении УГРО. Курбатов видел и слышал, как они ругались с каким-то мужиком в генеральских погонах.

Лукьяна завели в его камеру и закрыли дверь. Курбатов оглянулся на дверь с зарешеченным окошком, прислушался к удаляющимся шагам дежурного офицера. Отвернувшись, он снова попытался вспомнить, где мог слышать голос адвоката. Он точно был ему знаком. После двух часов общения с этим человеком у Лукьяна не было в этом никаких сомнений.

Он присел на свою койку. Та тихо протяжно скрипнула. Лукьян откинулся на кровать. Скривил губы, размышляя о Мельнике.

Лукьян не мог объяснить, но откуда-то знал и понимал, что Лазарь вел себя не как адвокат. Вернее сказать, он настолько старательно пытался вести себя и разговаривать, как адвокат, что это вызвало у Курбатова сомнения. Внезапно Лукьян резко сел, дотронулся до своего лица. Попробовал скривить губы, высунуть язык и произнести простые слова. И цепenea от ужаса, осознал, что его ротовая полость и лицо стремительно немеет.

Курбатов подхватился с койки, подбежал к двери камеры и забарабанил кулаком. Он закричал в надежде позвать кого-то.

Но вместо слов с его теряющихся чувствительность губ срывались лишь не понятные звуки.

Лукьяна охватила неконтролируемая паника, страх рвал душу и душил в когтях сердце. Чувство одиночества и обреченности заполняло его сознание. Он уже чувствовал, как его тело перестает слушаться его. Он чувствовал, как ему становится тяжело двигать конечностями и даже дышать.

— С**а... — невнятно, слабо простонал Лукьян.

Он что было сил поднял правую руку и ударил по двери камеры. Затем ещё раз и ещё. Лукьян толкался в дверь плечом, толкал локтем и даже бился головой

Тщетно. Силы оставляли его. Сознание начинало туманиться. В животе кольнуло, и он почувствовал острую резь в животе и резкую тошноту. По его дряблым, бессильным губам стекала слюна, стопы и икры начинало подергивать от судорог.

Из последних сил Курбатов снова постучал локтем в дверь камеры. И слабо, невнятно крикнул. В следующий миг он завалился набок, упав на пол. Последнее, что он помнил перед потерей сознания, это открывающуюся дверь камеры и чей-то громкий возглас.

Хотя, может, это уже был обычный бред и галлюцинации.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 26 августа.

Он покинул больницу, где остался Касьян Каменев, как только ему позвонил Коля. Слова Домбровского прочно застряли в голове Стаса и повторялись в черепе, словно незатихающее эхо.

— «Стас! Курбатов в реанимации! Похоже отравление!» — сказал ему в трубке нервный голос Коли.

Уже за рулем Дефендера Стас со сдержанной холодностью поинтересовался подробностями. Коля рассказал ему, что сначала появились близнецы Датские. Корнилов лишь раздраженно, негодующего вздохнул. Затем Николай рассказал об адвокате, которого Датские привели к Курбатову. После разговора с ним, Курбатову стало плохо в его камере. Стас завершил разговор с Колей и сотряс воздух в салоне автомобиля несколькими сочными, содержательными ругательствами.

Оказавшись в больнице, Корнилов поднялся на лифте и направился в реанимационное отделение. Здесь он обнаружил Николая и Арсения. Коля с угрюмым и задумчивым видом, сложив руки на груди, стоял у стены. Сеня рядом сидел на лавке, рассеянно глядя в одну точку.

Оба оперуполномоченных отлично понимали, что сейчас в лице Курбатова в один момент могут потерять главного виновника гибели пятидесяти четырех человек, и ценнейшего свидетеля по делу о Монохромном человеке. Они одновременно повернули головы, услышав шаги Стаса.

Корнилов молча пожал операм руки и кивнул.

— Какие новости?

— Без изменений, — качнул головой Коля.

— Прогнозы?

— Неутешительные, Стас, — вздохнул Коля. — Врачи сказали, это был яд на основе тетродоксина.

— М-м, — протянул Стас, — Оригинально.

Корнилов фыркнул.

— И ведь не поленился найти фугу для такого дела, — проворчал Корнилов.

— Теоретически, — улыбнулся Коля. — Это ещё мог быть калифорнийский тритон или синекольчатый осьминог. Я слышал, у тритонов токсин в икре содержится, а у осьминога в слюнных железах.

— Да, только в первом случае тогда пришлось бы ждать, пока эта ящерица отложит икру, а во-втором переться аж в Океанию. — Стас пожал плечами. — Слишком проблемно.

— О, — хмыкнул Сеня и кивнул за спину Стаса. — Смотрите-ка, кто к нам спешит.

— Не иначе, как двое из ларца. — не хорошо усмехнулся Коля.

— Из ларца в мультике были, — проворчал Сеня недоброжелательно. — а эти... из другого места вылезли.

— Не кипятись, — Домбровский похлопал друга по плечу.

Стас повернулся к подходящим Датским.

— Подполковник Корнилов, — без предисловий начала Ольга Датская, — вы обвиняетесь в превышении полномочий и фабрикации уголовного дела, а также...

— Рот закрой, — оборвал её Стас.

Ольга Датская подавилась словами и возмущенно уставилась на Корнилова.

— Что вы себе позволяете?

— Ты что, меня не расслышала?! — прорычал Стас.

Проходившие мимо женщины в медицинской одежде пугливо оглянулись на него.

Стас обычно сдержан и вежлив с женщинами, но Ольга Датская, во-первых, невероятно раздражала его, а во-вторых, они с братом поставили под угрозу все расследование Стаса и его оперов.

Поэтому да, он считал в праве здесь и сейчас так себя вести с Ольгой Датской.

— Корнилов, — выступил вперёд Максим. — Будь-ка поосторожней и повежливей с моей сестрой!

В глазах парня сверкнула рычащая злость. Ты посмотри, как завёлся, подумал Стас.

— Вы втроем и так уже в шаге от разжалования и ареста! Туда вам, бандюгам и дорогам! Стране давно пора избавиться от таких бесполезных...

Стас не выдержал и, схватив Максима за ворот рубашки, притянул к себе. Отбил его хлипкий ответный удар и ударил сам в лицо. Жестоко. С яростью. С пылким желанием причинить боль.

Стас нанёс несколько быстрых, резких ударов по лицу Максима Датского. На одежду Корнилова брызнула кровь парня.

— Прекратите! Прекратите! — визжала Ольга.

Она выхватила пистолет, но Николай Домбровский проворно заломил ей руку и выдернул оружие.

Корнилов оттолкнул Максима. Тот упал на спину, растянулся на полу стеная и морщась от боли. По его лицу стекала кровь из разбитых бровей, губ и носа. Кровь стекала по подбородку на рубашку и впитывалась в ткань.

— Не смейте его бить! — провизжала Ольга в руках Домбровского. — Сволочи! Мы вас всех посадим! Выродки!

Стаса не волновали её крики. Его зверь вырвался наружу. Он вспомнил Нику и зловещий синяк на щеке девочки. Стас больше не бил Максима Датского. Это было ненужно. Но необходимо было оставить напоминание, как не стоит поступать взрослому и сильному мужчине с беззащитными четырнадцатилетними девочками. Корнилов наступил каблуком ботинка на правую руку Максима, и резко повернул, вдавливая подошву в плоть. Раздался мерзкий, но удовлетворительный для Стаса хруст. Максим Датский заорал, скривившись от боли.

— Урод! — с ненавистью воскликнула Ольга Датская, глядя на Стаса. — Ненавижу тебя!

— Ну, теперь у вас обоих есть значимый повод, — мрачно ответил Стас, глядя на воющего от боли Максима.

— А что здесь такое происходит, вообще, а?! — к ним подошли несколько докторов и санитаров.

Один из них, по всему виду, заведующий отделением, в растерянности оглядел всех участников конфликта.

Пятница, 26 августа

Я вытолкала хихикающего Мирона за калитку, и закрыла за нами дверь. Вокруг уже цвело утро последних августовских дней. Светлое небо в пастельных тонах нависало над многочисленными новостройками и двориками. На дереве через дорогу старательно чирикала стайка желтобоких синичек.

— Да успокойся ты, принцесса! — смеялся Мирон.

— Тихо! — зашикала я на него, и пугливо оглянулась на наш дом. — Дядя уже проснулся! — Ну, так мне самое время с ним познакомиться! — улыбнулся мне Мирон.

— Мы это уже обсуждали, — кивнула я. — У тебя и так живого места на лице нет.

Это было правда. Если раньше при взгляде на нахальное лицо Мирона я зажигалась тихим негодованием, то сейчас меня разбирала бессильная жалость к нему. На левой стороне лица кошмарный синяк, наливающийся болезненным багрянцем и желтизной, голова перебинтована, и губа заклеена пластырем.

Я не удержалась, поднесла ладонь к его лицу, легко и ласково провела кончиками пальцем по его щеке. Мои пальцы ощутили шероховатую щетину. Хм, а мальчишки уже бреются в шестнадцать лет или нет?

Мирон вдруг перехватил мою руку. Я вздрогнула от неожиданности, сердце забилося чаще. Хотя, пусть это и прозвучит до мерзости слащаво, когда он рядом, оно все время чаще бьется. Намного чаще.

Мирон с улыбкой поднес мою ладонь к губам, я почувствовала прикосновение его теплых губ к своей коже. Мое дыхание нервно дрогнуло. Вязкое оцепенение разлилось по моему телу от макушки до пяток.

— Ты мне позвонишь? — спросил он тихо и вскинул брови. — Или будет лучше, если я сам?

— Ты можешь мне написать... — предложила я скромно.

Мирон скривился.

— Я хочу слышать твой голос и общаться с тобой, а не с бездушным приложением в телефоне.

И не знаю почему, но эти его слова затронули что-то внутри меня. Должно быть, потому, что прозвучали с ехидной и насмешливой искренностью, которая иногда так свойственна Мирону.

— Ладно, — вздохнула, забрав у него свою ладонь. — Я буду ждать твоего звонка.

— Договорились, — счастливо улыбнулся он. — Но, если ты не будешь брать трубку, я буду писать.

— Я возьму, — усмехнулась я, глядя на него.

— Рад слышать, — и тут он внезапно наклонился ко мне с явным намерением поцеловать. Я пугливо отшатнулась.

— Ну ты что?..

— А что? Я думал это нормально, когда люди встречаются.

— Вообще-то... — начала я и замолчала.

— Что? — правая бровь парня вопросительно изогнулась.

— Я... — я не знала, какое оправдание придумать, и ляпнула первое, что пришло в голову. — Я же даже... даже фамилии твоей не знаю.

— Ты не целуешься с теми, чью фамилию не знаешь? — кивнул улыбаясь. — А вообще, знаешь, правильно делаешь!

Он хмыкнул.

— Только... — он отвел взгляд, с усмешкой покачал головой. — Только громко не хихикай.

— Ладно... я и не собиралась... — слегка растерянно и удивленно проговорила я.

— Зубатый, — пожал плечами Мирон.

— Зу... Зубатый? — улыбнулась я со смешком и тут же прикрыла рот ладонями. —

Прости! Прости, пожалуйста!

— Да все нормально, — ухмыльнулся Мирон. — Я уже давно привык.

— Необычная фамилия, — заметила я, старательно сдерживая улыбку. — Но тебе точно подходит.

— Считаешь?

— Уверена, — шепнула я.

Мирон хотел что-то ответить, но тут над двором разнесся требовательный и недовольный возглас дяди Сигизмунда.

— Ни-ика!!! Ника где ты?! Эй! Ягодка! Куда опять подевалась...

— Всё! Всё! Уходи! Уходи, пожалуйста! Быстрее! — зашептала я и нетерпеливо замахала руками, чуть подпрыгнув на месте. — Пожалуйста!

Мирон поднял правую руку. Я помахала в ответ и юркнула через калитку во двор нашего дома. Я увидела дядю Сигизмунда. Он, недовольно жмурясь на солнце, уперев руки в бока, стоял посреди газона, слева от проезжей дороги в гараж.

— Я здесь, дядя Сигизмунд! — я закрыла за собой калитку и сдула с лица платиновую прядь волос.

— А-а... — протянул дядя.

Его заметно пошатывало. Вчерашние развлечения давали о себе знать. Как бы ему аккуратно намекнуть, что пора хотя бы сделать перерыв и немного отдохнуть... от такого вида отдыха?

— Слушай, ягодка, — дядя сделал несколько не очень твёрдых шагов, втянул носом свежий утренний воздух и оглядел двор мастерской. — Я не могу взять в толк... Где, чёрт побери, моя машина?! Э?

— А-а... — растерявшись, протянула я, бросив взгляд в сторону.

— Так... — дядя выставил вперед указательный палец правой руки. — Вот с этого... всегда начинается какое-то неприятное вранье.

— Так вы... вчера... ну-у... — скомкано и сбивчиво начала я.

В который раз мне было необходимо что-то быстро соврать, но у меня, конечно же, ничего не получилось.

— А, я вспомнил, — расстроено вздохнул дядя Сигизмунд и грустно вздохнул. — Я же её вчера... проиграл! Проиграл зверя своего! Свою птаху!

Он с печальной яростью пнул попавшееся под ноги пластиковое ведро. Оно отлетело к забору, со звоном ударилось и отскочило на траву.

Я испуганно пригнулась, не зная, что сказать и с чего начать. Я должна была рассказать дяде, что его машину ему вернут, только сперва нужно было рассказать, что мы с Миронем взяли отвезти её тому, кому он её проиграл. А мне, признаться, было страшно сейчас ему это говорить. Но наблюдать за его страданиями, как он убивается было тяжелее.

— Что б меня громом поразило! — прорычал дядя Сигизмунд. — Если я ещё... хоть раз... К-кугва, на свою тачку играть стану!

Сжимая кулаки, оскалив зубы он с силой топнул крепкой ногой по земле.

— Дядя Сигизмунд, — робко проговорила я, подбегая к нему. — Не расстраивайтесь так, пожалуйста! Пойдёмте, я приготовлю вам завтрак! Пожалуйста!

Я взяла его за руку. Он, грустный и угрюмый, ворча и сетуя на свою беспечность и глупость, поплелся за мной. Отлично. Сейчас приведу его в чувство и расскажу всю правду. Ну, может, не всю. Про Мирона я точно ничего говорить не буду, но утешить дядю Сигизмунда просто необходимо!

В этот неподходящий момент на моем телефоне зазвонила мелодия входящего звонка. Я не глядя сбросила вызов. Пока наскоро готовила завтрак дяде Сигизмунду, украдкой глянула на дисплей. И мое сердце, как от толчка, нервно заметалось в груди.

Звони Стас. Что у него случилось? Неужели опять... опять новое убийство? От этой мысли в душе холодным, мокрым камнем прочно залегло тревожное чувство. Оно подтачивало, кололо и подхлестывало меня. Я спешила. Я спешила приготовить завтрак и оставить дядю, чтобы перезвонить Стасу.

Когда, наконец, все было готово, я пожелала дяде Сигизмунду приятного аппетита, поцеловала его в колючую щеку, ласково шепнула, что все будет хорошо, и вышла из кухни.

Оказавшись в своей комнате, я набрала Стаса.

— Привет. Нужно поговорить. Можешь выйти?

— Привет. Да-а... конечно, — я была сбита с толку его словами.

Камень тревожного чувства мгновенно потяжелел и стал заметно холоднее.

Накинув джинсовку, я спустилась вниз и выбежала на улицу. Черный внедорожник Стаса я увидела издали. Он стоял через квартал, возле супермаркета.

— Привет, — поздоровалась я, сев рядом со Стасом.

— Привет, — кивнул Стас. — Проедемся?

— Давай, — согласно кивнула я и пристегнулась.

Чёрный Land Rover ринулся вперёд, мы поехали по шоссе мимо улиц Строгино. Стас как всегда не сразу мог начать разговор.

— Стас, скажи просто, что произошло? — попросила я осторожно. — Ты кого-то задержал? Вы смогли найти человека по моим описаниям? Кого-то, кто мог бы быть Монохромным человеком?.. Стас, ну не молчи, прошу тебя. Ты меня пугаешь...

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Мы смогли выйти на след одного человека, — ответил Стас.

— И кто это?

— Доктор Шамов, — проговорил Стас.

У меня дрогнули и выгнулись вверх брови.

— Доктор... Шамов? — чуть скривившись проговорила я. — Тот самый? Из... больницы?

— Да, тот самый, — вздохнул Стас. — Внешность бывает обманчива.

Я отвела потерянный, погрустневший взор. Он был так близко, так близко к нам. Ко мне и Стасу. Я хорошо помнила лицо вполне приятного и общительного доктора. И мне было крайне тяжело натянуть на его обличье личину безжалостного убийцы.

— Мы нашли у него видео... — Стас дернул головой. — Это он научил Гудкову гипнозу. И сам им владеет не хуже.

— Он учил Гудкову?! — не сдержавшись воскликнула я шокированно. — Шамов? Шамов учил Ксению? Но... Стас, а как же тогда...

У меня в голове не могли состыковать некоторые вещи.

— А как же он её лечил потом? И почему позволял тем охранникам?..

— Про тех охранников он мог ничего и не знать, а что касается лечения... Возможно, он удерживал её там, фальсифицируя факты о её здоровье.

Я в ответ выразительно посмотрела на него.

— Нет, я не говорю, что Гудковой не нужно медицинское лечение, но-о... вполне возможно, что она довольно успешно притворялась. И если бы не Шамов, Ксения уже была бы на свободе.

— Да... — проговорила я. — А что ещё было на видео, которые вы нашли?

Но вместо Стаса мне ответили его воспоминания. Они навалились на меня бесконечным потоком устрашающих ужасов. Я увидела воспоминания Стаса, увидела, как они с Сеней нашли в кабинете Шамова тайник. Я смогла увидеть и все те зверства на записях сеансов Шамова, которые видел Стас и его оперуполномоченные.

— Ника? Ника, вернись ко мне! Ника!

Видения схлынули, как внезапно прекратившийся ливень. Я сидела в машине Стаса. Корнилов крепко держал меня за руку.

— Ника!..

— Всё хорошо, — чуть нахмурившись ответила я. — Пусти мою руку, пожалуйста... Ты мне больно делаешь.

— Прости, — Стас мгновенно отпустил меня. Я потеряла ноющее запястье. Корнилов разочарованно вздохнул, затем грустно улыбнулся и посмотрел на меня.

— Ну, что? Ты все увидела?

— Да, — не глядя на него, ответила я. — Но мне непонятно, почему я не увидела его воспоминания тогда, когда мы были в больнице?

Я посмотрела на Стаса.

— Я же могла! Почему ничего не было?! Ни одного видения! Никакого воспоминания Шамова! Ничего о его... мерзостях! Как я могла такое не увидеть-то!

— Ника... тише, — он погладил меня по голове.

Я тяжело сплотнула. Разочарование жгло и царапало изнутри, вызывало саднящее чувство бессильной досады и злости на саму себя. И где была моя способность!

Тут я взглянула на Стаса и спросила:

— А что там с Плансоном? Я правильно поняла, что он сбежал? Да?

Стас фыркнул, качнул головой.

— М-да... Я бы мог тебе вообще ничего не рассказывать. Ты и так всё увидишь.

— Так это правда?

— Да, Ника, правда. Его перевели в частную клинику и оттуда он смылся. Гадёныш.

— Стас, но он же может... причинить вред Ларисе и её... — торопливо и сбивчиво начала я.

— Лариса и её дочка под охраной, не бойся, — чуть улыбнулся Стас и посмотрел на меня. — Про Касьяна Каменева ты тоже что-то увидела?

Да я видела. В беспорядочной череде воспоминаний Стаса я успела увидеть несчастного, замученного мужчину с одной рукой. Едва ли в нем можно было узнать известного журналиста.

— Как он? — только спросила я. — Что говорят доктора?

— Что у него чудовищное истощение, — вздохнул Стас. — Помимо ран, которые ему нанесли похитившие его люди.

— Это они его так за эту статью? Да? — спросила я с печальным сожалением.

— Ты что, её читала? — Корнилов чуть искоса, пристально уставился на меня.

— Да нет... — быстро ответила я. — Я только... Только немного, чуть-чуть... Стас, но правда! Вот зачем такие фотографии делать! Для чего?! Почему этим людям нормально не живется! У меня...

Тут я прервалась и отвела взгляд. Я хотела привести в пример свою семью, которая хоть и баснословно богата, но никогда и никто из Лазовских ничего подобного себе не позволял! Как, собственно, и окружение моей семьи. Страшно даже подумать, что ожидало бы женщину из семьи Лазовских, что позволит запечатлеть себя сидящей голой в кожаном кресле в... в бесстыдно непристойной позе, да ещё со змеей в обнимку! И хорошо бы, змею просто повесили даме на шею, так нет же! Я даже не хочу говорить, что заставили делать бедную рептилию! Фу!.. Мерзость!..

— Всё-таки смотрела, — проворчал Стас.

— Только чуть-чуть, — виновато ответила я.

— Ладно, — Стас откашлялся. — Я с тобой о другом хотел поговорить.

Тут я заметно насторожилась, хотя и понимала, что Стас приехал не просто мило поболтать.

— Хорошо... — я чуть пожала плечами. — Я слушаю.

Стас с явной неохотой пересказал один из своих недавних разговоров с генералом Савельевым. И насколько я могла понять, генерал требует моего полноценного участия в следствии.

И, в общем-то, я не была против. Не могу сказать, что я счастлива, но... у меня ведь самой и так не большой выбор. Или помогай Стасу, или мучайся от бесконечных кошмаров. А вот пояснение Стаса внушало мрачное предзнаменование.

— Я бы сделал все, чтобы ты как можно меньше касалась этой грязи, — глядя в сторону, сердито проговорил Стас.

Я изучающе взглянула на него.

— Но беда в том, что если я не уговорю тебя помогать УГРО на постоянной основе... — он не договорил, не смог.

Но я уже и так догадалась.

— Тогда меня заставят работать силой, и не только на Уголовный розыск, — договорила я.

Стас обернулся, пристально, с тревожным недовольством взглянул на меня.

— Прости меня, Ника, — недовольно сдвинув брови, внезапно проговорил он. — Это моя вина.

Я удивленно посмотрела на него и, чуть приблизившись, ответила:

— Стас, да ты... да ты что, — несмело улыбнулась я. — Какая вина? В чем? Ты же знаешь я... Я сама всегда и...

— И с радостью? — невесело хмыкнул Стас.

— Ну, может, не с радостью, — отведя взор, проговорила я. — Но я всегда готова помочь тебе и-и... следствию!

— Да-а... — вздохнув, протянул Корнилов, как-то странно глядя на меня. — В этом-то,

пожалуй, одна из главных твоих проблем.

Я неопределенно качнула головой.

— Возможно, но я в любом случае согласна.

— Ника, это ведь означает, что если понадобится, тебя могут очень настойчиво попросить оказать помощь, скажем... ФСБ или Следственному комитету... Или даже военным.

Я протяжно вздохнула.

— Стас, если это поможет... спасти чьи-то жизни, или... это действительно того стоит, я всегда готова оказать посильную помощь.

— Во-первых, — вздохнул Стас, — тебя не будут спрашивать, что ты считаешь стоящим твоей помощи, а что нет. А во-вторых... Ника, ты всегда готова помогать, но кто поможет тебе?

— А... — я опустила взор и пожала плечами. — Ну-у... у меня есть ты, мой дядя, Лера и Ми...

Тут я быстро замолчала и мысленно отругала себя за болтливость. Не надо Стасу знать про Мирона. Он и так знает слишком много.

— Лера и Мирон, — кивнул Стас с улыбкой. — Да-а... Что ты смотришь? Да, я познакомился с твоим парнем. Извини, что лезу в твою личную жизнь, но я обязан быть уверенным, что ты в окружении адекватных и нормальных людей с четким представлением о морально-этических нормах и ограничениях Уголовного кодекса.

— Ты что, его, как это у вас называется... Ты его «пробил»? — спросила я, глядя на Стаса.

— Можно и так сказать, — усмехнулся Корнилов.

— М-м, — протянула я. — И что скажешь?

— Задиристый, нахальный, но смышленный и целеустремленный, — дал характеристику Стас.

— Да, это про него, — мечтательно улыбнулась я.

Корнилов кивнул, тоже понимающе улыбнулся.

— Кстати, помнишь Лукьяна Курбатова?

— Да. А с ним что? — с опасением спросила я.

— Его сегодня ночью пытались убить, — нарочито будничным тоном ответил Стас.

У меня против воли округлились глаза.

— Что?! Кто?! 3-зачем?!

Стас с лукавым взглядом посмотрела мне в глаза.

— Поняла, — кротко ответила я. — Хорошо... поехали.

— Спасибо, Ника.

— Перестань меня благодарить каждый раз, — чуть нахмурившись, ответила я. — Это выглядит странно.

— Я тебе многим обязан.

— Я тебе тоже.

Мы посмотрели друг на друга с пониманием во взглядах, тихо, скромно засмеялись. Стас надавил на педаль акселератора и сменил передачу.

— Да поймите же! Я же вам русским языком объясняю! К нему нельзя! Нельзя! Он в тяжелейшем состоянии! Его организм пережил тяжелейшую интоксикацию! Яд рыбы Фугу

— это вам не клея перенюхать! Тетродотоксин стремительно парализует тело и вызывает сильнейшую дисфункцию органов дыхания! Да его вообще еле довели к нам! И он сейчас всё равно не сможет вам ничего рассказать! Он без сознания, поймите вы!.. Его же чудом удалось спасти!.. Вообще удивительно повезло, что он не отошел к праотцам! После такого яда единицы выживают! И то непонятно как! А теперь вы ещё просите, чтобы я вас к нему пустил!

Заведующий отделением реанимации пришел в бешенство, когда Стас сказал, что мы хотим навестить Лукьяна Курбатова. И уже минуты три мы со Стасом слушали гневную тираду доктора Салтыкова.

— Нет! Нет! Категорически, нет! — рассекая воздух ладонью вскричал доктор. — Я запрещаю вам трогать этого человека!

— Доктор, — процедил Стас, — вы хоть понимаете, что от слов и показаний этого человека могут зависеть жизни других людей?

Салтыков вздохнул.

— Хотите, можете потом обвинять меня, но...

— Обвинить, — холодно перебил его Стас, — я могу кого угодно, только делу это не поможет. Поэтому я предлагаю, вот эта девушка зайдет в палату к Курбатову и просто посидит там. И никто не будет задавать вопросы вашему пациенту.

Доктор Салтыков с подозрением, недоверчиво посмотрел на меня. Затем снова на Стаса и опять на меня.

— Просто посидит? — с сомнением спросил он. — Зачем вам это? — Так нужно, — расплывчато ответил Стас.

Доктор колебался недолго.

— Ладно, — вынужденно ответил. — Чёрт с вами, пусть заходит. Но!

Он поднял указательный палец.

— Не дай бог, она потревожит Курбатова! Я вас выставлю в два счета!

— Конечно, — улыбнулся Стас. — Не извольте беспокоиться, доктор Салтыков.

Заведующий ничего не ответил, только одарил Корнилова неприязненным, раздраженным взглядом.

Я, преодолевая робость, зашла в палату к Курбатову.

В палате со светло-салатовыми стенами пикала медицинская аппаратура. На мониторах приборов скакали показатели работы органов Лукьяна. Через ламели вертикальных жалюзи в палату вонзались рассеченные лучистые фрагменты дневного света.

Я осторожно села в кресло у кровати, посмотрела на лицо Лукьяна под кислородной маской. Возле кровати Курбатова стояло две капельницы. На мониторе аппарата искусственной вентиляции лёгких бежали четыре цветные полосы угловатых зигзагов.

Курбатов находился в стабильном, плачевном состоянии.

Тетродотоксин. Ну надо же. Кто-то о-очень хотел, чтобы Лукьян умер. А значит Курбатов знает, что-то такое, что может быть невероятно важным для следствия. И я должна выяснить, что именно.

Я оглянулась на окно палаты, что выходило в коридор. Там стояли Стас и доктор Салтыков. Первый ободряюще мне улыбался. Второй, поджав губы, чуть вздернув подбородок смотрел с ледяной и жесткой надменностью. Я отвернулась, вздохнула. Нужно успокоиться.

Я закрыла глаза, расслабилась, перестала сопротивляться подкатывающим волнам

витающих в больнице воспоминаний. Вязкая, плотная масса из пережитых эмоций, эпизодов и мгновений плавно покачивалась в палате Курбатова. Ворох голосов, звуков и явлений перекачивался в моем сознании. Мне стоило больших усилий сосредоточиться на воспоминании Лукьяна Курбатова.

Перед моим взором промелькнули неразборчивые картинки из раненного детства Лукьяна, я увидела частые драки, в которых он участвовал, и эпизоды, когда он оказался в одной из уличных банд.

Я была готова ко многому, но всё же увидеть, как Лукьян вместе с парнями из банды грабит маленькие магазинчики, нападает на людей в темных переулках и приторговывает травой, стало для меня откровением. Но зато то, что я увидела потом, заставило меня проникнуться к Лукьяну кое-каким уважением. Я увидела день, когда Лукьян покинул банду. Разумеется, его преследовали. Они совсем не желали, чтобы он покидал их! Но Лукьяну удалось сбежать.

Он оказался в Москве, и с первых дней соглашался на любую работу, которую ему предлагали. Мне было совершенно непривычно и неожиданно увидеть, как Лукьян работает официантом и угодливо улыбается посетителям. Ещё больше меня потрясло, когда он предстал передо мной в роли уборщика!

Это вообще было невероятно! Чтобы такой заносчивый, горделивый и высокомерный мизантроп, как Лукьян Курбатов драил полы в театрах, клубах и ресторанах! Не увидела своими глазами — не поверила бы!

Воспоминания Курбатова резко сменились. Теперь это была камера. Камера следственного изолятора УГРО. Я увидела, как Лукьян лежал на кровати и размышлял. Я услышала его мысли. Я узнала, о чем он думал! Это было невероятно! Но я узнала, я услышала его мысли! И, самое главное, я услышала его мысль об убийце, «которого ищет подполковник Корнилов»! Он знал! Он знает!.. Лукьян Курбатов знает, кто убийца!

Эта новость буквально встряхнула все мое сознание! Я была переполнена будоражающим волнением и изнывала от нетерпения всё рассказать Стасу! Вот почему его отравили! Вот почему Курбатова хотят убить! Он знает... знает... Смогу ли я узнать? Я должна постараться!..

Тщетно. Вместо нужных мне воспоминаний об убийце, я увидела приход близнецов Датских в камеру Курбатова. Этим то что надо?!

Затем беседа со странным адвокатом, назвавшимся Лазарем Мельником. Выглядел он представительно, но вызывал весьма предостерегающее, мрачноватое чувство.

А ещё я поняла, что Лукьян начал узнавать голос своего «адвоката». Стало быть, никакой это не Лазарь Мельник. А значит... Значит к Лукьяну Курбатову мог приходиться... он. Монохромный человек! Эта мысль немедленно наполнила мое тело колким, нервирующим трепетом. Я усилием воли попыталась добраться до тщательно оберегаемых сознанием Лукьяна сокровенных воспоминаний. И у меня почти получилось... Почти!

А потом я словно сорвалась и рухнула обратно в череду уже виденных эпизодов из его жизни. М-да. Лукьян явно не хочет, чтобы кто-то узнал его мысли об убийце. И мне не пробиться через его нежелание делиться размышлениями. Чёрт...

Снова полезли воспоминания об адвокате. Хорошо. Сосредоточусь на этом подозрительном субъекте. То, что он никакой не адвокат, и ежику понятно. Но сцены расплывчатых, смазанных эпизодов резко сменились. Цвета, оттенки, очертания, все изменилось. И в дрожащей ряби неопределенных предметов я вдруг узнала подземный

паркингу. Ещё больше я удивилась, узнав парковку больницы, в которой мы сейчас находимся.

Словно отмеряя время, часто, гулко и монотонно застучало сердце.

В такт сердечному ритму кровь пропиталась предчувствием опасности.

Шаги. Дрожащий звук шагов отражается от стен безлюдного паркинга. В полумраке дремлют автомобили. Тусклые блики света сияют на фарах и боковых зеркалах. Человек в зеленой бейсболке и солнечных очках, спрятав руки в карманы легкой летней куртки, подходит к желтому фургону с красным логотипом известной логистической компании. Я, стоя призраком за спиной мужчины, наблюдала за его действием. Вот он подходит к задним дверцам фургона и распаковывает. Забравшись внутрь он стягивает клеенчатую ткань с громоздкого бесформенного объекта.

Сперва я не понимаю, что вижу. Мой взгляд цепляется за угловатые и округлые формы, затем я замечаю цветные проводки и дисплей с горящими цифрами. И стылый ужас от осознания увиденного, сотрясая тело лихорадкой, поработил мой разум и подчинил мои мысли. Паника гремела в голове, распирала череп, сдавливала грудь и горло.

Я пришла в себя, вернулась из видения. Я полулежала на полу возле кровати Лукьяна. Мы с ним были одни. Я ошалело огляделась, посмотрела на внутреннее окно палаты. Ни Стаса, ни доктора Салтыкова там не было видно. Я поднялась, шатаясь, торопливо подошла к двери. Успеть сказать! Рассказать Стасу! Ещё можно успеть! Ещё можно... Нужно! Должны успеть... Быстрее...

Эти мысли хором орали в моей голове, настойчиво вгрызались в мозг.

Я оказалась в коридоре и даже удивилась, какая здесь властвует умиротворяющая монотонная рабочая идиллия. Неторопливо ходят по отделению врачи и санитары с медсестрами. То и дело с капельницами передвигаются пациенты.

Стас сидел рядом на мягкой лавке и беседовал с Колей Домбровским. Я ринулась к ним. Они заметили меня.

— Ника! — Стас, видимо, по моему лицу понял, что я увидела нечто.

— Стас, нужно срочно эвакуировать людей! — воскликнула я. — Всю больницу! Немедленно!

— Что? — шокировано спросил Коля.

— Ты увидела, где взрывчатка? Кто её подложил?! — не ставя под сомнение мое предупреждение, спросил Стас.

— Взрывчатка внизу на парковке. В Желтом фургоне DHL! — быстро с дрожью в голосе ответила я. — Фургон привел тот же человек, что и отравил Лукьяна.

— Вот же!.. — порывисто воскликнул Стас. — Взрывчатка большая?!

— Огромная, — со страхом прошептала я, глядя на Стаса. — Там ещё баллоны какие-то...

— Коля, живо дуй к заведующему, потом к главврачу! — приказал Стас. — Я вниз.

— Я с тобой! — крикнула я Корнилову.

— Нет! — резко отрезал он.

Я вздрогнула от его голоса. Он на мгновение задержал взгляд на моих глазах. Затем бросил, уже мягче:

— Лучше помоги Коле. Пожалуйста.

— Хорошо, — покладисто согласилась я.

Стас умчался в сторону черной лестницы. Мы с Колей переглянулись. Он бросился к

кабинету заведующего. Я хотела, было, поспешить следом, но тут мой взгляд упал на красный квадрат на стене с кнопкой пожарной тревоги в пластиковом окошке.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 26 августа

Он летел вперёд, стараясь превозмочь физические ограничения тела и пространства. Он всей своей сущностью стремился вниз на парковку. Стремился успеть, помешать, предотвратить. Он должен. Он обязан успеть! Эти мысли кипели в голове у Стаса, распалая кровь и душу, наполняя разум адреналиновой тревогой.

Сбегая вниз, он накричал на двух пациентов, что неторопливо поднимались по лестнице.

— Убирайтесь отсюда! Здесь опасность взрыва! Чего застыли?! Бегом отсюда!

Корнилов пробежала мимо них, стуча ногами по ступеням.

Коля не успеет убедить главврача начать эвакуацию. Признание этого факта с каким-то противоестественным спокойствием вдруг стало очевидным для Стаса. Не успеет... Значит он, Стас, должен успеть. Чёрт, кто же придумал здесь столько этажей.

Сердце ударами отмеряло секунды. Корнилов перепрыгивал через ступени. Ближе, он уже близко.

И тут по всем этажам над пролетами черной лестницы прокатился заунывный вой сирены пожарной тревоги.

Корнилов на миг остановился, часто дыша задрал голову вверх. Стас опустил голову, с пониманием усмехнулся.

— Ника, — кивнул он. — Кто бы сомневался.

Он влетел в сумрачное подземелье парковки, побежал мимо автомобиля, ловя открытым ртом прохладный воздух.

Пульс стегал его организм и тело, страх опоздать безжалостно гнал вперёд. Ну ничего. Что-что, а бегать Корнилов умел. И принадлежал к тому редкому типу людей, которые обычно догоняют, а не убегают от кого-то.

Желтый фургон замаячил издалека. Корнилов набегу выхватил свой револьвер. Если в фургоне Шамов, церемониться он не будет.

Из фургона вдруг выбежал мужчина, увидев Стаса, на мгновение замер, а затем швырнул что-то в воздух бросился прочь.

Стас выстрелил. Но не увидел, попал ли. На асфальт рядом с ним упала дымовая шашка. Из неё с шипением повалил ярко-оранжевый дым.

Корнилов выругался. Облако оранжевого дыма стремительно заволакивало всё вокруг. Он пару раз выстрелил на звук убегающего мужчины и бросился к желтому фургону.

Едва заглянув внутрь кузова, Корнилов смачно, от души и яростно выругался. Внутри была бомба. Она состояла из взрывателя, пакетов тротила и двух зеленых баллонов с пропаном. Если это всё рванёт, от больницы только пыль и руины останутся! Когда в девяностых в столице взрывали дома, и то бомбы раз в десять слабее закладывали...

Стас бросил взгляд на таймер, невесело усмехнулся. Четыре минуты пятьдесят три секунды.

Он перелез в кабину, благо она не была отделена от грузового отсека. Ключи Шамов, а

это был именно он, оставил в машине. Видимо, увидев Стаса, забыл, унося в спешке свою задницу.

Корнилов завёл автомобиль, едва ожил мотор, Стас дал по газам.

Протестующе взвизгнули покрышки. Стас круто развернулся и направился к выезду с парковки.

Он вылетел на белый свет и помчался по трассе.

Стас напряженно думал. По лицу катился пот. К разгоряченному телу липла одежда. А за его спиной таймер с бомбой отмерял минуты его жизни. Его и нескольких сотен людей вокруг.

Водоём. Ему нужен водоем. Достаточно глубокий, чтобы сдержать взрыв в толще воды. Стас знал один такой поблизости. Корнилов прибавил скорости. На дороге ему возмущенно сигналили, пытались подрезать. Один красный внедорожник специально подрезал. Его водитель, что-то кричал Стасу, открыв окно. Корнилов молча показал револьвер. Водитель красного внедорожника БМВ Х5 поперхнулся и поспешно сменил полосу.

Стас гнал вперёд. Он вдавливал педаль в пол, выжимая и буквально выдавливая из громоздкого фургона всю возможную скорость. Над дорогой зазвучала полицейская сирена. В зеркале заднего вида Корнилов увидел две машины ДПС и невесело усмехнулся.

— Желтый Форд Транзит, номер А пять семь восемь А Е! — раздалось над дорогой. — Немедленно остановитесь и прижмитесь к обочине!

Корнилов их не слушал. Он только старался не пропускать полицейских вперёд. А это было нелегко. Две полицейских Тойоты с двух сторон неустанно пытались обойти его и пресечь движение. А Корнилов отлично понимал, что если его остановят, он не успеет уже ничего объяснить.

Стас бросил взгляд на наручные часы. Сцепил зубы. Время неуклонно катилось к моменту, когда все в мире станет совершенно неважным. Стас резко свернул на повороте, обогнул угол с молочным магазином. Полицейские машины проскочили, Стас мельком увидел, как они поспешно останавливаются.

Корнилов гнал фургон по узкому переулку. Он въехал в жилой двор, снес забор баскетбольной площадки, распугав нескольких мальчишек. Стас очень старался никого не сбить.

Впереди уже темнели деревья парка. Этот парк обычно пустует. Там всегда, даже в выходные, очень мало людей. И, самое главное, там есть небольшое, но действительно довольно глубокое озеро, возле которого находится станция с лодками и катамаранами.

Корнилов врезался в заборчик парка, смял его. Гуляющие по вымощенным тропинкам парка женщины с колясками испуганно бросились в разные стороны, хотя были далеко от пути мчащегося фургона. Корнилов давил на газ.

Решимость твердела в крови, стремление довести фургон до озера держало в чудовищном напряжении. Пальцы Стаса крепко сжимали руль. Он ещё раз взглянул на циферблат часов. Последние секунды. Мимо мелькают деревья парка, впереди разбегаются люди, он слышит крики и испуганные вопли. Возле озера почти никого не было, только вдалеке несколько человек собирались вытащить лодки в воду.

Стас напрягся, мышцы в теле стянуло узлом. Озеро быстро приближалось. Темная вода заполняла вид из лобового стекла. Стас успел мысленно попрощаться со всеми, кого любил. Он открыл дверцу слева от себя, вжавшись в сиденье, он смотрел на воду. Края обрыва, удар сердца, мгновение короткого полета вниз... Темная гладь озера врезалась в фургон и с

громким всплеском поглотила его.

Мотор заглох, фургон увяз в озерной воде и стремительно неотвратно погружался под бурлящую водную поверхность. Холодящая ледяная вода хлынула в кабину. Стас в промокшей одежде плавно выплыл в открытую дверцу, осторожно обогнул падающий в водную бездну, стремительно тающий в сумраке глубины желтый фургон, и ринулся на поверхность.

Быстрее. Быстрее. Быстрее!!!

Удары пульса как-будто подгоняли и торопили его. Быстрее...

И внезапно вся сине-зеленая водная толща тяжело вздрогнула, как от подземного толчка. Невидимая свирепая сила ударила Стаса в спину. Корнилов увидел свет, глотнул холодный воздух, услышал крики людей и обмяк, теряя способность созерцать и осознавать мир.

Его наполнял покой. Покой, равнодушие и безразличие. Он падал в бездну...

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 26 августа

Я увидела внезапно бурный всплеск воды. Водяная масса точно разбуженный и разъяренный зверь вырвалась вверх, окатив траву на берегу и гуляющих поблизости людей. Падающие сверху потоки озерной воды обрушились на ветви стоящих рядом деревьев, встряхнули листья.

Люди вокруг, падая, сталкиваясь и спотыкаясь, стремительно разбегались прочь от озера. Не прошло и нескольких секунд, как часть парка вокруг озера обезлюдела.

Едва Коля остановил свою ауди, как я отстегнула ремень безопасности и выскочила из машины.

— Ника! — предупредительный крик Домбровского вырвался вслед за мной и отстал.

Я бежала вперёд. Не веря, не слыша, не соображая. Я просто мчалась к озеру. Дорога дрожала перед глазами, я вбивала кеды в асфальт. Я жаждала как можно скорее оказаться там, возле озера, возле Стаса...

Я первой оказалась на берегу. Вокруг все было залито водой. Под солнцем блестела мокрая трава и мелкие лужи. А в траве вокруг бились выброшенные на берег рыбины. Их оказалось немало, не меньше сотни! Бедные рыбы, тщетно хватая ртом воздух, прыгали по траве, сверкая влажной чешуёй.

Мне было плевать на них. Я искала глазами Стаса. Я жадной настойчиво пожирала взглядом волнистую, взволнованную поверхность озера.

Его не было. Только волны и круги разбегались по воде, и небольшие пузыри бурлили на темно-зеленой водной поверхности.

Я не верила. Я не могла и не хотела верить.

— Стас... — всхлипнула я. — Стас! Стас! Ста-ас!!!

Я бессильно и беспомощно металась по берегу, надрываясь и выкрикивая его имя.

— Стас!!! — хрипнувшим голосом прокричала я, оглядывая воду.

Но мне отвечал только плеск воды. Нет... Нет! Так не может быть! Не может!!! Не может!!! НЕТ!!! Я не хотела даже думать о том, что...

— Ника!

Я оглянулась, ко мне подбежала Николай Домбровский и тоже потрясенным взглядом оглядел озеро, берег и траву с подпрыгивающей в ней рыбой. Коля встал у меня за спиной, положил руки на плече.

— Ника... — снова повторил он.

Он явно силился сказать что-то ещё, но не мог. Наверное, просто не мог произнести вслух то, о чем я вообще боялась даже думать

Меня с остервенением душили неосязаемые цепи страха и ядовитой горечи. Я со слезами и мольбой, мысленно прося о чуде, глядела на плещущееся озеро.

— «Верни его, — думала я. — Умоляю тебя, верни! Пожалуйста! Верни... Он... Он нужен слишком многим! Мы все не справимся без него!.. Прощу тебя... верни..»

И что-то произошло, что-то случилось с озером. Оно как будто вдруг дернулось, раз, другой и третий, словно сердце озера забило сильнее. А в следующее мгновение на поверхность вынырнуло тело Корнилова.

— Ста-а-ас!!! — теряя голос истошно и истерично прокричала я и бросилась к берегу. Я заметалась из стороны в сторону. Оглянулась на Колю.

— Ну, что ты стоишь! — закричала я на него. — Сделай что-нибудь!..

Мой взгляд упал на перевернутые лодки, стоящие у берега.

— Коля, лодка! Быстрее! Пожалуйста! Пожалуйста!..

Я в нетерпении побежала к лодке, зовя Домбровского с собой.

Вряд ли в этом парке хоть когда-то было столько же людей, сколько сейчас. С того момента, когда сюда во множестве нагрянула полиция, сапёрная служба и взрывотехники, люди из МЧС, несколько машин скорой помощи и фургончики телекомпаний вокруг оцепленной территории скопилась плотная и многочисленная толпа. И никакие доводы, убеждения или даже угрозы полицейских на зевак не действовали.

Я сидела в машине скорой, рядом со Стасом. Он был без чувств, но доктора сказали, что жить Корнилов будет.

— Лошадиное здоровье у вашего друга! — крикнул со смешком бородатый врач. — Ещё нас всех переживёт! Ну разве что, кроме юной леди...

Коля тоже поехал в машине скорой помощи. Домбровский пребывал в заметном смятении. Его состояние было полностью противоположным моему. Если я, сидя возле Стаса, держала его широкую ладонь в руках и, тихо плача, глядела на его лицо, то Коля был тих и обманчиво спокоен. С отрешенным взглядом, сложив руки на груди и опершись на стену салона машины, он смотрел в одну точку. Что ж, каждый переживает шок и истерику по-своему.

— Может мы уже поедем? — всхлипывая, поинтересовалась я у врачей.

— Уже поехали, — бросил спереди водитель, и скорая тронулась с места.

Я крепче сжала ладонь Стаса, посмотрела на Колю.

— Коль... Коля!

— Что? — рассеяно спросил Домбровский.

— А с Курбатовым кто-то остался? — настороженно спросила я.

Будет просто феерический идиотизм, если несмотря на все усилия Стаса и его готовность к самопожертвованию убийца все-таки доберется до оставшегося без охраны Курбатова и завершит начатое.

— Я оставил его с нашими парнями, — ответил Коля. — Всё с ним будет нормально.

Домбровскому, похоже, было до свечки здоровье и безопасность Курбатова. Куда больше его волновали жизнь и здоровье Стаса. Да и меня, если честно, тоже.

В моей сумочке зазвонил телефон. Я не сразу обратила на него внимание, а, когда достала, к своему удивлению, обнаружила на дисплее имя Лерки. Скрепя сердце я дала отбой и быстро настрочила сообщение в Телеграмм: «Я не могу сейчас говорить. Прости». Я не могла и не хотела сейчас ни с кем говорить.

Мои мысли были полностью заняты Стасом. Я очень надеялась, что врач окажется прав, и с Корниловым всё будет хорошо. Потому что Стас должен жить. Должен... Обязан! Он, правда, слишком многим очень нужен. Слишком многие, и я в том числе, без него просто не смогут. Это же... Это же Стас Корнилов... Господи... Я всхлипнула, шмыгнула носом и подумала, что действительно не представляю этот мир без того, чтобы в нем не было Стаса Корнилова. Нашего родного Корнилова...

— Ника, — Коля тронул меня за плечо, — с ним всё будет в порядке.

Я оглянулась на Домбровского, снова шумно шмыгнула носом и кивнула.

— Да... надеюсь.

— А вы двое, кстати, кем приходитесь господину подполковнику? — спросил сидящий по другую сторону от Стаса доктор.

Мы с Колей молча переглянулись, затем взглянули на доктора.

— Мы его друзья и сослуживцы, — сухо вато ответил Коля.

Я кротко улыбнулась. Для Стаса и я, и Коля, и Сеня были, конечно гораздо больше, чем «друзья и сослуживцы». Но доктору это объяснять было слишком долго. Слишком много времени пришлось бы потратить, чтобы объяснить человеку, что когда люди бок о бок противостоят страшнейшему злу, что селится в человеческих душах, и предотвращают кровавые ужасы одержимых этим злом душ, такие люди становятся больше, чем друзья или коллеги. Мы слишком многое видели. Мы слишком много пережили вместе. Да, мы — друзья, коллеги, команда и даже семья.

Под моими пальцами участился пульс Стаса. Затем сменились показатели на приборах. Доктор дернулся, нагнулся к мониторам приборов. А Корнилов вдруг резко подхватился, перепугав до ужаса всех. Я пронзительно вскрикнула, Коля вжался в стену салона, доктор витиевато выругался.

— Извините, что напугал вас, — чуть хрипловатым басом, устало проговорил Стас.

Трудно поверить, но буквально несколько минут назад он вот тут в машине, на каталке лежал с закрытыми глазами, а сейчас уже, завернутый в одеяло сидит, прислонившись спиной к стене кузова.

— Да все в порядке... никого ты не напугал, — подрагивающим голосом ответила я.

Корнилов лишь усмехнулся. Я чуть волнуясь, придирчиво рассматривала его лицо.

— При взрыве кто-то пострадал? — Стас переводил взгляд с меня на Колю.

Я только вздохнула, поглядела на Домбровского. Стас, конечно, неисправим! Сам чуть было не взорвался, а о других печется. Так же тоже нельзя!..

— Не считая легких инфарктов и обмороков, можно сказать, обошлись без жертв, — с шутовой иронией ответил Коля.

— Что с Курбатовым? Жив?

— Пока жив, — усмехнувшись, кивнул Домбровский.

— Не шути так, — качнул головой Стас. — По Шамову что-то есть?

Судя по взгляду и голосу, Стас не особо надеялся на положительный результат. И Коля его «не разочаровал».

— Прости, Стас, он ушел.

Домбровский стыдливо покачал головой.

— Да ладно... Найдем подонка.

— А кто такой Шамов? — вдруг спросил доктор, с любопытством оглядываясь на нас.

Я, Стас и Коля обменялись многозначительными взглядами.

— Один не очень порядочный психиатр, — подобрал наиболее мягкую и нейтральную формулировку, ответил Стас.

М-да. Большого посторонним и не скажешь. Поэтому Стас знаком показал нам с Колей, что продолжим беседу в другом месте и без лишних ушей.

В больницу Стас решил не ехать. Доктор и его бригада пришли в возмущенное недоумение.

— Господин подполковник, вы только что, чёрт побери, испытали на себе ударную волну мощнейшего взрыва! — эмоционально всплескивая руками, проговорил врач бригады. — Вы в своём уме, чтобы отказывать от медицинской помощи и госпитализации?! Природа, конечно наградила вас завидным здоровьем и крепостью тела, но вы подумайте, что будет, если у вас есть внутренние разрывы, повреждения, переломы...

— Переломы я бы почувствовал сразу, — равнодушным и сухим голосом перебил Стас врача. — Признаки разрывов или внутренних повреждений тоже трудно не почувствовать. Спасибо за беспокойство доктор, но я настаиваю на отказе от ваших услуг. Я в порядке.

Доктор по-видимому так совершенно не считал, но лишь махнул рукой.

Я посмотрела на Колю, тот — на меня. Я сделала выразительные глаза, с намёком кивнула на Стаса. Домбровский покачал головой.

Я недовольно поджала губы и сказала Корнилову.

— Стас, а может всё-таки м-м... не стоит пренебрегать советами врача? Тебе ведь серьёзно досталось! Это всё-таки взрыв и...

— Ника, мне некогда отлеживаться в больнице. Пока я буду больничные койки спиной мять, наши «приятели» вполне могут снова заявить себе. И гораздо громче, чем в прошлые разы. Понимаешь?

Он взглянул мне в глаза. Я понимала. Он не хотел терять ни секунды, пока Шамов и Гудкова на свободе. Стас не мог им позволить совершить ещё одно убийство. Стас боялся. Боялся снова проиграть. И готов был на всё, чтобы исключить такой исход. Я кивнула, и отвела взгляд. Убеждать его было бесполезно.

Спустя сорок с лишним минут мы уже сидели в машине Коли Домбровского. Стас купил себе одежду в ближайшем магазине, взамен промокшей. Он приобрел новые рубашку и джинсы. Коля сходил за кофе и закуской.

— Так, — рассуждал Корнилов, отпив из стакана с кофе, — улицы мы перекрыли?

— Я сразу распорядился, и вокруг больницы все перекрыто в пределах нескольких кварталов, — кивнул Коля. — Территория оцепления, конечно, немаленькая, но-о... Далеко он уйти не мог.

— Я тоже так думаю, — откусив от слойки с вишней, кивнул Стас. — Значит притаился где-то.

— Да, будет ждать где-то, пока все не уляжется, — согласно кивнул Коля, отпивая кофе.

— Видео с камер в больнице у нас есть? — спросил Стас.

— Это нам немного даст, — пожал плечами Коля. — Он менял одежду.

— Паршиво, — цокнул языком Стас. — Но вычислить все равно можно.

— Подождите, — вмешалась я. — А у нас есть эта его одежда? Если он её менял, вряд ли унёс с собой... Не практично.

Стас и Коля с передних сидений оглянулись на меня. Я слегка смутилась под пристальными взглядами двух мужчин.

— Что? — с легким заиканием растерянно спросила я. — Чего вы так смотрите?

— Знаешь, — одобрительно усмехаясь, проговорил Стас, — я всё чаще задумываюсь над тем, чтобы взять тебя к нам в штат, Ника.

— Да, это было бы здорово, — поддержал шутливое предложение Коля.

— Спасибо, — кивнула я очень польщенная.

— По одежде Шамова ты сможешь увидеть его воспоминания? — уточнил Стас.

— Вероятность очень высока, — кивнула я.

— Отлично, — кивнул Стас. — Поехали, Коль.

Но прежде, чем мы куда-то выдвинулись, ожил телефон Домбровского. Коля взглянул на дисплей и включил громкую.

— Да, Сень, — ответил он. — Говори. Мы все здесь.

— Хорошо, — голос у Арсения Арцеулова был подавленный, злой и недовольной. — Помнишь адрес больницы, где держали загипнотизированных охранников из психушки? Ну тех, которые Гудкову тра...

— Сеня, здесь Ника, — поспешно перебил его Коля.

— Как будто я не догадалась, что там за слово, — опустил взор, тихо проворчала я.

— Что случилось, Сень? — спросил Корнилов, чуть наклонившись к телефону Коли на автомобильном держателе.

— Вам лучше сами это увидеть, — вздохнул Сеня.

— Охранники... Они мертвы? — спросил Коля, заводя автомобиль.

— Не знаю, их здесь нет.

Коля и Стас быстро обменялись встревоженными взглядами.

— Зато здесь есть медсестры, врачи, и несколько пациентов, — договорил Сеня. — Извини, Стас, но, похоже, мы снова потерпели поражение.

Губы Стаса чуть надломились в злой усмешке, а тяжелый угрюмый взгляд устремился вдаль.

Я с опаской, как можно более незаметно, взглянула на него. Корнилов оглянулся, я опустила взор, затем быстро посмотрела в окно. Там за стеклом дверцы Ауди проносились улицы, здания и другие автомобили. В памяти эхом звучали злые, но грустные слова Сени: «..похоже мы снова потерпели поражение» Опять!.. Я глубоко вздохнула, закрыла глаза. Похоже, мы не спасли Курбатова. Мы просто обменяли его жизни на несколько других.

В размазанных пятнах и полосах багрово-алой влажной крови, казалось, сокрыты какие-то бесформенные очертания. Пару часов назад кровь стала неотъемлемой частью здешнего интерьера. Кровь была в таких количествах, что можно было подумать, это была просто краска. Просто, такого же карминового и алого цвета краска, просто, потому что не может быть так много человеческой крови на полу, на стенах, на дверях и на мебели.

Багровые, темные брызги рваными бутонами, беспорядочно и хаотично расцветали на стенах и дверях. Смазанные, вдавленные в плитки на полу широкие темно-алые полосы во

многих местах перечёркивали пол больничного отделения. Засохшие потёки крови багровели на стойке медицинского поста и на дверях лифта рядом. Темные, похожие на облачка пятна крови прочно впитались в мягкую обшивку стоящих в коридоре кресел.

Кровь была везде. Повсюду алые и багровые оттенки затмевали белизну и серость больничного антуража.

Я медленно закрыла глаза и воспоминания точно стая оголодавших хищников набросилась на меня. Людские голоса, смех, крики, звуки шагов и расплывчатые образы, яркие и тусклые сливались в вязкий, бесконечный лениво закручивающийся смерч. Воронка из пережитых эмоций и чувств десятков и сотен людей с жадностью мифического чудовища поглотила меня.

Я болезненно скривилась, когда голоса заорали в моих ушах. Я зажмурилась от напора в глаза сияющих обрывков чужих воспоминаний. Я приложила усилия, постаралась заткнуть лишние воспоминания. Постаралась заставить замолчать лишние голоса.

Это удалось отчасти.

Перед глазами возник коридор больницы с деревянными дверями орехового цвета и пёстрыми картинами в квадратных рамках на стенах. Мимо меня деловито расхаживали врачи и медсестры больничного отделения. Где-то тихо играла музыка.

Рядом со мной, прижимая телефон к уху, прошла полноватая медсестра.

— Да, конечно, бери! Спрашиваешь!.. Нет, я сегодня, к сожалению, могу задержаться... Ну, ты не начинай без меня, — женщина свернула за угол, и ее голос стал затихать.

Чувствуя под левой грудью тяжкие импульсы сердечных ритмов, я поглядела в обе стороны. Я внимательно посмотрела в лица всем людям, которых видела в текущий момент.

Двое врачей что-то обсуждают возле автомата с чипсами и шоколадками. Дальше, сидя в кресле, полноватый санитар с сосредоточенным видом играет во что-то на своем смартфоне. За стойкой поста худенькая, темноволосая медсестра листает папку с документами. В нескольких шагах от неё женщина средних лет улыбаясь, что-то говорит молодому, светловолосому доктору.

Двое пациентов неспешно бредут по коридору в сопровождении двух мускулистых санитаров и доктора с длинными, седыми волосами.

Обычный рутинный день в больнице. Один из многих трудовых будней, похожих друг на друга. Всё как обычно.

Я уловила мгновение, когда время застыло, словно увязнув в чем-то глубоком, густом и липком. Все замерло вокруг меня. В коридоре больницы моргнул свет, лампы под потолком хаотично замигали.

Помещение освещалось беспорядочными вспышками света.

И тут на стенах, словно изнутри через обои и покрытие начали быстро проступать темные кровавые пятна.

Врачи, санитары и медсестры внезапно обернулись и взглянули на меня. Я задрожала, чувствуя, как капли ледяного пота скатываются по коже плеч, шеи, спины и бедер.

Они молча глядели на меня, а я металась взглядом от одного лица к другому. С ними что-то происходило. С ними со всеми творилась какая-то пугающая метаморфоза. Кожа их лиц бледнела, глаза стекленели, зрачки и радужки заволакивало белесой пеленой. Я вскрикнула, когда у стоящей рядом со мной медсестры вдруг сама-собой с тонким хрустом лопнула кожа на горле, и из раны лениво вывалилась широкая струя темной крови. Двое

докторов, что беседовали рядом с автоматом, не отрывая взгляд от меня, медленно осели на пол, сползая спинами по стенам. Оба оставили смазанные кроваво-багровые следы на обоях. Один из докторов дергался в конвульсиях, кровь из его рта разливалась по лицу и стекала на одежду. Его приятель скреб руками свой окровавленный живот.

Я наблюдала происходящее, крепко зажав себе рот обеими руками и тихо плача от невыносимого, порабащающего волю кошмара.

Они умирали, тихо, в крови и агонии. Тихо и беззвучно корчились в предсмертных судорогах в багровых лужах собственной крови.

А затем я услышала шаги. Неторопливые, гулкие и словно ленивые. Я резко оглянулась. По больничному коридору шла она, девушка, которую я бы сегодня могла узнать из сотен, тысяч или даже миллионов.

Ксения Гудкова. Та самая Ксения, которая едва не погубили детей своих насильников, и та самая Гудкова, что едва не заставила Ладу сброситься с крыши торгового центра.

Я не сразу заметила, что за Гудковой послушно шли какие-то... едва различимые тени. Они словно состояли из сгустков искаженных кусочков света и полумрака. Когда они проходили мимо меня, у них вдруг стали появляться тела. И это были охранники. Те самые пятеро охранников, что издевались над Ксенией и насиловали её! Они шли за Ксенией с отрешенными, пустыми взглядами. Их руки, пальцы, лица и одежда были перемазаны всё той же кровью. Но им явно было не до этого. Они послушно и беспрекословно следовали за Ксенией. Я обескураженно, забыв моргать, дышать и двигаться взирала им вслед.

Они учинили беспорядочную, жуткую резню и ушли. Просто взяли и ушли, как ни в чем не бывало! Зачем Ксения заставила охранников творить этот кошмар и ужас? Зачем?! Ведь эти врачи и доктора ничего ей не сделали... Но тут я оборвала сама себя.

Ничего? Да ведь другие такие же врачи и медсестры восемь месяцев держали её взаперти, насильно пичкая лекарствами и проводя любые процедуры, какие им вздумается. М-да... Похоже докторов и медсестер с санитарями Гудкова ненавидит куда больше, чем даже своих насильников! Но куда она повела их? Зачем?

Я попробовала последовать за Ксенией и охранниками, но не могла сдвинуться с места. Все, что мне оставалось, молча смотреть им вслед.

Процессия охранников, возглавляемая Ксенией, прогулочным, неспешным шагом прошла к дверям отделения. Там у порога Гудкова вдруг задержалась и обвела помещение непонимающим, сосредоточенным взглядом. Я увидела, как надломились её нахмуренные брови. Она замерла на месте, словно прислушиваясь к чему-то. И тут я непроизвольно затаила дыхание. И сама не могу объяснить, зачем. Ведь не может же воспоминание Гудковой... услышать или почувствовать меня?.. Не может?.. Или...

Гудкова несколько мгновений внимательно осматривала залитое кровью помещение больничного отделения, затем резко повернулась к дверям. Я увидела, как из кармана её черных, узких джинсов выпорхнул смятый листок и плавно спланировал под одно из гостевых кресел неподалеку.

Охранники, точно ничего не осознающие зомби, вышли следом за Ксенией. Они ушли и вместе с ними испарились и растаяли их воспоминания. Я снова стояла посреди коридора, где было совершено массовое убийство двенадцати человек. Я стояла в окружении замершего кровавого безмолвия и остывающих следов жизни. Почти осязаемые, некогда бурные эмоции и яркие чувства стремительно тлели и осыпались мертвым пеплом. Жизнь и все светлое, что она порождала, ушла из этого места. Ушла с болью и страданием

сотрудников медицинского учреждения.

Я боязливо посмотрела на обмякшие тела в залитых кровью белых халатах и медицинских пижамах. На их лицах замер пережитый страх и ошарашенное удивление. Повинуясь странному побуждению изнутри, я подошла к двум врачам, что лежали возле автомата с чипсами. Присев возле тел, я дрожащими пальцами коснулась их век и плавно закрыла им глаза. Перед глазами вспышками промелькнули их воспоминания. Я сжала зубы. У обоих по двое детей, у обоих живые родители и любящие жены. И они уже никогда не дождутся своих сыновей и мужей. И, наверное, вот именно болезненное осознание этого вызывает во мне наибольшую неприязнь и злое презрение к тем, кто отнимает чужие жизни и безжалостно ломает судьбы их родных.

Я поднялась, подошла к гостевому креслу у входа в отделение. Припав на колено, я засунула руку под кресло и вынула оттуда выпавший у Гудковой листок. Я перевернула его и у внутри у меня всё под подскочило, и сердце ласточкой взлетело под горло.

Я не сразу узнала на фотографии Германа Шамова. Потому что его глаза и рот были с усердием закрашены черным маркером. Вместо глаз и рта у Германа на фотографии были бесформенные чёрные каракули, похожие на рваные дыры.

Я провела пальцами по гладкой поверхности снимка. В сознание ворвались отрывки воспоминаний Ксении. Я увидела с каким остервенением Гудкова зарисовывает черным глаза и рот Германа Шамова.

Я оглянулась на кровавые граффити на стенах больницы и на бездыханные тела в крови. С сожалением поджав губы, вышла на лестницу, сбежала вниз.

Здесь меня ждали Стас и Коля. При моем приближении они перестали говорить и оба с интересом, чуть взволнованно посмотрели на меня.

— Кажется, я догадываюсь, что собирается сделать Гудкова, — объявила я и протянула Стасу исчерканную черным маркером фотографию Шамова.

Стас задумчиво поглядел на снимок, затем перевел взгляд на меня.

— Это сделала Гудкова?

— С ненавистью и злостью, — обхватив себя за плечи, чуть отстраненно проговорила я.

— Паршиво, — вздохнул Стас. — Когда, интересно, они успели поссориться да так, что его ученица теперь жаждет его гибели?

— Не знаю, — я дернула плечами. — Слушай... Стас...

— Да? — Корнилов с вниманием уставился на меня.

— Там наверху... — я мотнула рукой назад. — Там среди погибших есть молодой психолог... В общем у него жена в родильном... И я подумала... Ей, наверное, сейчас не нужно говорить...

Стас вздохнул, согласно кивнул.

— Да, ты права. Ты что-то ещё увидела про Гудкову?

— Она увела с собой своих насильников, — я пожалала плечами. — Но куда, я не знаю. Прости.

— Не извиняйся, — качнул головой Стас. — Любая твоя помощь — это большое одолжение.

— Спасибо, — кивнула я и посмотрела на Стаса. — Но я ведь ещё могу помочь в поимке Шамова... У нас же есть его одежда.

— Поможешь,поможешь, — скупо и устало улыбнулся мне Стас. — Только уже не сегодня. С тебя хватит.

— Стас, но а как же... — заволновалась я. — Ты же сам сказал утром...

— Да, и на сегодня ты и так помогла сверх меры, — усмехнулся Корнилов. — Если бы не ты, никто бы и не узнал о машине со взрывчаткой.

— Сотни людей погибли бы, — соглашаясь со Стасом, кивнул Коля. — Ты спасла множество жизней, Ника. Поздравляю...

— Скажете тоже... — чуть поморщилась я.

Всё это прозвучало слишком пафосно. Да и жизни спасал Стас, а не я. Я... Я только подсказала, да и то случайно. Я ведь не контролирую свои способности.

— Но, а как же Шамов? Он же уйдёт! — попробовала я убедить Стаса. — Пока есть оцепление, разве не стоит постараться поймать его?

Стас и Коля лишь невесело усмехнулись.

— Да нет уже никакого оцепления, Ника, — признался Стас. — Поступил приказ сверху, оцепление сорок минут назад отменили и сняли перекрытия.

— Шамов уже черт знает где может быть, — ворчливо ответил Коля.

— И зачем было отменять оцепление? — с легким возмущением и непониманием спросила я.

— Посчитали нецелесообразным, — недовольно глядя в сторону, ответил Стас. — Ладно, Ника, я думаю, тебе, правда, уже пора домой. Но я буду откровенен, в ближайшее время мне ещё не раз понадобится твоя помощь.

Я быстро, с готовностью закивала головой.

— Да, хорошо! Конечно!..

— Отлично. Коля, отвезешь Нику?

— Без проблем, — пожала плечами Домбровский и двинулся вниз по ступеням. — Пошли, фея синеглазая.

Я попрощалась со Стасом и последовала за Колей.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть седьмая.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 26 августа.

Разговор будет неприятным и трудным. Это Корнилов осознал мгновенно, как только переступил порог кабинета генерала Савельева. И он не ошибся.

— Дать по морде офицеру ГУСБ! — в который раз всплеснул руками генерал Савельев. — Это само по себе уже влечет кучу административных наказаний с угрозой увольнения! Стас, ну что такое! Ты же не мальчишка-лейтенант, которому слово скажи, и он в драку лезет! Что с тобой случилось?! Ладно бы ты этому Максиму Датскому один разочек зарядил, ну и хрен бы с ним!... Так нет же!..

Генерал несильно хлопнул ладонью по столу.

— Ты же, чёрт побери, лупил, как по асфальту! Ты в курсе, что у него перелом носа, левой скулы и челюсти? Бедняга вон... зуб мудрости потерял!

Стас не удержался, улыбнулся.

— Чего ты скалишься то Стас? Ты знаешь, чем тебе за всё это грозит? — Антон Спиридонович потыкал пальцем в лежащее на столе заявление. — Мне, между прочим, с самого верха позвонили и попросили провести с тобой воспитательную беседу.

— Только беседу? — спросил Стас.

— Нет, Стас, не только, — нахмурившись ответил Савельев. — И хватит дурачиться, отнесись серьезно! Ты совершил серьезное преступление. И разбираться с тем, кто и что сделал, наверху в УВД не будут. Но погоны ты можешь потерять легко.

— Вы же сказали, только беседа...

— Я просто мягко выразился! — повысил голос генерал Савельев. — Если быть точным, мне велели немедленно сделать тебе строгий выговор и оставить с испытательным сроком, предварительно отстранив от дела. Спокойно!.. Я отстоял твое участие в расследовании. Да в МВД прекрасно осознают ценность твоего прямого участия в следствии. Репутация у тебя слишком крепкая и положительная.

Генерал Савельев довольно улыбнулся.

— Так что, сажать тебя не будут. Но это всё только благодаря согласию ГУСБ. Они не станут открывать дело на тебя. Хотя, будь уверен, у них там давно руки чешутся!

— Ну, зная службу безопасности, скажу, просто так они бы не согласились замять дело, — подумав, ответил Стас и внимательно глядя на Аспирина, спросил, — Какова цена их относительно спокойной реакции?

— Я надеялся, что ты не спросишь, — отвернувшись, признался генерал и пожал плечами. — Цена — Монохромный человек.

— Что? — не понял Стас.

— Ну что "что", — опустив взгляд, проворчал генерал. — Вы ловите убийцу, но-о... забирают его близнецы Датские. А точнее майор Родион Датский. Ну, чего ты молчишь, Стас?

— А что я должен говорить, товарищ генерал? — медленно проговорил Стас. — Что я должен ответить? Я могу только спросить.

— Спрашивай.

— Какого хрена?

— Логично, — кивнул генерал. — Считаю, что это штрафная санкция в отношении тебя.

— Ясно, — не скрывая недовольства, мрачно ответил Стас.

— Ну, знаешь! — развел руками генерал. — Сам виноват! Не хрен махать кулаками направо и налево. Поветкин чертов. В следующий раз думать будешь!

— Виноват, — сухо ответил Стас.

— Виноват, — кивнул генерал. — Но это ещё не все.

— Слушаю.

— У вас через пару месяцев будет пополнение в строю.

Стас с искренним удивлением уставился на генерала.

— Какое ещё пополнение?

— О-ой... — протянул генерал и достал из ящика стола папку с делом. — Вот. Полистай на досуге. Некто лейтенант Бронислав Долматов-Коршунов.

— Что ещё за дворянский выкормыш? — фыркнул Стас, беря папку из рук генерала.

— Корнилов, ты сам-то носишь фамилию дворянина и командующего Белыми войсками.

— В моем случае — это совпадение, — листая дело Долматова-Коршунова, проговорил Стас. — О-о... Так ведь парень уже год отслужил в Следственном комитете...

Стас взглянул на генерала.

— Чего его к нам-то понесло?

— Ну, он считает, что у вас быстрее наберется ценного опыта.

— Не уверен.

— Не прибедняйся, — одернул Стаса генерал.

— Да я серьезно, товарищ генерал, — Корнилов покачал головой. — Мне нужны люди с особым складом ума, характера и выдержки. То, с чем мы сталкиваемся, даже битые жизнью ветераны с трудом переносят. Знаете, сколько я офицеров перебрал, пока нашел Арцеулова и Домбровского.

— Знаю, Корнилов! — с выражением кивнул генерал Савельев. — Уж я то знаю! Пол МВД перекопали из-за твоей прихоти!

— Ну, а тогда куда этот юноша лезет в свои двадцать три? Что ему тут делать? Зачем ему наша грязь, товарищ генерал? Он же не переживёт...

— Ну, судя по отчету из СК, он у них там один из лучших. К тому же отличник, выпустился с красным дипломом.

— Тем более ему у нас делать нечего, — ворчливо ответил Стас.

— Корнилов, это не предложение вообще-то, — напомнил генерал. — Так что изучи дело и будь готов встретить нового офицера.

— С радостью, — холодно ответил Стас.

— Можешь устроить ему суровый курс молодого бойца.

Стас пристально посмотрел на генерала. Они оба медленно улыбнулись.

— Уж за это не беспокойтесь, товарищ генерал.

— Отлично, — кивнул Аспирин. — Теперь о твоём здоровье. Какого черта ты отказался от медицинского обследования?

— Да я в порядке, товарище генерал.

— Да? А чего ты тогда хромаешь и за ребра слева все время держишься? Короче, завтра чтобы явился на положенное медицинское обследование. Понял?

— Товарищ генерал, эти врачи найдут у меня два-три синяка и на неделю от дела отстранят.

— Не отстранят, — процедил генерал Савельев. А вот, чтобы ты у меня загнулся по ходу дела, я меньше всего хочу. Всё, свободен. И не дай бог обследование профилонишь, я тебя сам лично на недельку-две в больницу положу. Имей ввиду.

— Вы очень добры, товарищ генерал.

— Я знаю! — гаркнул генерал. — Потому и терплю твои выходки с побоями офицеров ГУСБ и прочее тому подобное! Всё, Корнилов, ступай... Пока ни о чем, кроме Гудковой и Шамова, не думай.

— Как скажете, — усмехнулся Стас.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 1 сентября

Вот, знаете, многие писатели и поэты нередко называют осень «златоволосой», «златогривой», «живописной» и так далее. Отчасти они правы, но явно не сегодня. Потому что златоволосая и златогривая решила отметить первый свой день в этом году донельзя живописным и эффектным ливнем.

Глядя на непроницаемо-серые, беспросветные и монолитные облака над столицей, и

наблюдая, как город заливают дождевой водой, можно подумать, что осень как-то очень долго терпела до сегодняшнего дня. Терпела, чтобы выплеснуть на Белокаменную накопленные за девять месяцев отсутствия тонны воды.

Я стояла перед окном в своей комнате и, грея руки чашкой с кофе, наблюдала за улицей возле нашего дома. Там творился ливневый Армагеддон. Бурные потоки грязной воды ручьями стекали по асфальту. В некоторых местах уровень воды так поднялся, что скрыл под собой асфальт, и автомобили, проезжая, взметали широкие брызги. В серой сырости дождя горели размытые пятна городских огней и автомобильных фар. От стекла окна в моей комнате исходил слабый влажный холодок. Самое стекло было ледяным наощупь.

Я разочарованно качнула головой, отпила из чашки. И мне ещё придется как-то добираться самой во всей этой мокрой, промозглой «красоте».

На телефоне звякнул сигнал будильника. Я посмотрела на часы, вздохнула. Пол шестого. Через два часа линейка в школе. Мне пришлось встать существенно раньше, чем я привыкла, чтобы успеть собраться. Но я сама виновата, вчера долго переписывалась с Мироном. Он, кстати, начал учиться ещё вчера. В колледже Максимчука, где Мирон познавал науку спасателя, и каникулы были короче, на целый месяц короче. Как по мне, ребятам из колледжа должно быть весьма неприятно, что они учатся, когда другие уже отдыхают. И не просто учатся. У них в июне трудоемкая и изматывающая сессия. Плюс сдача нормативов. Несладко им там.

Допив свой капучино, я взяла косметичку, крем и пошла наводить красоту в ванную. Есть хоть один плюс в том, что дядя Сигизмунд опять уехал по делам. Я могу занять ванную на столько, на сколько сочту нужным. А тут освещение куда лучше.

Наверное, из-за того, что я спешила, одна стрелка у меня раз за разом получалась несимметричной относительно другой. Да чёрт возьми! Не хватало ещё встать за два с половиной часа перед линейкой и при этом опоздать!

Когда я уже была почти готова, мой телефон запел из комнаты голосом Зеллы Дэй. Я поспешила в комнату и подхватила мобильник с кровати. Звонила Лерка. Я замерла в нерешительности. Ответить или нет? Я решила, что лучше ответить. Все-таки я была рада, что она первой позвонила.

— Привет, — радостно улыбнувшись, произнесла я в трубку.

— Привет, Роджеровна, — проговорила Лерка грустновато. — Слушай... Я тут возле твоего дома, можно я к тебе поднимусь? Нужно поговорить. Я хочу утрясти всё до начала новых мучений в школе.

— Да, конечно, — легко и быстро согласилась я.

Я встретила Лерку на лестнице. Она была одета в свойственном ей дерзком soft grunge. На Лерке был огромный полосатый красно-черный свитер со спущенными петлями, черные, узкие джинсы с бабочками и черепами и брутальные черные гриндерсы с красной шнуровкой на ногах. Поверх свитера Лерка накинула короткую кожанку с узкими рукавами и яркой нашивкой на спине.

Я же встретила её в длинной, домашней футболке, шортах и тапках.

— Хорошо выглядишь, — прямо на лестнице пошутила Лерка. — Можешь прямо так идти. В школе оценят.

— До тебя мне будет далеко, — хмыкнула я.

Накрашенные темной помадой губы Лерки растянулись в довольной и яркой улыбке.

Мы прошли в мою комнату, Лерка разулась у порога и щеголяя красно-черными

полосатыми носками подошла к диванчику возле компьютерного кресла.

— Роджеровна, — сразу же начала Лерка, — я хотела извиниться... подожди не перебивай! Я хотела перед тобой извиниться и сказать, что я себя, как дура, повела тогда. Просто... то, что ты рассказала, оказалось для меня шоком. И мне крайне...

Лерка задумалась, подыскивая слово.

— Короче, было трудно все принять, — скомкано закончил Логинова. — Вот. Ну, правда... жили-жили, и вдруг я узнаю, что ты оказывается можешь... ну, это... воспоминания... видеть... Как это вообще работает?

Я с легкой улыбкой многозначительно пожала плечами.

— Хаотично, необъяснимо и внезапно.

— М-м... — промычала Лерка. — То есть контролировать свою супер-способность ты не можешь?

— Нет, — печально ответила я. — Почти не могу.

— Почти?

— Я могу лишь сопротивляться какое-то время... но это очень изматывает.

— Угу, понятно, — кивнула Лерка. — Слушай... Роджеровна, у меня к тебе будет только одна просьба.

— Я слушаю, — с серьезным видом мягко ответила я.

— Ты пожалуйста, если что-то такое обо мне узнаешь... — Лерка снова задумалась, — ты можешь делать вид, что... на самом деле ничего не видела и не узнала?

— Ладно, — тихо согласилась я.

Логинова поморщилась.

— А, знаешь, ну его на ***, — проговорила она с чувством. — Ты — моя единственная и лучшая подруга. И если уж выбирать человека, который будет знать о самых сокровенных моих тайнах, то лучше тебя, пожалуй, не найти.

— Спасибо, Лер.

— Так ты простишь меня, Роджеровна? А? — Лерка вдруг как-то робко и виновато улыбнулась. — Я правда тогда тебе наговорила... И поступила так паршиво...

— Лер, Лер, — поспешила я остановить её. — Всё в порядке, правда.

— Точно? — усмехнулась Логинова.

— Да.

— Ну иди сюда, красотка, — она встала и протянула ко мне руки для объятий.

Мы заключили друг друга в объятия.

Для первого сентября, учитывая резко испортившуюся погоду, я выбрала узкие джинсы, кремовый вязанный пуловер с ярким принтом-яблоком и ботильоны похожего оттенка. К этому я добавила кобальтовое пальто с алыми линиями клеток и соответствующего цвета сумочку, недавно приобретенную, кстати.

Лерка, как оказалось, приехала вместе со своей мамой Беатрисой Константиновной. Так что до школы мы с Леркой доехали в сухости и комфорте под песню Шона Мендеса «There's Nothing Holdin' Me Back». Вот так. Снаружи лупил дождь, и выл ветер, а у нас звучал красавчик Шон, и настроение подскакивало до наивысшей отметки!

Когда мы приехали, дождь все ещё колотил по асфальту Города дорог, но из свирепого ливня уже превратился в мелкий, монотонный дождик.

Мы с Леркой выбрались из автомобиля, попрощались с Беатрисой Константиновной и отправились искать наш класс.

Перед школой рассыпалась толпа учеников. В воздухе гомонили сотни голосов. Слышались смешки, шутливые издевки, кто-то кого-то отчитывал и повсюду были цветы. И конечно же, это были или долбаные гвоздики, или неизменные розы, от которых у меня, в связи с некоторыми событиями, крайне однозначное впечатление.

Свой класс мы нашли легко и быстро, встали неподалеку. Едва мы завязали разговор (Лерка втихоря выпрашивала у меня подробности моих дел со Стасом) к нам подошел парень в синем идеально выглаженном костюме и черной бабочкой у горла. У него были слегка торчащие в стороны русые волосы, цепкие, светло-карие орлиные глаза. Немного выпирающие скулы и идеально прямой, аристократичный нос с тонкой переносицей.

Знакомьтесь, Лёва Сеницын. Наш местный отличник, гений и вообще лучший ученик школы, района, города и даже области.

Умный, всегда держит слово, донельзя самоуверенный и упрямый.

— Привет, — поздоровался Лёва.

Так случилось, что Сеницын почему-то, кроме нас с Леркой и ещё буквально пары человек, в школе больше ни с кем не общался.

Наверное, считал их не достойными общества его высокой персоны. Это не приукрашивание. В высокомерности и зазнайстве Лева переплюнет даже задиристых и напыщенных рэперов, а они — известные чемпионы нарциссизма.

— Привет, Лёва, — хмыкнул Лерка. — Смотрю, ты подрос за лето.

— Спасибо, — спрятав руки в карманах, сдержанно поблагодарил Лева. — А вы обе хорошо выглядите. Гораздо лучше здешнего большинства.

— О-о, — закатила глаза Лерка. — Роджеровна, мы с тобой удостоились комплименты от самого Сеницына! Все! Цель жизни достигнута, нам пора завести личные странички в Википедии.

— Ты тоже очень здорово выглядишь, Лёв, — ответила я с улыбкой. — Бабочка новая?

— И костюм, — кивнул Лёва. — Как ваше лето? Где-то были?

— Да как-то было не до этого, — вздохнула Лерка.

— Да, — кивнула я, — в это лето мы почти всё время провели в городе.

— А ты где был, гений? — спросила Лерка Лёву.

Но ответить тот не успел. Наш директор Станислав Владимирович занял свое законное место у трибуны на сцене. Мы спешно построились в ровные шеренги. Над площадкой пронесся усиленный микрофоном голос директора.

— Уважаемые мои и любимые ученики! Хочу поздравить нас всех с началом учебного года!..

В этот миг в небе прогрехотало и на наши головы полетели более крупные капельки дождя. Над головами школьников стремительно расцвели разноцветные купола зонтиков. Мы с Леркой тоже хотели достать свои, но стоящий за нашими спинами Лёва поджентльменски прикрыл нас своим широким черным зонтом.

— Спасибо, — обернувшись, бросила я Лева.

Он лишь степенно и молча кивнул, видимо считая излишним отвечать.

Над нами разносились слова директора.

— В этом году нас всех ждет трудная, но интересная учебная работа...

— Интересно, кто ему тексты пишет? — проворчала Лерка мне на ухо. — Каждый год слова разные, ударения одинаковые. Кто этот гениальный гострайтер? Я хочу в глаза ему посмотреть.

Я хихикнула, представляя себе какого ни будь Riskey F (известный гострайтер, пишет текст для рэп исполнений), который сидит и старательно пишет текст для нашего директора. Хотя он бы такое точно не написал.

— Вот я не понимаю, честно, — неприязненно ежась от влажного холода проговорила Лерка. — Нет, правда! Я не могу взять в толк, почему каждый раз, с**а, из года в год мы приходим сюда на это место в один и тот же день и как чокнутые сектанты час слушаем, что нам заливает наш дерек. Вот правда! Почему именно первого сентября! Почему не второго, не пятого? Почему, вообще, не в октябре? Что, мать его, такого знаменательного случилось первого сентября, что мы начинаем учиться строго в этот день?! А?

— Ну-у, — протянул из-за наших спин Лева. — Например, первого сентября началась вторая мировая война.

Стоящие впереди ученики все до единого обернулись и молча уставились на нас.

— Ну, что ж, — с сарказмом проговорила Лерка. — Это ***ть многое объясняет. Теперь я знаю, откуда происходит фашизм наших учителей...

— Логинова! — к нам подошла наша завуч и погрозила пальцем. — А ну тихо там! А то двояк по истории я тебе сразу авансом влеплю!

Все быстро отвернулись от нас, усердно глядя на директора, который яростно продолжал вещать со своей трибуны.

— Себе влепи, — проворчал Лерка, когда завуч отошла. — Слушай, Лёв, а война же вроде в июне началась?

— Это Отечественная, — ответил Синицын с умным видом. — А сама Вторая Мировая началась первого сентября с раздела Польши.

— Да-а? — заулыбалась Лерка и посмотрела на меня с издевкой. — И кто её там поделил?

— СССР и Германия, — пожал плечами Лёва.

— Роджеровна, — Лерка шутливо приобняла меня, — ты только не обижайся. Наши же не знали тогда, что ты у нас учиться будешь...

Несколько наших одноклассников тихо засмеялись.

— Ничего страшного, Лер, — усмехнулась я. — Как будто это было в первый раз.

— А когда ещё такое было?

— Во второй половине восемнадцатого века, — вздохнула я.

— Да, — вмешался всезнающий Лёва. — Только тогда делили на троих.

— На Российскую империю, Пруссию и Австро-Венгрию, — будничным тоном перечислила я. — Да, пока я училась в Краковской школе, там главной темой по истории было угнетение Польши Россией.

— Ну, это в Европе вообще сейчас модно, — хмыкнула Лерка. — Мордор из нас делать.

— В образе Мордора Толкиен, по моему мнению, как раз и представлял Советский союз.

— С чего ты взял? — спросила Лерка нахмурившись.

— А ты помнишь, как меч Арагорна назывался? — скептически спросил Лёва.

— А что он как-то назывался?

— М-да. «Меч запада».

— И что?

— Ничего. Просто Мордор был строго на востоке.

— Угу, — хмыкнул Лерка. — А дух Саурона и его эта башня...

— Скорее всего, многоуважаемый Толкиен подразумевал в этом Ленина и мавзолей.

Лерка лишь фыркнула.

— Извращенцы, а! Хорошо хоть, в Хоббите такого не было!

После линейки мы отправились на наши первые уроки. И с Леркой мы еле досидели до конца учебного дня. После этого в компании Оли и Лёвы, который сам к нам прибил, мы отправились праздновать первое сентября уже по-своему. И завалились в одно из наших любимых и уютных кафе.

Умяв в четыре рта две пиццы, при этом шумно обсуждая грядущие учебные дни, мы спустя пару часов заказали ещё десерты.

Уходить из кафе не хотелось. Тем более, что за окном погода снова ухудшилась и мраморно-серые тучи с ожесточением поливали столицу непрерывным дождем.

А мы имели удовольствие наслаждаться теплом и уютом, за спорами и обсуждениями поедая вкусняшки и запивая горячим чаем. Кафе, кстати, было переполнено. Все спешили хоть где-то укрыться от непогоды.

И одной из таких посетительниц оказалась женщина в яркой, стеганой зеленой куртке с рукавами в три четверти. Но я обратила внимание на девочку, которую явно чем-то раздраженная женщина вела за собой. Девочка, судя по покрасневшему личику, недавно плакала.

Они сели за один из немногих свободных столиков. К ним подошел официант и женщина что-то быстро заказала. После этого, она заметно нервничая, торопливо поцеловала дочь в лоб, что-то проговорила ей и поспешила покинуть кафе. Я в полнейшем недоумении смотрела, как женщина садиться в машину и уезжает. А её дочка, обернувшись, смотрит вслед уехавшему автомобилю. О-ох... Что-то мне это напоминает.

— Ника! — Лерка отвлекла меня от разглядывания крохи, что осталась одна.

Я обернулась.

— Да? Что?

— У нас тут возник спор, — неспешно помешивая ложкой чай, ответила Лерка, при этом прожигая взглядом Лёву. — Синицын говорит, что нашему классу и, вообще, всей параллели не повезло, и экзамены в конце года у нас будут куда сложнее, чем у других девятых классов в прошлом году. И что напишут их единицы... Что ты об этом думаешь?

— Я? — рассеянно переспросила я и ещё раз оглянулась на оставленную матерью девочку за столом.

— Роджеровна, да куда ты там все время оглядываешься? — Лерка тоже обернулась.

— Подождите... Я сейчас, — я встала из-за стола и направилась к девочке, что с опаской глазела по сторонам на чужих, больших, незнакомых и страшных людей.

А взрослые, казалось, и не замечали, что своим смехом и громкими разговорами пугали ребенка. Сложив ручки на колени, девочка то и дело боязливо оглядывалась на грохот смеха сидящих через два столика мужчин.

Я подошла к столику, за которым сидела эта девчушка. Я уже давно узнала в ней Диану Курбатову. Дочку Лукьяна Курбатова, с которой я общалась в тот день, когда увидела Мирона с Лерой.

— Привет, — поздоровалась я и дружелюбно, по-доброму улыбнулась ей.

— Ой... — она растерянно моргнула глазками, чуть вжала голову в плечи. — П-привет Ника.

— Не возражаешь, если я присяду? — я указала на свободное место перед ней.

— А можно, ты сядешь рядом? — спросила девочка и подвинулась.

Я с готовностью кивнула.

— Конечно.

Я опустилась на сиденье рядом с ней. Девчушка явно была рада, что я пришла. На её личике отражалось заметное облегчение.

— Как прошел твой первый день в новом учебном году? — спросила я, глядя на неё. — Кстати, а в какой класс ты пошла?

— Во второй, — счастливо заулыбалась девочка. — Мы сегодня рисовали на третьем уроке.

— Ничего себе, — я, как положено, выразила восторг. — А можно посмотреть?

— Конечно! — Диана явно только и ждала этого вопроса.

И глядя на то, как поспешно она расстегивает свой рюкзачок со снеговиком Олафом, я подумала, что у нее вокруг не так много людей, кому она может похвастаться школьными достижениями. Во всяком случае, не так много тех, кто действительно разделит её радость и похвалит, прижав к сердцу и оставив теплые поцелуи на макушке.

— Вот, смотри! — Дианка разложила на столе альбом и поспешно развернула.

Я счастливо улыбнулась, разглядывая рисунки Дианы. Они были яркие, нелепые и кривоватые, но вызывали приятное и доброе чувство умиления.

— Какая красота! — проворковала я, чуть наклоняясь к листку альбома. — Это у нас лисичка? А вот тут она живёт!

Диане не терпелось показать мне другие свои рисунки. Я не возражала. Что, мне трудно порадоваться с ребенком её успехам, выразить должный восторг и похвалить? Мы вместе листали альбом Дианки и обсуждали каждый рисунок. Девочка каждый раз торопливо и старательно рассказывала всю предысторию рисунка, кто там изображен, и что он делает. Я увидела больше десятка довольно неплохих, для возраста Дианки, рисунков всяких зверушек, мальчиков, девочек и героев мультфильмов. Особенно у Дианы удался дракончик из «Как приручить дракона».

Но тут Диана перевернула следующую страницу, и с неё на меня смотрел выразительный четкий и наполненный холодной грацией рисунок в стиле японской гравюры. Это был человек в ярком кимоно. Он стоял у пруда и явно любовался своим внешним видом. И все бы ничего, если бы у мужчины не торчало из-за спины восемь паучьих лап. Они были хорошо и детально прорисованы. Как и огромная паутина за спиной, выше мужчины. Я несколько секунд завороченно смотрела на эту искусную иллюстрацию. Я узнала на рисунке японского ёкая Кумо. Паук-оборотень из японского фольклора.

— Это мамин друг рисовал, — объяснила Диана. — Он вообще много такого... всякого рисует... А ещё часто берет кисточку и выводит всякие знаки на бумаге... Говорит, что это ему... помогает.

Диана нахмурила лобик, глядя на рисунок с Кумо.

— Мне не нравятся его рисунки, — Диана покачала головой с песочными волосами. — Они красивые, но... злые.

Я отвела взор от рисунка и посмотрела на девочку. Возможно, я подвержена паранойе, но лично у меня сейчас все японо-китайское прочно ассоциируется только с одним человеком.

— Диана, — тихо проговорила я, чуть наклонившись к девочке. — А-а... как зовут друга

твоей мамы?

Диана с любопытством посмотрела на меня.

— А зачем ты спрашиваешь?

— Ну-у... мне просто интересно.

Диана пожала плечами.

— Я и мой брат Гоша зовем его просто дядя Герман.

И вот тут у меня буквально похолодело под сердцем. В первые несколько секунд я не могла ничего сказать. Я просто под гулкий стук учащенного сердцебиения пыталась понять, насколько это может быть «банальным совпадением». И шансы были меньше одной сотой, если честно.

— Диана!

Мы с моей собеседницей вместе вздрогнули. К столику подошла рассерженная мама Дианы. Она была порядком растрепана, и одежда выглядела слегка расхристанной.

— Я тебе что, мало объясняла, что бывает, если общаешься с незнакомыми людьми? А вы девушка здесь что забыли?!

— Простите пожалуйста, — ответила я, смутившись от гневного наскока матери Дианы. — Я просто...

— Вот и иди по своим делам! Давай, тебе здесь нечего делать!

— Конечно, — кивнув, покорно пробормотала я и выбралась из-за стола.

— Пока, Ника, — жалобно произнесла Диана, которую мать вытягивала за руку из-за стола.

Я, обернувшись помахала ей рукой. Со тянущим тревожным чувством в груди я наблюдала, как Диана и её мама садятся в вишнёвую Audi Q8.

— Эй! Граждане! Чей альбом с рисунками?!

Я резко оглянулась. Официант из кафе, с растерянностью поднимал над головой альбом Дианы.

— Извините пожалуйста, — я ринулась к официанту. — Это моё...

— Ника, а эта кроха не могла ошибиться? — с хмурым сомнением спросил Стас, разглядывая рисунки на листах альбома.

Помимо оборотня Кумо здесь оказались и другие существа из японской мифологии. Здесь было шикарное изображение Тэнгу, птиц оборотней, что любили ради забавы пугать путников на дорогах. На одной из страниц мы нашли жуткого Ямата-но Ороты. Это восьмихвостый змей, с которым связан японский легендарный меч. Иллюстрации были сделаны с явной любовью и фанатичной дотошностью. Все было старательно и тонко прорисовано, что позволяло человеческому глазу в полной мере насладиться потрясающей детализацией!

— В чем ошибиться, Стас? — я стояла рядом с Корниловым, пока он лениво листал принесенный мною альбом. — Она четко и ясно сказала: «Дядя Герман», «Мамин друг». А учитывая, что Герман Шамов и Майя Курбатова оба были в альпинистском клубе «Горный путь» то вполне вероятно, что они хорошо друг друга знают.

— Ника ты представляешь, какой должна быть «дружба» Майи и Германа, чтобы, когда его повсюду разыскивают, он прятался у неё?

— Да, я понимаю, к чему ты это, — я отвела взгляд, почувствовав, что щеки начинает слегка припекать. — И, скорее всего, так и есть.

Стас положил альбом Дианы на стол.

— Герман и Майя... любовники, — проговорил он так, словно пробуя это на вкус.

— А почему нет? — оторвавшись от изучения материалов по побегу Платона Плансона, спросил Коля.

— А смысл? Зачем Майе спать с Шамовым? Что она могла найти в свихнувшемся докторе-психопате?

— Ты сам не раз говорил, что психопаты нередко обладают просто сногшибательным обаянием и харизмой! — заметила я.

— Так и есть, — кивнул Стас. — Но в этот раз... Я не могу в это поверить.

— Стас!.. — обиженно воскликнула я. — Мы же можем хотя бы просто проследить за Майей какое-то время?

— Да, вот тут ты права, — согласился Корнилов.

Я понимала метания и осторожность Стаса. У нас, да именно у нас, каждый день, каждый час и даже каждая минута дороги. На Корнилова давят сверху, требуют немедленных результатов. И Стас откровенно опасается потратить ресурсы и время на пустую слежку. Это я понимала. Но во мне зрела решительная уверенность в правдивости моих подозрений. Осталось только Корнилова убедить.

— Стас, — я подошла к нему и тронула за руку. — Ну подумай. Ведь романтические отношения между Майей и Шамовым вполне могли развиться за спиной тираничного и жестокого Курбатова.

Стас задумчиво вздохнул.

— В романтические отношения между ними я не верю, — качнул головой Стас. — Если они и спят, то тут что-то другое.

— Например? — снова влез Коля.

— Например, — Стас посмотрел на меня, — мечь тираничному и жестокому мужу. Это очень по-женски...

— Ой, начинается! — проворчала я, отворачиваясь.

Стас и Коля засмеялись. А мне было не до смеха. Но Стас все-таки согласился последить какое-то время за Майей Курбатовой, и я мысленно восторжествовала.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Пятница, 14 сентября

Она преследовала его даже в том бездонном небытие, в котором он пребывал. Она шла за ним по пятам, грызла, терзала, мучила и злорадствовала.

Боль, как злокозненная, жуткого вида старуха, неустанно преследовала Касьяна, даже пока он был без сознания. Он рвался прочь, пытался избавиться от нее, он тщился сбежать от ее причиняющих страдания саблевидных когтей. А она неустанно гналась за ним...

Касьян вырвался из бездны, словно проломив головой оковы льда.

Он резко встрепенулся на кровати и судорожно, со сдавленным хрипом втянул в себя воздух.

— Да шоб ты ошпарился, елопень пупырчатый! Ядрить твою а...

Касьян, дыша в такт резкому пульсу, ошалело огляделся. Он сидел на больничной кровати, в светлой палате с зеленовато-серыми обоями. Вокруг него пикало множество

мониторов и высились стойки с капельницами. А на второй, соседней, кровати какой-то бородатый старичок с досадой вытирал со штанов размазанную еду.

— Че тебе не сиделось то на том свете, пока я суп не доем, а? — злобно зыркнув на Касьяна проворчал старик.

Каменев недовольно покосился на старого ворчуна, прижал правую ладонь к груди. В теле разливалось мучительно жаркое иссушающее и неприятное тепло. Испарина стекала по его разгоряченной коже. С осознанием, что он, наконец, очнулся, к Касьяну пришла мысль, что у него, должно быть, сильный жар. Он с трудом дышал. В груди, в области легких, чувствовалась всасывающая, тянущая боль при каждом вдохе.

Дверь палаты раскрылась и внутрь ворвались две медсестры, следом за ними врач, женщина средних лет со строгим тугим пучком на голове.

— Пульс учащен и у него повышенное кровяное давление... — немедленно сообщила подлетевшая к мониторам приборов медсестра.

— Пациент весь горит, — вторая медсестра бесцеремонно приложила ладонь ко лбу Касьяна.

Тот рассматривал их с несчастным, угрюмым видом. Женщина постарше, с узелком на голове встала у кровати Каменева и коснулась его руки, затем лица и шеи.

— Три кубика «Тройчатки», быстро! — распорядилась врач и сказала Касьяну, положив руку ему на плечо. — Вам лучше прилечь, Касьян. Не беспокойтесь, все будет хорошо. Меня зовут доктор Воронина, я врач, который вас наблюдает. Скажите, кроме температуры есть ещё какие жалобы? Тошнота, головокружение, боли в животе?

— Мне больно дышать, — поморщившись, ответил Каменев.

— При вдохе или выдохе?

— При вдохе.

Врач встала с кровати.

— Так, быстро его в манипуляционную!

Касьяну сделали несколько уколов, взяли анализы и провели ещё несколько весьма неприятных процедур. После чего он был возвращен обратно в свою палату к сетующему и ворчащему старому соседу.

— Ну что, как там на том свете, парниш? — злорадно усмехаясь, спросил ехидный старик. — Гаже, чем здесь? Э? Чертей-то видел?! Эй! Слушай, а как тебя зовут? Рожа что-то у тебя больно знакомая! Эй! Парниш... Чего заткнулся? Сдох что ли?

Старик злорадно захихикал и тут же, подавившись, зашелся в гавкающему кашле.

Каменев не слушал старика. Он неподвижно лежал в своей кровати и безучастно, с усталым равнодушием разглядывал потолок.

Так прошло несколько часов. А в обед в палату ворвалась перепуганная и взволнованная Майя. Его бывшая жена. Майя, которая уже восемь лет носит фамилию Лукьяна Курбатова.

— Господи, Касьян!.. Боже мой!.. — она бросилась к нему и, присев на кровать, немедленно обняла.

Каменев с наслаждением вдохнул запах её волос и духов. Он ещё помнил их. Всё ещё помнил.

— Как же я за тебя перепугалась! Я думала, больше не увижу тебя! Господи... — она, судорожно всхлипывая, обнимала его за шею. — Касьян, я тебя умоляю, пожалуйста... Бросай ты свои журналистские расследования и уходи из этого журнала! И не переживай за Лукьяна!.. Но ты же видишь, ты ходишь по краю! Ты второй раз в больнице за последний

месяц! И оба раза ты едва не погиб! Пожалуйста, Касьян... Пожалуйста, скажи, что подумаешь об этом!

Каменев устало улыбнулся. Погладил бывшую жену по голове и вздохнул.

— Я подумаю... Майя-милашка.

Майя замерла у него на груди. Касьян тоже застыл. Последние два слова сорвались с его уст произвольно, он ляпнул их абсолютно механически. Или же ему слишком хотелось так назвать свою бывшую. Хотелось, и он всегда забивал это желание поглубже при встрече с ней. Мучился от терзающего желания обнять и назвать так женщину, которую он не переставал любить. Майя-милашка. Так он звал её в университете.

Майя медленно отстранилась от него. Но не далеко. Её лицо было рядом с ним. Он смотрел в её серо-зеленые глаза и млеял от безмолвного наслаждения. Их губы соприкоснулись. Сначала робко, осторожно. Затем горячо, жадно, нетерпеливо.

— Э! Э! Молодые люди! — закричал со своей кровати противный и склочный старик. — Вы часом не забылись? Я вообще-то тут! Я конечно не против посмотреть на продолжение... Но у меня сердце! Имейте совесть!

Майя отстранилась, стыдливо отведя взор. Касьян обжег соседа по палате ненавистным убийственным взглядом. Тот в ответ лишь нахально и злорадно ухмыльнулся.

— Кстати, — Майя, старательно избегая смотреть Касьяну в глаза, достала свою сумку-мешок серо-бежевого цвета. — Вот... Я подумала тебе будет очень кстати...

С этими словами она протянула Касьяну каталог с бионическими протезами рук и ног. Касьян правой рукой взял каталог, положил себе на колени. С обложки журнала Каменеву приторной «голливудской» улыбкой улыбался какой-то мужик в прикиде рок-музыканта. Он держал в руках бас-гитару и проникновенно смотрел на читателя. А внизу большими буквами значился слоган: «Потеря конечностей не лишает вас смысла жизни!».

Касьяну это показалось вычурным, банальным и глупым. Он посмотрел на рок-музыканта, что старательно бравировал своей роботизированной бионической рукой. Рука и правда выглядела красиво и технологично. Заметны были суставы, проводки и блеск металлизированного материала, который использовался для пальцев, кисти и локтя.

— Я посмотрела несколько вариантов, — участливо проговорила Майя. — Там есть очень привлекательные... Тебе точно понравится.

Она застегнула свою сумку.

— Я забегу к тебе ещё вечером. Куплю тебе что-нибудь. Что ты хочешь? Фрукты, конфеты или...

— Ничего не надо, Майя, — вздохнув, Каменев посмотрел на бывшую жену. — Просто приходи сама.

Майя на миг застыла. Её пальцы отчаянно комкали ручку сумочки, словно она тщиалась найти в ней спасение из неловкой ситуации.

— Ладно, — быстро и скомкано пробормотала Майя, опустив взгляд.

Она наклонилась к Касьяну, робко чмокнула в его заросшую жесткой щетиной щеку и поспешила выйти из палаты.

Касьян разочарованно вздохнул. Зачем он это сделал? Зачем назвал её «Майей-милашкой»? Зачем?! Ну вот зачем?! Он так разозлился на себя, что уже готов был швырнуть каталог о стену, но вовремя остановился. Ему не стоило называть так Майю... Чем он думал?!

— Что, всё ещё любишь её? А? — со злобной ехидцей спросил старик и противно

захихикал. — По тебе видно, парнишь. Сохнешь ты по своей женушке. Хе-хе. А она небось и другому побежала. Хе-хе. Знаешь, чем они там будут сейчас заниматься? А? И он довольный собой снова засмеялся, а потом вновь закашлялся. Касьян смерил мерзкого старика осуждающим и негодующим взглядом. Затем развернул каталог.

Давно Касьяну не приходилось прилагать столько усилий, чтобы элементарно заснуть. И самое ужасное, что из-за левой руки, а точнее из-за её отсутствия, он не мог себе позволить ворочаться в свое удовольствие. И это было ужаснее всего. Касьяну приходилось титанически изворачиваться, чтобы просто перевернуться на правый бок. Ну или на спину. Сон на левом боку для него в прошлом.

Ещё и его сосед, несносный склочный дедуля, храпел как простуженный медведь.

Каменев насилу все-таки уснул... Он лежал на жесткой земле и содрогался от холода. Над ним чернела ночь. Густая, беспросветная и неестественно чёрная ночь. Завывал ветер. Слышно было, как шелестит сухая трава и поскрипывают ветки деревьев. Каменев приподнялся, поджал колени, обхватил их руками и весь сжался. Мертвенный, проникающий под кожу в кровь, к костям и жадный до тепла плоти хищный мороз пропитывал его тело насквозь. У Касьяна стучали зубы, его бил озноб. Он вдруг подумал, что должен проснуться, но не сумел. Не смог, и это напугало его. Это натолкнуло его на странную мысль, что, должно быть, это не простой сон. Он слишком явственно чувствовал свирепый холод. Слишком явственно ощущал, как мороз жжет кожу и прожигает вены с кровью, наполняя льдом сердце, легкие и живот.

Касьян, вжимая голову в плечи огляделся. Он стоял босыми ногами в чем-то бело-сером, трухлявом и зыбком. Касьян не сразу осознал, что это пепел. Он босыми ногами стоял на густом слое пепла.

Эта мысль заставила его вместе с холодом почувствовать ядовитый, едкий привкус необъяснимого страха. Его пугали мысли о том, с чем может быть связан этот пепел. Его было слишком много. Он был повсюду, он полностью укрыл собою землю.

Вокруг него вздымались скелетоподобные серо-белые мертвые деревья. Они были все без листьев, высохшие, лишённые остатков жизни. Их кривые ветви напоминали зигзаги молний в грозу. А между серых ветвей мертвых деревьев глазела черная вязкая масса ночной тьмы.

Касьян внезапно ощутил что-то голой подошвой правой ноги. Недоуменно уставившись вниз, он осторожно присел и дотронулся до того места где была его нога и вдруг замер. Снизу, из-под пепла кожи его ладони коснулся теплый воздух. Касьян нервно сглотнул, но не шелохнулся. Теплое дуновение повторилось. Оно было не спешным, размеренным и ритмичным.словно...словно чье-то дыхание!

Дыхание Касьяна сбилось, сорвалось, и он поперхнулся от переполнившего его ужаса. Он упал на колени и своей единственной рукой начал лихорадочно разгребать пепел.

Он с остервенением комкал его и отбрасывал в сторону. Пока не обнаружил под слоем пепла лицо.

Касьян застыл, ошарашенно уставившись на неизвестное лицо с закрытыми глазами. Каменев слышал, как отчаянно рвалось из груди его сердце. Он уже перестал обращать внимание на холод и лишь в немом ужасе, оцепенев, глядел на лицо неизвестного человека.

Глаза неизвестного резко открылись. Касьян вздрогнул, отпрянул. Неуклюже взмахнув правой рукой и обрубком левой, он отполз подальше. На его глазах пепел возле неизвестного

лица вздыбился, поднялся и, лопнув, выпустил на свет худую спину с проступающими под кожей позвонками. Затем из пепла с явным трудом выбралась худая, костлявая женщина. Она выпрямилась, хрустнув костями. Ветер взметнул её седые волосы.

Касьян не дышал. Он, потеряв возможность двигаться, перемещаться и шевелиться, глядел на жуткого вида женщину. Её тщедушное и одряхлевшее тело выглядело старым, но оно не было таковым. Женщина просто была мертва. Понимание этого, подобно змее, скользнуло куда-то за шиворот и забралось в его сознание, наполняя душу кошмаром.

Женщина обернулась. И Касьян заорал, сильно, с чувством, с искренним и бесконечным ужасом. А женщина усмехнулась ему дряблыми бледными губами и, шатаясь, шагнула к нему.

— Это всё ты... — раздался её голос в голове у Касьяна. — Это всё ты! Ты! Ты!..

Касьян с трудом поднялся, затем поскользнулся, упал и почувствовал, как пепел под ним зашевелился. Он отпрянул, снова поднялся. Отсутствие левой руки мешало и мучало его. А из-под пепла вокруг него поднимались новые мертвецы. Их обвиняющие, гневные голоса дрожали и звенели в его голове.

Каменев развернулся и рванул прочь со всей возможной прытью.

Он бежал, врезался в деревья, царапаясь ветки и ломая их.

Он мчался не разбирая пути. А голоса мрачным колоколом звенели в его черепе и твердили:

— Это всё ты! Это твоя вина! Это всё ты! Ты! Ты!..

Каменев на бегу обо что-то споткнулся и почти навзничь упал лицом вперед, едва успев выставить перед собой правую руку. Он тут же поспешил подняться, игнорируя боль в локте и коленях. И тут его взгляд наткнулся на черную одежду, колышущуюся перед его глазами.

Касьян медленно поднял взгляд и раскрыл рот. Но вместо нового крика ужаса с его губ сорвался лишь сухой, надламывающийся хрип.

Он стоял над ним, возвышался в полтора человеческого роста.

Худой длинный и очень высокий, он был в своем неизменном черном сюртуке, у него были все те же высоко поднятые и забранные назад черные, как смоль волосы и заполненные темнотой глаза. А лицо оставалось бледным, почти идеально белым на этом лице с насмешливой снисходительностью улыбались блестящие чёрные губы.

— Куда ты все время бежишь от меня? — спросил Монохромный человек. — Зачем? Разве ты не осознаешь всю бессмысленность своего побега?

Тут он чуть наклонился вперед к Касьяну.

— Ты... мой... — прошептал Монохромный человек. — Ты мой от рождения и до конца твоего существования. Ты мой, и ты никуда от меня не убежишь. Ты никогда от меня не скроешься. Ты принадлежишь мне...

Тут справа раздались шаги. Каменев затравленно оглянулся и увидел её. Он сразу же узнал девушку с лицом, раскрашенным в черный и белый. Она была нагая. Распушенные черные волосы развевались за спиной. Она неспешно ступала по пеплу босыми ногами и улыбалась.

Девушка с черно-белым лицом подошла к Монохромному человеку. Притянула его к себе за лацканы черного сюртука. И в следующий миг они страстно поцеловались.

Касьян с криком проснулся. И продолжая кричать в темноту палаты, он сорвался с кровати, ринулся прочь, едва не упал, поскользнувшись на полу, и врезался в дверь. Он распахнул её. Дверь ударилась об стену. Одинокая заспанная медсестра в коридоре

испуганно взвизгнула. Касьян бросился к ней, но девушка завопив бросилась прочь.

— Помогите! — хрипел Касьян, неуклюже пытаясь бежать за девушкой. — Помогите! Помогите мне! Он идёт за мной! Он преследует меня!..

Убежавшая от него медсестра позвала двух могучих санитаров. Те без труда скрутили Касьяна и поволокли обратно в его палату.

Когда они вошли обратно, втаскивая отчаянно орущего и сопротивляющегося Касьяна, один из них щелкнул выключателем на стене. Зажегся свет, и все замолчали. Даже Каменев.

— Чтоб меня... — ошарашенно проговорил один из санитаров, глядя вверх на потолок.

Касьян тоже смотрел туда и молча плакал, сотрясаясь от невыносимого ужаса.

Под потолком крест на крест были развешаны две длинных самодельных гирлянды. На провисших нитях, медленно вращаясь из стороны в сторону, висели черно-белые человечки.

— А что с Нечаевым? — вдруг спросил другой санитар.

— А что с ним? — спросил первый.

Второй оставил обомлевшего Касьяна, подошел к кровати старика и коснулся ладонью его шеи. Санитар тут же отдернул руку и оглянулся на соратника.

— Дык он это... Вань, походу, он у нас тут... того... отошел.

Санитары, не сговариваясь, снова подняли взгляд к гирляндам с человечками, а затем обернулись на Касьяна.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 17 сентября

Настроение было безнадежно испорченным. И краски мира для меня серьезно поблекли вместе с позитивными эмоциями.

А всё дело в том, что первыми двумя уроками у меня была география. И вроде бы этого достаточно, чтобы жизнь не казалась мне слишком легкой и милой. Но нет. Судьбе сегодня было угодно поиздеваться надо мной ради профилактики. Потому что наш добродушный преподаватель русского языка Борис Львович оказывается заболел. И на его два урока нам поставили замену. И кого вы думаете? Правильно! Конечно же Кобякина Павла Валентиновича. И на ком этот пупырчатый свинопас отыгрывался за свое неудовольствие по жизни эго? Правильно! На моей скромной персоне! Мне и так уроки географии даются с трудом, так их еще сегодня четыре было! Четыре, Карл! Господи... Я четырежды пережила придирки и язвительные издевки нашего географа. И мое положение ещё ухудшалось присутствием школьной королевы, Веры Кудрявцевой.

О, эта особа имеет ко мне и к Лерке особенные счеты. Потому что именно с нашим, а точнее с моим появлением, негласное право Кудрявцевой на издевательства над девочками окончилось. Эта, простите пожалуйста, злокозненная kurwa получает наивысшее наслаждение, подвергая злым и унижительным издевательствам других девчонок. Кудрявцева имеет неоспоримый авторитет среди девочек из-за того, что от нее без ума почти все парни из нашей и соседних школ.

Да, Верка красива. Стройная, высокая с пышной гривой роскошных чуть завивающихся темно-каштановых волос и выразительными серо-голубыми ледяными глазами. Лицо с правильными чертами и обольстительной улыбкой, от которой парни в школе просто млели, таяли и погибали. О, да. Парни считали её настоящим ангелом, королевой (королевой куда

больше) и, вообще, образно выражаясь, падали перед ней ниц. Преподы тоже знали только несколько болтливую, но очень старательную ученицу. Да и училась Кудрявцева весьма хорошо.

М-да. Вот только настоящую Веру Кудрявцеву знали, в основном, только ученицы последних трёх-четырёх классов. Особенно те, которым от неё досталось.

Насильно, при помощи подруг обрезать волосы, облить чем-нибудь зловонным, заставить есть траву под угрозой избиения или просто заставить раздеться и забрать одежду. Вот неполный список «развлечений» этой стервы.

Все свои издевательства Верка и ее подружки-подпевалы снимали на телефоны. Точнее, в основном снимали на телефон Кудрявцевой. Верка очень пристально следила, чтобы ничего не попало в интернет. А её жертвы молчат и боятся, так как им постоянно угрожают показать видео с их унижениями всей школе. И бесчинства бомонда Кудрявцевой остаются большей частью просто слухами. Ситуация осложняется ещё и тем, что у Кудрявцевой мать работает ни где-нибудь, а в министерстве образования.

Меня Верка ненавидит за то, что я когда-то вступилась за Леру и Олю Салко. И даже собрала вокруг себя некую компанию, хотя и не прилагала для этого каких-то специальных усилий. Она ненавидит и Леру за то, что та никогда ей не подчинялась и даже смела давать отпор. А теперь у Леры есть я, и ей стало куда проще и легче.

Да-а... В общем вот так и живем. Часто недели в школе проходят, как боевые действия скрытого характера.

Сегодня эта Кудрявая ведьма вместе со своими идиотками всласть посмеялась надо мной, когда Кобякин заставил меня отмечать цветными кнопками столицы африканских и азиатских государств на большой контурной карте.

Вот вы много знаете африканских столиц? А азиатских? Вот и я назвала то, что знаю. Токио, Пекин, Сеул, Каир... Аддис Абеба... Всё. И за свои ограниченные познания я крепко поплатилась.

После уроков нас всех задержала классная руководительница. Жанне Викторовне взбрело в голову поговорить о важном, о грядущем в нынешнем учебном году. И она промучила нас почти полтора часа!.. Лерку-то отпросила её мама, по семейным делам, а мне пришлось выслушивать все радужные планы мечтательной Жанны Викторовны.

А когда я выползла из кабинета, подавленная, уставшая с насквозь изнасилованным мечтами нашей новой классной мозгом, мне позвонил Стас и сообщил, что слежку за Майей Курбатовой прекращают.

— Прости, — сказал мне Стас, — но за две недели слежки никто похожий на Шамова возле Майи не появлялся. Зато к ней действительно приезжал какой-то мужчина и его зовут Герман.

— А... — начало было я.

— Мы его проверили, Ника, — устало ответил Стас. — Это однокурсник Майи с журфака.

Он вздохнул. Я слышала, что он пытается скрыть раздражение и недовольство. Меня затопил стыд за то, что Стас из-за меня потерял сверхценное время. А где-то сейчас Монохромный человек планирует новое убийство. Мы сдержанно попрощались, мне стало ещё тоскливее. И из школьных дверей я вышла в тяжких раздумьях.

— Эй, Лазовская! — хихикая, прокричали мне. — Так где находится Ханой? В ЮАР? Или в Бирме? А может в Европе?

Я с негодующим осуждением покосилась на Кудрявцеву и её противно хихикающую компанию. Вот же ехидные скунсы! Как будто сами лучше меня знают, где находится Ханой... А где он там, собственно, расположен? Ай, не важно! Do diabła!

Зато за воротами школы меня ждал приятный сюрпризец.

Едва я прошла через распахнутую калитку ворот, как передо мной грозно фырча мотором, блистая хромированным пафосом, остановился агрессивный байк. Я замерла в нерешительности. Мотоциклист неторопливо снял шлем и улыбнулся мне.

— Мирон! — воскликнула я. — А что ты тут делаешь? И откуда у тебя байк? Я подошла к нему.

— Байк от старшего брата, — похвастался Мирон. — И я приехал, встретить тебя. Только не говори, что не рада. Твоя улыбка уже говорит об обратном.

— Ну что ты, рада конечно... — я смущенно потупила взор.

Сердце поспешно затрепетало в груди, И вместе с ним во мне поселилось сладкое и счастливое чувство.

— Так обними меня хотя бы, принцесса, — Мирон протянул руки.

Я усмехнулась и, обняв парня, чмокнула в щеку. Попутно я уловила запах его дезодоранта. Ничего такой...

— Поехали, — Мирон протянул мне шлем.

— Что?! — я испуганно отшатнулась назад.

— Давай, давай, — настойчиво протягивая мне шлем, кивнул Мирон.

— Мирон... ну я... я даже не знаю, — растерянно ответила я.

Он усмехнулся.

— Боишься?

— Да-а... Я не ездила на мотоциклах.

Это правда. И вообще я настороженно относилась к двухколесным монстрам.

— Самое время — это исправить.

— Думаешь? — усмехнулась я.

Он с многозначительным видом пожал плечами.

— Время идет, принцесса. И с каждым годом тебе все тяжелее будет решиться на какой-то рискованный поступок!

Он улыбнулся своей обаятельной улыбкой и хмыкнул.

— И десять лет спустя ты будешь очень жалеть, что не поехала со мной.

Я чуть прикусила губу, разглядывая его улыбающееся лицо. Во мне привычное стремление к скорости и адреналину вместе с бурным желанием просто уехать с Миронем, боролось с нудным гласом рассудка. И конечно первое сейчас одержало сокрушительную победу.

Я улыбнулась Мирону, взяла предлагаемый шлем. Мирон подал мне руку, я села назад, отбросила сумку за спину и обхватила его за поясицу.

— Моя девочка, — довольно протянул Мирон.

Я лишь улыбнулась ему в спину и прижалась плотнее при раздавшихся звуках мотора. «Моя девочка». Ну ладно. Странно, но эта фраза Мирона вызвала во мне приятное, чуточку ехидное блаженство. Мне понравилось.

Мирон развернул мотоцикл, я почувствовала знакомое ласкающее чувство воли и наслаждение от звука мотора и предвкушения скоростной езды. Я успела заметить несколько десятков удивленных взглядов и полностью ошарашенный вид Кудрявцевой с её

подружками. И, признаюсь, это добавило мне позитива.

Мы выехали на шоссе и вырвались на свободу. Мирон крутанул правую ручку мотоцикла. Стальной мустанг понесся вперед, обгоняя автомобили и прохожих. Я крепко держалась за Мирона и сторала от переполняющего меня восторга.

— Ори если хочешь! — крикнул Мирон, прибавляя скорости.

И я закричала. Счастливо, громко и долго!

Мы мчались по московским дорогам с дикой скоростью и необузданной энергией. Я кричала, Мирон смеялся, мы были переполнены бесконечным одичалым счастьем и кипучей радостью!

Через некоторое время Мирон остановился на светофоре.

— Ну, что? — он повернул голову. — Тебе понравилось?

— Что?! — спросила я, перекрикивая шум мотора мотоцикла.

— Спрашиваю: тебе понравилось?! — Да-а!!! — заорала я. — Очень! Тут Мирон, к моему удивлению, вдруг снял шлем и, обернувшись в пол оборота ко мне, снял шлем и с меня.

— Тогда, — проговорил он воркующим голосом, — ты мне кое-что должна.

И прежде, чем я успела хоть что-то предпринять, он наклонился и поцеловал меня. Просто... Просто взял и поцеловал. Ничего не спрашивая, не предупреждая, без долгого томного взгляда. Он целовал меня долго, с чувством и ласково, немного властно придерживая пальцами за подбородок.

А я отвечала. Честно, пылая и безнадежно млея. Мне ничего не хотелось в эти мгновения, кроме как просто целовать его теплые и требовательные губы.

Давно уже загорелся зеленый. Машины вокруг поехали. А мы сидели на мотоцикле Мирона и продолжали самозабвенно целоваться.

В наш адрес понеслись недовольные крики из проезжающих машин.

— Совсем обнаглели?! — Нашли место!

— Уйдите с дороги!

— Бесстыдники!

Да. Мы в этот миг потеряли всякий стыд, логику и разум. Мы просто были вдвоем. Вдвоем посреди шумного роя автомобилей. И нам было все равно.

После поездки на мотоцикле мы перекусили мороженым в кафе, и Мирон повёз меня домой. Мы были на перекрестке, когда я внезапно увидела на соседней дороге вишневый Ауди Майи Курбатовой. Я увидела её и детей на заднем сиденье внедорожника. А рядом с Майей сидел какой-то мужчина. Во мне встрепенулось тревожное предположение. Оно стремительно перерастало в стойкую уверенность.

Шамов. Этот мужчина был Шамов! Это точно он! Я узнала его. Хоть он и был в парике и в очках. Я его узнала... просто по манере наклонять голову во время разговора. И некоторым жестам.

— Мирон, подожди... Давай остановимся вон там, — я указала на тротуар возле которого чуть дальше стояла машина Майи.

Мирон пожал плечами и переехала туда. Мы остановились.

— А зачем нам сюда? — спросил парень слегка удивленно.

— Пошли, — Я торопливо и неуклюже слезла с мотоцикла, сумка мотнулась за моей спиной.

— Ника, куда мы идём? — Мирон последовал за мной.

Я сбавила шаг, глядя на стоящую впереди Ауди Q8 вишневого цвета.

— Сейчас увидишь, — неопределенно ответила я.

Меня поглощала пляшущая в душе колкая нервозность. Сердце гарцевало, внутри все танцевало от стрекочущего чувства опасности.

Мы прошли мимо автомобиля Майи. Я краем глаза увидела, как Шамов и Майя разговаривают и активно жестикулируют руками. Они явно ссорились. Меня охватывало и туго сжимало накатывающее напряжение.

— Стой, — когда мы прошли несколько шагов вперёд, я удержала Мирона за руку и достала телефон. — Давай сделаем селфи?

— Что? — растерялся Мирон. — Прямо здесь? Зачем?..

— Мне так хочется, — я нашла единственное более-менее логичное объяснение своему поступку.

Я достала телефон и сделала несколько снимков. Затем быстро утащила Мирона в первый попавшийся магазин. Здесь кроме нас и ещё пары человек никого не было. Наверное, потому что это была лавка для дачников и садоводов. Здесь продавались удобрения, семена, разный рабочий инвентарь, дрова и прочее.

— Ника, — явно смущенный моим поведением, проговорил Мирон и огляделся вокруг. — А что... что мы здесь делаем?

Я не сразу ответила. Я поспешно увеличивала снимки на своем телефоне. Это был он. Это был Шамов. Там в машине, в нескольких шагах от меня сидел, возможно, один из самых страшных убийц, каких видел этот город и эта страна!

Я отправила Стасу увеличенное фото, затем ещё одно.

— Мы здесь... — начала отвечать я Мирону. — Мы здесь, чтобы... Дядя Сигизмунд просил посмотреть ему бензопилу.

— Бензопилу? — с сомнением спросил Мирон. — Ну, ладно...

— Можешь посмотреть что-то? — спросила я, на миг обернувшись к нему. — Пожалуйста...

— Хорошо, — пожал плечами парень.

Он явно был сбит с толку, но неторопливо прошелся мимо прилавков с пилами, молотками и лопатами.

Стас ответил немедленно.

— «Ты где?!»

Я написала Стасу адрес. И тут же новое сообщение.

— «Не лезь никуда. Я сейчас приеду».

Я фыркнула. Да что ж я совсем что ли без мозгов!

В этот миг на улице хлопнула дверца автомобиля, взревел двигатель, скрипнули покрышки по асфальту и вишневый внедорожник виляя, поспешно унесся прочь. А на дороге, на парковочной линии осталась лежать бьющаяся в слезной истерике Майя Курбатова.

Я нарушила предупреждение Стаса и выбежала из магазина.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 17 сентября

Он получил сообщение от Ники прямо в зале суда, где рассматривалось дело Иеронима Дементьева. Стараниями Стаса этого богатого садиста все-таки привлекли за издевательства над Касьяном Каменевым.

Увидев, что прислала ему Ника, Стас, не обращая ни на кого внимания и проигнорировав вопрос судьи, поспешно вышел из зала судебного заведения. Он выскочил на улицу, сбежал по широким ступеням суда к автомобильной парковке. Стаса снедала злость и тревога. Тревога за Лазовскую и злость на себя за сегодняшней звонок Нике. Не стоило ей говорить, что слезку отменяют, и что Шамова поблизости быть никак не может! Она ведь наверняка почувствовала себя кругом виноватой. Это же Лазовская!.. Чёрт возьми!

Он прыгнул за руль и с ходу сорвался с места, разгоняясь до максимально допустимой скорости. Корнилов нарушил по пути с полсотни дорожных правил, но зато был на месте через полчаса.

Он увидел Нику, Мирона и Майю на скамейке возле магазина с удобрениями и саженцами.

Корнилов быстро вышел из автомобиля и порывистым шагом направился к троице.

— Добрый день — произнес он, подходя. — Ника, садись в машину.

— Эй! — возмутился Мирон.

Но Лазовская тронула его за плечо, ласково посмотрела в глаза парню и что-то шепнула. Мирон недовольно поджал губы, нехотя кивнул и поцеловал Нику в щеку. Лазовская, явно смущенная проявлением чувств при Стасе, поспешила в автомобиль. Мирон не слишком дружелюбно кивнул Стасу и поплелся к стоящему неподалеку мотоциклу.

Корнилов взглянул на заплаканную Майю. Он сотрясалась в тихих рыданиях. Горе и ужас исказили её лицо.

— Он забрал моих детей... Моих деток... Мою дочь и сына! Он... Он... — она не обращая внимания всхлипывала и качала головой, словно не могла осознать случившееся.

Стас присел возле неё.

— Майя, послушайте пожалуйста. Меня зовут подполковник Корнилов, я из Уголовного розыска. Вы можете рассказать, что случилось?

Майя взглянула на Стаса так, словно только что его увидела.

— Не-ет... — её глаза округлились, и она быстро покачала головой. — Нет! Нет, вы что! Нет! Нет!.. Он же убьёт их! П-понимаете?! Убьёт! Убьёт мою дочь и сына! Я не могу... Нет! Уходите! Пожалуйста! Я сама... я всё сделаю сама...

— Майя, — сухо проговорил Стас. — Вы же уже должны были понять, с кем связались. Вы не справитесь одна. А Герман Шамов не оставит ваших детей в живых, какие бы условия вы не выполнили.

Майя секунду смотрела на Стаса мокрыми от слез глазами, а затем с новым приступом рыданий уткнулась ему в плечо.

Корнилов вздохнул, приобнял безутешную женщину и позволил её чувствам и переживаниям вылиться наружу.

Спустя минут двадцать, сидя в салоне черного Дефендера, Майя Курбатова всхлипывая и заикаясь, срывающимся голосом отвечала на вопросы Стаса. Она была разбита, напугана и потеряна. И смотрела на Корнилова со смятением, ужасом и надеждой.

— Я должна б-была... п-передать ему деньги... — шептала Майя. — Он позвонил... потребовал... А я... Я была с детьми... А он...

— Я знаю, — сухо перебил её Стас. — У вас не оказалось столько, сколько ему нужно, и он похитил ваших детей.

— Сказал, что если не отдам с-сумму... Господи!... Если не привезу деньги до завтрашнего в-вечера... Он... — она с горестной обескураженностью слабо пожала плечами и шепнула. — Он убьет моих дочь и сына... Убьет их!.. Я его знаю! Он... Он это сделает...

— Как вы вообще связались с Шамовым? — спросил Стас, вздохнув.

Майя шумно втянула носом воздух, закусила нижнюю губу, крепко зажмурилась.

— Я хотела отомстить...

— Что? — не понял Стас, — Кому? Зачем? — Лукьяну! — прорыдала Майя. — Лукьяну Курбатову!

— Простите, — качнул головой Стас, — вы хотели отомстить вашему мужу? Майя со слезами закивала головой.

— Я... Я спала с Германом... Мне... Мне хотелось сделать Лукьяну... больно. Как можно больнее.

— Зачем?!

Майя несколько секунд глядела в сторону, затем посмотрела на Стаса и тихо, с уставшей хрипотцой произнесла.

— За Касьяна.

Стас не удержался и обернувшись, посмотрел на Нику. Сапфировые глаза Лазовской выражали ужас, растерянность и смятение.

— При чем тут Касьян Каменев? — сухо спросил Стас.

— Он мой муж, — Майя тяжело сглотнула и добавила срывающимся шепотом, — бывший.

Она невесело, горько усмехнулась. Снова шмыгнула носом. Взглянула на Корнилова.

— Вы ведь уже знаете, что произошло в лагере «Горный путь»? Лукьян мне рассказывал... Он страшно злился, что вы подобрались слишком близко.

Она снова судорожно вздохнула, тяжело, с трудом сглотнула и сквозь слезы злорадно улыбнулась.

— А потом его арестовали.

Стас качнул головой. Он всё ещё не понимал.

— Вы так радуетесь его аресту... Но вы ведь тоже были там, Майя. Вы участвовали в поджоге.

Майя всхлипнула, криво усмехнулась.

— Да, — прошептала она громко дрожащим голосом, — участвовала... Я... да. Да, я была там. Я... Я пришла тогда к Касьяну... Я... Господи, я пыталась вразумить его! Пыталась убедить!.. Удача сама шла нам в руки! После стольких лет лишений, которые мы с ним пережили, нам подвернулся счастливый случай! Нужно было просто... просто...

Она покачала головой. За нее договорил Корнилов.

— Нужно было просто перешагнуть через свою совесть.

— Да-а, — кивнула Майя и вдруг проговорила с неожиданной нежностью. — Но это не для Касьяна, он... Он всегда был таким чистым, правильным и даже... духовным человеком... Он... Когда я предложила ему... Он...

Супруга Лукьяна закрыла глаза.

— Я никогда его таким прежде не видела! Он... Касьян впервые в жизни накричал на меня! А потом ударил... Ударил и прогнал. Она всхлипнула.

— И тогда вы пошли к Лукьяну, — проговорил Корнилов спокойным, но ледяным голосом.

— Да-а... — нервно сглотнув, ответила Майя. — Лукьян собирал единомышленников... Даже брата Касьяна, Кима, перетянул на свою сторону! Тот буквально возненавидел Касьяна, когда он публично призвал покарать всех, кто замыслил сойтись с бандитами.

Майя вздохнула.

— Касьян был добр, преисполнен нерушимых представлений о благородстве... И невероятно наивен.

— Дальше был пожар, — Стас не давал Майе уйти в себя.

— Да, — кивнула она. — Мы... Мы забаррикадировали двери и подожгли резиденцию клуба... Господи! Я... Я до сих по ночам слышу, как кричат те люди! Мне снятся их голоса и охваченные огнем человеческие силуэты в окнах!..

— Как это все связано с Шамовым? — холодно спросил Стас.

— Из-за Касьяна, — закрыв глаза проговорила Майя. — Понимаете, он... Он каким-то чудом сумел вырваться из сгорающего дома... он выбрался... убежал... Он выжил! Стас в зеркале заднего вида снова перехватил внимательный взгляд искрящихся синих глаз Вероники.

— Но он потерял память, — Майя покачала головой. — Он не помнил... никого и ничего... Он не помнил даже, как его самого зовут! Я... Я тогда хотела... хотела начать всё заново... Я подумала, что это мой шанс! Всё исправить! Ведь Касьян не помнил нашего разговора! И не помнил, что произошло...

Она снова задрожала, зажмурилась и заплакала.

— Но, Лукьян он... Он фактически насильно упрятал Касьяна в психиатрическую больницу! К этому больному подонку Шамову! И они... Они там издевались над ним, как хотели... Лукьян убеждал меня, что хочет помочь Касьяну, но...

Она замотала головой.

— Я знала, что дело во мне.

— В вас? — переспросил Стас.

— Лукьян любил вас, — внезапно подала голос Ника с заднего сиденья, — с тех самых пор, как вы трое, Касьян, вы и Лукьян поступили на факультет журналистики.

Майя плача закивала головой.

— Они вдвоем ухаживали за мной тогда. Но я... я почти сразу выбрала Касьяна.

— Так, — проговорил Корнилов, — понятно. Куда Шамов мог увезти ваших детей? Но Майя лишь сокрушенно покачала головой, сотрясаясь в тихих рыданиях.

— Я... я... не знаю... не знаю! Не знаю я!.. Я...

— Я знаю, — внезапно подала голос Ника.

Стас резко обернулся. Лазовская сидела с отстраненным взглядом. Её звездчато-синие глаза выражали тягостную задумчивость. Стас уже много раз видел такой взгляд у Вероники. И для него не было тайной, что вызвало такое выражение на лице у девушки. Ника только что увидела воспоминания. Она увидела воспоминания Майи и, возможно, Шамова.

— Ты сможешь... показать? — спросил Стас.

Тут к Майе вернулась способность рассуждать.

— А... — она тоже обернулась и посмотрела на Нику. — Откуда ты... откуда ты можешь знать?

— Майя, вас это не касается, — прервал её Стас и снова взглянул на Нику.

— Да-а... — не очень уверенно проговорила Ника. — Наверное, смогу... Но... Майя, а вы не знаете, у Шамова есть м-м... что-то вроде любимой закусочной или бара?

Лицо Майи изменилось.

— У него... у его бывшей жены... у б-брата... бургерная... Она здесь недалеко!

— Ника...

— Он направился туда! — безапелляционно заявила Лазовская.

Сомневаться Корнилов не стал. Тем более, что с Майей и Шамовым Вероника, как оказалось, была права.

— Прекрасно, — Стас завел двигатель и вызвал Колю с Сеней. — Дорогу покажете?

— Да! — с готовностью ответил Майя.

— Поехали, — Стас вырулил со стоянки.

Бургерная «Сытый Гарри» располагалась прямо на углу рядом с обувным магазином. Это было не слишком примечательное здание с грязноватыми зелеными кирпичными стенами и щербатой дверью, заклеенной плакатами с рекламой скидок на местные завтраки.

Корнилов оставил Нику и Майю в машине, а сам вышел и осторожно направился к зданию бургерной. По пути он увидел двух патрульных и знаком подозвал их.

— Значит так, парни, — начал объяснять Стас. — Вон в той забегаловке человек удерживает в заложниках минимум двух человек. Ваша задача — незаметно, тихо и быстро расчистить ближайшие улицы от прохожих. Если надо, вызовите подкрепление, но здесь никто шастать не должен. Вопросы?

Вопросов у патрульных не было. Как раз наоборот, полицейские выразили довольно искреннее желание помочь.

Через минуту в машине Коли подъехали оба оперуполномоченных Стаса. Домбровский и Арцеулов выбрались из машины, подошли к Стасу.

— Ну? — накидывая пиджак, спросил Коля. — И как будем действовать?

— Я буду говорить, а вы заходите с заднего двора или... поищите другой способ проникнуть внутрь.

— Стас, а может подождем спецназ?

Корнилов качнул головой.

— Он на взводе. Занервничает и постреляет всех и себя порешит.

— Он нам нужен живым? — спросил Арцеулов.

Стас молчал кивнул.

— А зачем? — непонимающе поморщился Домбровский. — Он же Монохромный человек! Это он! Он же серийный убийца, Стас! Может быть, будет даже лучше если...

— Это не он, — прервал его Стас и неспешно направился к бургерной.

Корнилов неторопливо приблизился к окнам здания. Попытался заглянуть, но жалюзи внутри были плотно закрыты. Стас подошел к двери, постучал в маленькое окошко с деревянной задвижкой.

— Шамов! — крикнул Стас. — Это подполковник Корнилов!

Стас замолчал, прислушался. Тишина. Корнилов вздохнул. Сеня и Коля уже начали осторожно обходить здание в попытке найти другой вход.

— Шамов, я знаю, что ты меня слышишь! — крикнул Стас. — Давай поговорим! — Нам не о чем разговаривать, подполковник! — раздался гневный голос доктора Шамова. — Я не сдамся вам, пока Курбатов жив!

— Почему ты хочешь, чтобы он умер? — спокойно спросил Стас.

— У меня есть причины!.. Вы же не понимаете! Никто из вас!.. Это он!.. Это он! Он ОН! Это он во всем виноват!

— В чем виноват? — Стас сохранял сдержанную флегматичность. — Я думал, убийца — это ты!

Молчание. Затем смех. Болезненный, скрипучий смех свихнувшегося человека.

— Да вы... хе-хе-хе... Вы же ни черта не знаете!

— Я знаю, что ты учил гипнозу Ксению Гудкову.

Шамов перестал смеяться. На мгновение Корнилову показалось, что он совершил ошибку. Сердце подпрыгнуло в груди, он затаил дыхание.

— Если бы я знал, что она станет вытворять... — проговорил Шамов. — Я учил её власти! А эта тупая корова начала просто удовлетворять свою месть! Мечь и злость, которая копилась у неё в душе многие годы... Вы ведь знаете, или нет? Её доставали в школе, даже гнобили и унижали... А Олег и Ольга практически не уделяли внимания своей невменяемой дочурке!

Шамов снова засмеялся странным смехом.

Стасу пришло сообщение от Коли:

— «Мы внутри».

— «Действуйте» — быстро ответил Стас и сам тоже приготовился, достал револьвер.

В этот миг изнутри раздался крик, что-то разбилось. Грянул выстрел, ещё один. Послышался шум битой посуды.

Корнилов с двух ударов высадил хлипкую дверь, ворвался внутрь.

В воздух взметнулся надрывающийся, тонкий единый крик двух перепуганных детей. Они сидели под столом и жались друг к другу, точно два забитых котенка. Возле них, держась за простреленную руку, корчился от боли какой-то жутко небритый мужчина в фартуке.

— Стас, он на заднем дворе! Уходит! — взволновано крикнул Коля.

— Где чёрный ход? — спросил Стас мужчину в фартуке.

— Там... — процедил тот и кивнул головой за спину.

— Зажмите рану, а лучше, перевяжите чем-то, — бросил в ответ Стас.

Корнилов стремглав бросился в указанном направлении.

Он едва не смел дверь со своего пути, выбежал на задний двор бургерной. Здесь стояли два больших мусорных контейнера, возле которых высилась стопка деревянных ящиков из-под овощей. А метрах в пятнадцати от Стаса, по параллельной улице, вдоль соседнего дома убежал Шамов.

Корнилов, недолго думая, подлетел к ящикам, схватил один и, что было силы, размахнувшись, метнул в сторону Шамова. Ящик описал длинную дугу по воздуху и с гулким треском сбил Шамова с ног. Тот упал, выругался. Стас уже бежал за ним.

Герман поднялся, вскинул пистолет и выстрелил. Пуля вышибла искру от металлических турников рядом. Стас юркнул за угол, выстрелил в ответ, но Шамов уже забежал в арку между домами.

Корнилов рванул за ним, он почти догнал его. Шамов, отчаянно хромя на бегу, обернулся, остановился и вскинул пистолет.

— Брось оружие, Шамов! — наставив на Германа револьвер, властно крикнул Стас. — Я сказал, бросай!

— Вы ничего не знаете! — воскликнул Герман со злостью и растерянностью. — Вы не понимаете! Никто из вас не понимает!.. Курбатов должен... Должен умереть!

Его голос дрожал от фанатичной злости. Стас не успел вовремя среагировать на звук автомобильного мотора.

— Шамов, осторожно! — зарычал Стас и бросился к доктору.

Герман обернулся на звук двигателя, и в следующий миг его на полной скорости сбила какая-то машина. Шамова буквально подбросило в воздух. Корнилов добежал до него, посмотрел вслед автомобилю. Тот и не думал останавливаться. Стас выругался сквозь зубы, припал на колено возле Шамова.

Герман лежал на асфальте. Из его разбитой головы сочилась кровь, ступни ног интенсивно подрагивали. Кровь обильно и щедро растекалась по асфальту, впитываясь в мелкие впадинки, обмывая трещины и выступающие камешки. Она струилась по асфальту, и несколькими похожими на кривые лучи струями растекалась вокруг.

— Вы не понимаете... — Шамов усмехнулся дрожащими губами.

Корнилов видел, что Герман в предагональном состоянии.

— Почему Курбатов должен умереть?! — Стас понимал, что Шамов уже не жилец, и времени мало. — Почему, Герман? Почему ты хочешь, чтобы он умер?

Шамов поперхнулся кровью, сдавленно закашлялся, глаза его начали закатываться.

— Эй! — Стас хлестнул его по щеке. — Слышишь меня?! Почему?..

— Это... он... — выдавил Шамов хрипящим голосом. — Это он...

— Да говори же ты... — процедил Стас.

К ним подбежали взволнованные Коля и Сеня.

— Стас! Что случилось?!

Корнилов не оборачиваясь вскинул вверх правую руку с вытянутым вверх указательным пальцем. Все замолчали прислушались к Шамову.

— Это он... — прохрипел в который раз Герман. — Это... Курбатов... создал... монстра...

Он закашлялся, безумно улыбнулся и, смеясь, шепнул.

— Монстра... которого... вы... не поймаете...

Он выдохнул последнее слово и обмяк, глядя застывшим взором в сторону.

Стас, тяжело дыша, отвел взор.

— Чего стоите? — сказал он операм. — Опросите местных владельцев магазинов. Мне нужны номера тачки, что сбила Шамова.

— Есть, — хором отозвались Арцеулов и Домбровский.

Стас встал, хмуро глядя на тело Шамова. У него в голове шипели его последние слова. И, кажется, впервые за весь месяц у Корнилова начала складываться боле-менее четкая картина происходящего.

Эпизод третий «16: черно-белый театр». Часть восьмая.

КАСЬЯН КАМЕНЕВ

Четверг, 20 сентября

Роботизированные пальцы бионической руки Касьяна медленно сжались и плавно развернулись в широкую ладонь. С того дня, как ему установили дорожный бионический

протез, он не переставал рассматривать его. И каждый раз при взгляде на переливающиеся тусклыми бликами чёрные пальцы руки на губах Касьяна растягивалась необъяснимая, мечтательная и восхищенная улыбка. Он ловил себя на том, что часами мог любоваться блеском и бликами в на гладкой обсидианового цвета поверхности своей руки.

— Вот ваша выписка, господин Каменев, — к Касьяну подошла молодая медсестра с заплетенной в рыбий хвост косой и протянула больничный документ.

Касьян окинул девушку изучающим взглядом и с молчаливой улыбкой принял выписку из её рук.

— Желаем вам, больше к нам не попадать, — девушка выдавила улыбку, однако было слишком заметно, что улыбаться Касьяну ей вовсе не хочется.

Ему было всё равно. Ему было плевать на неё и на всех окружающих.

Внизу, у здания больницы, в свете фар и уличных фонарей его ждал черный Ягуар с водителем, который он арендовал. Перед тем, как ехать домой, Касьян хотел совершить променады по вечерней дождливой и туманной Москве.

И около двух часов молчаливый и исполнительный водитель катал Касьяна по влажной, мокнувшей под сентябрьским дождем столице.

А когда Касьян приехал домой и поднялся на свой этаж, он обнаружил возле двери своей квартиры скучающего Кима. Касьян застыл на лестничной площадке. Он не знал, как реагировать на появление брата, который за три недели не удосужился проведать его в больнице или хотя бы позвонить.

— Привет, — уронил Ким.

— Привет, — после паузы ответил Касьян.

Неловкая пауза тишины выросла между братьями пропитывая воздух льдом взаимных невысказанных упреков.

— Клевая рука, — Ким усмехнувшись, кивнул на протез Касьяна.

— Спасибо, — холодно ответил Касьян. — А что ты хотел?

— Увидеть тебя, — Ким пожал плечами и улыбнулся.

Улыбались его губы, усердно и фальшиво. А вот глаза оставались ледяными и равнодушными. И Касьян это заметил. Ему не хотелось говорить с Кимом, но все же родственные чувства пересилили обиду и неприязнь.

— Я собирался отметить возвращение домой бутылкой «Бурбона». Будешь?

— Конечно, — Ким, похоже, был удивлен приглашению.

Касьян подошел к двери, левой бионической рукой поднес ключи к квартире и открыл замки.

— Вижу, ты уже освоился со своей новой конечностью, — заметил Ким.

— Да. Сейчас она мне кажется лучше настоящей.

— Верю.

Они вошли в квартиру Касьяна. Родные стены встретили Касьяна застоявшейся тишиной и прохладным уютom. Касьян прошел на кухню и достал из холодильника закуску и «Бурбон».

— А кто следил за домом, пока ты?.. — Ким осекся, не решившись договорить.

— Майя, — коротко, не оборачиваясь ответил Касьян. — Я попросил её.

— Тебе с ней повезло.

— Не мне, — сухо ответил Касьян, ища штопор для бутылки.

— Хочешь, я открою? — любезно предложил Ким.

— Я сам, — качнул головой Касьян.

— Я на самом деле очень рад, что ты остался жив, брат.

— Спасибо, брат, — усмехнулся Касьян, он обернулся и помахал бионической рукой. —

Хотя я в чем-то даже благодарен этому ублюдку Иерониму.

Ким засмеялся.

— Ну, ты сам виноват. Мог бы и не оскорблять его жену.

Касьян медленно перестал улыбаться. Колкое дыхание мороза взобралось по ребрам, пересчитало позвонки спины, впиталось под лопаткам и затвердело в груди.

— Ты чего, брат? — Ким взял закуску из тарелки и положил в рот.

— Откуда ты знаешь, что я оскорблял жену Иеронима? — чуть севшим голосом спросил Касьян, пристально глядя на брата.

Ким вымученно улыбнулся.

— Ну не знаю... — проговорил он и голос его дрогнул. — Может просто...

— Знаешь, — Касьян опустил взгляд в стол с двумя бокалами и отставил один в сторону. — Тебе лучше уйти.

— Касьян, я...

— Есть только одно объяснение, каким образом ты смог узнать, — звенящим от злости голосом прорычал Касьян, и его бионическая рука ударила по столу.

Звякнула посуда, в бутылке с алкоголем всплеснулась жидкость.

— Мне озвучить это объяснение? — прожигая брата свирепым взглядом прошипел Касьян.

Ким несколько секунд смотрел на него, а затем фыркнул, пожал плечами и вышел из кухни. А когда он хлопнул дверью в прихожей, Касьян решил, что он ушел и из его жизни. Навсегда.

Никто не знал о том, что происходило там в подвале в первый день, когда его похитили! Никто... кроме тех, кто был там с ним.

И Касьян это понимал. И Ким тоже понимал, что иначе это не объяснить.

Касьян налил себе полный бокал бурбона, поднёс бокал к губам и вдруг в ярости швырнул об стену. Бокал лопнул от удара, серебрящиеся на свету осколки рассыпались по полу, а стену и стоящий рядом посудный шкаф забрызгал крепкий коньяк. Касьян выкрикнул ругательство в адрес Кима, затем ещё одно и ещё. Его сотрясала бессильная, неконтролируемая злость.

Если бы Ким был здесь, он бы... Он бы убил его! Убил бы за предательство и боль, которую он причинил! Касьян не мог пережить внезапно открывшуюся истину. Правда о брате жгла, резала и рвала изнутри, раздирая плоть окровавленными клыками.

За спиной раздались тихие шаги. Касьян порывисто обернулся.

И застыл в удивлении, с внезапным ужасом. Перед ним в замызганной грязной одежде с грязными, сальными волосами на плечах стоял Платон Плансон.

— Наконец-то! — глаза Плансона лихорадочно поблескивали. — Наконец-то!.. Как же я ждал! Как же... терпел! Он оскалился, сцепив зубы.

— Как же долго я представлял, как убиваю тебя! Гнойный ты червяк! Ну что? Как твоя статья?! Доволен, падаль?! Ты хоть знаешь... знаешь, дрянь, чего мне стоила твоя вонючая, с**ная статья!

Касьян инстинктивно поднял руки.

— Слушай!.. — проговорил он. — Тебя и так ищут... Не нужно ещё и...

— Заткнись! — вскричал Платон. — Мне по*** там не всех! Главное, я тебя порешу! Но прежде...

Он шумно с безумным блеском в глазах втянул носом пропахший бурбоном и ненавистью воздух.

— На колени! Ну! — Платон угрожающе встряхнул пистолетом. — Чего уставился! На колени, Каменев! И проси прощения! Живо!

— А то, что? — невесело, равнодушно усмехнулся Касьян. — Убьешь меня?

— Можешь не сомневаться.

— Тогда, зачем?..

Слева что-то хлопнуло, скрипнуло, и в Платона полетела чашка.

Она угодила ему прямо в лоб и разбилась, осколки рассекли его лицо. Плансон пошатнулся.

— Касьян, беги! — вскричал взявшийся ниоткуда Ким.

— Мразь! — прорычал Платон, держась за лицо.

Ким бросился к нему. Он собирался успеть выбить пистолет из руки Платона. Он хотел, он был почти рядом.

— Нет! — запоздало вскричал растерянный Касьян

Рывкнул выстрел, и следом ещё один. Ким словно споткнулся на ходу. Схватил ртом воздух, вытаращил глаза, быстро заморгал. Он почти достиг Платона. Ему оставалось чуть-чуть, только протянуть руку.

Ким повернул лицо к брату улыбнулся. Из его рта выползла струя крови и хлынула вниз на горло и одежду.

— Нет!!! — заорал в истерике Касьян и бросился к брату.

Тот осел, упал на колени, вздрогнул и завалился на пол.

— Чертов ублюдок! — выдавил Платон, держась за разбитую окровавленную голову, и выбежал из кухни.

Касьян упал на колени возле брата, взял его за голову и ласково приподнял в теплой и металлической ладонях. Ким грустно улыбнулся.

— П-прости... — кровь пузырилась на губах Кима. — Прости... меня... Я... был... редкой... сволочью... брат...

— Я знаю, но не смей умирать! Не смей! Не смей! — кричал Касьян, заливаясь слезами. С перекошенным от ужаса и горя лицом он взглянул на грудь брата. Пули оставили в груди Кима две развороченные раны и две рваные дыры в его пропитавшейся кровью рубашке.

— Я рад... что... ты жив... — прошептал окровавленными губами Ким.

— Да зачем ты вообще вернулся?! — вскричал Ким.

— Хотел...

— Что?! Что?! Ну! Не молчи, не молчи, не молчи... прошу...

— Поп... росить... прощения... Ты...

Он зашелся в кашле, кровь из ран и рта Кима брызгала руки, лицо и одежду Касьяна. А тот дрожал, сотрясался от ужаса и не знал, что делать. Как помочь... Куда бежать... Что делать...

— Ким держись! Держись, слышишь! Я сейчас...

— Стой... — попросил Ким слабым голосом. — Скажи... ты...

— Да я прощаю я тебя! — заорал взбешенный Касьян. — Не знаю, за что ты так со мной, но я... ты же мой брат!.. Я... Ким... не надо... пожалуйста... не надо... не умирай...

не надо...

— Прости... — прошелестел слабеющий голос Кима, и он затих с грустной улыбкой, глядя в потолок мимо Касьяна.

Каменев, держа на коленях голову брата, закрыл глаза и закричал. Дико, по-звериному. С болью, с бесконечной, невыносимой разрывающей в клочья душу демонической болью. А потом склонился над телом брата и зарыдал, прижимая к груди его голову.

— Господи, как ты жалок! — произнес со злобным отвращением чей-то знакомый голос. — Посмотри на себя! Рыдаешь у тела брата, пока его убийца безнаказанно убегает...

Касьян подхватился, лихорадочно оглянулся. В кухне никого кроме не него и тела Кима не было.

— К-кто здесь? — всхлипнув спросил Касьян. — К-кто...

— Я! — ответил яростный властный голос. — Я!

— Я... — шепнул Касьян.

— Я здесь, Касьян... — прорычал голос. — Подойди... Ближе! Ближе!!!

Касьян в совершенном смятении и растерянности медленным боязливым шагом подошел к зеркалу, из которого звучал переполненный убийственной злобой голос. И в отражении был он. Как всегда, весь в безупречном черном и белом. Как всегда, с черными, переливающимися, мерклыми бликами волосами, в черном длинном сюртуке с черными, залитыми выющейся тьмой глазами.

— Что... Кто... ты?... Как... — Касьян не понимал, что происходит.

Испуганный, перемазанный кровью он, дрожа, в ужасе глядел на зеркало. В глаза живой тьмы.

— Я же сказал, — плотоядно улыбнулся Монохромный человек, — тебе никуда и никогда от меня не убежать!

— Убирайся!... — всхлипнул Касьян. — Слышишь... ты... Тебя нет! Нет! Нет!

Касьян заткнул уши, зажмурил глаза и завизжал, мотая головой из стороны в сторону.

— Тебя нет! Ты не существуешь! Тебя не может быть! Ты...

— О, Касьян, я здесь, и я есть, — с елейным ядом проговорил голос в голове Касьяна. — Я здесь... и всегда был здесь, всегда существовал! Потому, что я... это ты!

Последние слова резко впились, врезались в сознание теряющего рассудок Каменева.

Каменев открыл глаза и застыв, содрогаясь всем телом уставился в зеркало. Наклонил голову вправо. Монохромный человек тоже наклонил голову. Касьян поднял левую руку и поперхнулся от ужаса, потому что у его отражения в черном сюртуке, была такая же черная, лоснящаяся бионическая рука. Его рука. У его отражения!

— Ты многого не помнишь, — издевательски улыбаясь проговорил Монохромный человек. — Потому что не хочешь помнить! Не хочешь помнить тех, кто причинил тебе боль и страдания! Тех, кто уничтожил твою семью и растоптал твои мечты! Ты очень хотел забыть ту ночь! И ты забыл всё! Даже своё имя!.. Ты решил забыть все и всех, даже себя, лишь бы только отказаться от мести! Потому что без меня ты был слабаком, Касьян!

Монохромный человек в зеркале оскалился зубами Касьяна и улыбнулся блестящими черными губами. Его губами. На его лице.

— Но хоть ты ничего не помнишь, мы с тобой уже с многими расправились... Мы многих извлекли из преступного мира цвета, в мир Баланса! В тишину, в мир тьмы, в мир белого пепла и черной ночи! В наш мир!.. Мир, в котором мы с тобой родились заново...

Касьяна качал головой. Он не хотел верить. Не хотел слушать.

Он не мог... Он не хотел... Но он... не мог не верить... Его затрясло в безумной, дикой лихорадке, он зарычал, брызжа слюной и вцепившись пальцами в мокрые от пота волосы.

Он вспомнил. Перед глазами буквально пронеслись страшные картины. Он вспомнил... Вспомнил как убивал Гудковых. Вспомнил, как с чувством ликования душил их... Вспомнил, с каким ощущением счастья убивал детей Вербиных! Вспомнил и то, что сделал с Марком Луниным на той свадьбе... Вспомнил... Он вспомнил и умер. На мгновение согнулся, упал и глухо зарычал. С Касьяном происходили какие-то метаморфозы, он менялся. Он стремительно изменялся и преображался.

Касьян затрясся в безумном, тихом смехе. А когда поднялся, глаза его были полны живой, хищной темноты, а тело... оно словно вытянулось, он как будто стал выше и сильнее.

Лихорадочно бормоча ненавистные имена себе под нос, он бросился в свою спальню. Здесь в тайнике в шкафу он нашел, что так было желанно ему. Черный сюртук с тусклыми дымчатыми узорами, черный лак, черный парик и всё то, что довершало облик Монохромного человека. Всё то, что давало ему силы мстить! Мстить за ту ночь, когда у него отняли семью, когда его предали и обрекли умирать! Касьян всё вспомнил. Он снова вспомнил, как убивал своих врагов. Как они мучились, как просили о пощаде, как умоляли его... И Касьян нашел это невероятно восхитительным! Он вспомнил всё, что собирался сделать.

Найти Шамова. Найти Платона. Найти всех тех остальных... Всех, кто был там. Не сначала... Отомстить за боль, унижения и руку тем, кто пленил его. Тем, кто посмел измываться над Касьяном Каменевым. И хотя он презирал этого мягкотелого слабака, он обязан был его защищать. И мстить. Он обязан мстить.

Монохромный человек оправил идеально сидящий черный сюртук на плечах, взглянул в зеркало. Его бледное, почти белое лицо с черными глазами расплылось в довольной, зловещей улыбке.

— Я всё сделаю, Касьян, — шепнул он в зеркало. — Я отомщу за нас и накажу их всех.

Он оглянулся на мертвое тело Кима.

— А он, в принципе, получил по заслугам... Но это ничего не меняет.

Монохромный человек покинул квартиру, спустился вниз и возле дома скрылся во тьме наползающей на город ночи.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 22 сентября

Стас в тишине стоял перед кроватью, на которой старательно изображал сон Лукьян Курбатов. Корнилов устало, с негодованием вздохнул, сел на соседнюю койку и развернул в руках папку с документами.

— Хватит притворяться, Лукьян, — неприязненно произнес Стас. — Я знаю, что ты не спишь. Открывай глаза, нужно поговорить.

Курбатов послушно медленно приподнял веки и посмотрел на Стаса. Тот перелистнул страницы в папке и посмотрел на Курбатова.

— Доброе утро.

— Какое же оно доброе, — проговорил Лукьян. — Когда первое, что ты видишь, открыв глаза, это рожа дотошного следака.

Стас понимающе осклабился.

— Я знаю, что моя компания тебе неприятна.

— Да ты что...

— Твоя мне тоже, — Стас снова перелистнул документы. — Поэтому предлагаю: Ты четко и без запинки отвечаешь на мои вопросы, и я уйду.

Не дожидаясь ответа Лукьяна, Стас вынул лист из папки и показал Курбатову.

— Начнем вот с этого.

Лукьян зло ухмыльнулся.

— Раскопал всё-таки... — он с досадой и злостью хмыкнул. — Надо же...

— Здесь говорится, что журнал «Философский проспект» два года, как обанкротился, — произнес Стас. — А здесь...

Он достал другой лист.

— Здесь перечислены займы, которые ты брал, чтобы погасить траты своего журнала и сохранить его на плаву. И тут весьма любопытные имена, Лукьян.

Стас прочистил горло.

— Ты только послушай. Олег и Ольга Гудковы, Ким Каменев, Тихон и Эдита Вербины... Ну и все из вашего «клуба» предпринимателей.

Последнее слово Стас произнес с презрительной насмешкой. Он взглянул на Курбатова.

— Ты взял деньги у всех. У всех своих подельников. У всех, кто был с тобой в ту ночь, когда вы сожгли пятьдесят четыре человека... Ты всем им был должен, Лукьян.

Курбатов лишь пренебрежительно хмыкнул.

— Я их не убивал, подполковник.

— Убивал, только не своими руками, — покачал головой Стас и едко усмехнулся. — Мы взяли Шамова. Он всё рассказал, Лукьян.

Курбатов с ненавистью скривился. При звуке фамилии Германа Шамова, ему явно тяжело стало контролировать эмоции.

— Вшивый докторишка, а! — прошипел он, глядя в потолок. Его руки на кровати сжались в кулаки. — Знал ведь, что он рано или поздно начнет болтать...

— Он очень желает тебе сдохнуть.

— О, так это взаимно! — пожал плечами Курбатов. — Я уже давно осознал, что ему пора отправиться в рай. Он своё дело сделал.

— Он создал для тебя ручного монстра, — кивнул Стас. — Чудовище в человеческом обличье. Личного и послушного серийного убийцу...

Лукьян тяжело судорожно с придыханием вздохнул.

— Я не собирался с ним ничего делать, — проговорил он вынужденно и с мучительной досадой. — Изначально... Я... Я просто любил эту с**у... Майю. Давно любил! Больше жизни, больше себя!.. А она... Она выбрала этого несчастного и немощного ублюдка!

Он с презрением фыркнул, покачал головой.

— В ту ночь... он каким-то образом сумел выбраться из сгорающего дома... Слабак, слюнтяй, а выжил!

Лукьян, кажется, ненавидел Касьяна уже только за то, что тот не сгорел в пожаре вместе со всеми честными и «слишком правильными» людьми.

— Но окончательно свихнулся от увиденного... — продолжил Лукьян не без удовольствия.

— Он видел, как заживо сгорают его самые близкие люди, — холодно проговорил Стас.

— Да, наверное, — издевательски улыбаясь, ответил Лукьян. — Но лично я был этому даже рад. Я упрятал его в психушку к Шамову, чтобы он перестал мешать мне... Чтобы Майя была моей. И она стала.

В голосе Курбатова прозвучало торжествующее бахвальство.

— Ты ведь знаешь, что она тебя не любит, — хмыкнув, снисходительно произнес Стас.

Лукьян взглянул в глаза Корнилова, и тот прочел в карих глазах Лукьяна ревушую, скалящуюся, сильную душевную боль. И злое, горестное разочарование.

— Я знаю, — самодовольно усмехнулся он, скрывая боль и горечь. — Но детей она родила от меня! От меня, Корнилов! Ты ведь проверял это, а?

— Проверял, — кивнул Стас. — А потом, после проблем с деньгами, ты решил воспользоваться разработками Шамова...

— Да, — поморщился Лукьян. — Я узнал, что этот чудила проводит тайные опыты с гипнозом... Он пытался изменять личности, как он мне объяснял. Он пытался у добрых и ранимых людей пробудить злость и ненависть, а у других, напротив... доброту, ласку и прочую хрень. Шамов искренне верил, что занимается величайшим делом.

Лукьян пренебрежительно и насмешливо хмыкнул.

— Тут я и подсунул ему Касьяна... Признаюсь, я не столько надеялся на успех Шамова, сколько желал страдания и мучений этому ничтожеству!

Глаза Лукьян увлажнились, в них нервными бликами подрагивала давняя, исконная, глубокая злость на Касьяна. Злость и черная, пропитанная завистью, уничтожающая ненависть. Стас был поражен этим взглядом Лукьяна.

— Я и не ожила, что он сумеет сделать из него монстра... да ещё какого!

Лукьян усмехнулся.

— Я когда первый раз увидел, что он вытворял в палате с подсунутыми ему Шамовым двумя мужиками... Подполковник, ты бы видел это зрелище! Касьян умертвил их обоих чуть ли не голыми руками. Они даже не сопротивлялись. А после... После он выкрасил их в черный и белый... Старательно так, аккуратно и даже бережно...

— Почему? — спросил Стас. — Почему эти два цвета?

Это вопрос, который мучил Стаса и который не давал ему покоя. Что значат эти два цвета для Монохромного человека? Для Касьяна? Что они символизируют.

— Я думал, ты уже догадался, — хихикнул Лукьян.

— Мне интересна твоя версия.

— Чёрный и белый — это... Пепел кострища, снег, ночь и сажа от пожара, — пожав плечами, ответил Лукьян. — Шамов сказал, что это крепко навязанный ассоциативный ряд обсессивного типа ... ну, или что-то в этом роде. Короче, глубокая травма в мозгах Касьяна на основе какого-то вида обсессивно-компульсивного расстройства...

Такого Корнилов не подозревал. Он не знал, что это расстройство психики может найти выход в таком виде.

— А потом ты решил натравить созданное из Каменева чудовище на своих кредиторов.

— А что мне оставалось? — пожал плечами Лукьян. — Их вложения мне не помогли. Даже половины расходов не покрыли, а они уже все начали сразу требовать свои деньги назад и с процентами! Твари... Как будто забыли, что всеми своими деньгами обязаны мне! Если бы не я... У них была кишка тонка, сжечь тех немощных тупиц с детскими принципами в головах!..

— Как ты управлял им? — Корнилову были неинтересны страдания и злость Курбатова.

— А, да... Шамов показал, как пробуждать в нем его вторую личность... — Лукьян усмехнулся. — Оставалось только сделать это и сказать, кого убрать. Здорово, да? Касьян убивал, вся кровь и убийства были на нём, а я... я стоял в стороне и мог больше не беспокоиться за свои деньги и за свой журнал.

Лукьян со злорадным ликованием, явно довольный собой, нагло усмехнулся в лицо Стасу.

Корнилов молча, с пренебрежительным снисхождением и даже долей сожаления глядел на него.

— А ты не боялся, что он убьёт и тебя?

— Нет, подполковник, — захихикал Лукьян. — Он бы не смог. Шамов закодировал его... Чтобы он не трогал меня и его. Касьян не сможет убить ни меня, ни Шамова.

— Зато это смогла Гудкова, — вздохнул Корнилов.

Лукьян перестал усмехаться.

— Что?! Но ты же сказал, что Шамов... всё... Всё рассказал...

Курбатов с усилием резко сел на кровати и с непониманием уставился на Стаса. В глазах его ширился страх и удивление.

До него очень быстро дошел смысл случившегося.

— Ах ты... — он опустил голову и бессильно оскалится. — Так ты мне наврал, подполковник...

— Пришлось, — пренебрежительно ответил Стас. — Но, думаю, ты не в обиде.

Он достал из карман телефон, остановил запись диктофона и, промотав назад, включил. В палате раздались слова Курбатова. Слова признания.

— Выздоровливай, — с иронией сказал ему Стас. — Силы тебе понадобятся.

— Да чтоб ты сдох! — вскричал в бешенстве Курбатов. — Чтоб ты сдох, подполковник! Гнида! Паскуда! Ур-род!..

Лукьян пришел в такое бешенство, что даже попытался бросить в Стаса коробкой из-под лекарств, что лежала рядом, на тумбочке. Он промахнулся и коробка, пролетев через всю палату, упала на соседнюю кровать.

Корнилов вышел из палаты под крики Курбатова и закрыл дверь.

К нему тут же подскочила пожилая доктор и отчитала Корнилова.

— Что вы с ним сделали! Вы же сказали, что просто поговорите!

— Я и поговорил, — отозвался Стас. — Просто.

Выйдя из здания больницы, Стас посмотрел на телефон, увидел пропущенные вызовы от Коли. Он набрал его.

— Стас, — Домбровский говорил оживленно и торопливо. — Похоже, твои подозрения подтвердились.

— Они исчезли?

— Не все, но... большинство. Уму непостижимо!.. За пару суток исчезли десять человек!.. Десять, Стас! И... и никто ничего...

— Десять, плюс Платон и пять охранников, что измывались над Гудковой... — вслух размышлял Стас. — Итого, шестнадцать.

Домбровский на той стороне замолчал, а затем через силу спросил:

— Он... Он собирается убить... шестнадцать человек?!

— Да, — с обманчивым спокойствием вздохнул Стас. — И мы не имеем представления, где именно.

— Стас, нужно перекрывать город и...

— Нет! — категорично и тяжело ответил Стас. — Перекроем город, и он убьет их. Без подготовки.

— Без подготовки? Но...

— Коля, ему важно соблюсти все мелочи, весь ритуал...

— Думаешь, для него так важно переокрасить тела и помещения вокруг? — Иначе его убийство не обретёт того смысла, который он хочет, — ответил Корнилов. — По поводу места... Это должно быть что-то большое, просторное...

— Как продовольственный склад, — с нервным смешком ответил Домбровский, намекая на прошлое дело.

— Нет, — поморщился Стас. — Это... Это должно быть нечто... нечто более изысканное и эстетичное, что-то отвечающее его представлениям о красоте... Он ведь хочет не просто умертвить своих обидчиков, он жаждет создать сцену, шедевр... вложить смысл.

— Как мы вообще могли его проморгать! — Не вы, Коль, а я, — невесело проговорил Стас. — Вы здесь не при чем.

— Стас да ты... — начал Коля.

— И из плена у Дементьевых его тоже освободили под моим руководством, — этого Стас до сих пор не мог вынести.

Он собственноручно спас того, кого должен был умертвить на месте, если по-хорошему. Хотя... Сейчас он понимал, что вина за убийства лежит, далеко, не только на Касьяне, и кровь не только на его руках.

— И как мы найдем место убийства, Стас? — взволновано спросил Коля. — Он ведь... он ведь сделает это в самое ближайшее время, да?

— Если уже не делает, — мрачно ответил Стас, сидя в салоне своего внедорожника.

— Стас... нам нужна Ника. Правда! Мы... мы сейчас без неё здесь не справимся!

Коля очень старался убедить Стаса привлечь Веронику, но одновременно опасался его гневной реакции. Они с Сеней знали, как Стас реагирует, когда из-за них Ника в очередной раз оказывается втянута в вязкую грязь кошмарных человеческих поступков. Но Стас не спорил с очевидным.

— Да, — тихо и безрадостно ответил он. — Я знаю...

— Стас, она согласится!

— Да я даже не сомневаюсь, — фыркнул Стас. — Не в этом дело...

— Стас, у нас обстоятельства! Шестнадцать человек могут погибнуть!

Корнилов положил трубку и завел двигатель.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 22 сентября

Стас был мрачен, угрюм и всю дорогу молчал, ничего толком мне не объяснив. Он просто приехал и забрал меня сразу после тренировки. Он только сказал, что это «срочно».

Я не задавала вопросов, отлично чувствуя настроение Корнилова. Он молчал, но его воспоминания кричали хором. Я всё увидела.

Гибель Шамова, догадки Стаса и сегодняшний разговор с Лукьяном. И от услышанного меня сковал немой шок.

Я увидела лицо Лукьяна. Я увидела и прочувствовала подтачивающую его, пожирающую

его душу оголтелую злобу. Сногсшибательная смесь агрессивных и ненавистных чувств к Касьяну Каменеву. Я узнала и то, что Касьян, судя по разговору Стаса и Лукьяна, и есть тот страшный убийца, тот монстр, чьи кошмарные деяния я видела в воспоминаниях жертв. Каменев и есть то чудовище, уничтожающее не только плоть, но и душу, и саму личность своих жертв!.. Это был Касьян Каменев. Это был известный на всю страну журналист.

От осознания этой внезапно открывшейся истины болезненное чувство с привкусом соли саднило в душе. Я вспоминала его жертв. Вербиных. Гудковых. Людей на черно-белом этаже. И это дело рук Касьяна...

Да, это был он. Теперь в моих воспоминаниях четко вырисовывался портрет Монохромного человека. И у него было лицо Каменева.

Когда мы подъехали к дому Касьяна, я опасливо выглянула в окно, посмотрела вверх. От многоэтажки на Таганском, где обитал Касьян Каменев, теперь как будто даже исходила угрожающая и угнетающая тяжелая аура. От дома веяло потаенной темнотой человеческой души. И ужасами, которые способны в ней родиться.

— Ника, — Стас взял меня за руку.

Я оглянулась на него.

— Если не хочешь, не ходи, — сказал Корнилов.

Господи, да конечно я не хочу! Не хочу... Не хочу сталкиваться с этим исконным, бесконечно черным и источающим ожесточенную ненависть злом! Конечно... не хочу...

— Я пойду, — тихо ответила я и вышла из машины.

На улице под серым небом шумел и шептал в листве сентябрьский ветер. Мелкий дождь моросил по лужам, шлепал мелкими капельками по мокрому асфальту. Я натянула на голову капюшон своей короткой черной куртки и двинулась к подъезду. Мы со Стасом вошли в дом, поднялись на лифте. Мы оба молчали. Говорить не хотелось ни мне, ни Стасу.

И вот мы на этаже Касьяна, подходим к его квартире.

Я чувствовала, как внутри собирается, скапливается клубок вибрирующего напряжения. В нем переплетались нити страха, опасений и подступающей, как обычно, паники.

Стас открыл ключом замки квартиры. Он толкнул входную дверь, и та медленно лениво открылась

Я судорожно вдохнула воздух, вздрогнула. Из квартиры вырвалась сокрушительная, мощная и громоздкая масса из скоплений яростных эмоций ненависти. Из квартиры Каменева тянуло пропахшим кровью свирепым и беспощадным злом. Первобытным, исконным, зарождающимся в самых темных уголках души и сердца беспросветно черным злом. Это зло давило, убивало и топтало всё светлое, робкое и нежное. Это зло как будто было живым.

Я пошатнулась на месте, у меня закружилась голова. Я никогда ещё не испытывала подобного влияния скопившихся злых эмоций и мыслей об убийстве.

— Ника? — Стас с беспокойством чуть приобнял меня. — Тебе нехорошо?

— Всё... в порядке, — солгала я, глядя внутрь квартиры Касьяна. — Только...

— Что?

— Там... в квартире...

Стас быстро бросил взгляд внутрь дома Касьяна, затем оглянулся на меня. Я подняла на него взгляд.

— Там... тело...

— Чьё? — спросил Стас.

Я вздохнула. Давление злых, черных чувств становилось сильнее, от него ломило в висках и сдавливало легкие.

— Там Ким Каменев... — дрожащим голосом прошептала я. — Мёртвый...

Стас кивнул.

— Постой здесь, я...

— Нет! — я удержала его за руку. — Дай мне войти первой!

— Ника это...

— Стас, пожалуйста! — горячо, с тревогой воскликнула я и крепче сжала его руку. — Я должна войти одна... Ты...

Я отвела взор.

— Ты можешь помешать... Прости.

— Ничего, — он хмыкнул. — Ты... Ника, если что...

— Я сразу выбегу, — пообещала я с фальшивой, вымученной улыбкой и шагнула внутрь.

Мне словно надели на плечи какую-то тяжелую шубу. Стало труднее дышать, двигаться и соображать. Участился пульс, сбилось дыхание и голова закружилась сильнее. Я была в его логове. В обители Монохромного человека.

Я прошла на кухню и встала в дверях.

Он был здесь — Ким Каменев. Брат Касьяна Каменева. Брат человекообразного чудовища... Он бездыханный лежал в засохшей луже собственной крови и его тело наполняло кухню отчетливым, и тошнотворным запахом гниения.

Я не выдержала. Бросилась в туалет, и едва успела открыть крышку унитаза, когда из меня вырвался весь мой недавний обед и, возможно, ещё и завтрак.

— Ника! — обеспокоенно крикнул Стас.

— Всё хорошо! — я вытерлась найденными на кухне бумажными полотенцами и одним из них зажала себе рот.

Воспоминания Касьяна навалились на меня многотонной ревущей массой. Там были убийства. Там было всё зло, что сотворил Монохромный человек. Там было более чем подробное убийство семьи Вербиных, Гудковых... Я видела, как Касьян с упоением убивал их. И ощущала, какое он испытывал злорадное наслаждение.

Меня пробрало дикое отвращение и омерзение. Воспоминания были четкими, ясными, крепкими и реалистичными.

Он и Ксения Гудковы на моих глазах под угрозой жизни Таисии Фёдоровой заставили Марка Лунина и других выпить стаканы со стрихнином. Я видела, как Ксения и Монохромный человек злорадно улыбались, глядя на мучения своих жертв и их предсмертные судороги.

Когда воспоминания Касьяна схлынули, я остановилась перед зеркалом на кухне. На его поверхности осталась жирная, черная пятерня.

Я прошла в спальню Касьяна и обнаружила открытый тайник в шкафу с одеждой. Тут я получила очередную «порцию» воспоминаний черно-белого убийцы. Я увидела вновь его кошмарные деяния, но на этот раз они дополнились кое-чем сверхважным.

Я стрелой, спотыкаясь об обувь с коридоре, вылетела из квартиры.

— Я знаю, где он убьет их! — закричала я. — Это рядом!! Здесь!!! Стас, быстрее!

Не дожидаясь Корнилова, я бросилась к лифту, но он был занят, и я припустила вниз по ступенькам. Корнилов, грохоча ботинками по лестнице, летел за мной.

Суббота, 22 сентября.

Это действительно было рядом. Это можно было увидеть из окна.

Роскошный, огромный и блистательный концертный холл «Пирамида». Две недели назад он закрылся на ремонт. И его двери были заблокированы со всех трёх входов.

Ника нервничала и рвалась вперёд. Она была на грани истерики.

— Быстрее, Стас... — всхлипывала она все время. — Пожалуйста... Он же... они же убьют их... Они уже убивают... Стас...

Корнилов понимал, что времени ждать Колю или Сеню у него нет.

Он велел Нике ждать в машине и позвонил всем: генералу Савельеву, затем Сене, он должен уже быть свободен. Домбровский же, на всякий случай, был занят охраной Курбатова и Майи с ее детьми.

Стас подошел к дверям концертного холла, перетянутым полосатыми предупредительными лентами. Попробовал заглянуть внутрь, но за непроницаемым зеркальным и толстым стеклом почти ничего не возможного было разглядеть.

Так как ключей у Стаса не было, равно как и времени, с замками он не церемонился. Достав свой верный револьвер, Стас просто выстрелил в замок, и тяжелая пуля 355 magnum просто снесла кусок двери вместе с замком. Немногочисленные прохожие рванули прочь со всех ног.

Стас вошел внутрь концертного холла. И в этот миг ему показалось, что он положил голову на плаху, под невидимый топор. Корнилов прекрасно осознавал, что впереди его ждет опаснейшая неизвестность и двое безжалостных, сумасшедших убийц, обладающих сверхестественными возможностями. И помощи в ближайшие полчаса ему точно ждать не стоит.

Внутри повсюду властвовал густой сумрак и очень тусклый, слабый электрический свет. Шикарные и высокие окна концертного дворца были плотно закрыты тяжелыми занавесами.

Корнилов прошел мимо пустых касс, заклеенных устаревшими афишами, поднялся по широкой лестнице. Здесь он достал револьвер, дослал в барабан ещё одну пулю. Чтобы их было шесть, а не пять. Чтобы быть уверенным, что у него есть шесть непрерывных мощных выстрелов, из которых одного попадания обычно хватает любому.

Стас открыл тяжелые двери, ведущие к самому концертному залу.

И перед ним во всей блистательной красе укрытый густым таинственным полумраком раскрылся потрясающий, невероятно огромный и грандиозный холл с сотнями изящных столиков, где обычно восседала блистающая взыскательная публика. А впереди, на футуристической сцене, где сосредоточился свет софитов, развернулся сюрреалистичный чёрно-белый театр.

На атласном чёрном «небе» застыли идеально белые искусственные облака и молочно-белый круг полной луны. Внизу же с черными квадратами окон белели декорации, изображающие многоэтажки и небоскребы.

Корнилов увидел их — Гудкову и Каменева. Нет, Гудкову и Монохромного человека. Потому что Касьяна Каменева здесь сейчас не было. Но не они привлекли внимание Стаса и заставили его на несколько мгновений потерять дар речи.

Их было шестнадцать. Шестнадцать подвешенных верх ногами связанных, беспомощных

тел. Стас отсюда с двух сотен метров видел, что их лица белы от краски, а волосы выкрашены в черный.

Жертвы уже были подготовлены. Их уже лишили цветов, и облачили в цвета пепла и ночи, снега и сажи.

Стас был уверен, что они его не заметили. Гудкова и Монохромный человек, казалось, были слишком заняты подготовкой к убийству.

Корнилов часто, свирепо дыша приближался к ним. Они оба стояли спиной к нему. А перед ними бессильно качались и глухо мычали шестнадцать перепуганных и беспомощных жертв.

Корнилов остановился, поднял пистолет, целясь в спину Монохромного человека, и затаил дыхание.

Но выстрелить он не успел. Стас вовремя заметил движение справа и едва увернулся от удара. Корнилов отскочил, развернулся.

Его атаковал мужчина в грязном, перемазанном глиной рабочем комбинезоне и с оранжевой каской на голове. Мужчина с обманчиво равнодушным и даже сонным видом агрессивно размахивал тяжелой кувалдой. Оружие для разбивания стен тяжело гудело, рассекая воздух.

Стас увидел других. Ещё семь человек в рабочих спецовках с молотками и пилами в руках двигались на него. Это, очевидно, были рабочие, которые делали тут ремонт. И сейчас они были загипнотизированы.

Стас обернулся и встретился взглядом с Ксенией Гудковой. Она стояла в черно-белом обтягивающем трико посреди сцены и победно усмехалась.

— Вы зря явились сюда, господин подполковник. Торжество баланса и равновесия неизбежно! И даже вы не в состоянии что-то сделать с этим.

Монохромный человек, её повелитель, за её спиной с помощью электрического подъемника поднимал вверх извивающихся на веревках людей.

Стас успел заметить, что к их шеям привязаны различные тяжелые предметы. Камни, техника, ведра с цементом и прочее. Как только тела поднимутся на достаточную высоту, вес груза начнет медленно ломать их шеи, разрывать позвонки и сухожилия. Монохромный человек приготовился убивать их долго. Он приготовил им мучительную, по-садистски жестокую гибель. И он хотел сполна этим насладиться.

Корнилов увернулся от нападения ещё одного загипнотизированного рабочего. Кровь стучала в ушах и шумела в голове. Он поспешно соображал. Стрелять в рабочих он не хотел. Но если не поторопиться, люди на веревках начнут умирать. Стас огляделся. Рабочие окружали его. Сжимали кольцо вокруг него. Он перехватил удар одного из них, выхватил у него молоток и огрел им же по колену. Тот с воем упал.

На Стаса бросился здоровый громила с пилой. Стас пригнулся. Зубчатое, хищное лезвие низко пропело над головой. Стас нанес два быстрых удара молотком по руке и ключице мужика с пилой. Кости хрустнули от ударов. Затем Корнилов ловко развернулся и выстрелил в белую, пластиковую луну на черном искусственном небе.

Раскатистое эхо выстрела пронеслось над столами концертного зала и стихло под высоким, темным сводом. Белая луна обреченно рухнула с разбитого пулей крепежа.

Монохромный человек взвыл от разочарования. Сцена была нарушена! Картина, которую он выстраивал, была испорчена!

Гудкова поспешно оглянулась на сцену. И закричала, вторя воплю Монохромного

человека. Она отвлеклась оставив своих «зомби» без внимания.

Стас с помощью молотка расправился в трех других. Он очень старался не наносить им тяжелые травмы. Работяги то были не при чем. Поэтому Стас просто ломал им конечности и суставы. Зверство, конечно, но это заживет.

— Тварь! — завизжала Гудкова и с развевающимися темными волосами прыгнула на него.

Откуда-то у нее в руке появился нож.

— Надо было тебя тогда вместе с Шамовым на хрен сбить тачкой! — заорала она с безумным взглядом.

Стас увернулся от удара ножом, лезвиеисполосовало воздух. Гудкова напала жесточенно, но бестолково. Корнилов толкнул её плечом и вмазал револьвером по голове. Ксения сдавленно охнула и обмякла среди столов.

Стас развернулся, готовый напасть на Монохромного человека... и замер. Он был близко. Он смотрел ему прямо в глаза, заглядывал в душу, касался самой сути личности в сознании Стаса.

Монохромный убийца стоял совсем рядом, возвышался над ним. Худой, высокий, с белым лицом и угольно-черными волосами. И из его темных бездонных глаз в душу Стаса смотрела безумная, ревушая тьма. Корнилов потерял возможность двигаться. Его ноги бессильно подкосились, он рухнул навзничь и провалился во мрак.

Он стоял среди ночи...

Корнилов растерянно огляделся. Он не понимал, где находится и что происходит. Вокруг вился ветер и зияла чернотой бесконечная ночь. Он был один среди бескрайней ночи. С неба тихо падал мерзлый снег. Холод жег и раздирал кожу, забирался в тело. Впереди он увидел обрыв скалы, и на его краю какую-то смутно знакомую фигуру.

Это была девочка возраста Ники. У нее были красивые, густые темно-рыжие волосы. Они плавно развевались на ветру. Одежда девочки тоже была знакомой.

— Алина? — прохрипел Стас ослабевающим голосом. — Алина?! Алина!!! Алина!! Он бросился к ней, но что-то удерживало его. Стас изо всех сил бежал к дочери, что понуро стояла на краю обрыва.

— Алина! Стой! — кричал Стас.

Страх за дочь вгрызлся в душу, отравлял кровь и душил сердце.

Стас бежал... и оставался на месте.

Алина медленно обернулась, её лицо было неожиданно бледным, белым... не живым.

— Прости папа... — с безысходной печалью проговорила девочка и, отвернувшись, в тишине решительно шагнула с края.

— Не-е-ет!!! — взбешенно заорал Стас задыхаясь от крика. — Алина!!! АЛИНА!!! Нет Нет! Нет!.. Боже...

Внезапно он оказался рядом, у самого края и, не веря своим глазам, в смятении и ужасе Стас смотрел на тело дочери лежащее на дне пропасти.

Стас упал на колени. Жизнь и дыхание почти оставили его. Осталось только желание ненавидеть себя. Ненавидеть до смерти.

— Посмотри, что ты натворил!

Корнилов резко оглянулся. Рита. Стоит в нескольких шагах от него и её лицо перекошено, искажено злым презрением.

— Посмотри, что ты сделал с нашей дочерью! Подонок! Как я только вышла за тебя! Ты

же ничтожество, Корнилов! Ты... Когда ты последний раз встречал её день рождения с нами? Это ты довёл её!

Рита затряслась в рыданиях.

— У всех нормальных детей в её классе есть отцы, которые рядом! Не только в выходные! Которые участвуют в жизни своих детей! Её одноклассники все время рассказывают, как здорово проводили время с папами!

Она ядовито усмехнулась со слезами на щеках.

— А где наш папа? А-а-а... — она со злой издевкой сплюнула. — Он снова занят! У него снова дела!... Ненавижу тебя, Корнилов! Ненавижу! Если ты мужчина, то достань свой револьвер и вышиби себе мозги! Ты не должен жить после того, что сделал с нашей дочерью...

Да, подумал Стас. Эта мысль оказалась настолько простой и очевидной, что его рука с револьвером сама начала подниматься к голове. Стас плакал. Его сотрясала злость на себя и душило жгучее горе за гибель Алины. Тяжкая боль горькой потери выкручивала сердце из груди. Её больше нет... Её больше нет... Он верил в это, он признавал это и свою вину... Да, Рита права. Он не должен жить. И не будет. Он не может. Стас приставил холодное дуло револьвера к виску и закрыл глаза.

— Стас! Стас! Стой... Слушай меня! Я здесь! Слышишь! Пожалуйста! Стой!..

Корнилов замешкал.

— Стреляй, Корнилов! — заорала в бешенстве Рита. — Стреляй! Будь мужиком! Ты должен сдохнуть за то, что сделал с Алиной! Ты...

— Не слушай её! Стас!

— Ника? — растерянно спросил Корнилов и открыл глаза.

Синеглаза Лазовская стояла рядом и взволнованно, со страхом глядела на него. От нее исходил странный, сияющий жемчужно-звездный свет. Она сама была светом. И свет Ники разгонял ночь и отгонял мрак.

— Стас он проник в твое сознание! — быстро заговорил Ника. — Слышишь! Этого всего нет! Нет! Твоя дочь жива! И Риты здесь нет! Они дома, в безопасности! Это иллюзия!..

— Ника, ты... Сзади!!! Ника!!! Осторожно!!

Лазовская обернулась. Он вырос над ней. Огромный, высокий в черном развевающемся сюртуке.

— Ах ты вездесущая беловолосая дрянь! — прорычал он с ненавистью и протянул к Нике руку.

Светловолосая девочка встала между ним и Стасом. Корнилов увидел, как Ника решительно вытянула вперёд руки, и с её маленьких дланей сорвался сияющий свет. Стас услышал крик. Он впервые слышал, как в панике и злости кричит истинное человеческое зло.

— Стас! — зазвучал в его голове голос Ники. — Стас!.. Возвращайся... Возвращайся, пожалуйста!.. Тебе нечего здесь делать! Вспомни, кто ждет тебя дома! Ты должен вернуться к ним! Уходи!!! Возвращайся!

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 22 сентября.

Стас ещё не успел прийти в себя. Он лежал без чувств. Я оставила его и подошла к Монохромному человеку.

Он смотрел на меня с непониманием и ужасом. Пятился назад.

Я была преисполнена волнения, сердце гремело и пламенело в груди, я слегка дрожала, глядя в наполненные мраком глаза.

— Касьян, — проговорила я. — Ты слышишь меня?

Монохромный человек захохотал утробным, злым хохотом и со злым восторгом широко улыбнулся.

— Касьяна здесь нет, синеглазая... Нет! Здесь только я! Я! Касьян умер...

— Нет, это неправда, — мягко и тихо возразила я.

Я не знала, откуда у меня взялось бесстрашие говорить с этим чудовищем. Стоять перед ним безоружной, одинокой и... быть одновременно спокойной, хоть и напуганной.

— Касьян здесь, — проговорила я и чуть улыбнулась. — Он... он просто заблудился. Как и любой другой человек, он просто заплутал в темноте смятения и пережитых ужасов. Слышишь меня, Касьян?! Я знаю, что ты слышишь...

— Его здесь нет! — снова свирепо рявкнул Монохромный человек.

Он ринулся на меня. Я на мгновение испугалась, а затем услышала воспоминания Касьяна. Настоящие, с любовью и трепетом хранимые глубоко под сердцем. Это был его крик из плена в сознании Монохромного человека.

Я обратилась к ним, дотронулась до его воспоминаний, и Монохромный человек пошатнулся, закричал, прижимая ладони к голове. Он бессильно скрючился возле меня и рычал от злости, плюясь слюной.

Я увидела воспоминания Касьяна и продолжала ласково касаться их, взывать к ним. И это причиняло Монохромному страдания. Это пугало его и стремительно уничтожало его. Потому что были самые теплые, нежные и горячие воспоминания Касьяна. Это были воспоминания о любви. О чистой, теплой, безграничной любви к одной сероглазой молодой девушке с песочными волосами. Майя-милашка. Так он называл её, вкладывая в это прозвище все свои чувства к ней.

Я увидела их первое свидание, их искренние и жаркие поцелуи, я увидела всю ту любовь, которой они наполняли друг друга и трепетную нежность, которую дарили один другому.

— Касьян, — позвала я. — Хватит... Ты же не такой... И ты знаешь это... Идём со мной... Пожалуйста! Тебя ждёт Майя!.. Она... она очень любит тебя...

— Это ложь! — вскричал Монохромный человек. — Ты лжешь! Майя предала нас! Бросила! Ушла к Курбатову!

— Да она оступилась, когда ты прогнал её! — воскликнула я. — Но она ненавидит Лукьяна за то, что он сделал с тобой! Он виноват, а не она! Да и в том пожаре, который случился... её вины нет. Как и тех, кого ты убивал... Это всё придумал и организовал один человек. Один единственный, которого ты не можешь тронуть, Касьян! Если ты останешься в этой темноте и позволишь ненависти поглотить тебя... Он останется с ней, а ты... ты исчезнешь!

— Ложь! Закрой рот синеглазая! Заткнись, заткнись светловолосая девчонка! Не смей!.. Перестань!..

Он рычал со злостью и ненавистью, но он терял силы, я чувствовала это. Монохромный человек терял свою власть над Касьяном. А Каменев, настоящий Каменев просыпался,

оживал.

Убийца упал у моих ног и застучал кулаками по полу, как капризный ребенок. Он уже не был таким страшным и ужасным.

Он выглядел жалким, презренным и... несчастным. Он менялся. Снова преображался. Он возвращался. Касьян возвращался из тьмы, что пожрала его и поглотила его душу.

— Касьян, — я присела возле Каменева и ласково коснулась его лица.

Он вскинул голову, посмотрел мне в глаза. И я с облегчением вдруг увидела там золото в карих глаз Касьяна. Мрака в них больше не было.

— Молодец, — прошептала я. — Вставай...

Что-то вдруг схватило меня за волосы. Дернуло назад, кожу головы ободрала боль. Я вскрикнула.

— Стой! Нет! — закричал Касьян. — Оставь её! Он попытался защитить меня.

Но Гудкова в ярости широким ударом полоснула его ножом по лицу. Касьян упал, закрыв лицо ладонями и воя от боли. Он завалился набок, отчаянно суча ногами.

Гудкова повернулась ко мне. Занесла нож для удара.

— Маленькая синеглазая и белобрысая дрянь! — прошипела она. — Как ты посмела!!! Как ты посмела напасть на него... Ты... Ты... Ты мнезаплатишь своей кровью!

Я скованная ужасом, не смогла ей ничего противопоставить. Я не могла сопротивляться ей. Борьба с Монохромным человеком и спасение Стаса поглотили мои силы. Я чувствовала только слабость и стучащую в груди панику.

Гудкова замахнулась ножом и вдруг ударил резкий выстрел. Затем очень быстро другой. И за ним третий и четвертый. Тело Гудковой несколько раз вздрогнуло, и она рухнула почти навзничь. Она умерла тихо, неподвижно лежа на полу, и с удивлением глядя вверх, в темноту под высоким потолком концертного зала.

Рядом с ней, стоя на коленях, зажимая рассеченное лицо окровавленными ладонями выл от боли Каменев в смятом черном сюртуке.

Я, шумно глотая воздух, ошарашенная оглянулась ожидая увидеть Стаса, но это был какой-то угрюмый мужик с пышными усами и квадратным подбородком. Я его сразу же узнала. Он не слишком изменился с того дня, как близнецы Датские убили своего тирана-отца.

Это был Родион Датский. Майор Родион Датский, который только, что спас мне жизнь. Нет, всем нам. Родион Датский, непримиримый враг Стаса спас нам троим жизнь. Потому что Стас все еще был без сознания, меня бы Гудкова уже прирезала, а Касьян вообще не в том состоянии, чтобы кому-то оказывать сопротивление. Тем более умелому гипнотизеру.

Приехавшие на помощь полицейские под командованием майора Датского освободили несчастных жертв Монохромного человека. Точнее тех, кто чуть было не стал его жертвами. Среди них были те пятеро охранников-насильников из больницы, порочные и богатые женщины из статьи Касьяна и Платон Плансон.

Прозвучит слишком просто и формально, но... все они остались живы. И Касьян тоже. Его и всех остальных приняли врачи приехавших машин скорой помощи.

Мы со Стасом тоже сидели в одной из таких и пили теплый, крепкий чай. Мы молчали и оба устало улыбались. Мы не могли поверить, что черно-белому ужасу, подчинявшему город пришел конец.

К нам подошел майор Датский.

— Ну, как ты?

— Нормально, — недружелюбно отозвался Стас.

Его до сих пор коробило от мысли, что он теперь фактически обязан Датскому жизнью. И не только он.

— Я не у тебя спрашивал, — буркнул Родион Датский и посмотрел на меня. — Как ты себя чувствуешь?

Я удивленно вскинула брови, растерянно посмотрела на Стаса. Тот лишь пожал плечами. Я чуть улыбнулась Родиону и ответила.

— Спасибо... намного лучше, чем могло бы быть, не появись вы вовремя.

— Кстати об этом, — кивнул Датский и покосился на Стаса. — Я забираю Каменева.

Стас одарил Датского долгим пристальным взглядом. Несколько мгновений между этими двумя шла борьба взглядов. Затем Корнилов, явно сделав над собой усилие проговорил:

— Конечно. Он твой. Лично я вообще не хочу его видеть.

— Вот и отлично, — кивнул Датский и собрался уйти.

— Подождите! — воскликнула я.

— Ну, что ещё? — раздраженно спросил Родион.

— Его жена.

— Чья жена?

— Касьяна Каменева.

— А что с ней?

— Ничего. Я... — я вздохнула, нервно сглотнула. — Позвольте ему увидеться с ней.

Я пожалала плечами и жалобно добавила.

— Пожалуйста.

Родион усмехнулся, глядя на меня

— Ну ты даёшь кроха. Ты что же жалеешь его?

— Тебе что, трудно дать человеку с женой увидеться? — спросил его Стас.

Датский покосился на него, хмыкнул и покачал головой.

— Если она захочет... Я организую. Всё...

— Родион, — пророкотал Стас.

— Да?

Я ожидала, что Стас поблагодарит Родиона, но Корнилов с ледяной сдержанностью спросил:

— Как ты узнал, где мы?

— Я бы мог соврать, — хмыкнул в ответ Датский, — но не буду, потому что ты всё равно узнаешь.

— Я и так знаю, — пророкотал Стас.

Я с опаской посмотрела на Корнилова. Я очень хорошо чувствовала его настроение. И он не испытывал к Родиону Датскому никакого чувства благодарности. Совсем напротив. Стас тихо, контролируя мысли и эмоции, негодовал.

— Ну, удиви меня, — рассмеялся с Датский, хотя в его глазах не было и намека на смех.

— В моей машине маячок?

— Да, — выдержав паузу, ответил Датский.

На лице Стаса едва заметно дрогнула левая скуловая мышца.

— Давно?

— Нет, — усмехнулся Родион. — С того момента, как ты проучил моего племянника, и мне пообещали Монохромного человека.

Датский вдруг посмотрел на меня и чуть наклонил голову вниз.

— Я хотел попросить прощение за недостойное поведение своего племянника. Когда он выздоровеет, — Датский многозначительно взглянул на Стаса, — я проведу с ним воспитательную беседу.

Так. Кажется, я что-то пропустила. О чем он вообще? Я непонимающе посмотрела на Стаса, но тот ничего не ответил.

Родион повернулся, чтобы уйти, но Корнилов окликнул его.

— Датский!

Тот замер, не оборачиваясь повернул голову набок.

— Ну что ещё?

Пауза. Стасу явно пришлось сделать колоссальное усилие над собой.

— Спасибо, — прогудел Корнилов.

Датский явно удивленный обернулся и внезапно расплылся в довольной улыбке.

— Не за что, Корнилов. Бывай.

— Бывай, — уронил в ответ Стас.

— До свидания! — попрощалась я с Родионом.

ЭПИЛОГ

Когда концертный зал «Пирамида» опустел, и там никого не осталось, кроме нескольких полицейских и трёх судмедэкспертов,

в тусклых зеркалах, что стояли слева от столов, что-то зашевелилось. Что-то темное, похожее на густое извивающееся облако или жидкую бесформенную массу.

Внезапно раздался приглушенный звук, напоминающий рёв животного и звонкий хруст ломающегося стекла. Работающие в зале судмедэксперты вздрогнули, обернулись.

— Что это было? — с опаской спросил один из них.

— Понятия не имею, — почему-то шепотом проговорил другой.

А третий медленно подошел к зеркалам и застыл, пораженный увиденным.

Все двенадцать зеркал были испещрены трещинами, и отражения множились в осколках. Судмедэксперт подумал, что зеркала выглядят так, словно кто-то или что-то пыталось вырваться оттуда.

— Ну что там? — крикнули ему его коллеги.

— Да... просто битые зеркала, — отозвался судмедэксперт и вернулся к друзьям. — Давайте заканчивать здесь.

Они продолжили свою работу, не замечая черных теней, что вращались в осколках битых зеркал и бессильно меркли, таяли, исчезали.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 24 сентября.

Генерал Савельев был шокирован. По-другому нельзя было выразиться. Он только, что прочитал медицинский отчет о состоянии Касьяна Каменева. Дочитав документ, генерал снял очки и раздраженно фыркнул.

— Рекомендуют принудительно лечение... Твою же мать, а. Этому больному уроду.

Стас прокашлялся.

— Ну, если уж на то пошло, товарищ генерал, то Касьян не очень то и виноват.

Генерал уставился на Стаса, как будто тот внезапно сообщил, что переводится в пожарные.

— И ты туда же?! Стас! Он же убийца! Больной, конченный извращенец! Вспомни, что он сделал!..

— Это был не совсем он, товарищ генерал, — сдержанно и упрямо ответил Стас.

— А кто? Монохромный человек? — скептически спросил генерал. — Ты серьезно разделяешь Касьяна и Монохромного человека?

Корнилов вздохнул, откинулся на кресле и пожал плечами.

— Монохромный человек... Это искусственно возвращённая в сознании Касьяна темная и злая ипостась.

— И кто её там взрастил? Шамов?

— Он самый. И Касьян был такой не один. Просто... Его кровожадная ипостась оказалась сильнее нормальной личности Касьяна.

Генерал недовольно поджал губы, ещё раз просмотрел медицинский отчет.

— И что... Что сейчас с этой... темной ипостасью? Она может вернуться?

Стас не ответил.

— Корнилов...

— Я не знаю, товарищ генерал. Всё может быть.

— Чертовщина какая-то... — раздраженно ответил генерал. — Доктора вон пишут, что перевоплощение вызывало у Касьяна Каменева генетические и биологические изменения! В частности, изменение роста и гормона гипофиза, обмен веществ, цвет белка и радужки, растяжение позвонков и сухожилий... Бред какой-то! Такое вообще бывает?!

Стас неопределенно качнул головой.

— Как оказалось, мы многого не знаем о возможностях и способностях человеческого сознания.

— Да-а, это точно... Слушай, а когда ты начал догадываться, что это Касьян?

— Я не догадывался, — ответил Стас. — Я почти наверняка узнал это, но слишком поздно, когда поговорил с рыдающей Майей.

— Ещё до гибели Шамова? Стас кивнул.

— А-а...

— Я не был до конца уверен, — вздохнул Стас. — Поэтому мне нужен был ещё разговор с Курбатовым. А о том, что Шамов, возможно, не убийца, а тот, кого мы ищем, кто-то из его пациентов, я начал догадываться после просмотров видео из его кабинета. Я просто подумал, что если Шамов может делать такое с человеческим сознанием и так быстро изменять личность... Зачем ему убивать самому?

— А когда ты понял, что виноват Курбатов?

— Окончательно только после того, как узнал про его долги и про то, кто именно ему одолжил крупные суммы.

— Вот уж хитрый подонок, а, — качнул головой генерал. — Ведь по сути, это всё его рук дело... Копали, копали... А оказалось, как всегда, всё дело в человеческой жадности и чёртовых бабках!..

— Курбатовым скорее двигала не жадность, а страх потерять журнал, — рассудительно

заметил Стас. — Именно ужас перед крахом и потерей своего детища послужило основным толчком, чтобы решиться использовать Касьяна. Точнее... его альтер-эго, старательно выпестованное Германом Шамовым.

Генерал кивнул.

— Ясно... ну, Курбатова то мы точно засадим, и не абы куда, а в «Чёрный дельфин».

Стас удовлетворенно кивнул. Он считал, что такому, как Лукьян, там самое место. Ему и остальным, кто участвовал в поджоге. Пощадить стоит только Майю. Она, пожалуй, была одна из немногих, кто не хотел убивать ни тех людей, ни Касьяна. И тем более, она искренне ненавидит Курбатова и до сих любит Касьяна. Как это ни странно.

— Кстати, — усмехнулся генерал. — Ты новость-то слышал?

— Про Родиона Датского? — кивнул Стас. — Да.

— Ему полковника дали... — едко заметил генерал. — И, насколько я знаю, в Следственный комитет позвали.

Стас усмехнулся.

— Рад за него.

— Сомневаюсь, — ухмыльнулся Аспирин. — Хотя... Он, правда, спас тебе жизнь.

Стас нехотя кивнул. Эта тема была ему неприятна.

— И мне, и Нике, и... Касьяну.

Корнилов подумал, что Ника, вообще-то, тоже спасла, причем лично его Стаса жизнь. И вот этого он точно не забудет. Сколько раз он ещё будет обязан синеглазой девочке со необъяснимыми способностями?

— Кто бы мог подумать, а... — протянул генерал. — Видать, не такой уж он и засранец, а?

— Возможно.

Генерал вздохнул.

— А как там... наша фигуристочка?

Стас суховато кивнул.

— Готовится к Чемпионату по фигурному катанию.

— Умница. Ты береги её, Стас. Она нам ещё очень понадобится, и не раз.

Корнилов внимательно взглянул в глаза Антону Спиридоновичу. Тот в ответ пристально, с намеком глядел на Стаса.

— Я учту, — с нажимом ответил Стас.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 29 сентября

Мирон стоял в очереди на кассу и гадал, на какой фильм нам пойти.

— Может триллер вон тот? — спросил он меня, указывая на одну из ярких афиш. — Или во, на «Аквамена»? Что думаешь? О, Ника, а, может, сходим на «Миссия невыполнима»? Или на вон тот боевичок...

— Мирон, — жалобно и устало пролепетала я. — А, может, сходим на «Смолфута»?

Парень с удивлением обернулся на меня.

— На мультик?

— Ну... да.

— Серьёзно?!

— Да, а что... такого? — я отвела взгляд и пожала плечами. — Мне нравятся мультики... Они получше большинства тех фильмов, что сегодня вываливаются на экраны.

— Хм, — Мирон задумчиво дернул плечами, — ну, ладно...

— Спасибо! — радостно просияла я.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net